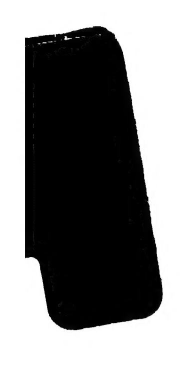

VE
RI
TAS

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
1871
11
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 11-я.
НОЯБРЬ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1871.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ШЕСТОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ VI.

„VESTNIK
EVROPY"

6

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ТОМЪ VI.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУШИНСКАГО.
С. ПЕТЕРБУРГЪ

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ*).

I.

Былъ конецъ октября. Осень стояла теплая, хорошая, но городъ N. ужъ началъ наполняться; общество, разъѣзжавшееся на лѣто, возвращалось изъ деревень, собираясь веселиться. Война все разгоралась, бѣды все росли; повидимому, веселье не могло бы идти на умъ, но выходило напротивъ. Всѣхъ охватило головокруженіе, что-то безумное, ужасающее; сбирались вмѣстѣ, будто прижимаясь другъ къ другу, но собравшись, по обыкновенію, не знали, что дѣлать вмѣстѣ. Тревога забывалась, проявясь въ томъ же, въ чемъ прежде проявлялось равнодушіе: въ удовольствіяхъ, въ тратѣ денегъ. Если и томила тоска, то выражать ее было и неловко, и неудобно, и не въ модѣ; а чтобы ни говорили о силѣ чувствъ, зрѣющихъ въ тишинѣ — у большинства людей зрѣютъ и выработываются только тѣ чувства, которыя выражаются громко. Отъ того, что только сбивчиво томитъ и пугливо волнуетъ, всего натуральнѣе — искать забвенія. Люди веселились съ испуга. Трудно иначе объяснить вдругъ усилившуюся роскошь, страшную картежную игру и то множество праздниковъ, которые наполнили эту осень и слѣдующую зиму, отъ столицъ до мелкихъ провинціальныхъ городовъ.

*) См. выше: іюнь, 742 стр.

Веселый городъ N., забывавшій грозу, которая разрѣшалась съ небольшимъ за тысячу верстъ на краю его отечества, дышалъ и упивался своею внутренней маленькой непогодой; она чувствовалась въ воздухѣ и влекла полюбоваться вблизи. И въ неподвижности живетъ желаніе сильныхъ ощущеній. У этихъ людей не было ни силы, ни охоты броситься въ ту, роковую и кровавую схватку, но, — какъ пошло они отшучивались, — «время воинственное»: — они съѣзжались въ N. посмотрѣть на губернатора подъ слѣдствіемъ. Противъ Волкарева не имѣли особенно сильной злобы, но онъ рисковалъ попасться, и это было для нѣкоторыхъ пріятно, для многихъ забавно, для всѣхъ интересно. Интересно посмотрѣть, какъ онъ держится. Не зная, чѣмъ можетъ кончиться слѣдствіе, не желая разстроивать общественныхъ удовольствій, которыя въ губерніяхъ, какъ извѣстно, поддерживаются добрыми отношеніями съ властью, — всѣ, пріѣзжіе, а N-скіе жители тѣмъ болѣе, продолжали выражать губернатору свое почтеніе и преданность даже едва ли не жарче, чѣмъ когда-нибудь. Волкаревъ казался этимъ искренно тронутъ, по прежнему произносилъ патріотическія рѣчи за ужиномъ въ клубѣ, по прежнему любезничалъ съ хорошенькими женщинами, и давалъ обѣды.

— По-просту, по-провинціальному, по-деревенски, мой милый, говорилъ онъ Верховскому, обходя съ нимъ карточные столы, являвшіеся тотчасъ послѣ обѣда: — закончимъ день какъ начали, вмѣстѣ....

Верховской еще болѣе интересовалъ пріѣзжихъ; о немъ много и давно говорили, его старались увидѣть и увидѣли скоро, потому что онъ возобновилъ свое обыкновеніе бывать почти всякій вечеръ въ клубѣ, иногда поздно, иногда не на-долго. Не играя въ карты, держась въ сторонѣ, онъ производилъ впечатлѣніе. Женщины говорили, что онъ разочарованъ; мужчины слегка сторонились отъ него, но не долго; онъ самъ день ото дня все больше сближался съ обществомъ и, знакомый со всѣми въ городѣ, перезнакомился и съ пріѣзжими. Это отнимало много времени, но дѣла, справки, донесенія, «отношенія, затребованія, разсмотрѣнія», — все это такъ утомляло, что часто хотѣлось бѣжать отъ нихъ куда-нибудь и слушать вздоръ, — именно, вздоръ, — чтобы дать отдохнуть головѣ. Во вздорѣ, впрочемъ, безъ излишней требовательности, встрѣчалось не рѣдко и пріятное. Провинціальная жизнь была такая бодрая, гостепріимная, нараспашку; не все изящно, но что же дѣлать, — приходилось брать, что̀ есть. Знакомства какъ будто стѣсняли, обязывали, но это

ощущеніе скоро прошло: встрѣчалось слишкомъ много забавнаго, становилось въ самомъ дѣлѣ веселѣе....

Верховской сказалъ себѣ, что изучаетъ провинцію.

Онъ подумалъ это сначала въ шутку. Бываютъ шутки втягивающія. Случается, что такая шутка забредетъ въ голову въ минуту ѣдкой печали, недовольства окружающимъ, и, насмѣшивъ на минуту, вдругъ какъ-то освѣтитъ положеніе; въ немъ мелькнетъ что-то, до сихъ поръ будто еще незамѣченное. Это *что-то* — обманъ, не предметы, а бѣгущія, кривыя, ломаныя тѣни предметовъ; но для человѣка утомленнаго однообразіемъ — это находка: онъ принимается вглядываться, — какъ вглядывается, мечтая, въ формы облаковъ, какъ, въ лихорадкѣ, создаетъ себѣ картины изъ патенъ на стѣнѣ. Но мечтанія и лихорадка проходятъ скорѣе, чѣмъ пустая мысль, которой человѣкъ, отъ нечего дѣлать, придаетъ важности. Верховской размышлялъ, что судьба не напрасно занесла его сюда; что въ столицѣ отъ него ускользали многія черты общественной жизни, многіе типы, многія понятія, что, вотъ, теперь досугъ узнать ихъ. Размышленіе началось съ шутки, а затѣмъ и предметы наблюденія повернулись своей мелочной, забавной стороною: сплетни, «исторіи», анекдоты.... Въ самомъ дѣлѣ, провинція—потѣха, и всякій день новая, для новаго человѣка. Верховской входилъ во вкусъ, привыкалъ. Ему придавали вѣсъ, окружали нѣкоторымъ почетомъ; это показалось сначала смѣшно, а потомъ.... Почему-жъ не принимать того, что намъ даютъ и чего мы стбимъ въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь эти люди.... не забавляясь ими, съ ними жить нельзя. «Долгъ, трудъ»,—все это идеальничанье и фразы. Жизнь вблизи —болѣе или менѣе неостроумная комедія, вся на изворотахъ и обманѣ; это свалка за выгоду, гдѣ одолѣваетъ тотъ, кто сильнѣе, гдѣ неправыхъ не переловишь и не перебьешь, гдѣ всѣхъ глупѣе тотъ, кто вообразитъ себя помазаннымъ свыше на защиту угнетенныхъ,—ужъ не говоря о томъ, что самъ-то онъ можетъ сто разъ ошибиться и признать праваго виноватымъ.... Ошибаться свойственно человѣку!

Люди, которые съ перваго раза показались не по душѣ, связывались житейскими и дѣловыми отношеніями и привѣтливо искали сблизиться. Уклоняться отъ нихъ было бы неловко, грубо, Верховской еще подумалъ, что это заискиванье — разсчитано, но тутъ же посовѣстился такого подозрѣнія.... Онъ былъ не въ духѣ, когда оно пришло ему на умъ, и кстати подумалъ, съ досады, что это подозрѣніе у него не собственное, а внушенное.

— Если такъ подозрѣвать, то куда же дѣнутся всѣ восторженныя исповѣданія вѣры въ людей, различныя желанія общаго

блага, стремленія, труда за одно, и прочее, и прочее? Простираемъ объятія всему міру,—не мѣшало бы опредѣлить, съ кого они должны начинаться....

Господа, стремившіеся въ его объятья, понимали его сразу, обманывали понемногу и, для полноты своего успѣха, громче другихъ говорили о серьезности блестящаго слѣдователя. Верховской самъ въ нее вѣрилъ, въ тоже время совершенно отрицая серьезность дѣла, которымъ занимался. Онъ такъ мало думалъ о немъ, что, несмотря на полтора мѣсяца работы, не подвинулъ его нисколько и еще сколько возможно затемнилъ и запуталъ, — конечно, самъ того не желая. Онъ принимался за него отрывками, капризно, «по вдохновенію», и, отъ нечего говорить, — говорилъ о немъ иногда съ посторонними, — правда, отвлеченными фразами, отъ неопредѣленности того, что думалъ и отъ опасенія сплетень. Но неясныя, отвлеченныя фразы принимались къ свѣдѣнію тѣми, кто могъ извлечь изъ нихъ свою выгоду. Верховской высказалъ однажды, что подробности, незначительныя съ вида, могутъ иногда, болѣе крупныхъ, бросить свѣта на дѣло, что онъ дорожитъ ими, потому что не идетъ избитой дорогой, а руководится нравственнымъ убѣжденіемъ, которое важнѣе уликъ. Это было очень ново и сначала озадачило, но провинціальные дѣловые люди сообразились скоро. Верховской желалъ подробностей,—подробности множились безъ конца, разсказывались догадки, случаи, разговоры, — была бы охота слушать. Верховской основывался на нравственномъ убѣжденіи,— убѣдиться въ чемъ-нибудь можно было только посредствомъ дознанія и переписки. Верховской, конечно, не поѣхалъ самъ дѣлать никакихъ дознаній, а переписка по дѣлу о наслѣдствѣ Мауровыхъ доросла до неслыханныхъ размѣровъ. Онъ сказалъ, что не любитъ поспѣшности; — всѣ опаздывали, и такъ ловко, что еслибы онъ вздумалъ поторопить, имѣли бы право возразить, что медлятъ въ угоду ему.... Онъ замѣчалъ, что тутъ какой-то обманъ и терялся, не зная, кого спросить; замѣчалъ, что поднималъ путаницу и, злясь на себя, съ размаху путалъ еще больше. Увидя ошибку, онъ вдругъ сдерживался, присматривался — видѣли ли другіе, что онъ надѣлалъ,—смѣялся втихомолку, злился снова, ждалъ спокойной минуты, чтобы поправить дѣло, и когда приходила такая минута, говорилъ себѣ, что надо отдохнуть. Спохватываясь, что все это происходитъ на глазахъ у постороннихъ, что это и глупо, и неосторожно, онъ успокоивалъ себя презрѣніемъ къ этимъ постороннимъ и отговоркой, что все это «еще успѣется»....

Онъ не торопился. Ему было нужно время.... На что—онъ

не могъ сказать положительно, но онъ ждалъ чего-то, ждалъ день за днемъ, то нетерпѣливо, вспышками, порывами, то спокойно, почти холодно; ждалъ счастья.... Однимъ томленіемъ и ожиданіемъ жить невозможно. Недовольный собою, не сознаваясь себѣ въ этомъ и не желая сознаваться, онъ хотѣлъ развлеченія. Онъ называлъ это бѣдное желаніе—юношеской жаждой жизни, жаждой забвенія, прерывалъ свои размышленія смѣхомъ, а свои занятія — визитами, и бросался развлекаться всѣмъ, что могъ доставить ему городъ N.

Онъ терялъ день; подъ вечеръ ему становилось какъ-то стыдно и скучно, старой скукой прежнихъ годовъ, забытой въ послѣдніе мѣсяцы, начинавшей опять подниматься. По неотвязной привычкѣ, Верховской все еще иногда оглядывался на то, что дѣлалъ и чувствовалъ; это ни къ чему не вело, озлобляло, лишало послѣдней бодрости. Случалось вдругъ, порывно, когда мучительная оглядка приходила ему среди общества, онъ оставлялъ общество, прерывалъ начатой разговоръ, то подъ пустымъ предлогомъ, то вовсе безъ предлога, бѣжалъ домой, хватался за дѣла, будто ища въ нихъ спасенія, бросалъ черезъ полчаса, распахивалъ окно на осенній холодъ и смотрѣлъ.... Въ головѣ у него смутно, пестро мелькало все видѣнное въ теченіи дня, припоминалось, что прежде онъ искалъ смысла въ жизни этого общества, не находилъ, негодовалъ, а внутренній голосъ подсказывалъ, что смыслъ — въ обратной сторонѣ этого вздора, смыслъ глубокій, страшный до безнадежности.... Тогда раздавался еще другой голосъ; онъ призывалъ и приказывалъ смотрѣть въ глубину, не отвращаясь и не робѣя, разбирать не отступая, негодовать, но надѣяться, прощать невѣдущимъ, не забавляясь... Другой голосъ!...

Верховской усталъ его слушать. Онъ еще не назвалъ сознательно, по имени, эту усталость, но онъ ее испытывалъ. Онъ клялъ идеалы, — этотъ холодъ, эту помѣху. Недаромъ щемило сердце въ рѣшительную минуту — оставаться или неоставаться здѣсь: ничего недобился — и уходитъ послѣднее!

Онъ бывалъ у Катерины, проводилъ вечера, но ужъ не попрежнему. Тамъ стало принужденно, скучно; не слышно больше ея смѣха, ея пѣсенъ. Она разговорчива, но раздражена, споритъ жарче прежняго, рѣзка.... несправедлива. Она требуетъ больше, чѣмъ можетъ взять на себя человѣкъ. Прежде это вознаграждалось.... Верховской не умѣлъ опредѣлить чѣмъ. Она никогда не говорила о себѣ. Верховской, не разбирая почему, старался не замѣчать этого. Если бы онъ себя провѣрилъ, то долженъ былъ бы сознаться, что разсказы Катерины о ея собственномъ

положеніи могли не встревожить его, а раздосадовать: во-первыхъ, они отняли бы время, а потомъ.... Потомъ они потребовали бы сочувствія. Верховской нетерпѣливо говорилъ себѣ, что есть нелѣпыя несчастья. Но то, что было несчастьемъ для Катерины, казалось Верховскому даже не несчастьемъ, а обыкновеннымъ житейскимъ дѣломъ: отъ вѣка рѣшено, что ладной семьи не бываетъ.

— Милая, будь только сама собою. Право, тебя достанетъ! сказалъ онъ ей страстно.

— Ты въ меня крѣпко вѣришь, сказала она.

Онъ не думалъ такъ высоко. Онъ скучалъ, утомлялся, ему просто хотѣлось покоя и веселья. Онъ втягивался въ житейскую мелочь, мысль его тяготила; взглядъ пошире его безпокоилъ, пошлость входила въ его плоть и кровь. Это шло быстро. Въ жизни день за день, гдѣ усыпляющее довольство чередовалось съ мимолетными поверхностными волненіями, сильная страсть могла бы разбудить, образумить, спасти.... Для Верховскаго она стала толчкомъ, который каждый день сбрасывалъ его все ниже.

Онъ спрашивалъ себя, за что онъ такъ безумно *ее* любитъ, какъ онъ могъ *ее* полюбить?... Онъ смотрѣлъ въ темноту; въ ней вставали образы прошлаго. Все, что въ дѣтствѣ, въ ранней молодости узналъ онъ лучшаго и святого — влекло только къ та́кой любви; въ ней повторилась, воплотилась его мать, кротость, радость, совершенство. Только передъ этимъ образомъ могъ онъ преклониться: въ немъ вполнѣ отразился далекій идеалъ вѣчной правды.... Онъ подступилъ ближе и смутился: память идеала переживаетъ въ душѣ силу, которая даетъ его достигнуть. Эта кротость не все прощаетъ, эта радость гонитъ на заботу, эта любовь чѣмъ больше любитъ, тѣмъ меньше щадитъ....

— Щадить тебя? значитъ сомнѣваться въ твоихъ силахъ, говоритъ она.

Какія силы?...

«Жизнь врозь за одно»... Отъ *нея* приходится скрывать три четверти того, что переживается!

Осталось одно земное стремленіе; одна земная цѣль...

Она такъ хороша! У *нихъ* точно смерть прошла въ домѣ, а *она* все хорошѣетъ. Въ горѣ, къ ея красотѣ прибавилось что-то просвѣтленное, ласково-гордое; такъ звѣзды ярче сверкаютъ въ промежуткахъ непогоды. Она нѣжнѣе день ото дня, все заботливѣе — и все строже... О, Богъ съ ними, съ заботами, съ разспросами, съ долгомъ, съ гражданской добродѣтелью!... Ея

забота будто упрекъ тѣснила ему душу; онъ клялъ ея восторженныя рѣчи, онъ боялся ихъ какъ виноватый, но ея поцѣлуи доводили до безумія. Дождаться поздняго вечера, перескочить къ ней въ садъ, обнять ее, сказать нѣсколько словъ въ ея комнатѣ.... и не смѣть выговорить рѣшительнаго слова, а безъ словъ она не понимаетъ! И это — всякій день! и только всякій день! По утру эта пытка вспоминается какъ блаженство, укрѣпляетъ какое-то мужество, зажигаетъ какую-то надежду. И опять цѣлый день пошлости, бездѣлья, темноты, опять до отчаяннаго ожиданія огонька въ окнахъ, опять до ночи съ мерцаньемъ вѣчныхъ звѣздъ....

Но вѣдь хорошо еще, что Господь посылаетъ ясныя ночи, а, глядишь — и октябрь на дворѣ...

— Это нелѣпо, глупо, я не ребенокъ! за что-жъ я люблю ее? повторялъ онъ.

И опять тоже, роковое, вѣчное стремленіе, мучительная память идеала, жалость о погибшей молодости, очарованіе красоты, горячка страсти, опять, безъ мысли, безъ разбора, — одно желаніе ея объятій и — что́ бы ни было потомъ... Вѣдь живутъ же счастливо тысячи людей на свѣтѣ...

— Катя, счастье такъ близко, такъ уютны эти двѣ комнаты, такъ пустъ этотъ огромный домъ....

Домъ скоро наполнился. Цѣлую недѣлю обозы изъ Спасскаго перевозили пожитки и запасы; съ утра до вечера поднималась возня, раздавались голоса, стукъ и надъ всѣмъ крики Духанова. Верховской слышалъ все это изъ своей комнаты.

Онъ слушалъ какъ будто привычное. Ужъ было это, когда водворялись въ деревнѣ. Неужели такъ глупо жить и здѣсь? Вѣдь это на глазахъ у людей, которые все-таки что-нибудь смыслятъ. Въ Петербургѣ допускается экономія, а въ провинціи тратятся широко. Мѣщанская скаредность гадка. Верховской смѣялся, вспоминая скрягу Мауровскаго дѣла; вотъ въ родѣ этого и супруга, если бы не любила похвастать. Куда и на что беречь сотню тысячъ дохода?

Онъ еще минуту подумалъ, какое ему до этого дѣло?...

А такое дѣло, что въ Петербургѣ на него пальцами не указывали, а здѣсь укажутъ: онъ человѣкъ примѣтный. Довольно, что лѣтомъ цѣлыхъ двѣ недѣли разыгрывалась роль лакея на вытяжкѣ, насмѣхъ всякому франту безъ сапогъ. Можно не пользоваться, если ужъ такъ противно, но можно въ руки взять, заставить хоть разъ послушаться. Жить, такъ жить по-человѣчески... А то — будуары во вкусѣ monsieur Духанова!...

Къ великому удивленію Духанова, когда все было убрано

вчернѣ, Верховской вышелъ распоряжаться и очень повелительно. Онъ заботился о порядочности и изяществѣ своего жилья съ такимъ вниманьемъ и умѣньемъ, какъ будто во всю жизнь свою не занимался ничѣмъ другимъ. Онъ могъ бы сказать, какъ говаривала о себѣ его жена, что на него нашло вдохновеніе. Онъ настоялъ, чтобы Лидія Матвѣевна прислала цвѣты, померанцовыя и всякія деревья изъ спасскихъ оранжерей, указывалъ какъ устанавливать горшки, выписалъ изъ Москвы вазы и жардиньерки, перемѣнялъ обои, выписалъ матерію для новой мебели, работы спасскихъ столяровъ, предмета гордости Лидіи Матвѣевны; наблюдалъ какъ развѣшивали драпировки, училъ вкусу садовниковъ и обойщиковъ — понимая въ первый разъ, что съ этимъ народомъ можно терять терпѣніе; — нанялъ прекрасный рояль у настройщика, который ужъ отчаявался куда-нибудь его сбыть въ немузыкальномъ городѣ N.; нанялъ лошадей, экипажи, выписалъ вина и потребовалъ, чтобы Лидія Матвѣевна не оставляла на сохраненіе въ деревнѣ ни одного сундука съ драгоцѣннымъ серебромъ и хрусталемъ, ни одной бездѣлки для украшенія этажерокъ. Ему понравилось выписывать: на столахъ явились альбомы дорогихъ гравюръ. Онъ хохоталъ, воображая, какъ удивится Лидія Матвѣевна, и, за одно, убралъ ей письменный столъ.

— О молодость! думалъ онъ: — когда ты пройдешь? Когда перестанетъ шевелиться въ душѣ что-то такое шаловливое, вызывающее, горячее?... И еще спрашивать *когда?* Нѣтъ! пусть этотъ огонь горитъ вѣчно!... Вотъ и сдѣлано по-своему. Какъ барыня себѣ хочетъ, а сдѣлано....

Духановъ, посланный въ Спасское съ докладомъ, что все готово, былъ принужденъ сознаться Лидіи Матвѣевнѣ, что въ самомъ дѣлѣ все на славу, и что самъ Андрей Васильевичъ, узнать нельзя — распорядителенъ, обходителенъ, веселъ, совсѣмъ другой человѣкъ. Лидія Матвѣевна поѣхала раньше остальнаго семейства, чтобъ посмотрѣть, и ахнула на расходы.

— Нельзя мой другъ, возразилъ ей Верховской: — знакомствъ такъ много, и твое положеніе....

Она скоро убѣдилась, что положеніе прелестное, и больше не поѣхала въ Спасское, предоставивъ кузинѣ и дѣтямъ собираться какъ знаютъ. Здѣсь такъ хорошо ужъ все устроено, André такъ мило встрѣтилъ, а по немъ, все-таки, тамъ иногда бывало скучно.

Ей только сначала не понравилось, что комнаты André такъ далеко отъ ея комнатъ, но когда она увидѣла тамъ вороха̀ бумагъ, и послушала его разсказы о дѣлахъ, нарочно сбивчивые

и нарочно долгіе, то закричала по-институтски, что все это *презрѣніе*, и что она больше сюда не заглянетъ. Онъ, душка, милашка, самъ долженъ приходить къ ней. Верховской доставлялъ ей это удовольствіе. Три дня до пріѣзда дѣтей, Лидія Матвѣевна блаженствовала. Потомъ настало другое блаженство. Накатавшись съ визитами, она воротилась въ восторгахъ.

— André, божественный, меня какъ царицу принимаютъ!

Верховской вдругъ серьезно подумалъ, что такъ и слѣдуетъ: его жена должна быть встрѣчена вездѣ съ уваженіемъ. Ужъ если они живутъ вмѣстѣ....

Это выходило какъ-то неясно; онъ не могъ вывести заключенія, чтó слѣдуетъ заключить изъ ихъ жизни вмѣстѣ. Онъ не могъ тоже опредѣлить своего чувства къ Лидіи Матвѣевнѣ. Онъ ее терпѣть не могъ, но жилъ съ нею совершенно равнодушно. Она его больше не тяготила, потому ли, что не затѣвала сценъ, довольная имъ и развлеченная обществомъ, потому ли, что онъ самъ былъ слишкомъ развлеченъ новымъ складомъ жизни, которому вдругъ придалъ важность.

— Пора установиться, жить какъ люди,... думалъ онъ.

Минутами, не то стыдъ, не то испугъ обдавали его будто холодомъ, становилось безъ мѣры жаль чего-то и безумно хотѣлось — только одного....

Онъ убѣгалъ чрезъ свой отдѣльный выходъ, доходилъ до знакомаго крыльца—и возвращался назадъ. Онъ больше недѣли не видалъ Катерины.

Ей жилось трудно. Она съ перваго дня знала, что такъ будетъ, знала, что этому нѣтъ конца; просыпаясь, видѣла предъ собой страшную темноту, охватившую жизнь,—засыпала, не готовя мужества на завтра: мужества достанетъ. Она выносила и билась день за день. Не могло быть борьбы сложнѣе, противоположнѣе — отъ унизительной тревоги изъ-за мелочей до страданій сердца, до утомленія ума, изнывающаго въ пошлости, до оскорбленнаго достоинства....

Казалось бы, чтó такое — присутствіе одного человѣка!

Все живѣе, все мучительнѣе росла въ ней ненависть къ этому человѣку. Задыхаясь, утомляясь, она была бы рада найти себя несправедливой передъ нимъ хотя въ чемъ-нибудь, лишь бы облегчить свое сердце отъ этой тяжести, — разбирала — и отвращалась еще рѣшительнѣе....

Съ его появленіемъ, все въ домѣ перемѣнилось,—съ житейскаго, съ будничнаго. Домашнія издержки не касались Виктора;

заранѣе понимая, что ему откажутъ, онъ не рискнулъ и предложить въ нихъ участвовать. Онъ скромно, смиренно, какъ милость, готовъ былъ принять все, что для него угодно было сдѣлать и пожелалъ только одного — поститься вмѣстѣ съ отцемъ по средамъ и пятницамъ, чего не дѣлала Катерина.

— Давно ли у тебя этотъ обычай? спросила она.

— Съ моей ссылки, отвѣчалъ онъ мрачно.

Безъ объясненій, съ перваго дня, нянька взяла на себя всѣ попеченія о Викторѣ, спрашивала его приказаній, исполняла и доставляла все, что̀ ему было нужно. Это было что̀-то со стороны, изподтишка, мелкое, гадкое. Багрянскій, казалось, ждалъ чего-то другого и покорился, скрѣпя сердце, установившемуся порядку. Катерина открыто, хладнокровно и презрительно была имъ довольна. Но отклонивъ отъ себя заботы, она не избавилась отъ непріятностей: чрезъ няньку ей передавались требованія брата, униженныя просьбы, выраженія признательности, жалобы. Отъ себя нянька прибавляла упреки въ безчувственности. Сказавъ, что ничего не хочетъ ни знать, ни слушать, Катерина не заставила ее молчать. Нянька день ото дня становилась смѣлѣе, увѣренная, что Катерина не пожалуется отцу, а хоть бы и пожаловалась, права неостанется: однажды, до разстройства нервовъ умиленный усердіемъ старухи, Багрянскій сказалъ ей спасибо за то, что она «покоитъ сына....» Катерина знала, что за стѣной ея комнаты всякій вечеръ происходятъ совѣщанія, и могла, не ошибаясь, предположить, что тамъ не щадятъ ее, знала, что въ домѣ, рядомъ съ завядающей, простой, честной жизнью, идетъ совсѣмъ другой, совсѣмъ отдѣльный бытъ, — съ вида — крадучись, прижимаясь жалостливо, робко, — въ самомъ дѣлѣ — увѣренно и нагло....

— Ужъ кажется, сударыня, братецъ тебѣ ничѣмъ не мѣшаетъ, говорила нянька. — Ты, какъ отецъ со двора долой — въ книжку свою утупилась, а то и вовсе — дверь свою на замокъ. Братъ, какъ оглашенный, одинъ... Охъ, оглянулся-бы хорошенько папенька! Мила ты ему ужъ очень, не понимаетъ онъ въ тебѣ ничего...

Багрянскій видѣлъ и понималъ. Въ первые дни онъ еще раздражался, но вдругъ круто и рѣзко сдѣлался спокоенъ, будто не замѣчалъ никакой перемѣны, не чувствовалъ никакого стѣсненія. Его жизнь шла въ прежнемъ порядкѣ: ранній пріемъ просителей, служба, отдыхъ, работа. Въ семьѣ, не высказываясь, однимъ своимъ обращеніемъ съ Викторомъ, онъ требовалъ, чтобъ Катерина тоже не замѣчала перемѣны склада жизни; онъ, казалось, хотѣлъ убѣдить дочь, и еще больше — самого себя, что

все хорошо, потому что такъ должно. Онъ только странно, мучительно все больше привязывался къ ней день ото дня, съ удвоенной нѣжностью, съ какой-то жадностью, будто хватался за нее, отъ страха остаться одинъ. Онъ звалъ ее къ себѣ каждую минуту, увѣряя себя, что хочетъ доказать ей этимъ свою любовь, а въ самомъ дѣлѣ, желая видѣть ее, видѣть только ее одну. Онъ заваливалъ ее работой; ея молодая бодрость его оживляла. Едва кончая дѣла, онъ просилъ ее читать ему вслухъ; онъ зналъ, что она это любитъ. Наслажденіе отдыха было какое-то отчаянное: Багрянскій будто украдкой схватывалъ что-то послѣднее. Чувство было томительное, и какъ-то понималось, что другого быть не можетъ, и помнилось, что прежде бывало легко, и думалось, что теперь — такъ должно.... и грѣхъ это сожалѣніе о прошедшемъ, грѣхъ это удовольствіе, что, вотъ, она *одна* тутъ предъ глазами, грѣхъ — отчуждать сына....

Онъ хотѣлъ говорить о томъ, чтó волновало, и не могъ, не было силъ, хотѣлось покоя. Онъ смотрѣлъ на дочь, любовался ею. Ощущеніе, сознаніе, что-то глубокое до боли, восторгающее какъ благость Божія, говорило, что, вотъ, въ *ней* одной его счастье.... Онъ отгонялъ это искушеніе. Онъ только обнималъ ее, повторяя о благѣ душевнаго мира, о своей надеждѣ, что, настанетъ время, и этотъ миръ водворится подъ ихъ кровлей.

— Это, голубка, отъ тебя зависитъ....

Ей хотѣлось возразить — и то же не было силъ. Жаль его, жаль себя. Онъ такъ усталъ, такъ измученъ, такъ дорогъ. Для нея самой такъ тяжки эти безконечные дни и то же хочется всего — и отдохнуть, и наговориться, и занять, развеселить, приласкать его.... и отводя душу, забываясь, она становилась прежней «сумасшедшей» Катей....

— Разыгралась!... А чтó-жъ ты *тамъ*-то сидишь, молчишь цѣлый день какъ стѣна? спрашивалъ онъ шопотомъ, съ ужасающей кротостью....

Викторъ заставалъ эти сцены. Онѣ прекращались при немъ. Если онъ заставалъ, что сестра читала, Багрянскій прекращалъ чтеніе,—щадилъ ли онъ необразованность сына, или терялъ терпѣніе, глядя на его безмолвную, скучающую, сонную фигуру. Однажды, когда читалъ Верховской, Багрянскій сказалъ, что усталъ и, будто въ извиненіе, слегка пошутилъ надъ читаннымъ. Викторъ обрадовался шуткѣ и принялся пошло смѣяться надъ «премудростью и ученостью». Онъ видѣлъ, что сестрѣ было досадно, и хотѣлъ, чтобъ она возразила. Она не доставила ему этого торжества. Онъ доставлялъ себѣ удовольствіе улыбаться всякій разъ, какъ видѣлъ ее за книгой. Они никогда не разго-

варивали, оставаясь наединѣ; при отцѣ, Катерина только отвѣчала на то, что̀ онъ спрашивалъ. У Виктора была всегда на это насмѣшливо-грустная улыбка. Къ отцу онъ относился угодливо, подобострастно, съ сосредоточенной, задумчивой печалью; слушая его, выражалъ на лицѣ такое благоговѣніе, что Катерина, вспыхнувъ, отвертывалась. Тогда Викторъ учтиво и будто испуганно спрашивалъ, что ей угодно. Чаще всего онъ уходилъ, принимая видъ оскорбленной сыновней преданности и покорности своему одиночеству.

Въ домѣ было однообразно; Викторъ скучалъ замѣтно, но почтительно и съ достоинствомъ, наконецъ, отправлялся искать развлеченій. Ихъ доставлялъ ему Духановъ. Викторъ видался съ нимъ безпрестанно, то у него, то у себя въ комнатѣ, куда Духанова проводила нянька. Катерина это знала. Зналъ ли отецъ— Викторъ не заботился. Разъ, вечеромъ, онъ привелъ Духанова къ чаю въ гостинную, униженно объясняя, что предложилъ ему переждать проливной дождь. Нескрываемая досада Катерины напомнила Багрянскому, что не должно оскорблять сына. Онъ не возразилъ, хотя и не взглянулъ на Духанова. Тотъ смиренно высидѣлъ у двери, съ фуражкой на колѣняхъ, справляясь какъ могъ съ горячимъ стаканомъ, и ушелъ еще по дождю. Викторъ въ ту же минуту грустно и покорно отправился въ свою комнату. Багрянскій былъ смущенъ.

— Батюшка, когда у васъ отъ роду бывали такіе гости? спросила Катерина.

— Всѣ люди равны.... Забыла? возразилъ онъ сурово.

— Правда, правда! прервала она:—терпѣть *его*, такъ терпѣть и его пріятелей!

Она выговорила и ждала.... Онъ смолчалъ. Но съ тѣхъ поръ онъ, точно, терпѣлъ Духанова, даже говорилъ съ нимъ....

Впрочемъ, кромѣ Духанова, другіе пріятели не показывались. Въ два мѣсяца, отдавая лишніе часы неважнымъ знакомствамъ средняго круга, Викторъ успѣлъ составить и другія. Ему съ перваго раза отворились самыя широкія двери — домъ губернатора, и было очень не трудно понравиться тамъ, гдѣ заранѣе было рѣшено принять его благосклонно. Примѣру Волкаревыхъ послѣдовали и другіе. Люди большею частью требовательны только къ тѣмъ, кто чѣмъ-нибудь имъ мѣшаетъ. Викторъ никому не сталъ на дорогѣ по службѣ, ни у кого не занималъ денегъ, держался прилично, а съ вышепоставленными лицами даже почтительнѣе чѣмъ прочая, обезпеченная молодежь. Молодежь принимала его совершенно равнодушно. Волкаревъ рекомендовалъ его «добрѣйшимъ малымъ», m-me Волкарева, предоставивъ его

дамамъ, тихо удивлялась ему вслѣдъ, какъ среди всѣхъ несчастій, которыя вынесъ, этотъ молодой человѣкъ имѣлъ мужество заботиться о своемъ образованіи и сохранилъ свѣжесть сердца... Викторъ съ большимъ тактомъ избѣгалъ образованныхъ женщинъ, заинтересовывалъ читательницъ романовъ и игралъ въ карты, по маленькой, съ старыми барынями, которыя его за это очень любили. Онъ обыгрывалъ ихъ безъ милосердія.

— Все годится! говорилъ онъ своему другу Духанову.

Духановъ долго не могъ надивиться его счастью: Викторъ постоянно выигрывалъ; гарнизонные офицеры были его жертвами, а чиновники, — большею частью, мастера дѣла, — поплачивались ему за всѣ вечеринки, которыя онъ украшалъ своимъ присутствіемъ. Чтобъ испытать судьбу, Духановъ однажды засѣлъ съ другомъ вдвоемъ и проигралъ нежданно, невѣроятно.

— Да что-жъ это вы... вскрикнулъ онъ, руками врозь.

— Чтó? спросилъ Викторъ такъ хладнокровно и кротко, что у Духанова исчезло всякое поползновеніе спрашивать дальше, также какъ всякое сомнѣніе насчетъ того, что Викторъ никогда не нуждался и не будетъ нуждаться въ деньгахъ своего батюшки. Духановъ съ грустью подумалъ о своемъ собственномъ «невѣжествѣ», утѣшился надеждой, что «найдетъ коса на камень», но остался вѣренъ другу и его тайнамъ, сообщалъ ему всѣ слухи и сплетни, потѣшалъ разсказами, въ особенности о семействѣ Верховскихъ, не щадя даже Лидіи Матвѣевны и дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ, что другъ, заставляя его разсказывать, барски потѣшается и надъ нимъ самимъ.

Не имѣя возможности принимать въ своей тѣсной комнатѣ, Викторъ угощалъ пріятелей средней руки въ трактирахъ и разсказывалъ о скаредности родителя. Для свѣтскихъ знакомыхъ, онъ чувствительно открылся m-me Волкаревой,—увѣренный въ ея нескромности, — что страдаетъ въ этой жизни на правахъ ребенка, связанъ, всячески возмущенъ, но не можетъ вырваться, не можетъ уйти жить одинъ: примиреніе было такъ недавно....

Дома, онъ вскользь говорилъ о своихъ свѣтскихъ знакомствахъ и съ ужимкой сожалѣнія приказывалъ брать карточки, если кто его спроситъ. Его спрашивали очень немногіе. Онъ навязчиво приходилъ въ гостинную, когда кто-нибудь бывалъ у Катерины, любезничалъ съ дамами, вмѣшивался въ разговоръ, всегда нѣсколько насмѣшливо-покровительственно относясь къ сестрѣ, хвасталъ, разсказывалъ о себѣ небывальщины. Катерина перестала принимать и сама нигдѣ не бывала. Отецъ, занятый въ должности по утрамъ, сначала этого не зналъ, потомъ былъ недоволенъ. Викторъ, смѣлый при немъ, пошутилъ ея отреченіемъ отъ свѣта.

— Знаете, ma soeur, меня часто спрашиваютъ, почему васъ не видно, и я не знаю, что сказать.

— Что это не твое дѣло.

— Но мнѣ было бы такъ пріятно, еслибъ объ руку со мной....

Она взглянула на него такъ, что онъ замолкъ. Багрянскій будто ничего не замѣчалъ. Онъ продолжалъ ничего не замѣчать, начиная съ того, что его дѣти не прощались и не здоровались между собою. Онъ шелъ слѣпо, упрямо убѣждая себя, что правъ, что все прекрасно потому, что онъ правъ, чувствовалъ фальшь своей правоты и отклонялъ всякое сомнѣніе въ ней, какъ соблазнъ и грѣхъ. Онъ даже берегъ себя отъ всего, что̀ могло подтвердить это сомнѣніе: не спрашивалъ никогда Виктора, гдѣ онъ бываетъ, что дѣлаетъ, на̀ какія средства ведетъ свою свѣтскую жизнь....

— Награбилъ.... подумалъ онъ съ отвращеніемъ и крестился, побѣждая лукавый помыслъ.—«Неправое стяжаніе — прахъ....» Пусть скорѣе и идетъ прахомъ!...

Ему становилось гадко.... — И такъ смѣло, своевольно, на глазахъ.... Катерина сказала однажды, въ спорѣ, — (она все споритъ!) при Верховскомъ: — «Люди не пользуются тѣмъ, что награбилъ негодяй, а только любуются, какъ онъ пользуется....» Понятно, о комъ говорила!... Но какое-жъ право кто имѣетъ запретить, отнять? Чѣмъ образумить?... Не такими намеками! Этимъ только ожесточишь.... О Господи, на все Твоя воля, — самъ обратится!

Разъ, ночью, передъ зарей, онъ увидѣлъ свѣтъ въ прихожей: нянька, свернувшись на скамейкѣ, дожидалась возвращенія своего красавца. Она запиралась и такъ явно лгала, что это «только въ первой», что Багрянскій вышелъ изъ себя, крикнулъ и вдругъ остановился: онъ топалъ ногой на томъ самомъ порогѣ, который сынъ, раскаянный, облилъ слезами.... Въ ужасѣ, Багрянскій тихо затворилъ дверь и сталъ на молитву. Онъ вспомнилъ сказаніе о праведникѣ, который приносилъ Господу очистительныя жертвы за дѣтей своихъ, пока они пировали.... Молодъ, покается, обратится!

Религіозное чувство, внушенное съ младенчества, усиленное воспитаніемъ, средой и бѣдностью, безграничная надежда на милосердіе свыше — основанія всѣхъ достоинствъ, правила всей безупречной жизни этого человѣка, — стали его единственной опорой. Онъ вѣрилъ—Господь помилуетъ,—каялся и терзался. Намолившись до утомленія, среди дня, среди ночи, возбужденный, онъ ждалъ чуда; робко, будто съ-просонка, упрекая себя въ невѣріи, онъ оглядывался кругомъ, прислушивался, ждалъ за-

таивая дыханіе, ждалъ внезапной, мгновенной перемѣны даже въ видимомъ.... Это было что-то безумное.

Все оставалось на прежнемъ мѣстѣ, все было по-прежнему. Днемъ, слышалось какъ Викторъ похаживаетъ одинъ, насвистывая цыганскіе романсы, дрессируя Марса, который жадно жретъ и огрызается; слышались незнакомые голоса, скрывающіеся за дверью комнаты сына,—и мертвая тишина далеко, въ комнатѣ дочери. Ночью — затаенная бѣготня, шушуканье, смѣхъ, или та же мертвая тишина, въ прихожей мерцанье оплывающаго огарка на полу и надъ нимъ сонная ожидающая нянька. Багранскій снималъ нагаръ съ свѣтильни и возвращался къ себѣ.

Тогда онъ подозрѣвалъ себя, что мало, недовольно усердно молился и принимался съизнова.

Эта молитва была ужасная. Онъ просилъ одной милости— семейной любви, только, только, единственной, какъ проситъ собака корку хлѣба отъ стола господина.... Тотъ, отъ кого не скроется капля, ни часть капли слезъ человѣка, долженъ понять его муку....

— Я исполнилъ завѣтъ твой, Господи; за что́ же мнѣ такое страданіе? за что̀ же рука твоя отяготѣла? гдѣ-жъ твое правосудіе?...

Онъ поднимался въ ужасѣ—еще новый грѣхъ!... Но кто-жъ виноватъ?

Не онъ, отецъ простившій и покорный волѣ Господней. Не сынъ, — надъ нимъ ужъ совершилась человѣческая кара. Но поднявъ падшаго, должно ободрить его, а онъ отверженъ; должно вразумить его.... кому это сдѣлать лучше, какъ не *ей? она* все постигаетъ, она непорочна! А она съ нимъ и говорить не хочетъ! Она виновата. Въ ней вражда, въ ней зло, отъ нея горе, грѣхъ, отъ нея жизнь въ тягость.... — О Катя, моя голубка!...

Онъ рыдалъ. Ему было ее какъ-то жаль, жаль, безмѣрно жаль. Почему?... Онъ отворачивался отъ этого вопроса. Онъ освятился самъ для себя своимъ прощеніемъ сыну и считалъ обязанностью смирить *ее*, пробудить въ ней чувства раскаянія и милосердія. Это была одна его постоянная мысль. Занятый только тѣмъ что̀ происходило и волновало его въ семьѣ, истомленный, растерянный, онъ переставалъ сознавать, что̀ дѣлалъ. Его тяготилъ трудъ, служба.... прежде было изъ-за чего трудиться! Теперь являлась усталость, вялость въ дѣлахъ, требующихъ энергіи, копотливость въ пустякахъ, трата времени, забывчивость, что-то вдругъ старчески мелкое и злое. Его презрительный тонъ съ подчиненными, придирчивость, подозрительность становились невыносимы. Прежде, его строгости боялись только

виноватые; теперь, повторяя Богу, что совершилъ подвигъ благости, онъ будто свыше принялъ благословеніе карать и казнить.... или, страдая и стыдясь этого «подвига», вымѣщалъ его на другихъ, срывалъ сердце, наслаждался, находя людей виноватыми. Въ палатѣ удивлялись и трепетали. Дома, въ утренніе часы просителей, его грубая брань на крестьянъ терзала Катерину.

— Послушайте, сказала она, захлопывая и запирая дверь въ прихожую, гдѣ толпились крестьяне: — оглянитесь на себя, что вы дѣлаете?

— Что ты, матушка?

— Что вы дѣлаете? повторила она:—вы несправедливы, вы жестоки, вы путаете. Оглянитесь. Эти несчастные,—ихъ обидѣли, они просятъ заступиться,—вся-то ихъ вина—нагрубили,—а вы ихъ ведете въ ссылку! Опомнитесь, разберите!

— Не за свое берешься, Катерина Николаевна!

— Нѣтъ, за свое, возразила она рѣзко.—Вы же меня выучили. Я не за тѣмъ подлѣ васъ, чтобъ только утѣшать васъ да успокоивать. Я не могу видѣть какъ вы, вотъ, такъ, расшатались.... О, Богъ знаетъ, чтó такое съ вами!

Она отчаянно горько заплакала.

— Катя, Катя, вскричалъ онъ, испугавшись:—Богъ съ тобой, чтó ты? Но ты бы сказала, ты бы просто сказала, голубка, что тебѣ это непріятно.... Ты хочешь,—я для тебя все на свѣтѣ....

— Ничего я не хочу для себя! вскричала она:—ничего мнѣ не надо! Лучше умереть, чѣмъ все это видѣть....

Багрянскій распахнулъ дверь.

— Гдѣ вы тутъ? ступайте сюда, закричалъ онъ мужикамъ. Вотъ за кого Бога молите....

Онъ бросилъ ихъ въ ноги Катеринѣ.

— Ступайте. Я напишу окружному. Да знайте вы, что еслибы, вотъ не она, ваша предстательница....

Онъ ругался, простилъ, вытолкалъ и обратился къ Катеринѣ.

— Ну, что? Ну, вотъ, и кончено. Ничего имъ не будетъ. Для тебя — противъ закона сдѣлано. Законъ прямо говоритъ: за ослушаніе, за буйство.... сама знаешь. А законъ приложился ради грѣха человѣческаго; люди забыли Бога....

«Я ему напомню о Богѣ по-своему....», думала она, уходя къ себѣ....

Ей пришлось напоминать не разъ, и всякій разъ труднѣе; приходилось молить, плакать, настаивать, спорить, выносить вспышки его гнѣва, выносить его увѣщанія, его нервную нѣж-

ность, еще больше мучительную, его брюзжанье, его покорность, будто униженную, въ самомъ дѣлѣ — унижающую. Она не отступалась....

— Какъ у васъ достаетъ терпѣнія? спрашивала ее Маша, когда она прибѣгала и, — небывалое прежде, — измученная, бросалась на постель.

— Вотъ, сдѣлала, отстояла, отвѣчала Катерина, уже улыбаясь.—Покуда жива, я ему не дамъ дѣлать зла никому. Бей по мнѣ, если руки расходились....

Она не подозрѣвала, что̀ еще ей готовилось.

Викторъ увидѣлъ Верховскаго въ первый разъ утромъ, безъ отца, вскорѣ послѣ своего водворенія въ домѣ. Готовый на то, что сестра его не представитъ, Викторъ развязно познакомился самъ. Катерина покраснѣла; Верховской оглянулъ его свысока. То, чего не замѣчалъ отецъ, предъ которымъ она не скрывалась, вмигъ бросилось въ глаза тому, кто ненавидѣлъ....

— Вотъ оно что́!...

Но пораженный догадкой, онъ въ тотъ же мигъ сообразился, вмѣшался въ разговоръ, постарался вести его порядочно, даже занимательно, держался просто, будто впадая въ тонъ сестры. Она не могла бы пожаловаться, что онъ докучаетъ. Викторъ не оставилъ гостинной во все время, какъ пробылъ Верховской, и, едва тотъ простился, ушелъ къ себѣ, молча; онъ всегда такъ дѣлалъ. — Впослѣдствіи, онъ также просто встрѣчался съ Верховскимъ. Верховской обходился съ нимъ небрежно, почти высокомѣрно, отвѣчалъ полусловами, говорилъ только въ присутствіи отца; оставаясь случайно вдвоемъ, молчалъ, будто въ комнатѣ никого не было, отворачивался, — слишкомъ вѣрно копировалъ обращеніе Катерины.... Сомнѣнія больше не оставалось. Викторъ посматривалъ на Верховскаго, укрощая желаніе проломить ему голову и наслаждаясь мыслью, что сестрица попалась.

Въ радости, онъ сначала не зналъ, что дѣлать. Забрать ее въ руки.... одному мудрено. Помощь скоро явилась.

Однажды Багрянскій былъ въ должности, Катерина то же вышла изъ дома; къ Виктору пришла нянька.

— Къ тебѣ, красавецъ, слово перемолвить, благо свободно, нѣтъ никого.

— Это ужъ, старая, грѣхъ жаловаться: намъ съ тобой никто не мѣшаетъ, возразилъ Викторъ, лежа и откладывая въ сторону романъ, которымъ занимался.

— Да все легче, какъ съ глазъ долой, отвѣчала она и сѣла. Скучно, видно, тебѣ, мой батюшка; вотъ, и ты ужъ за книжку. О-охъ!... Чему смѣешься?

— Нельзя, нянюшка; надо учиться, умнымъ быть. Вонъ, у васъ, все какіе умные гости; какъ разъ нашего брата въ дуракахъ оставятъ, — не оглянешься.

Она глядѣла на него, покуда онъ смѣялся.

— Ты это къ чему-жъ говоришь?

— Такъ.—Чтó, къ вамъ этотъ Верховской съ какихъ поръ повадился?

— Да никакъ, съ весны. А чтó?

— Такъ.—Жена его, какъ здѣсь гостила, бывала у васъ?

— Нѣтъ. Да она, все равно, знакома. Сестра твоя къ ней съ самой съ губернаторшей въ деревню ѣздила.

— Къ кому?

— Да къ ней, къ барынѣ этой, къ Верховской.

— Къ кому? переспросилъ Викторъ и всталъ, смѣясь:—Она къ нему, къ барину ѣздила!

Нянька вытаращила глаза.

— Нянюшка-голубушка, прозѣвали барышню.... запѣлъ Викторъ на голосъ «Лучинушки», продолжая смѣяться.

— Чтò ты, Господь съ тобой....

— Господь-то съ вами, возразилъ онъ вдругъ очень строго. Чего ты смотрѣла? Она въ него влюбилась. Отецъ узнаетъ, чтò скажетъ?

— Батюшка мой, вскричала она:—да твой папашенька самъ какъ его обласкалъ? Какъ у нихъ живу, не видывала, чтобъ кого такъ.... А она,—ужъ такіе порядки,—что хочетъ, дѣлаетъ, кого хочетъ, зоветъ....

— Вотъ и позвала, отвела глазки папашенькѣ. Чтó скажете?

Нянька сидѣла пораженная.

— Бѣды, бѣды.... выговорила она, послѣ долгаго молчанія.

Викторъ захохоталъ.

— Охъ, чтò ты, голубчикъ! Дѣвочка она молодая....

— Дитятко ваше! прервалъ онъ со злостью.—Вотъ и ждите, васъ, за дитятко, папашенька—въ шею. Я, какъ благородный офицеръ, не смолчу, не потерплю.... Кàкъ, чтобъ моя сестра.... Честь моя оскорблена!

— Ты хочешь папенькѣ сказать?

Викторъ задумался.

— Рано еще немножко. Пускай они себѣ поиграютъ. А ты изволь-ка мнѣ ее караулить.

— Укараулишь! возразила она горестно. Удержишь ее, какъ же!

— И вовсе не нужно ее удерживать, и никто тебя не проситъ, сказалъ онъ съ досадой.—Только молчи, гляди, да сказывай мнѣ. Въ отвѣтѣ, не безпокойся, не будешь, въ свидѣтельницы тебя не позову.

— Ты чтó же хочешь дѣлать, родной?

— Не твоя забота.

— Охъ, да вѣдь ты ее.... Ты подумай, я ее все-таки выходила! жалко....

— Чтò? крикнулъ онъ.—Такую-то ты выходила? Шашни ея покрываешь да еще жалишься? Ахъ, ты, старая.... Нѣтъ, надо съ вами скорѣй покончить. Сейчасъ придетъ отецъ, сейчасъ скажу. Ты тутъ, безъ него, при ней цѣлый мѣсяцъ оставалась. Отецъ умиралъ, а они амурились.... Хорошо! «Жалко!» Я тебѣ покажу «жалко!» Пошла вонъ! Я съ вами расправлюсь!

— Красавецъ!... вскричала она.

Она плакала, онъ ругался; скоро, запуганная, она была рада согласиться на все на свѣтѣ. Миръ былъ заключенъ и союзъ скрѣпленъ за веселымъ завтракомъ, который можно было устроить, «благо нѣтъ никого».

— Какъ-есть, голубчикъ, вотъ тебѣ Богъ, ничего я не слыхала, не видала, клялась нянька:—а если кто чтó знаетъ, такъ ты за Марью примись; эта ужъ непремѣнно....

— Доберемся, отвѣчалъ Викторъ.

Подсматриванье шло систематически, но, со стороны няньки, совершенно безуспѣшно: она видѣла только то, что видала до сихъ поръ и къ чему привыкла. Викторъ, наблюдатель болѣе тонкій, убѣждался больше съ каждымъ днемъ, но явной улики не было. Онъ рѣшился ждать, не давая сестрѣ заподозрить, что за нею слѣдятъ. Пусть будетъ покойна, такъ скорѣе попадется. Судя ò ней по себѣ, онъ употреблялъ больше хитростей, чѣмъ было нужно, не заставалъ ее съ Верховскимъ нечаянно, не уходилъ замѣтно, чтобы оставить ихъ наединѣ, велъ при ней и съ нимъ разговоры о сердечныхъ и супружескихъ исторіяхъ, свободно, безъ умолчаній, которыя часто хуже намековъ,—не измѣнялъ себѣ даже осторожностью. Одно въ чемъ онъ давалъ промахъ: говоря заочно о всѣхъ знакомыхъ,—съ отцомъ, съ посторонними,—онъ не говорилъ о Верховскомъ, какъ будто его не существовало, не зналъ, чѣмъ его помянуть, недоставало смѣтливости даже на самое пустое, обыкновенное замѣчаніе. Викторъ бранилъ себя за ненаходчивость и не могъ справиться: такъ *она*, пожалуй, догадается.... Катерина никакъ не догады-

валась; еслибъ и натолкнуть на это ея вниманіе, ей показалось бы совершенно натурально, что Викторъ не умѣетъ думать о порядочномъ человѣкѣ....

Она, точно, попалась, но еще больше—въ пытку собственныхъ чувствъ, понятій и убѣжденій, которыя обрекали ее терпѣть и биться....

Вечерà съ Верховскимъ были ужъ не то, что прежде; въ нихъ не стало ихъ главной прелести—живого участія отца. Багрянскій приходилъ будто по привычкѣ, или отъ тоскливаго страха оставаться одному; случалось, ему хотѣлось развлечься, слушать, говорить,—но придя, усѣвшись, онъ поникалъ головою и молчалъ. Викторъ подражалъ ему, выражая смиреннымъ видомъ и покусываньемъ усовъ огорченіе человѣка, поставленнаго въ невозможность участвовать въ разговорѣ выше его понятій. Багрянскій отвертывался, не хотѣлъ видѣть и видѣлъ только это смущенное лицо. Старикъ дѣлался нетерпѣливъ; ему становилось досадно на сына, потомъ жаль его, потомъ досадно на другихъ, обидно, и онъ продолжалъ холодить, убивать своимъ молчаніемъ, или вдругъ вступался съ ѣдкой насмѣшкой, раздражался въ спорѣ, противорѣчилъ себѣ, осуждалъ все, говорилъ колкости Верховскому, бранилъ Катерину и, видя самъ, что надѣлалъ неловкостей, поправлялся, сводя рѣчь на ежедневное, житейское, на городскія новости. Викторъ, будто отдыхая отъ «умничанья», сначала понемногу принималъ участіе въ бесѣдѣ, а потомъ вскорѣ завладѣвалъ ею совсѣмъ и оживлялся, разсказывая разныя разности. Верховскому казалось неловко молчать, чтобъ Багрянскій не подумалъ, будто онъ обидѣлся, — и безсвязно, пусто, говорилось до тѣхъ поръ, пока Багрянскій, усталый и еще болѣе не въ духѣ, поднимался и прощался. Викторъ уходилъ тотчасъ за нимъ....

— Домой? Работать? спросила Катерина, когда Верховской тоже взялся за шляпу.

— Въ клубъ на минуту, — а тамъ, засяду въ ночь.

— Времени и днемъ довольно.

— Какъ-то не успѣваю. Вѣчно налетятъ ко мнѣ, помѣшаютъ, а то—и самому надо кое-кого видѣть.... просто, освѣжиться.

— Какъ тебѣ не надоѣстъ?

— Надоѣло, милая, но куда-жъ дѣваться? Ты все боишься,—я ничего не дѣлаю?

— Боюсь.

— Успокойся; вчера заказалъ еще этажерку для бумагъ — цѣлыя горы.

— Ты толчешь воду.

— Чтò-жъ прикажешь дѣлать?

— Дѣлай слѣдствіе, какъ люди дѣлаютъ; поѣзжай туда, на мѣсто.

— Бока ломать!

— Баринъ!

— Нѣтъ, Катя; но, милая моя, я всякій день убѣждаюсь, что все это дѣло пустяки; никакой кражи не было, никакихъ денегъ не было....

— А я говорю, что были.

— Откуда, у грязнаго идіота?

— Баринъ! понятія не имѣетъ, кàкъ скопидомничаютъ! Имѣешь ли ты понятіе, какъ сберегаютъ?

— Катя!...

— Ну, виновата. Но все-таки это — наивность, хотя бы и честная, но наивность.... Ты предубѣжденъ въ пользу Волкарева,—старикъ, порядочно воспитанъ,—украдь онъ въ глазахъ твоихъ, ты не повѣришь....

— Ты меня считаешь ребенкомъ.... выговорилъ онъ и ушелъ въ досадѣ.

Ему стало страшно своей досады; онъ такъ усердно старался о ней не думать, что эта мысль преслѣдовала его весь слѣдующій день.—Вечеромъ, Виктора не было дома; Катерина сидѣла вдвоемъ съ отцомъ; было какъ-то тихо, какъ-то печально весело, тѣмъ торопливымъ весельемъ, которое люди берутъ будто украдкой, которымъ они почти не пользуются отъ ежеминутной мысли, что оно не надолго. Раздался рѣзкій звонокъ.

— А вѣдь это Верховской, сказалъ Багрянскій, съ такимъ оживленнымъ удовольствіемъ, какого Катерина давно не видала.

Это былъ, точно, Верховской, во фракѣ, въ свѣтлыхъ перчаткахъ; смѣясь и забавно конфузясь, онъ признался, что бѣжалъ съ званаго вечера.

— Давай, Катя, чаю и шахматы, закричалъ Багрянскій.

Ей хотѣлось броситься отцу на шею, хотѣлось молиться, хотѣлось плакать, высказать всю душу и — воротить, воротить, вотъ, это счастье! Оно опять взошло, но только на минуту; вчера—тьма, завтра—тьма; оно выглядываетъ, свѣтитъ и уплываетъ.... Да ужъ не тяжелѣе ли оттого, что оно выглянуло?...

Они остались вдвоемъ. Но въ душѣ накипѣло такъ много.... Она не знала о чемъ спросить, чтò сказать, слушала его, ничего не слыша.... Такъ засталъ ихъ Викторъ.

— Monsieur Верховской! Вотъ нечаянность! А *тамъ* удивлялись, что вы вдругъ исчезли.... Папа, конечно, ужъ почиваетъ, Catherine?... Что это, m-r Верховской, какая здѣсь бѣдность

хорошенькихъ, — и притомъ, имѣйте въ виду, что если хоть мало-мальски недурна, то не умѣетъ слова сказать. «Предопредѣленіе свыше», какъ говоритъ пáпа.... Скоро ли вы ждете вашу жену?

Онъ старался показать, что не находитъ страннымъ присутствіе гостя въ такое позднее время. Верховской всталъ, не отвѣчая.

— До завтра, сказала Катерина, провожая его въ прихожую.

Марсъ зарычалъ на него въ потемкахъ.

— Этотъ звѣрь кого-нибудь разорветъ, замѣтилъ Верховской.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ изъ гостинной Викторъ и зѣвнулъ: — Ah, pardon.... Не безпокойтесь. Этотъ звѣрь — doux comme une brebis, ему стóитъ признать.... Марсъ, ici!

Викторъ отправился къ себѣ, въ недоумѣніи, недовольный.... Вотъ, и вдвоемъ засталъ, и все ничего, не смутилась, громко говоритъ: «до завтра....» Порядки такіе — принимаетъ какъ хочетъ!... И родитель сидѣлъ тутъ, ушами хлопалъ. На глазахъ у праведника совершаются такія дѣянія.... А что они совершаются—несомнѣнно. Эта госпожа, если ужъ влюбилась, то на все пойдетъ. И не такой же дуракъ этотъ Верховской.... Жена его, говорятъ, рожа.... Гдѣ-нибудь они видятся.... Гдѣ?

Ночь была почти жаркая. Викторъ вздумалъ освѣжиться и отворилъ окно. Оно выходило во дворъ, но въ ту же сторону, куда и балконъ Катерины. Низенькая изгородь сада была въ нѣскольких шагахъ; свѣтъ изъ окна падалъ наискось, на кусты полные густой, хотя желтѣющей листвой. У Катерины тоже блеснулъ свѣтъ и отворился балконъ.

Викторъ ахнулъ и ударилъ себя по лбу.

— Лежать, чортъ, молчать, пригрозилъ онъ шопотомъ Марсу, который рванулся къ окну.

Онъ задулъ свѣчку, выглянулъ въ окно,—вспомнилъ что-то, спрятался, закусывая губы, смѣясь, загасилъ папироску и высунулся опять. Катерина вышла, прошлась по саду и воротилась; балконъ стукнулъ, свѣтъ ушелъ въ глубь комнаты. Она, вѣроятно, не ложилась. Викторъ долго ждалъ, пока она погасила огонь.

— Чего-жъ я жду? Вѣдь сказано— «до завтра».

Онъ ничего не дождался и завтра. Верховской былъ утромъ ненадолго. Викторъ устроился какъ наблюдать удобнѣе и понапрасну сторожилъ еще двѣ ночи. Ему надоѣло; это стѣсняло, отнимало время, но поручить некому, нянька глупа, ненадежна.... Ну ихъ! это, наконецъ, несносно....

Онъ отправился провести вечеръ у Волкаревыхъ, соскучился и довольно рано заѣхалъ домой, чтобъ переодѣться и ѣхать опять, куда-нибудь, гдѣ по разнообразнѣе. Отецъ, сказали ему, уже легъ. Викторъ заглянулъ въ окно. Изъ балкона тянулась полоса свѣта; между деревьями виднѣлось платье Катерины; она была не одна.

— Прощай, моя радость, раздался неосторожно громкій голосъ.

Песокъ заскрыпѣлъ подъ шагами, кто-то скоро прошелъ, раздвигая кусты; послышался стукъ каблуковъ въ бревна забора; что-то упало.

— Благополучно! Прощай, повторилъ, удаляясь, тотъ же голосъ.

Катерина скрылась въ свою комнату; свѣтъ исчезъ. Все это произошло въ минуту, но Виктору дѣлалось почти дурно отъ напряженнаго вниманія, отъ какого-то страха, отъ радости, отъ досады....

— Опоздалъ!... Ну, впередъ не оплошаемъ.

Онъ велѣлъ нянькѣ запереть за собою и уѣхалъ. Багрянскій слышалъ это и молился до свѣта.

Утромъ, Викторъ заставилъ ждать себя очень долго. Онъ, наконецъ, вошелъ — смѣло, увѣренно, повелительно, какъ его еще никогда не видали; его лицо было измято, взглядъ наглый. Катерина вспыхнула и оглянулась на отца. Багрянскій ужаснулся и потерялся.

— Ты нездоровъ? спросилъ онъ.

— Да, рука разболѣлась, отвѣчалъ небрежно Викторъ.

— Отдохни.... началъ Багрянскій и не договорилъ: это слово—упрекъ, позоръ, осужденіе....

— Поди вонъ, сказала хладнокровно Катерина.

Викторъ посмотрѣлъ ей въ глаза, усмѣхнулся и гадко смиренно повиновался. Багрянскій захватилъ голову руками и не сказавъ ни слова, вышелъ тоже....

II.

Если въ столицѣ легко прожить отшельникомъ, то и въ провинціи это не трудно. Правда, тамъ люди скорѣе угадываютъ чужую семейную жизнь, — даже не отыскивая развлеченія отъ нечего дѣлать и не имѣя намѣренія сплетничать, — но вслѣдъ за отгадкой, если эта жизнь незанимательна, невесела, отъ нея отворачиваются. N-ское общество сначала замѣтило отсутствіе

Багрянской, потомъ къ нему привыкло. Къ ней еще ѣздили изрѣдка, но скоро перестали, соскучась, обидясь тѣмъ, что она не принимала и не платила визитовъ. Наконецъ, о ней начали забывать. Это дѣлалось просто. Какъ дочь важнаго лица, Катерина все-таки считалась невѣстой, и потому многія матери семействъ были довольны, что ее не видно. Пріятельницъ, которымъ она была бы необходима, у нея не было, поклонниковъ тоже. Изъ всѣхъ молодыхъ людей у нея бывалъ только Лѣсичевъ, изрѣдка, когда его брала особенная, внезапная досада на N-скій клубъ, N-скую скуку, безденежье и m-me Волкареву. Тогда онъ вспоминалъ, что есть куда дѣваться и шелъ къ Катеринѣ. Необъяснимо почему, увидя ее, онъ также внезапно принимался искренно ее любить; становилось совѣстно, что пришелъ онъ только отъ досады, становилось жаль, что свиданія рѣдки. Онъ давалъ себѣ клятвы приходить чаще, и не приходилъ. Почему — онъ и самъ не зналъ и разбиралъ на досугѣ. Что-то тяготило; она печальна, что-то поблекло.

— Тамъ скука бѣшеная, рѣшилъ онъ:—и такъ что-то стало непорядочно....

Онъ удивлялся, какъ она могла оставаться изящной, граціозной среди *такой* скуки. Выносить эту обстановку было невозможно, хотя онъ сразу отклонилъ всякое сношеніе съ Викторомъ. Это было не неровное обращеніе Верховскаго, а такое рѣшительное, спокойное презрѣніе, что у Виктора не хватало смѣлости къ нему придраться. Впрочемъ Викторъ былъ вѣренъ своему правилу — учтивость со всѣми — и не желалъ замѣчать чужихъ неучтивостей. Это было тѣмъ легче, что Лѣсичевъ приходилъ рѣдко, а въ обществѣ всегда можно отдалиться незамѣтно....

Верховской не показывался больше недѣли. Предполагая, что онъ занятъ, Катерина сначала была спокойна. На третій день она ждала, становилась нетерпѣлива, тосковала. Она начала смотрѣть въ окна.

— Это глупо, подумала она и ушла въ отцовскій кабинетъ, гдѣ вѣчно опущенныя сторы защищали отъ искушенія оглядываться. Но тамъ ее пугалъ всякій стукъ въ подъѣздѣ.

— Что ты, нездорова? спросилъ отецъ, когда она, блѣдная, встрѣтила его возвратившагося изъ должности.

— Вы простудились, ma soeur, вечера холодны, замѣтилъ Викторъ, который отсторожилъ наканунѣ за полночь.

По вечерамъ, въ *его* окнахъ не было огня.... Уѣхалъ на слѣдствіе? И пора. Давно бы такъ.... Но какъ же онъ не сказался, что ѣдетъ?...

Но огонь сталъ мелькать снова, поздно и ненадолго, а Верховской все не являлся.... Онъ боленъ.

— Вововъ-то, вововъ чтó навезли къ сосѣдямъ изъ деревни! сказала нянька, прислуживая за столомъ: — то-то богатые господа!

Викторъ взглядомъ повелѣлъ ей умолкнуть. Катерина никогда на него не смотрѣла, а потому и не видала этого взгляда. Но ей пришло небывалое соображеніе: какъ такъ глупо прожить цѣлый вѣкъ—интересоваться міровыми событіями и не знать чтò подъ носомъ дѣлается! Попробовать приняться по-просту....

— Маша, говорятъ Верховскіе переѣзжаютъ?

— Не знаю, отвѣчала Маша:—можетъ быть.

Катеринѣ стало смѣшно. Вотъ и воспитала себѣ субретку! Не пойти ли куда-нибудь въ гости, что-нибудь узнать, можетъ быть, встрѣтить?... Куда пойти? Къ Волкаревымъ? Въ обществѣ Виктора?... Хоть бы пришелъ Лѣсичевъ.... На чтò онъ?... Она терялась. Богъ-знаетъ, что входило въ голову—сожалѣніе, что она не свѣтская женщина. Было стыдно, скучно, руки отпадали.... Жить рядомъ и не видаться, даже не знать, чтò съ нимъ....

— Участь моя, подумала она, холодѣя.—Такъ должно.

Предъ ней вставали убійственные «такъ должно» отца.... Нѣтъ, такъ не должно. Онъ боленъ, заваленъ дѣломъ, несчастенъ.... вѣдь *она* пріѣхала!... Зачѣмъ онъ не уѣхалъ совсѣмъ!... Но если ужъ остался онъ еще на время въ своей неволѣ, какъ же оставлять его одного, безъ утѣшенія, безъ родного человѣка?... Что дѣлать?

У нея горѣла голова отъ безсонницы. Она вытащила все, что было заготовлено у отца черновыхъ бумагъ и переписывала всю ночь. По утру, отецъ замѣтилъ, что она устала, но былъ доволенъ, что работа кончена: дѣла было особенно много, были просители, чиновники; онъ торопился въ палату.

— А вечеромъ—назначенъ комитетъ о недоимкахъ, сказалъ онъ:—вотъ, Волкаревъ прислалъ записку, зоветъ. Скорѣе.

Онъ спѣшилъ, сердился, что вошло у него въ привычку. Катерина готовила чай въ гостинной, возвращалась въ кабинетъ, присаживалась, носила, убирала, все на ходу. Викторъ былъ въ гостинной, хозяйничалъ у чайнаго стола, задумчиво поглядывая вслѣдъ сестрѣ, когда она приходила и уходила. Пришелъ Духановъ.

— Гдѣ пропадали? встрѣтилъ его радостно Викторъ.

— Въ хлопотахъ-съ, отвѣчалъ тотъ.—Мое почтеніе. Съ ногъ сбился. Вѣдь Лидія Матвѣевна пріѣхала.

— Право, онъ влюбленъ въ Лидію Матвѣевну! Погодите, вотъ супругъ до васъ доберется.

— Хе, хе, нѣтъ-съ, мы нынче съ нимъ совсѣмъ пріятели, возразилъ Духановъ.—Вмѣстѣ для дорогой гостьи все приготовляли. Они у меня какъ голубки воркуютъ.

Викторъ разразился хохотомъ. Изъ кабинета, Катерина слышала хохотъ, имена; ее бросало въ жаръ и въ дрожь.

— Ты заморишься, сказалъ отецъ.—Дай мнѣ скорѣе чаю.

Они вмѣстѣ вошли въ гостинную. Викторъ и его пріятель встали и раскланялись, но оба слишкомъ развеселились и не приняли сразу своего обыкновеннаго, почтительнаго вида. Багрянскій взглянулъ сурово и разсѣянно.

— Чему смѣетесь? спросилъ онъ.

— Вотъ, Григорій Ивановичъ, отвѣчалъ особенно развязно Викторъ:—разсказываетъ о нѣжныхъ супругахъ, нашихъ сосѣдяхъ.

— Нѣтъ, Викторъ Николаевичъ, я говорю, что поговорка есть: «братъ любитъ сестру богатую, а мужъ жену здоровую»,— а тутъ, теперь, хоть собственно ихъ супруга и не первой красоты, но потому—она имѣетъ состояніе....

— Верховской?... спросилъ Багрянскій, допивая стаканъ, и всталъ. — Катерина, дай, тамъ у тебя еще планы. Сбери мой портфель.... принеси....

Онъ прошелъ въ кабинетъ, Катерина къ себѣ и пронесла оттуда еще связку бумагъ.

— Самъ его высокопревосходительство, министръ государственныхъ имуществъ и его канцелярія! сказалъ Викторъ.

Духановъ осторожно засмѣялся. Катерина воротилась и складывала планъ на роялѣ.

— Давно не былъ Верховской, сказалъ Викторъ.

— Некогда ему, объяснялъ Духановъ:—ждалъ жену, дождался, а то и дѣла.... А знаете, Викторъ Николаевичъ, какъ слышно, губернаторъ-то нашъ, того....

— Хватилъ?

— Да-съ.... потому, невозможно, чтобъ безъ грѣха: кусочекъ крупный.

— Ну, и мелкимъ бы не побрезгалъ.

— Нѣтъ, ужъ мелкое, что.... знаете, такому лицу....

— Что? лицу? полноте! прервалъ Викторъ.—Лица эти, губернаторы, предсѣдатели, — на словахъ святы. Откуда-жъ у нихъ, то домикъ, то деревенька? Вѣдь сказано: «приставь къ двумъ казеннымъ воробьямъ коммиссара—онъ сытъ съ женой и съ дѣтьми». И Волкаревъ то же—въ тихомъ омутѣ...

— Это благодѣтель-то твой? «истинный сановникъ?» прервала Катерина.

— Благодѣтель въ другихъ обстоятельствахъ, возразилъ Викторъ очень рѣзко и отвернулся съ пренебреженіемъ.—Только, Григорій Ивановичъ, не попадется онъ.

— Почему вы полагаете?

— Слѣдователь ужъ очень любезенъ. Подѣлятся.

Духановъ захохоталъ.

— Верховской малый неглупый, продолжалъ равнодушно Викторъ, не оглядываясь на сестру:—можно ли повѣрить, чтобъ онъ давно не понялъ, въ чемъ тутъ штука? А два мѣсяца тянетъ? Просто, торгуется.

— Торгуется! подтвердилъ Духановъ.—Какъ вы это, Викторъ Николаевичъ, человѣка насквозь видите!

— Да что видѣть? ясно, общее мнѣніе! продолжалъ Викторъ. Я Верховскаго и не виню: помилуйте, что-жъ изъ рукъ жены питаться? Видѣлъ я ихъ.... Вотъ, еще сегодня полюбуюсь; Марья Васильевна звала къ себѣ; засяду въ преферансъ съ вашей Лидіей Матвѣевной, отобью ее у васъ. Она мнѣ ужъ глазки дѣлаетъ....

Въ прихожей послышался звонокъ.

— Катерина! кликнулъ Багрянскій.

Тамъ былъ посланный, старый лакей Верховскаго, принесъ книги: — Андрей Васильевичъ извинялся, что не можетъ доставить ихъ самъ; онъ нездоровъ.

— Что это онъ? Велишь благодарить? спросилъ Багрянскій Катерину.

— Сейчасъ, отозвалась она изъ гостинной.

Она рванула лоскутъ бумаги, написала карандашомъ: «Приду сегодня вечеромъ,»—сложила и отдала посланному.

— Кланяйся, скажи, что хворать негодится, прибавилъ Багрянскій, накидывая пальто.—Прощай, Катя.

Онъ вышелъ вмѣстѣ съ посланнымъ. Катерина только въ эту секунду поняла, что сдѣлала, и ничего не помня, ничего не видя, прошла въ свою комнату. Въ гостинной пріятели притихли и проводили ее глазами.

Духановъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, позволилъ себѣ осторожно улыбнуться. Викторъ отвѣчалъ улыбкой, глядя на него, и тихонько, въ тактъ, постукивая ногою.

— Такъ-то-съ, сказалъ онъ, вдругъ вставая.—Такія-то дѣла.

— До пріятнаго свиданья, сказалъ Духановъ.

Викторъ еще постоялъ въ раздумьи.

— Однако, я далъ маху, сказалъ онъ себѣ.—Скверно. Она ему перескажетъ.... Надо принять мѣры...

Онъ велѣлъ подать себѣ закусить, что помогало соображеніямъ, а въ ожиданіи отцѣпилъ съ гвоздя свою шашку и разсматривалъ ее, напѣвая:

Спи монашенкой затворной,
Спи, булатное дитя....

— Вотъ, что̀ о немъ говорятъ! Вотъ, кто смѣетъ о немъ говорить! повторяла себѣ Катерина, въ цѣлый день не успокоиваясь ни минуты,—пряталась какъ могла отъ отца и не знала ка́къ дожить до вечера.

Восемь часовъ пробило; Багрянскій отправился въ свой комитетъ; Викторъ спалъ, приготовляясь къ вечеру m-me Волкаревой. Послѣдній часъ ожиданія былъ невыносимъ. Еще рано....

Катерина бросилась въ садъ. Было темно, накрапывалъ дождь.... Отецъ говорилъ сегодня, что пора вставлять рамы.... У *него* темно. Получилъ ли онъ записку? Если нѣтъ, если онъ не ждетъ?

— Я кажется трушу, подумала Катерина, вздрагивая отъ холодныхъ капель, которыя били ей въ лицо. Вотъ какія у меня приключенія. Прячусь, притворяюсь.... Говорятъ, надо какъ-нибудь жить среди людской неправды.... Господи, какой ужасъ....

Окна освѣтились, мелькнула тѣнь. Это онъ.

— Пора... Но *она*, можетъ быть, еще не уѣхала; *она*, можетъ быть, не поѣдетъ.... О, какой стыдъ, какая низость!...

На дворѣ у сосѣдей поднялся шумъ, топотъ лошадей, замелькали фонари. Карета Лидіи Матвѣевны выѣхала за ворота, остановилась у подъѣзда и, чрезъ нѣсколько минутъ, загремѣла снова, все удаляясь.

Катерина воротилась къ себѣ въ домъ, постояла въ раздумьи и сѣла. Въ пустыхъ комнатахъ слышалось, какъ стучали часы.

— Онъ ждетъ... Маша!

Дѣвушка пришла.

— Я сейчасъ ухожу. Дождись меня. А если... если батюшка воротится раньше, скажи, что я сплю, договорила Катерина, отворачиваясь.

— Куда вы идете? спросила тихо Маша.

Катерина оглянулась и бросилась ей на шею.

— Пойдемъ, запри за мною, сказала она, проходя комнаты.

— Голубушка, милая, постойте....

Катерина ужъ сбѣжала на улицу.

Идти было недалеко. Калитка отперта; во дворѣ никого, тихо; всѣ, вѣроятно, отдыхаютъ, проводивъ госпожу. Катерина вошла. Ей столько разъ показывали это маленькое крыльцо, надъ которымъ свѣтятся два окна: она знала счетъ ступенекъ этой узенькой лѣстницы....

Верховской волновался съ утра. Онъ видѣлъ Катерину во снѣ, а на яву, самъ не зная почему, не рѣшился идти къ ней. Онъ послалъ ей книги, тоже не зная зачѣмъ,—чтобъ «подать признакъ жизни». Ея записка его поразила.

— Придетъ....

По сердцу пробѣжало что-то въ родѣ раскаянія и мигъ забылось въ сумасшедшей радости.... Придетъ!...

— Mon beau ténébreux, ѣдете вы сегодня со мной къ Marie Волкаревой? спросила, влетая внезапно, Лидія Матвѣевна.

Она была вѣрна своему намѣренію—не посѣщать этого дѣлового кабинета.

— Нѣтъ, не ѣду.

— Почему?.. Что это за записка?

Незапечатанный лоскутъ простой бумаги, твердый почеркъ толстымъ карандашомъ не могли возбудить подозрѣній свѣтской женщины. Верховской этимъ воспользовался.

— Видишь, ко мнѣ придутъ по дѣлу.

— Ахъ, все противныя дѣла! Кончи скорѣе и пріѣзжай.

— Хорошо, пріѣду.

За обѣдомъ m-lle Роше спросила Верховскаго, видитъ ли онъ Багрянскихъ.

— На что вамъ это? вмѣшалась Лидія Матвѣевна.

— Я хотѣла просить у m-lle Catherine позволенія бывать у нее иногда, отвѣчала гувернантка.

— Во-первыхъ, André ѣздитъ туда по дѣламъ и ему нѣтъ никакого дѣла до вашей m-lle Catherine; а во-вторыхъ, вы не должны бывать тамъ, гдѣ я не бываю, заводить свои знакомства. Богъ знаетъ, что̀ такое эта Багрянская. Признайтесь лучше,— вамъ явилась эта идея потому, что вчера братъ вашей Catherine vous a donné dans l'oeil, вамъ и Аннѣ Петровнѣ. Коммиссія, право, вывозить дѣвушекъ! André, я приказывала Багрянскому, — онъ абонировалъ мнѣ ложу въ театръ; это дешевле, чѣмъ всякій разъ брать. Вотъ, сегодня и извольте отправляться, обра-

тилась она къ дѣтямъ, будто отсылая ихъ на-хлѣбъ на-воду. А Багрянскій душка. Онъ мнѣ сказалъ, что не бываетъ у тебя, André. Почему?

— И никогда не будетъ, отвѣчалъ Верховской. Прошу тебя отъ него подальше и поосторожнѣе.

— Vraiment? спросила Лидія Матвѣевна, кокетливо улыбаясь и даже сдѣлала маленькій знакъ Аннетѣ. Охъ, ты, Raoul-Barbe-Bleue!

Пользуясь случаемъ, — такъ какъ вставали изъ-за стола и благодарили, — Лидія Матвѣевна наградила супруга множествомъ шаловливыхъ ласкъ, увела въ свой будуаръ, гдѣ собственноручно налила ему кофе и позволила курить. M-lle Роше, сердитая, привела дѣтей прощаться предъ отъѣздомъ въ театръ.

— Это вамъ практика по-русски, сказала Лидія Матвѣевна. А нейдетъ твой баринъ, замѣтила она, посмотрѣвъ на часы, и спросила одѣваться.

— Я все-таки подожду; сказалъ, уходя, Верховской: надо еще кое-что прочесть, приготовить....

— Андрей Васильевичъ, подарите мнѣ платьице, звонко закричала она ему вслѣдъ: миленькое платьице, чтобъ мнѣ носить pour l'amour de vous!

— Извольте-съ, подарю, отвѣчалъ онъ.

Онъ пришелъ къ себѣ; ему казалось—полъ горѣлъ подъ его ногами. Онъ еще разъ перечиталъ *ея* записку, — но всего три слова! «Вечеромъ» — когда «вечеромъ»?.. Спровадить Лидію Матвѣевну и перескочить въ садъ.

Онъ заглянулъ въ окно. А, наказаніе! дождикъ!

Волнуясь и не зная что̀ дѣлать, онъ, въ потьмахъ, бросился по привычкѣ на кушетку и думалъ самъ не зналъ что̀. Идти или не идти? Придетъ или не придетъ?

Придетъ, конечно, если обѣщала.

Ему подумалось, между прочимъ, что, вотъ онѣ, женщины, всѣ одинаковы: стòитъ вывести изъ терпѣнія, не показать глазъ десять дней.... Онъ вспомнилъ, что все его знаніе женщинъ ограничивалось Лидіей Матвѣевной. У него будто оторвалось сердце. Одну минуту ему казалось, что онъ сходитъ съ ума.

Вдали, въ домѣ зашумѣли, заходили. Верховской вскочилъ и зажегъ свѣчи. Чтобъ убѣдиться въ отъѣздѣ жены, онъ вышелъ проститься съ нею.

— Наконецъ!... сказалъ онъ, возвращаясь и запираясь на ключъ. Ну, что̀ же?...

Онъ остановился, стоялъ, ждалъ, прислушивался, засмѣялся, засмѣялся съ досадой, покойно усѣлся въ кресло, закурилъ, взялъ

книгу и съ полчаса смотрѣлъ въ нее. Въ домѣ все стихло. Въ стекла брызгалъ дождь. Вдругъ, изъ-за комнаты рядомъ съ той, гдѣ была дверь на лѣстницу, послышалось что-то смутно, шорохъ, шаги. Верховской поднялся. Въ дверь постучали.

А онъ и забылъ освѣтить ту комнату! онъ бросился, отворилъ...

— Катя!

— Да, Катя, отвѣчалъ ея милый, веселый голосъ.

Она сбросила бурнусъ, еще что-то красное, ея влажные волосы лоснились.

— Катя....

— Ты боленъ?

— Нѣтъ.

— Что-жъ ты такъ?

— Усталъ, выговорилъ Верховской. Усталъ, заработался.

— Ну, слава Богу! Только? Ничего больше? Ничего не случилось?

— Ничего, отвѣчалъ онъ, улыбаясь. Давно не былъ у тебя, — виноватъ.

— Чтó тамъ, виноватъ!

— Однако, ты встревожилась.

— Не встревожилась, — я, просто, была взбѣшена сегодня по утру, продолжала она, садясь.... Это твоя рабочая комната?

— Да. Тебѣ нравится? спросилъ Верховской, подходя ближе.

— Нѣтъ. Я внѣ себя была и за тѣмъ прибѣжала, чтобъ тебѣ сказать. Ты мѣшкаешь съ слѣдствіемъ, а на тебя клевещутъ, тебя подозрѣваютъ...

— Катя, вскричалъ онъ: это невыносимо! Оставь меня въ покоѣ съ этими проклятыми дѣлами! Это—не знаю чтó! Какъ, не видались, едва сошлись, первое слово...

— Что ты? кротко прервала она: какъ же я осмѣлюсь тебѣ молчать, когда дѣло идетъ о твоей чести?

Онъ стремительно отошелъ, заметался по комнатѣ и остановился у окна.

— Катя, прости меня, сказалъ онъ, не оглядываясь: я вспыльчивъ. Вотъ, видишь ли что... Я тебя люблю!

Онъ бросился къ ней.

— А должно быть тебѣ ужъ очень было скверно этими днями, сказала она, глядя на его наклоненную голову.

— Да... выговорилъ онъ и закрылъ себѣ глаза ея рукою.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Послушай, милый...

— Нѣтъ, Катя, не говори ничего. Оставь меня, вотъ, такъ... Вѣдь только и есть на свѣтѣ!

Она не возражала и молчала долго. Верховской забывался. Ея движеніе его разбудило; онъ поцѣловалъ ея руку и взглянулъ ей въ лицо.

— Катя, что съ тобою? вскричалъ онъ, вскакивая.

— Охъ, милый, смерть какъ тяжело... Ну, кричи, сердись, а я не могу этого выносить. Какъ вы всѣ распятываетесь, Богъ васъ знаетъ!.. Изъ чего ты блажишь, скажи мнѣ, зачѣмъ ты тратишь время, тратишь себя? Счастье мое, не дай мнѣ въ тебѣ усомниться!

Она схватила его руки.

— Я такъ на тебя надѣюсь! Все, что мнѣ съ ребячества мерещилось, все, что̀ мнѣ мило и свято̀, все чѣмъ я жива,... вѣдь это все также и твое? За что-жъ мы и полюбили другъ друга? Скучно тебѣ, усталъ,—развѣ я не съ тобой? развѣ я не товарищъ?

— Развѣ я отказываюсь? возразилъ онъ. Только въ чемъ товарищество? Толочь воду? Тупѣть среди дураковъ?

— Послушай...

— Знаю! прервалъ онъ: ну, возвышеннѣе: тосковать по міру, рваться къ лучшему и убѣждаться, что ноги спутаны, руки связаны... Что ни возражай, онѣ связаны. И ты, и твой отецъ — онъ — труженникъ, ты мечтательница. Оглянись спокойно, или, если не можешь, принудь себя... я, вотъ, среди всѣхъ этихъ дрязгъ, былъ принужденъ оглянуться.

Онъ показалъ на свой изящный письменный столъ.

— Дрожь пробираетъ!... Невеселое товарищество, прелестная моя Катя. Не тѣ времена, чтобъ идти рука объ руку. И куда идти, къ чему идти, за кого? Люди не ангелы....

— А ты самъ что? прервала она тихо и рѣзко.

— Тоже не ангелъ, конечно, но злость беретъ, негодованіе душитъ, чувствуешь, что одинокъ, не можешь не презирать, духа недостаетъ похорониться въ пустякахъ, возиться въ грязи...

— Перестань! вскричала она нетерпѣливо. Что ты толкуешь одни слова? «Грязь, тоска по міру, болѣзнь вѣка». Вы лѣнью больны! Не говори ты мнѣ о «необъятныхъ силахъ», о подвигахъ,—нѣтъ подвиговъ! Есть у каждаго свое крохотное дѣло, и съ тѣмъ дай Богъ честно управиться...

— И выходимъ мы, по твоему, les infiniment petits! прервалъ онъ, захохотавъ съ досадой.

— Да вѣдь вся вселенная—изъ безконечно-малыхъ! А какъ стройно! Господи, какъ хорошо! И подумать только, духъ за-

хватываетъ — всякій изъ насъ пылинка, капля, звукъ, свѣтикъ въ этой прелести; безъ насъ, — безъ насъ, каковы мы есть, — безъ нашего бѣднаго дѣла — общее дѣло неполно! Вотъ гдѣ счастье! Ничей трудъ не ничтоженъ, никто не одинокъ, всѣ равны, всѣ свободны... Милый, вѣдь ты думаешь также, зачѣмъ же ты отступаешь? Передъ тобой работа, ты пугаешься, брезгаешь, — «грязь»! Ну, такъ и быть, замарай ручки!

Она засмѣялась и положила свои сильныя руки ему на плечи.

— Ты прости, что я такъ говорю. Тебѣ много дано, много и спросится, а меня ты знаешь. Лѣниться, вѣшать голову я не позволю. Гдѣ-жъ была бы моя совѣсть тебѣ молчать? Я не мечтательница. Я тебѣ только напоминаю настоящій смыслъ нашей возни на свѣтѣ, а если милъ этотъ смыслъ — возня не надоѣстъ. Какъ видишь, это не фантазія.

— Не фантазія... повторилъ Верховской. Это даже очень положительно, договорилъ онъ тихо и отрывисто, отвернулся и принялся ходить по комнатѣ.

Катерина смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ воротился.

— Катя, скажи мнѣ вотъ что.... Я думалъ, мы не такъ проведемъ этотъ часъ, но ужъ все равно, если такъ началось. Скажи мнѣ,—ты все разсуждаешь!—что, человѣкъ можетъ ли прожить однимъ чужимъ да чужимъ, благополучіемъ, заботой, сочувствіемъ,—ну, чѣмъ тебѣ угодно,—чужимъ, не думая о себѣ? Имѣетъ онъ когда-нибудь право пожелать для себя? Такъ, чего-нибудь, когда-нибудь, когда приходится хоть въ петлю?.. Ты вѣдь не вообразишь, что я блаженствую, не попрекнешь вотъ этой дрянью — обстановкой...

— О, полно, я знаю, какъ тебѣ тяжело.

— Нѣтъ, ты не знаешь... Понимай какъ хочешь, я скажу все. Прежде, давно, я, скрѣпя сердце,... ну, подло привыкъ, жилъ забываясь. Теперь... Мнѣ стало хуже съ тѣхъ поръ, какъ я тебя полюбилъ.

— Хуже?

— Хуже. Ты объ этомъ не подумала? Одно ли мы съ тобою, Катя?

— Одно.

— Нѣтъ. Ты мнѣ не вѣришь. Ты меня боишься... Ты меня не любишь.

— Что съ тобой? вскричала она.

— Виноватъ, забылъ: «общее, широкое чувство!» Ты это называешь любовью? Ты всякому, ты своему котенку отдаешь точно такую же любовь... ну, пожалуй, мнѣ немножко побольше!

прибавилъ онъ и горько засмѣялся. Въ неполной жизни счастья быть не можетъ. Когда я вижу, тамъ, у тебя огонь, знаю, что ты одна...

Онъ остановился.

— Такъ что же? выговорила она.

— Катя, да что ты? Младенецъ? вскричалъ онъ, блѣдный, глядя ей въ лицо.

— Нѣтъ, отвѣчала она, опустивъ голову.

— Такъ ты меня понимаешь?

Она молчала.

— Катя,... я тебя оскорбилъ!

Онъ упалъ ей въ ноги.

— Оскорбилъ? тихо повторила она, краснѣя. Нѣтъ. Встань же... Любятъ, такъ любятъ совсѣмъ. Гдѣ душа, тамъ и все.

— Катя!

— Милый, развѣ бы я давно не пришла къ тебѣ, не сказала: уйдемъ, давай жить вмѣстѣ...

— Но что же?

— А отецъ? Я у него одна.

— Онъ не узнаетъ.

— Какъ, обманывать? вскричала она.

— Не все ли равно,—вотъ, ты пришла... мы видимся...

— Видимся! Измученные, — душу отвести, слово сказать! Когда не было у меня несчастья, мы тайкомъ не видались; я не прячусь, я свое горе прячу,—развѣ это то, что...

Она захватила лицо руками.

— Катя, всякое бы горе забылось...

— Оставь меня!

— И увѣряетъ, что любитъ, что ушла бы...

— Къ свободному человѣку.

— Къ сожалѣнію—я женатъ! вскричалъ онъ и захохоталъ.

Катерина остановилась, пораженная. Все затихло. Верховской взглянулъ на нее мелькомъ и отвернулся. Ему хотѣлось, чтобъ она ушла. Она не двигалась съ мѣста. Онъ бросился въ кресло, головой на столъ.

— Что съ тобой сдѣлалось? спросила она тихо, подойдя къ нему.

Онъ оглянулся и ничего не взвидѣлъ; ему прямо въ душу упалъ ея безконечно печальный взглядъ. Его сердце заныло сжимающей, томящей болью! Порывно, будто спасаясь отъ чего-то настигающаго, неизбѣжнаго, страшнаго, послѣдняго, онъ охватилъ Катерину своими цѣпенѣющими руками и пряталъ лицо

на ея груди. Съ каждой секундой что-то отрывалось, уносилось.... Такова, дóлжно быть, смертная мука.

— Стало быть, — никогда? выговорилъ онъ.

Она вздрогнула.

— Вѣдь ты меня любишь? вскричалъ онъ, оживая мгновенно и также мучительно, въ ужасѣ предъ сіяніемъ ея красоты, въ отчаяніи о чемъ-то невозвратномъ.

Она молчала. Что-то неопредѣленное было въ выраженіи ея взгляда, какое-то странное недоумѣніе. Она будто вспоминала, искала, удивлялась....

— Катя, ради Бога, говори что-нибудь! Прости меня,—сорвалась глупость...

— Полно, тихо сказала она. Но какъ ты меня не понимаешь!...

— Понялъ, все понялъ, прервалъ онъ. Довольно. Что-жъ дѣлать! Судьба свела насъ поздно. Моей женой быть ты не можешь, раздѣлить со мной счастье не хочешь...

— Знаешь что? прервала она вдругъ рѣзко и нетерпѣливо: ты лучше этого не разбирай.

Она отошла, воротилась, остановилась предъ нимъ вся блѣдная; ея голосъ обрывался.

— Тебѣ скучно; ты хочешь, чтобъ тебя ублажали. Я не мастеръ. Я сказала и говорю: я ушла бы дѣлить жизнь съ тобой... не *эту* жизнь, а свободную, человѣческую!... Что ты женатъ—мнѣ нѣтъ дѣла. Что осудятъ—мнѣ нѣтъ дѣла. Но моя жизнь — не моя... Но, не знаю... не знаю, выдержало ли бы мое сердце, когда бы мнѣ сказали, что ты бѣденъ, одинокъ, бьешься честно... Прости мнѣ, Господи, не знаю, не бросила ли бы я тогда все... и отца! Я тебя умоляла; уходи! ты остался здѣсь...

— Для кого? прервалъ Верховской.

— Для дѣла, котораго не дѣлаешь! вскричала она, вспыхнувъ.

— Такъ ты, стало быть, не хотѣла меня понять, или не хочешь помнить, возразилъ онъ холодно: я остался здѣсь единственно для тебя, и, теперь вижу, напрасно.

Она хотѣла что-то сказать, остановилась, оторопѣла; по ея лицу опять разлилось то же боязливое недоумѣніе.

— Послушай, сказала она перѣшительно: это не знаю что. Ты заставляешь меня думать отвратительныя вещи.

— Что такое? спросилъ онъ, не сводя съ нея глазъ.

— Послушай.... Сдѣлай милость, скажи мнѣ, что я съ ума сошла!... Ты говоришь, что остался для меня. Ты зналъ, что

будешь жить... вотъ такъ. Неужели тебѣ входило въ голову, что я рѣшусь унижаться?

Верховской поблѣднѣлъ.

— Ты съ ума сошла..: повторилъ онъ, стараясь улыбнуться, и притянулъ ее къ себѣ.

Она вся дрожала, испуганная, растерянная, будто забитая непогодой; это было что-то непривычное, невиданное. Верховской поцѣловалъ ее въ голову.

— Дитя мое...

Она подняла на него глаза.

— Радость моя, продолжалъ онъ, смутясь: за что ты себя мучишь, придумываешь? развѣ мало того, что есть?... Что-жъ, дѣлать нечего, покоримся. Тебѣ нехорошо, мнѣ ужасно; на всемъ свѣтѣ творится Богъ знаетъ чтó,—схватимся за руки, забудемся, по возможности будемъ счастливы...

— Одни? Не хочу.

Онъ улыбнулся снисходительно.

— Видишь ты какая. Ну, дождемся и для всѣхъ. Успокойся. А до тѣхъ поръ, моя Катя... Знаешь, ангелы-хранители до конца не оставляютъ грѣшниковъ.

— По обязанности... Пожалуй, изъ состраданія, прибавила она вдругъ рѣзко. Но женщины, когда слишкомъ сострадательны... Я, вѣдь ты знаешь, зла.

— Что же нужно сдѣлать, чтобы заслужить... началъ Верховской, почти насмѣшливо.

— Работай, только, отвѣчала она просто.

Ее охватило что-то невыразимое, жаркое, какъ радость дорогого свиданія, ясное, какъ беззавѣтная преданность Богу, какая-то надежда и вдругъ — безмѣрная, безконечная жалость. Она обняла его и горько заплакала.

— Катя! А меня бранитъ, что я распатался! Ты ли это?

— Помни меня.... сказала она.

— Развѣ мы прощаемся?

— Прощаемся? повторила она съ испугомъ. О, нѣтъ!... я, въ самомъ дѣлѣ, сумасшедшая.

Она оглянулась кругомъ, машинально оправилась и сѣла. Верховской, усталый, сѣлъ тоже. Оба молчали....

— А вѣдь я приходила за дѣломъ, сказала наконецъ Катерина.

— Вспомнишь послѣ.

— Я тебѣ ужъ его сказала. Должно быть, поздно?

— Близко одиннадцати, отвѣчалъ Верховской, очень скоро отыскавъ часы на письменномъ столѣ.

— Пора.
— Я провожу тебя, сказалъ онъ, идя за нею въ неосвѣщенную комнату.
— Зачѣмъ? Не пропаду. И дождь, кажется, пересталъ.
Верховской помогъ ей отворить отуманенное окно.
Семь яркихъ звѣздъ будто бросились изъ темноты имъ на встрѣчу.
— Славно, сказала Катерина.
Они взглянули другъ на друга и оба улыбнулись.
— Помнишь? спросилъ онъ.
— Помню.
— Придешь ли ты еще, Катя?
— Приду.
Онъ свѣтилъ ей съ лѣстницы, высунулся изъ окна, забывая темноту и разстояніе, старался разглядѣть, какъ она шла; бранилъ себя, что не пошелъ за нею, и разсчитывалъ, что сейчасъ она дома; сѣлъ на диванъ, гдѣ она сидѣла, хотѣлъ вспомнить чтó было, и чувствовалъ, что усталъ. Часы бросились ему въ глаза. Онъ спохватился и позвонилъ.
— Одѣваться.
Чрезъ полчаса, m-me Волкарева пеняла ему, что онъ такъ запоздалъ....

— Еще никого нѣтъ, сказала Маша, встрѣчая Катерину. Но Катерина не успѣла дойти до свой комнаты, какъ раздался звонокъ: воротился Багрянскій.
— Не ложилась? сказалъ онъ, увидя ее. Мнѣ тебя нужно.
Онъ прошелъ въ кабинетъ, сердито захлопнувъ дверь. Маша стояла среди гостинной, съ свѣчкой въ рукѣ.
— Ступай, съ Богомъ, спать, сказала ей Катерина.
Она стояла тоже, осматриваясь въ полутемной, ночной пустотѣ, какъ-то не находя мѣста, но совершенно спокойно. Маша поймала ея взглядъ. Катерина улыбнулась.
— Точно покойникъ въ домѣ, сказала она равнодушно.
— Катерина! кликнулъ отецъ.
Она пошла, не торопясь; ей показалось, что она ждетъ чего-то, но между тѣмъ было рѣшительно все равно, чтó бы ни случилось. Можетъ быть и легче было бы, если бы чтó случилось....
— Надо успѣть къ утру, къ почтѣ, написать министру, говорилъ Багрянскій. Чортъ знаетъ чтó у насъ творится!
Онъ говорилъ о засѣданіи гдѣ былъ, пересказывалъ споры, бранилъ Волкарева, другихъ, выходилъ изъ себя, спрашивалъ

бумаги, провѣрялъ отчеты, диктовалъ свой докладъ. Катерина слушала, отвѣчала, читала, писала, вѣроятно, все какъ слѣдуетъ, потому что на нее отецъ не сердился. Уходя къ себѣ въ три часа ночи, она не знала, гдѣ была и чтó дѣлала. Маша пріютилась въ креслахъ, въ углу ея комнаты. Катерина не замѣтила ее, задула свѣчу и, не раздѣваясь, бросилась въ постель. Маша подошла къ ней; она бредила.

Въ этотъ же вечеръ между m-me Волкаревой и ея мужемъ произошла печальная сцена.

Въ послѣднее время, жизнь m-me Волкаревой была возмущена. Ея супругъ, любезный въ обществѣ, сдѣлался необыкновенно мраченъ, капризенъ, старчески брюзгливъ, невыносимъ у себя дома. Правда, онъ уже давно перестать быть любезенъ съ женою, но прежде онъ равнодушно или благодушно принималъ ея затѣи, не оцѣнялъ, но и не стѣснялъ ея стараній — служить оживленію общества, иногда неостроумно насмѣшничалъ, но его сарказмы могли еще быть обращены въ шутку. Теперь на него нашелъ духъ очень непріятнаго отрицанія и осужденія, — удивительнѣе всего, — Волкаревъ осуждалъ въ женѣ именно то, чѣмъ прежде бывалъ доволенъ: ея граціозное игнорированье «дѣлъ» и служебныхъ отношеній, ея аристократическое пренебреженіе къ мелкому чиновничеству, ея неумѣнье чтó-нибудь сообразить. Въ этотъ вечеръ грустная перемѣна выказалась поразительно.

Волкаревъ, какъ Багрянскій, воротился изъ засѣданія сердитый. Онъ засталъ у себя гостей, карты. Лидія Матвѣевна пожаловалась ему, что ее обыгралъ monsieur Victor, но Волкаревъ не предложилъ, въ утѣшеніе, поиграть съ нею.

Когда, немного спустя, явился Верховской, Волкаревъ вовсе не занялся имъ, отправился съ Викторомъ въ свой кабинетъ, показался еще на минуту, когда ужъ разъѣзжались и прощались, и, проводивъ Верховскаго, вслѣдъ ему, разругался весьма не элегантно. M-me Волкаревой показалось, что она слышитъ это во снѣ.

— Mon ami... воскликнула она.

— Что «mon ami?» И этотъ — вашъ «ami?» Ужъ кстати еще, не надѣлали ли вы ему откровенностей? Одно въ жизни могла сдѣлать путнаго женщина—и того не съумѣла!

— Что такое? я не понимаю! возразила, трепеща, m-me Волкарева.

— То, матушка, что по его милости намъ придется отсюда

убираться. Вы этого не ожидали? Вотъ онъ, вашъ страдалецъ! Онъ цѣлые вечера просиживаетъ у стараго чорта Багрянскаго!

— Боже мой, но зачѣмъ же....

— Какъ зачѣмъ? Тамъ гнѣздо интриги, тамъ рѣшена моя гибель. Мнѣ сейчасъ все открылъ Викторъ, — негодяй, но онъ мнѣ преданъ.... Даже онъ возмущенъ! Его отецъ забралъ въ руки этого безхарактернаго, безтолковаго....

— Но какъ же это могло случиться? прервала m-me Волкарева въ негодованіи. На это нужны причины, нужно сблизиться....

— Я вамъ русскимъ языкомъ говорилъ давно: вашъ Верховской влюбился....

— Impossible! пролепетала m-me Волкарева, едва не лишаясь чувствъ.

— Спросите *ея* брата, когда не вѣрите. Какъ день ясно; ханжа не потерпѣлъ бы у дочери женатаго вздыхателя, но — нужно погубить меня, и, вотъ приманка! Ничто не дорого! Всѣ средства хороши! И этотъ дуракъ.... Ну, и радуйтесь!

— Боже мой, чѣмъ же я виновата?

— Чѣмъ? Право, оригинальная женщина! Удержать его, отвлечь, имѣть на него вліяніе, вскружить ему голову вы не могли? Недостало догадки? Прежде, когда не было надобности, тогда и вздохи, и розовые вуали, а теперь.... Eh, laissez-moi, vous êtes une sotte.

— Mon Dieu, il y a encore un moyen, выговорила, потерявшись, m-me Волкарева: — его можно отвлечь.... поскорѣе отдать *ее* замужъ, вотъ, Лѣсичевъ....

— Archisotte! прервалъ супругъ.... А Каруцкая?

— Чтò?

— Какъ чтó? Еще мнѣ вредить? Отецъ ее затѣмъ прислалъ, чтобъ найти мужа....

— Ей можно будетъ поискать, вотъ, на выборахъ, изъ молодыхъ помѣщиковъ.

— Съ вами голова пойдетъ кругомъ!... Ну, какой же обезпеченный человѣкъ возьметъ это безобразіе?

— Mais, mon ami, Лѣсичеву она не нравится...

— Часъ отъ часу не легче! Не кончивъ одного — толковать о другомъ, о десятомъ.... Мнѣ суждено погибнуть отъ вашей глупости, рѣшилъ губернаторъ, оставляя жену въ неописанномъ смятеніи.

У нея не было къ кому прибѣгнуть, ни друга, ни совѣтника. Она подумала-было завтра подробнѣе разспросить Виктора, и вдругъ стало страшно этого преданнаго молодого человѣка. Оста-

вался Лѣсичевъ.... Но какъ говорить объ этомъ съ Лѣсичевымъ? Она плакала....

— Верховской.... Кто-бъ это могъ подумать? И скрывать все, ласкать его жену.... Впрочемъ, кажется, жена тутъ ничѣмъ невиновата.... Все равно. - Какъ женщины несчастны!

III.

Домъ N—скаго клуба былъ ярко освѣщенъ; у подъѣзда, среди множества дрожекъ, начали появляться и кареты. Для открытія сезона былъ назначенъ вечеръ съ танцами, но танцы еще не начинались. Въ большой залѣ блуждали немногія дамы и дѣвицы средняго круга, оглядывая свои наряды, тоскуя и негодуя на «аристократокъ», которыя заставляли себя ждать. Нѣсколько молодыхъ чиновниковъ и гарнизонныхъ офицеровъ раздѣляли эту скуку. Свѣтскіе молодые люди заглядывали въ залу, произносили:—«никого еще нѣтъ», и скрывались. Музыканты разговаривали на хорахъ.

Но гостинная, гдѣ читались газеты и маленькая зала, заставленная карточными столами, были полны гостей, большею частью пріѣзжихъ помѣщиковъ. Около газетнаго стола было тѣсно. Тамъ уже спорили обычные посѣтители клуба. Городскіе жители, привычные къ ежедневнымъ спорамъ, не обращали вниманія на этотъ споръ, за то пріѣзжіе вступались съ увлеченіемъ и, подкидывая въ рѣчи своего жару, доставляли себѣ удовольствіе, послѣ деревенскаго молчанія—пошумѣть въ губернскомъ клубѣ.

— Предоставьте имъ рѣшать дѣла Европы, сказалъ одинъ N—скій господинъ, удерживая помѣщика, который туда же стремился. Вѣдь намъ не практиковаться; благодаря Бога, въ парламентъ не готовимся. Лучше о своемъ. Новость знаете? губернскому предводителю лента за пожертвованіе. Слышали?

— Слышалъ. Правда ли?

— Правда. Ужъ есть въ газетахъ и онъ пишетъ своей женѣ; вѣдь онъ еще *тамъ*, представлялся.

— Знаю. А дворянству все еще ничего?

— Покуда ничего.

— Не слыхали, не получалъ чего-нибудь губернаторъ?

— Не слыхалъ.

Оба промолчали.

— Ну, что же?

— Ну, мы, на выборахъ поблагодаримъ нашего губернскаго, отвѣчалъ тихо пріѣзжій.

— Какъ поблагодарите?

— Прокатимъ на черненькихъ.

N—скій господинъ осторожно и недовѣрчиво улыбнулся.

— Такъ благородные люди не дѣлаютъ, продолжалъ помѣщикъ. Предводитель, всѣми выбранъ, за всѣхъ представлялся— и говори за всѣхъ, и старайся за всѣхъ. Ему — награда, а намъ еще и спасибо не сказали? Выходитъ, мы старались, жертвовали, хлопотали — изъ-за его ленты?... Нѣтъ; вотъ выборы перваго декабря; мы посмотримъ.

— Вы думаете, его забаллотируютъ?

Они отошли, говоря тихо. У стола, гдѣ пили чай и курили, разговоры шли громче.

— Какъ вамъ вздумалось пріѣхать такъ рано? до выборовъ еще далеко.

— Скучно стало.

— Будто бы? Такому хозяину, въ урожайный годъ?

— Право. Какъ себя помню, не помню такой скуки! Ничто не радуетъ. И это кого хотите спросите, что-то особенное. Всѣ бѣжимъ, точно отъ непріятеля укрываемся.

— Правда, подтвердилъ другой, пожилой отецъ семейства. Скука. Я даже не зналъ, какъ дождаться, чтобъ моя супруга попросилась въ городъ. Самому предложить неловко.

— Почему?

— Неловко! повторилъ онъ, смѣясь: — какъ я скажу женѣ, дочерямъ—отправляйтесь деньги мотать? Я всегда, бывало, поддержу себя, а нынче не вытерпѣлъ.

— Предложили?

— Предложилъ! отвѣчалъ онъ, хохоча. Говорю: нынче зима короткая, какъ разъ «*Господи Владыко живота моего*», постъ, собирайтесь,—да еще впередъ ихъ укатилъ и домъ нанялъ.... А что бы, господа, ко мнѣ завтра вечеркомъ, безъ церемоній?

Онъ обходилъ знакомыхъ и приглашалъ.

— Въ гору идетъ, замѣтилъ другой ему вслѣдъ;—взялъ поставку хлѣба.

— Неужели за нимъ осталась? вскричалъ испуганно помѣщикъ другого уѣзда.

— Какъ же, за нимъ. А вы не знали?

— Не зналъ.... Но что же! Только хлопоты, выгоды мало; хлѣба нынѣшній годъ родилось столько....

— Но казна даетъ и цѣны недурныя, прибавилъ, будто равнодушно, совѣтникъ губернскаго правленія.

— За нимъ осталось.... я не зналъ! повторилъ помѣщикъ, удаляясь.

Вслѣдъ ему смѣялись.

— Зеленъ виноградъ!

— Нѣтъ, онъ огорченъ, что не удалось по мѣрѣ силъ послужить отечеству.

— Погодите, еще всѣ послужимъ.

— Да!... раздалось какъ-то уныло и вмѣстѣ досадно, и оживленіе вдругъ будто со всѣхъ спало. Такъ бываетъ въ комнатѣ трудно-больного.

— А не пора ли поиграть? Тратимъ золотое время....

— А какое время стоитъ! прелесть!

— Какъ это вы разстались съ деревней, съ охотой? Вотъ бы теперь въ поле....

— Э, батюшка, Богъ съ нимъ, съ полемъ. Хорошо вамъ говорить, деревня. Не зналъ какъ бѣжать; просто, жутко становится. Тамъ съ англичанами не управятся, а тутъ смотри за своими. Бросилъ все; пропадайте, какъ знаете.

— Какъ, неужели даже ни одной любимой съ собой не взяли?

— Чего? Собаки? Какую же любимую? Онѣ у меня всѣ любимыя. Чтò вы, развѣ я разстанусь, за чтò-жъ я себя лишу.... Всѣхъ сюда привелъ. И лисички есть въ запасѣ, и два волка. Милости просимъ полюбоваться на садку.... А вотъ какой случай.

Онъ началъ длиннѣйшій охотничій разсказъ.

— А поиграть бы, господа?...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, на людяхъ легче, отозвался одинъ изъ особенно печальныхъ пріѣзжихъ.

— Конечно, легче. И во всякомъ случаѣ, это такъ далеко...

— Конечно, положеніе натянутое, но чѣмъ-нибудь оно должно же кончиться. Дайте срокъ...

— «Къ ружью» — читали?

— А, ваше превосходительство, Александръ Петровичъ! раздались вдругъ восклицанія.

Вошелъ красивый, осанистый господинъ, съ сѣдыми усами, съ бѣлымъ крестомъ, скромно спрятаннымъ за отворотомъ фрака.

— Когда пріѣхали?

— Часа два; отдохнулъ, узналъ, что тутъ сбираются...

Его окружили, большею частью, N-скіе жители, служащіе.

— Какъ это онъ пожаловалъ? сказалъ одинъ пріѣзжій другому.

— А что?

— Я самъ слышалъ, онъ клялся, что его нога здѣсь не будетъ.

— Да, какъ тогда его не выбрали.

— Надо сознаться, мы очень ошиблись. Еслибы вотъ этого въ губернскіе...

— Кого это? вмѣшался еще собесѣдникъ.

— Генерала Ильицына.

— Волкаревскаго пріятеля?

— Такъ что же? Людей не узнаешь. Нашъ предводитель и не изъ волкаревскихъ пріятелей, но въ три года не много,— какъ говорится высокимъ слогомъ,—оправдалъ довѣріе дворянства...

— А ужъ послѣдняя выходка,—пожертвованіе...

Они зашептали.

— Ильицынъ не захочетъ баллотироваться.

— Захочетъ!...

— Господа, пора играть!

— Какъ вамъ благая мысль пришла пріѣхать? спрашивалъ Ильицына совѣтникъ.

— Совсѣмъ не благая мысль, возразилъ онъ, усаживаясь въ сторонѣ:—я перепугался.

— Чего, ваше превосходительство? спросили нѣкоторые, смѣясь заранѣе, потому что генералъ былъ охотникъ шутить.

— У васъ тутъ чудеса творятся, всякаго съ мѣста поднимутъ, продолжалъ онъ, не то шутя, не то недовольный.

— Какія же чудеса? Живемъ, кажется, мирно, сказалъ совѣтникъ.

— Какъ «мирно?» Слѣдственная коммиссія въ губерніи, а вы говорите «мирно»?

Рѣшительный и громкій вопросъ сконфузилъ общество; еще послышался смѣхъ, но ужъ принужденный; собесѣдники переглядывались и осторожно отходили. Генералъ продолжалъ равнодушно и еще громче.

— Я все еще уповалъ какъ-нибудь: слѣдственная коммиссія,— до насъ не касается. Вдругъ узнаю: и съ пожертвованіемъ нашимъ исторія! Что такое!! пріѣхалъ поразвѣдать, — самъ-то я, моей собственной особой, ужъ не провинился ли въ чемъ-нибудь, незнаемо, невѣдомо? Чего добраго! Такія времена, сидишь-сидишь, да высидишь...

Кружокъ совсѣмъ разошелся. Оставались только совѣтникъ и правитель канцеляріи Волкарева.

— Скажите, сдѣлайте милость, что такое этотъ слѣдователь.

— Молодой человѣкъ, отвѣчалъ совѣтникъ.

— Петербургскимъ на роду написано—изъ-за указки въ государственные люди. Но вообще, что онъ?

— Хорошъ собою.

— Барынь съ ума сводитъ?

— Нѣтъ, не слышно.

— Человѣкъ, вообще, серьезный, прибавилъ правитель канцеляріи.

— То-есть, какъ? честолюбивъ?

— Незамѣтно.

— Такъ, практическій? по-просту—деньгу любитъ?

— О, нѣтъ, онъ самъ богатъ.

— Въ клубѣ бываетъ?

— Всякій вечеръ, но картъ въ руки не беретъ.

— Важничаетъ?

— Нѣтъ. Держался немножко холодно сначала, теперь — обошлось.

— Но его мнѣнія, понятія?...

— Человѣкъ съ высшими взглядами, отвѣчалъ, улыбнувшись, совѣтникъ.

— Вотъ какъ... А какъ, слышно, онъ дѣла ведетъ?

— Ничего неслышно.

— Стало быть, все секретно, невидимкой?

— Нѣтъ, не невидимкой, но дѣлъ не видно.

— То-есть, какъ?

— Ничего не дѣлаетъ, отвѣчалъ тихо совѣтникъ.

— Почему?

— Не умѣетъ, досказалъ тотъ еще тише, смѣясь.

— Неужели? вскричалъ генералъ и расхохотался — Такъ изъ-за чего же Алексѣй Владиміровичъ... Это комедія!

— Нѣтъ, не комедія, тихо возразилъ правитель канцеляріи, нераздѣлявшій ихъ веселости. Верховской родня директору департамента, а въ такой чести и дуракъ опасенъ. Онъ не знаетъ, какъ взяться, цѣпляется за что попало, путаетъ... было тамъ воровство или нѣтъ, все равно, — въ концѣ концовъ можетъ выдти чортъ знаетъ что! Самъ онъ ничего не сдѣлаетъ, а накличетъ намъ другую коммиссію.

— Но онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Алексѣемъ Владиміровичемъ...

— Что-жа тутъ можетъ Алексѣй Владиміровичъ? прервалъ правитель канцеляріи.—А вмѣшаться съ совѣтомъ кому-нибудь другому... У Верховскаго тоже самолюбіе.

— Любопытно мнѣ его видѣть. Здѣсь онъ?

— Вѣроятно. Еще не танцуютъ, значитъ, ждутъ его жену...

Раздалась музыка.

— А, вотъ, пріѣхали. Пойдемте взглянуть.

На дорогѣ въ бальную залу толпился кружокъ спорящихъ. Городской ораторъ-либералъ, самъ не зная зачѣмъ, поднялъ на себя грозу и отбивался одинъ отъ многихъ.

— Какое же вознагражденіе? за что же вознагражденіе, господа? Всѣ эти труды, пожертвованія... это все для общихъ нуждъ...

— Мы разорены! повторялось единогласно.

— Помилуйте—пять, восемь, наконецъ, десять человѣкъ съ тысячи, — все ни во чтó? Вѣдь мы отдаемъ цѣлыми деревнями! за чтó это, позвольте спросить?

— Господа, но поймите, поймите, кричалъ ораторъ: — вы это дѣлаете для васъ самихъ...

— Какъ? для самихъ себя всего лишаемся?

— И что-жъ это будетъ дальше? на комъ это отзовется?

— Но, господа, нашъ долгъ...

— Мы его знаемъ-съ!

— Нисколько не сомнѣваюсь, глубоко уважаю...

— Еще бы вы не уважали!

— Но ваши пожертвованія—капля въ морѣ...

— Хороша капля! Хорошо тому, кто не жертвóвалъ!

— Капля въ морѣ вашихъ собственныхъ издержекъ, вашихъ собственныхъ затратъ! вскричалъ ораторъ, чтó было силы.

Гроза разразилась.

— Кто мнѣ смѣетъ запретить тратить, когда я хочу?

— Это моя собственность, я имѣю право...

— Я получилъ отъ отца, отъ дѣда...

— Но, господа, тратить деньги, веселиться въ годину общественныхъ бѣдствій...

— Не за-живо же себя схоронить!

— Пять наборовъ! голова кругомъ! отдохнуть надо!

— Нельзя требовать, чтобъ образованное общество не пользовалось...

— Но вы жаловались, что разорены... еще послышался голосъ оратора.

— Ну, разорены, одинъ конецъ! Все равно разоряться!

— *Такъ* пойдетъ—все равно, ничего не останется...

— Господа, позвольте, довольно...

Громъ музыки покрылъ голоса.

— Хоть чѣмъ-нибудь передъ концомъ себя потѣшить!

— Для чего беречь, позвольте спросить?

— Но будущее...

— Его еще никто не предсказалъ!

— Но наши нравственныя силы...

— Какія нравственныя? Станемъ грудью...

— Вы первый не станете! Не пойдете!

— Не пойду, потому что и безъ меня есть кому...

— Господа, идемте играть! настойчиво повторилъ помѣщикъ, тоже изъ отставныхъ военныхъ. Ну, разорились, такъ разорились, пропадай послѣднее, чтобъ врагамъ недоставалось!

— Браво! раздался голосъ Волкарева. — Вотъ она, русская жилка! Fier vétéran, agé de quarante ans de guerre! Андрей Васильевичъ, admirez, вотъ наши патріоты!

Онъ заключилъ патріота въ объятія и здоровался кругомъ съ особеннымъ привѣтствіемъ каждому.

— Кто это съ нимъ? спросилъ Ильицынъ совѣтника.

— Верховской.

Ильицынъ подошелъ къ Волкареву.

— Кого я вижу? вскричалъ тотъ. — Вы ли это? Какъ славно начинается зима!.. Какъ? только на нѣсколько дней?.. Андрей Васильевичъ, дайте скорѣе васъ познакомить: сослуживецъ вашего дяди Зурова.

Онъ представилъ Верховскому Ильицына.

— Когда видишь себя въ кружкѣ хорошихъ людей — жизнь имѣетъ цѣну, продолжалъ онъ: — забываешь годы; покуда тамъ веселится юность...

N-ская юность, точно, веселилась. Въ залѣ все кружилось, мелькало, гремѣла музыка. Въ дверяхъ тѣснились, смотрѣли. Молодые люди сбѣгались изъ другихъ комнатъ.

— Уступаю искушенію и отправляюсь играть, сказалъ Волкаревъ генералу и Верховскому, оставляя ихъ. — Вы, господа, оба не понимаете этого наслажденія... Eh, bonsoir, mon cher Багрянскій...

Онъ прошелъ. Генералъ и Верховской отошли тоже.

— Викторъ Николаевичъ! окликнулъ Духановъ.

— А, это вы...

— Постойте. Никакъ Верховской вамъ не поклонился?

— Ну его...

— Постойте. Примѣтили вы, съ кѣмъ онъ? Ахъ, что́ я, батюшка, узналъ!

— Ну васъ совсѣмъ, прервалъ Викторъ и ушелъ въ залу.

У самыхъ дверей столпилось нѣсколько нетанцующихъ дѣвицъ, изъ тѣхъ, которыя такъ долго ждали начала бала. Онѣ не нашли себѣ заблаговременно стульевъ, не имѣли кавалеровъ;

вальсъ загналъ ихъ на самое неудобное мѣсто, на переходѣ; онѣ спасали въ тѣснотѣ свои платья.

— Багрянскій... вдругъ зашептали онѣ.

Хорошенькія личики, скучающія, раздосадованныя, вспыхнули отъ удовольствія. Такой прекрасный кавалеръ, такъ любезенъ на гуляньяхъ, такъ безъ церемоніи угощался на именинахъ папеньки, такъ увлекательно говоритъ о Кавказѣ, о любви... онъ сейчасъ подойдетъ, позоветъ, — счастье на цѣлый вечеръ... Викторъ шелъ, никого не видя.

— Викторъ Николаевичъ... Отважилась одна прелестная молодая чиновница.

Онъ чуть-чуть пріостановился, вкинулъ стеклышко въ глазъ, узналъ не сразу, озабоченно кивнулъ головой и прошелъ... о ужасъ! онъ даже толкнулъ одну дѣвицу. Она клялась подругамъ, что онъ сказалъ «pardon», но это была неправда.

Викторъ видѣлъ только одну Лидію Матвѣевну и стремился къ ней. Съ этой минуты, они стали неразлучны. Онъ принадлежалъ высшему обществу. Онъ танцовалъ ловко — это считалось добродѣтелью, танцовалъ охотно, это ужъ становилось рѣдкостью; онъ былъ такъ пустъ, что съ нимъ не скучали; онъ даже оживилъ Аннету Каруцкую, но онъ поклонялся только Лидіи Матвѣевнѣ.

— Просто, душка, повторяла она въ восхищеніи.

Впрочемъ, не одинъ Викторѣ—за ней всѣ ухаживали. Она была счастлива, чувствовала, что царствуетъ, царствуетъ вполнѣ. Всѣ встрѣчаютъ, всѣ кланяются. Она оглядѣла всѣхъ женщинъ— нѣтъ наряднѣе ее, ни на одной нѣтъ такихъ бриллiантовъ, а она надѣла еще самые простенькіе! Это André посовѣтовалъ одѣться попроще. André выбралъ цвѣты, платье. Должно быть, онъ, въ самомъ дѣлѣ, знаетъ этихъ губернскихъ... А каково это—вся губернія въ рукахъ у André!.. Какъ онъ важенъ, André, какъ смотритъ, какъ подаетъ руку... Хорошо, хорошо, душка! умница! вотъ, такъ и должно, такъ *ихъ* и надо... Она гордымъ взглядомъ окидывала залу. Чтó бы такое заставить сдѣлать этихъ людей, чтобъ показать надъ ними власть? Чѣмъ бы ихъ наказать, выразить имъ свое неблаговоленіе? Такъ, ни за что, чтобъ только они поняли, что, вотъ, одnимъ словомъ, это она, Лидія Матвѣевна Верховская—и только!.. Къ чему это André такъ обходителенъ съ Волкаревымъ? пускай бы старичокъ самъ за нимъ побѣгалъ... А бѣдная Marie, вотъ и губернаторша, а какъ оставлена, кругомъ пусто... И André, злодѣй, покинулъ. Да гдѣ онъ?... Ахъ, онъ говоритъ съ Горновой! смѣется, наклонился, любезничаетъ...

Лидія Матвѣевна полетѣла чрезъ всю залу, чтобы настичь этотъ подозрительный разговоръ, и неуспѣла: Верховской ушелъ вмѣстѣ съ Волкаревымъ... Ну, ничего, такъ и быть. Нечего портить вечеръ; это еще успѣется дома. Надо веселиться. Что за неподвижная, скучная эта Marie. Въ провинціи — да еще ничего себѣ не позволить!

Лидія Матвѣевна рѣшилась очаровать весь N. въ этотъ вечеръ. Она хохотала на всю залу, кликала молодыхъ людей по фамиліямъ, бѣгала въ кадриляхъ, дѣлала вслухъ замѣчанія о наружностяхъ и туалетахъ, чувствовала себя дома, дразнила Аннету. Это было такъ ново и неожиданно, что добрые провинціалы были поражены.

— Что это madame Верховская!.. воскликнула одна мать семейства.

— Она хохотушка, но, знаете, она милая, заступалась другая дама. Я сейчасъ ее встрѣтила въ уборной. Съ ея состояніемъ, кому-жъ какъ не ей повеселиться, и все? Нѣтъ, она милая...

— Петербургскія манеры, настоящія, объяснялъ наставительно Духановъ. Быстрота. Одно слово — генеральша!

Впрочемъ, какъ человѣкъ съ тактомъ, онъ не рискнулъ подойти къ своей обожаемой генеральшѣ и только любовался, какъ Викторъ повертывалъ ее въ полькѣ.

— Ай да нашъ Викторъ Николаевичъ! чудесно, ей-богу!

— Вы, я думаю, кáкъ мнѣ завидуете! сказала Лидія Матвѣевна, бросаясь передохнуть на диванчикъ, подлѣ m-me Горновой.

— Есть душевное состояніе, которому нельзя завидовать, отвѣчала та съ состраданіемъ и осторожно, слегка отодвинулась.

— Что? спросила Лидія Матвѣевна, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ, свидѣтель этой сцены, смѣялся, поймавъ взглядъ m-me Горновой. — Аницкій, faisons un tour... Elle est folle, воображаетъ — я къ ней ревную! договорила она, уже танцуя.

— Честь вамъ и слава, сказалъ совѣтникъ, редакторъ N-скихъ вѣдомостей, гарнизонному командиру, который взволнованный сбѣжалъ съ хоръ, гдѣ распоряжался музыкантами. Славный оркестръ.

— Сказано и сдѣлано, отвѣчалъ тотъ: — за лѣто сформировалъ. Покоя не было отъ ея превосходительства, съ тѣхъ поръ какъ былъ балъ, тогда, на дачѣ. Тѣ ли средства въ гарнизонѣ, чтобъ имѣть музыку! Да еще только-что обучишь, только начнетъ пиликать, — глядь, его у тебя выхватятъ да куда-нибудь угонятъ...

Онъ примолкъ; подходила m-me Волкарева.

— Чувствую, что вы меня браните, сказала она:—а я шла сказать вамъ merci. Что-жъ дѣлать, не могу забыть наслажденія нынѣшняго лѣта и все сравниваю... Не обижайтесь!

— Помилуйте, ваше превосходительство, возразилъ онъ, принявъ пожатіе ея руки. Да ужъ нечѣмъ и обижаться, и сравнивать вамъ не съ чѣмъ: тѣхъ художниковъ, послѣ Альмы, говорятъ, всего человѣкъ пять осталось; что ужъ за оркестръ.

— Да, ужасно! Какой прелестный былъ праздникъ! обратилась она къ Лидіи Матвѣевнѣ.

— Что прикажете играть, ваше превосходительство? Господа старшины поручили спросить васъ.

— Ахъ, не знаю. Chère Lydie, что хотите? будьте хозяйкой, приказывайте.

Лидія Матвѣевна не заставила себя просить.

— Кадриль, а потомъ я буду присылать къ вамъ моего повѣреннаго съ приказаніемъ, вотъ, m-r Багрянскаго,—любезничала она съ гарнизоннымъ командиромъ. — Хотите быть моимъ повѣреннымъ, m-r Victor?

— Сочту за счастіе, отвѣчалъ онъ.

— Мнѣ нужно было бы сказать вамъ... обратился совѣтникъ къ m-me Волкаревой, но суматоха сбирающейся кадрили ихъ разлучила. M-me Волкарева отказалась танцовать, сѣла вдали, между очень скучными маменьками, кротко поговорила съ ними и задумчиво смотрѣла на порхающую m-me Верховскую. Ей вдругъ вздумалось протестовать своей неподвижностью противъ этой игривости; она говорила себѣ, что составляетъ контрастъ... Но тутъ же явился вопросъ: къ чему этотъ контрастъ? Уже все потеряно! Поздно! Остается одно — исполнять долгъ жены-помощницы, служить интересамъ своего мужа...

Она обрадовалась, увидя близко Лѣсичева.

— Annette Каруцкая очень мила сегодня, сказала она ему:— лучше ея здѣсь никто не вальсируетъ.

— Это правда.

Онъ не танцовалъ и присѣлъ отдохнуть на диванчикъ, гдѣ пріютилась m-me Волкарева.

— У Annette прелестный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ. Нужно имѣть силу души для такого спокойствія, — cette sérénité, какъ вотъ теперь, напримѣръ. Что она выноситъ! Сейчасъ, сбираясь на балъ...

— Я думаю, чего-нибудь стóитъ сдѣлать себя похожей на человѣка, сказалъ онъ очень серьезно.

— Ахъ, Лѣсичевъ... я говорю о ея страданіяхъ въ семейной жизни.

— Что-жъ, одно къ другому; тѣмъ лучше для будущей жизни. Vierge et martyre!!

— Ахъ, quelle cruauté! Мнѣ и безъ того такъ грустно.

— Я это замѣтилъ и шелъ узнать, что съ вами, — уединились, старушкой, уступили свои права m-me Верховской, — однимъ словомъ, вы — не вы.

— Жестокая необходимость, другъ мой; я обязана стараться всѣми средствами... Nous sommes au bord d'un abime. Еслибы хоть вы захотѣли помочь... Скажите, прибавила она, рѣшаясь сама не зная на что:—вы продолжаете бывать у Багрянскихъ?

— Продолжаю.

— У васъ достаетъ упрямства, мужества?

— Да, почти-что мужества, потому что тамъ завелось пугало для всякаго порядочнаго человѣка.

— Что вы хотите сказать?

— Кавказскій герой. Я даже хотѣлъ спросить васъ. Вы однажды намекнули, что я буду доволенъ, если не попаду въ эту семью. Вы, конечно, имѣли въ виду родство съ этимъ господиномъ?

— Я вамъ говорила? Не помню.

— Я помню, возразилъ онъ.—Но вы принимаете его очень привѣтливо и это меня сбиваетъ.

— Нѣтъ... Victor, c'est un bon enfant, онъ намъ преданъ... Вы слишкомъ требовательны, Лѣсичевъ. У него, конечно, нѣтъ вашего образованія, вашей привычки къ обществу... Нѣтъ, я думала совсѣмъ другое.

— Что же?

M-me Волкарева помолчала.

— Вы встрѣчаете тамъ Верховскаго? спросила она.

— Раза два встрѣтилъ.

— И... что же?

— Ничего.

— Вы ничего не замѣтили?

— Ничего, повторилъ Лѣсичевъ нетерпѣливо.

— Ахъ, нехорошо, Лѣсичевъ, нехорошо притворяться! Вы не можете быть слѣпы, — онъ влюбленъ...

— Марья Васильевна, вы уже не въ первый разъ это говорите. Это выходитъ однообразно.

— И она его любитъ.

— Нѣтъ.

— Да! я это знаю, я убѣждена... Онъ вашъ счастливый соперникъ!

— Что? прервалъ онъ, вспыхнувъ.—Нѣтъ, потому что только пустѣйшая женщина можетъ полюбить Верховскаго!

Онъ забылся до того, что даже возвысилъ голосъ.

— А въ такомъ случаѣ, еще хуже! заговорила шопотомъ m-me Волкарева, не забываясь, хотя чувствовала, что въ ея сердцѣ кипѣло что-то необыкновенное. — Тѣмъ хуже! Она, нелюбя, служитъ отвратительной интригѣ. Ея отецъ насъ ненавидитъ: вотъ, это дѣло, что поручено Верховскому... Тамъ все извѣстно. Тамъ хотятъ насъ погубить. Она его завлекаетъ, онъ пылокъ; она готова на все...

— Кто вамъ это наклеветалъ? прервалъ Лѣсичевъ очень тихо, но такъ, что m-me Волкарева вмигъ лишилась своей энергіи.

— О, я убѣждена! отвѣчала она. Лѣсичевъ, вы не заподозрите меня въ злости, въ легкомысліи... Верховской—что скрывать!—несчастенъ въ своемъ бракѣ. Его сердце искало... Вы могли замѣтить сами... Лѣсичевъ, je vous parle en amie!.. Я сдѣлала на него впечатлѣніе. Еслибъ я захотѣла, я давно бы имѣла надъ нимъ власть, которая теперь въ рукахъ этой особы... Mais, mon devoir... Но его надо отвлечь, или мы погибли! Лѣсичевъ, надо спасти и его—онъ гибнетъ! Эта преступная страсть... Я готова все сказать Лидіи!

— И самое лучшее: Лидія, безъ хлопотъ, увезетъ его отсюда, прервалъ Лѣсичевъ и засмѣялся.

M-me Волкарева потерялась.

— Лѣсичевъ, mais qu'avez-vous donc?

— Я попрошу васъ быть откровенной до конца, Марья Васильевна, заговорилъ онъ опять серьезно.—Отъ кого вы это знаете? Я не смѣю предположить, чтобъ это были ваши собственныя соображенія.

— О, нѣтъ, отвѣчала она, искренно испугавшись.

— Такъ откуда же это?

— Я не могу вамъ сказать.

— Я поищу, сказалъ онъ тихо, глядя передъ собою и закусывая губы.

— Лѣсичевъ, она вамъ не сестра и не невѣста.

— Такъ что же, возразилъ онъ, засмѣявшись: предположите у меня рыцарскія чувства.

Онъ всталъ. Кадриль кончилась.

— Рыцарскія чувства, — это очень мило въ нашъ положительный и матеріальный вѣкъ,—неправда ли? обратился онъ къ

совѣтнику-редактору, который, пользуясь тѣмъ, что стало просторнѣе, пробирался къ губернаторшѣ.—Помогите мнѣ увѣрить Марью Васильевну, что я способенъ на все великое и прекрасное...

M-me Волкарева была совершенно отуманена.

— Васъ надо поймать на словѣ, сказалъ Лѣсичеву редакторъ. Я хотѣлъ напомнить вамъ, Марья Васильевна, одно ваше доброе, прекрасное намѣреніе — устроить общественное удовольствіе съ полезной цѣлью. Надо заставить участвовать и Лѣсичева. Я вамъ сообщалъ мою идею.

— Что такое? слабо спросила m-me Волкарева, забывшая идеи своего помощника по части всего изящнаго.

— Маленькій спектакль любителей въ пользу нашихъ защитниковъ.

— Ахъ, да...

— Для этого нужно бы собраться, прочесть...

— Поручусь, у васъ что-нибудь готово! вскричалъ Лѣсичевъ.—Я вызову автора! Только, сдѣлайте милость, не патріотическое. Марья Васильевна, вы слышали, что вчера случилось въ театрѣ?

— Ah, mon Dieu... прервала m-me Волкарева.

— Вы слышали? продолжалъ Лѣсичевъ, обращаясь къ другимъ подходившимъ дамамъ. Шла une pièce de circonstance — изъ нынѣшнихъ. Тамъ, въ концѣ, двухъ деревенскихъ злодѣевъ отдаютъ въ рекруты...

— Ахъ, Лѣсичевъ...

— Артисты вошли въ роль, завыли голосомъ, раекъ—хлопать, — и при паденіи занавѣса, за кулисы является полиція и виновники скандала...

— Пощадите! вскричáла m-me Волкарева, между тѣмъ какъ онъ хохоталъ такъ нецеремонно, что притворство было ужъ замѣтно.

Собравшійся кружокъ занялся выборомъ пьесы; у совѣтника въ самомъ дѣлѣ была готова своя; онъ предлагалъ ее, разсказывалъ, объяснялъ. Выходила смѣсь литературныхъ толковъ, отвлеченныхъ сужденій, фразъ безъ конца, восклицаній безъ смысла. Лѣсичевъ школьничалъ, болталъ, возражалъ не понимая на что, противорѣчилъ, хохоталъ, самъ не зналъ чему, мѣшаясь во все и ничего не слушая. Вдругъ среди говора раздался тоненькій голосокъ Лидіи Матвѣевны; она, на-лету, тоже бросилась въ споръ.

— Ахъ, я обожаю мужчинъ, которые смѣются надъ влюбленными женщинами!

Лѣсичевъ будто очнулся. Ему вдругъ все показалось нестерпимо противно: щебетъ женскихъ голосовъ, взгляды, улыбки, все глупое, натянутое, ложное. Всѣхъ сноснѣе Аннета, набѣленная, подклеенная—по крайней мѣрѣ молчитъ и въ простотѣ сердца трепещетъ... Ему хотѣлось всѣмъ наговорить дерзостей; онъ поскорѣе бѣжалъ. Онъ машинально взглянулъ на свои часы. Въ полночь никуда не ѣздятъ... Но неужели онъ сбирался куда-нибудь поѣхать? — Онъ пошелъ въ комнаты гдѣ играли. Ему хотѣлось проиграться, но не было денегъ.

Въ отдаленіи отъ карточныхъ столовъ, вдвоемъ сидѣли Верховской и Ильицынъ.

— «Счастливый соперникъ...» Въ какой мѣрѣ счастливый?... Чортъ возьми Волкареву,—она лжетъ!

Лѣсичевъ тоже бросился въ уголъ потемнѣе, попрохладнѣе... Престранное ощущеніе; въ глазахъ мутно, въ головѣ Богъ-знаетъ что. Въ залѣ опять раздалась музыка. Онъ осматривался. Какъ все гадко: и карточные столы, и игроки, и эти два бесѣдующіе господина... Онъ припоминалъ, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлъ Ильицына. Да, — у той госпожи, въ уѣздѣ, когда ѣздилъ съ письмомъ къ злополучному исправнику, лѣтомъ... Лѣтомъ!... А, господинъ Верховской!.. Что-жъ вы не пойдете полюбоваться на вашу супругу? Вдвойнѣ счастливъ!.. Но лжетъ она. Выходить изъ себя оттого, что плетутъ бабы — значитъ имъ вѣрить. А кто имъ вѣритъ, тотъ хуже ихъ. Логично. Она лжетъ. Что-жъ надо сдѣлать? потому что такъ оставить этого нельзя. Отозвать Верховскаго, сказать ему?.. Да стόитъ ли онъ того, чтобъ съ нимъ имѣть дѣло? Еще обрадуется— какже, такъ привлекателенъ, пылокъ, побѣдитель!.. *Ей* сказать. Вотъ, это называется—*поберечь*. Сказать. Пусть она его отъ себя выгонитъ. Тутъ дѣло идетъ и объ ея отцѣ; она не задумается...

Онъ опять посмотрѣлъ на часы. Смѣшно! Вѣдь время назадъ не идетъ. Завтра, чѣмъ свѣтъ, къ *ней*.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Куда вы, Евгеній Ивановичъ? спросилъ его Верховской.

— Домой, спать.

— Что такъ рано.

— Прежде, бывало, это вамъ говорили! возразилъ, уходя, Лѣсичевъ.

Верховской не замѣтилъ, какъ прошелъ вечеръ. Онъ не входилъ въ большую залу, а потому и не утомился, глядя на круженье. Тутъ ему не пришлось, какъ всегда бывало, бродить отыскивая знакомыхъ, непоглощенныхъ картами, или одиноко пересматривать жалкія газеты и запоздалые журналы. Знако-

мыхъ встрѣчалось много, всѣ были какъ-то оживлены; Верховскаго забавляло удовольствіе, которое онъ доставлялъ своей привѣтливостью; маленькія провинціальныя продѣлки его смѣшили. Нашлось и въ самомъ дѣлѣ занимательное—знакомство Ильицына. Они почти не разставались. Ильицынъ участвовалъ во всѣхъ сколько-нибудь значащихъ разговорахъ, даже направлялъ ихъ съ особеннымъ умѣньемъ и тактомъ. Такого пріятнаго собесѣдника Верховской еще не встрѣчалъ въ N. Это былъ человѣкъ хорошаго общества, образованный, неотжившій, незачерствѣвшій. Онъ говорилъ безъ фразъ, просто, изящно, иногда насмѣшливо, извиняясь своей привычкой къ независимости; слегка презрительно отзывался о чиновничествѣ и чинопочитаніи, но очень высоко ставилъ заслугу; онъ не увлекался юношески, но ничего не принималъ холодно, напротивъ, во всякомъ его словѣ было участіе и серьезное достоинство. Его тонъ былъ въ мѣру, не провинціально, а добродушно увѣренный. Онъ будто считалъ себѣ все дозволеннымъ, но позволялъ себѣ только должное. Это было чрезвычайно оригинально и вмѣстѣ порядочно. Верховскому онъ очень нравился. Особенно хорошо показалось Верховскому, когда они остались вдвоемъ и разговоръ сдѣлался какъ-то задушевнѣе; слово за словомъ—встрѣчалось множество одинакихъ, сближающихъ убѣжденій.

— Какъ это, поздно? сказалъ Верховской, схватываясь за часы при отвѣтѣ Лѣсничева.

— Да, подтвердилъ Ильицынъ, опуская свои въ карманъ:— для меня, по крайней мѣрѣ, чудо—досидѣть до этой поры.

— Но и со мной этого не случалось въ этомъ клубѣ!

— Что-жъ, поблагодаримъ другъ друга взаимно, сказалъ Ильицынъ.

— Позвольте быть у васъ, отвѣчалъ Верховской, пожимая ему руку:—я буду благодарить Волкарева, который мнѣ доставилъ...

— Я долженъ отклонить одну рекомендацію Волкарева, прервалъ Ильицынъ: — онъ вамъ сказалъ, что я сослуживецъ вашего дяди Зурова. Я почти не помню Зурова. Онъ продолжаетъ служить, идетъ въ гору; я — десять лѣтъ въ отставкѣ, безвыѣздно въ деревнѣ, человѣкъ одинокій и ни о чемъ не хлопочу, какъ о полнѣйшей независимости. Я даже удивляюсь вашему дядѣ.

— Я самъ ему удивляюсь, сказалъ Верховской.

— Честолюбіе! Мы, кажется, равно его не понимаемъ. Еще недавно, я видѣлъ въ газетахъ, — Зуровъ получилъ пенсію за кампанію, кажется, 1826 года. Развѣ онъ былъ тогда раненъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Верховской.

— Теперь ужъ столько новыхъ, заслужившихъ... вѣроятно, напоминалъ. Нѣтъ, я бы не сталъ напоминать! продолжалъ Ильицынъ. Независимость—такое благо, которое поймешь только тогда, когда оно вполнѣ—наше.

— Независимость въ бездѣйствіи — положеніе не блестящее, замѣтилъ Верховской.

— Да, но это — все, чѣмъ мы можемъ обладать въ настоящее время. По крайней мѣрѣ, я не кланяюсь, не остерегаюсь, дышу свободно. За двѣ пули въ бокъ я купилъ себѣ право мирно сидѣть дома, читать, сажать свою капусту, ни съ кѣмъ не знаться и говорить людямъ прямо, что̀ я о нихъ думаю.

— Но, я думаю, не часто пользуетесь этимъ правомъ.

— Нѣтъ, и не рѣдко. Вотъ, я хочу имъ сейчасъ воспользоваться, сказалъ Ильицынъ, несглаживая своего немного рѣзкаго тона даже улыбкой.—Здѣсь удивляются, что я вышелъ изъ своей берлоги. Хотите ли знать, что меня вызвало? Вы.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, любопытно, сказалъ Верховской.

— Я очень уважаю Волкарева, продолжалъ Ильицынъ. Мнѣ рѣшительно нѣтъ въ немъ никакой надобности; это всѣмъ извѣстно. Уважаю потому, что онъ того сто́итъ. Вдругъ я слышу, что изъ Петербурга шлютъ чиновника разбирать его дѣйствія... Позвольте, остановилъ онъ Верховскаго: — я знаю, что въ дѣлѣ не помянутъ прямо Волкаревъ, но тѣмъ хуже: это что-то подъ рукою... Извините.—Я узнаю, что чиновникъ, назначенный на слѣдствіе, уже давно жилъ здѣсь, купилъ имѣніе, гдѣ возмущались крестьяне... Что это такое? Развѣдыванье?

— Позвольте... прервалъ, вспыхнувъ, Верховской.

— Позвольте, прервалъ Ильицынъ. Я васъ предупреждалъ— у меня привычка говорить прямо. Я разсказываю мои предположенія и не имѣю ни малѣйшаго намѣренія сказать вамъ что-нибудь непріятное. Если мои слова покажутся вамъ неловки, извиняюсь заранѣе. Но, я думаю, вамъ даже выгоднѣе терпѣливо меня выслушать. Позвольте продолжать?

— Продолжайте... отвѣчалъ Верховской въ недоумѣніи.

— Я былъ возмущенъ за Волкарева. Согласенъ, есть оффиціальныя формальности, ихъ, говорятъ, нельзя обойти; но когда происшествіе случилось на глазахъ...

— Вы знаете это дѣло? вскричалъ Верховской.

Его поразила внезапная мысль.

— Какъ же не знать. Старикъ Мауровъ былъ мой сосѣдъ, несчастный, всѣми оставленный нищій; онъ скопилъ, можетъ-быть, нѣсколько грошей себѣ на гробъ, а наслѣдники...

— Вы ихъ знаете?

— Я такихъ людей не знаю, возразилъ Ильицынъ. Извѣстно, что они нажились отъ кабаковъ. Для меня тутъ важно сопоставленіе: Волкаревъ и они! Это немыслимо! вскричалъ онъ въ негодованіи. Что-жъ онъ, сквозь пальцы смотрѣлъ, какъ воровалъ исправникъ—молодой, образованный человѣкъ? Или Волкаревъ самъ укралъ? Это... этому названія нѣтъ!.. Вы понимаете, что любопытно видѣть, какъ тутъ справляется слѣдователь, человѣкъ тоже образованный и молодой... Извините.

Верховской слушалъ жадно и вмѣстѣ разсѣянно; его сбивала, туманила собственная мысль...

— Извините, повторилъ Ильицынъ, чуть-чуть улыбнувшись его замѣтному волненію.

— О, нѣтъ, возразилъ Верховской: — напротивъ... Напротивъ, я вамъ безконечно благодаренъ... я васъ прошу... Признаюсь, я еще не слышалъ объ этомъ дѣлѣ ни одного безпристрастнаго сужденія, я не встрѣтилъ человѣка, на котораго бы могъ положиться...

— Неужели?

— Ни души! Всѣ или тупы, или боятся Волкарева...

— Или обвиняютъ его? подсказалъ Ильицынъ.

— Да, отвѣчалъ откровенно Верховской. Я, просто, какъ въ лѣсу. Кого слушать, на чемъ основаться?.. Не откажитесь мнѣ разъяснить...

— О, я далекъ отъ всякихъ дѣлъ! прервалъ Ильицынъ.

— Только разъяснить! Переговоримъ подробнѣе, укажите мнѣ...

— Нравственную сторону дѣла,—извольте, отвѣчалъ Ильицынъ, слегка пожавъ плечами, какъ бы въ раздумьи и неохотно. Но только, конечно, не теперь; во-первыхъ—поздно, а потомъ... Насъ, кажется, слушаютъ.

Недалеко былъ Викторъ. Верховской оглянулся. Его вдругъ что-то взорвало.

— Это? сказалъ онъ громко. Это ничтожность, на которую не стóитъ обращать вниманія.

— Такъ до свиданія, сказалъ Ильицынъ.

— До свиданія, повторилъ Верховской. Я сейчасъ уѣзжаю тоже, только скажу моей женѣ.

Онъ ушелъ въ залу.

Ильицынъ подошелъ къ столу, гдѣ игралъ Волкаревъ.

— Проигрываюсь, погибаю, мой милый! сказалъ тотъ, взглянувъ на него выразительно.

Ильицынъ наклонился къ его картамъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ равнодушно: — мнѣ кажется, вы выиграете.

— Вы думаете?

— Покойной ночи.

Ильицынъ ушелъ.

— Какъ онъ васъ огрѣлъ, Викторъ Николаевичъ! говорилъ Духановъ, подвертываясь къ другу, который, еще не двигаясь, смотрѣлъ вслѣдъ Верховскому.

— Оставьте меня въ покоѣ... выговорилъ Викторъ и ушелъ въ залу.

IV.

Багрянскій заснулъ. Катерина положила книгу, которую ему читала, въ разсѣянности погасила свѣчу, и осторожно, ощупью выбралась изъ кабинета. Въ гостинной та же темнота. Изъ-подъ двери ея комнаты виднѣлся свѣтъ. Тихо, холодновато, по ночному.

Пора отдохнуть...

Но Катерина не пошла къ себѣ и бродила по гостинной. Окна бѣлѣли. Глаза привыкали къ потемкамъ; рѣзкая, свѣтлая черта изъ-подъ двери была даже непріятна...

Она продолжала бродить, какъ во снѣ. Разорванныя мысли сталкивались, мѣшались; что-то прочитанное сейчасъ, прочитанное давно, житейское, — такъ, безсвязныя слова. Знакомые предметы вырисовывались въ темнотѣ все яснѣе, — по памяти, или въ самомъ дѣлѣ. Они будили мгновенныя, смутныя воспоминанія. Иногда, воспоминаніе отчетливѣе, мгновенной болью, кололо сердце; боль расплывалась, — и опять одна напряженная, томительная усталость...

Страшно устала. И такъ — всякій день. Какъ-нибудь собрать, сообразить, что было въ эти послѣдніе дни.... Невозможно. Однообразіе убійственное. Ни одного живого слова. Чтеніе — голова перестаетъ понимать. Унижающая тоска. Отецъ вѣчно раздраженъ. И цѣлый день ни минуты не своя: дѣла, дѣла, дѣла,—какъ глаза открыла. Подумать некогда. Живи, какъ можешь. Жизнь догораетъ. И такъ съ утра до ночи, покуда одолѣетъ сонъ.

Катерина прислонилась къ окну и смотрѣла въ улицу. Темнота. Все заборы. Вѣтеръ рветъ высокую плакучую березу, единственную на дворѣ, напротивъ. Какъ она мечется.... Въ трехоконномъ флигелькѣ, дальше, свѣтится ночникъ. Сосѣдка

больна. Это жена землемѣра. Катерина вспомнила, какъ крестила у нея лѣтомъ, — тогда, какъ копировала планы. Она тогда сказала *ему*. Она назвала свою крестницу именемъ *изъ радости;* лучше этого имени нѣтъ на свѣтѣ...

Она бросилась отъ окна. Темнота, холодная какъ смерть, тѣснитъ, виситъ надъ головой. Огненная черта испугала...

Ребячество. Пойти, лечь и уснуть.

Она отворила дверь въ свою комнату. Маша сидѣла тамъ за работой, и при входѣ Катерины еще ниже нагнула голову. Катерина шаловливо выдернула нитку изъ ея иголки.

— Господи, вскричала Маша: — да вы какая-то вѣчная!

Она бросилась ей на шею и горько рыдала.

— Будетъ тебѣ, сказала Катерина.

У нея прошло по сердцу нехорошее чувство. Принужденіе истомило. Все молчать, молчать, когда, вотъ, есть кому и высказаться, молчать, чтобъ не огорчать своимъ горемъ. Говорятъ — силъ много, такъ и терпи; все вынесешь... Да, точно, силъ много... Чѣмъ же виноваты тѣ, у кого ихъ мало? Къ чему высказываться? Жаловаться?...

— Будетъ, Маша, повторила она. — Я знаю, ты за меня душу отдашь, но все-таки ничему не поможешь. Я думаю другое. Куда бы тебѣ пристроиться? Такъ жить нельзя.

— Ну, будетъ и вамъ, прервала Маша. — Я ужъ это отъ васъ слышала. Гдѣ вы, тамъ и я. Вы меня сами не мучьте, не говорите такъ. Что̀ будетъ, то и будетъ.

Катерина не возражала. Ходить было негдѣ, тѣсно. Она стала у балконной двери. Тамъ вѣтеръ слышнѣе, листья такъ и сыплятся; неясное мельканье, неясный шумъ. Ей казалось, что она чего-то ждетъ. Ждать нечего. Она оглянулась на движеніе Маши. Та убирала свою работу.

— Засните, сказала она. — А сегодня балъ въ клубѣ.

— Какъ это тебѣ пришло въ голову? спросила Катерина.

— Не знаю... И въ самомъ дѣлѣ, вамъ это не нужно.

— Мнѣ этихъ людей не нужно, сказала Катерина. — Прощай.

Она осталась одна; ей хотѣлось опять туда, въ темноту; она ужъ дошла до двери.

— Что̀ это со мной... Пора спать.

Она машинально расплела свои косы.

— Балъ въ клубѣ. *Онъ* тамъ. Мнѣ ихъ не нужно... Зачѣмъ же ему ихъ нужно? Какъ онъ смирился съ этими людьми?.. Онъ опять четыре дня не показывался. Почему онъ не показывается?.. Съ того вечера...

Послѣднее свиданіе встало передъ нею ясно, отчетливо, всякимъ словомъ, всякимъ движеніемъ... Вотъ оно, несчастье. Все выносилось,—это сломило. Не даромъ такъ стало страшно, не даромъ такъ горько захотѣлось умереть... Что такое оборвалось? Кого такъ стало жаль? Его... или ужъ себя? Неужели это —*онъ*? Онъ? Праздный фразёръ, эгоистъ... Пригрѣлся среди вздора... Онъ...

— Невозможно! Онъ не помнилъ, что̀ говорилъ! Невозможно! Мы оба себя не помнили. Мнѣ показалось Богъ-знаетъ что̀. Я идеалистка. Это надо разсудить хладнокровно... — Господи, я отвожу себѣ глаза, я *оправдываю!*..

Она бросилась съ мѣста, остановилась, въ ужасѣ захватила свои разметанные волосы и упала на стулъ... Мысли закружились, понеслись словами, ббразами, огнемъ. Эти минуты стоили годовъ...

Кругомъ все было тихо, будто замерло̀.

Что-то блѣдно мелькнуло въ темнотѣ за балконнымъ стекломъ; послышался легкій, звонкій стукъ. Катерина оглянулась.

— Отвори, моя радость, холодно.

Она поднялась вдругъ, машинально, и отперла. Она понимала — это не сонъ. Она много хотѣла ему сказать и помнила что̀! Сказать нужно, говорить — напрасно.

— Я сейчасъ оттуда, съ бала... Почему ты не была?

Она не отвѣчала. Онъ не замѣтилъ ея страннаго взгляда. Онъ видѣлъ только всю ее, ее въ этой маленькой комнатѣ съ маленькой свѣчой, въ этомъ святилищѣ, гдѣ простая жизнь, со всѣмъ складомъ своихъ подробностей и привычекъ, вдругъ пахнула своей чистотой, своимъ тепломъ, своей прелестью. Сейчасъ было такъ шумно; сейчасъ въ глазахъ были огни, наряды, вздоръ, женщины... Вотъ оно, свое, живое, благодать, любовь, счастье, — эта тишина, эта женщина...

— Катя, жизнь моя!

— Что тебѣ надо? спросила она.

— Я бѣжалъ къ тебѣ... Прости мнѣ... все!

Онъ забывался.

— Я бѣжалъ тебѣ сказать. Ты будешь довольна. Я сейчасъ, тамъ, узналъ... разныя новыя свѣдѣнія... Завтра берусь за дѣло, за все, берусь жарко, какъ должно. Ты будешь довольна. Я все помню, все, что̀ ты говорила, все... Катя, я тотъ человѣкъ, которому ты вѣрила! Ты подняла, ты оживила — не оставь меня, не презирай, не отнимай своей любви, прости меня....

— И ты меня прости... выговорила она, падая ему на шею.

— Катя...

— Молчи. Еслибъ ты зналъ, что было у меня сейчасъ на душѣ... Только теперь я знаю, какъ я тебя люблю!

Она обнимала его жарко, торопливо, будто свидѣлась послѣ долгой, безнадежной разлуки, будто хотѣла вознаградить себя за все, что̀ вынесла.

— Ну, вотъ, теперь жить можно! сказала она, веселая, смѣлая и прелестная. — Опять, по-прежнему. Вмѣстѣ примемся за отца... Охъ, какъ онъ тоскуетъ! Ты умѣешь, ты сдѣлаешь, чтобъ у него былъ часочекъ спокойный. Знаешь, что̀: завтра, въ сумерки, приди сейчасъ, какъ онъ проснется...

— Катерина Николаевна... вскричала, вбѣгая, Маша.

— Стой, куда? раздался ей вслѣдъ громовой голосъ Виктора. — Эй, люди, огня!

Слышались вопли няньки, шаги Багрянскаго. Дверь затрещала; вломился Марсъ.

— Гдѣ онъ, гдѣ? повторялъ Викторъ у постели Катерины и выскочилъ изъ-за перегородки съ пистолетомъ въ рукѣ.—Злодѣй, ты здѣсь...

Верховскій откинулъ его и бросился въ садъ.

— Марсъ, пиль! закричалъ Викторъ, схватывая свѣчу и сбѣгая съ балкона.

Огонь пролетѣлъ въ темнотѣ и исчезъ. Раздался выстрѣлъ.

— Что̀ здѣсь, что̀ случилось? спрашивалъ Багрянскій.

Ему на встрѣчу Викторъ тащилъ съ балкона Катерину.

— Что̀ случилось? Что̀ ты сдѣлалъ?

— Къ несчастью, не убилъ обольстителя моей сестры! отвѣчалъ Викторъ, бросая пистолетъ на полъ. — Онъ — дома!

Далеко раздавался неистовый ревъ Марса.

— Кто дома? Кто здѣсь былъ?

— Успокойтесь, Марсъ не въ состояніи перепрыгивать заборы, говорилъ Викторъ, ломая руки сестры и толкая ее въ кресло. Успокойтесь, до завтра, онъ живъ!

— Кто живъ?.. Катерина, кто здѣсь былъ? повторилъ, весь дрожа, Багрянскій.

— Верховской, отвѣчала она громко.

— Ея любовникъ! вскричалъ Викторъ.—Онъ у нея всякую ночь... Клянусь моей душой, это — послѣдняя!

— Катерина, отвѣчай!

— Онъ лжетъ.

— Клянусь всемогущимъ Богомъ... Да вы взгляните на нее!

— Кто изъ васъ лжетъ? вскричалъ въ бѣшенствѣ Багрянскій.

— Я лгу? Вы это мнѣ, мнѣ сказали? вскричала Катерина, какъ помѣшавшаяся, хватаясь за его руки. — Я лгу?

— Прочь!

Онъ оттолкнулъ ее такъ, что она упала.

— Батюшка, батюшка... повторялъ Викторъ, подхватывая его подъ руки. — О Боже! она убьетъ васъ... Вотъ плоды... Успокойтесь, успокойтесь, я знаю мой долгъ, я исполню...

Онъ увлекъ его изъ комнаты.

Чрезъ минуту, въ этой комнатѣ, во всемъ домѣ наступила страшная тишина.

Викторъ уложилъ отца, какъ ребенка, и вышелъ изъ кабинета. Въ прихожей, въ потьмахъ, рыдала нянька.

— Чего, старая? Такъ-то съ вами лучше. Иди сюда.

— Злодѣй ты, выговорила она.

Катерина не знала, когда пришла въ себя, на своей постели. Было темно, хотя откуда-то свѣтилъ день. Она поднялась, вышла изъ-за перегородки. Ставни были заперты; балконъ заколоченъ снаружи досками; дверь въ гостиную — на замкѣ. Катеринѣ стало что-то смѣшно. Она воротилась за перегородку и тронула дверь въ переходную. За нею поднялась отвратительная голова Марса.

— Маша! вскрикнула Катерина.

Прибѣжала нянька.

— Молчи, матушка, молчи. Маши нѣтъ. Чтó тебѣ?

— Гдѣ Маша?

— Ушла... Ее братецъ разсчелъ совсѣмъ... охъ, прогналъ. И меня обѣщалъ тоже, если чтó...

Между морщинами у нея катились мелкія слезы. Вчера у нея не было этихъ морщинъ.

— Двоихъ человѣкъ онъ, чѣмъ свѣтъ, нанялъ,—повара,— все ужъ ему на ныньче приказалъ,—да еще человѣка. Ты ужъ не кричи: чужіе въ домѣ. Я за тобой похожу.

— Мнѣ никого не надо, сказала Катерина. — Такъ Маши ужъ нѣтъ... Который часъ?

— Скоро два, никакъ. Вѣдь вчера, къ заутрени въ колоколъ, какъ это у васъ кончилось. Я ставни отворю; окошко-то двойное. Ты ужъ не уходи, Христа-ради. Да и песъ этотъ тутъ... Никого *ихъ* нѣтъ. Оба со двора уѣхали. Вчера еще они говорили, говорили, и сегодня, какъ встали, чай кушали...

— Чай кушали... повторила Катерина.

— Ты кушать хочешь?

— Хочу. Откройте ставни.

Свѣтъ разлился мгновенно; она оглядѣлась. Одинъ стулъ опрокинутъ. Подъ ногой хрустнуло стекло розетки съ подсвѣчника. На столикѣ, въ углу, лежала чинно, непострадавшая въ суматохѣ, фуражка Верховскаго...

Катерина достала маленькое зеркало и посмотрѣлась. Ей было смѣшно.

— Ну, нервы! подумала она вслухъ.—Настоящая крестьянская дѣвка... Зачѣмъ же онъ убѣжалъ?

V.

Волкаревъ, въ волненіи, расхаживалъ по своему кабинету. Волненіе было искусно разыграно; губернаторъ давно усталъ, но не садился, чтобы удобнѣе и величавѣе выражать свой гнѣвъ. Викторъ, сильно сконфуженный, со шляпой въ рукѣ, стоялъ у двери.

— Вы являетесь жаловаться, кричалъ Волкаревъ: — а васъ самихъ, по первому моему слову, возьметъ полиція, какъ нарушителя общественнаго спокойствія. Выстрѣлъ въ городѣ! ночью!.. Вамъ мало, что полгода назадъ вы были рядовымъ? Захотѣли еще? Забыли, что по милости моей вы существуете? Я васъ сейчасъ арестую! Я сообщу жандармскому полковнику! Я сейчасъ напишу о васъ!

— Но, ваше превосходительство, честь моей сестры...

— Молчать! Вы смѣете клеветать на лицо неизмѣримо выше васъ! За то, что господинъ Верховской васъ презираетъ? Вы, съ-пьяну, пустили пулю въ какого-нибудь вашего пьянаго пріятеля!.. Честь вашей сестры!! Вы ее оскорбляете! Вы выдумали сказку, сказку — слышите, сказку! Сказку, или я васъ уничтожу!

— Но что же я могу сказать, ваше превосходительство...

— Что́ хотите. Ступайте вонъ.

— Ваше превосходительство, я надѣялся...

— На меня? Какъ вы смѣете?.. Я могу васъ пощадить, но вступаться за васъ!.. Какъ вы смѣли это подумать? Я васъ пощажу, но не для васъ, а ради сѣдыхъ волосъ вашего отца. Я умѣю прощать врагамъ, скажите ему! Я не допущу, чтобъ имя благородной дѣвушки... скажите это ей! Но вы, вы... Если вы

хоть намекомъ, хоть взглядомъ, когда-нибудь... вы сгніете въ казематѣ! Ступайте вонъ.

— Его превосходительство генералъ Ильицынъ, доложилъ лакей.

— Ступайте, повторилъ, оторопѣвъ, губернаторъ.—Eh bien, mon ami, заговорилъ онъ, запирая дверь и сжимая руку Ильицына. — Не томите; что, кàкъ вы сошлись?

Ильицынъ бросился на диванъ и взялъ сигару.

— Я васъ, право, не понимаю, сказалъ онъ равнодушно, между тѣмъ какъ Волкаревъ заглядывалъ ему въ глаза. — Изъ чего вы переполошились? Вашъ Верховской такой податливый смертный, что съ нимъ и хлопотать не стóитъ. Вы сами компрометтируетесь, присылаете за мной по десяти разъ въ гостинницу. Я еще съ вчерашняго не выспался. Дайте, пожалуйста, чаю.

— Вы, однако, мучитель, возразилъ съ досадой Волкаревъ. Скажите толкомъ, чтó онъ сказалъ вамъ, вы ему?..

— Не припомню. Вотъ, еще съ нимъ повидаемся, я увезу его съ собой... а тамъ, на слѣдствіи, откроется, чтò нужно.

— Чтò откроется?

— Но все то же. Вѣдь вы-жъ придумали. Ну, откроется сумасшествіе, что-нибудь въ этомъ родѣ. Вы мнѣ поручили,— и предоставьте. Я не могу заранѣе сказать, кàкъ вдохновлюсь. Если вы довѣряли моему благоразумію размѣнъ билетовъ...

Волкарева передернуло.

— Слѣдовательно, можете и тутъ довѣрить. Дѣло общее... Впрочемъ, я, право, не понимаю, какъ у порядочныхъ людей достаетъ охоты помнить о подобныхъ дѣлахъ, послѣ того какъ они одинъ разъ сдѣланы.

— Vous ne vous en êtes pas mal trouvé... замѣтилъ, зашагавъ, Волкаревъ.

— И вы то же, прибавилъ невозмутимо Ильицынъ. — Да, сейчасъ, лежа у себя, я услышалъ: вашъ слѣдователь нынѣшней ночью гдѣ-то попался, махнулъ черезъ заборъ?

— Ужъ говорятъ? вскричалъ Волкаревъ.

— Ну, что же; онъ малый подходящихъ лѣтъ и пріятной наружности. Намъ бы съ вами неловко. Говорятъ, изъ сада предсѣдателя?

Волкаревъ не выдержалъ, засмѣялся.

— Она хорошенькая, замѣтилъ онъ. — Но, мой другъ, эта исторія... Я еще не могу опредѣлить, но надѣюсь, она подвинетъ и наше дѣло. Тутъ нѣсколько сложная интрига. Я вамъ сообщу...

— Постойте. Вы мнѣ тутъ что-нибудь поручите?

— Нѣтъ, но...

— Нѣтъ, такъ интригуйте сами; съ меня довольно и одного. Дайте мнѣ чаю.

— А, проказникъ. Ну, пойдемте завтракать къ Марьѣ Васильевнѣ... А что, на выборахъ... Стеченіе обстоятельствъ благопріятное. Il faudrait un peu chauffer votre candidature...

Они вышли въ пустую бѣлую залу.

— Принимаютъ? послышался голосъ въ передней.

— А, Андрей Васильевичъ...

Верховской былъ блѣднѣе стѣны; онъ кивнулъ Ильицыну, не узнавая, потомъ, странно улыбаясь, подалъ руку, потерянный.

— J'ai deux mots à vous dire, сказалъ онъ Волкареву.

— Avec plaisir, отвѣчалъ тотъ; — пойдемте. — Дождитесь меня у Марьи Васильевны, mon cher général.

Войдя, Волкаревъ затворилъ дверь кабинета.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ съ важностью и достоинствомъ духовника.

— Вышла глупая исторія сегодня ночью, заговорилъ Верховской. — Лидія Матвѣевна перепугалась шума, посылала къ полиціймейстеру.

— Je sais tout cela.

— И утромъ полиціймейстеръ прислалъ сказать ей, что около нашего дома поймали вора, что его засадили...

— И это знаю.

— Я прошу васъ приказать освободить этого человѣка.

Волкаревъ улыбнулся.

— Если только дѣйствительно кто-нибудь задержанъ, досказалъ Верховской.

— Вы сомнѣваетесь, что былъ воръ? Да, точно: мы создали этотъ миѳъ для спокойствія вашей жены.

Волкаревъ замолчалъ. Верховской сидѣлъ, наклонивъ голову.

— Вы не имѣете ничего болѣе? спросилъ губернаторъ сухо, будто подчиненнаго.

— Ничего...

Верховской всталъ, какъ съ просонка, и машинально подалъ руку.

— Я сейчасъ вымылъ голову Виктору Багрянскому, сказалъ Волкаревъ: — желалъ бы я имѣть право сдѣлать тоже съ вами!

И внезапно, старчески расчувствовавшись, онъ обнялъ Верховскаго.

— Я буду драться съ Багрянскимъ, сказалъ Верховской.

— Другъ мой, у васъ дѣти... Allez, je vous comprends, продолжалъ онъ, отирая слезы.—Я всегда говорилъ: вы имѣете полное, полнѣйшее право... Mais!! Вы не подумали о послѣдствіяхъ...

— Прошу не дѣлать предположеній, горячо прервалъ Верховской: — я не потерплю...

— Другъ мой.... Я хотѣлъ сказать: семейка эта, батюшка!! Вы довѣрялись этому человѣку....

— Ни въ чемъ и никогда.

Волкаревъ будто не слышалъ, но продолжалъ оживленнѣе и увѣреннѣе.

— А теперь—скандалъ, молва, la réputation de cette jeune personne, ваше семейное положеніе,—ваше общественное положеніе! воскликнулъ онъ съ ужасомъ: — все виситъ на волоскѣ! Я знаю семейныя драмы, я ихъ извѣдалъ!

Онъ отъ чего-то отмахнулся рукой, отвернулся и отошелъ. Верховской опять бросился въ кресла. Скрываться и поздно, и не стóитъ; въ глазахъ мутно; нравственно и физически разбитъ; вся жизнь разсыпалась....

Волкаревъ подошелъ взволнованный, но нѣсколько торжественно.

— Я себѣ позволю вамъ высказать, началъ онъ. — Кто не былъ молодъ! но, молодой человѣкъ, вы рискнули необдуманно. Вы знаете, что откройся *это*—и вы теряете все. Все! Такъ ли?

Онъ выждалъ паузу.

— Ну, такъ я обѣщаю вамъ.... я, старикъ, вашъ подсудимый, чья участь въ вашихъ рукахъ!... обѣщаю вамъ, я сдѣлаю все, все—чтобъ ваша жена ничего не узнала....—Вѣдь въ этомъ узелокъ? заключилъ онъ, лукаво засмѣявшись и понижая голосъ.

— Прощайте, сказалъ, вставая, Верховской.

Онъ брался за ручку дверей; онѣ отворились. Передъ нимъ явилась высокая фигура, желто-блѣдное лицо, сѣдые волосы, впалые глаза, сверкнувшіе какъ уголья,—Багрянскій.

Верховской видѣлъ его только одну секунду; этотъ взглядъ будто ослѣпилъ. Верховской чувствовалъ его на себѣ, считая удары своего сердца. Онъ не помнилъ, но, кажется, наклонилъ голову и далъ дорогу. Багрянскій прошелъ медленно, не останавливаясь.

Волкаревъ, тоже сильно растерявшись, ждалъ среди комнаты.

— Почтеннѣйшій Николай Степановичъ, какъ я радъ....

— Я по дѣлу, ваше превосходительство, отвѣчалъ Багрян-

скій, прерывая замѣтно затрудненные комплименты. — У меня времени не много, у васъ тоже.

— О, для васъ, днемъ, ночью....

Волкаревъ споткнулся на словѣ. Багрянскій продолжалъ, не обращая вниманія.

— Я не задержу ваше превосходительство. У меня просьба.

— Приказывайте!

Волкаревъ предложилъ ему мѣсто на диванѣ и даже оглянулся, близко ли подушка.

— Моей службѣ недавно исполнилось тридцать-четыре года.... началъ Багрянскій и остановился.

— Тридцать-четыре года трудовъ! сказалъ Волкаревъ, съ умиленіемъ возводя глаза.

— Да, а потому я хочу съ ними покончить, продолжалъ Багрянскій рѣзко, какъ будто это умиленіе заставило его рѣшиться.—Я намѣренъ выдти въ отставку. Но я не выслужилъ пенсіи.

Онъ остановился опять.

— Такъ какъ же?... спросилъ Волкаревъ, уже безъ умиленія, а съ самой наивной недогадливостью.

— Служить усталъ.... а жить нечѣмъ, сказалъ Багрянскій.

— Да.... Это затруднительно.

Волкаревъ задумался съ состраданіемъ полнымъ достоинства. У Багрянскаго выступили пятна на щекахъ.

— Но.... У васъ домъ, сказалъ, надумавшись, Волкаревъ.

— Онъ останется моему сыну.

— Сыну?....

— Да.

Волкаревъ еще помолчалъ.

— Но что же! сказалъ онъ, оживляясь:—Викторъ можетъ служить, и вы, вмѣстѣ...

— Я пришелъ просить ваше превосходительство, прервалъ Багрянскій: — у васъ сильныя связи.... Исходатайствуйте, чтобъ мнѣ дали пенсію.

Онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвый. У Волкарева сорвалось движеніе, скользнула улыбка....

— О, еслибы только отъ меня.... воскликнулъ онъ. — Но, вы знаете—законъ!

— Я знаю законъ, ваше превосходительство, возразилъ, сдерживаясь, Багрянскій: но столько дѣлается мимо закона!

— Comment.... Какъ, это *вы* говорите?

— Это я говорю. Что-нибудь я принесъ пользы въ тридцать-четыре года,—можно дать льготу,—да покуда протянется

эта процедура, еще пройдетъ довольно времени.... Вамъ стòитъ сказать....

— Надо какъ-нибудь это устроить, сказалъ Волкаревъ озабоченно и всталъ.

Багрянскій посмотрѣлъ на него, закусивъ губы, и, помедливъ, всталъ тоже.

— Постараюсь, постараюсь.... говорилъ разсѣянно Волкаревъ.

— Постарайтесь поскорѣе, ваше превосходительство.

Волкаревъ ловко оставилъ ему дорогу къ двери.

— Ваше превосходительство, продолжалъ Багрянскій, внѣ себя, задыхаясь и укрощая голосъ и движенія:—еслибъ не крайность, я бы не просилъ васъ. Говорю вамъ, я усталъ, боленъ, не въ состояніи работать. Я сейчасъ сдалъ должность старшему совѣтнику....

— О, я вѣрю. Даю вамъ слово.

Онъ подалъ руку ужѣ въ дверяхъ. Багрянскій вышелъ. Волкаревъ вдругъ вспомнилъ учтивость и пошелъ проводить. Просторъ залы возвратилъ ему его оживленіе.

— Ну, чтò вы будете цѣлый день дѣлать безъ вашей палаты? пошутилъ онъ весело и нецеремонно на порогѣ передней.

Багрянскій откланялся, не отвѣчая.

Изъ «пріюта» madame Волкаревой слышались разговоры, оханье. Тамъ, за завтракомъ, около хозяйки, были Ильицынъ и еще дамы. Лѣсичевъ, у другого стола, засмотрѣлся на портреты турецкихъ генераловъ въ «Художественномъ Листкѣ.»—Лидія Матвѣевна лежала въ креслѣ и громко разсказывала. Она была весела необыкновенно.

— Совершенно счастливъ, что васъ вижу, сказалъ Волкаревъ, цѣлуя ея пальчики: смѣетесь, значитъ, покойны.

— Отдѣлалась страхомъ, отвѣчала она.—Хорошо вамъ говорить, злой! А я, вотъ, какъ глаза открыла, накинула халатъ....

Она была вся въ розовомъ атласѣ и сѣромъ бархатѣ.

— André меня называетъ мышонкомъ въ этомъ платьѣ.... Да-съ, была передряга! я воротилась изъ клуба, только начала раздѣваться, снимаю серьги—выстрѣлъ! Слышу, всѣ всполошились. Анна Петровна кричитъ.... Ахъ, я хохотала! Лѣсичевъ, я ее увѣряю, что это вы, отъ любви къ ней, застрѣлились у нея подъ окошкомъ.... Бѣгу: André, André! Стучу къ нему въ дверь: заперто, спитъ мертвымъ сномъ.... Вѣдь онъ уѣхалъ изъ клуба раньше. И его лакей такъ глупъ: нѣтъ другого ключа. Стучу, кричу. Наконецъ, André мнѣ отворяетъ, перепуган-

ный, вскочилъ съ постели.... Вообразите — ничего не слышалъ, спалъ!

— Какъ счастливецъ! досказалъ Волкаревъ.

— И меня же бранитъ, что я его разбудила! Я, тотчасъ — верхового къ полиціймейстеру. Хорошо, что André мнѣ не противорѣчилъ. Я была внѣ себя. И вдругъ, оказывается — воръ, поймали....

— Да, такъ скоро.... замѣтила m-me Волкарева, нѣсколько смущенная.

— Я говорю, что я всегда молодецъ! продолжала Лидія Матвѣевна.—А Андрей Васильевичъ сегодня—и въ нервахъ, и голова болитъ; и, вотъ, сейчасъ—я уѣзжаю, онъ отправился отдыхать....

Ильицынъ посмотрѣлъ на Волкарева; тотъ сдѣлалъ движеніе.

— А, вижу, вижу, знаки! вскричала, хохоча, Лидія Матвѣевна.—Не церемоньтесь: все знаю. Тутъ штучки. Mesdames, разсудите.... Право, я гожусь въ сыщики!... Разсудите. Все это было въ саду у этихъ Багрянскихъ. Je vous demande un peu — чтò у нихъ красть? Еслибъ былъ воръ, онъ бы ко мнѣ залѣзъ, а онъ прыгнулъ отъ нихъ, а потомъ,—наши ворота были еще незаперты....

— Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? прервалъ Лѣсичевъ.

— То слѣдуетъ, что.... ce n'était pas un voleur, mais un amant.... Ай!...

Она завизжала и закатилась отъ смѣха. Ей вторилъ Волкаревъ и дамы. — M-me Волкарева слегка поблѣднѣла.

— Я и дальше иду.... У меня, я вамъ говорю, способности!... Victor не сталъ бы терять пороху, еслибъ это былъ кто-нибудь изъ кухни, cet amoureux transi....

— Ахъ, вчера было холодно.... замѣтила, теряясь, m-me Волкарева.

— *Онъ* погрѣлся движеніемъ, сказалъ Волкаревъ, развязно смѣясь и бросая бѣглый грозный взглядъ на жену.—Но.... но я ничего не говорю! Ma toute belle, вспомните слова поэта: «N'insultez jamais une femme, qui....»

— Э, полноте! Глупости! вскричала Лидія Матвѣевна. — Я готова такимъ глаза выцарапать! Я на всѣхъ сошлюсь, mesdames, чтò это такое....

Она начала рѣчь о женской добродѣтели, въ негодованіи, не разбирая выраженій, не обѣгая названій. Это было страшно, и чѣмъ нелѣпѣе, тѣмъ страшнѣе. Въ нелѣпости была своя логика. Несогласиться съ нею, значило — поравняться преступленіемъ съ осуждаемой преступницей, значило отступиться отъ

правъ и преимуществъ супруги, царицы дома, отхватиться отъ подпорокъ, которыми держатся добродѣтели, полетѣть внизъ головой, въ пространство.... Согласіе дамъ было полное. M-me Волкарева еще чувствительно пролепетала о снисхожденіи, но чрезъ минуту вспомнила: этотъ *онъ*, кого не называютъ, не подозрѣваютъ, — разбилъ ея сердце! *Его* назвать она не могла, за то первая назвала по имени *ее*, виновную.... m-me Волкарева мстила; она была женщина....

— Ce père infortuné.... онъ сейчасъ былъ у меня, сказалъ Волкаревъ и, замѣтивъ, что Ильицыну надоѣло, увелъ его къ себѣ.

Никто не видалъ, какъ вышелъ Лѣсичевъ.

VI.

Багрянскій воротился домой и, стоя на тротуарѣ подъ дождемъ и вѣтромъ, расплачивался съ извощикомъ. Новый лакей выскочилъ предложить свою помощь барину, когда тотъ всходилъ на ступеньки.

— Ничего не надо, сказалъ Багрянскій.

Онъ вошелъ въ кабинетъ, сбросилъ мокрое пальто и упалъ на колѣни предъ образомъ. Лакей осторожно притворилъ дверь, которая распахнулась. Багрянскій всталъ также стремительно, подошелъ къ письменному столу, бралъ и откидывалъ бумаги, осматривался....

Катерина была одна у себя. Холодно и страшно спокойно слышала она шаги, голоса въ домѣ. За порогомъ этой комнаты казался ей какой-то чужой домъ. Тамъ дѣлать нечего. Тамъ все кончилось. Что̀ будетъ—она не знала. Вотъ, покуда, тюрьма. Она понимала это опредѣленно, ясно. Ни одной минуты раздумья, безсознательнаго блужданія мысли,—этого разстройства, разсказывающаго себѣ сказки для своего утѣшенія, развлеченія, и такъ, Богъ-вѣсть для чего. Несчастье свершилось, помочь нечѣмъ. Но если бы и было чѣмъ,—не поздно ли?... Въ ея душѣ что-то умерло. Она знала что̀....

Этого она не ждала. Это было страшно какъ помѣшательство, какъ преступленіе. Этотъ новый ужасъ покрывалъ все, что̀ прежде было ужаснаго....

— Отца-то у меня нѣтъ.... выговорила она и остановилась, глядя предъ собою.

— Катерина! раздалось изъ кабинета.

Она вздрогнула и въ безумной, неописанной радости заме-

талась къ дверямъ. Онѣ были заперты. Прошло нѣсколько минутъ, пока нянька подоспѣла съ ключомъ. Но Катерина уже не торопилась. Лакей поклонился ей, когда она проходила гостинную; онъ ждалъ тамъ, любопытствуя видѣть барышню.

Катерина почти рванула двери кабинета. Багрянскій стоялъ къ ней спиною, у письменнаго стола.

— Ты не хотѣла идти? сказалъ онъ.

— Я была заперта, отвѣчала она.

Онъ обернулся.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ онъ, бѣгло оглянувъ ее всю, отъ гладко-убранныхъ волосъ до пышнаго платья.— Разрядилась!...

— Батюшка, вскричала она:—чтó вы съ собой дѣлаете?

Онъ отсторонился, оглянулся опять съ отвращеніемъ, съ ужасомъ, съ презрительной насмѣшкой восторженнаго торжества, и закинулъ голову, будто наступая на что-то поверженное.

— Надо вамъ объявить.... началъ онъ.—Кто сегодня оправлялъ лампаду?

Онъ указалъ на образъ.

— Не знаю, отвѣчала Катерина.

— Не ты? Слава Богу!... Не смѣй прикасаться. И безъ того, столько времени.... Господи, прости мое прегрѣшеніе!

Въ страхѣ и умиленіи, онъ зашепталъ молитву. Катерина ждала.

— Ну, началъ онъ опять:—я свое дѣло кончилъ, Катерина Николаевна. Я подаю въ отставку.

— Въ отставку? Почему? спросила она пораженная.

— Не могу больше. Силамъ человѣческимъ есть конецъ. Прихлопнули. Спасибо!

— Что-нибудь случилось? Непріятность?

— Непріятность! Еще спрашиваетъ!... По своей доброй волѣ.

— Чтò съ вами, батюшка? Невозможно!

— Почему-жъ это невозможно? спросилъ онъ, усмѣхаясь.

— Подумайте.... Да невозможно же! вскричала Катерина, забывая все.—Полтораста тысячъ крестьянъ, такое время, Богъ знаетъ кого назначатъ.... Человѣкъ, какъ вы, и отступать? вашимъ рукамъ ничего не дѣлать? это.... не знаю чтò! Да, невозможно! Никогда вы этого не сдѣлаете, не можете сдѣлать, не допущу я.... Голубчикъ, это, просто, нечестно! вспомните, чтò вы сами столько разъ говорили....

Онъ смотрѣлъ на нее невыразимо; его глаза сверкнули, наполняясь слезами; пальцы впились въ сукно письменнаго стола.

— Цѣлуйся съ своимъ Верховскимъ.... выговорилъ онъ, когда она къ нему бросилась.

— Господи.... прошептала Катерина, удерживаясь за этотъ столъ.

— Да ужъ и поздно толковать, началъ снова Багрянскій.— Я все вчера рѣшилъ. Кончено. Съѣздилъ, поклонился въ ноги подлецу Волкареву; пенсію дадутъ. Незаконно—но я и удержу ее не долго; лишь бы справиться съ необходимымъ на первое время, а тамъ.... Кланялся, — кто униженъ, тому ужъ куда ни шло послѣднее униженіе. За то—будетъ пенсія.... Волкаревъ,— ну, что-жъ! Хоть и Волкаревъ! «Сотворите себѣ други отъ маммона неправды»! Всѣ годятся; нечего презирать людей, когда сами мы.... А потомъ, поѣхалъ въ палату, написалъ все по формѣ. Который часъ? Четыре?... Ну, петербургская почта ужъ отошла. Слава тебѣ, Господи!

— Вы мнѣ скажите, чтó-жъ вы будете дѣлать? спросила твердо и настойчиво Катерина.

Багрянскій захохоталъ.

— Его превосходительство предложилъ мнѣ этотъ самый вопросъ, отвѣчалъ онъ. Не безпокойтесь обо мнѣ. Иду къ Отцу моему небесному. Онъ укрѣпитъ и упокоитъ... Не умѣлъ, окаянный, водворить законъ господень въ семьѣ своей, — не смѣй больше власть имѣть надъ людьми,—недостоинъ,—иди и кайся!.. Я ужъ написалъ сегодня на зарѣ... Почта отошла?.. Написалъ отцу архимандриту Александру, въ Соловецкую обитель. Иду туда.

Катерина упала на стулъ какъ подкошенная, и зарыдала.

Багрянскій сдѣлалъ движеніе, удержался, опять поднялъ глаза на образъ и сталъ медленно креститься. Нѣсколько минутъ слышались только возгласы его молитвы.

— Теперь надо покончить съ земнымъ, сказалъ онъ наконецъ, торжественно.—Встань, поди сюда.

Катерина подошла.

— О чемъ ты плачешь?

— Батюшка, неужели вы не понимаете!

— Не лицемѣрь. Ты о себѣ плачешь.

— Что мнѣ о себѣ думать. Не пропаду.

— Ты ужъ пропала.

Ея слезы вмигъ остановились. Въ этотъ мигъ она поняла, что у нея еще была какая-то безумная надежда.

— Вы, стало быть, убѣждены, что я пропала? спросила она.

— Не сомнѣваюсь. Очевидно: *онъ* отъ меня бѣжалъ... Молчи! Не сомнѣваюсь... Слушай. Я тебя лелѣялъ, тобой превозносился,

тобой дышалъ, во всемъ тебѣ вѣрилъ, все прощалъ. Чѣмъ ты заплатила? Вымолвить... Я, ослѣпленный, самъ тебѣ потворствовалъ! Сынъ открылъ мнѣ глаза; она зналъ давно. Ты его ненавидишь, ты его всегда отчуждала отъ меня. Онъ давно, раскаянный, просилъ моего прощенія: ты скрывала его письма.

— Онъ лжетъ! вскричала Катерина.

— Молчи, безстыдная, клеветница, лицемѣрка!.. Господи, Господи, страшенъ и праведенъ судъ твой! Ты покаралъ меня самымъ грѣхомъ моимъ!.. Молчи! ты душу мою возмутила, ты меня уничтожила! Я — грѣшникъ, падшій чрезъ тебя!

Катерина сѣла. Полъ, стѣны, все, казалось ей, куда-то уплывало. Багрянскій молился.

— Отрѣшаюсь отъ всего, оставляю все, началъ онъ снова. Мнѣ все въ тягость. Отнынѣ мой сынъ—хозяинъ дома и глава. Живу у него, смиряюсь, искупаю вину мою предъ нимъ. Живу, покуда буду въ средствахъ устроиться, — потому и просилъ о пенсіи. Получу. Мнѣ лишь бы туда доѣхать! А тамъ, если сподобитъ меня Господь... Но на мнѣ еще лежитъ одинъ послѣдній долгъ: образумить тебя, не дать душѣ твоей до конца погибнуть. Одумайся, покайся... А тамъ, смотря по степени твоего раскаянія, я позабочусь тебя обезпечить. Оставить тебя нищей, ты совсѣмъ развратишься. Обыкновенный исходъ.

Катерина не поднимала головы. Багрянскій закинулъ руки за спину и принялся ходить взадъ и впередъ.

— Разсказывай, какъ у васъ было, сказалъ онъ. Съ начала. Что молчишь?

— Что вамъ угодно?

— Ну, хватитъ наглости, такъ оправдывайся.

— Въ чемъ?

— Не понимаешь? Назвать надо?

— Я васъ понимать не хочу, возразила она. Было время— хотѣла я броситься вамъ на шею, сказать все... Сказать какъ Богу...

— А теперь, неугодно?

— Не стоитъ... Поздно! вскричала она отчаянно. Поздно! золотое время... Жизнь моя... Родной мой, Богъ мой... Ничего не осталось!

Она вскочила, рыдая, заломивъ руки, металась въ томъ изступленіи, которое доводитъ до сознательнаго самоубійства, въ которомъ ужъ не чувствуется физическая боль, а для скорби ужъ нѣтъ выраженій. Ей встрѣтились глаза отца; она бросилась, обхватила его и обмерла.

— Виновата? сказалъ онъ.

Она не шевельнулась, тяготѣя на его плечѣ. Онъ заглянулъ ей въ лицо; ея глаза были закрыты и только вздрагиванья ея тѣла давали понять, что она еще жива. Въ ужасѣ, Багрянскій чуть не поцѣловалъ ее и, въ ужасѣ, удержался.. Нечистая, нераскаянная грѣшница! Искушеніе въ образѣ родительской любви!.. Чѣмъ она прекраснѣе, чѣмъ больше ее жаль — тѣмъ она ненавистнѣе... Онъ съ наслажденіемъ ее ненавидѣлъ; ему страшно, болѣзненно хотѣлось, чтобъ она была преступна, хотѣлось страдать, карая ее, бичевать себя въ самомъ дорогомъ, приносить его въ жертву... Такъ угоднѣе Богу. Вотъ истинное покаяніе, истинное самоотреченіе, полный разрывъ съ міромъ...

— Виновата, что ли? повторилъ онъ, съ силою отрывая отъ себя ея сжатыя руки. Признавайся; не ублажай грѣха. И для молодыхъ бываетъ близокъ часъ смертный...

— О, вотъ, такъ бы и умереть... сказала она, чувствуя только, что это онъ, отецъ, держитъ ея руки, и ловя цѣловать его пальцы.

— Господи, подкрѣпи меня и помилуй! воскликнулъ Багрянскій. Лукавая, не прикасайся ко мнѣ, не лицемѣрь, довольно! Ты всю жизнь меня обманывала! Ангелы отвращаютъ ликъ свой отъ твоего преступленія! Гробъ раззолоченный, внутри — мерзость, вотъ что̀ ты...

— Батюшка...

— Не смѣй называть меня отцомъ! закричалъ онъ, откинувъ ее. Я отъ тебя отрекся! Я твой судія,—отдай мнѣ отчетъ, ожесточенная душа! Давно ли у тебя любовникъ?

Катерина, шатаясь, отступила, удержалась, выпрямилась, холодная, блѣдная; только горѣли ея глаза.

— Хорошо! сказала она отчаянно и твердо.—Вы смиряетесь, вы кончили съ земнымъ? Стало быть, и отъ васъ можно требовать отчета... Какъ вы смѣете меня оскорблять?

— Что?..

Онъ остолбенѣлъ.

— Вамъ сказалъ вашъ сынъ... А сами вы меня не знали? По одному моему слову, — прежде моего слова, вы должны были... А вы повѣрили ему! Вы *повѣрили, повѣрили*! И вы меня допрашиваете? Оправдываться передъ вами? Да съ чего-жъ вы это взяли? Вы хотите меня судить? Отмолите прежде вотъ этотъ грѣхъ...

— Слушай, ты..., вскричалъ онъ, бросаясь на нее.

— Слушайте вы! прервала она, отстраняясь руками: — вы меня оскорбили, вы отъ меня отреклись, вы все мое счастье убили—я люблю Верховскаго!

— Дальше! Договаривай дальше!

— Опять тоже? Вы вчера слышали.

— Ты лжешь!

Она пошла къ двери. Багрянскій схватилъ ее.

— Катерина, клянусь именемъ Господа Бога...

— Клянусь именемъ Господа Бога, я не скажу вамъ больше ни слова! вскричала она, снова залившись слезами.—Пустите меня. Прогоните меня скорѣе! Вѣдь все кончено и намъ вмѣстѣ быть нельзя. Какъ вы на меня смотрѣть будете?..

Онъ выпустилъ ея платье и отошелъ.

— Стой, не уходи, сказалъ онъ отрывисто, не оглядываясь.

Она осталась у порога. Нѣсколько минутъ въ комнатѣ не слышалось даже шороха.

— Господи, да будетъ воля Твоя! произнесъ Багрянскій и положилъ земной поклонъ.—Слушай. Я тебѣ позволилъ говорить. Ты сказала только одну правду: все кончено... Ну, все кончено!.. Я свое дѣло сдѣлалъ. Что ты сейчасъ насказала... Ну, довольно. Больше празднословить не буду. Слушай: я все еще господинъ твой и отвѣчаю за тебя предъ Создателемъ и предъ людьми, пока еще живу между ними. До моего отъѣзда отсюда ты должна оставаться при мнѣ. Не убѣжишь?

— Я обѣщалась васъ не оставлять.

— А сейчасъ просила прогнать... Не убѣжишь?

— Не убѣгу.

— Ступай къ себѣ... Что́ было твое, то твое. Я тебя не обираю и, не безпокойся, братъ не оберетъ. У тебя все есть, не нуждаешься?

Она молчала и смотрѣла.

— Скажи, если что нужно. Прислуга у тебя тоже есть. Мы условились съ твоимъ братомъ. Я буду платить ему за содержаніе твоей няньки.

— Такъ позвольте мнѣ не выходить изъ моей комнаты, и няня подѣлится со мной тѣмъ, что ей дадутъ ѣсть. Я буду знать, что ѣмъ не краденый и не кровавый хлѣбъ, сказала Катерина и отворила дверь.

Передъ ней явился Викторъ; будто не видя сестры, онъ загораживалъ ей дорогу, такъ что она не могла выдти.

— Батюшка, я сейчалъ ѣздилъ къ *нему*, не засталъ...

— Спрятался, сказалъ Багрянскій.—Я самъ сейчасъ *его* встрѣтилъ у Волкарева и *онъ* отъ меня бѣжалъ. Все равно. Оставь это. Ужъ все кончено.

— Я то же думалъ, сказалъ Викторъ, входя, понижая голосъ и придерживая дверь:—тамъ прислуга, батюшка... Я думалъ...

Волкаревъ, по своимъ разсчетамъ, не хочетъ огласки, а вамъ самимъ, теперь,—такъ какъ вамъ необходимъ Волкаревъ...

— Оставь все, повторилъ Багрянскій.

— Вы нашумите съ Верховскимъ, а Волкаревъ для васъ ничего не сдѣлаетъ, продолжалъ развязно Викторъ и прибавилъ съ пренебреженіемъ:—А въ глазахъ публики это все легко стушевать. *Его* жена ничего не подозрѣваетъ, привѣтлива со мной, звала къ себѣ. Я поѣду, хоть даже сегодня вечеромъ...

— Какъ хочешь. Оставь все.

— Вѣдь *онъ* меня не выгонитъ! заключилъ Викторъ, уже засмѣявшись, и только тутъ примѣтивъ Катерину, отхватился отъ двери. Ah, pardon!..

Катерина вышла...

Она не помнила гдѣ была, что дѣлала, что видѣла, на яву или во снѣ. Вечеромъ, нянька внесла къ ней свѣчку. Катерина спросила, по привычкѣ, какъ иногда спрашивала Машу:

— Что тамъ дѣлается?

— Братецъ въ гости уѣхалъ, а папенька отъ всенощной воротился. Завтра Казанская. Одинъ сидитъ. Ты, что же, опять будешь лежать?

Катерина встала и прошлась. Заколоченный балконъ былъ безобразенъ.

— Завтра вставятъ его, замѣтила нянька, оглянувшись вслѣдъ за нею. Я было-спросила папеньку, не прикажетъ ли онъ тебя позвать. Нѣтъ, говоритъ... Куда-то онъ скоро сбирается ѣхать; велѣлъ себѣ бѣлье готовить.

— Принеси ко мнѣ; я починю что̀ нужно...

Такъ должно было пройти много дней...

M-me Волкарева̀ полулежала на диванѣ, при свѣтѣ фонарика, одна. Ей было очень скучно. Тоненькій романъ скатился на полъ. На столѣ былъ флаконъ съ солью. Въ домѣ царствовали полумракъ и безмолвіе.

— Ахъ, Лѣсичевъ, вскричала она, несказанно обрадованная. Лѣсичевъ поздоровался молча.

— Именно васъ я и не ждала. Я думала, вы тамъ.

— Гдѣ?

— У Верховскихъ. Lydie звала, но я рѣшительно не въ состояніи:—brisée. У меня былъ докторъ... Лѣсичевъ, я многихъ людей не понимаю! Напримѣръ, Lydie. Вся эта исторія... Положимъ, grâce à Dieu, Lydie ничего не подозрѣваетъ, но, говорятъ, *онъ* боленъ, *онъ* въ постели... Мужъ видѣлъ его: il n'a

l'air de rien, несчастный! Сколько нужно силы воли, чтобъ скрыть, не измѣнить себѣ... ужасно! Положимъ, я была приготовлена, но... Вотъ судьба: я вамъ за часъ до этого говорила, на балѣ, и вы еще не вѣрили! Ah, quelle femme perdue, quelle femme sans coeur, sans principes! Боже, какъ *онъ* несчастенъ! Мой мужъ правъ, не допуская огласки: Верховскому терять изъ-за этой женщины... Victor благородно, но слишкомъ далеко увлекся. Я всегда говорила, что эти южныя натуры... вѣдь онъ такъ долго былъ на Кавказѣ; тамъ мщеніе, смерть... Вы задумались?

— Чтó?..

— Бѣдный Лѣсичевъ!

Она нѣжно подала ему руку.

— Что дѣлать, другъ мой, горя не избѣжишь. О, повѣрьте, бываютъ такія глубокія, тайныя раны!.. Но для мужчины есть спасеніе: тихая, семейная пристань. Croyez-moi, Лѣсичевъ, женитесь скорѣе. Аннета... Вамъ нужна карьера. Каруцкій готовъ...

— Марья Васильевна, прервалъ онъ: — чѣмъ вы меня считаете?

— Quoi donc?

— Чтобъ я за всѣ земныя блага захотѣлъ имѣть своимъ кузеномъ Верховскаго? Встрѣчать когда-нибудь его физіономію? Этотъ... Этотъ... Ему имени нѣтъ! Въ постели!!! А о *ней* кричать на улицахъ! Ея домъ... я видѣлъ, ѣхалъ мимо...

— Mais mon Dieu, чтó-жъ было дѣлать Верховскому?

Лѣсичевъ не отвѣчалъ. Онъ отдвинулъ драпировку и смотрѣлъ въ окно.

— Подите же сюда, позвала его m-me Волкарева. Что вамъ тамъ нужно?

— Смотрю, идетъ ли дождь.

— Вотъ это кстати!

— Для меня очень важно. Чтó прикажете?

— Не знаю... я потерялась съ такимъ страннымъ перерывомъ... Вы были сейчасъ въ такомъ волненіи... Лѣсичевъ, мнѣ показалось—скажите, искренно: неужели вы намѣрены на *ней* жениться?.. Не спорю, другъ мой, заговорила она поспѣшно: — это черта чудеснаго сердца; для общества—ваше имя... и всякая женщина... Но для васъ самихъ, для вашего внутренняго чувства,—о другъ мой, эти объятія другого...

— А, вотъ, хорошо, что вы напомнили. Я объ нихъ было-забылъ.

— Лѣсичевъ...

Она растерялась.

— Вы загадочны... О, какъ вы ее любите! Неужели вы еще можете ее любить?

— Это ужъ мое дѣло, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, можете успокоиться: я не женюсь. Я только не хочу слушать, какъ о ней разсуждаютъ благочестивыя, непорочныя, страдающія, сострадающія и всякія души. Зажать имъ рты я не могу, а потому— бѣгу отъ нихъ.

— Какъ? что? бѣжите? Куда?

— Сегодня утромъ, уйдя отъ васъ, я подалъ просьбу объ отставкѣ. Алексѣй Владиміровичъ былъ не въ духѣ, тотчасъ принялъ и рѣшилъ; обязательные товарищи по канцеляріи ускорили формальности... И, вотъ-съ, я смотрю, идетъ ли дождь, чтобъ не очень размокнуть; я сейчасъ уѣзжаю.

— Куда?

— Куда-нибудь, отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами. Покуда, къ себѣ въ деревню.

— Какъ, въ это время года?

Онъ засмѣялся.

— Не простясь ни съ кѣмъ?

— Позвольте проститься съ вами. Я за тѣмъ пришелъ. Мнѣ пора.

— Но что же это... Боже мой, я не приду въ себя! Лѣсичевъ, вы уѣдете... Что-жъ будетъ...

— Э, мѣсто свято не бываетъ пусто, возразилъ онъ. Меня же такъ легко замѣнить; никто и не примѣтитъ, что нѣтъ меня. Верховскіе процвѣтутъ здѣсь на долго... Процвѣтайте, благоденствуйте, веселитесь и, пожалуй, поминайте меня лихомъ. Впрочемъ, я увѣренъ, это сдѣлается и безъ моего позволенія... Прощайте, Марья Васильевна.

— Одну минуту, Лѣсичевъ..., но Аннета...

— Посватайте ей Багрянскаго! отвѣчалъ онъ, хохоча, и откланялся.

VII.

Было 27-го марта 1855 г., свѣтлое-воскресенье.

Весна настала жаркая, какой не помнили старожилы; снѣгъ сошелъ давно; на разметенныхъ N-скихъ улицахъ ужъ поднималась пыль отъ праздничной ѣзды; у троттуаровъ темнѣла прошлогодняя трава, на бульварѣ начинали зеленѣть деревья. Раннее тепло утѣшало; это было что-то неожиданное, привѣтное, какой-то свободной радостью освѣтившее среди общихъ

бѣдъ. Свѣтлый день, свѣтлый праздникъ вызывали изъ заперти; народъ высыпалъ за ворота, съ невеселыми толками на бѣдное веселье.

Былъ ужъ вечеръ. Послѣдніе лучи догорѣли красными искрами на стеклахъ оконъ, сбѣжали полосами съ крышъ, и только на верхнихъ вѣтвяхъ старыхъ кленовъ еще блестѣли мелкими зелеными точками молодые листья. Въ пустомъ переулкѣ было тихо. Изъ отворенныхъ оконъ дома Багрянскаго вылетали клубы ладона и слышалось церковное пѣніе.

Тамъ служили всенощную-заутреню съ вечера. Гостинная была какъ будто не та, убрана иначе; другая мебель, ни рояля, ни рѣшетки съ плющомъ. Въ углу большой столъ покрытый скатертью; на немъ много образовъ и свѣчей. Старикъ священникъ и старикъ дьяконъ въ прекрасныхъ парадныхъ ризахъ; крестъ и свѣча, съ которыми они кадили, обвиты дѣланными цвѣтами. Причетники очень громко и довольно согласно пѣли канонъ пасхи. Золото, мерцанье розоватыхъ огней, туманъ дыма и весеннихъ сумерекъ, радостное пѣніе, — все было по-праздничному, но не смотрѣло праздникомъ.

Молящихся было довольно, — прислуга и нѣсколько прихожанъ, которые, по усердію, помогли принесть большіе образа изъ церкви. Впереди всѣхъ, среди комнаты стоялъ Багрянскій. Онъ, казалось, постарѣлъ десяткомъ лѣтъ, но держался прямо, по привычкѣ и по строго сознаваемой обязанности. Онъ былъ одѣтъ какъ-то щеголевато, но степенно; на немъ не шевелилась ни одна складка. Онъ молился не оглядываясь и, по уставу свѣтлаго праздника, не клалъ земныхъ поклоновъ. Недалеко отъ него стояла Катерина, тоже неоглядываясь, тоже по-праздничному, хотя куталась въ большой ковровый платокъ сверхъ смятаго бѣлаго платья. Викторъ стоялъ у двери, гдѣ ему было удобнѣе распоряжаться и наблюдать за порядкомъ службы; по его приказанію, лакеи нѣсколько разъ бросались поправлять свѣчи, къ смущенію недоглядѣвшихъ дьячковъ. Викторъ былъ изящно утомленъ и снисходительно-замѣтно скрывалъ свое замѣтное нетерпѣніе.

Заутреня кончилась. Священникъ три раза сказалъ: «Христосъ воскресе»; три раза раздавался отвѣтъ. Багрянскій первый подошелъ къ кресту и выждалъ когда приложились другіе. Священникъ подалъ ему маленькій образъ изъ стоявшихъ на столѣ.

— Пожалуйте, сказалъ онъ Виктору.

Викторъ подошелъ стремительно и упалъ на одно колѣно. Багрянскій высоко поднялъ образъ и произнесъ благословеніе.

Викторъ, рыдая, не могъ подняться; ему помогли. Священникъ окропилъ его святой водою.

— Катерина, сказалъ Багрянскій, принимая другой образъ.

Дьяконъ, державшій святую воду, замѣтилъ, что у него дрожали руки. Катерина поклонилась въ землю, встала и поцѣловала образъ. Отецъ смотрѣлъ на нее неподвижно мертвыми глазами. Всѣ какъ-то притихли.

— Батюшка... шепталъ Викторъ, указывая священнику въ двери:—Покропить, прошу... Прасковья, проведи!

— Всѣ зашевелились, толкались, выходили. Дьячки убирали книги, гасили свѣчи. Черные лики въ серебрѣ смотрѣли изъ полумрака. Багрянскій стоялъ передъ ними. Катерина воротилась изъ своей комнаты, куда отнесла свое *благословеніе* и остановилась у окна. На столѣ предъ диваномъ какъ-то мгновенно явилась зажженная лампа. Раздались шаги возвращающихся, громкій голосъ Виктора.

— Обошли домъ съ новымъ хозяиномъ, сказалъ Багрянскому священникъ, снявъ ризу.—Перестройки намѣревается дѣлать, улучшенія...

— Чаю, батюшка... суетился Викторъ.

Лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ вносилъ подносъ.

— А вы что же? обратился Викторъ къ отцу. Въ послѣдній разъ. Сейчасъ будетъ закуска...

Онъ исчезъ опять.

— Прекрасный день выбрали для отъѣзда, говорилъ Багрянскому священникъ. Исполнили долгъ христіанскій, отговѣли, встрѣтили праздникъ въ радости съ своими и — въ путь. Охъ, только далеко!.. Съ зарей выѣзжаете?

Священникъ давно это зналъ, но еще разъ переговорили о дорогѣ отъ N. до Соловецкаго монастыря. Викторъ, возвратясь, присоединился къ бесѣдующимъ. Даль, трудность пути, пустыня, холодъ, дни безъ свѣта, ночи безъ тьмы,—все еще разъ было помянуто,—равнодушно, будто человѣкъ, которому все это предстоитъ, не тутъ, самъ на лицо. Разлука съ близкими, отчужденіе отъ міра назывались какъ самыя обыкновенныя вещи. Но Багрянскій и самъ говорилъ также равнодушно. Это будущее казалось ужъ его прошедшимъ. Онъ былъ спокоенъ; ни лишняго слова, ни даже немного ускореннаго движенія. Онъ будто сторожилъ за собой, берегъ себя, будто боялся потревожить, нарушить что-то, надъ нимъ совершающееся. Онъ пилъ и ѣлъ торжественно-покорно, будто послѣднее. По временамъ онъ закрывалъ глаза.

— У насъ завтра покойникъ въ приходѣ, сказалъ священ-

никъ. Купецъ одинъ. Прекрасная то же была кончина. То же все заранѣе себѣ приготовилъ...

Онъ назвалъ покойника и разсказывалъ подробно. Викторъ выходилъ, распоряжался, возвращался.

— Молодой хозяинъ заботится, замѣтилъ священникъ. Какъ думаете себя устроить, Викторъ Николаевичъ? Батюшка вашъ прошелъ поприще. Надо бы и вамъ...

— Посмотрю, сказалъ Викторъ.

— Въ нынѣшнее время, я думаю, душой рветесь на поле чести. Въ ополченіе... съ крестомъ въ груди...

— За раной — не могу.

— Въ статскую... Замѣнили бы родителя...

Катерина оставалась у окна, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Иногда она оглядывалась и прислушивалась. Все было чуждо, все казалось странно; все кругомъ было полно какимъ-то чувствомъ смерти,—не отчаяніемъ потери, а томящей тоской обряда, пустотой, разложеніемъ, замираніемъ, ожиданьемъ безъ надежды. Хотѣлось скорѣе отдыха и было страшно жаль уходящихъ минутъ. Чѣмъ-то другимъ хотѣлось ихъ наполнить. Нечѣмъ. Иначе быть не можетъ. Остается доживать... Она выглянула въ окно. Прошедшее обдало ее будто потокомъ, разомъ, все. Потокъ кружилъ, уносилъ ее. Все кончено, все тьма... Вотъ она на холодномъ днѣ и сама леденѣетъ какъ мертвая...

— Сынъ вамъ почтеніе свидѣтельствуетъ, сказалъ, вдругъ обращаясь къ ней, дьяконъ. Прислалъ письмо изъ Москвы. Экзаменъ у него скоро, на второй курсъ; какъ сдастъ, пріѣдетъ на вакацію...

Она почти не поняла... Стало быть, гдѣ-то есть еще люди?..

— Эй!.. Сквозной вѣтеръ! сказалъ повелительно Викторъ, указывая лакею на окно.

Это напомнило всѣмъ, что ужъ поздно. Причетники подняли образа. Священникъ еще разъ помолился, благословилъ Багрянскаго и, въ прихожей, прощаясь, заплакалъ.

— Вѣдь ужъ Господь больше не приведетъ... сказалъ онъ.

Багрянскій чинно поцѣловалъ его руку.

— Простите, въ чемъ прегрѣшилъ, прибавилъ онъ, кланяясь на обѣ стороны.

— Дай вамъ Богъ... Помолитесь за насъ грѣшныхъ... отвѣчали присутствующіе и нѣкоторые прослезились.

— Ужасная минута! сказалъ Викторъ, закрываясь платкомъ.

Катерина провожала то же. Въ тѣснотѣ, кто-то дернулъ ее за платье.

— На́ тебѣ, шепнула ей нянька.

— Что?

— *Твой*... Молчи.

Въ рукѣ у Катерины очутилась записка. Катерина опустила ее въ карманъ, съ минуту ничего не видя и не чувствуя. Кругомъ стало тихо; всѣ разошлись. Викторъ приказывалъ лакеямъ, убиравшимъ въ гостинной. Катерина подняла глаза; отецъ смотрѣлъ на нее, стоя на порогѣ кабинета.

— Пора уснуть, сказалъ онъ.

— Да, отдохните, батюшка, сказалъ, подходя, Викторъ. Вамъ необходимо, если вы точно хотите уѣхать...

— Прощайте.

— Прощайте... О, дорогой батюшка, послѣдняя ночь!.. Простите, что возмущаю васъ предъ высокимъ подвигомъ... Не могу! Нужны силы... А мнѣ еще предстоитъ необходимость, нужно поѣхать... Но на зарѣ я буду дома, я провожу васъ... Такъ еще до свиданія!

Онъ будто вырвался изъ отцовскихъ объятій и поспѣшно вышелъ.

— А ты, ляжешь? спросилъ Багрянскій Катерину.

— Не сейчасъ. Еще надо собраться.

— Хочешь войти сюда? продолжалъ онъ, указывая на кабинетъ.

Она вошла за нимъ. Кабинетъ былъ въ безпорядкѣ, письменный столъ пустъ, этажерки пусты. Оставалась одна приготовленная постель и дорожный мѣшокъ на полу.

— «Собраться...» повторилъ Багрянскій. Такъ ты точно рѣшилась уйти завтра?

— Непремѣнно.

— Одну комнату ты себѣ наняла?

— Одну.

— А твои вещи?

— Пришлю Машу за ними; няня отпуститъ.

Она сѣла на привычное мѣсто, къ столу. Онъ, по привычкѣ, остановился, выпрямившись, какъ бывало, когда диктовалъ ей. Оба переглянулись, поняли за-одно и замолчали... Предъ нею явились не послѣдніе ужасные часы, пять мѣсяцовъ назадъ, — а тѣ далекіе дни, когда этотъ низкій потолокъ, эти сѣрыя стѣны казались ей прекрасны и святы какъ храмъ Божій, святилище правды, разума и любви, живыхъ въ одномъ этомъ человѣкѣ. И *она* была радостью этого человѣка! Свободная, смѣлая счастливица, товарищъ этого работника, молодая хранительница его силъ, его рѣзвое, веселое дитя... Здѣсь онъ умиралъ, а она просила Бога взять и ея душу. Здѣсь она цѣловала его

колѣни за добро, которое онъ дѣлалъ другимъ; здѣсь она училась у него, вѣруя въ учителя... А неисчислимое богатство блаженства—мелочи всякаго дня! Не вспомнишь, не перескажешь! Цѣлый міръ никому невѣдомый, сіяющій, цвѣтущій... И конецъ ему, настало его послѣднее мгновенье, онъ летитъ, сорвавшись, въ темную бездну...

— Батюшка, вскричала она:—сколько бы мы еще прожили вмѣстѣ.

— Не возмущай меня, сказалъ онъ, отходя. Не грѣши. Я побѣдилъ въ себѣ зло и простилъ тебя; будь довольна. Если я заблуждался и прегрѣшилъ предъ тобою,—будь благодарна Богу, что онъ сподобилъ меня покаяться. Онъ предостерегалъ меня скорбью и болѣзнью. Я испыталъ и вопросилъ себя. Для чего намъ жить вмѣстѣ? Размысли, отъ чего ты меня уклоняешь и къ чему влечешь? Не искушай меня: я знаю, ты заговоришь о пользѣ людей.. Суета и гордость. Невластенъ никто прибавить себѣ роста ни на локоть единъ, — невластенъ никто исправить души людей; а безъ этого—нечего и стараться о нихъ... И не стóятъ! Міръ есть зло.

Онъ будто отсторонилъ его отъ себя мѣрнымъ, медленнымъ движеніемъ руки и закрылъ глаза. Онъ казался отрѣшеннымъ, не здѣшнимъ. Звукъ его голоса глухо раздавался въ пустой комнатѣ.

— Пора, сказалъ онъ.

Она обняла его, дрожа, безъ слезъ и безъ словъ. Точно,—все кончилось. Она прощалась съ мертвымъ, мертвымъ давно. Пустота, безнадежность, какой-то испугъ... Отецъ не прерывалъ прощанья и тихо поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Съ Богомъ, сказалъ онъ.

Она вышла, машинально, по привычкѣ осторожно притворила дверь и слышала, какъ онъ заперся.

Ея комната была тоже въ безпорядкѣ; занавѣска снята; сквозь пустыя полки этажерокъ свѣтили сумерки. Катерина споткнулась на заколоченные ящики на полу; въ нихъ были ея книги. Она остановилась среди нихъ.

— Ну, что-жъ? спросила, прокрадываясь, нянька.

— Чтó?

— Пойдешь, чтó ли? *Онъ* дожидается.

Катерина схватила записку; шарила спичекъ, зажигала и гасила; нянька помогла ей и подставила свѣчку.

«Я сейчасъ пріѣхалъ и сегодня же опять уѣзжаю. Приди хоть на минуту; намъ видѣться необходимо. Я жду. Никто не знаетъ что я въ городѣ и въ домѣ нѣтъ никого».

— Это до сихъ поръ не прочитала? говорила нянька, между тѣмъ какъ она смотрѣла въ записку. А онъ ка́къ приказывалъ. Ты небойся, я провожу. Братецъ уѣхалъ,—сказывали, къ губернатору. Да тебѣ ужъ что́ братецъ; ты теперь вольный человѣкъ, красавица... Пойдешь, что-ли?

— За одно... выговорила про себя Катерина. Пойду. Ты не дожидайся.

— Я у калитки, отодвину засовъ, не увидятъ, говорила нянька, идя за нею черезъ дворъ. А пса, какъ отъ поповъ въ сарай заперли, такъ тамъ и сидитъ. Не бойся...

Прасковья Ѳедоровна воротилась въ свой уголокъ,—спрятать подальше то̀, что лежало у нея въ карманѣ столько же времени, сколько записка у Катерины, но чѣмъ она уже нѣсколько разъ полюбовалась. Почтенная женщина соображала, что, въ послѣдніе пять мѣсяцевъ, Викторъ Николаевичъ далеко не выполнилъ данныхъ ей разныхъ клятвенныхъ обѣщаній, и потому не вѣрнѣе ли...

— А вотъ, воротится... Что Богъ дастъ.

На улицѣ было пусто. Катерина еще не дошла до угла своего сада,—кто-то мелькнулъ, чьи-то руки ее обхватили...

— Катя.

Ее влекли; она не знала какъ шла, не видѣла куда шла, не видѣла лица того, кто былъ съ нею, чувствовала поцѣлуи на своемъ лицѣ и тепло этихъ сильныхъ, сжимающихъ рукъ; онѣ почти внесли ее по маленькой лѣстницѣ... Знакомая, свѣтлая комната...

— Охъ, пусти, выговорила она, освобождаясь:—пусти, дай вздохнуть...

Онъ стоялъ передъ нею, смѣясь дѣтски-весело, запыхавшись, счастливый.

— Радость моя, вотъ она! Опять вмѣстѣ!

— Какъ ты опять здѣсь?

— Изъ Петербурга. Вѣдь я тамъ съ января! Какъ кончилъ здѣсь...

— Знаю.

— А мои, съ поста перебрались въ Спасское. Я спѣшилъ къ нимъ, къ празднику, но въ Москвѣ захворалъ, запоздалъ. и вотъ, только сейчасъ... Черезъ часъ опять ѣду.

— Въ Спасское?

— Въ Спасское; къ утру—тамъ! дороги гадкія.. Да Богъ съ ними. Скажи, что ты... Пять мѣсяцевъ, Катя!

— Да.

— Твой отецъ завтра уѣзжаетъ?

— Да.

— Я ужъ все узналъ. Твоя дуэнья нынче очень сговорчива и разговорчива. Такъ отецъ—въ Соловки? Тоже—«да?»

Катерина смотрѣла на него пристально.

— Все да, подтвердила она.—Зачѣмъ ты меня звалъ?

— Милая... сказалъ онъ съ недоумѣніемъ.—Ты разстроена; бѣдная. И въ самомъ дѣлѣ, есть отъ чего... Но успокойся, разскажи. Времени у насъ немного. Что ты намѣрена дѣлать?

— Завтра, вслѣдъ за отцомъ, уйду изъ дома и буду жить одна, отвѣчала она спокойно.

— Одна? здѣсь?

— Покуда здѣсь.

— Гдѣ же?

— Въ слободѣ.

— Катя... у тебя нѣтъ средствъ? спросилъ онъ торопливо.

Катерина странно засмѣялась.

— Все—«средства!»... сказала она.—Я очень богата. Отцу дали пенсію и награду—годовой окладъ. Онъ его весь отдалъ мнѣ.

— И ты... взяла? спросилъ съ негодованіемъ Верховской.—Взяла? Онъ держалъ тебя въ тюрьмѣ, онъ только три дня назадъ, передъ исповѣдью, удостоилъ тебя простить...

— У тебя была мать... прервала она тихо.

— Не сравнивай! вскричалъ Верховской.

— Чтобъ помочь ей, ты сдѣлалъ безчестное дѣло, а она взяла твои деньги, чтобъ не уморить тебя стыдомъ, договорила Катерина.—Отецъ былъ виноватъ передо мной, но пять мѣсяцевъ моей тюрьмы—ничто передъ тѣмъ, каковы они ему достались. Я-то жива, а онъ... Что-жъ, добить его, отказаться?

— Но ты бросишь эти деньги первому встрѣчному..!

— Я буду ими жить, спокойно отвѣчала она.—Я простила не для вида, а всей душой. Онъ заработалъ честно, я имѣю право честно пользоваться... Онъ это такъ и понялъ, договорила она; зажала глаза рукою и опустила голову.

— Катя, этотъ часъ для насъ рѣшительный.

— Да.

— Тебя больше ничто не привязываетъ къ твоему дому,—обязанностей нѣтъ, жалѣть некого; ты свободна; у тебя въ мірѣ никого кромѣ меня... Уѣдемъ вмѣстѣ.

Она встрепенулась и слушала, слушала всѣмъ своимъ существомъ, удерживая движеніе, дыханіе, любя всѣмъ суще-

ствомъ въ послѣдній разъ. Еслибы онъ видѣлъ что-нибудь, кромѣ ея красоты, онъ понялъ бы эту предсмертную муку любви.

— Черезъ три-четыре дня я возвращаюсь въ Петербургъ. Уѣдемъ вмѣстѣ. Я возьму мѣста въ дилижансѣ... Катя, я обезумлю! Чрезъ три дня... Петербургъ великъ, спрятаться можно. Никто не узнаетъ; моя семья переѣдетъ еще не скоро, зимой; я такъ устрою...

— Никогда! сказала она.—Никогда, никогда! повторила она, будто пріучала себя къ звуку этого слова, и бросилась къ двери.

Верховской схватилъ ее.

— Катя, что̀ съ тобой? Бѣдная, ты вся измучилась. Тебя измучили. Ты отвыкла жить... ты не знала жизни,... ты ничего не знала!... Вѣдь я для тебя—все! Будетъ, наконецъ, уголокъ на свѣтѣ, куда я, измученный, прибѣгу отдохнуть! Отдохнуть съ тобой, моя Катя, забыть все съ тобой! я оживу! Блаженство! И ты оживешь, ты все забудешь, ты еще не знаешь какъ любятъ...

— Замолчи, вскричала она:—я завтра хороню отца!

— Катя, я для тебя—все! Ты, стало-быть, не любишь! Ты обѣщала... Вспомни свои слова, вспомни прежнее...

— А ты помнишь ли что-нибудь? прервала она отчаянно. Вотъ ужъ ни осталось ни слѣда!... Пусти меня... О, не думала я, что это будетъ такъ тяжело!

Она отходила, возвращалась, не находила мѣста.

— Помнишь ли наше послѣднее свиданье? У меня оно въ глазахъ... Не конецъ его, а начало!... Какъ ты вошелъ ко мнѣ, и все что ты сказалъ. Ты обѣщалъ тоже... Вспомни, что̀.

Она остановила на немъ взглядъ, полный такой глубокой скорби, что Верховской, блѣднѣя, отвернулся.

— Я такъ тебя любила въ ту минуту, что—скажи ты слово,—я отдалась бы тебѣ за то, что ты воскресилъ мою душу... Господи, было-жъ это счастье! А теперь?—Да, я свободна,—а ты?... Несчастный человѣкъ, чего ты испугался? Не за меня ли? Не скандала ли? Но онъ былъ бы для тебя предлогъ, онъ бы помогъ тебѣ освободиться, покончить съ твоимъ позоромъ, оторваться навсегда! Ты испугался! Но я была тутъ, близко, живая, ждала! Ты зналъ, что всякій твой помыслъ, всякая минута твоей жизни—вотъ, тутъ, въ моей душѣ. Дѣйствуй прямо, говори громко, не щади меня и освободись... Что-жъ ты сдѣлалъ? Ты хуже запутался! Для чего, для чего, говори правду? Что ты берегъ? Неужели тебѣ такъ дороги поклоны людей, такъ дорого богатство? Еще что̀ дорого? Ты скачешь повидаться на праздники, а меня зовешь прятаться!... Прятаться? Пу-

таться въ тѣхъ же тенетахъ? Зачѣмъ мнѣ въ Петербургъ? Любоваться какъ ты будешь ничего не дѣлать? Я и здѣсь полюбовалась, какъ ты провалилъ дѣло Волкарева. Славно!

У нея былъ жестъ и голосъ ея отца. Верховской вспыхнулъ.

— Это дѣло—твой конекъ; избавь хоть потому, что оно ужъ кончено, сказалъ онъ, нетерпѣливо вставая. Это смѣшно, невыносимо. Гражданскій подвигъ—перекладыванье денегъ изъ одного кармана въ другой... эти дѣятели въ щеляхъ... провинціальный вздоръ, поднятый до небесъ... Смѣшно! Довольно! Времени—одинъ часъ, а мы его тратимъ.

— Этотъ часъ и для меня роковой, отвѣчала она, блѣднѣя.

— Вѣришь ли ты, что я тебя люблю? спросилъ онъ.

Она молчала.

— Катя, я не хочу разставаться съ тобою. Не хочу. Это выше силъ. Ѣдешь ли ты со мною?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? повторилъ Верховской, задыхаясь.

— Не могу. Я любила въ тебѣ гражданина и честнаго человѣка...

— И обманулась? Обманулась? Довершай!

— Нѣтъ, но—вѣра безъ дѣлъ мертва.

— Тексты? Наслушалась? вскричалъ онъ внѣ себя.—И я наслушался! Довольно! Ты никогда, никакъ меня не любила! Ты дразнила, тѣшилась. Ты—совершенство, я—ничтожество,—прекрасно! Это — равенство въ любви! Ты меня всегда презирала! Ты фанатичка, какъ твой отецъ. Съ тобой нѣтъ силъ, нѣтъ минуты своей, тѣсно, мѣста нѣтъ отъ твоей души, отъ разсужденій... Такъ оставайся съ ними! я жить хочу, съ тобой страшно.

— Я поняла это давно, отвѣчала она, опустивъ голову.—Прощай.

— Катя!...

Онъ съ воплемъ упалъ передъ нею.

— Не уходи... Помилуй... Родная, жизнь моя, Катя!...

— Полно, Богъ съ тобой... повторила она, едва дыша и заставляя его встать... Будемъ людьми.

Она обняла его, глядя ему въ глаза.

— Видишь самъ, иначе быть не можетъ. Будемъ же честными людьми. Отпусти меня съ любовью... Освободись, работай, и... вотъ тебѣ моя первая клятва: гдѣ бы я ни была, позови,—я приду, я твоя...

Сквозь сумракъ слезъ, теряя сознаніе, онъ видѣлъ,—что-то

сіяло предъ его глазами, небесно-чистое, мучительное, прелестное, ласковое, тихое какъ смерть, страстное какъ жизнь... что-то жарко коснулось его губъ...

— Катя...

Ея ужъ не было.

Она шла скоро, какъ безумная. Никого. Пусто, темно, нигдѣ никого. Никого во всемъ свѣтѣ.

— Ты не позовешь меня никогда, выговорила она громко. И ты будешь счастливъ!...

Усопшая *радость*, ты бы также скоро стала ему страшна и ненужна, еслибы вынесла свою первую муку. Онъ забылъ тебя, забылъ и свое горе. Вѣчная память громко и часто обѣщается и скоро проходитъ... Забудетъ живую, какъ забылъ мертвую!—Но ты жила не даромъ; любовь во имя твое была не даромъ. Онъ тебя мнѣ отдалъ. Освѣти мою жизнь; будь, далекая, вѣчно со мною!...

Она оглянулась кругомъ на бѣдный просторъ, на черныя низкія крыши подъ безконечнымъ небомъ, на холодный бѣлый туманъ вдали надъ разливомъ, — постояла еще, и тихо пошла къ своей калиткѣ...

VIII.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ.

Вечеромъ, въ концѣ сентября 1858, тарантасъ и за нимъ дорожная карета подъѣхали къ станціонному дому въ селеніи на большой, но довольно глухой дорогѣ. По случаю такихъ важныхъ проѣзжихъ, смотритель станціи вышелъ на крыльцо. Лакей, выскочивъ изъ тарантаса, требовалъ лошадей.

Въ каретѣ былъ господинъ, проснувшійся при остановкѣ, и дама, спавшая крѣпко. Переговоры съ смотрителемъ продолжались долго. Господинъ опустилъ стекло и кликнулъ лакея.

— Что̀ тамъ?

— Лошадей нѣтъ, ваше превосходительство. Будутъ, говорятъ, не раньше ночи. Скоро должна пройти почта; только для нея заготовлена тройка.

Господинъ вышелъ изъ кареты и отправился требовать самъ. Онъ шумѣлъ довольно, но противъ невозможности нечего дѣлать. Онъ воротился къ каретѣ.

— Alexandrine, проснулась? Намъ придется ждать здѣсь, милая. На дворѣ свѣжо. Войдемъ въ домъ.

Это говорилось по-французски. Вокругъ крыльца собирались зрители.

— Ахъ, тамъ, можетъ быть, грязно, сказала дама.

— A la guerre comme à la guerre, отвѣчалъ господинъ, высаживая ее на рукахъ.

За ней выкатилась ея шляпка, коробка съ конфектами, которыя подхватилъ смотритель, и маленькая левретка, которую поймала горничная.

— Ахъ, вскричала дама, взойдя на крыльцо: — ахъ, пожалуйста, чтобъ *этого* не было видно!

Она показывала на красно-огненную полосу, всходившую на небѣ.

— Окна въ другую сторону, успокоивалъ смотритель проѣзжаго, который успокоивалъ даму.

Ее разсмотрѣли, когда она входила въ комнату; ея заспанное личико было очень молодо и красиво. Лакей и горничная принесли изъ тарантаса множество бауловъ, ковровъ, подушекъ. Другихъ пріѣзжихъ, если случится, приказано было не пускать въ домъ.

Когда лакей показался опять, его обступили. Онъ разсказалъ, что его баринъ служитъ у самого государя, жалованья получаетъ сколько-то тысячъ; послѣ покойной супруги получилъ на седьмую часть тысячи и помѣстья—(вотъ, въ одно ѣздили)— да опять женился недавно—(барыня только-что изъ института) то же взялъ тысячи душъ и денегъ. Очень чиновный баринъ.

Эти свѣдѣнія переполошили бѣднаго смотрителя.

— Повѣрьте совѣсти, извинялся онъ предъ господиномъ, когда тотъ, уложивъ жену, воротился въ комнату, гдѣ помѣщался смотритель:—извольте посмотрѣть по книгѣ,—всѣ въ разгонѣ— только сейчасъ, для почты...

— Ничего, отвѣчалъ обязательно проѣзжій.—Жена моя покуда отдохнетъ; это ей полезно.

— Утомились, ваше превосходительство; далеко изволите ѣхать.

— Да... Она хотѣла чаю. Хороша ли вода у васъ?

Смотритель расхвалилъ свой родникъ и принесъ клятву, что самоваръ только недѣлю какъ вылуженъ. Проѣзжій могъ сейчасъ убѣдиться: горничная входила съ стаканомъ чаю.

— Барыня приказали сказать, что онѣ сами заваривали и чтобы вы непремѣнно кушали.

— Скажи, что я цѣлую ручки, отвѣчалъ онъ, досталъ сигару, осмотрѣлъ стулъ и сѣлъ близко свѣчи. Ему казалось лѣтъ подъ сорокъ, можетъ-быть, меньше; въ его золотистыхъ волосахъ не было замѣтно сѣдины; борода очень шла къ его красивому лицу.

— Газетъ не бываетъ у васъ? спросилъ онъ стоявшаго смотрителя.

— Губернскія вѣдомости, ваше превосходительство. А то, я пользуюсь, но возвратилъ...

— Такъ и быть; — сядьте же. — Глухо у васъ здѣсь. Село казенное?

— Такъ точно. Близко есть и помѣщичьи.

Проѣзжій улыбнулся.

— Что толкуютъ? спросилъ онъ, съ маленькой насмѣшливой злостью.

— Толкуютъ-съ...

— Покойно?

— Покуда Богъ милуетъ.

Смотритель говорилъ увѣренно, но на всякій случай вздохнулъ, будто самъ былъ помѣщикъ. Проѣзжій его понялъ и сказалъ съ большимъ достоинствомъ:

— Дѣло законное. Но только они отъ лѣни безъ хлѣба насидятся, а вы... берегите вашу почту.

Какъ будто въ успокоеніе смотрителя, почтовый колокольчикъ раздался въ эту минуту все ближе и ближе и, наконецъ, при грохотѣ колесъ и веселомъ крикѣ, замеръ у крыльца. Смотритель засуетился.

— Ахъ, нельзя ли тише, не безпокоить моей жены...

Но все это скоро кончилось. Почтальонъ положилъ на столъ небольшую связку, поговорилъ съ смотрителемъ, вышелъ чего-то поѣсть и чрезъ нѣсколько минутъ новая тройка, звеня, помчалась отъ крыльца.

— Только у насъ и развлеченія, разъ въ недѣлю, сказалъ смотритель, ободренный благосклонностью своего гостя. — Вамъ было угодно газеты, вотъ, извольте. И журналъ, книжка новая.

— Но это—не ваше? спросилъ проѣзжій, протягивая руку за книгой.

— Все равно-съ. Мнѣ позволено...

Онъ недоговорилъ...

— Кто это? спросилъ, будто не своимъ голосомъ, проѣзжій, указывая на печатный адресъ пакета.

— Это-съ? Здѣшняя одна.

— Помѣщица?

— Нѣтъ-съ. Такъ, живущая. Ужъ года съ три.

— Одна?

— Одна-съ. Еще съ нею,—не знаю, женщина молодая или дѣвушка...

— Какъ же она живетъ здѣсь?

— Такъ, просто-съ. У однодворца усадьбу купила. Просто, по-крестьянски живетъ.

— Что-жъ она дѣлаетъ?

— Да все. И въ полѣ, и на огородѣ. Прядетъ. Въ селѣ всѣхъ ребятъ переучила; мальчишки къ ней, дѣвочки ходятъ. Дѣвочекъ—и рукодѣльямъ. Зимой цѣлый день учитъ. И взрослыхъ даже, кому охота, всѣхъ къ себѣ созываетъ. Соберетъ по вечерамъ, разсказываетъ, читаетъ. Заслушаешься. Слышалъ я, она изъ благородныхъ. Очень образована, книгъ много и даже иностранныя получаетъ. А живетъ, какъ есть крестьянка. Ужъ не знаю, какое у нея было желаніе, что она такъ. Третій годъ здѣсь; только прошлымъ лѣтомъ въ Архангельскъ ѣздила... Очень образована. У меня двухъ сынишекъ въ гимназію, — да посудите, въ третій классъ,—приготовила. И ничего за это не беретъ.—«Мнѣ, говоритъ, это весело».—Характеръ у нея прекрасный, веселый... Я ей совѣтовалъ,—къ помѣщикамъ: все выгоднѣе было бы, по крайности, если случится нужда:—«Справлюсь», говоритъ. Такая, право, милая... Вотъ жены моей дома нѣтъ: она бы вамъ поразсказала. Пріятельницы онѣ между собой большія.

— «Справлюсь...» повторилъ про себя проѣзжій.—Гдѣ она живетъ?

Смотритель взглянулъ и оторопѣлъ.

— А на выѣздѣ, на самомъ концѣ... Не прикажите ли дверь отворить, ваше превосходительство? Душно... Или неугодно ли прилечь, вотъ, съ книжкой?

— Нѣтъ... Поздно.

— Девять часовъ всего, ваше превосходительство.—А если вамъ неугодно читать, такъ я *ей* отошлю книжку. Воскресенье сегодня; ей свободнѣе.

— Отошлите. Я пойду пройтись.

Смотритель вышелъ и приказывалъ на крыльцѣ. Мальчикъ лѣтъ тринадцати, получивъ книгу, не стоялъ на мѣстѣ.

— Возьми фонарь, скорѣй дойдешь. Забѣги къ отцу; скажи: за нимъ очередь, чтобы лошадь велъ. Да не запоздай смотри, а то, какъ туда тебя пошлешь, такъ и не дождешься...

Мальчикъ, зажигая фонарь, подговаривалъ съ собой такого же пріятеля.

— Ты только поди. *Она* обѣщалась про звѣзду съ хвостомъ разсказать... Ухъ, гляди, какая!

— Чтó про нее разсказывать. Я и самъ вижу. Къ войнѣ.

— Вотъ тебѣ и война, промолвилъ посланный, и пріятель не успѣлъ подняться отъ толчка, какъ фонарь былъ ужъ далеко.

Проѣзжій шелъ за нимъ спѣша, чтобы не потерять изъ вида. Мѣсто дѣлалось все глуше и пустыннѣе. Какая-то лощина съ мостикомъ въ два бревна; недостроенный, бѣлѣющій срубъ; кучи камней вросшихъ въ землю. Черная волнующаяся полоса строеній разбѣжалась шире, оборвалась съ одной стороны и вмѣсто нея забѣлѣло поле. Поле безъ конца. Надъ нимъ огненный трепетъ неба. Сверкающій хвостъ кометы гнулся снопомъ; отъ него, казалось, сыпались искры и по землѣ бѣжали тѣни.

Изъ окна крайней избы тянулся свѣтъ на дорогу. У дверей собралась кучка народа. Подходя ближе можно было сосчитать людей, разсмотрѣть лица. Тамъ остановился и посланный. Онъ обратился къ кому-то, должно быть, исполняя свое порученіе.

— Посвѣти, посмотримъ, чтò принесъ, раздался голосъ.

Мальчикъ высоко поднялъ фонарь.

Проѣзжій удержался за столбъ колодезя... То, чтó было предъ нимъ, чтó колебалось, исчезало въ мельканьи огня и тѣни, заманчивое, какъ улетающій сонъ, милое какъ радость, цвѣтущее, свѣжее, сильное, свободное, въ красотѣ вѣчно юной и просвѣтленной,—то, что явилось ему... Онъ закрылъ глаза, хотѣлъ бѣжать и замеръ на мѣстѣ...

Свѣтъ, дрожа, установился и озарялъ *ее* всю. *Она* показывала вверхъ, поднявъ голову. Ея черная коса длиннымъ кольцомъ перекинулась черезъ плечо. Толстыя складки рубашки высоко легли нá грудь и падали до распущенной опояски; широкіе красные концы шелестили по клѣтчатой паневѣ...

Она говорила. Слышались и слова, но лучше ихъ—*ея* голосъ, ободряющій, ласковый, веселый; отъ него должны были бѣжать страхъ и невѣдѣніе; въ немъ была свобода, радость, убѣжденіе... Ему слышались старческіе вздохи и оханье... Но ужъ ихъ начали смѣнять вопросы, толковыя рѣчи, что-то увѣренное, надежное... Поднялся простой, молодой смѣхъ, потомъ говоръ, шутки... Милый голосъ раздавался среди всѣхъ, ясный какъ счастье...

Фонарь горѣлъ ужъ на землѣ. Къ кружку приближалось

что-то большое, черное. Извощикъ съ вязанкой сѣна за спиной, велъ въ поводу лошадь.

— А ты тутъ? сказалъ онъ, разглядѣвъ маленькаго посланца.—За мной тебя послали, а ты до двора не дошелъ. Тамъ господа дожидаются.

— Да тутъ, вотъ, хорошо говорили.

— То-то. А что, сынишка мой смыслитъ у тебя что-нибудь? обратился онъ къ *ней*.

— И очень смыслитъ.

— Ну, слава Богу. Пора ко дворамъ... Какъ она разгорѣлась-то! И ничего это?

— Вотъ, дорбгою, спроси сынишку.

— Звѣзды словно всѣ потускнѣли.

— Это какія вверху, ты называла? спросилъ мальчикъ.

— Большая-Медвѣдица.

— Чудеса... Счастливо оставаться.

Кружекъ разошелся.

Она осталась одна, стояла и смотрѣла на прелестныя семь звѣздъ въ высотѣ, надъ столбомъ огненной пыли. Задумываясь, забывшись, *она* сложила руки...

— Катя! раздалось изъ темноты.

Она встрепенулась, прислушалась... Никого не видно.

Поздно. А завтра ей еще много дѣла.

17 сентября, 1871.

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

Конецъ.

КЪ ИТАЛІИ

Изъ Леопарди *).

Страна родимая моя!
Передъ собою вижу я
Былого памятники: рядъ
Твоихъ кумировъ, колоннадъ,
И стѣны зданій вѣковыхъ;
Но славы древней блескъ, на нихъ
Сіявшій нѣкогда, потухъ.
И сила, и могучій духъ,
И лавры предковъ — все давно
Тобой въ гробахъ схоронено,
И ты на пеплѣ ихъ могилъ
Сидишь печально. Какъ унылъ
Твой блѣдный, истомленный ликъ,
Съ какою скорбію поникъ
Твой взоръ страдальческій! Вокругъ
Къ груди прижатыхъ блѣдныхъ рукъ
Обвиты цѣпи, и чело
Обнажено.... Что довело
До этихъ мукъ и слезъ тебя?...
О плачь Италія! Скорбя
Мы всѣ свой путь влачить должны,
Всѣ для страданій рождены!

*) Писано въ 1818-мъ году.

О, если бы глаза твои
Могли, какъ рѣки, лить струи
Горячихъ слезъ, то и тогда
Твоихъ лишеній и стыда
Ты выплакать бы не могла!
Ты прежде женщина была
И нынѣ стала ты рабой,
Забытой міромъ и судьбой.
Кто, вспомнивъ твой удѣлъ былой,
Не скажетъ съ горькою тоской:
Увы, теперь она не та!
Гдѣ прежній блескъ? гдѣ красота?
Гдѣ доблесть? Кто въ тебѣ убилъ
Порывъ твоихъ могучихъ силъ?
Кто дерзкою рукой совлечь
Посмѣлъ порфиру съ пышныхъ плечъ
Царицы міра? Кто вѣнокъ
Сорвать съ кудрей роскошныхъ могъ?
Какъ съ столь чудесной высоты
Низверглася столь низко ты?
Иль нѣту у тебя дѣтей,
Въ защиту матери своей
Готовыхъ въ полѣ чести лечь?
О, если такъ — мнѣ дайте мечъ:
Одинъ пойду на битву я!
И пусть струится кровь моя:
Быть можетъ, пламень крови той,
Отчизнѣ въ жертву пролитой,
Зажжетъ въ груди сыновъ твоихъ
И мощь и доблесть предковъ ихъ.

Но гдѣ же, гдѣ твои сыны?
Я слышу дикій гулъ войны:
Громъ колесницъ, оружья звонъ.
Средь дальнихъ и чужихъ сторонъ
Я вижу итальянцевъ; тамъ
По окровавленнымъ полямъ
Несутся всадниковъ полки,
Сквозь дымъ и сабли и штыки
Сверкаютъ, будто огоньки
Въ туманѣ.... Родина моя!
Надеждой оживаю я:

Не юношей ли нашихъ цвѣтъ
Тамъ бьется за тебя! О, нѣтъ:
Они встрѣчаютъ смерть въ бою
Не за Италію свою —
За землю чуждую! Увы,
Какъ глубоко несчастны вы,
Кто гибнетъ отъ руки враговъ
Не за поля своихъ отцовъ,
Кто на землѣ чужой сраженъ
Не за дѣтей и милыхъ женъ,
Кто въ часъ предсмертный прошептать
Не можетъ: о, отчизна мать,
Ты жизнь дала мнѣ — жизнь мою
Тебѣ я нынѣ отдаю!...

В. Буренинъ.

СЕМЕЙСТВО СНѢЖИНЫХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ*).

ГЛАВА I.

Пребываніе Марьи Петровны и Нади у Невѣровыхъ приближалось къ концу. Былъ послѣдній день святокъ и готовился въ уѣздномъ собраніи торжественный балъ, долженствующій закончить зимній сезонъ. Липовка, деревня Невѣровыхъ, была всего въ семи верстахъ отъ города, и, само собою разумѣется, Снѣжины не пропустили ни одного бала. Марья Петровна ставила послѣднюю копѣйку ребромъ, чтобъ прилично вывозить Надю, у которой, о счастье! о восторгъ! наконецъ, послѣ столькихъ неусыпныхъ трудовъ, исканій и попытокъ, навернулся-таки одинъ претендентъ. Правда, дѣло было еще не слажено, рѣшительнаго слова не произнесено ни съ той, ни съ другой стороны, но шансы на успѣхъ были почти несомнѣнны.

Саша, которую во все время замужества Невѣровъ не знакомилъ ни съ кѣмъ и никуда не вывозилъ, то же пользовалась присутствіемъ матери и сестры, чтобъ выѣзжать въ собранія и на вечера.... Впрочемъ,—нельзя сказать, чтобъ она особенно любила выѣзды,—она уже такъ привыкла сидѣть дома, что въ настоящее время ѣздила только потому, что ѣздили другіе, и изъ всѣхъ удовольствій въ клубахъ предпочитала карточную игру.... Она уже не была прежнею, робкою, тоненькой и застѣнчивой Сашей;

---

*) См. выше: сент. 167; окт. 660 стр.

фигура ея развилась, пополнѣла, — походка сдѣлалась съ перевалкой, глаза утратили туманную наивность, цвѣтъ лица—дѣвическую нѣжность; щеки расширились,—около губъ образовалась складка, замѣчательная складка недовольныхъ, скучающихъ женщинъ.... Ее находили въ свѣтѣ попрежнему хорошенькою и ловкою, — но наединѣ съ мужемъ, въ домашней, будничной обстановкѣ она быстро утрачивала и молодость и красоту.... Она была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ удивительно украшаетъ нарядъ:—никто бы не узналъ Александры Павловны Невѣровой въ короткомъ и узкомъ балахонѣ, съ распущенною тальей, непричесанными волосами и уродливо согбенной спиной, въ той нарядной, молодой, бѣлой и стройной дамѣ, входящей въ корсетѣ, въ шумящемъ шелковомъ платьѣ, въ пышномъ шиньонѣ, въ просторную и свѣтлую залу собранія....

Невѣровъ рѣдко сопровождалъ свое семейство въ городъ на вечера: онъ предпочиталъ оставаться дома въ безмолвной тишинѣ и уединеніи своего кабинета. Надобно сказать, что онъ не былъ счастливъ. Жизнь, несмотря на практическія занятія, на разныя успѣшныя предпріятія, на увеличеніе капитала и матеріальныхъ удобствъ, — не удовлетворяла его. Онъ сталъ холоднѣе, безстрастнѣе, жостче и суровѣе сердцемъ, надѣясь этими внѣшними признаками замаскировать жажду горячихъ и энергическихъ ощущеній, свойственныхъ человѣческой природѣ, — онъ думалъ въ холодномъ и практическомъ эгоизмѣ найти разгадку счастья,— но несмотря ни на что, онъ не чувствовалъ даже призрака счастья, даже того, что мы называемъ довольствомъ, покоемъ, ну хоть хорошимъ пищевареніемъ, наконецъ. Причиной тому былъ странный, нравственный недугъ Невѣрова. Недугъ этотъ вкрался къ нему незамѣтно, тихо, неслышно, — сначала, подъ видомъ общаго недовольства жизнью, потомъ началъ очерчиваться все яснѣе и яснѣе, — наконецъ самовластно завладѣлъ всѣмъ его существомъ и поселился въ немъ полнымъ хозяиномъ... Недугъ этотъ былъ: непонятное отвращеніе къ женѣ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи... Невѣровъ не могъ сказать, когда оно началось, но онъ видѣлъ, что оно возрастало, возобновляясь каждый день свѣжими запасами для существованія, возрастало и шло впередъ гигантскими шагами... Онъ женился на ней безъ любви; ей было семнадцать лѣтъ; она совсѣмъ не жила; ему отдали, такъ сказать, одно тѣло, молодое, красивое, граціозное, и онъ принялъ его, не ища, не требуя ничего другого, довольствуясь наружною формою красиваго на взглядъ цвѣтка... Но когда онъ хотѣлъ ознакомиться, проникнуть во-внутреннюю глубину этого цвѣтка, — узнать его

еще неизвѣстное содержаніе, — цвѣтокъ вдругъ умеръ, завялъ на его глазахъ, — ароматные листья въ рукахъ осыпались, и изъ-подъ нихъ выползло безобразное, неопредѣленное нѣчто, не то насѣкомое, не то животное — скрывавшееся въ цвѣткѣ. Что же это было такое? Существовалъ ли когда цвѣтокъ и почему опалъ онъ при первомъ пристальномъ взглядѣ, при первомъ усердномъ прикосновеніи руки? Невѣровъ понялъ, что цвѣтка не было никогда, что была только куча ароматныхъ листьевъ, накиданныхъ чужими, искусными руками на безобразную личинку, долженствующую въ свое время взрости и развиться въ особь извѣстнаго вида, цвѣта и характера... Что же такое была эта особь, это неизвѣстное, безъимянное нѣчто? «Паразитъ!» сказалъ самъ себѣ Невѣровъ, вглядываясь въ нравственныя свойства дѣйствующаго и живущаго, на его глазахъ, существа. «Паразитъ!» повторялъ онъ еще упорнѣе послѣ долгихъ и внимательныхъ наблюденій надъ этою живою загадкой, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ онъ сильнѣе, крѣпче, неотразимѣе убѣждался, что существо, съ которымъ онъ обреченъ былъ жить,—было не что иное какъ паразитъ, во всѣхъ его свойствахъ, нуждахъ, потребностяхъ и проявленіяхъ... Съ болѣзненнымъ ужасомъ, ярче и ярче съ каждымъ днемъ выступала передъ нимъ эта неумолимая и зловѣщая истина, и цѣлый рядъ подтверждающихъ ее сравненій постоянно рисовался въ его напряженномъ мозгу.

Онъ думалъ слѣдующее: во-первыхъ, она жила имъ и насчетъ его; во-вторыхъ, она была тиха, вяла, неопредѣленна, не имѣла ни одного яркаго недостатка, но вся была какъ будто недостатокъ;—въ-третьихъ,—она никогда не язвила явно, ярко, она только трогала, будто невзначай, безсознательно, но всегда больную струну, хотя робкимъ, несмѣлымъ, но не менѣе того, чувствительнымъ образомъ... Для него это было то же самое, что отвратительный зудъ паразита, его ползаніе, его втайнѣ наносимые удары, его тихо-щекочущее жало, гдѣ-то въ потьмахъ, наугадъ, неуловимое, но больное, непріятное, невыносимое... Невѣровъ всѣми силами старался отбиваться отъ этого непріятнаго ощущенія, засѣвшаго въ его мозгу, — онъ самъ себѣ не вѣрилъ,—онъ рылся, онъ переворачивалъ на изнанку все нравственное существо своей жены, — онъ дѣйствовалъ угрозой, крикомъ, лаской,—ничто не помогало, ничто въ ней не выводило его изъ области ужаснаго для него сравненія... Если онъ кричалъ на нее, угрожалъ ей, — она металась, цѣпенѣла, какъ настоящій паразитъ; чуть онъ безсильно опускалъ руки и накладывалъ сдержанность и молчаніе на уста, — она мгновенно

оживала и заявляла свое существованіе неслышными, но чувствительными вторженіями въ его вкусы, привычки, занятія...

Невѣровъ не зналъ что́ ему дѣлать: онъ вдругъ увѣрился, что никакихъ другихъ свойствъ нѣтъ въ его женѣ, — и что этого вѣчнаго паразита онъ будетъ созерцать вѣчно: — въ столовой, въ спальнѣ, въ гостинной, въ обществѣ и дома. Другихъ людей можно было обмануть платьемъ, улыбкой, удачнымъ замаскированіемъ лица,—его никогда! Онъ зналъ, что за улыбкой, нарядным платьемъ, удачно вытверженнымъ разговоромъ,— скрывается *онъ*, все тотъ же, одинъ, неизмѣнный, вѣчный паразитъ! Невѣровъ можетъ уѣзжать, запираться, не показываться по цѣлымъ днямъ, — но вѣдь это средства пальятивныя, радикально не излечивающіе, и главное, нисколько не измѣняющіе сущности дѣла: — когда-нибудь онъ долженъ же будетъ показаться, отпереться, пріѣхать, — и, увидавши понять, что *онъ* живъ по прежнему и по прежнему жаждетъ его плоти и крови! Неужели онъ, человѣкъ, страдалъ, думалъ, любилъ и жилъ на землѣ только для того, чтобъ откармливать жирнаго и вреднаго паразита, который безсознательно поглощалъ, капля по каплѣ, всю его кровь?

Горечь и ожесточеніе его доходили до послѣднихъ предѣловъ... Онъ послалъ приглашеніе къ Снѣжинымъ, чтобъ онѣ пріѣхали къ нимъ на всѣ святки... Онъ не зналъ за что́ взяться, какое средство приложить къ вѣчно-зіяющей ранѣ...

Что же такое была Саша? Она была существо, слѣпо повинующееся своимъ инстинктамъ, — и только... Но этого было довольно.

Десять часовъ утра. Надя Снѣжина, вся въ папильоткахъ и съ лицомъ, покрытымъ цѣлымъ облакомъ пудры, сидѣла у стола, заваленнаго принадлежностями бальнаго туалета. На ней была очень бѣлая и щеголеватая кофта съ прошивками и кружевами, такая же юбка, и все, начиная отъ бѣлоснѣжныхъ чулокъ и щегольскихъ ботинокъ до тоненькой цѣпочки, обвивавшей пухлую шею, дышало роскошью и свѣжестью. Сашу водили точно также, когда готовили въ невѣсты; теперь, — о, посмотрите, какой контрастъ! Фланелевая темная блуза, безъ кринолина и воротничка, нечесанные волосы, лицо неосвѣженное умываньемъ, рискующее остаться такимъ до самого отъѣзда на балъ, — все говоритъ, что она уже жена, женщина, достигшая пристани, Робинзонъ Крузе, выкинутый на необитаемый островъ, гдѣ можно ходить въ костюмѣ Адама. Она сидитъ за чайнымъ

столомъ, мужъ напротивъ, весь закрытый огромными листами газетъ, Марья Петровна, съ очками на носу, усердно дѣлаетъ банты изъ атласу, лентъ и кружевъ, и, по временамъ, переговаривается съ портнихой, снимающей мѣрку съ Нади. Сама Надя не беретъ иголки въ руки, боится наколоть или испортить палецъ, или вообще оцарапаться, что̀ могло бы сбросить съ нее, какъ невѣсты, процентовъ пять лишнихъ. Ей и такъ много дѣла до бала: осмотрѣть и привести въ надлежащій, красивый видъ, въ пропорцію и границы свой товаръ—тѣло. И въ самомъ дѣлѣ, отличный, вполнѣ усовершенствованный видъ имѣлъ этотъ товаръ! Нигдѣ ни пятнышка, ни зазубринки, все такъ кругло, пышно, вылощено, выхолено... А какихъ это стоило усилій, неусыпныхъ заботъ и стараній... Но наконецъ, какъ мы уже сказали выше, явился, явился одинъ покупатель, настоящій, не пустой обманщикъ какой-нибудь, а человѣкъ съ капиталомъ, съ вѣсомъ, именно такой, которому можно продать столь долго и бережно хранимый товаръ. Правда, претендентъ былъ старъ, лѣтъ за пятьдесятъ, имѣлъ дочь и сына невѣстиныхъ лѣтъ, но за то былъ генералъ въ отставкѣ, имѣлъ въ губернскомъ городѣ домъ и достаточный капиталецъ на покупку имѣнія.

Надя была на седьмомъ небѣ отъ восторга: ей было все равно, что у ея будущаго супруга носъ былъ изрубленъ саблею, какъ онъ говорилъ, что онъ былъ малъ, толстъ, багровъ и пилъ коньякъ какъ воду, что онъ пыхтѣлъ и сопѣлъ какъ паровая машина,—но о̀нъ былъ генералъ и бралъ ее замужъ! И наконецъ, она вздохнетъ свободно, можетъ отдохнуть отъ корсета, отъ тугихъ платьевъ, отъ тѣсныхъ башмаковъ, отъ мученій вскочившаго прыща, отъ хлопотъ и обязанности беречь и украшать столь прихотливый, какъ тѣло, това̀ръ... Но теперь или никогда, этотъ товаръ долженъ ее вывезти, — и вотъ почему мать и дочь, съ тревогой и замираніемъ сердца, примѣриваютъ украшенія и разные подборы, долженствующіе выставить его въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ.

— Надя, твой генералъ будетъ сегодня? спросилъ Невѣровъ, послѣ длинной зѣвоты, откладывая газеты и вставая со стула.

Замѣтимъ мимоходомъ, что Андрей Петровичъ достигъ нѣкотораго результата отъ своей тоски съ пріѣздомъ родныхъ; онъ выучился хоть просто скучать, не вкладывая въ эту скуку всей разъѣдающей истомы прежнихъ дней...

— Какъ вы всегда выражаетесь, Андрей Петровичъ! возразила ему мать по-французски, на его вопросъ о генералѣ: — что поду̀маетъ эта женщина?... Еще ничего нѣтъ, что называется: ни коня, ни вову; а вы говорите: *твой*, *твой!*

— Ну что прикидываться, съ насмѣшкой отвѣтилъ Невѣровъ;—вѣдь ужъ предложеніе ныньче сдѣлаетъ,—вѣдь навѣрно, ужъ сами знаете, и Надя знаетъ...

— Почему же я-то знаю? обидчиво отозвалась Надя.

— Саша, renvoyez cette femme! приказала Марья Петровна дочери.

— Послушайте, обратилась она къ зятю по ея уходѣ: — зачѣмъ вы компрометтируете мою дочь?

Онъ, не отвѣчая, усѣлся передъ Надей, положилъ локти на столъ и улыбаясь устремилъ на нее глаза... Ему очень хотѣлось подразнить, отъ скуки, этихъ двухъ женщинъ, высказать имъ что-нибудь обидное и отъ нихъ получить то же.

Надя сидѣла не сморгнувъ, съ тонко выведенными бровями, съ алыми губами, подпирая бѣлой и надушенной рукой, украшенной кольцами, свой круглый, аппетитный подбородокъ.

— Вотъ, еслибы *твой* генералъ теперь тебя увидѣлъ, замѣтилъ Невѣровъ съ усмѣшкой:—ну просто бы проглотилъ цѣликомъ... такой ты лакомый кусочекъ, Надя!

Она равнодушно и холодно отвела отъ него глаза.

— Только знаешь, одинъ тебѣ мой совѣтъ, продолжалъ онъ не покидая ироническаго тона:—сегодня вѣдь рѣшительный день, jour de bataille, Надя!.. Ты бы устроила себѣ особенный костюмъ въ родѣ костюма Сусанны, когда ею прельстились два іудейскіе старца. Вѣдь это, я тебѣ скажу, средство великолѣпное!...

— Я вашихъ насмѣшекъ не понимаю! отвѣтила Надя, разсматривая свои ногти и вытирая ихъ платкомъ.

— Что за вранье! съ укоромъ замѣтила мать.

— Помилуйте! перебилъ Невѣровъ: — я говорю совсѣмъ не шутя; я, напротивъ, со всѣмъ родственнымъ участіемъ содѣйствую вашимъ планамъ... Вѣдь мы всѣ знаемъ, на какую приманку онъ пошелъ; — мы всѣ общими силами объ этомъ старались, и вы первая, одѣвая Наденьку на балъ, растолковали ей такъ хорошо ея роль, что она открыла свои плечики взорамъ генерала именно настолько, чтобъ старецъ ахнулъ, растаялъ и облизнулся!... Чтожъ, это препохвально!... Это искусство также какъ и всякое другое... Артистамъ во всякомъ искусствѣ честь и слава!..

Марья Петровна пристально взглянула на зятя.

— Мнѣ кажется, вы сами стали похожи на іудейскаго старца, придумывая такія рѣчи! вымолвила она.

— Я, напротивъ, выбралъ предметъ, который вполнѣ долженъ занимать ваши мысли... Хозяинъ обязанъ сочувствовать своимъ гостямъ!...

— Но не оскорблять ихъ!... замѣтила, уже дрожащимъ голосомъ, Марья Петровна.

— Вотъ видите! вставая со стула и пожимая плечами возражалъ Невѣровъ... Я тутъ со всѣмъ родственнымъ участіемъ, а мнѣ говорятъ: «оскорбляешь»! Чѣмъ же, позвольте узнать, я васъ оскорбляю? кончилъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Надя, поди, моя душа, приготовь мнѣ содовый порошокъ, сказала мать кроткимъ тономъ и продолжая работать, но у нея уже заныла спина и къ головѣ приливала кровь.

Надя вышла. Настало молчаніе.

— На горькомъ опытѣ теперь вижу, начала мать патетическимъ тономъ:—каково выдавать дочь за молодого!..

Невѣровъ насмѣшливо молчалъ.

— Хорошо еще, что моя Саша такого ангельскаго характера и такъ ко мнѣ привязана, что никогда не жалуется,—а другая развѣ бы это вынесла...

— Что *это*? спросилъ зять.

— Вы сами знаете чтò!

Невѣровъ всталъ, стиснувъ зубы... Онъ понялъ, чтò она хотѣла сказать. Но никто не могъ бы понять его чувствъ: для матери, для сестры, для домашнихъ, — жена его была обыкновеннымъ, пожалуй, красивымъ существомъ.

— Небось ужъ завели какую-нибудь Дульцинею? промолвила вполголоса Снѣжина.

— Оставьте меня въ покоѣ! раздражительно вскричалъ онъ:—довольно того, что вы ведете торговлю вашими дочерьми,—вотъ одну дочь продали... теперь другую продаете, — такъ и жаловаться нечего... Больно хорошо ремесло-то! Вѣдь это выставка тѣла все равно, что продажа съ публичнаго торга! договорилъ онъ, быстро выходя и сильно хлопая дверью.

— Господи! Да будетъ ли этому конецъ? вскричала-было Марья Петровна, порываясь бѣжать за зятемъ, но вò-время вспомнила, что домъ, слуги, лошади, экипажи, — все принадлежитъ Невѣрову, а что ей сегодня дочь надобно везти на балъ, а завтра, можетъ быть, просить денегъ взаймы.

Вошла Надя съ двумя стаканами, въ которыхъ была готова сода и кислота.

Мать выпила съ жадностью освѣжающій напитокъ и прилегла на диванъ въ изнеможеніи отъ недавней сцены.

— Послушай, Надя! позвала она къ себѣ дочь; я вчера замѣтила, мнѣ показалось, что генералъ въ кадрили тебя трогалъ колѣномъ; а?... правда это?

— Правда, мама! надувъ губы отвѣтила та; ты же сама не велѣла мнѣ отъ него отодвигаться!...

— Ну, если и ныньче онъ будетъ продолжать то же самое, прежде чѣмъ сдѣлаетъ предложеніе, то ты покажи видъ, что на него сердишься и отойди ко мнѣ.

— Слушаю мама; — а послѣ предложенія?

— Послѣ предложенія? въ раздумьи повторила мать: что же? ты ужъ тогда будешь его невѣста, — почти половина вѣнца! Только, Наденька! помни, что кругомъ сплетниковъ и злыхъ людей много!

— Я боюсь, что онъ, того и гляди, меня обниметъ! замѣтила флегматично Надя: когда мы остаемся одни, если хоть на одну минуту,—то онъ словно съѣсть хочетъ!

— Знай, что я всегда тутъ, — когда нужно, я сейчасъ и явлюсь.

— Вчера просилъ у меня колечко на память!

— Ну, а ты что же?

— Развѣ я не знаю что отвѣчать? сказала, что это твой подарокъ и что онъ для меня дороже всего на свѣтѣ... Онъ спросилъ: кто мнѣ изъ здѣшнихъ молодыхъ людей нравится? Я отвѣтила: никто, потому что мама мнѣ этого не позволяетъ, — а кого она выберетъ, того я и полюблю! «Ваша маменька, говоритъ, отличная женщина»! А самъ усмѣхается: видно, что доволенъ, предоволенъ!

— Молодецъ ты у меня, Надя! Ну, а какъ же онъ намекнулъ на счетъ предложенія, — съ чего это у васъ началось?

— Онъ все разсказывалъ о своемъ богатствѣ, какой у него домъ отличный, сады, оранжереи... Хозяйки только молодой нѣтъ! — и вздохнулъ. Потомъ прибавилъ: «хочу я, собственно для себя, хозяйку и госпожу имѣть, чтобъ она мной и всѣмъ моимъ добромъ владѣла, — еслибы такая нашлась, которая бы меня полюбила, — я бы, кажется, такъ подъ ножки и легъ и все бы цѣловалъ, да миловалъ»! Тутъ онъ началъ бормотать что-то непонятное и головой кивать... мнѣ кажется, онъ сильно былъ подкутивши. Потомъ вдругъ говоритъ: «я завтра къ балу пришлю вамъ букетъ цвѣтовъ изъ моей оранжереи; завтра думаю рѣшить свою судьбу,—передайте мамашѣ, что у меня есть большое до нея дѣло»!

— Ахъ, Надя! крестясь и съ улыбкой вымолвила мать: дай-то Господи мнѣ тебя увидѣть генеральшей!..

Надя отошла къ большому зеркалу и начала смотрѣть на свои пышныя губы и розовыя щеки.

— Наконецъ, я буду замужемъ! вырвалось у нея: замужемъ

прежде Зины, прежде всѣхъ моихъ подругъ! Замужемъ за генераломъ!.. Я попрошу его держать карету, повара, пропасть прислуги... У меня будутъ шали, брилліанты, рысаки!.. Ахъ! мама!.. Да я изъ этого, не только бы за старика, — я бы за медвѣдя пошла...

— Старики ревнивы! выговорила со вздохомъ Снѣжина.

— А жены осторожны! съ значительной улыбкой отвѣтила Надя. Не даромъ мы, дѣвушки, съ пятнадцати лѣтъ эту науку изучаемъ; насъ нигдѣ не подцѣпишь,—вездѣ шито и крыто!..

И будущая невѣста съ торжествомъ повернулась на одной ножкѣ передъ зеркаломъ. Мать заботливо оглядывала ея пышную, приготовленную будто на выставку, фигуру.

— Поди-ка, поди-ка сюда, вдругъ перебила она ее съ безпокойствомъ: что это у тебя на спинѣ?.. Повернись, сними кофту...

— Гдѣ? съ испугомъ произнесла Надя, раздѣваясь.

— На самомъ видномъ мѣстѣ! и кружевомъ даже прикрыть нельзя... ахъ, Наденька, какъ же это ты такъ?.. Видишь, прыщикъ величиною съ конопляное зерно!

Надя стояла красная, ошеломленная...

— Увѣряю тебя, что поутру этого еще не было! Честное слово, я осматривала... Каково?

— Ну, да ужъ не краснѣй такъ, не волнуйся! съ досадой заговорила мать. Пойдемъ, я попробую пудрой или кисточкой забѣлить!.. Не забывай только на балѣ, что онъ на правой лопаткѣ;—не вертись ты передъ нимъ этимъ бокомъ...

Въ переполохѣ онѣ обѣ исчезли за дверью.

Два часа до бала. Карета приготовлена; фонари вычищены; кормъ лошадямъ засыпанъ; по дому двигаются огни; великое дѣло одѣванія на балъ началось.

Передъ большимъ зеркаломъ, въ пышномъ бальномъ нарядѣ стоитъ Надя, неподвижная какъ статуя; мать ползаетъ на полу у ея ногъ, ушивая и прилаживая широкую, бѣлую, газовую юбку, всю вышитую и выложенную бѣлыми шолковыми шнурками и жемчужными бусами. Жемчужное ожерелье, сомкнутое брилліантовымъ фермуаромъ, мягкимъ блескомъ сіяетъ на ея обнаженной шеѣ и словно живое дышетъ и поднимается на высоко вздымающейся груди, съ небывалою расточительностью выступающею изъ береговъ короткаго бальнаго лифа. Прыщикъ на правой лопаткѣ удачно закрашенъ бѣлилами, шиньонъ надѣтъ какъ слѣдуетъ, мелкія какъ пухъ, надушенныя и напомаженныя букли легкимъ облакомъ окружаютъ лобъ и виски бу-

дущей невѣсты; жемчужныя серьги висятъ въ ушахъ; вѣеръ, перчатки, флаконъ,—ничто не забыто,—все осмотрѣно, улажено, примѣрено передъ зеркаломъ въ тысячѣ видахъ. Надѣ запрещено говорить, думать, волноваться, пугаться, заботиться или находить что-нибудь дурнымъ во время туалета. Двѣ или три горничныхъ, съ булавками, иголками и свѣчами стоятъ со всѣхъ сторонъ въ напряженномъ вниманіи, спѣша исполнять требованія... Марья Петровна внѣ себя: съ нее градомъ льется потъ; она, какъ мученица, какъ фанатичка въ порывѣ религіознаго культа, предана своему занятію: двадцать разъ она бросается на полъ переколоть бантъ, поднять или опустить тюнику, заложить или распустить складку,—лицо ея все въ пятнахъ, сухія губы дрожатъ, искажены;—она бранится безпрестанно на дѣвушекъ, на Надю, на весь міръ;—она всплескиваетъ руками, теряетъ иголки, роняетъ на полъ брошки и серьги, швыряетъ ножницы, требуетъ ихъ снова, топая ногами, плачетъ, стонетъ, ругается, — еще немного, и ей грозитъ нервный припадокъ.

— Мама, да хорошо ужъ, оставь; рѣшается выговорить Надя, у которой ноги отекли отъ двухчасовой, неподвижной стоянки.

— Молчать! въ изступленіи и захлебываясь кричитъ на нее мать, перекалывая въ двадцатый разъ ея поясъ.

— Барыня, да вы булавочки-то выньте изъ ротика, неравенъ часъ! въ невольномъ испугѣ замѣчаетъ горничная, видя, что ротъ Марьи Петровны набитъ булавками.

Та, вмѣсто отвѣта, швыряетъ ей десятокъ булавокъ прямо въ лицо... Картина начинаетъ дѣлаться страшной...

— Мама, девять часовъ, входя объявляетъ Саша: когда же ты сама успѣешь одѣться?

— Чтó, убить что ли вы меня хотите? кричитъ Марья Петровна, не помня уже что дѣлаетъ, и вмѣсто того, чтобъ зашивать рубецъ, рветъ его дрожащими отъ изступленія пальцами.

— Ахъ! кричитъ Надя; не въ состояніи болѣе выносить подобнаго бѣдствія, она спасается отъ губительныхъ рукъ матери, распахиваетъ двери и выбѣгаетъ вонъ.

Марья Петровна съ воплемъ ползетъ за своей жертвой, таща за собой столовую скатерть, нитки, свѣчи, зеркало, булавки, духи и драгоцѣнности.

Саша въ ужасѣ то же спасается въ другую дверь.

Снѣжина остается одна и начинаетъ понемногу приходить въ себя. Ее поятъ водой, сажаютъ на стулъ и начинаютъ причесывать и одѣвать. Она утомлена и разбита какъ надорванная лошадь.

Надя ходитъ по залѣ, освѣщенной одной свѣчей, то же въ

какомъ-то туманѣ и одуреніи. Она боится снова попасть въ когти матери.

Въ передней слышна суматоха; отворяются и затворяются двери: входитъ человѣкъ съ большимъ свертномъ.

— Отъ генерала... цвѣты! объявляетъ онъ, вручая свертокъ Надѣ. Та, не помня себя отъ восторга, развязываетъ розовыя ленты и серебрянные шнурочки старичкова подарка, и взорамъ ея открывается великолѣпный букетъ живыхъ, бѣлыхъ камелій съ пышною темною зеленью...

Человѣку вручена трехрублевая; кучерамъ отданъ поспѣшный приказъ подавать карету.

— Мама, генералъ уже уѣхалъ, дожидается! сообщила Надя, влетая къ матери съ букетомъ.

— Ну что же, одѣвайся скорѣе! торопитъ та.

— Ботинки, перчатки, шаль, башлыкъ! кричитъ будущая невѣста на растерянныхъ горничныхъ.

Въ суматохѣ ничего не могутъ найти. Саша уже готова и давно ждетъ въ каретѣ. Вопли и стоны раздаются въ корридорахъ... Надя топаетъ ногой въ атласномъ башмакѣ; лицо ея, несмотря на усилія, багровѣетъ отъ злобы... Наконецъ изъ корридора, вытолкнутая кѣмъ-то, влетаетъ, какъ бомба, ея горничная съ ботинками и опускается надѣть ей на ноги. Атласный башмачекъ съ бѣшенствомъ тычется въ носъ запоздавшей и опрокидываетъ ее навзничь... Завтра горничная попроситъ разсчетъ за пинокъ, но развѣ возможно владѣть собой въ такія минуты, когда рѣшается, можетъ быть, вся судьба?

ГЛАВА II.

— Баринъ всталъ? спрашивала на другое утро Марья Петровна у лакея, топившаго печку въ залѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, еще не звонили...

Было только восемь часовъ утра,—онѣ недавно пріѣхали съ балу и не ложились всю ночь,— событіе совершилось, предложеніе со стороны генерала было сдѣлано; оставалось закрѣпить его обрученіемъ, оглаской, издержками,—однимъ словомъ выковать цѣпь, которую расковать было бы не такъ-то легко.

Мать, тихо и осторожно, вошла въ кабинетъ къ Невѣрову. Въ окно пробивался туманный отблескъ разсвѣтающаго зимняго дня. Онъ лежалъ на подушкахъ, закинувъ руки за голову и не спалъ. Догорѣвшая свѣча стояла на его ночномъ столикѣ, книга валялась въ ногахъ постели. Любопытство и интересъ мельк-

нули на его скучающемъ лицѣ, когда онъ повернулъ голову и увидѣлъ вошедшую тещу. Онъ однако ничего не спросилъ, и сталъ выжидать новостей съ притворно равнодушнымъ видомъ.

— Ну, Надя невѣста;—начала она, садясь на его постель:— вчера генералъ сказалъ сначала мнѣ, потомъ ей!

— А!.. выговорилъ Невѣровъ; когда же свадьба?

— Вотъ въ томъ-то и запятая, — сказала Марья Петровна. — Генералъ говоритъ, когда купитъ имѣніе, хочетъ прежде все устроить, чтобъ зажить съ Надей вдвоемъ, въ новомъ домѣ, — а имѣніе у него еще не пріискано и не сторговано, — вѣдь это ужасно длинная оттяжка!

— Какія же причины онъ приводитъ для этой оттяжки?

— Конечно, самыя благородныя! Говоритъ: хочу, чтобъ Надежда Павловна была единственной госпожей въ домѣ, и чтобъ она ни минуты возлѣ себя не видала другой хозяйки; а теперь этого нельзя сдѣлать; у него взрослая дочь, — ну тамъ, привыкла распоряжаться. Наденькѣ, говоритъ, это будетъ обидно; столкновенія разныя могутъ быть...

— Вы ему, разумѣется, говорили, что Наденька на это не претендуетъ и очень желаетъ жить съ дочерью своего будущаго благовѣрнаго? спрашивалъ Невѣровъ своимъ обычнымъ, слегка ироническимъ тономъ.

— Еще бы! все говорила, — а онъ свое: «я дочку отвезу къ теткѣ, домъ отдамъ въ наймы, а самъ куплю имѣніе и тогда женюсь!»

Они оба помолчали.

— Теперь я понимаю, сказалъ Невѣровъ: — вся сила въ томъ, чтобъ заставить его прежде всего обвѣнчаться, а потомъ продѣлывать всѣ остальныя свои дѣла... Такъ ли?

— Если дѣло въ оттяжку пойдетъ, задумчиво подхватила мать, и мы съ Надей уѣдемъ и никакихъ сношеній между нами не будетъ...

— Онъ вырвется какъ разъ! докончилъ Невѣровъ.

— Послушайте, сказала Снѣжина, взявъ руку зятя, лежавшую неподвижно на одѣялѣ,—я хочу спросить вашего мнѣнія: одобрите ли вы мой планъ?.. Я хочу рекомендовать ему имѣніе, продающееся въ нашихъ краяхъ, верстъ за семь отъ моей усадьбы, — и для личнаго осмотра и хлопотъ, по случаю этой покупки, — предложу ему мой домъ... на неопредѣленное время... Понимаете?

— Понимаю; тамъ конечно удобнѣе его окрутить. Деревенская свобода, частыя сближенія, сцены разныя можно устроить... старички вообще на это падки...

— Я даже думаю съ собой взять его... проговорила, колеблясь, Марья Петровна.

Невѣровъ усмѣхался очень значительно.

— Голубчикъ, Андрей Петровичъ, одолжите мнѣ взаймы рублей триста, просящимъ тономъ высказала мать, поглаживая его руку въ своихъ: — я совсѣмъ прожилась съ этими выѣздами, — посудите сами, — теперь надобно послать нарочнаго домой, весь домъ велѣть отопить, приготовить генералу удобное помѣщеніе, повара нанять, человѣка...

Невѣровъ молчалъ.

— У васъ свои дѣти будутъ, — продолжала та, и губы ея нервно задрожали: — вы поймете тогда, каково быть на мѣстѣ родителей. Ну, да! я сознаю, что это торговля, что это сдѣлка, безчестная, пошлая сдѣлка; но что же дѣлать, когда общество у насъ такъ устроено, что оно смотритъ на позднее дѣвичество, какъ на что-то унизительное и презрѣнное... Для матери, Андрей Петровичъ, трудно видѣть это на своемъ родномъ дѣтищѣ...

Губы Невѣрова сложились въ горькую усмѣшку.

«Вотъ эта женщина, подумалось ему: — унижается передо мною, готова на подлости, на самоосужденіе, чтобъ угодить мнѣ и получить триста рублей; она въ эти минуты готова быть умной, сдѣлать мнѣ жизнь пріятною, согласиться на всѣ условія, какія бы я ни предложилъ! А что̀ бы мнѣ предложить ей? Чего я хочу въ самомъ дѣлѣ?»

Вдругъ глаза Невѣрова блеснули: — его сердце своимъ скорымъ біеніемъ внезапно подсказало ему отвѣтъ... Неужели старыя раны раскрылись, старыя желанія ожили?

Онъ приподнялся на постели быстро, стремительно, какъ электрическая пружина... На однообразной и темной дорогѣ его жизни, застрахованной, казалось, отъ всѣхъ случайностей и неожиданностей, выпадалъ вдругъ, самъ собой, неожиданный шансъ на счастье, на спасенье, на выходъ... — «Я уговорю ее отдать къ намъ на житье Зину!» сказалъ онъ самъ себѣ. У него чуть не закружилась голова — отъ риску, опасности, сопряженныхъ съ этой необычайной просьбой.

— Я сейчасъ встану, сказалъ онъ, обращаясь къ тещѣ: — поговорю съ управляющимъ и дамъ вамъ отвѣтъ часа черезъ два.

Онъ торопливо позвонилъ.

Марья Петровна вышла. Въ передней ей подали письмо отъ сына изъ отдаленнаго города, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ.

Опять куча долговъ, опять безконечная, неумолкаемая просьба о деньгахъ! А тутъ свадьба, приданое, расходы!..

Мать, какъ прочла письмо, такъ и опустилась на стулъ, совершенно истерзанная всѣми этими соображеніями... Она сидѣла около передней и вся вздрогнула, когда дверь изъ сѣней съ шумомъ хлопнула и вошла баба съ вѣникомъ въ рукѣ, очевидно намѣревавшаяся убирать комнаты... Въ эту минуту, хозяйскій глазъ Марьи Петровны подмѣтилъ, что въ прихожей, открытой для всѣхъ приходящихъ, валяется на столахъ и стульяхъ столовое и чайное серебро, великолѣпная сахарница Невѣровыхъ, фунты чаю, разложенные и неприбранные, — и Снѣжина, думая о виновникѣ такого возмутительнаго безпорядка, нѣсколько забыла свои горести и заботы. Когда же баба, добравшись до чаю, долго не думая, начала запихивать его подъ лавку и покрывать шубой, — Марья Петровна не выдержала, и отчаянный, безпокойный зовъ ея раздался по комнатамъ.

— Маша, Маша! кричала она, вызывая изъ внутреннихъ комнатъ горничную дочери: — поди сюда, объясни, что̀ все это значитъ?

Маша явилась, вырвала изъ рукъ у бабы чай, собрала серебро и сложила все это въ залѣ грудою...

— Отчего же ты не убираешь въ шкафы, въ коммоды? съ удивленіемъ спрашивала Снѣжина.

— Барыня ключи потеряли! спокойно отвѣтила та.

— Когда же она потеряла?

— Дня съ три; такъ теперь все и валяется!.. Сказывать барину не велѣли,—ломать не ломаютъ... Не знаю, что̀ теперь будетъ.

— Отчего же барыня сама серебро не убираетъ къ себѣ? спросила мать съ возраставшимъ удивленіемъ.

Маша усмѣхнулась. Она жила въ семействѣ Снѣжиныхъ и Невѣровыхъ уже нѣсколько лѣтъ, и потому была у нихъ въ нѣкоторомъ родѣ довѣреннымъ лицомъ.

— Ахъ, матушка-барыня, сказала она, съ соболѣзнованіемъ качая головой: — не знаете вы видно, какіе у нихъ порядки! Ветчину какую вамъ вчера подали?.. Гнилую! Отъ такого-то богатства!.. Жалость одна...

— Отчего же это?

— Присмотру нѣтъ; хозяйки нѣтъ!.. Еслибъ онѣ ужъ хоть мнѣ повѣрили хозяйство, ключи бы ужъ мнѣ всѣ на руки сдали, по крайней мѣрѣ, я бы ужъ въ отвѣтѣ была...

— Да что же сама-то Александра Павловна дѣлаетъ цѣлый день?

— Ничего; или ходятъ, или лежатъ у себя въ комнатѣ... Хоть трава не рости... Не повѣрите, матушка-барыня, какъ мнѣ тошно видѣть ихніе порядки... Совсѣмъ онѣ какъ не человѣкъ стали! зашептала она, наклоняясь къ уху Марьи Петровны: до того облѣнились, что утромъ лягутъ, да такъ иной разъ до другого утра... Въ постелѣ и кушаютъ, и чай пьютъ, да добро бы еще въ своей комнатѣ; а то гдѣ придется, въ залѣ такъ въ залѣ, въ гостинной такъ въ гостинной, принесутъ подушки и лежатъ...

— Ну, Андрей-то Петровичъ чего смотритъ? Я чаю, порядкомъ покрикиваетъ?

— Баринъ? произнесла Маша. Ни одного слова никогда имъ не скажетъ. Александра Павловна-то зачастую накушается сама до обѣда, — а барину ничего не оставитъ. Онъ ничего, — ни слова. Встанетъ и пойдетъ. А то сядутъ вмѣстѣ иной разъ обѣдать: барыня выдутъ непричесанныя, неумытыя,—онъ взглянетъ на нее и молчитъ, все молчитъ. Кушать начнетъ барыня, порядкомъ куска не разрѣжетъ, лѣнь что-ли, прости Господи! салфетки себѣ не спроситъ... Одинъ разъ вздумали ноги мыть въ гостинной,—а баринъ этого страсть какъ не любитъ; я думаю: — погоди, что́ отъ него будетъ?.. Что-жъ, ни словечка не вымолвилъ, всталъ и пошелъ!..

— Да она ему мститъ за что-нибудь? вскричала мать. Быть не можетъ, чтобъ спросту... Маша, ты знаешь — не водятся ли за бариномъ грѣшки какіе?.. Не чувствуетъ ли онъ себя виноватымъ передъ ней.

— То-то и есть что нѣту-съ! значительно замѣтила Маша. Ужъ намъ-то бы не знать! А думаю я такъ, по простому моему разсужденію, что хочетъ Андрей Петровичъ вызнать, что отъ нея дальше будетъ,—и тогда ужъ и натѣшиться надъ нею! прибавила Маша съ затаеннымъ злорадствомъ.

— А я вижу, перебила мать: — что молодые люди просто поссорились и ихъ надобно примирить...

— Нѣтъ, они не ссорились, отвѣтила Маша; вѣдь это давно тянется, — а теперь все дальше, да больше! Не хочетъ баринъ кричать, это видно!.. Потому крикни онъ только на Александру Павловну, такъ сейчасъ все какъ рукой бы сняло... А онъ не кричитъ, не хочетъ, надоѣло что ли? Ждетъ что ли чего отъ нихъ,—авось, можетъ, сами опомнятся... Богъ ихъ знаетъ! А однимъ страхомъ ихъ бы только и взялъ. Намедни прорвались: барыня ихъ гребень взяли, да такъ и бросили опять не вычи-

щенный... такъ Андрей Петровичъ какъ взглянетъ на нее,— инда весь помертвѣлъ! — «Не смѣй моихъ вещей трогать; — чтобъ духу твоего здѣсь не было»! словно громъ какой проревѣлъ... Ну Александра Павловна заметались, не знаютъ куда дѣваться! — «Не я, не я!» говорятъ. Я думала, онъ ее тутъ убьетъ;—нѣтъ! хлопнулъ дверью и пошелъ. Послѣ того, два дни цѣлыхъ барыня дрожкой дрожали, а тамъ опять за старое...

— А! такъ я же ей внушу, заволновалась Марья Петровна, направляясь къ спальнѣ дочери: — погоди, она у меня будетъ шелковая... Андрей Петровичъ мнѣ большое спасибо скажетъ!..

Теперь, когда она надѣялась вытянуть изъ зятя тысченку, другую, на свои нужды, она всей душой рѣшилась быть на его сторонѣ.

— Вы, барыня, прикажите имъ слесаря-то позвать,—подговаривала Маша:—вѣдь у насъ все заперто, и бѣлье, и платье и посуда...

Марья Петровна влетѣла въ спальню дочери, въ сопровожденіи горничной, видимо желавшей присутствовать при погромѣ. Мать была въ такомъ настроеніи духа—что нельзя было ждатѣ отъ нея спуску.

Она рѣшительно растолкала храпѣвшую Сашу.

— Чего еще?.. проговорила та, полуоткрывая оплывшіе отъ сна глаза.

— Вставай сейчасъ! закричала мать. Давай ключи! Куда ты ихъ потеряла?.. Сейчасъ давай!.. Да ну же!

Она ее толкала и тормошила. Дрожа отъ страха, выговорила наконецъ Саша:—Что такое я сдѣлала?

— Какъ что?.. Ты потеряла ключи,—давай ихъ сейчасъ, откуда хочешь... Я знать ничего не хочу!..

— Ихъ у меня украли, попробовала-было Саша спастись обычной своей уловкой: ложью.

— Лжешь; ты потеряла ихъ! Но дѣло не въ этомъ: прошло ваше время, Александра Павловна, и вамъ теперь не сдобровать. Саша, при этихъ словахъ, слѣзла съ постели, кидая отчаянные взгляды на дверь, какъ будто ища выхода...

— И ты смѣла жаловаться на мужа? громила ее Марья Петровна; да это ангельское терпѣніе Андрея Петровича, что онъ не бьетъ тебя до полусмерти!.. Я тебѣ послѣдній разъ говорю, если ты не оставишь твоей небрежности и лѣни, я съ тобой расправлюсь по старому, несмотря на то, что ты замужняя женщина. Слезы такъ и текли по испуганному лицу Саши.

— Отчего ты бросила все хозяйство?.. Отчего ты ни за

домомъ, ни за людьми не смотришь?.. Отчего не одѣваешься, не чешешь головы,—не велишь убирать своей комнаты? А? Отчего все это?.. Оттого, что тебя не бьютъ, не стоятъ надъ тобой съ палкой!.. Но погоди, матушка!.. пугала ее мать:—если мужъ твой палку изъ рукъ выпустилъ, — такъ я же ее возьму въ свои руки, — а ты знаешь, что она у меня бьетъ больно! Одѣвайся сейчасъ, и приходи просить прощенья у Андрея Петровича... Слышишь?.. безъ прекословія!..

Матери болѣе всего хотѣлось сблизить ее снова съ мужемъ и для этого она рѣшилась снова возсоздать ту Сашу, надъ произведеніемъ которой она такъ трудилась до ея замужства.. Саша рѣшительно не понимала, за что обрушивалась на нее такая напасть... Первый разъ въ жизни ей предоставили свободу поступать по-своему, первый разъ въ жизни она предалась на волѣ своимъ привычкамъ и вкусамъ,—и вдругъ ее застигла такая печальная развязка. Она старалась пропускать мимо ушей всѣ материны слова, трясясь отъ страха, но не испытывая ни досады, ни озлобленія...

— Взгляни на что ты похожа?.. язвила мать, подводя ее къ зеркалу;—ты можешь внушать только одно отвращеніе мужу,— и я вполнѣ понимаю, что онъ тебя оставилъ!..

— Онъ меня не оставилъ... что ты, мама?.. лепетала Саша, надѣясь ложнымъ фактомъ поднять себя въ мнѣніи матери.

— Лжешь!.. Молчи ужъ лучше! И какъ могла родиться у меня подобная идіотка?.. всплескивала руками Марья Петровна. Другая жена вліяніе бы имѣла на мужа, могла бы хоть деньгами его располагать... роднымъ иногда помочь:—а эта!.. Наѣлась, выспалась, и трава не расти! Посмотри-ка на Надю, какъ она понимаетъ свое положеніе; я голову прозакладую, если она не съумѣетъ всякаго мужа себѣ покорить и заставитъ себя уважать...

Надя то же проснулась и потягиваясь въ постелѣ, повелительно звала горничную подавать ей умываться.... На бѣлоснѣжной подушкѣ, подъ тонкою простыней,—она снова казалось убранною будто на показъ, такъ бѣла, чиста и прозрачна была она вся...

Позвали наконецъ слесаря, который принужденъ былъ сломать замки у всѣхъ коммодовъ и шкафовъ. Саша разливалась горькими слезами, говоря, что у нея теперь все поворуютъ и что ключи навѣрное найдутся когда-нибудь... Тутъ снова не обошлось безъ бурной сцены при видѣ страшнѣйшаго хаоса и безпорядка, царствовавшаго въ коммодахъ Александры Павловны. Наконецъ, выбравъ платье для сегодняшняго туалета до-

чери, ботинки, воротничекъ, кружевной чепчикъ и даже атласный бантъ на поясъ,—роскошь невиданную въ домашнемъ костюмѣ жены, Марья Петровна оставила ее одну, поклявшись, что она заставитъ ее быть хорошей хозяйкой во что бы то ни стало. Саша, сидя передъ зеркаломъ и спѣша расчесывать волосы, съ удовольствіемъ думала о той минутѣ, когда мать уѣдетъ и она снова останется одна на свободѣ въ тишинѣ и покоѣ своей теплой спальни, за чашкой вкуснаго кофе или кускомъ жирнаго пирога и горячихъ блиновъ, которые она можетъ ѣсть безъ помѣхи, на постели, на окнахъ, на сундукѣ, гдѣ только ей захочется... Почему же, въ самомъ дѣлѣ, ей не жить такъ, какъ хочется? Кому она мѣшаетъ своими привычками? Мужъ молчитъ, стало быть доволенъ; тутъ все дѣло въ обоюдномъ согласіи. Но Саша понимала инстинктомъ, что не было согласія со стороны ея мужа на такую жизнь, какую она вздумала вести; она видѣла, что его всего передергивало, когда она, напримѣръ, зѣвала на весь домъ, или пѣла фальшивымъ голосомъ, или ложилась на его диванъ и подушки, — но онъ молчалъ, будто одержимый какимъ-то безсиліемъ, — его крикъ не леденилъ болѣе ея кровь,—и вотъ она съ тайнымъ злорадствомъ изучала все, что было ему непріятно и постепенно вводила въ жизнь. Это было не мщеніе, не вражда, не угроза,— это была извѣстная черта характера, выказывавшаяся при всѣхъ условіяхъ, во всякой обстановкѣ. Она сидѣла трусливая и отважная, злопамятная и уступчивая, покорная и нападающая, выражая на своемъ незначительномъ лицѣ, въ складкѣ недовольныхъ губъ, въ ширинѣ щекъ, въ глубинѣ съузившихся глазъ, всѣ эти разнородные элементы, затемняющіе и подавляющіе свѣжесть ея одежды, лоскъ волосъ и румянецъ щекъ.

Морозное, святочное утро свѣтило прямо въ окна большой старинной залы Невѣровыхъ. Марья Петровна обдергивала скатерть у чайнаго стола, поджидая Андрея Петровича, еще не возвратившагося изъ конторы; сама подвигала для него кресло, спускала стору, готовила ему чай. Вмѣсто неряшливой и нечесаной Саши, за самоваромъ сидѣла Надя, въ щегольскомъ отлично сшитомъ платьѣ, бѣлая, аппетитная, румяная какъ сдобная булка. Наконецъ, вошелъ Невѣровъ. Онъ былъ противъ обыкновенія въ духѣ, оживленъ, казался здоровымъ и свѣжимъ.

— Поздравляю тебя, Надя! весело сказалъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ и цѣлуя ее: — молодецъ! съумѣла подцѣпить генерала; честь и слава тебѣ....

— Все благодаря вамъ, замѣтила Марья Петровна со слезами на глазахъ:—не пригласи вы насъ къ себѣ на святки,—никогда бы этого не случилось!... Вы словно наше провидѣніе, Андрей Петровичъ!

— Мамочка, пожалуйте-ка сюда! отозвалъ Невѣровъ тещу къ окну:—я переговорилъ съ управляющимъ; вамъ достаточно будетъ покуда пятисотъ рублей?

Марья Петровна отъ радости и признательности совсѣмъ растерялась: слезы текли по ея лицу; она готова была цѣловать руки у зятя.

— Вы мнѣ жизнь возвращаете, выговорила она: знаете ли, что часъ тому назадъ я была въ такомъ состояніи, что хоть руки на себя наложить. Вѣдь отъ Гриши опять письмо!

— Что? денегъ проситъ? весело освѣдомился Невѣровъ.

— Ну да! Вы знаете наши дѣла, мнѣ вотъ до какихъ поръ пришлось.

Марья Петровна указала на горло. Потомъ она позвала Надю.

— Благодари, Надя,—указала она ей съ умиленной улыбкой на Невѣрова:—по милости его и свадьбу скоро сыграемъ!.. Это не зять мнѣ, а милый, родной сыночекъ....

И она заплакала. Надя съ порывомъ бросилась на шею къ Невѣрову. Онъ заключилъ ее въ объятія и поцѣловалъ. Марья Петровна, отирая слезы радости, съ другой стороны силилась то же обнять зятя и съ минуту продолжалась нѣмая, трогательная сцена взаимныхъ объятій.

Хотя Невѣровъ и понималъ, что все это было изъ-за денегъ, но даже и такія искусственно-дружелюбныя отношенія были ему пріятны, въ противоположность тому, что онъ испытывалъ дома, наединѣ съ женой.

Въ это мгновеніе вошла и жена. Окинувъ изумленнымъ окомъ трогательную сцену, она поскорѣе и насупившись отошла къ чайному столу, подумавъ, что теперь, когда мать и мужъ въ такой дружбѣ, то ей вѣрно не сдобровать. Но видъ сдобныхъ булокъ и сухарей отвлекъ ее отъ непріятныхъ мыслей и она вся отдалась требованіямъ отощавшаго желудка, принялась накладывать сахаръ въ свою чашку и наливать себѣ чай.

Невѣровъ въ это время ходилъ съ Надей по залѣ и въ немаломъ изумленіи поглядѣлъ на жену, на ея нарядное платье, на воротничекъ, на кружевной чепчикъ.... Разъ ихъ взгляды встрѣтились, мужъ почувствовалъ снова съ небывалою силой всѣ приступы злого недуга, терзавшаго его: выраженіе ея взгляда

трусливаго, недовѣрчиваго и полнаго холодной непріязни, — показалось ему отвратительнымъ.

— А вѣдь она хороша, сказалъ онъ самъ себѣ: — въ ней нѣтъ ничего уродливаго или безобразнаго; это душа ея, которую знаю только я одинъ, которую я вижу изъ каждой пóры ея тѣла, изъ каждой складки ея одежды, душа паразита, — которая такъ претитъ мнѣ!

— Саша, Саша! вскричала мать: — никто еще не начиналъ пить чай, а ты уже себѣ наливаешь; Андрей Петровичъ еще не пилъ, развѣ это можно!

— Я привыкъ самъ себѣ наливать, отвѣчалъ Невѣровъ, подходя къ чайному столу и взявъ чайникъ.

— Онъ всегда самъ! повторила и Саша, не покидая недовольной мины. Невѣровъ усадилъ Надю около себя и, чтобъ прекратить щекотливые разговоры, началъ болтать съ нею всякій вздоръ, шутить, смѣяться, строить планы на будущее.

Мать замѣтила, что онъ отдаляется отъ жены и зорко стала слѣдить за взаимными отношеніями супруговъ.

— Ты что это сегодня такая надутая? вдругъ строго спросила она у Саши.

Та вмѣсто отвѣта перестала пить чай и, вспыхнувъ, собиралась заплакать.

— Отчего ты сегодня такая надутая? повторила мать, начиная выходить изъ себя.

Саша считала страшной несправедливостью со стороны матери подобные вопросы: она сдѣлала все, что отъ нея требовали, безпрекословно пожертвовала своей лѣнью, вкусами и привычками и все-таки не могла избѣжать выговора.

— На васъ ничѣмъ не угодишь! выговорила она вполголоса, желая оборониться и замирая въ тоже время отъ страха.

— Ну, Андрей Петровичъ, вскричала Снѣжина: — я дольше молчать не могу! Вы такъ избаловали Сашу, что ее узнать нельзя!... Помилуйте, она совершенно невыносима! Хозяйствомъ не занимается, — ключи всѣ растеряла, — всѣ у васъ тащутъ, воруютъ изъ-подъ рукъ, и никто изъ васъ этимъ не займется!

— Что же мнѣ-то дѣлать въ такомъ случаѣ? насмѣшливо спросилъ Невѣровъ.

— Вы должны отъ нея требовать, чтобъ она смотрѣла за всѣмъ хозяйствомъ! Это чисто ея обязанность. Послушайте, мнѣ Саша часто писала, что вы хотѣли, чтобъ все было у нея на рукахъ, — что вы требовали отъ нея порядка и въ самомъ дѣлѣ отлично его устроили: что же случилось теперь? Домъ заброшенъ, — жена живетъ какъ чужая, только ѣстъ, пьетъ и на-

ряжается, — а мужъ это терпитъ и не дѣлаетъ никакихъ возраженій?

Невѣрова бросило въ краску. Для него былъ чрезвычайно непріятенъ этотъ разговоръ, — это трогапье и щекотанье его больной, разъѣдающей раны. Надя, увидавъ по признакамъ, что должна произойти сцена, ловко вывернулась отъ Андрея Петровича и исчезла изъ комнаты. Онъ тоже всталъ и началъ ходить по залѣ. Ему чрезвычайно хотѣлось высказать матери, что жена, по его мнѣнію, идіотка, животное, нравственный уродъ, надъ которымъ постоянно нужно стоять съ палкой, но что даже эта палка наскучила ему до такого безобразія, что онъ бросилъ ее, — и вотъ результаты. Но онъ молчалъ, потому что чувствовалъ себя слишкомъ неравнодушнымъ для этого разговора.

Марья Петровна была не такая женщина, чтобъ оставить сцену безъ конца. Кто-нибудь долженъ былъ быть жертвой. Саша съ трепетомъ видѣла, что ей не отвертѣться на этотъ разъ и въ ея напуганномъ, недалекомъ умѣ уже мелькала мысль о побояхъ, которыми мать грозила поутру.

— Я въ первый разъ отъ роду вижу такое хозяйство, продолжала Марья Петровна: — ну вотъ, мы теперь безъ постороннихъ, на-единѣ; скажите мнѣ, Андрей Петровичъ, почему вы, человѣкъ вообще строгій, требовательный и взыскательный, почему вы позволяете вашей женѣ ничего не дѣлать, жить даромъ, жить у васъ на хлѣбахъ, позволяете быть надутой, не подходить, не угождать, не бояться и не любить васъ?

— Оставимъ этотъ разговоръ, въ волненіи возразилъ Невѣровъ, подходя къ ней: — я ни на что не жалуюсь и она вѣроятно тоже довольна; повѣрьте, Марья Петровна, мы хорошо знаемъ другъ друга!...

— Но это неблагородно, это низко! вскричала Снѣжина: — развѣ такъ живутъ хозяйки и жены?... Ты себя губишь, губишь! напала она на Сашу: — помяни мое слово, что тебя мужъ изъ дому выгонитъ, если ты не перемѣнишься! И тогда, матушка, не прогнѣвайся, я тебя не приму, живи гдѣ хочешь.... Проси сейчасъ прощенья у Андрея Петровича! Слышишь? чтобъ я не видала этого надутаго вида...

Мать думала сломить капризы молодой женщины и сблизить ее съ мужемъ; она не знала вполнѣ своей дочери: она думала, что иниціатива охлажденія была съ ея стороны, что она отдалилась отъ него сама, а что Невѣровъ, изъ гордости и самолюбія, не хочетъ сдѣлать шагу первый и потакаетъ ея причудамъ и отчужденію, но въ сущности ему, какъ всякому мужу, должно быть тяжело и больно лишиться сожительства хоро-

шенькой и молодой женщины. Она не знала, какого рода язва терзала недужное сердце Андрея Петровича.

— Проси прощенья! раздался снова нервный и пронзительный голосъ матери надъ ухомъ Саши:—а не то...

Саша вдругъ встала: паническій страхъ, какъ у безсловеснаго животнаго, заполонилъ ея душу и наложилъ свое клеймо на лицо.

Невѣровъ смотрѣлъ на нее не сводя глазъ: ему хотѣлось осязать, такъ сказать, еще разъ всю нравственную безнадежность существа, съ которымъ обреченъ былъ онъ жить.

Она подошла къ нему. Слезы подступили къ ея глазамъ. Онъ стоялъ неподвижно, заложивъ руки въ карманы.

— Простите меня... выговорила она униженно.

— Въ чемъ же ты просишь у меня прощенья? вымолвилъ онъ, мѣряя ее взглядомъ съ головы до ногъ.

— Во всемъ, пролепетала она дрожащимъ голосомъ: — теперь ужъ я точно вижу, что виновата...

«Нѣтъ, ты боишься палки!» отчетливо подумалось ему.

Мать сталкивала ихъ потихоньку съ обѣихъ сторонъ, и Невѣровъ вдругъ увидѣлъ прямо передъ своимъ лицомъ лицо жены, лицо, искаженное всѣми ужасами самаго низкаго, самаго раболѣпнаго страха... А давно ли отражало оно злое торжество и безнаказанность побѣды надъ нимъ? Ему хотѣлось бы смять это лицо и уничтожить даже слѣдъ его съ лица земли; — но вдругъ внезапная мысль озарила его голову: — «Можетъ быть, еще не все открыто мнѣ въ ней: она знала палку, знала окрикъ, знала снисходительно бросаемыя ласки, — она еще не знала поцѣлуя, — заискивающаго поцѣлуя примиренія со стороны того, кого она считала своимъ врагомъ, владыкой, палачомъ и властелиномъ... Испытаемъ»!

Онъ съ любопытствомъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ губы.

Саша оторопѣла сначала; потомъ вдругъ, мгновенно, исчезло всякое выраженіе страха съ ея лица и на немъ мелькнула глупо-лукавая улыбка, улыбка нахальнаго торжества, которую она обратила къ матери; потомъ все смѣнилось обычнымъ холодомъ, молчаніемъ и высокомѣрнымъ поднятіемъ головы... Она вышла.

Душевныя раны Невѣрова раскрылись еще болѣе, будто въ нихъ подлили яду... Отвращеніе и презрѣніе къ женѣ достигало до послѣднихъ предѣловъ... Онъ чувствовалъ, что готовъ заболѣть, что настроеніе духа его становилось ненормальнымъ...

Марья Петровна, радуясь, что примирила супруговъ, торжествовала. Она выпросила у зятя лошадей и поѣхала въ городъ

съ Наденькой, дѣлать покупки и собирать свѣдѣнія о генералѣ, который не пріѣхалъ поутру, какъ обѣщалъ.

ГЛАВА III.

Саша съ мужемъ остались одни. Въ этотъ день онъ не трогался съ мѣста и все сидѣлъ на диванѣ въ гостинной. Жена часто всовывала туда свою голову, зорко и украдкой высматривая положеніе дѣлъ: она все еще ожидала вспышки, нападенія, требованій и посыланій на работу. Она не смѣла снять корсета, хорошаго платья и шиньона и ходила на цыпочкахъ, перетирая и осматривая посуду въ шкафахъ и осторожно гремя ключами.

Но Андрей Петровичъ молчалъ, и она видѣла его взглядъ, неутомимо устремленный на нее. Этотъ взглядъ былъ очень странный. Въ немъ не было уже ни досады, ни непріязни, ни гнѣва;—онъ былъ болѣзненно упоренъ, ненормально присталенъ. Въ его умѣ родилось неотразимое, болѣзненное желаніе выслѣдить это созданіе до самой глубины, осязать его негодность, выискать, открыть, можетъ быть, еще сокровенныя безобразія и упиться отвращеніемъ. Онъ уже не отвертывался, не уходилъ, не закрывалъ глаза, не зажималъ уши, — онъ сидѣлъ и смотрѣлъ.

Онъ сталъ видѣть странныя, необыкновенныя вещи: въ простыхъ, повидимому, поступкахъ жены онъ, основываясь на знаніи ея души и характера, усматривалъ намѣренія; видѣлъ отвсюду выступающее грозное жало, и вскорѣ она вся, т.-е. вся нравственная сторона ея, со всѣми ея безотчетными стремленіями, намѣреніями, побужденіями, представилась его умственнымъ взорамъ въ видѣ холоднаго, могильнаго червя, который, убѣдившись въ тишинѣ и неподвижности своего мертваго врага,—неслышно выступаетъ изъ своей норы и постепеннымъ, незамѣтнымъ ходомъ, будто ощупью, будто ползя наугадъ, но двигаясь все ближе и ближе къ цѣли—впивается наконецъ своимъ пронзительнымъ жаломъ въ неподвижно распростертые члены и губитъ ихъ съ безсмысленнымъ злорадствомъ и жадностью пресмыкающагося.

Она начала съ того, что разоблачилась отъ всѣхъ своихъ одеждъ, и Невѣровъ увидѣлъ на ней поношенный, темный запачканный капотъ, недоходившій до полу и открывавшій ноги въ теплыхъ, стоптанныхъ плисовыхъ сапогахъ; кофта съ распахнутой грудью довершала ея непривлекательный нарядъ, и въ

такомъ видѣ она явилась въ гостинную. Она сѣла въ кресла у стола, прямо лицомъ къ Невѣрову и начала разсматривать свои красноватыя, большія руки, палецъ за пальцемъ, ноготь за ногтемъ. Выраженіе лица ея было холодное, бездушно эгоистическое. Видно было, что она въ эту минуту совершенно стираетъ своего мужа съ лица земли и забываетъ, что онъ живой, чувствующій человѣкъ. Въ этомъ случаѣ она была совершенно послѣдовательна въ своихъ ощущеніяхъ: она не любила мужа, она испытывала къ нему всегда только одинъ раболѣпный страхъ. Желаніе вредить въ ней сохранялось, но оно, какъ и все прочее въ ней, было такъ инстинктивно, безотчетно, неопредѣленно, что всѣ ея поступки приписать можно было точно также случайности, нечаянности, какъ и сознательному произволу. По крайней мѣрѣ, она сама и всѣ другіе находили, что эта женщина не можетъ обидѣть и мухи. Одинъ Невѣровъ думалъ, что умѣетъ читать между строками и разумѣть настоящій смыслъ.

Потомъ она встала и начала слоняться по комнатѣ изъ угла въ уголъ, подходя по временамъ къ столу и отодвигая его ящикъ передъ самымъ носомъ Невѣрова, брала оттуда или коробку спичекъ, или кусокъ бумажки, и перекладывая ихъ, безъ нужды, на окно или каминъ, снова продолжала свою прогулку. Тишина была мертвая. Невѣровъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, безмолвный, неподвижный, какъ каріатида. Потомъ она вдругъ исчезла и въ буфетѣ послышался шумъ тарелки и ножа; онъ только-что было-хотѣлъ встать и посмотрѣть, что она дѣлаетъ, какъ она явилась съ тарелкой, на которой лежало крыло индѣйки, и снова сѣвъ въ кресла, начала ѣсть. Она вся погрузилась въ свое занятіе; шея ея вытянулась, глаза опустились на пищу, руки медленно клали въ ротъ куски, челюсти жевали упорно и безобразно медленно... Невѣровъ снова увлекся: ему показалось, что это не аппетитъ, не жадность, не чревоугодіе; во всемъ этомъ, все-таки, проглядывалъ бы порывъ, страсть,— это было, на его взглядъ, что-то холодное, безплодно и безсознательно жующее, и сравненіе съ плотояднымъ, могильнымъ червемъ снова и невольно пришло ему на умъ... Онъ опять смотрѣлъ и наблюдалъ. Она отнесла тарелку на мѣсто, и отирая сальнымъ рукавомъ сальныя губы, снова вернулась въ гостинную и остановилась какъ столбъ, среди комнаты, грудью впередъ, смотря прямо въ лицо Невѣрову, но совершенно не видя его, и ковыряя при этомъ булавкою въ зубахъ.

Пробило пять часовъ. Въ комнату начинали прокрадываться сумерки. Горничная Маша заглянула въ гостинную.

— Кушать будете сегодня? тихо спросила она у супруговъ.

Они молчали. Горничная опять скрылась.

Вдругъ жена положила зубочистку въ карманъ и подошедши къ окну, забарабанила по стеклу и запѣла арію изъ «Марты».

Невѣрова всего передернуло,—но онъ хотѣлъ выдержать испытаніе до конца. Она взглянула на него украдкой,—трусливое колебанье мелькнуло въ ея взорѣ,—но голосъ ея вскорѣ окрѣпъ, утвердился и рѣзкіе, фальшивые звуки смѣло нарушили мертвую тишину, отдаваясь на нервахъ Невѣрова словно визгъ пилы, точенье ножа или свистъ змѣи... Онъ сидѣлъ на диванѣ и пристально смотрѣлъ на жену, не проронивъ ни слова, ни звука. Эти звуки посреди безмолвной гостинной, спѣтыя ея устами и въ ея одеждѣ, казалось ему верхомъ, апогеемъ ужаса...

На порогѣ появился прикащикъ.

— Что тебѣ? окликнулъ его Невѣровъ, совершенно глухимъ, отъ долгаго молчанія, голосомъ.

— Къ вашей милости; нонѣшній рапортъ принесъ: опись работамъ, какія производились на заводѣ!

И онъ подалъ ему сложенный листокъ.

Ужасное пѣніе не прекращалось. Невѣровъ поблѣднѣлъ и, стиснувъ зубы, смотрѣлъ на поданный ему листокъ. Онъ не видѣлъ и не понималъ ни одного написаннаго слова; пѣніе давило его мозгъ, доводило до одуренія.

Онъ схватилъ со стола колокольчикъ и отчаянный звонъ его прокатился по всѣмъ комнатамъ. Вбѣжала Маша и лакей изъ передней.

— Самоваръ! рѣзко крикнулъ Невѣровъ и всталъ съ дивана.

Были полныя сумерки. Лакей началъ готовить чайный приборъ, выдвинулъ на средину круглый столъ, зажегъ лампу.

То былъ красивый, хорошо одѣтый молодецъ, смотрѣвшій весело, бойко, здорово, — румянецъ игралъ на его щекахъ; онъ только-что воротился изъ молотильнаго сарая, гдѣ работалъ съ народомъ. Невѣрову онъ показался какимъ-то Антиноемъ; онъ смотрѣлъ на него какъ на свѣтлое видѣніе, вырывавшее его изъ дѣйствительности,—дѣйствительности, олицетворявшейся въ видѣ жены, стоящей у окна въ стоптанныхъ мѣховыхъ туфляхъ, покачивающейся и завывающей что-то дикое, нескладное, фальшивое.

Супруги сѣли пить чай... Какая мирная картина! Какой, казалось, комфортъ кругомъ, какой свѣтъ, тепло, вкусный чай, сливки, ромъ! Самоваръ шипитъ, звенятъ ложечки, стучатъ ста-

каны и два молодыя лица другъ противъ друга!.. Богатый сюжетъ для поэта и живописца.

— Маша, принеси мнѣ два яйца изъ моей комнаты! кричитъ Саша, выпивъ двѣ или три чашки чаю и въ безмолвномъ удовлетвореніи начиная вертѣть ногами и стаскивать и снова натаскивать сапоги.

— Они, кажется, не годятся, говоритъ Маша, принося на блюдочкѣ два грязнѣйшихъ яйца:—вы ихъ, барыня, откуда достали?

— Они давно у меня,—да я все забываю ихъ сварить, говоритъ Саша, открывая крышку самовара и опуская въ него чрезвычайно подозрительныя яйца....

Она стала замѣтно безцеремоннѣе и наглѣе къ концу вечера, безотвѣтность Невѣрова поощряла ее все сильнѣе и сильнѣе.

За ужиномъ, къ которому ждали-было Марью Петровну и Наденьку, получается отъ нихъ записка. Невѣровъ, куря сигару и почти не притрогиваясь къ кушаньямъ, придвигаетъ къ себѣ свѣчу и начинаетъ читать... Жена его въ это время доѣдала окрошку и съѣвъ все съ тарелки, машинально протягивала руку къ ветчинѣ, стоявшей возлѣ мужа... Онъ видѣлъ и понималъ, что ей вовсе не хочется ѣсть, и эти машинальныя, безсмысленныя движенія выводили его изъ себя. Но она вдругъ встала, и онъ почувствовалъ прямо за своимъ плечомъ, совсѣмъ возлѣ, очень, очень близко, тяжелое дыханіе, чавканье жующихъ челюстей, шелестъ запахиваемой одежды и глухое, мычащее бормотанье...

Она читала вслухъ записку матери, насколько позволялъ ей ротъ, набитый ветчиною.

Онъ долженъ былъ встать, чтобъ освободиться отъ этой непрошенной ноши, повисшей на его плечѣ... Долго мѣрилъ онъ комнату скорыми, нервными, безпокойными шагами... Саша, зѣвая и ковыряя въ зубахъ, начала расплетать волосы, вынимать шпильки, потомъ достала свѣчу, почерпнула на палецъ сала и начала мазать лицо и брови. Потомъ, постоявъ снова какъ столбъ, посреди комнаты, — она исчезла со свѣчою въ рукѣ, шмыгая по корридору туфлями. Въ гостинной насталъ глубокій мракъ и тишина. Но они продолжались не долго: Невѣровъ вдругъ всталъ, зажегъ свѣчу и пошелъ въ кабинетъ. На лицѣ его виднѣлась рѣшимость, крайнее раздраженіе наболѣвшей воли, когда эта воля заглушаетъ всѣ прочія силы и способности человѣка и становится въ немъ на мѣсто разума. На Невѣрова налетѣлъ шквалъ именно такой разнузданной воли; всѣ снасти его су-

щества дрожали отъ внутренней бури, закипѣвшей въ его груди.. Снявъ со стѣны хлыстъ, несчастный заложилъ его подъ мышку и машинально отправился въ корридоръ, прямо въ спальню къ женѣ. Она не спала еще,—она лежала на постели уже раздѣвшись, но еще не снимая туфлей, которыми она вертѣла, подбрасывая ихъ и снова ловя ихъ ногами.

На ночномъ столикѣ горѣла свѣча, освѣщая полнымъ свѣтомъ ея бездушное, холодное, лоснящееся отъ сала лицо.

Дверь отворилась и Невѣровъ вошелъ. Подойдя прямо къ постели, онъ остановился. Она не сморгнула, не испугалась, не перемѣнила позы; но лишь только взглядъ ея случайно столкнулся съ дикимъ взглядомъ Невѣрова, она вдругъ вспрыгнула на постели какъ ужаленная.

— Ай! ай! рѣжутъ! бьютъ! раздался отчаянный вопль Саши, заметавшейся въ безсильномъ страхѣ, и она почти кубаремъ скатилась съ постели.

Когда Невѣровъ очнулся, онъ увидалъ ее уже на полу, на колѣняхъ передъ собою; она дрожала, извивалась и ползла къ его ногамъ, трясясь отъ страха, простирая руки, бормоча невнятныя слова, жалобные вопли.... Невѣрову стало гадко, и этого чувства было уже довольно, чтобы разсѣять первыя чары возмущенной воли. Онъ ждалъ борьбы, протеста, сопротивленія! А вмѣсто того!? Онъ бросилъ хлыстъ и въ бѣшенствѣ затопталъ его ногами. Ему было больно и горько видѣть у своихъ ногъ ту, которая называлась его женою, и которая прежде всего была женщиной. Невѣровъ былъ, такимъ образомъ, въ эту минуту вмѣстѣ и страдающее лицо трагедіи и посторонній зритель... Состраданіе посторонняго и вмѣстѣ стыдъ за себя незамѣтно вкралось въ его ненавидящую душу мужа; жалость сначала перемѣшалась съ презрѣніемъ, а потомъ стала одолѣвать его. Онъ поднялъ жену и тихо опустилъ ее на софу; снова ласка невольно сорвалась какъ-то съ его языка...

Рано утромъ, когда прислуга еще спала, Невѣровъ вернулся въ свой кабинетъ.

ГЛАВА IV.

Саша ничего не сказала матери на другое утро. Послѣ вынесенной бури, она будто совсѣмъ переродилась; поднятый хлыстъ и страшное лицо Невѣрова не выходили у нея изъ памяти; она постаралась одѣться какъ можно порядочнѣе и бросила совершенно капризную и надутую мину. Выраженіе лица ея было

будто осмыслилось, сдѣлалось даже мягче, добрѣе... прическа, походка, руки, ноги, губы, все будто возымѣло другую форму, другой складъ, другое значеніе... Становилось понятно, что теперь она уже и не запоетъ, не принесетъ въ гостинную кусокъ обглоданной индѣйки, не станетъ сучить ногами и подбрасывать свои теплыя туфли кверху. Невѣровъ тотчасъ же замѣтилъ эту перемѣну и на недобрыя мысли навела его она. «Неужели же единственное назначеніе его жизни быть вѣчнымъ палачомъ или вѣчной жертвой? Неужели нѣтъ исхода, нѣтъ освобожденія?» Онъ только-что отпустилъ тещу, приходившую къ нему въ кабинетъ за деньгами, и та шла оттуда съ сіяющимъ и взволнованнымъ лицомъ, сжимая въ ладони толстую пачку ассигнацій. По дорогѣ она встрѣтила Сашу и съ значительной улыбкой потрепала ее по щекѣ, шепнувъ ей желаніе понянчить поскорѣе внучатъ... «Сказать, что онъ хотѣлъ меня прибить?» мелькнуло въ головѣ у Саши, но мысль о послѣдствіяхъ, могущихъ за это обрушиться снова на ея голову со стороны озлобленнаго за что-то мужа, заставила ее прикусить языкъ, и на слова матери она только безсмысленно и утвердительно улыбнулась.

А мужъ заперся въ кабинетѣ съ суровымъ и желчнымъ лицомъ, какъ послѣ тяжкой болѣзни, и не могъ рѣшиться выдти къ людямъ, показаться на бѣлый свѣтъ. Онъ былъ совершенно разбитъ, сломленъ, подавленъ ощущеніями вчерашняго дня. Ему казалось немыслимо повтореніе такого рода жизни, такихъ отвратительно-безобразныхъ впечатлѣній. Онъ рѣшилъ вырваться изъ этого омута, и утомленный умъ его искалъ хоть какого-нибудь выхода, готовый, какъ утопающій за соломинку, схватиться за всякое, хоть сколько-нибудь подходящее средство спасенія.

Выздоровѣвъ отъ горячки, случившейся съ нимъ въ день самой свадьбы, и оставшись наконецъ наединѣ съ женою въ своей наслѣдственной деревнѣ Липовкѣ, Невѣровъ увидѣлъ, что сдѣлалъ рѣшительный и невозвратимый шагъ, который, противъ всякаго чаянія, повліяетъ на всю остальную его жизнь. Какъ человѣкъ самолюбивый и гордый, онъ глубоко затаилъ въ душѣ сознаніе всей нелѣпости и несообразности этой злосчастной женитьбы, и рѣшилъ, что онъ можетъ и долженъ быть счастливъ. Онъ рѣшилъ разорвать всѣ связи съ прошедшимъ и ограничиться выработкою себѣ семейнаго счастья, семейнаго комфорта и увеличенія состоянія... Онъ замкнулся въ холодномъ, суровомъ эгоизмѣ, не допускалъ до себя ни одного желанія, ни одного волненія, наложилъ на себя полное отчужденіе отъ общества,

стараясь по уши погрузиться въ практическій міръ торговыхъ сдѣлокъ и мелкихъ, домашнихъ интересовъ. Мы видѣли, къ какимъ результатамъ это его привело. Мы видѣли, до какого уродливаго безобразія довелъ его этотъ узкій мірокъ, въ которомъ онъ вращался, и какіе гады и чудовища закопошились вдругъ въ его стоячей глубинѣ. Но и для него настала критическая минута, и онъ тоже наконецъ воспрянулъ. Душа его возжаждала иной жизни, иныхъ интересовъ. Онъ помнилъ Зину, онъ ее зналъ: онъ перечитывалъ всѣ письма Марьи Петровны, и во всѣхъ описаніяхъ характера Зины рѣзкою чертою просвѣчивала одна особенность: постоянный протестъ, постоянная непокорность, постоянное сопротивленіе.... Ради этой одной черты онъ готовъ былъ простить ей все: его до истомы душила нелепая покорность и уживчивость большей части женъ, этой породы самокъ, удовлетворявшихся всякой жизнью, всякой, выпадавшей на ихъ долю, обстановкой.... Онъ жаждалъ видѣть борьбу, неудовлетворенность, какія бы то ни было стремленія, какія бы то ни было желанія и страсти... Онъ прощалъ капризы, дурной характеръ, своенравіе, насмѣшливость, обманъ, — лишь бы это было что-нибудь осязаемое, сознательное, яркое, что можно было бы схватить, разсмотрѣть, распознать; отъ чего было бы больно, чтó наносило бы, пожалуй, раны, и раны глубокія и жгучія, но отъ которыхъ можно лечиться, за которыя можно мстить. Его, какъ безобразный кошмаръ, преслѣдовали эти общіе, неясные инстинкты, неуловимыя черты характера, зловѣщіе намеки, постоянно парившіе въ воздухѣ, невидимые удары, тупая боль, хаосъ, ничтожество, — все, съ чѣмъ онъ имѣлъ дѣло до сихъ поръ.

Онъ ходилъ по комнатѣ, упорно занятый всѣми этими мыслями и соображеніями, и планъ его будущей жизни и дѣйствій обозначался все яснѣе и яснѣе... Онъ сталъ видѣть въ перспективѣ своей жизни перемѣну, и отъ одной мысли, отъ одной надежды на эту возможную перемѣну, онъ уже сталъ бодрѣе, свѣжѣе, умнѣе, глаза его посвѣтлѣли, мысли стали нормальнѣе, чувства и отношенія къ домашнимъ безпристрастнѣе, проще.

Одѣвшись съ особеннымъ тщаніемъ, онъ вошелъ въ комнату Нади и Марьи Петровны и усѣлся на мягкій диванъ въ возбужденномъ и отличномъ расположеніи духа, готовый пустить въ ходъ всѣ свои рессурсы и не скупиться на умственный капиталъ.

Притомъ же, несмотря на года, раздражительность и часто отвратительное расположеніе духа своей тещи,—онъ охотно

бесѣдовалъ съ нею; такъ жаждалъ онъ подѣлиться мыслями и словами хоть съ кѣмъ-нибудь, кто могъ бы думать и говорить.

Мать и дочь встрѣтили его съ сіяющими лицами.

— Надя, ты знаешь, что Андрей Петровичъ далъ мнѣ взаймы пятьсотъ рублей? съ улыбкой заговорила Снѣжина, придвигаясь съ кресломъ къ усѣвшемуся на диванѣ зятю и въ буквальномъ смыслѣ слова преклоняясь передъ нимъ.

— Я всегда знала, что онъ добрый, отвѣтила дочь съ пріятною улыбкой: — и всегда умѣла его цѣнить.

Она отерла пудру съ лица, привстала на диванѣ и прижалась къ его плечу. Онъ ее обнялъ и особенно нѣжно поцѣловалъ. Ему, болѣе чѣмъ когда-нибудь, показалась привлекательна ея бѣлизна, свѣжесть, ароматъ волосъ, изящество одежды...

— Какова, однакожъ, наша Надя! вымолвилъ онъ, лаская ее: — генеральша будетъ скоро!.. важное лицо!.. Ты не знаешь, что я намѣренъ заранѣе подъѣхать къ тебѣ въ милость, чтобъ на случай ты мнѣ мѣстечко, или другую какую протекцію оказала... Мамочка, такъ вѣдь; Надя у насъ важное лицо будетъ? продолжалъ Невѣровъ, протягивая руку матери.

Марья Петровна поспѣшно пересѣла возлѣ него на диванъ.

— Дѣти мои, я вполнѣ счастлива, заговорила она разнѣженнымъ голосомъ — и должна благодарить Бога за васъ! Что-жъ? конечно, за сиротами Богъ! Хоть бы моя Саша, дѣвчонка вовсе была, — а какую партію сдѣлала! съ гордостью прибавила она, забывая сцену, какую дѣлала зятю по этому поводу еще наканунѣ.

— Что же я, въ сравненіи съ генераломъ? Нѣтъ, честь и слава Наденькѣ!.. Тутъ надобно много кое-чего имѣть, чтобъ довести дѣло до конца. Помилуйте; — я его давно знаю, — онъ десять лѣтъ вдовѣетъ, и десять лѣтъ всѣ невѣсты его ловили и никакъ не могли поймать... А эта,—сразу! пришла, увидѣла, побѣдила! Ну теперь ужъ и держись, не выпускай!.. Скорѣе бы честнымъ пиркомъ, да и за свадебку; а то неравенъ часъ: чѣмъ чортъ не шутитъ!.. Падокъ онъ очень на смазливенькія лица, попадется какое, такъ и растаетъ, какъ сахаръ! Вези его въ деревню! — и будемъ всѣ мы покойны!

— О, на этотъ счетъ я не тревожусь, — самоувѣренно замѣтила Надя: — я буду, буду генеральшей!.. Мнѣ всѣ оракулы, гадальщики и гадальщицы предрекли, что я выйду замужъ за генерала.

Вошла портниха мѣрить дорожную шубу для будущей генеральши.

— Съ женихомъ ѣхать не въ старой же, объяснила мать

на вопросительные взгляды Невѣрова: — надо ужъ товаръ лицомъ показывать! Поѣдемъ вмѣстѣ, — такъ чтобъ все прилично было.

— Да! заговорилъ Невѣровъ обдуманно, обращаясь къ матери, по уходѣ портнихи съ Надей: — это великолѣпная мысль заманить его къ себѣ въ деревню; но, — я тутъ усматриваю только одно препятствіе, — одну слабую сторону этого плана..

— Какую же? что же? спросила мать.

— Тамъ у васъ Зина, проговорилъ онъ совершенно спокойнымъ и твердымъ голосомъ: — вѣдь согласитесь, что она несравненно лучше сестры, — и къ тому же скучаетъ, общества нѣтъ, а она кокетка; — ну, пожалуй, чтó и взбредетъ на умъ,—а генералъ слабъ! Я бы вамъ совѣтовалъ, чтобъ онъ вовсе не видалъ и не зналъ Зины!

Марья Петровна сидѣла совсѣмъ ошеломленная. Она забыла совершенно о существованіи такой опасной соперницы, притомъ же была нервна, впечатлительна и всегда готова потерять покой...

— Какъ же быть? Куда же мнѣ ее дѣвать? Вѣдь не могу же я ее вовсе не показывать? проговорила она въ глубокомъ раздумьи..... Да и притомъ же, почему вамъ кажется, что она лучше Нади; послѣ болѣзни она совсѣмъ увяла,—не имѣетъ ни свѣжести, ни полноты, ни роскоши Нади...

— Тѣмъ хуже, перебилъ Невѣровъ: — тѣмъ болѣе она будетъ стараться завлекать генерала и кружить ему голову...

— Это такъ; характеръ ея чрезвычайно безпокойный и завистливый...

— Вы хорошенько подумайте объ этомъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Пришлите ее къ намъ... выговорилъ Невѣровъ: — я готовъ сдѣлать это для Нади.

Марья Петровна взглянула на зятя во всѣ глаза. Она долго обдумывала трудную дилемму: оставаясь дома, Зина могла разстроить замужство Нади, — пріѣхавъ къ Невѣровымъ, разстроить счастье Саши...

— Какая мука имѣть такую дочь! проговорила она въ волненіи... Хоть бы ужъ умерла она, что ли, она связала меня,— я ее ненавижу!

— Уморить ее вѣдь ужъ никакъ нельзя!.. замѣтилъ спокойно Невѣровъ, — а избавиться отъ нея на время не трудно! Пришлите ее сюда; можетъ быть, мы поищемъ ей жениха!

— Не знаю, не знаю... въ сильномъ раздумьи говорила мать: — да неужели же я не могу поставить моихъ дочерей,

какъ хочу? вѣдь я глава въ домѣ, — я просто могу запретить ей выставляться на показъ или стараться обращать на себя вниманіе!

— Трудненько будетъ! съ усмѣшкой сказалъ Невѣровъ, у котораго сердце сильно стучало при мысли о возможно-неудачномъ исходѣ этого разговора. — Что же вы, въ кухню что ли ее пошлете, или одѣнете крестьянкой...

Марья Петровна глубоко задумалась.

— Да; Зину надо сбыть куда-нибудь!.. сказала она наконецъ. — Постойте, я спрошу мнѣнія Нади: какъ она рѣшитъ, такъ пусть и будетъ!

Глаза Невѣрова блеснули: онъ почти былъ увѣренъ, какого объ этомъ мнѣнія Надя,—и душевно ликовалъ.

Дѣйствительно, послѣ долгаго переговора съ Надей, рѣшено было въ тотъ же день послать за Зиной лошадей, и Марья Петровна убѣдилась, наконецъ, что Невѣровъ говоритъ отъ души и въ самомъ дѣлѣ заботится объ устройствѣ судьбы своихъ родныхъ.

ГЛАВА VI.

Въ одно ясное свѣтлое утро, Невѣровъ въ шапкѣ и шарфѣ вошелъ въ гостинную.

— Должно быть, Зина ѣдетъ, объявилъ онъ, снимая шарфъ,— я узналъ своихъ лошадей и кучера... они уже спускаются на мостъ.

Всѣ встали и подошли къ окнамъ. Саша не видала сестру два года, и при вѣсти о ея пріѣздѣ, не ощутила ничего, но тщательно всматривалась въ лица всей семьи для того, чтобъ настроить и лицо и душу свою на тотъ ладъ, какъ у всѣхъ.

Невѣровъ поблѣднѣлъ, заслышавъ голосъ и шаги Зины. Напрасно онъ увѣрялъ себя, что былъ ей чуждъ и успѣлъ уже забыть ее; правда, что онъ рѣдко думалъ о ней, правда и то, что онъ смѣялся надъ своимъ минувшимъ чувствомъ и взвѣшивалъ безпристрастно всѣ ея недостатки и слабости; но при первомъ звукѣ ея голоса, при первомъ взглядѣ на нее онъ понялъ, что она будетъ вѣчно царить въ его сердцѣ. Она показалась ему божественной красоты, и онъ отвергъ прежній свой идеалъ шаловливой, рѣзвой, кокетливой дѣвочки,—а потянулся всей душой своей къ этому лицу, полному значенія, думъ, жизни и желаній... Зина много выстрадала за это послѣднее

время, и слѣдъ этихъ страданій серьезною тѣнью лежалъ на ея нѣжномъ, цвѣтущемъ лицѣ...

Мать и сестры приняли ее холодно, почти враждебно; весь этотъ день она не знала куда дѣваться, за что взяться; всѣ смотрѣли на нее, какъ на какую-то лишнюю мебель: она не участвовала ни въ ихъ прошедшемъ, не знала ни ихъ плановъ на будущее,—въ ушахъ ея звучали незнакомыя фамиліи, незнакомыя имена—ей ничего не разсказывали, ничего не объясняли. Невѣровъ все время исчезалъ на заводѣ и не приходилъ даже къ ужину.

Такъ прошло нѣсколько дней. Тяжело было Зинѣ. Невѣровъ видѣлъ, какъ ее старались отстранить отъ всѣхъ общихъ интересовъ, видѣлъ, какъ щеки и губы ея часто блѣднѣли, слышалъ, какъ она вздыхала глубоко и тяжело, когда думала, что никто не наблюдаетъ за нею; потомъ иногда, очень, очень рѣдко видѣлъ ея взглядъ, устремленный на его собственное лицо. Въ этомъ взглядѣ была какая-то странная, глубокая дума,—любопытство, смѣшанное съ презрѣніемъ, — критическій анализъ и холодъ. Этотъ взглядъ сводилъ его съ ума. Онъ никогда не видалъ его прежде на лицѣ Зины;—онъ самъ казался себѣ презрѣненъ и мелокъ передъ глубокимъ смысломъ этого упорнаго наблюдательнаго взгляда и чувствовалъ неодолимое, пылкое желаніе измѣнить въ свою пользу выраженіе этого взгляда.

Зина замѣтила, что съ самаго ея пріѣзда мать съ нетерпѣніемъ ждетъ какого-то Клинскаго; по разнымъ словамъ и намекамъ вырывавшимся у нея, Зина знала, что этотъ Клинскій готовится ей въ женихи; она видѣла, съ какой безцеремонностью, не спрашивая ея согласія, распоряжаются ея судьбой; она хотѣла протестовать, защищаться, но удары готовились во мракѣ, изъ-за угла, въ тишинѣ! Она слышала постоянные намеки, что она, какъ бѣдная дѣвушка, въ тягость всѣмъ, что Андрей Петровичъ терпитъ ее только по необходимости, что она должна помнить, что живетъ въ чужомъ домѣ. Все это ложилось и пускало корни въ самолюбивой душѣ Зины, и тайнымъ и зловѣщимъ образомъ дѣйствовало на расположеніе ея духа, отнимало ея живость, сковывало молчаньемъ уста, и наводило на тяжелыя и печальныя думы.

Вдругъ, будто какой-то благодѣтельный геній окружилъ съ нѣкоторыхъ поръ дни и ночи Зины. Во-первыхъ, помѣщеніе ея въ домѣ было радикально измѣнено... Ни съ того ни съ сего, начали поправлять вездѣ печи, а опредѣлили помѣстить Зину въ маленькой холодной комнаткѣ, примыкавшей къ спальнѣ. Комната казалась такъ темна и неудобна, что никто не поду-

малъ оспаривать ее у нея. Но тутъ-то и начали происходить съ Зиной разныя необычайныя и волшебныя вещи, которыя измѣнили совершенно тоскливое направленіе ея жизни. Каждый вечеръ, на ея туалетномъ столикѣ являлся какой-нибудь сюрпризъ: или книги, которыя она давно желала прочесть, или гравюры, или цвѣты изъ какой-то таинственной оранжереи, или корзинка съ плодами, или любимое кушанье; словомъ, куча самыхъ деликатныхъ, самыхъ обдуманныхъ вниманій такъ и посыпалась на нее. Напрасно Зина, уходя въ сумеркахъ въ залу, чтобъ участвовать въ шитьѣ Надинаго приданаго, запирала свою комнату на ключъ: она неизмѣнно находила каминъ затопленнымъ, гардины спущенными, на столикѣ уютно горѣвшую лампу и мягкое кресло придвинутое къ столу, на которомъ всегда поражалъ ее какой-нибудь утонченный знакъ вниманія. Всѣ эти странныя, непостижимыя вещи чрезвычайно занимали Зину. Она думала, думала, и наконецъ пришла къ заключенію, что это Невѣровъ. Больше некому: это Невѣровъ.

Но тогда почему же онъ такъ странно холоденъ и суровъ къ ней, такъ избѣгаетъ съ ней встрѣчи, такъ кажется всегда за одно съ матерью... Да полно! Онъ ли это? Могъ ли этотъ сибаритъ съ барскими привычками и лѣнью доходить до такой мелочной, утонченной внимательности. Развѣ предположить, что онъ жалѣетъ Зину, видя ея одиночество, тоскливое и мрачное расположеніе духа, дурное, ничѣмъ незаслуженное обращеніе съ нею домашнихъ и окружающихъ?.. Но зачѣмъ же тогда не дастъ онъ поблагодарить себя, зачѣмъ не позволитъ высказать, какъ ей дорого это дружеское, нежданное участіе, какъ вся жизнь ея украсилась имъ, какъ полно ея сердце благодарности, симпатіи и ласки?.. Зачѣмъ не допускаетъ ее до себя? Зачѣмъ беретъ съ ней личину такого суроваго и вовсе незаслуженнаго холода, который невольно заставляетъ дурно думать о немъ и предполагать въ немъ несуществующіе, можетъ быть, пороки и недостатки.

Чаще и чаще покоится взоръ Зины на Невѣровѣ съ тревогой, интересомъ, недоумѣніемъ: — «Онъ или не онъ»? видится въ ея глазахъ одинъ постоянный, неугомонный вопросъ.

А Невѣровъ сидитъ, притаившись и смущенный отъ возникающаго счастія и пьетъ полную чашу непривычныхъ, свѣжихъ, нежданныхъ и негаданныхъ ощущеній... Наконецъ Зина бросаетъ всѣ пытливыя изслѣдованія, бросаетъ критическій анализъ, и, полная довѣрчиваго счастья, слѣпо предается во власть невидимаго генія, окружающаго ея дни, и сладко ей жить подъ тихимъ покровомъ чьихъ-то невидимыхъ, ласкающихъ крыльевъ,

подъ ихъ заботливымъ, примиряющимъ вѣяніемъ... Ей любо думать, что это онъ, ея Невѣровъ, и эта мысль баюкаетъ ее отъ разсвѣта и до заката солнца... Напрасно вторгаются въ ихъ жизнь и мать съ своими придирками и вѣчными подозрѣніями, и Наденька, и Саша, и всѣ домашніе со всѣми мелочами и дрязгами семейными—никто не можетъ переступить за порогъ того волшебнаго, заколдованнаго міра, въ которомъ живутъ Невѣровъ и Зина, отдѣльно и недоброжелательно повидимому, но такъ едино, такъ всецѣло связанные другъ съ другомъ, хотя и невѣдомо, незнаемо другъ для друга...

Между тѣмъ, генерала ждутъ съ часу на часъ, а съ нимъ и отъѣзда Марьи Петровны.

ГЛАВА VII.

— Сегодня пріѣдетъ Клинскій! объявляетъ торжественно въ одно утро мать, сидя за чайнымъ столомъ въ обычномъ домашнемъ кружкѣ.

Это объявленіе облило Зину какъ холодной водой и вызвало ее изъ міра золотыхъ грезъ и фантазій къ печальной, грозной дѣйствительности... Всѣ молчали; никто не сказалъ въ отвѣтъ ни слова; Надя ѣла сухари и думала о томъ, какъ бы скрыть пятно на новомъ шелковомъ платьѣ; Саша ни о чемъ не думала, а Невѣровъ вздохнулъ, тихо поднялся со стула и вышелъ.

— Надѣньте обѣ ваши голубыя платья, обратилась снова мать къ дочерямъ: — а ты, Зина, принеси сейчасъ ножницы и гребень, я подстригу тебѣ немного волосы; — терпѣть не могу, когда у тебя отростаетъ такая грива!

Зина не трогалась съ мѣста съ убитымъ видомъ. Наступило глубокое молчаніе.

— Принеси же ножницы!.. вдругъ визгливо крикнула мать на Зину:—не тебѣ я сказала!..

Тутъ Зина встала и твердо подошла къ матери:

— Я пожалуй одѣнусь, и позволю вамъ себя обстричь, вымолвила она, вся дрожа отъ волненія: — но предупреждаю васъ, что я не стану, по вашему указанію, ловить какого бы то ни было жениха и никогда не выйду замужъ по принужденію или разсчету!

— Ахъ ты негодная дѣвчонка! Да возьметъ ли еще онъ тебя, вотъ вся штука-то въ чемъ! съ бѣшеной ироніей кричала

мать... «Не пойду! не пойду!» А ты думаешь, легко тебя на шеѣ-то держать? Поить, кормить, обувать, одѣвать?

— Отпустите меня, съ силой проговорила Зина: дайте мнѣ свободу; я найду себѣ мѣсто гувернантки или экономки и никому въ тягость не буду!

Глаза Марьи Петровны засверкали.

— А! на волю тебя! хрипѣла она: — договорилась, наконецъ, чего тебѣ хочется... Тяжело видно, что не даютъ дѣлать гадостей, подлостей, распутства и тайнаго разврата!.. Нѣтъ, погоди еще, что я съ тобой сдѣлаю!.. Ты отъ меня никуда не уйдешь!

Мать была внѣ себя: нельзя было продолжать разговора съ нею, и всякій благоразумный человѣкъ молчалъ бы во время ея неистовствъ; но Зину это слишкомъ затрогивало за живое, она была слишкомъ увлечена и потерявъ всякое хладнокровіе и власть надъ собой,—сказала смѣло:

— Нѣтъ, я всегда могу уйти!

— Тебя воротятъ, матушка! Какъ бродягу по этапу пригонятъ опять ко мнѣ! задыхаясь кричала мать.

— Я такъ сдѣлаю, чтобъ меня нельзя было воротить! вся пылая, твердила Зина, выпрямившись какъ стальная пружина и не мигая ни однимъ глазомъ передъ матерью.

Мать подошла къ ней съ искаженнымъ лицомъ и пѣной у рта.

— Вотъ, вотъ тебѣ за грубость и дерзость! насилу вымолвила она, и двѣ пощечины съ сухимъ трескомъ худыхъ рукъ упали на блѣдныя щеки Зины.

Невѣровъ, сидѣвшій за книгою въ сосѣдней комнатѣ и неподававшій до сихъ поръ признака жизни, вскочилъ и, весь блѣдный, остановился у двери, замирая и дрожа отъ смятенія. Еще минута, и онъ какъ шальной ворвался въ комнату, схватилъ Марью Петровну на руки и понесъ ее вонъ, прямо по лѣстницѣ, въ спальню... Она была въ сильномъ истерическомъ припадкѣ.

Зину оставили одну до самаго обѣда... Ни слуху, ни духу не слышно было ни о комъ и ни о чемъ... Что было со всѣми, что думали и дѣлали всѣ? Какъ она была оставлена, одинока, унижена!.. Ее били, ее оскорбляли, ее ругали, ее выводили изъ терпѣнія,—и потомъ всѣ косились на нее же и считали ее же виноватой!.. Что же такое Невѣровъ?.. что же онъ думалъ теперь объ ней?.. Что онъ говоритъ съ матерью? За кого стоитъ онъ? чью сторону держитъ? О, еслибъ можно было узнать, остановиться хоть на чемъ-нибудь!..

Она стояла у окна и съ тоскою глядѣла на бѣлую, снѣж-

ную равнину, однообразно и безконечно разстилавшуюся передъ ней... Что, если все что̀ съ ней случалось, что̀ украшало ея жизнь, не отъ него, не отъ Невѣрова?.. Если его предполагаемое участіе—миѳъ и фантазія ея собственнаго воображенія?.. Если онъ тутъ въ сторонѣ? Если онъ то же противъ нея?.. Что тогда? Какъ она будетъ жить? Можетъ ли она жить, не высказываясь, не объясняя себя, и покорно и безропотно склонить свою голову подъ тяжелое ярмо незаслуженнаго холода и отчужденія?..

Ея душа ныла, болѣла, стараясь напрасно разрѣшить неотступные вопросы, какіе предлагала ей жизнь: она не находила отвѣта, и темный мракъ неизвѣстности и отчаянія сгущался надъ нею все сильнѣе и сильнѣе.

Она пошла въ свою комнату, еще разъ оглядѣлась кругомъ и ей стало невыносимо тяжело отъ груза неразрѣшенной тайны, лежащей, какъ камень, на ея душѣ... Пусть бы самое плохое, самое огорчительное, самое безнадежное открытіе, — но только бы открытіе, — только бы не эта томительная мука неизвѣстности! Ей приходило минутами желаніе разбить, растоптать эти зеркала, лампу, ковры и вазочки, чтобъ открыть неизвѣстнаго, непрошенаго благодѣтеля, за которымъ, можетъ быть, скрывается личина врага... Гораздо лучше открытый, рукопашный бой...

Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги... ближе, ближе. Она сразу и тотчасъ же угадала въ нихъ шаги Невѣрова.

Онъ быстро распахнулъ дверь, быстро вошелъ въ комнату.

— Отъ генерала письмо,—торопливо объявилъ онъ:—завтра выѣзжаютъ; слышишь, Зиночка, *твои* уѣзжаютъ завтра!

Она глядѣла на него не мигая, пристально, будто остолбенѣвъ, съ невысохшими еще отъ слезъ глазами... Она чувствовала, что приближается разгадка, — что разгадка уже тутъ, лицомъ къ лицу! Она не понимала, что̀ онъ сказалъ ей, какой смыслъ заключался въ его словахъ, — она ощущала только его приходъ, его обращеніе къ ней, слышала только свое имя, произнесенное имъ въ первый разъ, въ первый разъ, какъ она въ его домѣ,—и въ минуту полнѣйшаго одиночества, сиротливости и невыносимо гнетущей тоски...

Онъ пожиралъ ее глазами, онъ чувствовалъ какъ симпатично и отвѣтно билось его сердце на встрѣчу этому бѣдному, наболѣвшему сердцу.

— Андрей Петровичъ, вдругъ робко и застѣнчиво сказала она, дѣлая къ нему шагъ:—я должна у васъ спросить, кто же это дѣлалъ для меня въ этой комнатѣ?.. Я мучаюсь неизвѣст-

ностью;—мнѣ совсѣмъ непріятны всѣ эти сюрпризы, неизвѣстно кѣмъ и отъ кого сдѣланные...

— Какъ! ты еще не догадалась, что это все я? въ сіяющемъ волненіи перебилъ Невѣровъ... И это, и это; ходилъ онъ по комнатѣ, трогая и передвигая всѣ вещицы:—и цвѣты, и книги, и картины, и лампа, и затопленный каминъ, и коверъ у твоей постели,—и драпировки на окнахъ, все я, все я одинъ!

Она слѣдила за нимъ глазами.

— Отчего же вы скрывали это отъ меня?.. Отчего такъ были суровы ко мнѣ? вымолвила она, и закрывъ лицо руками, старалась стаить вдругъ хлынувшія слезы, потокомъ сорвавшіяся съ ея глазъ.—Меня били, меня оскорбляли въ вашемъ домѣ!.. я была такъ унижена, такъ несчастна!..

Договаривая эти слова и продолжая стоять съ закрытымъ руками лицомъ, она почувствовала, что Невѣровъ ее обнялъ и прижалъ къ своему сердцу такъ стремительно крѣпко, что у нея задержало дыханіе...

— Все я! все я одинъ! твердилъ онъ въ какомъ-то дѣтскомъ восторгѣ:—я думалъ о тебѣ, я заботился о тебѣ и день и ночь; не зналъ какъ тебя утѣшить, развлечь!.. Моя Зина, моя голубка! простишь ли ты мнѣ все, что было съ тобой въ моемъ домѣ?.. Простишь ли, что я позволялъ тебя обижать, не заступался за тебя?.. Былъ самъ такъ невѣроятно жестокъ и несправедливъ къ тебѣ?..

Онъ говорилъ въ волненіи, полушопотомъ, задыхаясь, несвязно.

— Зина, Зина! ты и не знаешь, что я ждалъ тебя два года, что я тосковалъ и томился по тебѣ!.. А ты, Зина? Зачѣмъ смотрѣла ты на меня такъ, въ первые дни твоего пріѣзда сюда? Я не заслуживалъ твоего холоднаго взгляда, — и онъ убивалъ меня до глубины души!..

— Зачѣмъ вы прежде не высказали мнѣ себя? Зачѣмъ не дали заглянуть хоть немножко, хоть тайкомъ въ вашу душу? тихо упрекая, говорила Зина.

— Затѣмъ, что я не могъ бы тогда уже сдержать своего счастія и радости... Развѣ я смѣлъ, развѣ я могъ бы придти къ тебѣ, еслибъ не зналъ, что они уѣзжаютъ завтра?.. въ восторгѣ твердилъ онъ, толкуя ей свои ощущенія.

— Я боюсь, что они возьмутъ меня съ собой!.. проговорила Зина печально:—я уже не вѣрю ни въ какое счастье...

Онъ взялъ ее за руки, посмотрѣлъ въ глаза, влажные и сіяющіе отъ слезъ...

— Ты остаешься!.. Я это счастье вымолилъ у судьбы двумя

годами страданій... Послушай Зина,—ты будешь лечить, ухаживать, утѣшать, ходить за мной какъ за несчастнымъ больнымъ, который два года не выздоравливалъ, съ тѣхъ поръ какъ заболѣлъ отъ любви къ тебѣ... Мы оба будемъ лечиться, Зина, потому что оба страдали, — и теперь пріобрѣли право на взаимное, свѣтлое счастье!

Внизу послышалась суматоха, бѣготня прислуги, веселые, хлопотливые возгласы....

— Это вносятъ посылки отъ генерала, объяснилъ Невѣровъ: — теперь и мать, и сестра на седьмомъ небѣ отъ восторга.... Я бѣгу туда, — приходи и ты скорѣе....

Онъ побѣжалъ-было съ лѣстницы, потомъ снова вернулся, снова заключилъ ее въ свои объятія: — Простила ли ты меня, Зина? Отъ души, отъ сердца простила ли?

— О, да! отвѣтила та, чувствуя, что готова разрыдаться.

Онъ исчезъ, — а она словно въ чаду стояла среди комнаты; наконецъ, оправившись и овладѣвъ собой, неслышно и спокойно явилась въ гостинную, гдѣ у круглаго стола столпились всѣ и разсматривали чтó-то, при свѣтѣ только-что зажженной лампы.

— Зина, мы завтра ѣдемъ! встрѣтила ее мать, какъ ни въ чемъ не бывало:—посмотри, какой пеньюаръ прислали Надѣ!... Ступай и приготовь твой сакъ-вояжъ; онъ мнѣ понадобится;—а ты положишь свое бѣлье въ комодъ къ Сашѣ!...

Зина не могла повѣрить, чтобъ эта самая женщина, которая била ее поутру, могла говорить съ нею такимъ простымъ тономъ, при первой же встрѣчѣ послѣ побоевъ.

Она была еще слишкомъ молода, чтобъ понимать ощущенія нервныхъ женщинъ, которыя, отъ долговременной привычки въ распущенности, уже не считаютъ эту распущенность стыдомъ и находятъ ее, напротивъ, въ полномъ порядкѣ вещей...

Прошло три мѣсяца. Зина продолжала жить у Невѣровыхъ, изрѣдка получая извѣстія изъ дома. Было два, три запроса со стороны Марьи Петровны о поведеніи Зины, но отвѣты всѣ были благопріятны, и особенно послѣдній, утвердившій ее въ тихомъ покоѣ.

«Не бери отъ меня Зину, писала Саша; — она мнѣ необходима. Представь себѣ, что я беременна.... Акушерка не велитъ мнѣ заниматься хозяйствомъ и какъ можно беречь себя...» Далѣе шли разныя подробности о состояніи ея здоровья.

— Забавны мнѣ, право, эти молодыя бабенки! обращалась съ снисходительной усмѣшкой мать къ подвернувшейся тутъ Глафирѣ Ивановнѣ: я ее спрашиваю о Клинскомъ, объ Андреѣ Пе-

тровичѣ, а она мнѣ совсѣмъ не отвѣчаетъ ни на одинъ изъ моихъ вопросовъ.

— И вы то же требуете, Марья Петровна! возражаетъ Глафира, принимаясь кроить свивальники и рубашечки для будущаго внука или внучки Марьи Петровны.

ГЛАВА VIII.

Начало мая. Тихо въ домѣ Невѣровыхъ; весь домъ будто предался сну.... Рамы выставлены и окна открыты: въ комнатахъ пахнетъ весеннимъ воздухомъ; на новой рояли, помѣщенной въ залѣ, съ грудой нотъ на этажеркѣ, нѣтъ ни пылинки; кисейныя шторы тихо волнуются; двери на террассу отворены, тѣнистыя аллеи усыпаны пескомъ, бесѣдки и купальни обтянуты парусиной; на скатѣ горы высится сахарный заводъ, и изъ безчисленныхъ трубъ его струится синеватый дымокъ прямо въ прозрачныя майскія облака.

Хорошо теперь въ Липовкѣ, хорошо на заводѣ, хорошо въ просторной залѣ съ мелодическими звуками пѣнія или игры по вечерамъ; но лучше, но удивительнѣе всего въ комнатѣ, гдѣ теперь находится Зина, лучше всего въ ея сердцѣ, въ ея головѣ, въ ея душѣ....

Она въ кабинетѣ у Невѣрова, за высокой конторкой, заваленной шнуровыми книгами, бумагами, росписками и отчетами. Она его кассиръ, его конторщикъ, его правая рука по всѣмъ отраслямъ завода и имѣнія. Она добилась наконецъ давно желаннаго, полезнаго труда! Она жадно слѣдитъ за дѣйствіями прикащиковъ, смотрителей, сахароваровъ, боится допустить малѣйшую несправедливость, злоупотребленіе, и держитъ постоянный, осмысленный контроль надъ всѣмъ заводскимъ механизмомъ. Ея инстинкты, всегда стремящіеся къ добру и справедливости, научили ее видѣть въ заводѣ не одинъ только механическій рычагъ для наживанья капитала, но собраніе бѣдныхъ и неимущихъ людей, нуждающихся въ кускѣ хлѣба. Она увлекала Невѣрова въ вихрь своихъ плановъ и соображеній, заставляла его снисходить до рабочихъ, видѣть ихъ человѣческія нужды, интересы, желанія, и эти забитые люди становились ему близки также какъ и ей, и онъ, какъ она, сталъ мечтать о новомъ порядкѣ вещей. Они жадно принялись за чтеніе книгъ, ища въ нихъ указаній, находили ихъ, и нѣкоторые приступы къ нововведеніямъ начинали уже слегка выступать на свѣтъ божій изъ тишины ихъ кабинетовъ.

У Зины пропасть плановъ, завѣтныхъ думъ и намѣреній, и Невѣровъ знаетъ ихъ всѣ: онъ располагаетъ всѣмъ богатствомъ ея души и отдаетъ ей взамѣнъ свои душевные недуги, свою больную тоску и горькія сожалѣнія въ прошедшемъ.... Ей любъ подобный обмѣнъ, любо быть его врачемъ, провидѣніемъ, его живительнымъ солнечнымъ лучемъ!

На Невѣровѣ лежитъ исполненіе практической стороны дѣла, онъ обязанъ слѣдить за отправкой товара, дѣлать подряды, ѣздить скупать лѣсъ, а главное, воздвигать постройки по планамъ Зины, которые они вмѣстѣ обдумываютъ и рисуютъ, погружаясь въ это занятіе по цѣлымъ часамъ....

Его и теперь нѣтъ дома; онъ вернется только къ чаю, къ семи часамъ вечера.

Наконецъ Зина свободна; запираетъ кассу, убираетъ всѣ конторскія принадлежности, — и вся запыленная и усталая отъ сухого труда, — бѣжитъ освѣжиться въ садъ, въ купальню. По дорогѣ она наталкивается на процессію: Саша выходитъ гулять послѣ обычнаго, послѣобѣденнаго сна. Она, разумѣется, въ широкой, преширокой блузѣ и очень короткой, изъ страха какъ-нибудь запутаться и упасть; волосы ея всѣ причесаны въ одну косу, которая виситъ за плечами, ноги въ туфляхъ; за ней идетъ старуха, неотлучно проживающая при ней, на случай: «неравенъ часъ»; съ боку идетъ дѣвчонка, неся даже въ самый сильный жаръ калоши и бурнусъ для барыни, имѣя въ рукахъ палку для отбрасыванья камушковъ, сучковъ и т. п. препятствій, могущихъ встрѣтиться на дорогѣ барыни, и наконецъ, сзади еще приживалка, такъ уже, для развлеченія и отвѣтовъ на барынины вопросы, которые всѣ почти вертятся на одну и ту же тему. Процессія двигается по направленію къ пруду въ одну изъ бесѣдокъ, гдѣ и усаживается со всѣми предварительными приготовленіями.

Веселая, счастливая и румяная Зина пробѣгаетъ въ купальню и останавливается на минуту передъ сестрой.... Одутловатый и сонливый видъ Саши въ этотъ майскій вечеръ, полный живительныхъ, благотворныхъ испареній, поражаетъ ея свѣтлые глаза, привыкшіе видѣть и отражать внутри и внѣ себя одни лишь здоровые, пышные, блестящіе образы.

— Саша, пойдемъ купаться! обращается она къ ней: — ты увидишь какъ хорошо тебѣ будетъ послѣ купанья!... Пойдемъ!... Та съ испугомъ смотритъ на нее.

— Мнѣ?... купаться? произноситъ она: — когда я вчера только-что была въ банѣ?... Когда я и теперь еще въ шерстяныхъ чулкахъ и теплой юбкѣ?

— Э! ужъ чего Зинаида Павловна не вздумаетъ? перебиваетъ приживалка, проворно вяжа чулокъ: вотъ завтра Богъ дастъ, тепленькой водицы согрѣемъ и опять въ своей комнаткѣ и вымоемся....

— Неужто опять топить будемъ? въ ужасѣ спрашиваетъ дѣвчонка: Господи! жаръ-то какой!

— Это тебѣ жарко! съ капризнымъ укоромъ перебиваетъ Саша, а мнѣ только и тепло, когда я въ постелѣ.... Петровна! посмотри, не дуетъ ли мнѣ съ этого боку?

Приживалки принялись осматривать и укрывать неподвижную, какъ истуканъ, Сашу, которая всю свою сонливость, вялость, одутловатость и блѣдность лица, происходящіе отъ излишняго сна, объяденія и теплой одежды, — свято и благоговѣйно приписывала своему положенію, которое, въ отношеніи къ себѣ, считала совершенно небывалымъ и исключительнымъ явленіемъ.

Пробило въ домѣ семь часовъ. Процессія тѣмъ же порядкомъ начала подвигаться къ дому для чаепитія.... Вдругъ на одномъ поворотѣ дорожки столкнулся съ нею Невѣровъ, верхомъ на лошади. Онъ проѣхалъ садомъ, перескочивъ черезъ заборъ, чтобъ быть скорѣе дома.

— Ай, ай! закричала Саша, въ смертельномъ испугѣ при появленіи вдалекѣ скачущей лошади:—Петровна, Грушка!

Переступая дрожащими отъ страха ногами, Саша бросилась въ траву и разумѣется припала.

Группа наперсницъ окружила ее съ шумными изъявленіями испуга.

Невѣровъ вовсе не желалъ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ... Онъ совсѣмъ изменилъ и отстранилъ отъ своей жизни Сашу, но его болѣзненное, ненормальное отвращеніе къ ней совершенно исчезло.... Съ тѣхъ поръ, какъ Зина поселилась въ его домѣ и жизнь его обставилась иными, лучшими условіями, — жена перестала мѣшать ему и ему уже не хотѣлось болѣе ни преслѣдовать, ни огорчать, ни оскорблять ее. Онъ переносилъ равнодушно и стойко теперь все, что̀ его раздражало и мучило въ прежнее время,—потому что теперь онъ былъ счастливъ, былъ занятъ, былъ заинтересованъ чѣмъ-то другимъ.... Онъ былъ такъ долго лишенъ умственныхъ и нравственныхъ наслажденій, такъ долго прозябалъ въ сферѣ чисто животныхъ отношеній къ женщинѣ, что ему отрадно и любо было чувствовать къ Зинѣ только дружеское чувство пріязни, черпать въ ея бесѣдахъ, въ ея планахъ, въ ея свободно высказываемыхъ мнѣніяхъ и взглядахъ невѣдомый источникъ пищи и наслажденія;—умѣть, однимъ словомъ, созерцать умъ и душу женщины, помимо ея красоты и молодости, помимо всѣхъ

ея внѣшнихъ достоинствъ.... Между ними было полное и несокрушимое довѣріе; Невѣровъ повѣрилъ ей все; онъ разсказалъ ей всю свою жизнь, всѣ свои ощущенія съ того времени, какъ разстались, до настоящей минуты....

Невѣровъ выписалъ рояль и снова сталъ заниматься музыкой и пѣніемъ; онъ возобновилъ мебель въ гостинной и въ залѣ, и по гладко выкрашеннымъ поламъ скользили уже не стоптанные сапоги или туфли обрюзглой и непричесанной Саши, но бѣгали быстрыя ножки Зины, отражались въ зеркалахъ ея свѣтлые глаза, въ дверяхъ зацѣплялось ея, непоспѣвавшее за нeй платье, звучалъ по вечерамъ у рояля, подъ акомпаниментъ Невѣрова, ея свѣжій гармоническій голосъ....

Всегда холодный и недовѣрчивый, онъ сдѣлался нѣженъ и деликатенъ до крайности.

Разъ, когда онъ наигрывалъ какой-то веселый, бѣшеный вальсъ, и Зина, увлекшись имъ, принялась носиться подъ звуки его по залѣ, руки Невѣрова вдругъ задрожали и что-то кольнуло его въ самое сердце.

«Я эгоистъ»! сказалъ онъ самъ себѣ; и тотчасъ же ему пришла въ голову мысль, что какъ онъ могъ забыть, что Зина еще такъ молода и что для молодости необходимы развлеченія, балы, танцы, общество....

«Да! я эгоистъ!» повторилъ онъ и потомъ прибавилъ, скрѣпя сердце и съ дрожаніемъ въ голосѣ:

— Зина, поѣдемъ завтра въ городъ: праздникъ завтра, свободный день! въ вокзалѣ побываемъ.... Ты тамъ потанцуешь... Хочешь? Зина мигомъ поняла все, что происходило въ его душѣ, и съ улыбкой, значеніе которой нельзя передать словами, бросила свои упругія, красивыя руки на плечи Невѣрову и долго смотрѣла ему въ глаза.

«Вотъ гдѣ мой праздникъ, музыка, балъ, веселье и жизнь!» прочелъ онъ въ этомъ выразительномъ взглядѣ.

Потомъ съ порывомъ какой-то безсознательной, но дикой нѣги она сжала его голову въ своихъ рукахъ, будто хотѣла оторвать, отовладѣть ее отъ кого-то на вѣки, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, — исчезла вдругъ изъ комнаты.

Невѣровъ вспыхнулъ какъ порохъ: никогда Зина ему не являлась въ такой ослѣпляющей красотѣ. Онъ остался на мѣстѣ съ часъ, погруженный въ задумчивость.... «Боже мой! какъ непрочно, шатко, невѣрно мое неуловимое, скользящее счастье... думалось ему.... Какъ я буду жить безъ нея, если у меня ее отнимутъ?... Какъ и чѣмъ закрѣпить мнѣ ее?»

Въ этотъ вечеръ Невѣровъ и Зина возвращались домой съ

завода, гдѣ осматривали вновь полученную машину, на которую возлагались большія надежды.

Были густыя сумерки, — имъ надобно было перейти оврагъ и мостикъ, чтобъ попасть домой, но Невѣровъ повернулъ въ сторону на большую дорогу, усаженную густыми березами и направилъ путь къ мельницѣ, куда они часто ходили гулять.

— Погуляемъ еще немножко, вѣдь ты не озябла? спросилъ онъ свою спутницу.

— Какое озябла! Мнѣ жарко.... Посмотрите, Андрей Петровичъ, какая теперь темнота! Вы и не увидите меня, если я отбѣгу отъ васъ шаговъ на десять... Смотрите!...

И веселая Зина бросилась бѣжать по дорогѣ, черезъ минуту скрывшись въ ночномъ туманѣ изъ глазъ Невѣрова.

— Зина, полно!... Поди ко мнѣ.... выходи! куда ты тамъ прячешься?... говорилъ Невѣровъ, ускоряя шаги и спѣша настигнуть бѣглянку. Черезъ нѣсколько времени онъ весь былъ поглощенъ поисками. Зина исчезла, ее не было нигдѣ.... Запыхавшись, обѣгая каждый кустъ, засматривая за каждое дерево, Невѣровъ искалъ ее съ жаромъ и волненіемъ пятнадцатилѣтняго мальчика.... Наконецъ, онъ увидѣлъ конецъ ея платья за деревомъ....

— Куда ни прячься, вездѣ найду! проговорилъ Невѣровъ, вытаскивая ее за руки и выводя на дорогу.... Ну, будетъ шалить, пойдемъ!... Поди сюда, Зиночка,—поговоримъ съ тобой немножко, моя душа!

— Ты счастлива, Зина? вдругъ спросилъ онъ, съ безпокойною нѣжностью заглядывая ей въ глаза.

— Да! отвѣтила она съ сознательнымъ восторгомъ.

— И у тебя нѣтъ никакихъ желаній?... ничего, что́ бы дѣлало твою жизнь неполною, лишенною, можетъ быть, какихъ-нибудь желанныхъ, но неудовлетворенныхъ радостей? Отвѣчай мнѣ, Зина!

— Ничего! отвѣтила Зина, закинувъ голову съ улыбкой счастья и глядя въ темное небо:—не желаю ничего кромѣ того, чтобъ эта ночь и дорога длились вѣчно, и чтобъ въ перспективѣ вѣчно ожидали меня тѣ же огни, которые свѣтятся въ нашемъ домѣ, то же небо, тѣ же ваши пѣсни послѣ ужина,—все, чѣмъ я наслаждаюсь и за что благодарю вѣчно, вѣчно... Провидѣніе и васъ!..

Настало глубокое, выразительное молчаніе.

— Зина! вдругъ окликнулъ онъ.

— Ну? спросила она, голосомъ полнымъ ожиданія.

— Ты не раскаяваешься, что не сдѣлалась моей женой? послѣдовалъ странный вопросъ Невѣрова,

Зина съ удивленіемъ подняла на него глаза и пожала плечами.

— Нѣтъ, пожалуйста, я прошу тебя, отвѣчай мнѣ безъ смѣха и безъ шутокъ, серьезно настаивалъ Невѣровъ:—тебѣ приходить иногда въ голову, что хорошо было бы никогда не разставаться, жить всегда вмѣстѣ, строить планы на будущее, на долгое, на безконечное число лѣтъ?

— Нѣтъ! отчетливо отвѣтила Зина:—я никогда не думаю объ этомъ; и притомъ же, прибавила она съ восторгомъ:—не живемъ ли мы одними и тѣми же интересами, не вполнѣ ли откровенны и довѣряемъ другъ другу, — не дѣлитесь ли вы со мной всѣмъ, что ваше, и я также?... Не у меня ли ваши деньги, — не вамъ ли я отдаю свои труды, свои проекты, свое время и мысли; — я полная хозяйка въ вашемъ домѣ, — я черпаю полной рукой вашу дружбу, довѣріе, уваженіе всѣхъ и каждаго.... Ахъ, Андрей Петровичъ! пусть все это не на вѣчно, пусть кончается когда-нибудь, — но хорошо и то, что я поживу, поживу хоть немного такъ полно и счастливо, какъ теперь!

— И тебѣ еще не надоѣло слышать отъ меня денно и нощно, что ты воскресила меня, исцѣлила, сдѣлала человѣкомъ, что я, благодаря тебѣ, пересталъ тиранить всѣхъ окружающихъ и сталъ смотрѣть на весь міръ съ болѣе гуманной и простой точки зрѣнія?

— Развѣ можетъ это счастье когда-нибудь надоѣсть? спросила Зина, ускоряя шаги.

— А я недоволенъ! вдругъ тихо и какъ-бы про себя выговорилъ Невѣровъ; ты не знаешь, что я жажду вѣчно быть съ тобой и до тѣхъ поръ не успокоюсь, — пока не выхлопочу себѣ права, неотъемлемаго права владѣть тобою до самой смерти.

— Нѣтъ, рѣзко отвѣтила Зина: — никогда!

Онъ молчалъ, совсѣмъ подавленный ея жестокимъ словомъ. Она продолжала съ замѣтнымъ волненіемъ, ироніей и горечью:

— Какъ свѣжъ, какъ живъ въ моей памяти вашъ собственный разсказъ, единственный въ своемъ родѣ, про тотъ интересный день, который вы провели здѣсь въ Липовкѣ, наединѣ..

— Молчи; не сравнивай!... перебилъ Невѣровъ строго... Молчи, если не хочешь и не можешь понять.... Но нѣтъ, я добьюсь, чтобъ ты поняла мою мысль! вскричалъ онъ порыви-

сто и крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ; она вырвалась отъ него, безмолвная, серьезная, почти грустная.

Онъ не сказалъ болѣе ни слова, и они вошли въ домъ такъ тихо и медленно, какъ давно уже не входили... На сердцѣ у Зины зашевелилось не то сомнѣніе, не то досада, но болѣе всего — грусть!

ГЛАВА IX.

Всю ночь ее осаждали грезы, видѣнія, плодъ фантазіи... Она видѣла во снѣ рѣку, будто она плыветъ, плыветъ по ней, борется съ волнами, не можетъ одолѣть ихъ и наконецъ, въ двухъ шагахъ отъ берега, волны съ ревомъ и шумомъ обрушиваются на ея голову и покрываютъ ее ледяной струей; вода бѣжитъ въ ротъ, въ уши, въ глаза, наливается всюду, душитъ и давитъ ее...

Она проснулась съ крикомъ, и долго не могла увѣриться, что это лишь сонъ. Наконецъ она вскочила, одѣлась, и вспомнивъ, что у нея есть дѣло къ Невѣрову, отправилась отыскивать его.

Она нашла Невѣрова на постройкахъ, производящихся около завода... Зданіе сельской школы и больницы воздвигалось на берегу великолѣпнаго пруда, осѣненнаго густыми ивами и березами... Былъ обѣденный часъ; рабочихъ не было, ихъ плотничьи доспѣхи и инструменты лежали тамъ, гдѣ были брошены... Запахъ смолы, срубленаго и пиленаго лѣса разносился далеко вокругъ... Андрей Петровичъ сидѣлъ на подмосткахъ и усердно рисовалъ что-то... Зина, шагая черезъ груды щепокъ, балокъ и бревенъ, очутилась около него.

— Что это вы здѣсь дѣлаете? вдругъ окликнула она его, заглядывая ему черезъ плечо...

По самой срединѣ плана, тщательно нарисованнаго и измѣреннаго архитекторомъ для производящихся построекъ, красовались черты женской головы и профиля, слишкомъ знакомаго Зинѣ...

Она быстро зачеркнула рисунокъ, вспыхнула и выразительно покачала ему головой...

— Нашли чѣмъ заниматься! вымолвила она съ упрекомъ: — когда у насъ полны руки дѣла, — и ничто еще не приведено въ порядокъ...

Невѣровъ сидѣлъ опершись руками въ колѣни и молчалъ... Онъ былъ въ бѣломъ пальто, въ такой же фуражкѣ и безъ галстуха; его сигарочница и трость валялись на одной изъ досокъ, загромождавшихъ срубъ.

— Хандра напала! выговорилъ онъ мрачно... И купался-то я, и работалъ:—не помогаетъ... Руки падаютъ,—не вижу цѣли, прочности; будто все строю на пескѣ... на краю бездны...

Зина затрепетала.

— Отчего же вы прежде этого не находили? какъ-то смущенно спросила она... Чего вамъ, кажется, недостаетъ?... Взгляните кругомъ, — какъ хорошо! какія богатыя начинанія!... Мы бросаемъ хорошія сѣмена и въ плодотворную землю, Андрей Петровичъ! подумайте, какая можетъ быть жатва! Какъ кругомъ насъ могутъ быть довольны и счастливы!...

Онъ вздохнулъ и началъ жаловаться на безпокойную ночь и мучительные сны и грёзы.

Невѣровъ чувствовалъ сердцемъ, что возлѣ него сидитъ не прежняя, дѣтски-спокойная и свободная Зина, но Зина другая, смутная, безпокойная, мятежная какъ и онъ.

— Вы стали грезить? давно ли? произнесла она, однако такъ весело и непринужденно, что никто бы не догадался о ея внутреннемъ волненіи:—вотъ это уже не годится для женатаго человѣка... Сами же смѣялись, что это свойство только юношей и дѣвицъ!...

— А я теперь только становлюсь юношей, мечтателемъ и идеалистомъ!... отвѣтилъ Невѣровъ: — самъ не знаю чего хочу, чего мнѣ надо, чего мнѣ недостаетъ!... Нѣтъ! прибавилъ онъ вдругъ съ силою: — я знаю чего мнѣ надо; я знаю отчего я несчастливъ; — я похожъ на эту недоконченную постройку, которая не защищена ни отъ бури, ни отъ непогоды; — у нея нѣтъ фундамента, стѣны ея не сплочены, надъ нею нѣтъ крыши,— и отъ какой-нибудь бури, ее всю можетъ разнести по бревну, и слѣда отъ нея не останется!... Я то же нежилое строеніе, Зина, и мнѣ нужна рука, которая бы меня докончила и пріютилась въ моихъ стѣнахъ навсегда!...

Она молчала, стараясь скрыть румянецъ, разливавшійся на ея щекахъ...

— Загадки, аллегоріи, романтизмъ! съ усмѣшкой выговорила она наконецъ, поднимая опущенную голову: — настоящее такъ хорошо, зачѣмъ его портить дурными предсказаніями будущаго?..

— Нѣтъ, Зина, нехорошо,—потому что мнѣ тяжело дышать въ немъ, мнѣ воздуху не хватаетъ..., Я боленъ-Зина...

Веселый и роскошный май глядѣлъ на нихъ во всѣ свои разукрашенныя и разубранныя очи: нѣга, тишина, свобода и покой словно охватывали всю природу мощнымъ объятіемъ.

Грудь Невѣрова порывисто и нервозно дышала.

— Говорятъ, что весенній воздухъ цѣлебенъ и благотворенъ

для человѣка! произнесъ онъ вдругъ среди разговора: — я съ каждымъ глоткомъ пью будто отраву!... а ты, Зина?

— Нѣтъ, я не чувствую ничего подобнаго! твердо и холодно отвѣчала она.

Но отрава, о которой говорилъ Невѣровъ, давно, давно уже въ ней зрѣла и наливалась, и погружая внутренній взоръ въ глубину своей души, она отступала въ безмолвномъ негодованіи и изумленіи надъ самой собой, рѣшаясь во что бы то ни стало одержать побѣду надъ страстью и не давать ей доступа къ сердцу.

Но жить въ одномъ домѣ, имѣть постоянныя сношенія и не видаться, — задача невозможная. Какъ Зина ни старалась, по крайней мѣрѣ, отдѣлиться отъ него и найти интересъ внѣ, помимо его, — это ей не удавалось. Они часто видѣли другъ друга, вездѣ, постоянно, неизбѣжно... Невѣровъ охладѣлъ ко всему, но онъ не казался ни апатичнымъ, ни вялымъ; напротивъ, блескъ здоровья и молодости отражался на его энергическихъ чертахъ; но онъ былъ грустенъ, безпокоенъ, раздражителенъ, недоволенъ, то слишкомъ нѣженъ, то безъ причины строгъ. Оставаясь вдвоемъ, наединѣ, они чувствовали, что между ними стоитъ что-то пьяное, безумное, влекущее, какой-то дымъ, угаръ, туманъ...

Зина пугалась и бѣжала какъ колодникъ отъ цѣпи, какъ серна отъ охотника.

На свободѣ, въ тиши ночной она думала, думала, думала— и приходила опять къ заключенію, что все возможно, что побѣда легка.

ГЛАВА X.

Дѣла, между тѣмъ, стали принимать тяжелый оборотъ...

Невѣровъ оставилъ присмотръ за заводомъ, онъ убѣгалъ отъ всякаго дѣла, и мрачный, какъ черная туча, съ утра садился на лошадь и исчезалъ неизвѣстно куда.

Зина была въ отчаяніи. Она перепробовала всѣ средства, чтобъ снова привлечь его къ занятіямъ,—напрасно!

— Послушайте, Андрей Петровичъ, заговорила она наконецъ сурово, — вѣдь это не честно проводить жизнь въ какихъ-то пустыхъ и безплодныхъ мечтахъ; надобно черпать изъ болѣе прочнаго источника... по крайней мѣрѣ я не могу вамъ сочувствовать въ этомъ направленіи... Опомнитесь! Придите въ себя!

Невѣровъ былъ блѣденъ и молчалъ. Его исхудалое, мрачное лицо невольно говорило о состраданіи.

— Что съ вами? вскричала она въ смятеніи.

— Ты сама этого хотѣла, заговорилъ онъ съ порывомъ,—ты этого требовала; я все время пріучался жить безъ тебя, и ломалъ, давилъ, умерщвлялъ свою страсть,—и вотъ результатъ! Думай, что хочешь! Ты этого хотѣла, ты объ этомъ мечтала! Это все дѣло твоихъ рукъ!

Зина, блѣдная и неподвижная, словно пораженная громомъ, опустилась на стулъ.

— Знаешь ли, продолжалъ онъ, въ томъ же тонѣ: — мнѣ пришла на память одна исторія, читанная въ дѣтствѣ... У одного доктора была жена съ родимымъ пятномъ на щекѣ; онъ вздумалъ его истребить, и дѣйствительно, послѣ невѣроятныхъ усилій пятно начало блѣднѣть и исчезать, но вмѣстѣ съ нимъ, въ самую минуту его исчезновенія,—исчезла и самая жизнь... Ты похожа на этого доктора, Зина... Ты хочешь согнать родимое пятно, которое составляетъ одно изъ условій моего существованія... Я повинуюсь тебѣ точно также, какъ повиновалась и та женщина. Но предоставь мнѣ, по крайней мѣрѣ, свободу умирать!

Ноздри его расширялись невольно... какая-то скрытая, непомонная страсть, болѣзненный сарказмъ и раздраженіе звучали въ тонѣ его рѣчи.

— О, какъ я страдаю! вскричала Зина, ломая руки... Сжалься, сжалься! Пощади меня!

— Тебѣ страдать нé отчего, прервалъ Невѣровъ; у тебя есть въ жизни нѣчто, ну, принципъ, приличія, что ли? однимъ словомъ божокъ, которому ты поклоняешься, приносишь жертвы, и довольна себѣ, предовольна этими поклоненіями и жертвами. Но у меня нѣтъ этого божка, нѣтъ ни одной точки, во имя которой бы я думалъ, что имѣю основаніе такъ поступать;—я повинуюсь только тебѣ одной, руководствуюсь только одними твоими желаніями; для тебя, изъ-за тебя я страдаю такъ, какъ ты никогда не можешь и не будешь страдать!...

Она съ горестнымъ сомнѣніемъ сдѣлала отрицательный знакъ.

— Зина, Зина! что-жъ ты молчишь? Откликнись!

Она сидѣла блѣдная, съ понуренной головой.

— У меня то же свои страданія и муки! выговорила она наконецъ...

Онъ слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Бездна, водоворотъ,—вотъ чѣмъ мнѣ кажется ваша любовь,—и мнѣ жаль берега! тихо докончила Зина.

— Ну что же еще?... пытливо и безпокойно допрашивалъ онъ.

— Такъ жить нельзя! вдругъ вымолвила она съ отчаяніемъ

рѣшимостью: — Надо кончить! Дайте мнѣ лошадей... я уѣду! Сжальтесь! Дайте мнѣ лошадей!

Онъ ничего не понималъ. Глядя на нее во всѣ глаза, испуганный, онъ не смѣлъ тронуться съ мѣста.

Она поспѣшно выбѣжала вонъ.

Черезъ часъ онъ бросилъ записку въ окно ея комнаты, гдѣ она сидѣла, запершись на ключъ.

«Зина! — писалъ онъ, — если мое присутствіе тяготитъ тебя, то позволь лучше мнѣ уѣхать на время и исполнить такимъ образомъ твое желаніе». Зина написала на оборотѣ только одно слово: «Уѣзжайте!» и бросила записку въ садъ.

Андрей Петровичъ нарочно старался закрѣпить и удержать Зину въ Липовкѣ; больше всего онъ боялся, какъ-бы Зина не вздумала уѣхать домой... Но для нея было невозможно уѣхать теперь, все равно какъ невозможно сорвавшемуся нечаянно въ пропасть, благополучно возвратиться вспять и ступить твердою ногою на берегъ... Земля подъ нею незамѣтно и постепенно обрушивалась, безсознательно для нея самой!...

ГЛАВА XI.

«Уѣхалъ!» говорила себѣ Зина на другой день, ходя по опустѣвшему саду и дому, и напрасно стараясь быть покойной и довольной настоящимъ положеніемъ дѣлъ.

«Я постараюсь отвыкнуть отъ него въ эти дни; думала она постоянно, — постараюсь отрезвиться, укрѣпить себя, стать на ноги!»

Но трудно и больно насильственное отрезвленіе. И вмѣсто желаннаго покоя происходитъ въ Зинѣ лишь одна до истомы доводящая борьба...

Жгучія слезы подступаютъ къ глазамъ Зины: она жалѣетъ о прошедшемъ. Одинокіе дни казались ей вѣками; — изъ всѣхъ угловъ сада, дома, террасы глядѣли на нее воспоминанія прошедшаго...

Она бѣжитъ изъ дома и сада, ища новыхъ мѣстъ, и наконецъ находитъ дикое, невзрачное и незнакомое еще мѣсто: заброшенную купальню на берегу темнаго глубокаго пруда, покрытаго по краямъ плѣсенью отъ вѣчной тѣни огромныхъ деревьевъ. Между холмовъ и кустарниковъ, она совершенно скрыта подъ безконечно густою массою зелени, обступившей ее со всѣхъ сторонъ...

Туда удалялась Зина во всякую свободную минуту. Ни одинъ

звукъ не долеталъ до купальни, никто не ходилъ мимо, никто не искалъ ее тамъ, никто не приходилъ купаться въ прудѣ. На днѣ его были родники, и вода была холодная въ самые сильные жары; но тамъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, утонулъ человѣкъ и прудъ потерялъ репутацію хорошаго купанья... Невѣровъ, переѣхавъ въ Липовку, выстроилъ тамъ купальню и съ тѣхъ поръ одинъ купался тамъ...

Прошло шесть дней съ его отъѣзда.

Зина трудилась впродолженіе дня: она аккуратно ходила на заводъ, повѣряла счеты прикащиковъ, сводила итоги, повѣряла книги, записывала, — но все это былъ только остовъ, скелетъ того живого труда, который давалъ пищу ея уму, набрасывалъ такой прелестный отблескъ на все ея существованіе... Не было уже тѣхъ свѣтлыхъ мыслей, предвидѣнія, проницательности, вдохновенія, можно сказать,—присущихъ каждому живому труду, не было уже догадокъ, не было неусыпныхъ стараній открыть фальшь, преслѣдовать злоупотребленія, заботиться о справедливости, о правахъ всѣхъ и каждаго... Она была похожа на игрока, который вдругъ ослѣпъ бы посреди игры: интересъ игры конченъ, лихорадка выигрыша исчезаетъ... Всѣ радости природы, ея убранство, роскошь и нѣга исчезли для Зины; она почувствовала, что ослѣпла, оглохла, потеряла чуткость удовольствія и борьба все становилась слабѣе и слабѣе.

Невѣровъ не возвращался. Прошло еще два дня. На лицѣ Зины вдругъ появилось зловѣщее и недоброе выраженіе скучающихъ и томящихся женщинъ, и въ отношеніяхъ съ окружающими впервые проглянула преднамѣренная злоба... Она жаднымъ и злымъ инстинктомъ стала выискивать больную струну въ своихъ ближнихъ и бить по ней... Нѣсколько нѣмыхъ взглядовъ упрека со стороны ея жертвъ уже успѣли отдать ей свою тяжелую дань. На душѣ ея становилось все чернѣе и чернѣе... Трудно было сладить съ Сашей, — но она съумѣла найти и въ ней больную струну: пугая ее насчетъ родовъ, довела до искреннихъ, непритворныхъ слезъ и потомъ дошла до того, что лишила ее, деспотически, любимыхъ кушаньевъ и заставила выслушать до конца ядовитую рѣчь о ея жадности и лѣни, и только когда голодная и больная Саша, утирая украдкой несмѣлыя слезы, жевала куски черстваго хлѣба, что-то проснулось въ Зинѣ и больно кольнуло ее. Она прошла мимо зеркала и невольно остановилась... Собственное ея лицо поразило ее. Она узнала въ немъ то выраженіе, которое возмущало ее въ матери, въ Надѣ, во всѣхъ своихъ преслѣдовательницахъ: — вотъ и складка около губъ, вотъ красныя пятна на щекахъ, стиснутыя зубы, торжество

злой побѣды на лбу и въ глазахъ! Она ли это?... Какъ низко она упала!... До чего дошла она?... Боже, Боже мой!...

На этотъ разъ, въ одинокой, безмолвной и холодной купальнѣ раздались впервые ея больныя, судорожныя, никѣмъ незримыя и никѣмъ неутѣшенныя рыданія...

Она скиталась и плакала, не зная куда дѣваться отъ тоски и одиночества, надрывавшаго всю ея грудь.

Было воскресенье. Солнце палило нестерпимымъ зноемъ; растенія и листья цвѣтовъ повисли какъ ошпаренныя кипяткомъ, и безнадежно ярко сверкалъ повсюду лѣтній день. Все что могло спрятаться и укрыться отъ зноя, пряталось и бѣжало; неподвижность и тишина царили въ воздухѣ; люди, въ однѣхъ рубахахъ, лежали въ сараяхъ, на сѣновалѣ, въ комнатахъ, закрытыхъ ставнями. Зина, кое-какъ дотащившись домой съ купанья, бросилась на диванъ въ гостинной. Она была полураздѣта: бѣлый, легкій капотъ, распахнувшись, едва прикрывалъ ее. Невыразимая тоска по отсутствующемъ Невѣровѣ и какая-то дикая жажда свиданія щемила ея сердце и ключемъ клокотала въ груди.

— «Когда, когда же онъ воротится?... Шесть дней! Что, еслибъ онъ сейчасъ пріѣхалъ? Я бы ему все сказала! Я бы задохлась отъ счастья!»

Тутъ снова послышался обычный, докучливый голосъ разсудка: «Опомнись, Зина! Стыдно, нехорошо!»

Этотъ разладъ приводилъ ее въ отчаяніе.

— «Зачѣмъ я родилась женщиной? внутренно вскрикивала она: женщина,—это что-то шаткое, несчастное!... Ну, я люблю его, люблю безумно, и онъ это знаетъ, и что же? Я молчу я колеблюсь, я не вѣдаю сама, что со мною и чего я хочу... Что такое преступленіе? Не знаю! Что хорошо и дурно? Не знаю! Зачѣмъ я дѣлаю то, что я дѣлаю, и чувствую то, что я чувствую? Не знаю! Я ничего не знаю! Но мнѣ надо только взглянуть на него, и я все увижу, все узнаю, все пойму!»

Вдругъ за дверью послышалось шмыганье стоптанныхъ туфлей и капризно-вялый голосъ Саши прокричалъ: — Зина! а, Зина! гдѣ ты?

Зина сдѣлала нетерпѣливое восклицаніе.

Саша явилась прямо съ постели, гдѣ укрывалась отъ жары, закутанная сверхъ рубашки въ простыню и держа въ рукахъ какое-то письмо.

Она была впрочемъ хороша. Лицо ея приняло то безмятежно спокойное выраженіе беременныхъ женщинъ, которыя, вполнѣ

привыкнувъ къ своей ношѣ, почти не замѣчаютъ ее. У нея былъ отличный аппетитъ, великолѣпный сонъ, и всей ея особой владѣли сладкая лѣнь, бездѣлье и постоянный отдыхъ. Она наслаждалась какимъ-то животнымъ, растительнымъ счастьемъ, и хотя это счастье было не высокаго разбора, но какъ и всякое счастье, оно улучшало ее... Ея положеніе такъ поглощало и наполняло всю ея жизнь, что прежнее ея холодное недоброжелательство ко всѣмъ исчезло и безвредное равнодушіе замѣнило мѣсто всѣхъ ея прежнихъ порывовъ и подозрѣній. Лицо ея осунулось, поблѣднѣло, цвѣтъ лица сталъ чище, яснѣе, руки были сухи и блѣдны...

— Зина! прочти, вотъ письмо отъ мамы! проговорила она подавая ей конвертъ. Ты прочти громко, а то я съ разу не поняла,—такъ жарко! Ты здѣсь лежишь? А я думала, ты въ саду.

Зина съ замираніемъ сердца взяла письмо матери и начала читать.

Въ немъ описывались разныя неудачи по хозяйству; отъѣздъ Варвары Ивановны на другое мѣсто, боль въ рукѣ, которая мучила Марью Петровну день и ночь, и наконецъ, приказъ выслать къ ней Зину, не позже двухъ недѣль, прямо къ рабочей порѣ. Въ посКриптумѣ значилось, что у Марьи Петровны есть для Зины женихъ на примѣтѣ, нѣкто Бобровъ, вдовецъ съ тремя дѣтьми, человѣкъ необразованный, но съ состояніемъ... Въ углу конверта была вложена незапечатанная приписка, написанная торопливой незнакомой рукой:

«Зинаида Павловна, пріѣзжайте! Мамаша ваша такъ тоскуетъ, что страсть! Надежда Павловна отъ нихъ все бѣгаютъ, такъ что онѣ ищутъ, ищутъ ихъ, да такъ и бросятъ. Имъ теперь подъ руку не попадайся; ко мнѣ ужъ столько разъ придирались: то не такъ прошла, не такъ сказала, не то сдѣлала,—то голосу моего слышать не могутъ,—то походка у меня тяжела! Просто мука! Я бы давно отъ нея удрала, да тятенька не приказываетъ, онъ за меня деньги взялъ впередъ и велитъ заживать. Распечатала письмо и вкладываю туда эту записку, а сама дрожкой дрожу, какъ бы меня не захватили. Здѣсь такая тоска, что хоть удавиться впору. Прощайте!»

— Прочла? спросила Саша, успѣвшая устроить себѣ въ это время покойное лежанье на кушеткѣ и двухъ креслахъ. Зина молчала. Она встала и выпрямилась на диванѣ, держа роковое письмо въ рукахъ.

— Какъ! черезъ двѣ недѣли выслать ее,—Зину,—къ рабочей порѣ!... Къ матери, которая кричитъ отъ хирагры! Отъ которой

Дуня сбѣжала,—Варвара Ивановна ушла, дьяконова дочь хочетъ удавиться?... Возможно ли? Ее? Туда? Въ эту могилу?

— Что же написать? опять спросила Саша, лѣниво зѣвая.

Зина стремительно бросилась къ ней.

— Душечка Саша, не отвѣчай ничего! Ничего! Я прошу тебя!... Можно тогда сказать, что письмо пропало, не дошло!... твердила Зина, сама не зная что говоритъ.

— Дурочка! Да развѣ тутъ далеко? она возьметъ да и пришлетъ сама лошадей! возразила Саша.

Зина всплеснула руками въ отчаяніи.

— Господи, что мнѣ дѣлать! вскричала она; я не хочу отсюда уѣхать къ матери! Мнѣ здѣсь хорошо; меня никто не трогаетъ, а тамъ меня измучаютъ, меня зарѣжутъ безъ ножа!... Голубушка Саша! напиши, что я больна, что я сломила ногу, что мнѣ не велятъ двигаться съ мѣста, что я не могу пріѣхать!

— Тогда-то ужъ она непремѣнно пріѣдетъ сама посмотрѣть на тебя!

— Ну, да научи же, не будь такъ жестока! молила Зина:— придумай, чтобъ меня отъ васъ не брали!...

Сашѣ, несмотря на апатію, было лестно, что Зина взываетъ къ ея уму, и притомъ же пребываніе въ домѣ этой послѣдней приносило много личной пользы собственно ей, Сашѣ, относительно ея комфорта, привычекъ, лѣни. Кромѣ того, что Зина держала на рукахъ все домашнее хозяйство, она была посредницею между мужемъ и ею. При Зинѣ, Саша знала, что получитъ все, даже самое несбыточное; безъ Зины, оставшись одна съ Невѣровымъ, она не могла ручаться ни за что. Въ теперешнемъ положеніи Саши, для нея было очень важно имѣть подъ рукою такое лицо.

— Я напишу, чтобъ она тебя оставила до моихъ родовъ;— рѣшительно сказала она, сообразивъ наконецъ настоящее положеніе дѣлъ,—еще на три мѣсяца.

— Ну какъ же ты напишешь?

— Просто напишу, что я такъ хочу! отвѣтила Саша, выговаривая это слово съ смѣшной интонаціей беременныхъ женщинъ.

— А что, если она соскучится ждать и пріѣдетъ къ вамъ гостить съ Надей гораздо прежде?... возразила Зина, не вѣря своему легкому избавленію.

Саша молчала. Она, собственно для себя, нисколько не боялась этого. Чѣмъ болѣе около нея будетъ народу въ ея положеніи, тѣмъ лучше.

— Не написать ли, что у меня здѣсь женихъ?

— Какъ можно! Узнаетъ что неправда, такъ все на меня обрушится...

— Ну, сказать, что меня здѣсь нѣтъ, что я уѣхала гостить куда-нибудь... къ знакомымъ.

— Безъ ея спроса-то? пожавъ плечами, возразила Саша.

Печаль и отчаяніе яркими чертами выразились на блѣдномъ лицѣ Зины.

Въ эту минуту дверь отворилась и одна изъ приживалокъ вошла съ сѣдою непокрытою головою и босыми ногами.

— Вы тутъ? заговорила она, тяжело опускаясь на диванъ возлѣ Саши. Ну что, какъ дѣла?

Этими словами она обыкновенно приступала къ неистощимой для нихъ обѣихъ темѣ: беременности Саши.

— Ничего еще пока!... отвѣтила Саша съ тупой улыбкой.

Зина, при наступленіи извѣстнаго ей наизусть разговора, мгновенно исчезла.

Она спѣшила по саду, спѣшила укрыться куда-нибудь. Что ей дѣлать?

Насталъ вечеръ.

Природа начала мало по малу пробуждаться, возставать отъ знойнаго сна; пчелы жужжа принялись за работу, чашечки цвѣтовъ открылись въ томномъ и трепетномъ ожиданіи, повисшія листья выпрямились; соловей бралъ робкія трели, приготовляясь къ ночному концерту; по всему растущему и живущему пришелъ тихій трепетъ прохлады и пробужденья.

Лабораторія природы была открыта: ея цѣли бросались въ глаза. Стая веселыхъ насѣкомыхъ, тамъ и сямъ снующія пары, воркующіе голуби, переплетенныя головки цвѣтовъ; всюду взаимный обмѣнъ силъ, жизней, любви; всюду ликованье жизненнаго пира; всюду трепетъ страсти на роскошномъ ложѣ свободы и безграничнаго выбора. Все кружилось, разоблачалось, стремилось, спѣшило, увлекалось; не было нигдѣ ни увядшихъ листьевъ, ни тяжелыхъ зрѣющихъ плодовъ,—вездѣ былъ только пухъ, цвѣтъ, мелодія, нѣга. Въ подобной обстановкѣ одинокому человѣку становится жутко, душно, невыносимо, и онъ чувствуетъ себя какъ будто нестройнымъ звеномъ въ этомъ цѣломъ, словно фальшивой нотой въ оркестрѣ...

ГЛАВА XII.

На террассѣ стучали ложечками, чайнымъ приборомъ... Зина отправилась туда, застала на балконѣ Сашу съ приживалками и еще разряженную въ пухъ и въ прахъ попадью, пріѣхавшую въ гости... Всѣ жаловались на жаръ... пили чай, ѣли варенье, отмахиваясь платками отъ мухъ. Зина извинилась въ своемъ костюмѣ и пошла переодѣться къ себѣ въ комнату. Прислуживавшая ей дѣвчонка пришла въ восторгъ отъ этой идеи Зины, потому что сама разрядилась для кучера, пріѣхавшаго съ попадьей. Она растворила шкафъ съ платьемъ настежъ и подала Зинѣ новое, только-что сшитое кисейное платье, которое ей недавно подарилъ Невѣровъ.

— Ахъ, оно мнѣ туго, неловко! вскричала Зина. Въ такой жаръ застегивать крючки, надѣвать поясъ!...

Но дѣвочка такъ умоляла ее надѣть обновку, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь передъ попадьей, такъ заманчиво расправляла пышныя складки передъ глазами Зины, что та нехотя согласилась.

Туалетъ скоро былъ оконченъ, и приколовъ послѣднюю булавку къ поясу, Зина собиралась выйдти.

— А чулки-то, Зинаида Павловна, у васъ всѣ ноги видно... На попадьѣ узорчатые! И я вамъ подамъ самые лучшіе...

Дѣвчонка бросилась въ комодъ и достала чулки и новые башмаки съ розетками.

— Ты одѣваешь меня какъ невѣсту! вымолвила Зина, садясь на табуретъ и протягивая ногу горничной.

Та съ восторгомъ натянула чулокъ, башмакъ съ пунцовой розеткой, и наконецъ отпустила на террасу къ гостямъ.

— Отчего ты не пьешь и не ѣшь ничего? спрашивала у нея Саша.

— Я не хочу! должно быть очень жарко! отвѣтила Зина, въ волненіи смотря на косвенные лучи солнца, золотившаго верхушки деревъ... Ее снѣдала и грызла невѣдомая и непонятная тоска, глаза ея темнѣли отъ непролитыхъ слезъ, за спиной пробѣгали мурашки, дрожь, какъ будто отъ озноба.

— Сейчасъ солнце сядетъ! замѣтила попадья, допивая чашку и отодвигая стулъ.

— Солнце садится въ восемь часовъ! сказала Зина, взглянувъ на часы.

— Который часъ теперь?

— Семь!

— Ну, такъ мнѣ пора! поднялась попадья съ мѣста.

— Погодите, удерживали ее приживалки:—теперь только и дышать!... А вотъ послѣ заката солнца,—тогда самый настоящій вечеръ и начнется!

— Да оно ужъ сѣло... смотрите! часы вѣрно врутъ!

— Это облако! сказала Зина, вставая: — еслибъ теперь съ горы смотрѣть, такъ оно навѣрно еще видно!

— Что же стало такъ темно? оглянулись вокругъ присутствующіе:—и не палитъ и не жжетъ!... Ахъ, какъ стало хорошо!

Зина сбѣжала съ террассы, ударилась въ глубину потемнѣвшаго сада, поднялась на утесъ къ пруду, и стала... Все въ ней ныло и замирало какъ передъ бѣдой; колѣни подгибались: солнца уже не было.

Вдругъ она вскрикнула. Въ эту самую минуту, по другую сторону утеса, передъ Зиной, словно изъ земли, выросъ — Невѣровъ.

— Зина, что съ тобой? бросился онъ къ ней:—ты блѣднѣешь, дрожишь?... Неужели я могъ такъ напугать тебя?

Зина не могла вымолвить слова... У нея такъ билось сердце, такъ подкашивались ноги, что она чуть не упала.

— Ты нездорова, Зина?... съ испугомъ вскричалъ Невѣровъ, кидаясь и поддерживая ее: — отчего ты мнѣ не писала объ этомъ? Семь дней я мучился безъ всякаго извѣстія о тебѣ!... Я съ ума сходилъ, Зина, и не даромъ! Ты нездорова? Какъ ты похудѣла? Отчего такая печальная?... Что случилось тутъ съ вами безъ меня?...

— Ничего!... вымолвила Зина, дрожа въ его объятіяхъ.

— Да что же съ тобой?... Зина, Зина! отвѣчай!

— Ничего, я рада... вымолвила она съ робкою, духъ захватывающей радостью... и глянула ему въ глаза.

Онъ близко наклонился къ ней, онъ охватывалъ ее руки.

— Я рада! повторила она смѣлѣе... — Я рада! вскрикнула она вдругъ, и онъ самъ онѣмѣлъ и замеръ отъ ея широкаго, пролившагося, нахлынувшаго на него какъ буря, объятія и поцѣлуя... Она была похожа на птицу, вырвавшуюся вдругъ изъ душной и тяжкой неволи на свободу, на темную ночь, на вѣтеръ, зелень, деревья, облака... Сначала бѣдная птица прислушивается, порхнетъ разъ, другой, — остановится, потомъ порхнетъ смѣлѣе, опять остановится, наконецъ, удивительнымъ, невѣроятнымъ взмахомъ крыла взмахнетъ подъ самыя облака, купается въ нихъ, рѣетъ крыльями и туда и сюда, и наконецъ — въ смѣющемся покоѣ, слетаетъ на верхушку самаго высокаго дерева, — и замираетъ тамъ безопасно и недвижно.

Зина замерла точно также на его груди.

— Отчего не писала ко мнѣ? бормоталъ Невѣровъ съ робостью, не смѣя шелохнуться, чтобъ не спугнуть, не стронуть какъ-нибудь довѣрчиво къ нему прильнувшую Зину. Онъ помнилъ ихъ послѣдній разговоръ и страхъ къ нему, о которомъ высказывала Зина.

— Пойдемъ, сядемъ куда-нибудь!... вымолвилъ онъ, обнявши ее за талью и дѣлая нѣсколько шаговъ внизъ... Ты ничего еще не говоришь мнѣ, но я чувствую, что ты нездорова!...

Онъ поднялъ ее, снесъ съ горы и они сѣли въ дикую, заросшую бесѣдку изъ хмѣля, калины и шиповника...

Солнце сѣло; прозрачные сумерки покрыли, какъ легкимъ флеромъ, красы природы... Зина, тяжело дыша, сѣла на развалившуюся лавочку, Невѣровъ около нея, не помня себя, въ какомъ-то круженіи, вихрѣ счастья и страсти.

— Ты не боишься меня теперь? вымолвилъ онъ, не сводя съ нея глазъ и взявъ за обѣ руки.

Она, вмѣсто отвѣта, упала лицомъ въ траву, и заплакала... Но это были слезы радости... Счастье сказалось слезами...

— Не бойтесь... это я отъ радости... что вижу васъ! прошептала она наконецъ, стараясь смѣяться, и потомъ прибавила:—Меня хотятъ взять отсюда!... Я такъ огорчилась, не знала что придумать! Мама пишетъ, чтобы черезъ двѣ недѣли меня отсюда выслать...

— Какъ, вспыхнулъ Невѣровъ, не вѣря своимъ ушамъ, бросившись къ ней и съ порывомъ охвативъ ее руками...—Тебя отъ меня взять?.. Тебя? черезъ двѣ недѣли? выслать отсюда?.. Да развѣ я отдамъ?

Онъ схватилъ ее, посадилъ на колѣни, прижалъ къ груди такъ крѣпко, что она чуть не задохнулась.

— Ты любишь меня? лепеталъ онъ, не помня себя.

Зина больше не отвѣчала...

— Барышня, а, барышня! вдругъ раздалось по саду:—барышня, гдѣ вы? сюда пожалуйте?...

Голосъ все ближе, ближе... Зина вырвалась съ его колѣнъ; въ сумеркахъ, изъ тѣнистой аллеи, показалась ея горничная, держа въ рукахъ блузу.

— Барышня! Извольте смѣнить платье, роса теперь, вы весь подолъ захлюстаете! рѣшительнымъ голосомъ заговорила подошедшая Настя, но вдругъ увидѣвъ Невѣрова, оторопѣла и хотѣла бѣжать. Въ послѣднее время онъ наводилъ страхъ на всѣхъ въ домѣ.

— Баринъ пріѣхалъ! проговорила она въ ужасѣ и повернула-было назадъ.

Но Невѣровъ остановилъ ее. Онъ надавалъ ей множество порученій, велѣлъ разложить свой чемоданъ, разобрать бѣлье.

На слѣдующій день была годовщина закладки завода и рѣшено было устроить давно обѣщанный праздникъ для крестьян. Саша, боявшаяся шуму и крику народа, собиралась со всей своей свитой ѣхать на рыбную ловлю; Невѣровъ и Зина оставались хлопотать и распоряжаться на праздникѣ. Ни въ тоні, ни въ выраженіи лица ихъ ничто не выдавало ихъ тайны.

Послѣ обѣда подали тройку лошадей, и маленькое общество отправилось усаживаться на дроги въ сопровожденіи Невѣрова и Зины.

— Охъ! я устану! говорила Саша подходя къ подножкѣ дрогъ; не воротиться ли лучше? Надежда Васильевна, какъ вы думаете?

— Пустяки, матушка, проѣдетесь,—лучше покушаете, уснете лучше...

— Хорошо; такъ смотри же Зина, чтобъ мнѣ къ ужину готова была баранья котлетка! приказывала Саша, усаживаясь на дроги.

— Будетъ готова! вотъ тутъ у Агаши чай, сахаръ, вареніе, сливки въ бутылкѣ; напоминала Зина: — угли, самоваръ у Василья подъ козлами, бѣлый хлѣбъ, сухари, чайная посуда,—все тутъ; смотрите не потеряйте; Агаша, въ цѣлости все привези!

— Слушаю-съ!

— Ну прощайте? Смотрите за Сашей?

Дроги тронулись шагомъ; Зина побѣжала за ними, закутывая ноги Саши платкомъ.

Между тѣмъ на дворѣ шумѣла довольно многолюдная, нарядная и веселая толпа. Красные платки, цвѣтныя ленты и сарафаны пестрѣли около качелей и развѣвались въ тихомъ, жаркомъ воздухѣ, при взвизгиваньи и смѣхѣ качающихся баб и дѣвокъ.

— Идутъ, идутъ! зашумѣла толпа и ближе подвинулась къ крыльцу, на которое всходилъ Невѣровъ изъ саду... Взоры всѣхъ были устремлены на столы, полные всякихъ яствъ, закусокъ и деревенскихъ гостинцевъ; кое-гдѣ изъ толпы уже вырывались залихватскіе звуки гармоникъ и балалаекъ и веселыя, молодыя лица парней и дѣвокъ, ожидающихъ своей очереди веселиться, набрасывали словно солнечные лучи на картину... Весь дворовый и домашній людъ: кучера, слуги, прикащики съ женами и дѣтьми, горничныя и няньки, въ нарядныхъ платьяхъ и съ любопытными лицами,—стекались со всѣхъ сторонъ къ центру

широкому барскому крыльцу, разукрашенному цвѣтами и разноцвѣтными лентами, тесьмами, сережками, бусами и кольцами, обвивавшими высокія колонны и притягивавшими какъ магнитомъ взоры присутствующихъ...

Невѣровъ явился на этомъ крыльцѣ и поклонился народу; раздался довольный гулъ голосовъ; всѣ сняли шапки и подступили ближе, потомъ все притихло въ знакъ почета и уваженія къ хозяину... Всѣ знали значеніе настоящаго празднества, знали зачѣмъ ихъ сюда созвали, слѣдовательно, Андрей Петровичъ счелъ лишнимъ обращаться къ нимъ съ объяснительными спичами, а прямо приступилъ къ цѣли, — къ угощенью. Наливъ стаканъ водки, онъ поднесъ маститому старику, подрядчику и главному мастеру всѣхъ его построекъ и починокъ, стоявшему впереди и пользовавшемуся замѣтнымъ почетомъ и уваженіемъ...

— Ну, здравствуйте! сказалъ тотъ, взявъ стаканъ и кланяясь по обычаю во всѣ стороны... Проздравляемъ мы васъ... и дай вамъ Богъ!.. Значитъ, все чтобъ шло благополучно и никакихъ сумлѣній бы не было!.. вы божьи, и мы божьи, и всѣмъ надо жить по-божьи!..

— Знамо дѣло! послышались сочувственные и одобрительные голоса въ толпѣ... Извѣстно, по-божьи!.. Не обманомъ же? Чудны вы право... Богъ-отъ-батюшка, Онъ повыше всѣхъ... Такъ-то!.. Дѣлай по-божьи, не будетъ ложно!..

Всѣ отлично понимали другъ друга, произнося такія рѣчи, радовались, поздравляли, благодушествовали и чинно истребляли водку и припасы, которые раздавали имъ лакеи и горничныя.

— А гдѣ же твоя хозяюшка-то? спросилъ одинъ изъ почетныхъ лицъ, принимая отъ барина чарку и оглядываясь на домъ.

— Хозяйка моя кататься уѣхала, съ небольшимъ смущеніемъ отвѣтилъ Невѣровъ.

— Это мы видѣли: нѣтъ, намъ хозяюшку-то бы проздравить! Помощницу-то твою; нашу-то, нашу, Зинаиду Павловну!

— Она здѣсь; она сейчасъ выйдетъ...

Зина явилась изъ дома и стала рядомъ съ Невѣровымъ... Всѣ еще больше налѣзли къ крыльцу, ближніе заговаривали съ ней, всѣ наперерывъ «проздравляли» и «желали здравствовать». Зину это смутило... Ей показалось, что всѣ эти люди читаютъ тайну на ихъ лицахъ.

Она поспѣшила сбѣжать съ крыльца и вмѣшаться въ группу дѣвушекъ, толпившихся у качель. Тѣ ее окружили, заговорили съ нею, разсказывая кто о чемъ: о нуждахъ, о новостяхъ, о нарядахъ... Прошло добрыхъ полчаса... Начала раздаваться веселая пѣсня, но еще тихая, несмѣлая...

Невѣровъ отозвалъ въ сторону своего каммердинера Николая и ключницу Машу, и возложилъ на нихъ всѣ хлопоты и заботы о праздникѣ.

— Смотрите же, я васъ прошу, не отлучаться никуда и слѣдить за всѣмъ, особенно ты, Маша, я на тебя надѣюсь; просилъ Невѣровъ какимъ-то мягкимъ, непривычнымъ тономъ.

— Ужъ будьте, баринъ, покойны! ободряла его Маша:— всѣхъ угощу,—всѣмъ хорошо будетъ!

— Николай, коли недостанетъ вина, браги, пива,—посылай! все выплачу завтра... А теперь я ухожу: — надо дать людямъ просторъ!

— Ребята! обратился онъ къ крестьянамъ: спасибо вамъ за вашу работу!.. Гуляйте на здоровье хоть до разсвѣта!—Все что вы здѣсь видите, — ваше! указалъ онъ на крыльцо. Подѣлитесь по-братски, безъ драки...

— Зачѣмъ драка?.. Нешто мы полоумные какіе?.. Мы же въ своемъ видѣ будемъ!.. бодро увѣщевали голоса.

— Куда же ты самъ-то, баринъ? а? вмѣстѣ работали, вмѣстѣ погуляемъ!..

— Оставайся! что тебѣ? приставали къ Зинѣ дѣвки: — въ горѣлушки поиграемъ;—орѣшковъ-то тебѣ дать что-ли?

И онѣ сыпали ей изъ фартуковъ пригоршни орѣховъ и пряниковъ.

Невѣровъ ушелъ, и въ ожиданіи Зины стоялъ на широкой террассѣ, у подножія которой разстилался громадный цвѣтникъ, обнесенный, словно колоннами, рѣдкими, но могучими, широколиственными столѣтними дубами, кленами и елями.

Явственно долетали на террассу веселые клики народа...

— Какъ веселятся! сказалъ онъ, завидѣвъ приближавшуюся къ нему Зину:—слышишь, Зина?..

Зина не отвѣчала, сошла въ садъ, пробѣжала по цвѣтнику; потомъ, окинувъ взоромъ все ея окружающее и остановившись прямо передъ домомъ, она протянула широкія признательныя объятья деревьямъ, небу, цвѣтамъ и облакамъ, — и изъ груди ея вырвался смѣющійся, восторженный крикъ...

Ближнивъ.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ

И

ЭКСПЕДИЦІЯ 1853 ГОДА.

V *).

4-е октября. — На другой день послѣ отплытія «Иртыша», въ воскресенье, людямъ былъ данъ отдыхъ, для приведенія въ порядокъ оружія и одежды. Погода стояла очень хорошая; я поѣхалъ, съ утра, осматривать берегъ, идущій къ сѣверу отъ насъ. Еще прежде я предполагалъ, что въ низменной долинѣ этого берега, въ верстахъ 10-ти отъ нашего селенія, должна быть рѣка. Дѣйствительно, я узналъ отъ аиновъ, что есть рѣка, и называется Сусуя. Орловъ подтвердилъ мнѣ это показаніе; итакъ, я намѣренъ былъ осмотрѣть устье ея и узнать, растетъ ли лѣсъ на ней. Доѣхавъ до мѣста, гдѣ кончается гористый берегъ, я встрѣтилъ большую отмель. Взятый мною аинъ, бывшій проводникомъ у Орлова, показывалъ мнѣ, что есть рѣка, но что въ нее нельзя въѣхать. Не повѣривъ ему, я попробовалъ отыскать фарватеръ, но шлюпка стала на мель. Противъ насъ, на берегу, видны были аинскія юрты. Мы начали кричать аинамъ, чтобы они выѣхали къ намъ на своихъ лодкахъ. Два челнока пріѣхали къ намъ. На нихъ я и двое матросовъ переѣхали на берегъ, а остальные волокомъ дотащили шлюпку до берега. Желая непремѣнно осмотрѣть рѣку, я

*) См. выше, окт. 732 стр.

приказалъ готовить завтракъ и пошелъ съ казакомъ Томскимъ и матросомъ Ефимовымъ берегомъ къ долинѣ. Проводникъ нашъ пошелъ за нами. Около получаса шли мы по берегу, обросшему тростникомъ. Обогнувъ небольшой мысъ, мы подошли къ мелкой рѣчкѣ, называемой Тіукомонай. Перейдя вбродъ черезъ нее, пошли далѣе по берегу, а потомъ версты полторы по отмели, образовавшейся отъ убыли воды. Перейдя черезъ нее, мы вышли къ низменному мысу, за которымъ открылось устье рѣки шириною сажень 15. Пройдя по берегу, мы увидѣли прекрасный лѣсъ. Это меня очень обрадовало — по разсчету недоставало, даже для необходимыхъ построекъ, купленнаго у японцевъ лѣсу. Желая узнать, есть ли хорошій входный фарватеръ, я пошелъ назадъ, къ шлюпкѣ. Около насъ летали цѣлыя стада куликовъ, утокъ, а на самомъ устьѣ сидѣло много лебедей. Томскій, выстрѣливъ по одному стаду куликовъ, убилъ заразъ штукъ десять. У шлюпки готовился завтракъ; нѣсколько аиновъ сидѣли съ матросами.

Напившись чаю, я пошелъ осматривать аинскія юрты. Ихъ было не болѣе пяти. Я вошелъ въ самую большую. У очага сидѣлъ старикъ и пожилая женщина. Старикъ имѣлъ красивое лицо, но женщина была очень уродлива. Черные глаза ея какъ-то дико выглядывали изъ-подъ нависшихъ, всклоченныхъ волосъ. Оба они курили трубки. Юрта была очень чиста, убрана соломенными матами; въ углу висѣло нѣсколько сабель, вѣроятно японскихъ. Возвратившись къ шлюпкѣ, я тотчасъ же отвалилъ отъ берега. Вода немного прибыла, и мы довольно легко сошли съ отмели. Замѣтивъ, что устье рѣки уклонялось болѣе къ с.-з., я направилъ шлюпку къ противоположному берегу залива, лежавшему въ этомъ направленіи. Отъѣхавъ съ милю отъ селенія, мы увидѣли палку, торчавшую изъ воды. Принявъ ее за знакъ, поставленный на фарватерѣ, мы подъѣхали къ ней. Дѣйствительно, глубина увеличилась до $4^1/_2$ футовъ. Тогда мы повернули въ устье. Направляя шлюпку то въ одну, то въ другую сторону, я старался узнать направленіе фарватера. Что онъ существуетъ, въ этомъ не было сомнѣнія, и глубина его въ среднюю воду между 4-мъ и 5-ю футами, т.-е. достаточная для прохода не только гребныхъ судовъ, но и рѣчныхъ пароходовъ. Войдя въ устье рѣки, я поднялся по ней версты три. Берега ея, на этомъ пространствѣ, покрыты прекраснымъ лиственичнымъ и еловымъ лѣсомъ. Приставъ къ берегу, я разослалъ своихъ гребцовъ осматривать деревья, а урядника Томскаго осмотрѣть далѣе теченіе рѣки, безпрестанныя извилины которой не позволяли мнѣ видѣть далеко впередъ. Мнѣ очень хотѣлось еще подняться по Сусуѣ

но было уже поздно, а оставить свой постъ на ночь я считалъ незаконнымъ. Томскій возвратился черезъ полчаса съ извѣстіемъ, что въ одной верстѣ отъ насъ есть большая просѣка, прорубленная, вѣроятно, при добываніи лѣсу японцами. Въ лѣсу мы видѣли много орловъ, но небольшихъ. На возвратномъ пути я опять промѣривалъ фарватеръ. Въ портъ мы пріѣхали когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Я намѣренъ былъ, на другой же день, послать Рудановскаго изслѣдовать рѣку, о чемъ я ему сообщилъ тотчасъ по пріѣздѣ въ портъ. Но на сборы его потребовалось цѣлые два дня, и я все болѣе и болѣе убѣждался, что судьба мнѣ послала безпокойнаго и малополезнаго сотрудника. Рудановскій вообразилъ себѣ, что онъ можетъ дѣйствовать совершенно независимо отъ меня, и еслибы еще предположенія его на счетъ изслѣдованія страны были бы благоразумны,—а то онъ вообразилъ себѣ, что прежде всего надо сдѣлать карту ближайшихъ къ намъ береговъ. Берега эти мы видѣли, гаваней, намъ извѣстно было, нѣтъ подлѣ насъ, слѣдовательно, нужно было заниматься не рисовкою карты, а изслѣдованіемъ рѣкъ, т.-е. внутреннихъ сообщеній острова и отыскиваніемъ гавани, гдѣ бы суда могли зимовать; для этого, по позднему уже времени, слѣдовало поспѣшить подвигаться по различнымъ направленіямъ, дѣлая только глазомѣрную съемку, и уже отъискавъ важные пункты, начать подробное ихъ изслѣдованіе. Объяснивъ это Рудановскому, я убѣдилъ, наконецъ, его въ пользѣ и необходимости изслѣдовать р. Сусую. Рѣшено было ему ѣхать на шлюпкѣ съ 5-ю матросами и продовольствіемъ на 7 дней. За день передъ отправленіемъ я разсказалъ ему, на что именно надо болѣе обратить вниманіе при изслѣдованіи неизвѣстной страны, и что на этотъ предметъ онъ получитъ отъ меня письменную инструкцію. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ, безъ всякихъ письменныхъ приказаній, будетъ ѣздить и дѣлать съемки, смотря какъ онъ будетъ находить нужнымъ, а что если я дамъ ему предписаніе, то онъ совсѣмъ не поѣдетъ. «Въ такомъ случаѣ я напишу на васъ рапортъ генералъ-губернатору», сказалъ я ему, выведенный уже изъ терпѣнія.

Онъ вышелъ изъ дому, а я тотчасъ же написалъ инструкцію, съ тѣмъ, что если Рудановскій не приметъ ее, то приказалъ по посту отчислить его отъ экспедиціи, оставивъ жить на Сахалинѣ безъ занятій. Я видѣлъ всю невыгоду и непріятность такого оборота нашихъ отношеній. Рудановскій могъ принести пользу экспедиціи морскими свѣдѣніями своими и съемкою и, сверхъ того онъ, въ дѣлѣ интересующемъ его, очень дѣятеленъ. Когда я успокоился немного отъ досады, возбужденной

этой исторіей, то рѣшился объясниться съ нимъ, съ тѣмъ, что если онъ будетъ упорствовать, то тогда только исполнить мое намѣреніе — устранить его отъ занятій по экспедиціи. Попросивъ его выслушать меня спокойно, я ему объяснилъ невозможность дать ему право дѣйствовать по своей прихоти; что командировка его есть дѣло служебное и что безъ предписанія моего онъ не можетъ ни оставить поста, ни взять гребцовъ для лодки. Наконецъ, я его просилъ рѣшительно сказать мнѣ, хочетъ ли онъ мнѣ подчиняться и считать меня своимъ начальникомъ; если нѣтъ, то значитъ намъ служить вмѣстѣ нельзя и я уволю его отъ занятій по экспедиціи. Выслушавъ меня, онъ просилъ извинить его, соглашался, что имѣетъ тяжелый характеръ, благодарилъ меня, что я ему прямо высказалъ свое мнѣніе и рѣшеніе, и объявилъ, что онъ готовъ исполнять всѣ приказанія мои. На другой день, 6-го сентября, онъ уѣхалъ.

Признаюсь, что мнѣ какъ-то легче стало: жизнь и занятія сдѣлались пріятнѣе, когда я остался одинъ въ своей избѣ и не видѣлъ и не слыхалъ вѣчно бранящагося съ своимъ вѣстовымъ моего непріятнаго сожителя. Въ день отъѣзда его я послалъ, на саймѣ, 9 человѣкъ людей для рыбной ловли въ Сусуѣ. Она была неудачна, и потому, велѣвъ воротиться 6-го, я назначилъ троихъ для рубки лѣсу. Послѣ я къ нимъ еще прибавилъ, видя, что на 3-ю казарму японскихъ бревенъ не останется ни одного. Недѣля прошла въ безпрерывной работѣ; къ несчастію погода стояла довольно дурная и число заболѣвающихъ стало увеличиваться; необходимо было, какъ можно скорѣе, подвести строенія подъ крышу. Аины нашего селенія ежедневно посѣщали меня. Пріѣзжали также на поклонъ и изъ другихъ селеній, принося ко мнѣ древесныя метелки въ знакъ уваженія. Эти метелки отдавали они, становясь на колѣни и поднимая руки къ головѣ, которую, вмѣстѣ съ тѣмъ, они преклоняли немного. Я угощалъ и одаривалъ ихъ блестящими вещицами, которые привезъ изъ Петербурга, а джанчинамъ (старшины) давалъ изъ пакгауза рубашки и платки. Скоро появилось много джанчиновъ съ надеждою на подарки. Вообще аины любятъ обманывать, и поэтому трудно достовѣрно что-нибудь узнать отъ нихъ объ странѣ. Къ этому еще страхъ къ японцамъ заставляетъ ихъ скрывать многое. Женщины не приходили ко мнѣ и даже не отвѣчали на поклонъ, когда я встрѣчалъ ихъ, но при посѣщеніи юртъ мною онѣ не прятались. Аины очень любятъ крѣпкіе напитки и пьютъ ихъ съ особеннымъ наслажденіемъ, дѣлая при этомъ различныя церемоніи—

принявъ въ обѣ руки рюмку, поднимаютъ ее кверху и склоняютъ голову; потомъ берутъ какую-нибудь палочку, или просто свой маленькій чубучокъ и конецъ его обмакиваютъ въ винѣ четыре раза, дѣлая видъ, что спрыскиваютъ во всѣ четыре стороны — это означаетъ, какъ кажется, жертву добрымъ духамъ. Продѣлавъ это, снова поднимаютъ рюмку и при этомъ издаютъ три раза звукъ, похожій на то, когда кряхтятъ отъ боли или тяжести. Пьютъ понемногу, глотая по каплѣ, останавливаясь нѣсколько разъ, склоняя голову. Оставшіяся капли въ рюмкѣ выливаютъ на руку и вытираютъ ими головы. Нашъ ромъ кажется нѣкоторымъ изъ нихъ слишкомъ крѣпкимъ. Хлѣбъ нашъ вообще всѣмъ аинамъ не нравится. Рисъ и все сладкое очень любятъ. Вообще отборка товаровъ для экспедиціи была сдѣлана очень неудачно. Всѣ наши товары мало подходятъ къ быту сахалинцевъ, такъ что еслибы не было японцевъ на островѣ, то мы не могли бы удовлетворить нуждъ жителей. Между прочимъ я все болѣе и болѣе убѣждался, что старшина аиновъ нашего селенія человѣкъ очень лукавый и преданный японцамъ, а поэтому сталъ обращаться съ нимъ осторожнѣе.

Въ субботу, 10-го октября, Рудановскій воротился. Онъ прошелъ вверхъ по рѣкѣ около 70-ти верстъ. По словамъ его, рѣка, на всемъ этомъ протяженіи, удобна для гребныхъ судовъ. Берега покрыты лѣсомъ. Селеній нѣтъ. Экспедиція эта очень заинтересовала Рудановскаго, такъ что онъ уже самъ просилъ меня послать его опять туда, давъ ему недѣли на двѣ продовольствія и японскую плоскодонную лодку. Лодка была куплена у аинскаго старшины, и было рѣшено черезъ нѣсколько дней опять начать экспедицію на Сусую.

11-го октября. — Въ воскресенье пошелъ я осматривать окрестности нашего селенія, взявъ съ собою матроса Сизаго. Мы пошли по теченью ручейка, впадающаго въ заливъ у нашей южной баттареи. Долина, по которой течетъ ручей этотъ, довольно низменная и покрыта травою выше роста человѣка и такъ густа, что едва можно продираться черезъ нее. Густота и вышина травы вѣроятно причиною тому, что мѣстами образовалась по долинѣ тундра подъ нею. Лучи солнечные не проникаютъ до почвы, покрытой размокшею отъ дождей отцвѣтшею травою — слои этой травы, постепенно утолщаясь, гніютъ и образуютъ вязкую массу. Впрочемъ такихъ мѣстъ мало, большею же частью земля прекрасная — черноземъ, смѣшанный съ глиною, а мѣстами совершенно чистый и разсыпчатый. Возвращаясь домой, я зашелъ въ пильный японскій сарай. Бревна у нихъ для пилки кладутся однимъ концомъ на полъ, а другимъ на козелъ. Въ

этомъ же сараѣ строятъ и лодки. Отъ сарая я поднялся къ лѣсъ, растущій позади нашихъ верхнихъ строеній. Въ этомъ лѣсу я замѣтилъ небольшое строеніе, между деревьями на горѣ, и предполагалъ, что это долженъ быть японскій храмъ. Дѣйствительно, я не ошибся; но кто бы отгадалъ, чтó служитъ божествомъ этого храма? Внутренность храма и украшенія были совершенно такія же, какъ и въ прежде видѣнныхъ мною храмахъ, на среднемъ холмѣ нашего селенія. У входа висѣлъ такой же бубенъ. Желая посмотрѣть идола, помѣщеннаго въ небольшомъ шкафчикѣ, позади нѣсколькихъ занавѣсокъ, я раскрылъ ихъ и долго смотрѣлъ не вѣря глазамъ своимъ. Вмѣсто маленькой куклы, одѣтой въ богатый японскій костюмъ, служащей идоломъ у японцевъ, стоялъ позолоченный *phallus*, изображенный въ вертикальномъ положеніи. По обѣимъ сторонамъ шкафа находились два такихъ же идола, одинъ сдѣланный изъ камня, другой изъ дерева.

Послѣ завтрака, я поѣхалъ съ Рудановскимъ въ сосѣднее намъ селеніе, Пуруанъ-Томари, посмотрѣть рѣку того же имени. Я зналъ только устье этой рѣки; оно удобно для входа шлюпокъ и даже небольшихъ катеровъ. Мы пріѣхали къ рѣкѣ въ среднюю воду. Теченіе ея въ устьѣ было очень быстро, но въ самой рѣкѣ умѣренное. Въ саженяхъ 100 отъ устья перекинутъ черезъ рѣчку мостъ; подъ нимъ шлюпка можетъ удобно проходить. Поднимаясь выше, мы, такъ сказать, вертѣлись по извилинамъ рѣчки. Берега обросли высокою травою и камышникомъ. Безпрестанно встрѣчали мы логовища медвѣдей. Они ложатся на берегахъ рѣкъ караулить рыбу. Съ такими сосѣдями наше путешествіе было не безопасно, мы были вечеромъ, но безъ всякаго оружія; впрочемъ у меня былъ пистолетъ. Рѣчка, почти на всемъ теченіи, имѣетъ ширины не болѣе 3-хъ саженей. На обратномъ пути мы вышли у устья на берегъ для осмотра селенія. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ юртъ аинскихъ и 3-хъ или 4-хъ японскихъ сараевъ, и лежитъ въ ровной долинѣ. Земля—чистый черноземъ. Свободнаго мѣста отъ построекъ очень много. Приставать лодкамъ въ устьѣ рѣки кажется можно даже и въ большой бурунъ. И это-то прекрасное мѣсто на рѣкѣ хотѣлъ намъ показать японецъ, когда велъ Невельского изъ Томари по лайдѣ. Поселившись на немъ, мы были бы въ сторонѣ отъ японцевъ и не обезпокоили бы ихъ. Рудановскій чуть не въ отчаянье приходилъ, что занято не Пуруанъ-Томари. Къ обѣду мы воротились домой.

На другой день была очень дурная погода. Тепла было 4 гр., но вѣтеръ былъ очень сильный и по временамъ шелъ кру-

чатый снѣгъ, въ родѣ града. Вечеромъ, къ чаю, пришелъ къ намъ японецъ, воротившійся изъ Найпу, съ двумя своими товарищами. Японецъ этотъ очень болтливъ и любитъ пить. Разсчитывая, что отъ него можно много чего узнать, я угощалъ его чаемъ и ромомъ. Онъ написалъ мнѣ японскую азбуку. Я ему нарисовалъ карту Сахалина и Приамурскаго Края, показавъ, что весною изъ «Императорской гавани» и Камчатки придутъ въ Томари четыре русскихъ корабля. Карту эту онъ взялъ съ собою.

14-го числа, Рудановскій поѣхалъ на р. Сусую, на японской лодкѣ, съ десятидневнымъ запасомъ продовольствія. 12-го еще было послано, туда же, пятнадцать человѣкъ для сплавки лѣса. Погода стояла прекрасная, и я назначилъ этотъ день для прогулки и воспоминаній о прошедшемъ. Давно уже я не позволялъ себѣ этого удовольствія. Мѣстомъ гулянья я выбралъ себѣ сѣверный высокій мысъ. Взойдя на него, я пошелъ по окраинѣ крутыхъ горъ, составляющихъ берегъ залива. Погода была прекрасная. Уставъ немного отъ частыхъ подъемовъ и спусковъ, я сѣлъ подлѣ небольшой стѣнки, составленной изъ корбаснику (тонкихъ деревьевъ); на ней были навѣшаны древесныя метелки. Вѣроятно мѣсто это избрано аинами, по какому-нибудь особенному случаю, для принесенія жертвъ и поклоненія духамъ. Закуривъ сигару, я прилегъ, обернувшись къ отдаленной цѣпи горъ, въ направленіи къ с.-з. отъ меня. Мысли мои перенеслись черезъ эти горы; на быстрыхъ крыльяхъ мечты прилетѣли въ родной край, туда, гдѣ я оставилъ жену, то, чѣмъ я жилъ и оставилъ, быть можетъ, навсегда. Тяжело бѣдному сердцу — нѣтъ у него веселаго прошедшаго, нѣтъ и надежды на счастливое будущее. Вызывай, вызывай бѣдное сердце златокрылую, чудотворную мечту,—забилось сердце,—мечта на легкихъ крыльяхъ принесла и раскинула свѣтлую будущность.

Тихо шелъ я, возвращаясь домой; грустныя мысли и воспоминанія снова дали почувствовать мнѣ, что, для успокоенія себя, надобно предаться совершенно занятіямъ. На другой день я опять вздумалъ осмотрѣть рѣчку Пуруанъ и прилежащія къ ней горы и для этого пошелъ пѣшкомъ, взявъ съ собою фельдфебеля Кокорина съ ружьемъ. Дойдя до устья рѣки, мы начали пробираться по берегу вверхъ по рѣкѣ, но скоро встрѣтили такую густую траву, что рѣшительно невозможно было идти далѣе. Къ обѣду я вернулся домой. Узнавъ отъ посланнаго съ хлѣбомъ на р. Сусую, что плоты уже выведены изъ рѣки, я пошелъ, на другой день, на встрѣчу къ нему, взявъ съ собою

ружье и весь охотничій снарядъ. Это была первая моя охота и, къ удивленію моему, очень удачная. Пройдя до сосѣдняго селенія и не встрѣтивъ плота, я возвратился назадъ, настрѣлявъ паръ шесть куликовъ. Вечеромъ, въ 10-мъ часу, привели главную часть лѣса. Люди тащили его бичевою, идя по колѣно въ водѣ. Одинъ изъ нихъ до того окостенѣлъ, что его должны были на рукахъ принести въ казарму, гдѣ оттерли его спиртомъ и щетками. На слѣдующее утро я опять пошелъ на охоту, взявъ съ собою одного аина, который передъ тѣмъ уже двѣ ночи ночевалъ у меня на чердакѣ. Я хотѣлъ привязать къ себѣ кого-нибудь аина, чтобы узнавать отъ него объ странѣ и выучить его русскому языку; но вліяніе японцевъ надъ аинами такъ велико, что открытой приверженности къ русскимъ, казалось, никто изъ нихъ не смѣлъ бы выказать. По секрету, почти всѣ аины, приходившіе ко мнѣ въ гости, бранили японцевъ, говоря по-своему — сизомъ венъ-сизомъ аину койки, — русскій перикъ, т.-е. японецъ дурной, японецъ аина бьетъ, русскій — добрый, хорошій.

Они часто повторяли эти слова, надѣясь, что за это получатъ отъ насъ подарки. Мое положеніе, признаюсь, очень затруднительно — если бранить вмѣстѣ съ аинами японцевъ, то послѣдніе узнаютъ непремѣнно объ этомъ отъ преданныхъ къ себѣ аиновъ (а ихъ есть достаточно), и тогда довѣріе ихъ къ намъ совершенно уничтожится. Опять, хвалить японцевъ и держать ихъ сторону передъ аинами нельзя, не настращавъ тѣмъ аиновъ, что мы будемъ притѣснять ихъ за одно съ японцами. Я обыкновенно смѣялся и не отвѣчалъ, когда аины, приходившіе ко мнѣ, начинали бранить японцевъ. Аинъ, который рѣшился ночевать у меня, пришелъ къ намъ изъ селенія Сиретоку, находящагося въ 150-ти верстахъ отъ насъ. Онъ казался мнѣ бродягою и потому вѣроятно и согласился быть почти слугою въ моемъ домѣ. Я разъ замѣтилъ, что нашъ аинскій старшина бранилъ его, вѣроятно за то, что онъ служитъ русскимъ; я погрозилъ старшинѣ и тотъ отошелъ.

Возвращаясь съ охоты, я завелъ разговоръ съ моимъ аиномъ. Онъ что-то горячо началъ разсказывать; сначала я не понялъ его, но начавъ внимательно слѣдить за его жестами и словами, которыхъ я уже довольно много понималъ, я увидѣлъ, что аинъ мой объясняетъ мнѣ, что старшина нашего селенія сговаривалъ японцевъ перерѣзать русскихъ. Я началъ смѣяться, чтобы тѣмъ показать моему аину, что русскіе не боятся этихъ заговоровъ и объяснилъ ему, что если тронутъ хоть одного русскаго, то мы разнесемъ всѣ селенія и убьемъ всѣхъ японцевъ

и худыхъ аиновъ. Онъ очень радовался и смѣялся, что японцы думаютъ убить русскихъ; но часто повторялъ — Айно-дженче томари-венъ-айна джанче унено сизомъ, т.-е.: аинскій старшина Томари (селенія) дурной аинскій старшина, за одно съ японцами. Послѣ обѣда я пошелъ съ Самаринымъ въ главный домъ японцевъ. Аинъ нашъ пошелъ съ нами, надѣлъ платье, которое я ему подарилъ,—теплую синюю рубашку, суконныя брюки и сапоги. Въ домѣ застали мы, около очага, трехъ японцевъ и нѣсколькихъ аиновъ. Насъ приняли съ большими любезностями и начали угощать чаемъ. Желая показать аинскому старостѣ, что я сердитъ на него, я не обращалъ вниманія на его услуги. Замѣтивъ это, онъ ихъ удвоилъ. Напившись горькаго японскаго чаю, мы воротились домой въ сопровожденіи старшины, который, чтобы польстить мнѣ, хвалилъ аина, который жилъ у меня. Аинъ этотъ, между прочимъ, что-то разсказывалъ мнѣ про одного японца, который живетъ въ селеніи Найкероконговъ (по восточному берегу Анивы), прося меня, чтобы я поѣхалъ туда и привезъ бы его оттуда. Желая узнать въ чемъ дѣло, а главное, желая имѣть свѣдѣнія о неосмотрѣнномъ еще никѣмъ берегѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать расположеніе селеній, число жителей и ихъ жизнь, я рѣшился послать Самарина съ 5-ю казаками проѣхать до мыса Анива (въ 150 в. отъ Томари) и описать все, что онъ увидитъ.

18-го числа утромъ, онъ уѣхалъ на рыбацкой лодкѣ, взявъ съ собою аина, жившаго у меня.

19-го числа, 30 матросовъ перешли изъ японскаго сарая въ готовую № 1 казарму. Пекарня уже недѣлю передъ тѣмъ была окончена. Этого числа былъ вымѣненъ первый соболь на товары за 2 р. 50 к. с. Его принесъ аинъ, пріѣхавшій изъ Найну съ 10-ю японцами, между которыми были старшій джанче и его совѣтники. Продавая соболя, аинъ просилъ не говорить японцамъ, что онъ продалъ его. 20-го числа, японскій джанче пришелъ ко мнѣ съ своими товарищами. Я ихъ угостилъ жареною дичью и чаемъ. Видно, что японцы увѣрились, что имъ нечего насъ бояться, и они дружески и свободно бесѣдовали со мною. На другое утро былъ со мной смѣшной случай. Я пошелъ посмотрѣть на рабочихъ у заложенной бани. Трое работниковъ несли бревно; вдругъ японецъ, старый знакомый мой, любитель саки (водки), подбѣжалъ къ нимъ и понесъ вмѣстѣ бревно, ставъ на тотъ конецъ, гдѣ несъ одинъ человѣкъ; положивъ на мѣсто бревно, онъ объяснилъ, что нехорошо, что у одного конца двое, а у другого одинъ. Видно было, что онъ уже выпилъ немножко. Онъ началъ упрашивать меня, чтобы я

пошелъ къ нему въ гости. Я согласился и онъ повелъ меня за руку. Мы прошли нижнюю площадь и повернули къ аинскимъ юртамъ. Въ одну изъ нихъ онъ безъ церемоніи втолкнулъ меня. Въ ней сидѣли у огня 4 аина; молодая женщина плела рогожки въ сторонѣ. Усадивъ меня, японецъ началъ угощать вареною водкою. Попробовавъ немного, я поставилъ чашку. Японецъ чуть не силою хотѣлъ заставить меня пить. Я сердито оттолкнулъ его, и аины начали бранить его. Онъ былъ уже совершенно пьянъ. Не желая продолжать подобную бесѣду, я вышелъ изъ юрты. Японецъ не отставалъ отъ меня. Когда пришлось переходить черезъ грязь, то онъ вздумалъ-было, чтобы я его перенесъ, и уже ухватился за мою шею; я его сбросилъ и погрозилъ, объясняя, что русскій джанчинъ не можетъ носить на своихъ плечахъ японцевъ. Шатаясь, добрался онъ до моего дома, гдѣ, сѣвъ на постель Рудановскаго, свалился и заснулъ. Послѣ обѣда уже я кое-какъ выпроводилъ его отъ себя.

22-го октября, въ день Казанской Божіей Матери, остальные матросы перешли въ оконченную 2-ю казарму, и поэтому день былъ шабашъ и собирались для общей молитвы въ казармѣ № 1. На другой день заложили третью казарму.

25-го октября.—25-го числа, въ воскресенье, пріѣхали изъ экспедиціи Рудановскій и Самаринъ. Первый съ большими трудами пробрался по р. Сусуѣ до 48°. Рѣка, по его донесенію, хотя можетъ служить на этомъ пространствѣ для судоходства, но съ большими затрудненіями. Теченіе очень быстро; много есть свалившихся въ воду деревъ, берега обросли непроходимою густою травою. Послѣднія два неудобства могутъ быть устранены. Мѣста по рѣкѣ превосходныя, по словамъ Рудановскаго. Горы Нупури и огромныя долины чрезвычайно живописны. Есть много березовыхъ рощъ. Я желалъ, чтобы онъ узналъ путь соединенія Сусуи съ Найпу, но не найдя проводника, да и не имѣя довольно продовольствія, онъ не могъ этого исполнить. Ему хотѣлось еще ѣхать на Сусую съ мѣсячнымъ запасомъ продовольствія, для того чтобы отыскать источникъ рѣки; онъ полагалъ, что Сусуя должна вытекать изъ большого озера. Но извѣстія, привезенныя Самаринымъ, требовали описаній еще болѣе важныхъ мѣстъ. Самаринъ, пробираясь къ Сиретоку, случайно открылъ гавань у селенія Тюпучи въ верстахъ 70-ти отъ нашего селенія. Гавань эта, названная имъ моимъ именемъ въ рапортѣ его ко мнѣ, по описанію и чертежу его имѣетъ большія удобства. Входъ 100 с. ширины, глубина его отъ 2 до 4 саж. въ малую воду, заливъ верстъ 7 ширины, закрытъ со всѣхъ сторонъ. Большая рѣка, протекая изъ озера, впадаетъ въ него. Тотчасъ

же было рѣшено, что Рудановскій поѣдетъ подробно изслѣдовать открытую гавань. Самаринъ привезъ еще извѣстіе, что недалеко отъ Сиретоку должны быть золотыя розсыпи. Аины и мнѣ говорили, что на Сахалинѣ есть золото, но гдѣ именно, я не могъ узнать. Прикащикъ Розановъ, бывшій на пріискахъ въ Сибири, нашелъ, что камни, привезенные Самаринымъ, показываютъ присутствіе золота. Поссорившись снова съ Рудановскимъ о бездѣлицѣ, о которой не стóитъ и говорить, я наконецъ отправилъ его, 29-го числа, съ 5-ю чел. описывать гавань, давъ продовольствія на 15 дней. Между тѣмъ былъ найденъ, въ 5-ти верстахъ отъ поста, у третьяго селенія отъ него къ сѣверу, лѣсъ на горахъ, довольно хорошій и удобный къ спуску въ море, потому что растетъ близко у окраины высокаго крутого берега. Тотчасъ же отправлены были 10 человѣкъ. Черезъ 2 дня работы они привели 40 лѣсинъ.

1-го ноября.—Сегодня, въ воскресенье, отправилъ я Самарина, Розанова и съ ними пять матросовъ на пріиски золота. Они пошли пѣшкомъ, понеся на себѣ на двѣ недѣли продовольствія и всѣ нужные инструменты; дай Богъ, чтобы пріиски были успѣшны.

Японцы начали часто ходить ко мнѣ. Вчера принесли ко мнѣ какое-то свое кушанье. Я подарилъ имъ утку. Они, кажется, очень полюбили дичь, которую вообще не ѣдятъ въ Японіи. Самаринъ покупалъ у нихъ за сукно чугунные котлы, а они попросили куликовъ и очень благодарили, когда я послалъ имъ ихъ.

3-го ноября.—Въ третьемъ часу пришелъ ко мнѣ старшина аиновъ нашего селенія. Зная, что я сердитъ на него, онъ уже давно пересталъ ходить къ намъ. Сегодня можетъ быть японцы послали его ко мнѣ. Войдя, онъ всталъ на колѣни и нѣсколько разъ кланялся до земли. Потомъ дѣлалъ поклоны въ разныя стóроны, а также и распятію, висящему въ углу комнаты. Кончивъ поклоны, онъ сѣлъ у дверей, чтó прежде онъ никогда не дѣлалъ, всегда прямо подходя ко мнѣ здороваться. Подозвавъ его ближе къ себѣ, я продолжалъ писать. Съ нимъ пришли еще два аина; я ласково поклонился имъ. Старшина, посидѣвъ немного, началъ прощаться, хватая меня за руку и низко кланяясь и не упустилъ выпросить у меня сигару. Спустя нѣсколько времени, я пошелъ самъ въ домъ японцевъ и пилъ у нихъ чай. Они показали мнѣ рисунокъ, представлявшій японскую женщину. Живопись очень плохая, не лучше нашихъ лубочныхъ картинъ.

Сегодня, въ 10-мъ часу вечера, при половинѣ градуса тепла

выпалъ небольшой снѣгъ, болѣе похожій на густой иней; земля однако побѣлѣла.

4-го ноября.—Сегодня, почти въ продолженіи всей ночи шелъ небольшой снѣгъ при 1° холода. Къ утру выпало его на $1^1/_2$ четверти. Небо облачно, но нѣсколько лучей солнца прорвавшись освѣтили горы противоположнаго берега залива. Отблескъ снѣга, покрывшаго ихъ, принималъ сквозь небольшой туманъ и снѣгъ, носившійся надъ заливомъ, различные радужные цвѣта, освѣтившіе горы какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ. Есть картины природы, которыя самый великій артистъ не въ силахъ возсоздать. Къ завтраку моему собралось 6 человѣкъ аиновъ, а передъ обѣдомъ, одинъ изъ нихъ принесъ мнѣ шкуру какого-то неизвѣстнаго мнѣ мѣха. Я далъ ему за нее, изъ пакгауза, шелковый платокъ. Аинъ этотъ зналъ японскую грамоту и не хотѣлъ пить ромъ. Онъ много бесѣдовалъ со мной и, разсматривая наши пушки, объяснилъ, что у японцевъ то же есть пушки и бомбы. На вопросъ мой, есть ли теперь у нихъ пушки на Сахалинѣ, онъ отвѣчалъ, что есть 3 большихъ и 4 малыхъ, и онѣ находятся въ Томари.

5-го ноября. — Морозъ усилился. Ночью доходилъ до —8°. Погода ясная. Поутру приходилъ ко мнѣ аинъ съ ребенкомъ-дѣвочкой лѣтъ 3-хъ. Я подарилъ ей мячикъ и сахару. Отецъ радовался больше ребенка. Аины вообще очень любятъ дѣтей своихъ, и весьма нарядно одѣваютъ ихъ, обвѣшивая бусами и мѣдными вещицами. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный аинъ, извѣстный уже мнѣ какъ большой пьяница. Онъ привелъ съ собою свою жену и, сколько я могъ понять—съ цѣлью пожертвовать вѣрностью ея супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня хорошіе подарки. Аинка, довольно красивая собою, казалось, готова была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ объясненій. Подаривъ ей, за принесенныя ею рѣдьки, нѣсколько пуговицъ, иголку, нитокъ и сахару, я отпустилъ ихъ отъ себя, пославъ аина перевязать у нашего фельдшера раненую его руку. Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоніи, передъ моимъ окошкомъ и въ виду часового, отдали долгъ природѣ. Вообще аинка эта не показывала большого женскаго стыда. Груди ея почти не были закрыты ничѣмъ. Аинки носятъ такое же платье какъ и мужчины, т.-е. нѣсколько распашныхъ короткихъ халатовъ, низко перепоясанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ не имѣютъ, и потому малѣйшій безпорядокъ въ ихъ платьѣ выказываетъ всѣ скрытыя прелести.

6-го ноября.—День рожденія любимой сестры моей. Да бла-

гословитъ Богъ ее и семейство ея! Мой слуга Карлъ ночью захворалъ довольно серьезно. Морозъ доходилъ утромъ до 10°. Повидимому, зима началась—для 46° с. ш. это очень рано.

7-го ноября.—Приходилъ ко мнѣ японецъ. Разсматривая географическій атласъ, онъ срисовывалъ положеніе Японіи, Китая и Россіи. При этомъ я немножко увеличилъ наши владѣнія, смежныя съ Китаемъ, присоединивъ къ намъ рѣку Амуръ и прибрежье Татарскаго пролива до 47° с. ш. Разсматривая гравированныя картинки изъ исторіи французской революціи Тьера, онъ восхищался портретами королевы и другихъ знаменитыхъ женщинъ этой эпохи. Я показалъ ему даггеротипъ, снятый съ кузинъ моихъ. Ему очень понравилось лицо старшей кузины моей и онъ спросилъ, не жена ли это моя. Многіе изъ аиновъ спрашивали меня, пріѣдутъ ли жены къ русскимъ, и когда я сказалъ что пріѣдутъ, они показывали знаки радости. Если это не было притворно, то это значитъ, что они желаютъ, чтобы русскіе остались навсегда жить на Сахалинѣ. Я такъ понялъ цѣль и значеніе ихъ вопросовъ. Мой гость японецъ, между прочимъ, спросилъ меня, поѣдутъ ли русскіе въ Нангасаки, потомъ нарисовалъ довольно порядочно изображеніе человѣка; по одеждѣ я видѣлъ, что это долженъ былъ быть китаецъ; японецъ, показывая на свою картинку, показывалъ знаками, что китайцы пріѣзжаютъ въ Нангасаки.

8-го ноября.—Въ третьемъ часу по полудни, Самаринъ возвратился съ пріисковъ золота. Пріиски эти были неудачны, морозы и снѣгъ служили, конечно, главною причиною неудачи. Признаковъ присутствія золота много. Изъ сдѣланной промывки на р. Отосами получили осадокъ тяжелаго песку, который, по словамъ прикащика Розанова, всегда бываетъ смѣшанъ съ золотомъ. Цѣль экспедиціи была пройти до селенія Сиретову къ мысу Анива, гдѣ, по свѣдѣніямъ аиновъ, есть много золота. Морозы и снѣгъ не позволили Самарину идти далѣе къ селенію Хорахпуни, почему онъ и рѣшился произвести опыты у этого селенія и Отосами. Самаринъ принесъ мнѣ образчики различныхъ породъ камней, и нѣсколько кусковъ мѣдной и желѣзной руды. Между каменьями я нашелъ породы яшмы. Мѣдной руды, по словамъ Самарина, очень много. Рѣка Отасамъ, протекающая черезъ озеро, названное Самаринымъ Рыбнымъ, по разсказамъ аиновъ, въ теченіи своемъ близко подходитъ къ рѣкѣ, текущей въ заливъ Хорахпуни (названный моимъ именемъ), такъ что переходъ изъ одной рѣки въ другую долженъ быть удобенъ.

9-го ноября. — Когда мы пили чай поутру съ Самаринымъ, пришелъ аинъ съ просьбою перевязать ему рану, сдѣланную

ножемъ въ лѣвый бокъ другимъ аиномъ. Причину этой драки онъ не хотѣлъ сказать, но только спросилъ, пріѣдутъ ли русскіе корабли въ Томари. Повидимому, расправа на ножахъ есть дѣло обыкновенное между аинами. Послѣ завтрака моего я принималъ визитъ старшинъ японскихъ. Они разсматривали сочиненіе Головнина и были очень удивлены, что русскіе имѣютъ карты нѣкоторыхъ гаваней Японіи. По уходѣ ихъ, пришелъ старшина аиновъ съ однимъ изъ аиновъ нашего селенія. Старшина былъ одѣтъ въ хорошо спитую шубу. Онъ мнѣ, какъ и въ послѣдній разъ, дѣлалъ много поклоновъ, ставъ на колѣни, и сѣлъ сначала у печки на полу, а потомъ уже пересѣлъ къ письменному столу моему. На просьбу его дать водки, я велѣлъ подать двѣ рюмки. Старшина выждалъ, когда выпилъ аинъ свою рюмку, потомъ продѣлалъ всѣ спрыскиванія и подозвалъ къ себѣ аина; давъ ему свою рюмку, онъ что-то сказалъ ему и тотъ хлебнулъ немного вина и подалъ обратно, оставаясь стоя на ногахъ. Старшина тотчасъ ему шепнулъ и тотъ всталъ на колѣни передъ нимъ. Комедія эта была со старшиной играна для меня, чтобы показать всю его важность. Прощаясь, онъ всталъ самъ на колѣни передъ мной и объяснялъ, что хочетъ дружнымъ быть со мной, говоря: «русска джанче-айно джанче-перика». Я ему объяснилъ что если айно будетъ хорошъ къ русскому, такъ и русскій будетъ хорошъ для айно; но если айно будетъ дуренъ, то и русскій будетъ дуренъ.

12-го ноября. — Кажется, зима хочетъ установиться. Снѣгу выпало много и термометръ не поднимается выше +3°. Во время завтрака пришелъ грамотный аинъ, старый знакомый мой. Онъ очень понятливъ и потому съ нимъ легко объясняться. Онъ повидимому желаетъ выучиться по-русски, спрашиваетъ слова и записываетъ ихъ. Онъ, на разспросы мои объ манжурахъ и гилякахъ, объяснилъ, что на Сахалинѣ торгуютъ съ аинами и японцами три народа манжу, они носятъ косы и длинныя бороды; Санта—заплетаютъ волосы тоже въ косы, но бороды имѣютъ малыя, ихъ онъ тоже называлъ Ороку, говоря что это все равно. Я полагаю, что Санта или Ороку должны быть гиляки. Третій народъ называется Симѐри, и, по словамъ аина, они отличаются особенно большими бородами. Санта, т.-е. гиляки, пріѣзжаютъ торговать въ селеніе Носоро, на западномъ берегу Сахалина. Въ Аниву японцы не пускаютъ ихъ. Изъ многихъ разговоровъ съ аинами можно заключить, что настоящій правитель на Сахалинѣ отъ японскаго правительства пріѣзжаетъ въ Аниву только на лѣто.

Къ обѣду, въ 3-мъ часу, Рудановскій возвратился изъ двух-

недѣльной экспедиціи къ с. Сиретоку. Его выбросило на берегъ у селенія Пуруанъ-Томари и онъ пришелъ оттуда пѣшкомъ. По его разсказамъ, онъ много перенесъ трудовъ. Результатъ экспедиціи довольно удачный. Заливъ Таонучи, по осмотрѣ, оказался удобною гаванью для зимовки судовъ малаго ранга. Входъ довольно затруднительный, потому что фарватеръ извилистъ и узокъ. Берегъ Анивы до селенія Сиретоку осмотрѣнъ и нанесенъ на карту. Берегъ этотъ еще до сихъ поръ не былъ осмотрѣнъ европейцами. Сама экспедиція принесла пользу еще и въ томъ отношеніи, что познакомила насъ съ внутреннимъ бытомъ аиновъ. Щедрый платежъ проводникамъ и за ночлеги въ селеніяхъ вѣроятно расположилъ аиновъ къ намъ.

13-го ноября. — Число больныхъ ежедневно прибавляется. Трудныхъ пока, благодаря Бога, нѣтъ; многіе больны ушибами и обрѣзами. Нашъ слуга аинъ, названный нами «Чокай», опять ночевалъ у насъ. Онъ разсказываетъ теперь, что японцы сговариваются убить русскаго джанчина (т.-е. меня) ночью. Этотъ любезный проектъ они отложили до весны, когда пріѣдутъ съ Мацленя ихъ джонки. Чокай говоритъ, что онъ тогда вмѣстѣ съ нами умретъ.

15-го ноября.—Сегодня, утромъ въ 11-мъ часу померъ хорошій и веселый матросъ Сизый. Онъ имѣлъ дней десять тому назадъ зубную боль. Отъ боли этой распухла щека. Когда опухоль пропала, онъ вышелъ на работу; черезъ два дня снова появилась опухоль и быстро обхватила всю шею и всю внутренность рта. Я приказалъ перевести его спать въ баню, гдѣ гораздо теплѣе, чѣмъ въ казармѣ. Вчера, въ субботу, когда баня понадобилась, перенесли его, закутаннаго, въ пекарню. Сегодня вдругъ приходитъ фельдшеръ съ извѣстіемъ, что Сизый умеръ. Утромъ еще онъ пилъ чай и говорилъ съ товарищами. Вѣроятно нарывъ въ горлѣ задушилъ его. Непонятно это, какъ отправлять въ экспедицію 70 ч. людей, не назначивъ къ нимъ доктора!

17-го ноября. — Поутру хоронили бѣднаго Сизаго. Погода уже другой день стоитъ ужасная. Снѣгъ идетъ безпрерывно; шквалы сильнаго вѣтра опять нанесли цѣлые холмы снѣгу. Въ избѣ моей нельзя топить печку, потому что дымъ выкидываетъ въ комнату. Холодъ невыносимый, невозможно ничего писать, руки зябнутъ. На воздухѣ морозъ не великъ, около — 2° только, но признаюсь, такая температура для внутренности жилья непріятна.

30-го ноября.—Право, я долженъ благодарить судьбу, что она дала мнѣ такой счастливый характеръ; другой на моемъ мѣстѣ

давно бы пришелъ въ отчаянье отъ скуки. Оставивъ Петербургъ, гдѣ я провелъ свою молодость въ кругу добрыхъ родныхъ, унеся изъ него чувство безнадежной любви, я въ четыре мѣсяца перешелъ черезъ пространство 14,000 в., гдѣ судьба бросила меня на невѣдомый островъ, гдѣ я долженъ оставить на долгое время надежду получить какую-нибудь вѣсточку съ родного края. Казалось бы, довольно судьбѣ испытывать меня; но нѣтъ, она дала мнѣ въ товарищи людей, которые только увеличиваютъ непріятность жизни. Самаринъ своею вѣжливостью, лѣнью и странностью понятій если и не наскучиваетъ мнѣ, то уже конечно не можетъ интересовать или веселить меня. Рудановскій же составляетъ дѣйствительную отраву. Его безпрестанныя рѣзкія выходки, какая-то особенно обидная манера говорить, часто наводятъ меня на мысль удалить его совсѣмъ отъ дѣлъ. Я чувствую, что этимъ я много поврежу пользѣ экспедиціи, отнявъ единственнаго человѣка, который можетъ дѣлать карты неизвѣстныхъ еще никому береговъ и внутреннихъ мѣстъ острова. Но, кажется, мое терпѣніе не выдержитъ. Сегодня опять была непріятная сцена изъ пустяковъ. Я поручилъ ему, по его желанію, составить списокъ товаровъ, которые ему надо будетъ взять для экспедиціи къ Маинѣ. Занимаясь этимъ, онъ спросилъ, есть ли въ пакгаузѣ гребенки, и узнавъ, что ихъ есть всего только шесть, онъ захотѣлъ изъ нихъ взять двѣ, для подарковъ аинамъ, которые никогда не чешутся и слѣд. не нуждаются въ гребняхъ. Я замѣтилъ ему, что не слѣдуетъ брать гребенокъ, потому что ихъ такъ мало, что на нашихъ матросовъ не достанетъ.—«Такъ мнѣ ничего не надо», рѣзко отвѣтилъ онъ, оттолкнувъ отъ себя бумагу, на которой писалъ. Ну, есть ли возможность ужиться съ такимъ человѣкомъ! По долгу службы, по настоящему слѣдуетъ остановить рѣшительнымъ поступкомъ такое неповиновеніе и неуваженіе къ своему начальнику. Въ подобныхъ случаяхъ частныя отношенія не имѣютъ мѣста, и потому, если я согласенъ переносить подобныя выходки какъ частный человѣкъ, какъ старшій офицеръ я не имѣю права это дѣлать.

6-го декабря. — Въ субботу, 5-го декабря казарма № 3-й была совершенно окончена. Она вышла красивѣе и удобнѣе всѣхъ другихъ строеній и выстроена изъ лѣсу, привезеннаго нами съ р. Сусуи и частью съ сосѣднихъ горъ. Я назначилъ большое празднество на сегодняшній день, по случаю тезоименитства императора. Для этого празднества выбрана была новая казарма, незанятая еще кроватями. Ротный образъ перенесли изъ 1-й казармы и поставили на красиво убранномъ столѣ. Въ половинѣ

11-го, команда, одѣтая въ мундиры, выстроилась для молитвы. Я одѣлся въ сюртукъ съ шарфомъ и саблей. Войдя въ казарму, я засталъ тамъ толпу японцевъ и аиновъ. Они оставались въ продолженіи молитвы и кажется были поражены, когда вся команда запѣвала молитвы. По окончаніи молитвы, принесены были пироги съ рыбой и рисомъ и разложены по столамъ, уставленнымъ вокругъ стѣнъ и покрытыхъ бѣлымъ полотномъ. На серединѣ комнаты былъ поставленъ небольшой столикъ съ закуской для офицеровъ и мискою рому для команды. Наливъ рюмку рому, я провозгласилъ тостъ за Государя Императора, и при крикѣ ура и салютѣ изъ всѣхъ орудій выпилъ заздравную чарку. Командѣ я велѣлъ выпить по чаркѣ крѣпкаго рому, способнаго опьянить даже и привычнаго матроса. Японцы и аины тоже получили по рюмкѣ рому и аладьи съ патокою. Переодѣвшись въ буршлаты, матросы собрались обѣдать. Для нихъ приготовили супъ, кашу и пшеничные аладьи съ патокой. Въ четыре часа освѣтили казарму тремя деревянными люстрами и нѣсколькими треугольниками со свѣчами по стѣнамъ. Я отпустилъ отъ себя, для угощенія команды, чаю и сахару. Три самовара съ завареннымъ въ нихъ чаемъ поставлены были въ казармѣ, и люди вдоволь могли пить любимый напитокъ свой. Хоры матросовъ и камчатскихъ казаковъ попеременно пѣли пѣсни. Скоро начались танцы и игры. Въ 8-мъ часу я роздалъ отъ себя по чаркѣ краснаго вина; это еще поддало веселья. Вечеромъ только трое аиновъ пришли смотрѣть на нашъ праздникъ, остальные уѣхали на Сусую, гдѣ готовили пиршество по случаю поимки медвѣдя. Аинъ Хайру, постоянно живущій у насъ и имя котораго, наконецъ, мы узнали, совершенно предался намъ. Недѣли двѣ тому назадъ, онъ приходилъ мнѣ жаловаться, что японцы его били за то, что онъ ночуетъ у русскихъ и служитъ имъ. Я уже рѣшился-было самъ пойти къ японцамъ, чтобы разузнать объ этомъ, но встрѣтивъ двухъ старшинъ изъ нихъ, Мару-Яма и Яма-Мадо, у Самарина въ пакгаузѣ, началъ спрашивать у нихъ, правда ли, что они били Хайру. Они отрицали, но въ это время вышелъ самъ Хайру и очень горячо повторилъ передъ японцами, что они его били. До меня дошелъ уже слухъ, что японцы, объѣзжая селенія аиновъ, запрещали имъ служить или продавать что-нибудь русскимъ, да часто и на дѣлѣ мнѣ приходилось убѣждаться, что эти слухи справедливы. Поэтому, я нашелъ нужнымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы высказать японцамъ, что я сердитъ на нихъ, и если нужно, погрозить имъ, чтобы не дать имъ излишней смѣлости, или дерзости въ сношеніяхъ съ нами. Принявъ

сердитый тонъ, я сказалъ, что если они будутъ худо обращаться съ русскими, то и русскіе съ ними будутъ то же дѣлать; что я знаю, что они запрещаютъ аинамъ намъ промѣнивать самые нужные для насъ продукты, какъ, напр., свѣжую рыбу; что, наконецъ, они бьютъ тѣхъ аиновъ, которые намъ оказываютъ какія-нибудь услуги. Яма-Мадо отговаривался, что Хайру неправду говоритъ, что если аины принесутъ что-нибудь русскимъ, то это хорошо.

Сердитый тонъ, съ которымъ я высказалъ свое неудовольствіе, подѣйствовалъ на японцевъ. Они стали присылать къ намъ разныя угощенія, предложили доставлять намъ кормъ для щенковъ, которыхъ мы достали отъ аиновъ. Я тоже посылалъ къ нимъ подарки, между которыми имъ больше всего понравился экстрактъ пунша. Въ воскресенье, я пошелъ къ нимъ съ Самаринымъ и Рудановскимъ, чтобы отдать имъ визитъ на ежедневныя посѣщенія ихъ послѣ нашей ссоры. Они много угощали насъ и показывали свой календарь, объяснивъ, что у нихъ черезъ каждые десять дней праздникъ. Мы объяснили имъ, что у русскихъ шесть дней работаютъ, а въ седьмой день праздникъ и работы нѣтъ. Хайро еще болѣе привязался къ намъ, когда увидѣлъ, что я заступаюсь за него и что японцы не посмѣютъ его трогать. Онъ работаетъ у насъ, носитъ дрова, прибираетъ комнату. За то ему и хорошее и выгодное житье у насъ. Кромѣ одежды, онъ получаетъ отъ насъ табакъ, чай, сахаръ. Обѣдаетъ вмѣстѣ съ казакомъ Березкинымъ, который находится вѣстовымъ при Рудановскомъ. Онъ очень подружился съ Березкинымъ. Это очень выгодно, потому что Березкин учится отъ него языку и теперь уже объясняется съ нимъ довольно хорошо. Въ день праздника Хайро одѣлся очень нарядно, по его мнѣнію. На немъ было суконное пальто, свер его красная фланелевая рубашка, русскіе сапоги. Двумя по сатыми яркихъ цвѣтовъ шарфами онъ, съ помощью Березки одрапировался очень оригинально. Въ этомъ нарядѣ онъ гор расхаживалъ передъ аинами, собравшимися къ нашей молит

Вечеромъ, когда праздникъ былъ въ разгарѣ, онъ пришел въ какой-то восторгъ. Видно, что ему очень нравилась жиз и веселье русскихъ. Я, конечно смѣясь, спросилъ его, хочетъ онъ поѣхать со мной въ Россію, когда пріѣдутъ наши кораб Этотъ вопросъ его обезпокоилъ и онъ началъ просить, чтобы его не бралъ съ Сахалина: любовь къ родинѣ сильна и у д карей. Я съ трудомъ увѣрилъ его, что я пошутилъ. Онъ ста очень понятливъ, такъ что малое число словъ, которое я знал достаточно, чтобы объясняться съ нимъ, разумѣется, о самы

обыкновенныхъ вещахъ. Въ субботу приходили японцы Мару-Яма, Яма-Мадо и Асануя и съ ними четвертый японецъ, который принесъ съ ними козулю для нашихъ собакъ. Они не хотѣли-было ничего брать за нее, но наконецъ приняли въ подарокъ бутылку любимаго ими экстракта пуншу. Цѣль прихода ихъ была пригласить насъ поѣхать въ селеніе Сусую, присутствовать при празднествѣ по случаю поимки медвѣдя. На другой день, во время нашего праздника, пришелъ аинъ изъ Сусуи, хозяинъ медвѣдя, пригласить насъ, объясняя, что онъ пріѣдетъ утромъ за нами на собакахъ. Дѣйствительно, на другой день рано утромъ онъ пришелъ сказать, что собаки готовы. Я поспѣшилъ одѣться и отправился съ Рудановскимъ. Къ намъ выѣхали двѣ нарты, каждая въ семь собакъ. Я въ первый разъ видѣлъ собачью упряжь. Она очень проста у аиновъ и неудобна. Нарты — узенькія, не болѣе фута ширины, санки и длиною въ сажень, сдѣланныя изъ тонкаго переплета толстыхъ прутьевъ и тонкихъ дощечекъ. Къ передней части нарты, нѣсколько приподнятой, прикрѣплена толстая веревка. Къ этой веревкѣ привязываются собаки за шею тонкими ремнями, не попарно а черезъ одну. Каюръ, или по нашему кучеръ, имѣетъ въ рукахъ конецъ веревки, привязанный къ средней веревкѣ, тотчасъ позади ближайшей къ нартѣ собаки. Этою веревкой онъ можетъ притягивать къ себѣ собакъ; но такъ какъ это недостаточно, чтобы удержать ихъ, то въ правой рукѣ у него есть палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, которую онъ, для остановленія нарты, втыкаетъ въ снѣгъ подъ нартою, упирая палку объ одну изъ перекладинъ связывающихъ нарту. При поворотахъ налѣво аинъ кричитъ «кехъ, кехъ», погоняя—«тохъ, тохъ». Мы должны были ѣхать по лайдѣ залива (лайдою называется часть прибрежья, покрываемая во время прилива водою). Дорога была очень дурна. Снѣгу мало, такъ что мѣстами видѣнъ былъ голый песокъ. Множество наносныхъ кокоръ и кусковъ льду заставляли постоянно остерегать ноги, чтобы не удариться ими. Несмотря на это, мы ѣхали довольно скоро. Рудановскій нѣсколько разъ падалъ съ своею партіею. Я былъ счастливѣе и только разъ опрокинулся.

По пріѣздѣ нашемъ въ селеніе Сусую, насъ встрѣтила толпа аиновъ и трое японцевъ. Мы пошли къ юртамъ и у одной изъ нихъ увидѣли медвѣдя въ деревянной клѣткѣ, несчастнаго героя торжества. У аиновъ есть какое-то религіозное почитаніе медвѣдя. Не могу сказать навѣрно, считаютъ ли они его божествомъ. Не зная ихъ языка, я еще не могъ до сихъ поръ добиться, въ чемъ у нихъ состоитъ религія. Идоловъ у нихъ нѣтъ. Ихъ древесныя метелки, называемыя «инау», служатъ, какъ кажется, только знакомъ поклоненія

или жертвъ. Солнце, луну и огонь они почитаютъ божествами и поклоняются имъ; кромѣ того, кажется, они то же покланяются и многимъ звѣрямъ, а между ними и медвѣдю, котораго они то же называютъ «камуй», (богъ), какъ и огонь или солнце. Празднество, котораго я былъ свидѣтель, показываетъ какъ они уважаютъ своихъ боговъ. Около клѣтки была большая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Мужчины имѣли на себѣ обыкновенное платье. Женщины немного нарядились и украсились серьгами и бусами. Между молодыми дѣвушками были нѣкоторыя довольно хорошенькія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ низкими черными глазами; но обычай красить губы синею краской очень обезображиваетъ ихъ. Дѣти были очень нарядно одѣты. Видно, что все щегольство аиновъ состоитъ въ одеждѣ дѣтей ихъ. Многія изъ маленькихъ дѣвочекъ имѣли короткіе халатики изъ пестрыхъ бумажныхъ матерій, покупаемыхъ отъ японцевъ и манжуровъ. Огромныя бусы фарфоровыя, большею частью голубого цвѣта, навѣшаны были на нихъ нѣсколькими нитками. Насъ пригласилъ войти въ юрту хозяинъ медвѣдя. Она была полна народу; мужчины, женщины и дѣти чуть не сидѣли другъ на другѣ. Намъ дали почетныя мѣста, гдѣ уже сидѣли японцы. Ихъ было трое, но еще пришелъ четвертый Асануя. Этотъ японецъ, третій по старшинству, очень мнѣ нравится. Онъ любимъ и аинами. Мару-Яма и Яма-Мадо не было на праздникѣ. Насъ начали угощать. Я ничего не могъ ѣсть, потому что все приготовлено было неопрятно и на нерпячьемъ жиру. Было два главныя кушанья—рисъ на жиру и коренья, какъ кажется, съ китовымъ жиромъ. Саки — напитокъ приготовленный изъ рису и похожій на кислое молоко, очень пріятнаго вкуса. Въ немъ много газовъ и онъ пѣнится, а если его выпить стакана три, то можно порядкомъ опьянѣть. Я подарилъ хозяйкѣ дюжину пуговицъ и роздалъ всѣмъ бывшимъ въ юртѣ женщинамъ по одной перламутровой пуговицѣ. Посидѣвъ нѣсколько у очага мы вышли смотрѣть, какъ будутъ наряжать медвѣдя; эта операція требовала большой ловкости. Хотя медвѣдь еще былъ очень молодъ, однако уже столько свирѣпъ и силенъ, что легко могъ бы многихъ передавить. Послѣ долгихъ усилій наконецъ удалось аинамъ накинуть на шею медвѣдя петлю съ двумя длинными концами. Тогда разобрали потолокъ клѣтки и вытащили его изъ нея. Человѣка четыре бросились на него и пригнули его въ землѣ, натянувъ концы ремней въ разныя стороны, такъ что медвѣдь не могъ никуда податься. На него надѣли различныя украшенія и небольшую древесную метелку на голову. Когда нарядъ былъ оконченъ, толпа съ тріумфомъ двинулась по направленію

къ р. Сусуѣ. Медвѣдя вели два аина, одинъ спереди за довольно длинный конецъ ремня, другой сзади. Впереди несли большую древесную метелку. Женщины и дѣти то же шли сзади. Между женщинами я замѣтилъ нѣкоторыхъ съ очень пріятными чертами лица и съ прекрасными черными глазами. Въ ихъ разговорѣ, въ голосѣ есть какая-то нѣжность, но женской стыдливости, какъ мы ее понимаемъ, въ нихъ нѣтъ совсѣмъ. Напр., часто случалось, что молодая дѣвушка, чтобы посадить ребенка къ себѣ на спину, подъ шубу, снимала ее при мнѣ, совершенно обнажая себя до пояса. Рудановскій разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ селеніи, гдѣ онъ ночевалъ, одна молодая женщина раздѣлась совершенно и нагая усѣлась подлѣ него у огня. Мужъ ея сидѣлъ тутъ же.

Черезъ четверть часа ходу по глубокому снѣгу, дикая процессія наша остановилась на площадкѣ, окруженной небольшою рощей. На этой площадкѣ устроенъ былъ жертвенникъ; — частоколъ, длиною саженей пять, вышиною въ ростъ человѣка, обвѣшаный кусками различныхъ матерій, между которыми было нѣсколько шелковыхъ и парчевыхъ, шитыхъ золотомъ, на подобіе ризъ русскихъ священниковъ. На этихъ кускахъ матерій навѣшано было множество сабель японской работы, получаемыхъ аинами въ награду за услуги. По обыкновенію, древесныя метелки были навѣшаны повсюду, надъ частоколомъ и около него. Впереди поставлены были два дерева особенно выбранныя; на сажень отъ земли они раздѣлялись на два отдѣльныхъ ствола, одинъ немного ниже другого. Деревья эти были обтесаны и верхушки ихъ украшены метелками. Къ одному изъ этихъ деревьевъ привязали медвѣдя. Аины усѣлись въ кружокъ около него, а одинъ изъ старыхъ аиновъ (вѣроятно имѣющій то же значеніе, что шаманъ у сибирскихъ дикарей) началъ обрядъ, предшествующій убіенію звѣря. У него въ рукахъ была древесная метелка съ длинною рукояткою. Приговаривая на распѣвъ грубымъ хриплымъ голосомъ, онъ махалъ метелкою надъ медвѣдемъ, слегка потряхивая ею. Звѣрь пришелъ въ ужасную ярость; — съ ревомъ бросался онъ во всѣ стороны, стараясь разорвать ремни, которыми былъ привязанъ къ дереву. Кружокъ аиновъ, окружавшій его, былъ такъ тѣсенъ, что онъ едва не доставалъ ихъ лапами. Минутъ двадцать шаманъ напѣвалъ свою дикую молитву. Наконецъ онъ кончилъ. Тогда принесли стрѣлу и лукъ, и одинъ изъ аиновъ, взявъ ихъ, съ силою вонзилъ стрѣлу въ бокъ медвѣдя. Звѣрь заревѣлъ, остался нѣсколько минутъ безъ движенія, потомъ сталъ снова бросаться и кувыркаться, стараясь выдернуть стрѣлу; наконецъ онъ сломалъ ее. Аины ка-

залось любовались на его мученія. Наконецъ, натѣшившись, вонзили въ него вторую стрѣлу, а потомъ и третью. Медвѣдь ослабѣлъ и съ жалобнымъ стономъ испускалъ послѣдніе тяжелые вздохи. Съ послѣднимъ вздохомъ его, трое аиновъ легли на него, приложивъ лица свои къ его мордѣ, и всѣ трое вмѣстѣ завыли жалобнымъ голосомъ, какъ бы оплакивая смерть медвѣдя. Послѣ этого обряда, мертваго медвѣдя положили на чистое ложе посреди стѣнки, украшенной матеріями и оружіемъ. Его укладывали съ большимъ стараніемъ. Подъ морду положили инау (древес. метелки), на спину его наложили нѣсколько сабель. Меня и Рудановскаго приглашали сѣсть подлѣ медвѣдя. Это почетное мѣсто не совсѣмъ было по моему вкусу. Я отказался и сѣлъ на приготовленномъ матѣ немного поодаль. Съ обѣихъ сторонъ медвѣдя сѣли два старика, а подлѣ нихъ двое молодыхъ аиновъ. Подходя къ медвѣдю, аины присѣдали и кланялись, и я убѣдился, что аины дѣйствительно обоготворяютъ этого звѣря. Вся толпа аиновъ усѣлась полукружіемъ, лицомъ къ намъ. Женщины принесли въ кадкахъ разныя кушанья, которыя разносили въ чашечкахъ всѣмъ присутствующимъ. Мнѣ подали на подносѣ въ четырехъ чашкахъ два кушанья, которыя я попробовалъ, но не могъ ѣсть. Одно изъ нихъ была рисовая каша на нерпячьемъ жиру, другое, какъ кажется, смѣшеніе разныхъ кореньевъ на томъ же жиру. Я видѣлъ когда аины съ грязными, никогда не мытыми руками, мѣсили въ кадкахъ предлагаемыя мнѣ кушанья, и хоть я не брезгливъ, но чувствовалъ большое отвращеніе къ нимъ, но съ удовольствіемъ пилъ ихъ напитокъ, саки, приготовляемый изъ рису. Кислый и пріятный вкусъ его походилъ на кислое молоко, но будучи довольно крѣпокъ и содержа много газу, онъ превосходитъ его во вкусѣ. Посидѣвъ еще немного я видѣлъ, что изъ праздничества интересное для меня кончилось и что продолженіе его будетъ состоять въ ѣдѣ и питьѣ.

Я всталъ, и положивъ на медвѣдя нѣсколько блестящихъ пуговицъ, простился съ аинами и пошелъ съ Рудановскимъ въ селеніе, чтобы, доставъ тамъ собакъ, ѣхать домой. Японцы, обѣщавшіе намъ вмѣстѣ ѣхать, уже уѣхали и мы принуждены были сами искать себѣ собакъ. Въ селеніи находилось нѣсколько аиновъ другихъ селеній. Мы спросили у нихъ собакъ, обѣщая хорошо заплатить, но получили въ отвѣтъ, что собакъ у нихъ нѣтъ. Въ селеніи мы видѣли много собакъ, но хозяева ихъ были всѣ на праздникѣ. Наконецъ, аинъ изъ селенія Томари вызвался отвезти насъ и отвязалъ отъ юрты запряженную нарту; мы сѣли и поѣхали. Дорога была дурная, насъ сидѣло трое—собаки едва тащили насъ. Наконецъ, аинъ всталъ и, давъ мнѣ поводъ, предложилъ

чтобы двое ѣхали. Проѣхавъ не болѣе трехъ минутъ, мы были остановлены прибѣжавшимъ аиномъ. Онъ сказалъ намъ, что это его собаки и что онъ долженъ тотчасъ же ѣхать въ Лютагу, и не согласился ни за какую плату отдать собакъ. Не желая употреблять силу, я бросилъ нарту и пошелъ пѣшкомъ, и благополучно добрался до порта. Этотъ случай показалъ мнѣ необходимость завести собственныхъ собакъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ поѣздки на Сусую, пришелъ со стороны Сиретоку аинъ, знакомый уже Рудановскому и Самарину и рекомендованный ими мнѣ какъ человѣкъ очень способный и дѣятельный. Я рѣшился ему поручить вести дѣла наши въ аинами. Его привели въ лавку, гдѣ уже всѣ товары были въ порядкѣ уложены. Объяснивъ ему, что мы хотимъ купить собакъ, ему стали показывать разные товары, для того, чтобы онъ выбралъ тѣ изъ нихъ, которые болѣе нравятся аинамъ. Про разныя бездѣлицы, какъ, напр., пуговицы и проч. онъ сказалъ съ пренебреженіемъ, что это хорошо для женщинъ. Послѣ долгаго пересмотра оказалось, что доба есть лучшій товаръ для аиновъ. Но когда ему показали красное тонкое сукно, онъ пришелъ въ полный восторгъ и ничего другого не хотѣлъ смотрѣть. Большіе платки шерстяные и шелковые онъ хвалилъ и, какъ казалось, величина была для него самымъ важнымъ. Кончивъ пересмотръ, онъ сказалъ, что онъ пойдетъ покупать, но чтобы съ нимъ послали казака Дьячкова, съ которымъ онъ очень подружился и который уже столько научился аинскому языку, что довольно хорошо объяснялся съ ними. Я послалъ съ нимъ Дьячкова и Березкина и далъ товару; черезъ трое сутокъ они привели 10 собакъ. Я опять послалъ Дьячкова съ аиномъ, чтобы еще купить 8 собакъ и нанять нарту и проводниковъ въ Нойоро, чтобы отвезти туда Рудановскаго, которому назначено было мною осмотрѣть японскія селенія Тахмакъ и Малка. Я желалъ, чтобы они какъ можно скорѣе были осмотрѣны. Предполагая послать Самарина въ январѣ въ Петровское зимовье, я хотѣлъ доставить туда какъ можно болѣе свѣдѣній. Дьячковъ привелъ съ аиномъ чрезъ недѣлю 8 собакъ и нанятую нарту.

20-го числа, Рудановскій выѣхалъ на сдѣланной нартѣ на образецъ камчатскихъ. Объяснивъ ему, что главная цѣль экспедиціи есть осмотръ Малки и Тахмака, я предоставилъ ему выбрать дорогу и онъ, по обыкновенному упрямству своему, рѣшился ѣхать черезъ рѣку Моточу, несмотря на то, что всѣ аины говорили, что тамъ дорога очень дурна. За два дня до его отъѣзда я имѣлъ съ нимъ новую ссору. Въ этотъ день я былъ боленъ зубами. Конечно, это имѣло вліяніе на расположеніе мо-

его духа. Я былъ недоволенъ его легкомысленными объясненіями съ аинами, въ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ держаться правилъ, которыя я полагалъ нужными, по моему мнѣнію, въ обращеніи съ аинами. Отъ этого произошелъ споръ. Наскучивъ этими безпрерывными столкновеніями, я объявилъ ему, что назначаю ему особенную квартиру, приготовленную для Самарина въ домѣ 3-ей казармы. Послѣдняго я полагаю взять жить къ себѣ, потому что въ лавкѣ слишкомъ холодно.

Посѣщенія аиновъ уменьшились немного. Дурныя дороги вѣроятно затрудняютъ бродячую жизнь ихъ. Хайро повелъ себя довольно дурно. На другой день послѣ того, какъ казаки ушли покупать собакъ, онъ пришелъ сказать мнѣ, что хочетъ пойти догонять казаковъ и покупать съ ними собакъ. Я похвалилъ его за это и далъ ему на дорогу хлѣба и табаку. Когда возвратились казаки, то сказали мнѣ, что Хайру во все время дороги бранился, ничего не хотѣлъ несть, и когда въ юртѣ ему Дьячковъ подалъ чай послѣ хозяина дома, то онъ бросилъ чашку, говоря, что ему первому надо подавать, и обругалъ Дьячкова. Какъ скоро балуются дикари. Хайру вообразилъ себѣ, что если я съ нимъ ласково обращался, то онъ черезъ это сдѣлался такимъ важнымъ, что всѣ аины, да даже и казаки должны считать его важнѣе себя. Когда онъ пришелъ ко мнѣ, я его порядкомъ разбранилъ и не велѣлъ ему ходить ко мнѣ, пока Дьячковъ не скажетъ, что онъ началъ хорошо себя вести. Онъ очень перепугался, и когда черезъ нѣсколько дней рѣшился придти ко мнѣ, то съ большимъ подобострастіемъ сталъ предо мной на колѣни и наклонилъ до земли голову. Я позволилъ ему приходить, но погрозилъ ему, что если онъ еще разъ не окажетъ уваженія русскому, то навсегда прогоню его. Онъ знаетъ, что тогда положеніе его будетъ затруднительно. Многіе изъ аиновъ его терпѣть не могутъ, потому, что знаютъ, что онъ про нихъ говоритъ мнѣ худо. Японцы, разумѣется, рады бы были убить его. Я очень доволенъ, что обстоятельства такъ тѣсно привязали его къ намъ. Хотя онъ и изъ плохихъ аиновъ, но все-таки приноситъ намъ большую пользу тѣмъ, что черезъ него мы можемъ узнавать, что́ дѣлается и говорится между аинами.

22-го, Березкинъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ Рудановскаго. Его поѣздка на Моточу была очень неудачна. Нарта оказалась совершенно неудобною. Кое-какъ онъ добрался до Сусуи, надѣясь тамъ нанять собакъ. Но сусуйскіе аины всѣ разбѣжались, оставивъ дома только женъ и дѣтей. Причина этому, конечно, нежеланіе дать собакъ. Рудановскій поѣхалъ

далѣе. Вода во многихъ мѣстахъ совершенно покрывала лайду. Между рѣками Сусуей и Моточью есть нѣсколько аинскихъ селеній. Жители ихъ непонятно дурно принимали Рудановскаго. Когда онъ подъѣзжалъ къ какой-нибудь юртѣ, то хозяинъ отворачивалъ собакъ, говоря, что у него нѣтъ мѣста и что японцы будутъ бить его. Наконецъ онъ, не обращая вниманія на это, вошелъ въ одну юрту и остался ночевать тамъ, и хозяинъ его угощалъ довольно гостепріимно. Убѣдившись, что по Моточѣ ѣхать нельзя, онъ воротился въ Сусую, гдѣ аины въ этотъ разъ его приняли лучше. Они доставили ему двѣ нарты взамѣнъ нашей тяжелой и продали 4-хъ собакъ. На дорогѣ отъ Моточи онъ купилъ двѣ, да я ему послалъ въ Сусую 2-хъ. Проведя одни сутки въ Сусуѣ по случаю чрезвычайно дурной погоды, Рудановскій поѣхалъ по Сусуѣ на Найпу, и далѣе по восточному берегу до р. Мануи, по этой рѣкѣ на рѣку Кусунай и внизъ по ней на западный берегъ къ селенію Найоро. 24-го, утромъ воротились охотники съ неудачной охоты. На Сусуѣ, гдѣ они были, нѣтъ ни лосей, ни оленей. Я уже въ отсутствіе ихъ узналъ, что главный притонъ оленей есть рѣка Моточа. Я полагаю послать охотниковъ туда. Цынга начинаетъ развиваться между людьми; необходимо надо достать свѣжей пищи. Вечеромъ аинъ привелъ нарту и принесъ записку отъ Рудановскаго. Рудановскій пишетъ, что дорога дурна и онъ съ большимъ трудомъ доѣхалъ на 16-ти собакахъ до Экуроки. По всему видно, что зимою сообщеніе вообще затруднительно, въ особенности если правда, какъ говорятъ аины, что сѣвернѣе у Найоро снѣгу бываетъ еще менѣе, чѣмъ въ нашемъ мѣстѣ.

Нашъ приходъ на Сахалинъ служитъ, конечно, главнымъ предметомъ разговоровъ между аинами. Изъ этихъ разговоровъ видно, что японцы стараются распространять невыгодные для насъ слухи. Напр., одинъ аинъ пришелъ разсказать мнѣ, что весною пріѣдетъ много японскихъ кораблей; что одни пристанутъ въ Сиретоку и Тоонучи всего отъ насъ въ 100 верст.; другіе въ Сирануси и третьи въ Малкѣ; что ночью они подойдутъ къ намъ съ трехъ сторонъ и убьютъ насъ; что японцы придутъ съ саблями и въ мѣдной одеждѣ. Другіе разсказываютъ, что японцы, живущіе на Сахалинѣ, хотятъ собрать со всего берега аиновъ и пригласить всѣхъ русскихъ какъ бы на праздникъ къ себѣ, и угощать будутъ водкой; а когда русскіе опьянѣютъ, то убьютъ ихъ. Аины, разсказывая это, просили меня, чтобы я не ходилъ. Всѣ эти разсказы имѣютъ источникъ, конечно, въ разговорахъ японцевъ съ аинами, и хотя японцы и способны на подобныя непріятельскія дѣйствія, но слишкомъ трусливы,

чтобы исполнить свои угрозы. Насчетъ прихода судовъ весною, числа японцевъ и дѣйствій ихъ противъ насъ, ничего нельзя сказать, — это все будетъ зависѣть отъ ихъ императора. Если онъ найдетъ необходимымъ для него Сахалинъ, то онъ или рѣшится измѣнить, на этотъ случай, законъ, запрещающій имѣть сношенія съ чужеземцами и тѣмъ болѣе промышлять что-нибудь вмѣстѣ съ ними, живя на одной землѣ, или рѣшится выгнать насъ съ Сахалина, и тогда, разумѣется, свойственно японской храбрости, пошлетъ не менѣе тысячи японцевъ противъ 60-ти русскихъ. Я полагаю, что ни того, ни другого не будетъ, а японцы просто оставятъ Сахалинъ. Но еслибы японцы вздумали воевать противъ насъ, то наше положеніе не слишкомъ выгодное. Воспротивиться высадкѣ невозможно. Имѣя 60 человѣкъ, изъ которыхъ до 20-ти чел. постоянно больныхъ, я, разумѣется, не буду въ состояніи разсылать партіи по берегу въ нѣсколько сотъ верстъ протяженія. Мѣсто избранное для поста хорошо, еслибы его охраняли человѣкъ 200. Я былъ принужденъ раздѣлить команду на двѣ части, а части эти оказались бы чрезвычайно слабыми, въ особенности на нижней баттареѣ, которая по положенію своему будучи совершенно открыта съ верхней стороны, должна быть необходимо связана съ верхними строеніями стѣною; но это потребуетъ такое количество лѣсу, что невозможно будетъ намъ достать его, да и стѣны, будучи слишкомъ длинныя, не будутъ достаточно защищены малымъ числомъ людей, которое я имѣю въ распоряженіи. Заключиться всѣмъ въ верхнемъ городкѣ, тоже невыгодно, потому что останемся безъ воды. Весною надо будетъ избрать окончательно способъ защиты. Но до тѣхъ поръ положеніе наше тоже очень невыгодное. Желая остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ японцами и не дать имъ причины сказать, что мы хотимъ ихъ выгнать съ Сахалина, я и желая, чтобы они оставались жить въ Томари и тѣмъ дали возможность покороче съ ними сжиться, я не могу съ ними обращаться такъ строго, какъ бы слѣдовало. Японцы очень дурно ведутъ себя: оказывая наружно намъ дружбу, присылая мнѣ различные подарки, они за глазами возбуждаютъ аиновъ противъ насъ и запрещаютъ имъ продавать что-нибудь русскимъ. Я пока все еще терплю это, но кажется, придется скоро проучить ихъ за лукавство. Это ложное положеніе наше произошло отъ того, что имѣя цѣлью при занятіи Сахалина остаться въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Японіею, съ которою мы надѣемся заключить торговый трактатъ, мы заняли пунктъ, который стѣснилъ совершенно свободу ихъ промысловъ, основанную на рабствѣ аиновъ, и поставили себя тѣмъ въ враждебное

къ нимъ положеніе. Еслибы мы заняли хотя, напримѣръ, Нойоро на западномъ берегу, селеніе, гдѣ производится главная расторжка между аинами, гиляками и манжурами и находящемся сѣвернѣе японскихъ заселеній, то, поселившись тамъ, мы необходимо пріобрѣли бы вліяніе какъ надъ гиляками, такъ и надъ аинами, и не устранивъ японцевъ, могли бы и съ ними мало-по-малу сближаться. Что же касается до мысли, что, для овладѣнія Сахалиномъ, надо владѣть Анивою — то эта мысль можетъ имѣть мѣсто при военномъ планѣ дѣйствій противъ Японіи. А чтобы владѣть Сахалиномъ, совершенно достаточно владѣть какимъ бы то ни было пунктомъ, потому что главную роль имѣетъ морская сила при дѣйствіяхъ на островѣ. Насчетъ же гавани, то въ Томари ея нѣтъ точно также, какъ и въ с. Нойоро, а слѣд. судамъ невозможно зимовать ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ. Въ Тоопуги гавань хороша, но входъ въ нее очень затруднителенъ, если не совсѣмъ невозможенъ. Гавань эта находится въ 100 верстахъ отъ Томари.

27-го. Сегодня пришелъ ко мнѣ японецъ Асануя. Я ему разсказалъ, какъ аины дурно приняли Рудановскаго и все это потому, что японцы ихъ возбуждаютъ противъ насъ. Я ему сказалъ, что я тоже знаю, что японцы разсказываютъ, что лѣтомъ много судовъ придетъ съ Мацмая и убьютъ русскихъ. Я ему объяснилъ, чтобы онъ выбросилъ это изъ головы, что если японцы вздумаютъ непріязненно дѣйствовать, то русскіе корабли не выпустятъ ни одну джонку, ни одного японца съ Сахалина, а что теперь мы ихъ просимъ возвратиться изъ Найпу, куда они убѣжали, чтобы жить съ нами въ Томари дружно вмѣстѣ; но что если они не хотятъ хорошо жить съ нами, то лучше пусть уходятъ въ Малку. На все это онъ отвѣчалъ, что аины врутъ, что они нарочно говорятъ противъ японцевъ, что японцы хотятъ дружно съ русскими жить [1]). Онъ ушелъ и скоро мнѣ принесли отъ Мару-Яма свѣжей рыбы. Боязнь, что ихъ выгонятъ изъ Томари, руководила въ этомъ случаѣ любезностью японцевъ.

---

[1]) Японцы вымѣниваютъ отъ аиновъ почти единственно однихъ выдръ, которыхъ они промѣниваютъ манжурамъ, пріѣзжающимъ лѣтомъ въ Сирануси, на тонкія шелковыя матеріи. Эту мѣну производить можетъ только японскій начальникъ, и вѣроятно не въ большомъ размѣрѣ. Главная цѣль сахалинской колоніи для японцевъ есть рыбный промыселъ. Аины народъ не промышленный и не дѣятельный, и поэтому мѣна съ ними приноситъ выгоду манжурамъ только потому, что аины дешево отдаютъ свой пушной товаръ. По словамъ японцевъ, кочующій народъ Ороки богаты. Японцы мало впрочемъ знаютъ ихъ, но аинъ Сиребинусъ предлагалъ ѣхать съ нашими товарами торговать къ нимъ.

31-го декабря, урядникъ Томскій, посланный мною съ тремя казаками на р. Рюточу на охоту за оленями, прислалъ съ казакомъ Монаковымъ 2 пуда мяса этого звѣря и съ извѣстіемъ, что убили одного оленя, а другого ранили и теперь за нимъ пошли на поиски. Итакъ, мы будемъ имѣть на время свѣжее мясо. Принятыя мною мѣры для закупки свѣжей рыбы были тоже умѣстны, и команда уже съ 28-го декабря получаетъ супъ изъ свѣжей рыбы. Дастъ Богъ цынга ослабѣетъ; она начала очень безпокоить меня — 20 человѣкъ уже подвержены ей, и нѣкоторые не могутъ уже ходить. Помѣщеніе людей очень хорошо, слѣд. пища единственно имѣетъ вліяніе на тѣхъ, которые почти ежегодно были больными цынгою въ Камчаткѣ. Вечеромъ мы торжественно встрѣчали новый годъ; площадка наша была усажена елками и иллюминована бумажными фонарями. Команда была собрана въ казармѣ 1-го капральства, освѣщенной множествомъ свѣчей. Посреди комнаты приготовлено было вино и закуска. Въ 12 часовъ всѣ вышли на площадку, и когда я провозгласилъ тостъ на благополучіе новаго года, съ башни раздался выстрѣлъ изъ фальконета, ему отвѣчали съ нижней баттареи и фалконетъ снова загремѣлъ. Команда запѣла «Боже Царя храни», потомъ возвратились въ казарму, и празднество длилось до глубокой ночи.

1-го января 1854-го года. — Вотъ уже три мѣсяца, какъ мы поселились на Сахалинѣ. Бросимъ общій взглядъ на наше настоящее положеніе и на отношенія наши къ японцамъ и аинамъ.

Японцы, убѣдившись, что я сердитъ на нихъ, пытаются всѣми мѣрами помириться съ нами. Они даже показываютъ теперь особенное уваженіе къ аину Хойро, котораго онъ совершенно не заслуживаетъ. Давно уже они зазывали къ себѣ казака Дьячкова, который, имѣя большую способность къ изученію аинскаго языка, уже объясняется на немъ довольно порядочно. Я позволилъ Дьячкову ходить къ нимъ, давъ ему наставленіе, какъ объяснять имъ цѣль прихода нашего и нашихъ дѣйствій. Онъ былъ два раза у нихъ, и трое старшихъ японцевъ пригласили его въ отдѣльную комнату и много разспрашивали о томъ, зачѣмъ русскіе пришли, много ли еще придетъ, пріѣдутъ ли жены, за что я сержусь на нихъ, потомъ спрашивали, велика ли земля наша. Дьячковъ объяснилъ имъ, что русскіе пришли на Сахалинъ не для того, чтобы завоевывать его, что русская земля такъ велика, что есть много пустыхъ, хорошихъ мѣстъ; что рыбы намъ не надо и что, наконецъ, императоръ русскій послалъ насъ сюда затѣмъ, чтобы не пускать иностранцевъ по-

селяться между нами и японцами, что объ этомъ будетъ писано японскому императору. Кораблей же нашихъ придетъ четыре и на нихъ много солдатъ; жены пріѣдутъ къ своимъ мужьямъ, которые теперь здѣсь находятся, но что на зиму корабли уйдутъ и что русскихъ опять немного останется. На вопросъ ихъ, за что я на нихъ сержусь, онъ сказалъ, что аины говорили мнѣ, что японцы запрещаютъ имъ продавать намъ что-нибудь и вмѣстѣ подговариваютъ ихъ быть недружными съ нами, грозя имъ, что лѣтомъ ихъ убьютъ. Японцы на это отвѣчали, будто они знаютъ, что аины разсказываютъ русскимъ, что японцы хотятъ убить ихъ, въ то время, когда они спятъ, но что они и имъ то же разсказываютъ, будто русскіе то же хотятъ сдѣлать. Просили, чтобы я не вѣрилъ аинамъ, говоря, что мы ихъ балуемъ и платимъ слишкомъ дорого за собакъ и рыбу; что за товаръ (1 кус. добы), за который мы покупаемъ одну собаку, можно купить цѣлую нарту собакъ, т.-е. не менѣе 5; что когда мы лучше узнаемъ аиновъ, то увидимъ, какъ они любятъ обманывать. Увѣряли Дьячкова, что они хотятъ дружно жить съ русскими и мѣняться съ ними тѣми вещами, которыя обоюдно нужны, но что весною, когда пріѣдетъ офицеръ ихъ, то все будетъ зависѣть отъ него; но они всѣ желаютъ, чтобы императоръ ихъ прочелъ письмо нашего императора и остался бы друженъ съ русскими, потому что русскіе очень добры; они это знаютъ изъ того, какъ русскіе принимали японцевъ въ Камчаткѣ, съ разбитаго судна. По ихъ словамъ, японцы эти живутъ теперь въ Итурупѣ. Прощаясь съ нимъ, они приглашали его чаще ходить къ нимъ, чтобы учить ихъ по-русски, а они его будутъ учить по-аински и вмѣстѣ съ тѣмъ сказали, что пріѣдутъ ко мнѣ объясниться насчетъ аиновъ. Дѣйствительно, на другой день Маруя-Яма и Яма-Мадо пришли, въ сопровожденіи японца, несшаго рыбу и рисовые аладьи. Я ихъ ласково принялъ и показалъ видъ, что вѣрю ихъ словамъ. Я вычиталъ имъ изъ сочиненія Головнина нѣсколько словъ и именъ японскихъ, также изъ словаря, составленнаго японцами, жившими въ Камчаткѣ. Они охотно поправляли слова, невѣрно написанныя. Я объяснилъ имъ, что русскіе, которые здѣсь живутъ, есть солдаты (россино), а они мнѣ сказали, что они—изъ матросовъ.

Внутреннія наши дѣла также довольно утѣшительны. Помѣщеніе команды достаточно просторное. На 66-ть человѣкъ три казармы, двѣ въ 5 саж. длины, три сажени ширины и 4 арш. вышины; третья въ $5^1/_2$ саж. длины, 3 саж. ширины и 4 арш. вышины. Люди спятъ на кроватяхъ, просторно разставленныхъ, хорошо постланныхъ и достаточно высокихъ,

чтобы помѣстить подъ ними, въ порядкѣ, всѣ вещи людей. Ружья установлены по стѣнамъ, въ промежуткахъ между кроватями, такъ что прикладъ ружья приходится наравнѣ съ верхомъ спинки кровати. Сумы и сабли висятъ надъ головами. Красиво и удобно. Ружья и сабли я часто самъ осматриваю, и потому они всегда въ порядкѣ. Въ казармахъ 1-го и 3-го капральствъ поставлены кирпичныя печки-голландки. Кирпичъ приготовляется зимою подъ 10-ти гр. морозомъ. Въ 1-мъ и 2-мъ капральствѣ, кромѣ того, устроены якутскіе чувалы. Въ 2-й казармѣ есть битая печь, но нехорошо сдѣланная и потому тамъ поставлена желѣзная печь; точно такая же есть желѣзная печь въ 3-й казармѣ, гдѣ нѣтъ чувала. Казармы, съ досчатыми полами и потолкомъ, свѣтлы, просторны и сухи. Воздухъ всегда хорошъ, потому что огонь горитъ постоянно.

Пища нижнихъ чиновъ, къ сожалѣнію, была, въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ, нездоровая. Супъ изъ солонины, съ пустою подболткою изъ муки и ячневой крупы—вотъ постоянный былъ ихъ обѣдъ и ужинъ, кромѣ праздниковъ, когда пекли пироги съ рисомъ, имѣющимся у насъ въ маломъ количествѣ. Несвѣжая пища эта и неимѣніе огородныхъ овощей имѣли дурное вліяніе на хворыхъ безъ того и расположенныхъ къ цингѣ матросовъ. Съ начала ноября начала появляться эта болѣзнь, и скоро число больныхъ увеличилось до 20-ти человѣкъ. Число ихъ доходило и до 28-ми чел., когда простуда и порубы присоединились къ цынгѣ. Смерть бѣднаго матроса Сизаго и медленное выздоровленіе больныхъ, показываетъ необходимость присутствія доктора въ экспедиціи. Аптекарскій ученикъ, Кокоринъ, кромѣ того, что ничего не знаетъ, но еще и малоспособный человѣкъ. Я заставилъ его учиться по одному лечебнику и хотя видѣлъ, что это приноситъ пользу, но мало успокоиваетъ, потому что, въ важныхъ болѣзняхъ, лечебникъ не много поможетъ. Мы теперь, съ 28-го декабря, имѣемъ свѣжую рыбу и оленину, и я надѣюсь, что болѣзнь уменьшится [1]).

Люди наши, благодаря русскому характеру, не слишкомъ скучаютъ, да и столько занятій, что нѣтъ времени и скучать. Пока не были выстроены первыя двѣ казармы, шабашовъ не было, но, вставъ подъ крыши, я началъ давать отдыхъ въ праздничные дни. Гарнизонная служба состояла, при началѣ, изъ 4-хъ постовъ, занимаемыхъ днемъ часовыми, безъ особаго караула

---

[1]) Въ концѣ декабря открылась рыбная ловля на р. Сусуѣ, и я началъ скупать отъ аиновъ свѣжую рыбу. Кромѣ того я, узнавъ, что на р. Поточѣ водятся олени, послалъ 4-хъ камч. каз. на охоту за ними, и они уже убили 3-хъ.

ночью же выставлялся караулъ, т.-е. 1 унт.-оф., 12 ряд. и 2 ефрейторовъ должны были быть одѣтыми и всегда готовыми, по вызову часового, выстроиться, съ заряженными ружьями, у орудій. Ночь они проводили въ казармахъ, съ дозволеніемъ спать, конечно, совершенно одѣтыми. Во всякой казармѣ назначается одинъ дневальный. Когда больныхъ почти не было, то служба эта не была слишкомъ тягостна, но съ наступленіемъ сырой погоды появилась простуда. Я уничтожилъ одинъ постъ, поставивъ орудія верхняго городка въ одну баттарею. Когда же была окончена лавка и помѣщены въ ней товары, то, на опорожненное мѣсто въ пакгаузѣ, уложили всѣ бочки и ящики, лежавшіе подъ навѣсомъ. Пакгаузъ заперли на ключъ, и я приказалъ снять и этотъ постъ. Теперь стоятъ двое часовыхъ у нижней и верхней баттарей. Но число больныхъ 25, въ расходѣ, въ экспедиціи и въ разныхъ должностяхъ, 15 чел., итого остается, съ унтеръ-офицерами, 24 человѣка, способныхъ къ службѣ, слѣдовательно черезъ два дня въ третій приходится стоять въ караулѣ. Работа, въ настоящее время, не трудная и, по короткости дня, не продолжительная. Въ праздничные дни, какъ, напр., 6-го декабря, три дня Рождества, Новый годъ, я устраивалъ общее веселье, собирая людей вмѣстѣ.

Постройки жилыя окончены. Теперь главная работа состоитъ въ доставкѣ лѣса. Я полагаю поставить бревенчатую стѣну, которая должна будетъ связать строенія, и, кромѣ того, поставить вторую башню у кухни, по діагонали отъ моего дома; на все это потребуется около 300 деревъ. Теперь работаютъ 11 человѣкъ и нарта въ 10 собакъ. Люди рубятъ лѣсъ верстахъ въ 4-хъ. На нартѣ привозятъ въ портъ, ежедневно, 6 бревенъ, да люди на себѣ 2 бревна, кромѣ того, что они спускаютъ срубленныя деревья къ лайдѣ. Если полагать, что на такую работу будетъ употреблено по 1-е марта 40 дней, то 320 деревъ будетъ доставлено въ портъ. Остальные, слабаго здоровья, рабочіе занимаются работами при портѣ. У меня строятъ сѣни съ чуланами и поставили, внутри дома, перегородки. Когда кончатъ сѣни, примутся достраивать башню. Въ домѣ 3-й казармы есть отдѣльная комната, въ 4 арш. ширины и 3 саж. длины. Два большихъ окна, на S. и W., прекрасно освѣщаютъ ее. Я полагалъ дать эту комнату г. Самарину, вслѣдствіе чего она и приняла, между рабочими, названіе конторы. Обстоятельства заставили меня измѣнить свое намѣреніе и отдать эту комнату г. Рудановскому. Самаринъ пока живетъ у меня.

Лавка, помѣщенная въ домѣ 2-го капральства, т.-е. на ниж-

ней баттареѣ, очень удобна и красиво убрана товарами, что имѣетъ хорошее вліяніе на аиновъ.

Нравственнымъ поведеніемъ людей я доволенъ, но о военной службѣ и дисциплинѣ они имѣютъ очень плохое понятіе. Военнаго образованія, кромѣ человѣкъ 8-ми, остальные совершенно не имѣютъ. Это просто работники-мужики. Когда я производилъ, во время морского перехода, пальбу изъ ружей, то большая часть людей не знали какъ держать ружье и со страхомъ спускали курокъ. Весною я полагаю производить ученья стрѣльбы въ цѣль и движеній массою и въ разсыпномъ строю, разумѣется, ограничась самыми легкими требованіями и правилами.

Скажу теперь о нашихъ экспедиціяхъ на островѣ. Время года — осень и начало зимы, и невозможность отнимать большое число рукъ отъ работъ, отъ скораго окончанія которыхъ зависѣло сохраненіе здоровья людей, конечно должны были много мѣшать производству изслѣдованія страны въ большомъ размѣрѣ; но, благодаря ревности и готовности къ перенесенію трудовъ г. Рудановскаго, я получилъ возможность предпринять описаніе главныхъ водяныхъ путей части острова, обитаемой аинами и считаемой японцами принадлежностью ихъ земли. Въ этомъ отношеніи я долженъ сдѣлать справедливую похвалу г. Рудановскому, хотя сборы его въ экспедицію и большія требованія въ средствахъ и причиняли мнѣ досаду; но, разъ выѣхавъ изъ порта, онъ предавался работѣ съ увлеченіемъ, перенося терпѣливо физическіе труды. Жаль, что этотъ сотрудникъ мой, въ другихъ отношеніяхъ, вызвалъ меня на нерасположеніе къ нему.

Первыя двѣ недѣли нашего пребыванія на Сахалинѣ требовали такой дѣятельности въ приведеніи въ возможный порядокъ и въ установкѣ нашихъ припасовъ и товаровъ и въ начатіи необходимыхъ построекъ — какъ пекарни и 1-й казармы, назначенныхъ временно помѣстить всю команду, что и думать не было возможности объ откомандированіи кого-нибудь изъ порта для изслѣдованія страны.

Когда мы немного устроились и я могъ уже сообразить, что лѣсу, купленнаго у японцевъ, не достанетъ для нашихъ построекъ, я рѣшился начать отыскивать лѣсъ. Зная изъ карты Крузенштерна, что вблизи отъ насъ, къ сѣверу, должна быть большая рѣка, названіе которой *Сусуя* я узналъ отъ Орлова, ѣздившаго по Сахалину, я былъ увѣренъ, что по берегамъ ея найду лѣсъ, хотя на вопросы мои одни аины отвѣчали, что есть лѣсъ, но дурной, другіе, что совсѣмъ нѣтъ. 4-го октября, въ воскресенье, я поѣхалъ на шлюпкѣ вдоль берега, къ сѣверу. Сѣвъ на мель, противъ селенія Сусуя, я вышелъ на берегъ и

пошелъ пѣшкомъ; выйдя на рѣку, я увидѣлъ прекрасный лѣсъ по обоимъ берегамъ ея. Когда вода поднялась съ приливомъ, шлюпка тоже вошла въ устье, и мы прошли еще версты три вверхъ по рѣкѣ, постоянно имѣя по обѣ руки хорошій лѣсъ. На обратномъ пути я убѣдился, что есть и фарватеръ отъ $2^1/_2$ до 4 футовъ на малой водѣ. 6-го, рано утромъ, я послалъ людей на вырубку лѣса, а за ними командировалъ, на шлюпкѣ, и Л. Рудановскаго для изслѣдованія рѣки и береговъ ея. 10-го, онъ воротился, пройдя вверхъ по рѣкѣ съ 70 верстъ и найдя рѣку, на этомъ пространствѣ, удобною для судоходства, потому что глубина не менѣе 5-ти футовъ, въ малую воду. Почти на всемъ этомъ разстояніи растетъ строевой еловый и корабельный лиственичный лѣсъ. Онъ не могъ далѣе идти, потому что не было припасовъ. 14-го, я снова отправилъ его на Сусую, съ запасомъ провіанта на 10 сутокъ. Въ этотъ разъ онъ поѣхалъ на японской плоскодонной четырехвесельной лодкѣ. 18-го октября, я отправилъ, на японской же лодкѣ, Самарина съ 5-ю камчатскими казаками и съ порученіемъ осмотрѣть восточный берегъ залива Анивы и сдѣлать описаніе его и аинскихъ и японскихъ поселеній.

25 октября, Рудановскій и Самаринъ возвратились изъ экспедицій. Первый съ большими усиліями прошелъ вверхъ по Сусуѣ до 48° с. ш., по временамъ перетаскивая лодку по берегу или прорубаясь сквозь кокоры и деревья, запрудившія рѣку во многихъ мѣстахъ. До источника Сусуи ему неудалось пройти, да отъ извѣстности повидимому было бы и немного пользы. Рѣка Сусуя судоходна не болѣе какъ на 70 верстъ, но берега ея богаты лѣсами и плодородными полями и лугами, слѣдовательно способны къ заселенію хлѣбопашцевъ. Сусуя служитъ для внутренняго сообщенія какъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкѣ до селенія Кой, въ 50-ти в. отъ устья. Изъ селенія этого дорога идетъ сухопутная на р. Найпу. Рудановскій составилъ карту теченія р. Сусуи съ приложеніемъ журнала. Самарина экспедиція оказалась очень полезна. Онъ открылъ гавань у селенія Тотуги, въ верстахъ 10-ти отъ нашего поста, и собралъ свѣдѣнія о населеніи до селенія Сиретоку. Гавань названа имъ моимъ именемъ. Свѣдѣнія, доставленныя имъ объ этой гавани, были недостаточны, и потому я командировалъ Рудановскаго осмотрѣть ее и вообще весь восточный берегъ залива. 29-го числа, онъ выѣхалъ на японской лодкѣ, взявъ съ собой продовольствія на 15 сутокъ. Самаринъ сообщилъ мнѣ, что недалеко отъ Сиретоку онъ видѣлъ признаки золотой и серебряной руды и слышалъ отъ аиновъ, что золото и серебро дѣйствительно есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ земли. 1-го ноября, я отпра-

вилъ Самарина съ прикащикомъ Розановымъ, бывшимъ на сибирскихъ пріискахъ, и съ 5-ю матросами, поручивъ ему сдѣлать опытъ промывки, для чего и были приготовлены ящики и инструменты, по указанію Розанова. 4-го числа, выпалъ снѣгъ и на другой день онъ шелъ почти цѣлыя сутки.

8-го ноября, Самаринъ воротился. Снѣгъ помѣшалъ ихъ работѣ, и они воротились безъ результатовъ.

12-го ноября, Рудановскій возвратился изъ экспедиціи. Онъ нанесъ на карту весь берегъ до селенія Сиретоку и часть берега Охотскаго моря на высотѣ залива Анивы. Гавань Тотуга тоже изслѣдовалъ, но, по моему мнѣнію, недостаточно употребилъ на это времени, торопясь продолжать путь впередъ съ надеждою, вѣроятно, что-нибудь открыть новаго. По описанію его, гавань достаточно глубока, чтобы служить для судовъ, сидящихъ до 12-ти и даже до 14-ти ф. въ водѣ. Входъ въ нее узокъ и потому безопасенъ только въ тихую погоду. Мѣста для заселенія много, лѣсу то же.

Имѣя намѣреніе непремѣнно собрать свѣдѣнія о селеніяхъ Нойора, Малки и Тахмака и вообще о ю.-з. берегѣ Сахалина, еще неизслѣдованномъ, я началъ скупать собакъ и къ началу декабря уже имѣлъ ихъ десять. Я послалъ казака Дьячкова съ аиномъ Сиребенусь еще купить восемь собакъ и нанять проводника съ нартою собакъ въ Нойоро; 19-го, они воротились съ купленными 8-ю собаками и нанятымъ въ проводники аиномъ. На другой день Рудановскій выѣхалъ. Я ему поручилъ непремѣнно осмотрѣть японскія селенія Малку и Тахмака и доставить объ нихъ свѣдѣнія въ Нойоро не позже 12-го января. Я посылаю г. Самарина съ почтою въ Петровское, тотчасъ послѣ Крещенья и полагаю, что онъ пріѣдетъ въ Нойоро около 12-го числа, тамъ онъ получитъ отъ Рудановскаго свѣдѣнія и вмѣстѣ съ другими бумагами отвезетъ въ Петровское.

Итакъ, въ настоящее время мы имѣемъ уже карты и описанія всего восточнаго берега залива Анивы до р. Туотака,— рѣку Сусую, а къ 12-му января описаніе пути отъ Сусуи на рѣку Найпу, этой рѣки, берега Охотскаго моря до р. Монуи и перевала съ нее на р. Кусуной, и берегъ Татарскаго пролива къ югу отъ этой рѣки до селенія Малки, а можетъ быть и до мыса Крильонъ; то-есть вся страна, обитаемая аинами и считаемая японцами подъ ихъ владычествомъ, будетъ намъ извѣстна. Результатъ этотъ по обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находились, можетъ считаться вполнѣ успѣшнымъ.

VI.

Жизнь, промыслы, торговля и отношенія аиновъ къ японцамъ представляютъ не мало интереснаго.

Аины принадлежатъ къ племени курильцевъ, что ясно показываетъ сходство языка ихъ съ языкомъ жителей нашихъ Курильскихъ островковъ, краткій словарь которыхъ находится въ описаніи Крашенинниковымъ Камчатки. Многія изъ обычаевъ курильцевъ, описанныхъ г. Крашенинниковымъ, я видѣлъ между аинами; жилища ихъ такія же какъ у петровскихъ гиляковъ, т.-е. юрты изъ корбасника, съ окномъ и довольно широкимъ отверстіемъ въ крышѣ. Внутри юрты устланы цыновками, довольно хорошо приготовляемыми аинами. Ростъ аиновъ средній, даже малый въ сравненіи съ русскими. Наружность мужчинъ красивая, и женщины не были бы дурны, если бы не красили своихъ губъ синею краскою. Нравъ аиновъ повидимому довольно кроткій, хотя, впрочемъ, драки ихъ часто кончаются сильными побоями и даже ударами ножа. Ревности къ женамъ очень мало, а у послѣднихъ о женскомъ стыдѣ почти нѣтъ понятія. Женщины не прячутся отъ чужихъ, но и съ трудомъ вступаютъ въ разговоръ и никогда не садятся прямо противъ чужого, а всегда бокомъ, какъ бы желая спрятаться отъ взглядовъ. Дѣтей аины любятъ и балуютъ. Они всегда лучше одѣты родителей. Необходимую одежду свою аины сами приготовляютъ. Она состоитъ изъ собачьихъ шкуръ и изъ халатовъ, сдѣланныхъ изъ приготовляемой изъ крапивы грубой ткани, похожей на нашу сыромягу или сакую грубую парусину. Впрочемъ, я видѣлъ и болѣе тонкіе и бѣлаго цвѣта куски холстины, но они нашиваются только небольшими кусками по краямъ халатовъ, какъ украшеніе. Обувь дѣлается изъ тюленьей шкуры. Вмѣсто собачьихъ шубъ употребляютъ иногда и нерпячьи, а женщины носятъ тоже изъ рыбьихъ кожъ, подбирая довольно красиво цвѣта; головного убора никакого нѣтъ. Исподнее платье дѣлается то же изъ собачины и очень коротко прикрываетъ ногу, по четверти выше или ниже колѣна. Изъ этого видно, что аины не нуждаются въ пріобрѣтеніи мѣною необходимой одежды, потому что собакъ, нерпъ и рыбы они всегда имѣютъ для своихъ нуждъ. Но какъ человѣкъ, какого бы низшаго развитія ни былъ, склоненъ всегда къ улучшенію своего внутренняго быта и всегда одаренъ отъ природы чувствомъ эстетическаго вкуса, съ тою только разницею, что у человѣка образованнаго вкусъ этотъ болѣе правиленъ и утонченъ,—такъ и аины, познакомившись съ манжурами и японцами

и видя превосходство одежды их надъ своею, вѣроятно усилили свои промыслы, чтобы имѣть возможность пріобрѣтать себѣ вещи и одежду, понравившіяся имъ. Женщины ихъ начали украшать себя и дѣтей своихъ различными бездѣлушками. Такимъ образомъ, мало-по-малу манжурскіе и японскіе халаты изъ дабы, посуда и различныя вещи, служащія для украшенія, сдѣлались потребностями аиновъ. Табакъ и вино, служащее вездѣ болѣе образованнымъ народамъ средствомъ, такъ сказать, порабощенія себѣ дикарей, имѣли то же дѣйствіе для японцевъ надъ аинами. Конечно, кромѣ этихъ двухъ вредныхъ двигателей, японцы имѣли еще и силу оружія, которой малосильные аины не могутъ сопротивляться; но вино и табакъ, доставляемые имъ японцами, дѣлаютъ ихъ болѣе терпѣливыми къ перенесенію своего рабства. Такъ какъ еще не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ японцы пришли на Сахалинъ и еще много есть стариковъ аиновъ, помнящихъ время независимости своей, то идея свободы еще не совсѣмъ погасла въ этомъ несчастномъ народѣ. Они часто говорятъ: «Карафту Айну-Котонъ Сизамъ Котонъ Карафту исамъ», т.-е. Сахалинъ земля аиновъ—японской земли на Сахалинѣ нѣтъ. Къ сожалѣнію, слова эти въ настоящее время не имѣютъ никакого значенія, и конечно, еслибы японцы остались господствовать на Сахалинѣ еще 50 лѣтъ, то аины совершенно позабыли бы и думать, что они имѣютъ какую-нибудь собственность. Въ настоящее время отношенія ихъ къ японцамъ обусловливаются потребностію послѣднихъ въ работникахъ для необходимыхъ Японіи рыбныхъ промысловъ на остр. Сахалинѣ. Работники эти силою японцевъ сдѣлались не вольными наемщиками, а рабами, работающими подъ страхомъ побоевъ и съ надеждою получить милость отъ господъ своихъ—водку и табакъ. До прихода японцевъ на Сахалинъ, аины уже получали отъ манжуровъ вино, табакъ, оружіе, одежду и домашнюю утварь, не подвергаясь никакимъ насиліямъ отъ послѣднихъ, пріѣзжавшихъ издалека и въ маломъ числѣ. Это обстоятельство еще болѣе показываетъ, что сила оружія и близость большихъ военныхъ средствъ служили почти единственнымъ средствомъ для утвержденія власти и вліянія надъ аинами, и потому только сила и можетъ уничтожить эту власть и это вліяніе. Рисъ есть единственный новый продуктъ для аиновъ, который они не получали до прихода японцевъ. Они полюбили его и въ особенности водку, приготовляемую японцами изъ рису; но это не есть потребность, которая могла бы служить для неотвратимаго вліянія посредствомъ торговли. Манжурская водка, да и всякій другой крѣпкій опьяняющій напитокъ, вотъ все что нужно ди-

карю аину. Мѣна японцевъ съ аинами производится то же насильственнымъ образомъ, и потому въ этой мѣнѣ участвуютъ только тѣ аины, которые находятся по близости японскихъ заселеній, да и изъ нихъ многіе скрываютъ товаръ и украдкою продаютъ его съ большею выгодою манжурамъ, пріѣзжающимъ въ селеніе Сирануси.

Японцы, остающіеся зимовать на Сахалинѣ, да и пріѣзжающіе весною, вымѣниваютъ отъ тѣхъ аиновъ, у которыхъ они знаютъ, что есть пушные товары, давая имъ произвольною цѣною табаку, водки и рису и въ такомъ маломъ количествѣ, что аины только изъ страха соглашаются на мѣну съ ними. Японцы даже бьютъ аиновъ, если узнаютъ, что они продали пушной товаръ манжурамъ или гилякамъ. Скупленные, такимъ образомъ, мѣха отдаются всѣ японскому офицеру, и онъ, для своей собственной выгоды, промѣниваетъ ихъ манжурамъ, пріѣзжающимъ въ Сирануси, за шелковыя матеріи, моржевые зубы и орлиные хвосты. Мѣна японцевъ съ аинами не можетъ назваться торговлею, а есть только спекуляція японскаго начальства на Сахалинѣ, основанная на силѣ. Я уже выше сказалъ, что аины стараются всегда скрыть свои товары отъ японцевъ и продать ихъ манжурамъ черезъ руки аиновъ, живущихъ далѣе отъ японцевъ, или самимъ манжурамъ украдкою, во время пріѣзда ихъ въ Сирануси. Изъ всего вышесказаннаго видно, что свободная мѣна существуетъ только въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ бдительнаго корыстолюбія японскаго офицера. Изъ мѣстъ этихъ самое важное есть селеніе Нойоро, находящееся на берегу Татарскаго пролива, сѣвернѣе японскихъ заселеній и въ суточномъ переходѣ отъ послѣдняго ихъ пункта, Тохмака. Селеніе Нойоро—одно изъ самыхъ населенныхъ; старшина его пользуется общимъ уваженіемъ отъ аиновъ и считается ими какъ бы старшиною между другими старшинами. Немного сѣвернѣе Нойоро, впадаетъ въ Татарскій проливъ р. Кусуной; сѣвернѣе ея начинаются кочевья ороковъ и жилища сахалинскихъ гиляковъ, племенъ, совершенно независимыхъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ аины селенія Нойоро то же чувствуютъ себя свободнѣе, чѣмъ живущіе между японскими заселеніями, и поэтому Нойоро сдѣлалось главнымъ пунктомъ мѣны вообще всѣхъ аиновъ. Туда пріѣзжаютъ гиляки, манжуры и аины залива Анивы, успѣвшіе скрыть отъ японцевъ свои товары. Сирануси есть второй торговый пунктъ, выгодный только для манжуровъ, вымѣнивающихъ отъ японцевъ аинскій пушной товаръ. По моему мнѣнію, селеніе Нойоро есть, такъ сказать, узелъ всѣхъ сношеній народовъ,

населяющихъ Сахалинъ, и кромѣ того есть центръ мѣстъ пушного промысла, въ особенности соболя.

Японцы открыли свои заселенія на Сахалинѣ, какъ извѣстно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Головнинъ пишетъ, что мысль занять южную часть Сахалина пришла японскому правительству вслѣдствіе боязни, что русскіе овладѣютъ островомъ, а оттого они и заключили трактатъ съ китайскимъ императоромъ, по которому островъ Сахалинъ былъ раздѣленъ на двѣ, почти равныя, части, — южная должна была принадлежать Японіи, а сѣверная—Китаю. Можетъ быть, причина, предполагаемая Головнинымъ, имѣетъ основаніе, но, конечно, необходимость увеличить рыбные промыслы, оказавшіеся недостаточными на Итурупѣ, Пунамарѣ и Мацмаѣ для продовольствія возрастающаго населенія Японіи, вынудила японцевъ искать мѣстъ богатыхъ рыбою. Сахалинъ представилъ имъ, въ этомъ отношеніи, превосходную колонію, и по близости своей къ Японіи, и по множеству и разнородности породъ рыбъ, такъ сказать, запружающихъ его бухты и берега. Не встрѣтивъ никакого сопротивленія отъ жителей, единоплеменниковъ съ мацмайскими курильцами, японцы оцѣпили все пространство береговъ до 48 град. рыбопромышленными заведеніями. Аины скоро обращены были въ жалкихъ работниковъ, и съ помощью ихъ рыбный промыселъ принялъ огромные размѣры. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда всѣ бухты очищаются отъ льдовъ, множество джонокъ, разныхъ величинъ (отъ 10 до 30 матросовъ на каждой), собираются къ разнымъ пунктамъ, а именно: Томари, Малку, Сирануси и другимъ.

Такъ какъ вся промышленность и торговля въ Японіи находится подъ бдительнымъ присмотромъ чиновниковъ отъ правительства, то и на Сахалинѣ рыбные промыслы находятся подъ присмотромъ военнаго офицера, который для этой цѣли пріѣзжаетъ весною на Сахалинъ и уѣзжаетъ съ послѣдними уходящими джонками (судами). Итакъ, надо предполагать, что лѣтомъ собиралось много японцевъ на о. Сахалинѣ, на зиму же ихъ остается не болѣе 25-ти человѣкъ, для присмотра за строеніями и промышленными матеріалами. Кромѣ рыбнаго промысла, японцы занимаются на Сахалинѣ, въ большомъ размѣрѣ, вывариваніемъ соли изъ морской воды. Торговля ихъ на Сахалинѣ, какъ уже выше сказано, есть частная спекуляція одного начальника. Японцы считаютъ южную часть Сахалина своею землею; поэтому, законъ ихъ, недопускать иностранцевъ, примѣняется отчасти и здѣсь въ отношеніи тѣхъ народовъ, слабость которыхъ позволяетъ японцамъ, даже и съ малыми сред-

ствами, держать въ повиновеніи. Манжурамъ, гилякамъ и орокамъ запрещено ѣздить въ землю аиновъ. Для нихъ назначенъ одинъ пунктъ для мѣны, въ селеніи Сирануси. Конечно, на границѣ между жилищами аиновъ и другихъ племенъ, ничѣмъ необозначенной и неохраняемой японцами, запрещеніе это не имѣетъ силы, и, какъ выше сказано, въ селеніе Нойоро пріѣзжаютъ гиляки, и японцы знаютъ это и даже сами часто ѣздятъ туда мѣняться съ гиляками; но въ мѣста, гдѣ находятся японскія заведенія, ни одинъ гилякъ не смѣетъ показаться. Принимая во вниманіе трусливую осторожность японцевъ въ защитѣ своихъ владѣній и ограниченность средствъ японскаго правительства, удивляюсь, что, владѣя югомъ Сахалина уже болѣе 50-ти лѣтъ, они не приняли никакихъ средствъ къ защитѣ на немъ своихъ поселеній. На Итурупѣ и Куканарѣ, подобныхъ же колоніяхъ какъ и Сахалинъ, они выстроили крѣпости, вооружили ихъ пушками и поставили въ нихъ гарнизоны. На Сахалинѣ этого ничего нѣтъ. Аины разсказываютъ, что у японцевъ есть въ Томари пушки, но они ихъ спрятали, когда русскіе пришли. Можетъ быть, это правда (и я постараюсь отыскать ихъ, чтобы поставить къ себѣ), но для защиты острова недостаточно держать нѣсколько пушекъ на открытомъ мѣстѣ и безъ солдатъ.

Н. Буссе.

Отъ Редакціи. — По выходѣ въ свѣтъ октябрьской книжки нашего журнала, гдѣ было начато печатаніе этихъ мемуаровъ Н. В. Буссе, мы получили заявленіе отъ адмирала Г. И. Невельского, которому, какъ видно изъ самыхъ мемуаровъ, принадлежитъ весьма почетное мѣсто въ экспедиціи 1852 года. Ни о существованіи этихъ мемуаровъ, ни о намѣреніи наслѣдниковъ покойнаго автора—печатать ихъ, онъ ничего не зналъ, и вмѣстѣ со всѣми въ первый разъ прочелъ эти мемуары, уже на страницахъ нашего журнала. Мы считаемъ необходимымъ помѣстить у себя такое заявленіе, такъ какъ имя Г. И. Невельского въ этихъ мемуарахъ явилось напечатаннымъ вполнѣ, а это могло бы вызвать несправедливое предположеніе, что онъ былъ предувѣдомленъ наслѣдниками и далъ самъ на то свое согласіе. Судя по тѣмъ же мемуарамъ, мы видимъ, что такое заявленіе было вызвано не боязнью свѣта, и если мы предъ чѣмъ несемъ отвѣтственность, то единственно предъ скромностью лица, заслуги котораго неожиданно для него были возстановлены въ исторической памяти, занесенной съ того времени вихремъ со-

бытій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ сдѣлать заявленіе и съ нашей стороны. Печатая подобные мемуары, гдѣ упоминаются лица, живущія среди насъ, мы всегда имѣемъ въ виду прежде всего счастливую возможность легко возстановлять истину. Живымъ дороги не только ихъ честь, но и добрая память о нихъ, потому мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь пожелалъ охранять свою честь при жизни молчаніемъ, предпочитая сдѣлаться жертвой клеветы или напраслины по смерти. Притомъ, пишущій мемуары, какъ и всякій человѣкъ, выражаетъ одно свое личное мнѣніе, свои личные вкусы и взгляды, а потому не рѣдко, говоря дурно о другихъ, онъ даетъ намъ только понятіе о самомъ себѣ. Вотъ почему въ такихъ мемуарахъ мы считаемъ несправедливымъ опускать иные отзывы авторовъ о томъ или другомъ лицѣ, которое было вовсе не одному ему извѣстно: мы въ подобномъ случаѣ спасли бы не репутацію послѣдняго, а именно репутацію автора и оказали бы пристрастіе собственно ему, а не его противнику. Понятно, что при такомъ взглядѣ мы всегда охотно примемъ всякое возраженіе, всякую поправку, внушенную любовью къ истинѣ; — а это возможно только для живыхъ; пройдетъ еще десять, пятнадцать лѣтъ, и можетъ быть, возражать и защищаться будетъ некому.

ВСЕ ВПЕРЕДЪ

РОМАНЪ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ *).

Вчера Гедвигѣ казалось, что день, какъ онъ ни ясенъ, но особенно тихо и скучно тянется въ зàмкѣ Рода; птицы на вѣткахъ пѣли громче, но какъ будто печальнѣе обыкновеннаго; цвѣты въ клумбахъ благоухали сильнѣе, но менѣе восхищали. Было ли то слѣдствіемъ безсонной ночи? или же Гедвигу преслѣдовала мысль, что сегодня въ послѣдній разъ для нея солнце зайдетъ надъ зàмкомъ Рода?

Завтра должно все окончательно рѣшиться, не для нея — для нея все уже давно было порѣшено — но для принца, для всего міра; завтра конецъ отсрочки, выпрошенной принцемъ. О, она горько раскаявалась, что противъ своего убѣжденія, противно своему характеру согласилась исполнить эту просьбу, бывшую, угрозой: она уже дорого поплатилась за свою уступчивость и по всей вѣроятности поплатится еще дороже.

То были тяжелые дни для нея: ей приходилось цѣлые часы проводить въ обществѣ генеральши, видъ которой переносилъ ее къ безотраднымъ днямъ ея юности, и сама она представлялась ей прототипомъ худшаго тиранства на землѣ—хитраго, утонченнаго тиранства, прикрывающаго свою грубость самой мягкой формой; въ обществѣ тайнаго совѣтника, который съ знатными

*) См. выше: іюнь, 648; іюль, 251; авг., 729; сент., 220 и окт. 769 стр.

людьми говорилъ самымъ сладкимъ голосомъ, а съ больнымъ слугой обращался, какъ съ паршивой собакой; въ обществѣ Стефаніи, которая съ нѣкоторыхъ поръ, особенно съ пріѣзда матери, промѣняла свою прежнюю веселость на слезливыя страдальческія мины и не сводила тоскливыхъ взоровъ съ графа, очевидно съ намѣреніемъ окружавшаго необыкновенной бдительностью свою супругу, на которую прежде не обращалъ никакого вниманія въ гостяхъ; наконецъ, въ обществѣ принца, мрачно и разсѣянно обращавшагося съ своими гостями и затѣмъ по временамъ съ лихорадочнымъ оживленіемъ вмѣшивавшагося въ разговоръ — являя собой типъ человѣка, вполнѣ поглощеннаго одной мыслью и относящагося ко всему остальному совершенно механически.

И она знала какая то была мысль! Она читала ее въ робкихъ взорахъ, украдкой бросаемыхъ имъ на нее; она слышала ее въ сухихъ словахъ, съ какими онъ обращался къ ней, когда приличіе требовало, чтобы онъ съ ней заговорилъ; она слышалась ей въ смущенномъ молчаніи, въ какое онъ тотчасъ впадалъ, какъ скоро обстоятельства принуждали его остаться съ ней наединѣ на нѣсколько минутъ; все говорило, все обнаруживало ей одно: онъ страдаетъ!

Онъ страдаетъ тѣмъ, что зашелъ слишкомъ далеко! Принцъ фонъ-Рода страдаетъ, что такъ глубоко унизился, что лежалъ у ея ногъ, что вручилъ ей свою судьбу, что *да* или *нѣтъ*, сказанное ею, должно было рѣшить ихъ будущее!

И взоръ принца блуждалъ кругомъ, какъ-бы выражая, что ни на небѣ, ни на землѣ, нигдѣ не можетъ онъ найти спасенія отъ этой бѣды, и затѣмъ съ мольбой устремлялся на родственниковъ, которые сразу стали ему чрезвычайно близки, такъ близки, что онъ только теперь ощущалъ всю тяжесть прегрѣшенія, которое готовился совершить противъ нихъ и отъ котораго былъ на волосокъ. И они понимали этотъ взоръ! Они черпали въ этомъ взорѣ надежду, утѣшеніе и мужество выражать свои ощущенія, давать чувствовать, что они очень хорошо знаютъ, что опасность для нихъ уже почти миновала! Осмѣлились ли бы они иначе устроить вчерашнюю сцену за обѣдомъ? и успѣхъ оправдалъ ихъ! Принцъ одобрилъ своимъ позорнымъ молчаніемъ безсовѣстно дерзкое нападеніе на отсутствующаго, похвалы которому не сходили съ его языка въ былое время и, конечно, исходили изъ сердца!

То было каплей, переполнившей чашу. Гедвига чувствовала въ глубинѣ своего страстнаго сердца, что разрывъ между ней и принцемъ совершился; что она не можетъ больше разсчитывать

даже на дружескія отношенія, какихъ желала и какія надѣялась сохранить ради него и ради себя.

И въ этомъ страстно-горькомъ настроеніи отправилась она на фазаній дворъ и спрашивала стараго Прахатица, хочетъ и можетъ ли онъ, по первому ея призыву, во всякій часъ дня и ночи, дожидаться ее съ экипажемъ на указанномъ ею мѣстѣ, чтобы отвести ее, а куда — она еще и сама не знаетъ.

И старикъ, проведя, смуглою рукой по густымъ рѣсницамъ, отвѣчалъ, что онъ уже давно предвидѣлъ все это—и будетъ готовъ.

Гедвига проѣхала съ фазаньяго двора, черезъ лѣсъ, на утесъ, смѣло возвышавшійся надъ долиной Роды. Она въ послѣдній разъ хотѣла полюбоваться чудной картиной, которая такъ часто приковывала ея сердце и взоры: посмотрѣть на лѣса, темнѣвшіе по сю и по ту сторону, на озаренные солнцемъ луга, на зубчатыя горы, на рѣку, глубоко подъ ея ногами черной змѣей извивавшуюся вокругъ утеса, на которомъ величественно возвышался гордый замокъ, облитый горячими лучами вечерняго солнца. Прощаніе должно было быть коротко, безъ жалобъ.

Но пока она стояла тамъ наверху и прислушивалась къ страшному шопоту исполинскихъ елей, доносимому до нея вечернимъ вѣтеркомъ, и ропоту Роды, катившей свои воды по каменистому руслу, и долетавшему до нея сквозь глубокую тишину, вдругъ въ голубомъ пространствѣ неба пролетѣлъ съ веселымъ крикомъ соколъ, а великолѣпный вороной, ея любимый конь, нетерпѣливо опустивъ прекрасную голову, сталъ бить копытомъ въ голый камень, громко звенѣвшій, — слезы градомъ покатились изъ ея глазъ, и внутренній голосъ спросилъ: неужели все это возможно? неужели она должна отказаться отъ всей этой прелести и выступить на перепутье жизни, бѣдной, покинутой женщиной, слѣдуя за своей звѣздой, которая, быть можетъ, приведетъ ее къ безграничному горю, и тогда спасеніе—одна только смерть!

Но даже, еслибы и ждала тебя смерть, отвѣтилъ какой-то другой голосъ первому, — все-таки ты должна уйти отсюда; ты не можешь служить Богу и Мамонѣ!

И вотъ, внезапно въ душѣ ея воцарилось спокойствіе, глубокое спокойствіе; она вернулась въ замокъ и провела всю ночь, укладывая свои вещи, какъ человѣкъ, отправляющійся въ долгій, долгій путь, изъ котораго быть можетъ не вернется. Но въ маленькій, жалкій сундукъ, куда она укладывала свои вещи, ничего не попало изъ безчисленныхъ сокровищъ, сверкавшихъ въ открытыхъ ящикахъ и коммодахъ, ни одного изъ великолѣпныхъ платьевъ, никакихъ драгоцѣнностей; только скудный гардеробъ, принадле-

жавшій ей еще въ то время, когда она стаивала за чайнымъ столомъ генеральши, и заботливо сохраненный ею. Послѣ этого она стала жечь въ каминѣ бумаги; ей попались между прочимъ въ руки письма, полученныя отъ Германа, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Необыкновенное волненіе овладѣло ею въ то время, какъ она держала связку въ рукахъ; они были ей дороже всѣхъ остальныхъ, и съ минуту она колебалась, но затѣмъ бросила въ огонь и глядѣла какъ пламя пожирало ихъ.

— Я не могу уйти отсюда, унося въ душѣ образъ мужчины, сказала она сама себѣ. Это испортило бы мнѣ торжество настоящей минуты и лишило бы меня увѣренности въ самой себѣ,—единственнаго блага, остающагося мнѣ на будущее время.

Послѣ этого она вышла на балконъ и, вглядываясь въ сумерки, услышала сквозь утреннюю тишину стукъ экипажа на дворѣ за́мка, и вскорѣ затѣмъ увидѣла какъ черезъ мостъ проѣхала карета; она не подозрѣвала, что это уѣзжалъ принцъ.

Только сегодня утромъ услышала она объ этомъ отъ Мети. Ея первою мыслью было: онъ бѣжитъ отъ меня! а второю:—нужно воспользоваться этимъ часомъ, который быть можетъ не вернется, для моего собственнаго бѣгства! но она дала слово ждать до дня рожденія принца; она должна была его сдержать, хотя быть можетъ тотъ, кто такъ невеликодушно вынудилъ у нея это слово, уже болѣе не нуждался въ томъ, чтобы она его сдержала.

И вотъ теперь бродила она по саду, озаренному утренними лучами солнца, между клумбами, съ которыхъ доносилось до нея благоуханіе резеды и геліотропа, подъ тѣнистыми деревьями, пышныя вѣтви которыхъ тихо качались, колеблемыя утреннимъ вѣтеркомъ, а въ густой листвѣ громко распѣвали птицы; и утреннее солнце и прохладная тѣнь, лепечущій вѣтерокъ и колыхающіяся вѣтви, благоухающіе цвѣты и распѣвающія птицы— все говорило ей: прости! и въ глубинѣ ея сердца раздалось также: простите всѣ!

Въ эту минуту Гедвига увидѣла Стефанію подъ руку съ графомъ, въ сопровожденіи генеральши и тайнаго совѣтника, показавшихся въ аллеѣ; кубокъ сладкой, прощальной грусти былъ осушенъ, горькія капли ненависти остались на днѣ; она медленно повернулась и пошла къ за́мку.

— Какъ я благодарна тебѣ, Henri, за то, что ты пришелъ, говорила Стефанія, нѣжно прижимаясь къ высокой фигурѣ супруга.

— Только не волнуйся, милая Стефанія, отвѣчалъ графъ, провожая мрачными взорами Гедвигу, скрывшуюся въ кустахъ; ты знаешь, какъ строго запрещено тебѣ въ такое время вс-

кое волненіе. Вотъ что... не будете ли вы такъ добры, докторъ, подать руку моей женѣ; мнѣ нужно сказать пару словъ твоей мамá, милая Стефанія.

— Но вѣдь ничего худого не случилось? вскричала Стефанія.

— Прошу же тебя, милое дитя! возразилъ графъ, нѣсколько нетерпѣливо.

— Оставьте нашихъ политиковъ однихъ, графиня, вмѣшался тайный совѣтникъ; въ этихъ вещахъ мы, т.-е. молодыя женщины и ученые, ничего не понимаемъ.

— Какъ? вы производите меня въ старухи? вскричала генеральша, поворачиваясь назадъ и грозя пальцемъ.

Часъ тому назадъ, графъ получилъ важное извѣстіе, которое во всякомъ случаѣ не заключало для генеральши ничего неожиданнаго. Она была такъ твердо убѣждена, что на этотъ разъ война непремѣнно будетъ, и такимъ образомъ, прибавленіе къ газетѣ, вышедшее въ Берлинѣ третьяго дня поздно вечеромъ и немедленно присланное графу его пріятелемъ, барономъ Мальте, только оправдало ея пророчество:

«Его величество король отказался принять еще разъ французскаго посла и велѣлъ ему передать черезъ дежурнаго адъютанта, что его величеству больше нéчего сказать послу».

— Нашему королю давно уже нéчего было говорить ему, сказала генеральша; но лучше мы не скажемъ объ этомъ Стефаніи ни слова; къ тому же тутъ нѣтъ настоящаго объявленія войны, а это дѣло столько разъ принимало самые неожиданные обороты, что въ сущности все возможно.

Генеральша думала, что графъ хотѣлъ еще разъ переговорить съ ней объ этомъ дѣлѣ, а потому не мало удивилась и даже испугалась, когда графъ съ волненіемъ, какое до сихъ поръ старательно скрывалъ, сообщилъ ей, чтó собственно заставило его прискакать во весь карьеръ изъ Нейгофа.

— Прочитайте, сказалъ онъ, подавая ей письмо, которое вынулъ изъ кармана, когда Стефанія скрылась изъ виду вмѣстѣ съ тайнымъ совѣтникомъ; это мнѣ также пишетъ баронъ Мальте, который, какъ вамъ извѣстно, знаетъ и можетъ объ этомъ знать больше, чѣмъ кто другой. Вотъ здѣсь, эти строчки:

«Я только-что вернулся отъ ***, сообщившаго мнѣ тайну, которую я немедленно передаю вамъ, такъ какъ, очевидно, мнѣ довѣрили ее съ этой цѣлью. Его свѣтлость, ганноверскія симпатіи котораго тѣмъ извѣстнѣе здѣсь, что онъ никогда не скрывалъ ихъ, въ послѣднее время позволилъ себѣ такой образъ дѣйствій, какой самый мягкій судья назоветъ не иначе, какъ

измѣнническимъ. Все дѣло выплыло наружу при посредствѣ нѣкоего Розе или Розеля, по неизвѣстнымъ, но по всей вѣроятности весьма неблаговиднымъ причинамъ, явившагося доносчикомъ на своего господина, маркиза де-Флорвиль, съ которымъ у васъ былъ поединокъ три дня тому назадъ. Дѣло идетъ о заговорѣ in optima forma; центральный пунктъ его, разумѣется, находится въ N., но вторымъ центромъ его, какъ теперь видно, служитъ замокъ Рода, а развѣтвленія идутъ черезъ Ганноверъ и т. д., въ Брюссель и Лондонъ. Вся исторія такова, что вообще не могла бы пройти незамѣченной, но въ настоящую минуту, наканунѣ почти неизбѣжной войны съ Франціей, должна вызвать всю строгость законовъ. Такъ думаютъ и при дворѣ, гдѣ очень огорчены, что принцъ Рода могъ вступить въ товарищество съ коммунистическими портными, международными искателями приключеній и революціонными «enragés», хотя при мягкости настроенія вообще желали бы поставить милость на мѣсто права. Чаша вѣсовъ еще колеблется, но тотъ, мнѣніе котораго можетъ дать перевѣсъ, говорилъ мнѣ, что лично онъ, — какъ ему ни горько это ради васъ, — никакъ не можетъ и не станетъ совѣтовать безусловное снисхожденіе. Сегодня вечеромъ — совѣтъ министровъ, гдѣ дѣло будетъ обсуждаться оффиціально; въ ночь будутъ отправлены депеши. Послѣднія слова его были: я не могу дать графу положительнаго совѣта, кромѣ развѣ одного: убѣдить принца спокойно оставаться въ замкѣ Рода, не давать подтвержденія безумнымъ бѣгствомъ тому, что̀, при настоящихъ обстоятельствахъ, должно оставаться простымъ подозрѣніемъ, и не отнимать у насъ возможности такъ перетасовать карты, чтобы козыри остались у него на рукахъ».

— Это однако безумнѣе всего, что̀ только есть безумнаго на свѣтѣ, сказала генеральша, широко раскрывъ глаза и уставивъ ихъ на графа; этотъ старикъ можетъ ангела вывести изъ терпѣнія.

— Я дѣлалъ все что могъ, чтобы этому помѣшать, замѣтилъ графъ.

«Чтобы это вызвать», подумала генеральша и прибавила громко:

— Во всякомъ случаѣ дѣло непоправимо, но несмотря на свою опасность, оно имѣетъ также и свою хорошую сторону. Эта безумная выходка если и отпустится ему, то только ради насъ, и поставитъ его въ полную отъ насъ зависимость.

— Боюсь, какъ бы за первой безумной выходкой не послѣдовала вскорѣ и вторая, сказалъ графъ.

— Объ этомъ позаботились, то-есть, лучше сказать: я позаботилась.

— Вы уже вчера намекали мнѣ на это; долженъ сознаться, что мнѣ, до нѣкоторой степени, любопытно нѣсколько ближе ознакомиться съ планомъ вашей компаніи.

— Вы обѣщали мнѣ, Henri, предоставить полную свободу дѣйствія до завтра.

— Но вы видите мое нетерпѣніе; мнѣ кажется, что теперь совсѣмъ не время разыгрывать комедіи.

— Вы въ дурномъ расположеніи духа, Henri, замѣтила генеральша, и вслѣдствіе этого употребляете менѣе удачныя выраженія, чѣмъ обыкновенно. Если я и разыграла комедію, то во всякомъ случаѣ она сопровождалась такимъ успѣхомъ, что, полагаю, я заслуживаю нѣкоторой похвалы.

Генеральша сообщила затѣмъ своему зятю исторію съ письмами, причемъ, само собой разумѣется, разсказала только, что она посовѣтовала камердинеру Глейху, нашедшему письма и прочитавшему ихъ, представить ихъ принцу, которому, очевидно, лучше знать, какъ поступить въ такомъ особенномъ случаѣ.

— Ну-съ, чтеніе этихъ писемъ показалось столь интереснымъ, продолжала она съ злой улыбкой, что онъ не спалъ всю ночь и въ три часа утра велѣлъ запречь экипажъ, вѣроятно затѣмъ, чтобы освѣжить утреннимъ воздухомъ разгоряченную голову. Теперь онъ долженъ скоро вернуться, если полезное дѣйствіе этихъ писемъ не пропало даромъ.

— Принцъ уѣхалъ въ три часа утра и до сихъ поръ еще не возвращался! вскричалъ графъ. И вы говорите объ этомъ такъ спокойно, когда, по всей вѣроятности, это не что иное, какъ бѣгство! Очень легко могъ онъ получить увѣдомленіе отъ кого-нибудь — вѣдь у этихъ господъ всегда есть тысячи тайныхъ путей! Онъ не вернется, говорю я вамъ, и наше имя останется опозореннымъ навѣки!

— Онъ вернется, возразила генеральша, будьте увѣрены; онъ даже не взялъ своего фактотума, стараго Глейха.

— Это еще болѣе подтверждаетъ мое мнѣніе.

— Напротивъ; иначе ему пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ разстаться съ жизнью; я убѣждена, что безъ Глейха онъ не съумѣетъ лечь спать.

— Вы все еще въ шутливомъ расположеніи духа.

— И я не допущу, чтобы вы разстроили его своей неблагодарностью. Мы, женщины, разъ и навсегда должны были бы покончить, еслибы вообще разсчитывали на вашу благодарность. Дайте-ка мнѣ теперь вашу руку и не показывайте виду

Стефанія, что все еще не можете простить Гедвигѣ ея страстишки къ этому удивительному доктору.

Генеральша сказала это своимъ обычнымъ веселымъ и беззаботнымъ тономъ, хотя въ душѣ была возмущена упорствомъ, съ какимъ графъ оставался вѣренъ своей страсти,—а отсутствіе принца начинало серьезно безпокоить ее.

Время завтрака, къ которому принцъ аккуратно появлялся на нѣсколько минутъ въ салонъ, къ дамамъ, давно прошло.

Къ обѣду сегодня, какъ нарочно, никто не былъ приглашенъ, а поэтому «menu», подаваемое ежедневно утромъ принцу на обсужденіе, было предоставлено главному повару; но для завтрашняго праздника предстояло обдумать тысячу вещей.

Фонъ-Цейзель былъ въ великомъ смущеніи, такъ же какъ и Глейхъ, котораго призвала къ себѣ генеральша; онъ сомнительно покачивалъ сѣдой головой. Его свѣтлость дѣйствительно былъ необыкновенно взволнованъ сегодня ночью и, съ дозволенія сказать, казался какъ-бы помѣшаннымъ, — а уѣхать этакимъ манеромъ на разсвѣтѣ — мудреный случай, какъ вамъ угодно; конечно, его свѣтлость иногда обнаруживалъ самыя странныя фантазіи и не разъ наканунѣ своего рожденія объѣзжалъ, ни свѣтъ ни заря, свои владѣнія, чтобы вблизи поглядѣть на положеніе своихъ подданныхъ и, какъ выражался его свѣтлость, убѣдиться, что онъ можетъ весело провести наступавшій день...

Генеральша притворилась, что придаетъ огромное значеніе этому сообщенію, но графъ былъ иного мнѣнія. Настоящій случай произошелъ при необыкновенныхъ обстоятельствахъ; тутъ ужъ было принцу не до патріархальныхъ треволненій.

Безпокойство графа росло съ каждой минутой; онъ пожелалъ, чтобы фонъ-Цейзель отправилъ людей въ разныя стороны разыскивать принца. Кавалеръ заявилъ о своей готовности, но прибавилъ, что не ждетъ ничего путнаго отъ этой мѣры.

— Если его свѣтлость поѣхалъ «въ лѣсъ», сказалъ онъ, то-есть, я хочу сказать въ горы, то это будетъ все-равно, что искать куропатку на свекловичномъ полѣ, безъ собаки; но такъ какъ дамы сильно безпокоятся, да и графу кажется желательнымъ возможно скорѣе переговорить съ его свѣтлостью, то мы попытаемся, и я самъ послѣ обѣда объѣду всю окрестность. Въ послѣднее время его свѣтлость такъ полюбилъ господина фонъ-Фишбаха, что, весьма возможно, поѣхалъ прямо къ нему, и никуда больше; а въ Эрихсталь и Ротебюль мнѣ необходимо, кромѣ того, съѣздить по дѣламъ. Оттуда же до Бухгольца, — рукой подать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Фонъ-Цейзель такъ спѣшилъ уѣхать, что даже не дождался конца обѣда, несмотря на то, что сегодня обѣдъ прошелъ необыкновенно быстро, и передъ дессертомъ раскланялся съ обѣими дамами — Гедвига не выходила къ столу.

— Слава Богу, что я выбрался изъ зàмка и сижу на конѣ, сказалъ самъ себѣ фонъ-Цейзель, выѣхавъ изъ воротъ зàмка. Недоставало только тѣни Банко, чтобы вышелъ настоящій пиръ во дворцѣ Макбета. И при этомъ мы были совсѣмъ en famille! совсѣмъ, какъ въ Берлинѣ! Я чувствовалъ себя настоящимъ иностранцемъ, съ моимъ саксонскимъ говоромъ, среди этихъ картавыхъ прусскихъ трещотокъ. И къ тому же это «menu»! Мнѣ просто было совѣстно! Сейчасъ было видно, что хозяина нѣтъ дома!

Но какъ ничтожно все-таки казалось неудачное «menu» въ сравненіи со всѣмъ, чтò мутило душу честнаго кавалера! Такъ много было причинъ ему задумываться, что онъ уже и не зналъ съ чего начать — махнуть же на все рукой онъ былъ не въ состояніи, и минутами искренно сожалѣлъ, что больше не ребенокъ и не можетъ, усѣвшись гдѣ-нибудь въ уголку, выплакаться вволю.

Какимъ счастливымъ ѣхалъ онъ нѣсколько дней тому назадъ по этой самой дорогѣ!

Тучи уже и тогда сгущались на небѣ, черныя тучи, но солнце его любви все же проглядывало сквозь нихъ и согрѣвало его сердце; сегодня даже это милое солнышко не могло осилить мрачнаго тумана.

Непосредственно по правую руку отъ кавалера появился Ифлеровскій домъ, точно memento mori! Чтò толку, что онъ пришпорилъ своего коня и, проѣзжая мимо, отвернулся, устремивъ взоры на зеленую долину, лежавшую по лѣвую сторону, гдѣ онъ нѣкогда искалъ вдохновенія для своихъ стихотвореній! Онъ все же увидѣлъ, что всѣ ставни дома были закрыты, не отъ солнца, которое давно уже перешло на другую сторону, въ садъ, и тамъ пекло шесть золотыхъ рыбокъ, но отъ злого, непривѣтнаго міра, въ которомъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ умѣ Иффлеровъ, Оскаръ фонъ-Цейзель игралъ первую роль.

Мимо! мимо!

Но и въ Ротебюлѣ было не лучше. Каждая физіономія, выглядывавшая изъ окошка въ то время, какъ онъ проѣзжалъ по тихимъ, озареннымъ солнцемъ улицамъ, казалось торжествовала,

что вотъ завтра, послѣ стольких приготовленій, послѣ такихъ безконечныхъ хлопотъ и переговоровъ праздникъ все равно какъ бы не состоится!

Вотъ рыночная площадь, вотъ трактиръ «Золотой насѣдки», арена демагогическихъ происковъ въ то достопамятное утро; вотъ бесѣдка у аптеки, сквозь зеленыя стѣны которой, казалось, мелькали платья вѣроломныхъ барынь, и насмѣшливые взгляды преслѣдовали Оскара фонъ-Цейзеля, въ то время, какъ онъ проѣзжалъ возлѣ фонтана, вода котораго сонно журчала въ жаркій послѣобѣденный часъ.

Мимо! мимо!

Мимо и дальше! къ самой фабрикѣ, расположенной за городомъ, гдѣ Кернике внезапно придержалъ его лихого коня, когда увидѣлъ, что всадникъ остановился въ воротахъ.

— Не хотите ли слѣзть? спросилъ Кернике.

Фонъ-Цейзель поблагодарилъ; онъ очень спѣшитъ, ему нужно ѣхать въ Эрихсталь, а можетъ быть и въ Бухгольцъ.

— Я хотѣлъ только отдать вамъ краткій отчетъ о томъ, въ какомъ положеніи здѣсь дѣла, сказалъ Кернике.

— Въ плохомъ, конечно! вскричалъ фонъ-Цейзель.

— Да ужъ такъ, что плоше и быть нельзя, отвѣчалъ Кернике. Право можно подумать, что они всѣ здѣсь взбѣсились. Исторія съ французскимъ господиномъ произвела дурное впечатлѣніе; теперь опять война все ближе и ближе угрожаетъ намъ, и судя по сегодняшнимъ извѣстіямъ, все равно что объявлена; ну вотъ и начинаютъ подумывать о томъ, о чемъ въ здѣшнемъ скромномъ уголку неохотно думалось прежде, о томъ, что вѣдь въ сущности мы пруссаки и....

Кернике умолкъ и задумчиво погладилъ стройную шею скакуна кавалера.

— И по правдѣ говоря, вѣдь нельзя ихъ и упрекать за это. Кому желательно, чтобы вернулись старые порядки, когда никто не зналъ, кто считается поваромъ, а кто кельнеромъ въ священной римской имперіи; когда бывало кто захочетъ, тотъ и слизнетъ у насъ масло съ хлѣба, да и хлѣбъ-то еще отниметъ. Пруссія уже разъ выручила насъ изъ бѣды и теперь выручитъ, а поэтому всякій, кто только желаетъ добра Германіи, долженъ теперь стоять за Пруссію, хотя бы вообще ему и было это не по сердцу. Все это я знаю и понимаю такъ же хорошо, какъ и всякій другой, а потому мнѣ казалось очень непріятнымъ читать привѣтствіе старому принцу противъ моего убѣжденія. Въ концѣ концовъ это только испортило бы все дѣло, потому что нашимъ пришло бы въ голову: если старый господинъ выслушиваетъ привѣт-

ствіе отъ меня, когда въ глазахъ добрыхъ людей я не многимъ лучше чорта, то значитъ ужъ ему совсѣмъ плохо приходится; и вотъ вдругъ они и струсили и порѣшили сегодня въ собраніи городскихъ депутатовъ не посылать поздравленія ни in corpore— насъ всѣхъ семь человѣкъ — ни чрезъ депутата. Тоже самое толкуютъ и ремесленники, а мои товарищи-пѣвцы не хотятъ пѣть, если я не соглашусь начать съ пѣсни: «Ich bin ein Preusse!» и закончить: «Was ist des Deutschen Vaterland». Ну, я и подумалъ, что старику это не доставитъ большого удовольствія въ день его рожденія, и сказалъ этимъ господамъ, что лучше ужъ оставить всѣ наши затѣи.

Фонъ-Цейзелю пришлось-таки слѣзть съ лошади, чтобы поздороваться съ госпожей Кернике, которая вышла на дворъ изъ дому съ выраженіемъ искренней горести на хорошенькомъ, свѣжемъ личикѣ.

—Я право не виновата, сказала она, протягивая кавалеру руку.

— Я это знаю, многоуважаемая госпожа Кернике, возразилъ кавалеръ, и очень благодаренъ вамъ, и всегда буду благодаренъ, за ваше дружеское участіе.

— Добрый старый принцъ, продолжала Кернике, утирая свѣтлые сѣрые глаза; съ какимъ удовольствіемъ я произнесла бы передъ нимъ хорошенькое стихотвореніе, и право справилась бы съ своимъ дѣломъ; но сплетни сдѣлались просто невыносимы, и хотя я съ своей стороны не обращаю вниманія на то, чтó про меня скажутъ... но старикъ-то мой немножко вспыльчивъ...

— Глупости, перебилъ Кернике.

— Ну да и все же вѣдь приходится жить съ этими глупыми людьми, а тамъ дѣти начнутъ ходить въ школу и...

— Вамъ, право, нéчего извиняться, многоуважаемая госпожа Кернике, промолвилъ кавалеръ; ваша, безъ сомнѣнія, прекрасная декламація и безъ того пропала бы даромъ, такъ какъ и я долженъ былъ, по другимъ причинамъ, отмѣнить мое представленіе, и вчера еще вечеромъ m-lle Иффлеръ...

— Правда ли, что она должна была изображать лебедя, но не захотѣла лѣзть въ воду? спросила Кернике.

— Великій Боже! вскричалъ кавалеръ, какъ могли вы...

— Оказаться такой гусыней и повѣрить этому, перебила Кернике, а ея сѣрые глаза снова заискрились насмѣшкой. Ну нѣтъ, я этому не повѣрила, но весь городъ это разсказываетъ.

Гнѣдой началъ выказывать знаки нетерпѣнія, весьма кстати для всадника, котораго не мало смущалъ оборотъ, какой при-

нялъ разговоръ, и онъ поспѣшилъ раскланяться, пожавъ супругамъ руки.

«Скоро мальчишки пальцемъ будутъ на насъ показывать»! проговорилъ про себя фонъ-Цейзель, пустивъ коня крупной рысью вдоль по шоссе; «и при этомъ еще никто не знаетъ, какъ провалился нашъ праздникъ въ дѣйствительности. Не доставало только, чтобы его свѣтлость забилъ себѣ въ голову не возвращаться, пока не пройдетъ день его рожденія. При настоящемъ положеніи дѣлъ всего можно ожидать».

Фонъ-Цейзель прибылъ въ Эрихсталь, гдѣ управляющій съ нетерпѣніемъ ждалъ разныхъ важныхъ приказаній на завтрашній день. Сколько индѣекъ послать на кухню? Довольно ли будетъ шести упряжекъ лошадей, чтобы привезти ротебюльскихъ дамъ и отвезти ихъ обратно домой, послѣ праздника? И какъ распорядиться съ процессій юношей и дѣвушекъ изъ Эрихсталя и изъ другихъ пяти близлежащихъ имѣній принца, во время иллюминаціи? Должны ли люди явиться въ полномъ порядкѣ на дворъ зáмка, или же ихъ разставятъ уже тамъ, гдѣ это будетъ удобнѣе?

— Я просто съума сойду, сказалъ кавалеръ, отвѣчая, противъ своего обыкновенія, на тотъ или другой вопросъ съ смущеніемъ и неохотой; я попалъ въ настоящее чистилище. Да, чистилище, думалъ онъ, это самое подходящее слово! Но вѣдь черезъ чистилище идетъ дорога въ рай, который отпираетъ для меня прелестнѣйшій изъ ангеловъ.

Передъ всадникомъ, въ глубинѣ долины, куда онъ теперь спускался, лежало имѣніе, почти скрытое отъ глазъ деревьями и кустарниками: виднѣлись только красные гребни нѣкоторыхъ зданій, и наконецъ показалась бѣлая крыша господскаго дома.

Кавалеръ приподнялся на стременахъ и вздыхая посылалъ поцѣлуи въ этомъ направленіи, затѣмъ пустилъ коня бѣшенымъ галопомъ, и черезъ нѣсколько минутъ очутился на томъ мѣстѣ, откуда вела кратчайшая проселочная дорога вдоль берега ручейка, усаженнаго ольхами и ивами, черезъ хорошенькую долину, прямо въ Бухгольцъ.

Кавалеръ предпочелъ ѣхать по этой дорогѣ, которую онъ уже воспѣлъ въ своемъ сонетѣ, а счастливый сонъ вскорѣ затѣмъ представилъ ему эту дорогу ареной пріятнѣйшей сцены—fata morgana блаженства, въ дѣйствительность котораго Оскаръ фонъ-Цейзель вѣрилъ только во снѣ.

Гнѣдой давно уже перешелъ изъ поэтическаго галопа въ пре-

зрѣнную рысь, и наконецъ нашелъ нужнымъ замѣнить ее меланхолическимъ шагомъ.

Кавалеръ вздыхалъ:

— Умное животное знаетъ, что незванному гостю нечего торопиться.

Вдругъ гнѣдой навострилъ уши и въ ту же минуту сердце Оскара сильно забилось. Изъ ивовыхъ кустарниковъ, въ которыхъ терялась тропинка, раздался свѣжій дѣвичій голосокъ, громко запѣвшій пѣсенку, показавшуюся Оскару фонъ-Цейзелю слаще трелей соловья. Пѣвунья умолкла на минуту, и какъ будто тщетно дожидалась отвѣта, потому что затянула теперь народную пѣсенку, меланхолическій напѣвъ которой былъ для Оскара фонъ-Цейзеля трогательнѣе жалобы соловья.

То былъ сонетъ, за которымъ долженъ былъ осуществиться сонъ.

И какъ было во снѣ, кавалеръ поѣхалъ навстрѣчу голосу, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ замираніемъ духа.

— Боже мой, какъ вы меня испугали!

Фонъ-Цейзель соскочилъ съ сѣдла и сталъ, перекинувъ черезъ руку поводья, снявъ шляпу и съ раскраснѣвшимся лицомъ, передъ раскраснѣвшейся молодой дѣвушкой, бормоча извиненіе, которое едва ли было разслышано.

Адель серьезно испугалась, когда неожиданно увидѣла передъ собой того, кто занималъ ея мысли.

Но радостное смущеніе длилось всего нѣсколько моментовъ; затѣмъ они пошли рядомъ по узкой тропинкѣ, по которой пришла Адель: фонъ-Цейзель велъ гнѣдого подъ уздцы.

Фонъ-Цейзель успѣлъ уже спросить: не находится ли принцъ въ гостяхъ у господина фонъ-Фишбаха? но получилъ отрицательный отвѣтъ. Принцъ пріѣзжалъ третьяго дня и казался очень печальнымъ.

— Такъ что у меня сердце болѣло на него глядя, досказала Адель; я искренно полюбила добраго принца; онъ всегда такъ милостиво относился ко мнѣ, и его несчастіе трогаетъ меня до глубины души; а вѣдь онъ несчастливъ, неправда ли?

— Богу извѣстно! отвѣчалъ фонъ-Цейзель, вздыхая.

— Да и супруга его также, продолжала Адель, а ее я тоже полюбила въ послѣднее время; я все себя спрашиваю: зачѣмъ только они женились?

— Богъ знаетъ, отвѣчалъ фонъ-Цейзель.

— Быть можетъ, молодой дѣвушкѣ неприлично говорить объ этихъ вещахъ, замѣтила Адель, но мама́ и я, мы ни о чемъ другомъ не говоримъ цѣлый день, а папа́ также не можетъ выки-

нуть этого изъ головы, хотя и говоритъ, что это не наше дѣло. Папа́, надо вамъ сказать, влюбленъ въ принца и говоритъ, что ему очень прискорбно то, что онъ прежде постоянно избѣгалъ его. Но нехорошо съ моей стороны занимать васъ такими печальными разговорами.

— Почему нехорошо?

— Потому что вы всегда такъ веселы и беззаботны.

— Я веселъ и беззаботенъ? вскричалъ фонъ-Цейзель тономъ оскорбленной невинности.

— Но развѣ преступно быть веселымъ и беззаботнымъ? спросила изумленная Адель.

— Не въ томъ дѣло, возразилъ фонъ-Цейзель, но въ томъ, что именно я не веселъ и не беззаботенъ, и меньше всѣхъ людей имѣю причины быть веселымъ и беззаботнымъ.

— Какъ можете вы говорить это, даже въ шутку, вскричала Адель. Право, вы клеплете на себя.

— Я говорю совершенно серьезно, проговорилъ фонъ-Цейзель, кладя руку на сердце и такимъ печальнымъ голосомъ, что Адель перепугалась.

Несмотря на завѣренія кавалера, она была убѣждена, что онъ, какъ утверждали всѣ, тайно помолвленъ съ Элизой Иффлеръ, и что только бѣдность мѣшаетъ ему жениться на ней. Она была настолько несебялюбива, что принимала къ сердцу печальное положеніе милаго молодого человѣка и даже немного сердилась на него за то, что онъ такъ легко къ нему относился. Теперь она увидѣла, что ошиблась и даже затронула больное мѣсто его сердцѣ.

— Виновата, проговорила она, съ моей стороны нехорошо было сомнѣваться въ вашей печали. Но чужая душа — потемки.

— Совершенная правда, повторилъ кавалеръ, бросая страстный взоръ на молодую дѣвушку, которая шла возлѣ него съ опущенными глазами:—чужая душа потемки!

— Небо снисходительно къ скромнымъ желаніямъ, утѣшала Адель.

— Но я вовсе не скроменъ, вскричалъ кавалеръ:—я самый смѣлый изъ людей, я желаю самаго лучшаго, самаго прекраснаго, что̀ только есть на землѣ.

— Вы еще будете счастливы, повѣрьте мнѣ, замѣтила Адель.

— Никогда, вскричалъ кавалеръ, никогда! Счастіе мое недосягаемо, какъ звѣзды.

«Бѣдный, бѣдный!» подумала сострадательная дѣвушка.

И затѣмъ вспомнивъ, какъ благосклонно относится къ кавалеру ея отецъ, который еще вчера вечеромъ сказалъ: «я готовъ отдать фонъ-Цейзелю въ аренду Бухгольцъ, когда мнѣ надоѣстъ хозяйничать»,—медленно проговорила:

— Переговорите съ моимъ отцомъ.

— Вы позволяете? вы разрѣшаете? вскричалъ кавалеръ.— Милая, очаровательная дѣвушка!

Такъ какъ ему понадобились въ эту минуту обѣ руки, то онъ выпустилъ поводья и предоставилъ гнѣдому свободу, но послѣднiй, какъ разумный конь, не захотѣлъ въ такую важную для его господина минуту выкинуть какой-нибудь штуки, и спокойно шелъ сзади, поднимая время отъ времени голову, чтобы не наступить на поводья.

— Это ужасно съ вашей стороны! Я этого не заслужила! рыдала Адель, вырываясь изъ объятiй черезъ-чуръ смѣлаго кавалера.

Фонъ-Цейзель остановился, какъ вкопанный. Какъ! Ему позволяютъ переговорить съ отцомъ и не позволяютъ поблагодарить за такiя милыя, неоцѣненныя, небесныя, блаженныя слова жаркимъ поцѣлуемъ! Слыханное ли дѣло, чтобы влюбленные, когда имъ разрѣшали переговорить съ отцемъ, не отвѣчали на это разрѣшенiе поцѣлуемъ! Да и развѣ возможенъ другой отвѣтъ?

Онъ не сказалъ и не спросилъ этого словами; но его нѣжные, полные укора взоры, грустное подергиванiе хорошенькихъ, алыхъ губъ говорили и вопрошали объ этомъ, и такъ или иначе, а Адель, должно быть, поняла этотъ нѣмой языкъ, потому что гнѣдой, въ то время какъ влюбленная пара шла впереди него по рощѣ, сквозь густые вѣтви которой проникали красноватые лучи вечерняго солнца, нашелъ приличнымъ воспользоваться досугомъ и пощипать, насколько позволяли поводья, короткую, сочную траву.

— Боже мой, отецъ! сказала Адель, когда внезапно послышался невдалекѣ громкiй голосъ господина фонъ-Фишбаха, звавшiй ее по имени.

— Развѣ ты не предлагала мнѣ переговорить съ нимъ? спросилъ храбрый кавалеръ, еще разъ прижимая къ сердцу раскраснѣвшуюся дѣвушку.

— Адель! Адель!

— И мамà здѣсь, прошептала Адель.

— Мамá также скажетъ *да* и *аминь*, вскричалъ кавалеръ; пойдемъ, моя прелесть, къ нимъ навстрѣчу. Я не боюсь никого въ свѣтѣ, а всего менѣе твоихъ добрыхъ родителей.

Непосредственно за рощей былъ перекинутъ мостикъ черезъ ручей, и когда счастливый Оскаръ, одной рукой ведя любимую дѣвушку, а другой гнѣдого, съ скромной храбростью выступилъ изъ-за послѣднихъ кустовъ, то увидѣлъ — точно въ своемъ снѣ — господина и госпожу фонъ-Фишбахъ; первый, приставивъ руки ко рту, готовился снова крикнуть: Адель! вторая, прислонясь къ периламъ мостика, кормила булкой, которую принесла съ собою, рыбъ, стоявшихъ здѣсь противъ теченія. То былъ прекрасный сонъ Оскара, воплотившійся въ прекрасную дѣйствительность. Послѣдняя робость исчезла въ его душѣ и съ силой придерживая маленькую руку, которая выказывала стремленіе выскользнуть изъ его руки, онъ подошелъ къ почтенной парѣ и началъ:

— Многоуважаемый....

— Ульрихъ, что я говорила тебѣ вчера вечеромъ? вскричала добрая женщина, бросая при этомъ остатокъ булки въ воду; сначала она всплеснула руками отъ изумленія, а затѣмъ раскрыла объятія Адели, которая съ порывистой нѣжностью бросилась на грудь матери.

— Конечно, сказалъ фонъ-Фишбахъ, но.....

— Любезный, дорогой господинъ фонъ-Фишбахъ, заговорилъ кавалеръ, тряся несовсѣмъ охотно протянутую руку почтеннаго старика: — прошу, умоляю васъ, не омрачайте чудной прелести этой счастливой минуты злополучнымъ *но!*

— Могу сказать, что никогда не служилъ помѣхой ничьему счастію, возразилъ фонъ-Фишбахъ съ добродушной улыбкой. — Ахъ, ты маленькая колдунья, кто бы этому повѣрилъ. Но я также хочу, чтобы и меня поцѣловали.

Адель вырвалась изъ объятій матери и бросилась въ объятія отца, между тѣмъ какъ Оскаръ фонъ-Цейзель поспѣшилъ прижать къ губамъ, въ порывѣ сердечной благодарности, руку доброй старухи.

— Полагаю, что пора идти домой, сказалъ фонъ-Фишбахъ; форели, я думаю, совсѣмъ больше никуда не годятся; но такъ всегда бываетъ, когда молодые люди выкидываютъ такіе пассажи и заставляютъ себя долго искать передъ ужиномъ.

— Что за бѣда, если, въ концѣ концовъ, эти молодые люди найдутъ другъ друга, прошепталъ счастливый кавалеръ, съ нѣжностью глядя на свою молодую, хорошенькую невѣсту.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Форели, пожалуй, что перестояли минутъ пять, но за то рейнвейнъ пролежалъ сколько слѣдовало въ погребѣ. Мужчины долго еще послѣ ужина сидѣли за второй бутылкой стараго вина, такъ долго, что терпѣніе младшаго подвергалось жестокому искусу. Но старшій засмѣялся и сказалъ:

— Вамъ не по себѣ, точно рыбѣ, пойманной на крючекъ; ничего, потерпите еще маленько. Нашего брата рано или поздно сдаютъ въ архивъ, а потому слѣдуетъ ковать желѣзо, пока горячо: то-есть пользоваться временемъ, пока мы еще нужны. А я еще вамъ пригожусь, любезный фонъ-Цейзель, на первыхъ порахъ. Мнѣ вѣдь нужно теперь — въ противность всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ — переманить васъ отъ принца; вѣдь вамъ безъ меня не справиться. Его свѣтлость очень къ вамъ привязанъ, а потому надо повести дѣло тонко, очень тонко.

— Не знаю, отвѣчалъ фонъ-Цейзель, долго ли еще мы будемъ ладить съ его свѣтлостью. Въ послѣднее время наши возрѣнія часто расходились, и если дѣло дойдетъ до войны, то......

Фонъ-Цейзель внезапно остановился и бросилъ взглядъ на Адель, которая прохаживалась съ матерью взадъ и впередъ по саду, надъ которымъ начинали уже сгущаться ночныя тѣни. Онъ часто въ послѣдніе дни взвѣшивалъ всѣ шансы войны и ни минуты не сомнѣвался въ томъ, какъ ему слѣдовало поступить въ случаѣ, если она будетъ объявлена; но въ то время, когда онъ предполагалъ идти на войну, онъ былъ бѣднымъ Оскаромъ фонъ-Цейзелемъ, который, какъ ему извѣстно, никому не былъ особенно дорогъ, а теперь онъ объявленъ женихомъ милѣйшей дѣвушки. Эта мысль тяжко отозвалась въ его сердцѣ, и онъ запилъ нѣсколькими медленными глотками вина слова, остановившіяся у него въ горлѣ.

— Да, конечно, отвѣчалъ фонъ-Фишбахъ, посматривая робко на обѣ женскія фигуры, тогда и безъ того выйдетъ abonnement suspendu. Что вы должны идти на войну, — это также вѣрно какъ и то, что я желаю васъ назвать своимъ зятемъ, и еслибы это отъ меня зависѣло, то вы отправились бы вмѣстѣ съ своимъ тестемъ. Но когда доживешь до пятидесятипяти лѣтъ, не будучи военнымъ по призванію, да къ тому же страдаешь ревматизмами, то понимаешь, что сперва нужно предоставить мѣсто болѣе молодымъ. Боже мой, кто же не желаетъ, чтобы чаша сія миновала насъ! Я никому не завидую, кто этого

не желаетъ, всего же менѣе вашему принцу. Онъ желалъ бы вычеркнуть все время, начиная съ 1866-го года, что я говорю?! начиная съ самаго 1815-го года и еще ранѣе, для того, чтобы онъ и дюжины двѣ пыльныхъ, изъѣденныхъ червями пергаментовъ восторжествовали надъ девятью десятыми всѣхъ нѣмцевъ и надъ всемірной исторіей. Я не понимаю, какъ такой добрый и вообще разумный человѣкъ оказывается такимъ безумцемъ именно на этомъ пунктѣ. Само собой разумѣется, что ему пришлось стать въ ложное, невыносимое положеніе относительно графа, хотя я точно также не могу одобрить точки зрѣнія этого послѣдняго. Желать войны болѣе или менѣе ради самой войны—этого рѣшительно нельзя оправдать, потому что это значитъ сознательно или безсознательно питать тѣ элементы, изъ которыхъ родится война. И такова точка зрѣнія, насколько я могу судить, всего прусскаго военнаго дворянства, за немногими исключеніями, и всѣхъ, кто находится съ нимъ въ связи. Это стремленіе даетъ ему въ эпоху, столь насыщенную воинственными элементами, какова къ сожалѣнію настоящая, необыкновенный перевѣсъ надъ всѣми остальными сословіями, подобно тому какъ въ комнатѣ больного самымъ важнымъ человѣкомъ является докторъ, на котораго всѣ взираютъ съ робкимъ почтеніемъ. Но если чрезвычайныя обстоятельства обусловливаютъ особенный масштабъ для оцѣнки людей, то вѣдь оцѣнка эта лишь относительная, и это слѣдуетъ уразумѣть членамъ нашего сословія, а не то они рискуютъ обезславить себя и насъ на будущія времена, которыя должны же наступить и непремѣнно наступятъ,—мало того: они сдѣлаютъ насъ невозможными.

— Вы высказали то, что у меня таилось на днѣ души, сказалъ кавалеръ, протягивая старику черезъ столъ руку. Теперь мнѣ ясно стало: почему, когда мы говоримъ съ графомъ о войнѣ, мнѣ кажется, точно мы говоримъ о двухъ разныхъ вещахъ, и почему я никакъ не могу побѣдить нѣкоторой антипатіи къ нему, несмотря на то, что, вообще говоря, восхищаюсь имъ.

— Да, да, вставилъ господинъ фонъ-Фишбахъ, смѣясь,—какъ леопардъ—львомъ! Вѣдь мы всѣ не даромъ происходимъ отъ хищныхъ звѣрей, я хотѣлъ сказать отъ хищныхъ рыцарей—подразумѣваю наши старинные роды, — ну и въ нашихъ прусскихъ собратахъ сохранилось нѣсколько больше первоначальной, естественной дикости, чѣмъ въ насъ, тюрингенцахъ и саксонцахъ, уже прирученныхъ до нѣкоторой степени. Это сознаніе развиваетъ у нихъ гордую, рѣзкую манеру держать себя, а милые плебеи восхищаются ею. Такъ, недавно, кондукторъ на желѣзной дорогѣ, когда я шелъ по платформѣ вмѣстѣ съ Нейгофомъ,

отперъ барону вагонъ перваго класса, а мнѣ закричалъ безъ дальнѣйшихъ околичностей: «второй классъ дальше»! Да, да, любезный Цейзель, насъ перемѣстили во второй классъ! Такъ-то! Ну, а теперь я не хочу долѣе сдерживать вашего нетерпѣнія. Пойдемте! Мнѣ еще нужно переговорить съ женой, а вы, молодежь, можете тѣмъ временемъ помечтать при лунномъ свѣтѣ.

То былъ счастливый вечеръ для Оскара фонъ-Цейзеля, и ночь уже спустилась на землю, когда онъ снова очутился на сѣдлѣ и поскакалъ по шоссе.

Его проводили часть дороги, и поцѣлуй, которымъ наградила его невѣста въ минуту разставанья, въ присутствіи родителей, еще горѣлъ на его устахъ.

Блаженство переполняло его грудь, и быстрый бѣгъ ретиваго гнѣдого, давно уже отдохнувшаго отъ сильной ѣзды, содѣйствовалъ къ необыкновенному возбужденію всѣхъ его жизненныхъ силъ.

Всѣ благородныя чувства, когда-либо оживлявшія его душу, казалось разомъ нахлынули въ нее; всѣ поэтическія мысли, когда-либо носившіяся въ его воображеніи, казалось перешли въ дѣйствительность: онѣ какъ будто воплотились въ лучахъ мѣсяца, отражавшихся въ водѣ ручейка, въ ропотѣ ночного вѣтерка, перебиравшаго вѣтви деревьевъ, въ звукѣ копытъ его коня, въ крикѣ куропатки, доносившемся съ пшеничнаго поля, въ бальзамическомъ благоуханіи скошеннаго сѣна на лугахъ.

— О счастіе, о блаженство! повторялъ молодой человѣкъ. Неужели это возможно? Неужели все это не мечта? Нѣтъ, Оскаръ, прочь теперь всѣ мечты! Теперь надо жить, дѣйствовать для нея, для меня, для людей, которые отъ насъ будутъ зависѣть и которыхъ мы должны всѣхъ сдѣлать счастливыми, не такими счастливыми, какъ мы — этого невозможно, какъ ни старайся — но все-таки счастливыми, настолько счастливыми, насколько можетъ быть счастливъ человѣкъ, который не любитъ и не любимъ такъ, какъ я!

И передъ его восхищенными взорами вставало будущее, исполненное мира и радостей, мирная, счастливая жизнь помѣщика и сельскаго хозяина. Онъ мысленно видѣлъ себя на полѣ верхомъ, среди жнецовъ и жницъ; видѣлъ себя въ высокихъ сапогахъ на дворѣ Бухгольца въ то время, какъ подъѣзжаютъ нагруженныя сѣномъ фуры; онъ видѣлъ вокругъ себя веселящіяся пары, танцующія во время веселаго храмового праздника.

Ржаніе гнѣдого прервало его мирныя фантазіи; лошадь под-

няла голову, навострила уши и снова заржала, и въ эту минуту всаднику также послышался стукъ копытъ.

Судя по всему, нѣсколько лошадей, по меньшей мѣрѣ дв, скакали во весь карьеръ: стукъ копытъ, хотя, быть можетъ, и невѣрно доносимый вечернимъ вѣтеркомъ, быстро приближал

И отъ этого глухого, все ближе и ближе приближавшагося стука, забилось сердце въ груди у мужественнаго кавалера. Предчувствіе сказало ему, что эти всадники должны быть гонц везущіе недобрую вѣсть. Были ли то люди, которыхъ онъ послалъ розыскивать принца? Быть можетъ, они нашли его мертвымъ? Великій Боже! Въ теченіи долгихъ часовъ онъ ни раз и не вспомнилъ о томъ, зачѣмъ собственно поѣхалъ!

Ближе, ближе подъѣзжаютъ всадники; гнѣдой, котораго кавалеръ придержалъ, чтобы удобнѣе прислушиваться, рылъ землю, словно отъ нетерпѣнія принять участіе въ скачкѣ, и наконецъ, противъ своего обыкновенія, взвился на дыбы въ тотъ моментъ, какъ всадники обогнули крутой поворотъ дороги и проскакали мимо него, такъ что кавалеръ съ трудомъ его осадилъ.

Онъ пришпорилъ гнѣдого и въ одно мгновеніе очутил возлѣ всадниковъ, въ которыхъ теперь узналъ графа и барона Нейгофа.

— Добраго вечера, господа! Куда вы такъ спѣшите?

— Ахъ, господинъ фонъ-Цейзель!

— Что̀ случилось, графъ?

— Война объявлена!

— Не можетъ быть!

— Ну это было бы печально! Къ счастію извѣстіе вполнѣ достовѣрное. Нейгофъ былъ на станціи, когда депеша, которая пришла сегодня въ семь часовъ вечера въ Берлинъ, проходила здѣсь. Какъ удачно, что мнѣ пришло въ голову, когда вы уѣхали, съѣздить еще разъ въ Нейгофъ.

— Но я во всякомъ случаѣ сообщилъ бы тебѣ эту новость, сказалъ баронъ.

— Пожалуй, что и нѣтъ; ты принадлежишь къ числу людей, которые способны радоваться въ одиночку.

— Вернулся ли его свѣтлость?

— Нѣтъ; а вы съ какими вѣстями?

— Онъ не былъ ни въ Эрихсталѣ, ни въ Бухгольцѣ; и надѣюсь, что въ наше отсутствіе онъ вернулся.

— Я очень этого желаю.

Во время этого разговора всадники не пріостановили лошадей. Напротивъ того, благородныя животныя только тепер

когда ихъ было трое, нашли особенно пріятнымъ скакать, какъ бы въ перегонку, и такъ какъ всѣ трое были хорошими скакунами, то ни одно не могло опередить другого.

Но въ самихъ всадникахъ трепетало нервное возбужденіе, которому бѣшеная скачка, среди ночи, служила противодѣйствіемъ—въ ушахъ ихъ звучала музыка, для которой стукъ копытъ служилъ аккомпаниментомъ: музыка рожковъ, трубящихъ аттаку, которую каждый изъ нихъ не разъ слышалъ на полѣ битвы.

Такъ летѣли они во весь карьеръ въ тишинѣ ночи: изгороди, деревья, отдѣльно стоявшіе дома мелькали передъ ихъ глазами, а затѣмъ промелькнуло большое строеніе и раздался лай собакъ; затѣмъ опять пошли изгороди, деревья, дома; наконецъ показалась фабрика Кернике; передъ ней стоялъ владѣлецъ, куря вечернюю трубку.

— Э! господинъ фонъ-Цейзель? Господи помилуй!

— Война объявлена!

Кавалеръ придержалъ свою лошадь, чтобы слова явственно донеслись до Кернике, и затѣмъ нагналъ другихъ.

— Что́ случилось?

— Я передалъ извѣстіе Кернике.

— Ему какое дѣло?

И вотъ снова разверзлась пропасть, существовавшая между нимъ и прусскимъ графомъ.

Какое ему дѣло? Великій Боже! Да кому же нѣтъ дѣла до войны? Чья жизнь, чье имущество не замѣшаны въ дѣлѣ? Долго ли еще придется добрымъ людямъ въ Ротебюлѣ, въ узкихъ улицахъ котораго гремѣли теперь копыта лошадей, спокойно посиживать, болтая передъ дверьми своихъ домиковъ долго ли будутъ еще дѣвушки спокойно черпать воду у журчащаго фонтана? Долго ли еще ночное небо не будетъ озаряться заревомъ пылающихъ городовъ и деревень? Долго ли будутъ извозчики также спокойно ночью, какъ и днемъ, проходить съ трубкой во рту возлѣ своихъ, побрякивающихъ бубенчиками, лошадей? И всѣмъ имъ нѣтъ, будто бы, дѣла до войны? Великій Боже!

Тутъ они остановились на дворѣ за́мка и соскочили съ сѣделъ, между тѣмъ какъ конюхи схватили подъ уздцы лошадей, покрытыхъ пѣной, а на подъѣздѣ показались слуги.

— Его свѣтлость вернулся?

— Никакъ нѣтъ, господинъ графъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

На слѣдующій день, въ обѣденное время, дворъ зàмка представлялъ курьезное зрѣлище. Толпа людей двигалась въ безпорядкѣ: больше всего было мужчинъ, но не мало и женщинъ, даже дѣтей; пестрая толпа жителей и бюргеровъ Ротебюля, арендаторовъ, рабочихъ изъ имѣній принца, лежавшихъ въ долинѣ, крестьянъ, угольщиковъ «изъ лѣса», рудокоповъ—постоянно прибывала; одни, утомившись ждать, — уходили, взамѣнъ имъ прибывали новые черезъ темныя ворота. На лицахъ всѣхъ этихъ людей замѣтна была одна и та же забота, одно и то же напряженіе; на устахъ всѣхъ вертѣлись одни и тѣ же вопросы: дойдетъ ли въ самомъ дѣлѣ до войны? неужели онъ все еще не отыскался?

Дѣло, конечно, дойдетъ до войны, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; господинъ графъ самолично разнесъ это извѣстіе вчера вечеромъ по Ротебюлю; сегодня утромъ уже появились печатныя депеши; а полчаса тому назадъ прибыло извѣстіе отъ господина оберфорстмейстера, что его свѣтлость провелъ ночь у него, и со стороны господина фонъ-Цейзеля непростительно нагонять такой страхъ на людей и посылать гонцевъ повсюду, за исключеніемъ именно того мѣста, гдѣ всякій другой прежде всего поискалъ бы его свѣтлость.

— Да, конечно, замѣтилъ одинъ коренастый арендаторъ, входя въ толпу; но для нашего принца было бы, можетъ быть, не хуже, еслибы онъ вовсе не вернулся; война не доставитъ ему большихъ радостей.

— Да, да, сказалъ другой, въ этомъ дѣлѣ нашъ господинъ графъ болѣе на мѣстѣ; и давеча, пока не прибылъ посланный отъ господина оберфорстмейстера, его ужъ было-хотѣли сдѣлать нашимъ принцемъ; но онъ не согласился на это.

— И хорошо сдѣлалъ, сказалъ коренастый арендаторъ.

— Конечно, вѣдь старикъ еще живъ! вскричалъ изъ толпы одинъ ротебюльскій острякъ.

Остальные засмѣялись.

— И проживетъ, надѣюсь, еще много, много лѣтъ, сказалъ арендаторъ, отворачиваясь съ негодованіемъ.

— Это никакъ одинъ изъ тѣхъ, у которыхъ душа въ пятки ушла, замѣтилъ острякъ.

— И который сочувствуетъ французамъ, замѣтилъ другой.

— Это не настоящій нѣмецъ!

— И плохой пруссакъ.

— Графъ у окна! Ура! да здравствуетъ нашъ графъ, и еще разъ ура! и въ третій разъ ура!

«Ich bin ein Preusse, kennt ihr meine Farben», затянулъ ротебюлецъ.

Стоящіе вокругъ него подхватили, и когда, на верху одной изъ башень, появился, развѣваемый вѣтромъ, большой черный съ бѣлымъ флагъ, то хоръ, все болѣе и болѣе прибывающій, громогласно запѣлъ:

«Die Fahne weht uns schwarz und weiss voran!»

Тѣснились впередъ посмотрѣть на окно, у котораго все еще стоялъ графъ, повернувшись спиной къ толпѣ и горячо разговаривая съ господиномъ, прибывшимъ полчаса тому назадъ на курьерскихъ. Пѣснь раздавалась тѣмъ громче, чѣмъ менѣе графъ повидимому обращалъ на нее вниманія; толпа тѣснилась, продолжая пѣть, и такъ ревностно глазѣла, что немногіе только оглянулись, когда на дворъ замка въѣхалъ охотничій экипажъ и остановился у одного изъ боковыхъ подъѣздовъ.

Изъ него вышли два господина и тотчасъ же исчезли въ дверяхъ.

— Не его ли свѣтлость это? спросилъ одинъ.

— Что вы! это — оберфорстмейстеръ и какой-то старый господинъ съ бѣлыми, какъ лунь, волосами, замѣтилъ другой.

Вслѣдъ затѣмъ, на вышкѣ другой башни взвился флагъ принца Рода, который всегда тамъ развѣвался, когда его свѣтлость находился въ замкѣ.

— Его свѣтлость вернулся! закричало нѣсколько голосовъ. Ура! да здравствуетъ нашъ принцъ!

Но остальные или не замѣтили флага, или сочли своей обязанностью ревностнѣе показать свой патріотизмъ, и какъ на какомъ-нибудь торжествѣ гудѣло и гремѣло:

«Ich bin ein Preusse, will ein Preusse sein!»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Принцъ по пріѣздѣ немедленно удалился въ свой кабинетъ и просилъ черезъ фонъ-Цейзеля, чтобы хоть на одинъ часъ его оставили въ покоѣ.

Фонъ-Цейзель стоялъ съ оберфорстмейстеромъ въ глубокой оконной нишѣ одной изъ пріемныхъ и тихо разговаривалъ.

— Жалость глядѣть на него, сказалъ оберфорстмейстеръ: вчера вечеромъ онъ былъ сѣдъ, сегодня утромъ сталъ бѣлъ какъ

лунь; въ теченіи двадцати четырехъ часовъ онъ превратился въ старца.

— Когда онъ вчера пріѣхалъ? спросилъ кавалеръ.

— Около десяти, отвѣчалъ оберфорстмейстеръ; я только-что хотѣлъ ложиться спать, вдругъ подъѣзжаетъ экипажъ шагомъ и останавливается у моихъ дверей. Я приподнялъ штору, не подозрѣвая ничего худого, но выронилъ ее отъ испуга, узнавъ старый охотничій экипажъ его свѣтлости, а въ экипажѣ его самого. Самъ не знаю почему, но меня сейчасъ же охватило предчувствіе, что случилось какое-нибудь несчастіе. Ну, а когда онъ бросился изъ экипажа мнѣ въ объятія, и я, бѣдный больной человѣкъ, долженъ былъ почти внести его въ домъ, его, обыкновенно такого сильнаго, то нельзя было долѣе сомнѣваться: мое предчувствіе меня не обмануло.

Фонъ-Кессельбушъ провелъ платкомъ по влажнымъ рѣсницамъ.

— Гдѣ же былъ онъ все время? спросилъ кавалеръ.

— Одному Богу извѣстно, отвѣчалъ оберфорстмейстеръ, болѣе никому; даже Іоганнъ Крейзеръ, который правилъ лошадьми и тотъ не знаетъ. Старикъ былъ совершенно сокрушенъ и плакалъ какъ ребенокъ, когда я позже разспрашивалъ его на кухнѣ. Они были вездѣ, въ Гюнерфельдѣ, Дакслохѣ, у каменноугольныхъ копей наверху въ Вюсттрумней — онъ и самъ хорошенько не знаетъ; кружились они, кружились взадъ и впередъ, вверхъ и внизъ, то сюда, то туда, попадали въ такія мѣста, куда заходятъ лишь олени, да браконьеры. По временамъ принцъ останавливалъ лошадей, садился то на пень, то на камень, подпиралъ голову рукой и просиживалъ такъ по нѣскольку часовъ, не двигаясь, не говоря ни слова, такъ что старый Іоганнъ отъ горя и страха чуть не помѣшался. Онъ говоритъ, что не хотѣлъ бы пережить еще такой день ни за какія блага въ мірѣ. Наконецъ къ вечеру, когда лошади совсѣмъ уже пристали, онъ собрался съ духомъ и несмотря на то, что ему постоянно приказывали ѣхать «дальше», повернулъ къ охотничьему зàмку, въ сосѣдствѣ съ которымъ они очутились, онъ и самъ не знаетъ кáкъ.

— А развѣ съ вами онъ совсѣмъ не говорилъ? спросилъ кавалеръ.

— Какже, продолжалъ оберфорстмейстеръ, часа два позднѣе, такъ около часу пополуночи, когда пробудился отъ тревожнаго сна, которымъ было-забылся. Но тутъ онъ говорилъ только о былыхъ временахъ, которыя мы съ нимъ вмѣстѣ пережили, и припѣвъ былъ все одинъ и тотъ же, а именно: что онъ уже старикъ! Онъ-то старикъ?! Боже милостивый! до сихъ поръ онъ

ни за что не хотѣлъ считать себя старымъ! Просто, сердце разрывалось на него глядя!

Оберфорстмейстеръ умолкъ-было и затѣмъ спросилъ, понижая голосъ:

— А что̀ она?

— Не знаю, отвѣчалъ фонъ-Цейзель; я не видѣлъ ее цѣлый день ни вчера, ни сегодня. Дѣла очень плохи здѣсь, и я уже подумывалъ, что если кто-нибудь въ состояніи тутъ помочь, то это вы.

— Тутъ никто помочь не въ состояніи, мой милый молодой другъ, возразилъ оберфорстмейстеръ, повѣрьте мнѣ. Кого Богъ не соединялъ, тѣмъ слѣдуетъ разстаться. И они должны кончить разлукой,—но сердце его разорвется при этомъ.

— Онъ позвалъ ее къ себѣ, сказалъ фонъ-Цейзель; она должна быть теперь у него.

— Да успокоитъ Господь ихъ сердца! проговорилъ оберфорстмейстеръ, складывая руки.

Между тѣмъ принцъ велѣлъ Глейху переодѣть себя, не говоря ни слова съ своимъ старымъ повѣреннымъ; только, когда Глейхъ сталъ причесывать его почти бѣлые волосы, онъ проговорилъ:

— Ты бы не повѣрилъ этому третьягодня, не правда ли? Плохую службу сослужилъ ты мнѣ.

Глейхъ, весь блѣдный и убитый, хотѣлъ что-то возразить, но принцъ махнулъ рукой, промолвивъ:

— Оставимъ это, Андрей, ты былъ орудіемъ высшей руки.

Затѣмъ онъ съ трудомъ приподнялся, перешелъ въ свой кабинетъ, вынулъ изъ шкатулки, стоявшей на столѣ между двумя окнами, нѣкоторыя бумаги, сложилъ ихъ и наконецъ опустился передъ столомъ на кресло.

И сидѣлъ онъ согнувшись, подперши голову руками, въ той позѣ, въ какой его видѣлъ Іоганнъ Крейзеръ вчера въ лѣсной чащѣ, на пнѣ.

И тѣ же мысли снова тѣснились въ опущенной головѣ, тѣ же мысли, которыя навѣвали ему вчера и темныя облака на вѣчномъ небѣ, и лучи солнца, пробивавшіеся сквозь зеленыя вершины первобытныхъ елей, и сѣрый мохъ на порфировыхъ скалахъ; онъ хотѣлъ провѣрить: помнитъ ли онъ ихъ урокъ.

Онъ не помнилъ всего; ему казалось, что тѣсныя перегородки комнаты, толстыя стѣны давятъ его голову, и увы! также и его сердце, бившееся глухо и безпокойно; но самое главное онъ помнилъ, а остальное еще придетъ само собою.

Въ прихожей послышались легкіе шаги и шелестъ шелковаго платья.

— Перестань биться, бѣдное сердце, замри хоть на минуту! замри!

Онъ медленно поднялъ голову.

Гедвига громко вскрикнула. Неужели старикъ, сидѣвшій передъ ней въ креслѣ, съ бѣлыми какъ лунь волосами, глубокими морщинами на исхудавшемъ лицѣ, провалившимися потухшими глазами—былъ онъ, принцъ! Вотъ до чего все это довело!

Она быстрыми шагами направилась къ нему; онъ хотѣлъ приподняться при ея появленіи, но снова опустился безъ силъ на кресло; она бросилась возлѣ него на колѣни и прижимала его дрожащія, блѣдныя руки къ своимъ глазамъ, изъ которыхъ слезы лились градомъ, къ своимъ горячимъ губамъ.

Безконечное чувство горя наполнило его сердце; ему предстояло снова пережить въ теченіи какой-нибудь минуты ту борьбу, какая совершалась въ немъ въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Онъ громко застоналъ, но затѣмъ все замерло въ немъ, и онъ тихо и кротко сказалъ:

— Милая Гедвига, прошу васъ, встаньте!

Гедвига встала съ болѣзненной улыбкой на дрожащихъ губахъ.

Ей стоило жестокихъ усилій нѣкогда согласиться на его настоятельныя просьбы, и слово «ты», которое онъ почти вынудилъ у нея, всегда казалось ей не совсѣмъ умѣстнымъ... но!..

— Сядьте милая Гедвига, здѣсь, возлѣ меня, продолжалъ принцъ; не глядите на меня такъ уныло, это отнимаетъ у меня послѣдній остатокъ силъ, и въ сущности вы не виноваты въ перемѣнѣ, происшедшей во мнѣ. Природа вступила въ свои права, которыя я у нея оспаривалъ, и разрушила чары, сковывавшія ее.

Глаза его глядѣли неподвижно; казалось, что онъ говорилъ самъ съ собой, когда, послѣ минутной паузы, продолжалъ:

— Тамъ наверху, въ Вюсттрумнеѣ я узналъ это. Тамъ пасъ однажды молодой пастухъ овецъ и услышалъ звонъ и пѣніе въ горѣ; привлекаемый этими звуками, онъ проникъ черезъ разсѣлину въ утесѣ и протанцовалъ короткую лѣтнюю ночь съ прекрасными горными духами. То была короткая лѣтняя ночь, но она длилась сто лѣтъ, такъ что люди, которые повстрѣчались ему поутру, бѣжали въ испугѣ отъ древняго старика. И когда онъ дошелъ до своей деревни, а солнце взошло на небѣ и первые лучи озарили его, онъ разсыпался прахомъ...

Этотъ пастухъ — я самъ, милая Гедвига; надежда заслу-

жить вашу любовь была тѣми чарами, которые заставляли меня забывать о времени. Но время никого не забываетъ и быстро наверстываетъ то, что повидимому уступило. Для меня ему понадобился всего одинъ день...

Горькій, скорбный день! я не хочу утруждать васъ его описаніемъ, скажу вамъ только то, чему онъ научилъ меня...

Онъ научилъ меня тому, что вы были правы съ самаго начала, что старикъ не долженъ и не смѣетъ добиваться любви молодой дѣвушки, не прегрѣшая противъ себя и противъ нея. Молодость хочетъ жить и наслаждаться; старость не спрашиваетъ о томъ: насладился ли человѣкъ жизнью? она ничего не возвращаетъ изъ потеряннаго времени, ни одного часа, ни одной минуты, но говоритъ: готовься къ смерти!...

Это простыя истины, а между тѣмъ сколько горя долженъ былъ я причинить себѣ и вамъ, прежде чѣмъ ихъ уразумѣлъ!...

Позвольте мнѣ быть краткимъ, потому что мнѣ труднѣе говорить, чѣмъ я думалъ....

Здѣсь въ шкатулкѣ лежитъ контрактъ, который я, будучи подъ впечатлѣніемъ нашего послѣдняго разговора, велѣлъ приготовить Ифлеру. Я не хочу скрывать отъ васъ, я спрашивалъ себя неоднократно: не придется ли мнѣ отвѣчать передъ моими предками за этотъ шагъ, и мнѣ стоило тяжелой борьбы побѣдить привитый воспитаніемъ, а быть можетъ и прирожденный предразсудокъ. Теперь я могу сказать вамъ все, когда я знаю, что насъ разлучаетъ сила, независящая отъ нашихъ стремленій, желаній, воли — насъ разлучаетъ природа...

Но, милая Гедвига, природа также бываетъ мягкосердечной и облегчаетъ и смягчаетъ разлуку.

Принцъ умолкъ и уставился неподвижными, задумчивыми глазами въ полъ.

— Какъ же вы рѣшили? спросила Гедвига тихо.

Печальная улыбка заиграла на блѣдныхъ губахъ принца.

— Принимать рѣшенія—дѣло молодости, сказалъ онъ, у которой есть время для ихъ выполненія. Простите старику, если онъ проситъ у молодой, цвѣтущей силой и красотой дѣвушки: какъ она думаетъ распорядиться своимъ будущимъ?

— Развѣ есть будущее у отдѣльнаго лица, когда будущее отечества подвергается опасности? спросила Гедвига, поднимая голову, которую подперла-было рукою, и глядя на принца большими глазами.

— Я не понимаю васъ, сказалъ принцъ.

Дверь изъ кабинета въ салонъ была открыта, а также вѣроятно и окна салона, выходившія на дворъ замка: шумъ и го-

воръ собравшейся толпы неоднократно доносились оттуда, и въ эту минуту раздались звуки патріотической пѣсни Арндта:

«Das ganze Deutschland soll es sein!»

Гедвига молча указала въ ту сторону. Принцъ покачалъ головой и сказалъ, съ слабымъ оттѣнкомъ своей прежней ироніи:

— Да, я слышу слова!

— А я, вскричала Гедвига, а я вѣрю, вѣрю въ природныя силы и мощь нашего народа, какъ утопающій хватается за спасительную веревку. Да, какъ утопающій! Безъ этой вѣры, мы погибнемъ; я всегда это чувствовала, но сознала только теперь, съ тѣхъ поръ какъ я услышала эту воинственную пѣсню, при чемъ во мнѣ заговорила каждая жилка. О, Боже мой, Боже мой! Я должна была въ себѣ таить свои чувства, у меня никого не было, на чью руку я могла бы опереться, въ чьихъ взорахъ искать сочувствія, чьему сердцу открыть свое переполненное сердце! Ваша рука, отталкивавшая меня, ваши взоры, отворачивавшіеся отъ меня, говорили мнѣ, что не вы тотъ человѣкъ, къ которому я могу обратиться. Увы! мои насмѣшки, мои сомнѣнія содѣйствовали тому, чтобы подорвать въ васъ эту вѣру, представить въ карриkатурномъ видѣ образъ нашего народа!...

А между тѣмъ, какъ я всегда любила мой народъ! Какимъ священнымъ въ глубинѣ души почитала я всегда его образъ! Ваша благородная, прекрасная душа не можетъ питать иныхъ чувствъ! Прочь мрачныя тѣни неудовольствія! Бѣжимъ изъ туманной земли слѣпого предубѣжденія, мелочного упрямства, болѣзненныхъ стремленій и унынія! Умчимся въ свѣтлую, солнечную страну живого, радостнаго дѣла! Солнце не превратитъ насъ въ прахъ, оно освѣжитъ нашу кровь и обновитъ намъ силы! И вамъ также! и вамъ также! Сегодня день вашего рожденія, и если бы каждое мое слово было каплей моей крови... то я не смогла бы пожелать вамъ или сказать ничего лучшаго, ничего болѣе высокаго!

Она стояла, выпрямившись во весь ростъ, съ приподнятыми на половину руками, небесный огонь горѣлъ въ большихъ, темныхъ глазахъ; она походила на пророчицу.

Взоры принца покоились на ней съ выраженіемъ восторга и вмѣстѣ съ тѣмъ изумленія.

— Вы очень перемѣнились, проговорилъ онъ, или... я никогда васъ не понималъ.

Гедвига опустила руки, огонь потухъ въ ея глазахъ: мольба ея не была услышана, твердая скала не разверзлась, она должна

умереть отъ жажды, если не найдетъ другого источника для своего утоленія.

Она стала на колѣни возлѣ принца, прижала къ губамъ его опущенную руку, затѣмъ медленно встала и тихо пошла къ двери.

— До свиданія, Гедвига, сказалъ принцъ беззвучнымъ голосомъ; намъ еще нужно о многомъ переговорить.

«Онъ не подозрѣваетъ, что мы говорили сегодня въ послѣдній разъ»! сказала Гедвига про себя, когда еще разъ обернулась въ дверяхъ, чтобы бросить на него прощальный взглядъ. Но дорогой образъ его предсталъ ей какъ бы въ туманѣ, отъ горячихъ слезъ, катившихся изъ ея глазъ.

— Еще многое осталось совершить, прошепталъ принцъ, и именно важное, самое важное; она должна узнать, что отнынѣ свободна слѣдовать внушеніямъ своего сердца; она должна услышать это отъ меня, а не то она, быть можетъ, не послушаетъ своего сердца.

— Господинъ графъ проситъ позволенія войти, сказалъ Глейхъ.

Принцъ былъ такъ погруженъ въ свои печальныя мысли, что не слыхалъ, какъ вошелъ его камердинеръ. Глейху пришлось повторить свой докладъ.

— Онъ уже поздоровался со мной, когда я пріѣхалъ, сказалъ принцъ. Скажи ему, что я очень, очень утомленъ; или нѣтъ, пусть онъ лучше войдетъ. Но сначало убери эти бумаги... вотъ сюда, въ эту шкатулку.

То были брачный контрактъ, составленный Ифлеромъ, дарственная запись и письма къ Герману. Глейхъ медленно положилъ письма рядомъ съ остальными бумагами и затѣмъ быстро сказалъ:

— А высокую руку, ваша свѣтлость, орудіемъ которой я былъ, вашей свѣтлости придется искать не очень высоко. То рука ея превосходительства, а глаза ея то же должно быть не лѣнились, по крайней мѣрѣ она довольно долго держала у себя эти письма.

Принцъ вздрогнулъ и его блѣдныя щеки слегка покраснѣли.

«Тяжелое, но справедливое наказаніе», подумалъ онъ, быть осужденнымъ на такое сообщество! «Ну, теперь, по крайней мѣрѣ, мнѣ не тяжело будетъ объ этомъ говорить».

Онъ поглядѣлъ на стараго слугу, который стоялъ возлѣ него съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицомъ.

— Нѣтъ, Андрей, высшая рука руководила тобой, сказалъ онъ.

Андрей Глейхъ не понялъ, что хотѣлъ сказать его свѣтлость.

Самъ онъ, выдавая генеральшу, дѣйствовалъ подъ двоякимъ побужденіемъ: во-первыхъ, состраданія, а во-вторыхъ, боязни взять на себя одного отвѣтственность въ важныхъ, непредвидѣнныхъ послѣдствіяхъ двусмысленнаго поступка. Опустивъ голову, направился онъ къ двери, въ которую вслѣдъ затѣмъ вошелъ графъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

Сегодня графъ облекся въ полный парадный мундиръ и украсилъ широкую грудь всѣми своими, довольно уже многочисленными, орденами. Взоръ принца съ выраженіемъ удивленія остановился на блестящей, воинственной фигурѣ, подходившей къ нему медленными, но бодрыми шагами. Графъ никогда еще не казался ему такимъ статнымъ, такимъ высокимъ.

Съ своей стороны, графъ съ участіемъ глядѣлъ на согбенную фигуру человѣка, который нѣсколько дней тому назадъ отличался почти юношеской бодростью. Хотя онъ всегда видѣлъ въ принцѣ личнаго врага, а теперь, кромѣ того, врага своей страны, своего короля, но теперь врагъ лежалъ во прахѣ, и у него рука не поднималась на лежачаго.

— Прошу вашу свѣтлость не безпокоиться и позволить мнѣ сѣсть возлѣ васъ, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, и мягкимъ движеніемъ принудилъ принца, хотѣвшаго встать, остаться въ креслѣ. Мнѣ невыразимо тяжело, ваша свѣтлость, и къ тому же именно сегодня, быть обязаннымъ сообщить вамъ то, чего, ради вашей свѣтлости, смѣю сказать, ради всѣхъ насъ, я не могу утаить ни одной минуты.

— Не обращайте вниманія на мои дрожащія руки, замѣтилъ принцъ; онѣ дрожатъ не отъ страха. Кто пережилъ то, что пережилъ я, тотъ не знаетъ страха. Какую дурную вѣсть пришли вы сообщить мнѣ?

— Слѣдующую, отвѣчалъ графъ.

И сообщилъ, что извѣстіе, полученное имъ вчера отъ барона Мальте, подтвердилъ сегодня совѣтникъ полиціи Даніель, съ часъ тому назадъ прибывшій изъ Берлина въ качествѣ спеціальнаго коммиссара по этому дѣлу, которое, само собой разумѣется, получило уже дальнѣйшій ходъ. Шарль Людовикъ де-Розель или Карлъ-Людвигъ Розе, какъ онъ собственно называется, представилъ копію со всей переписки принца съ мар-

кизомъ; подлинность копіи засвидѣтельствовали, сличивъ ее съ подлинникомъ, найденнымъ у маркиза, который все еще лежитъ больной въ Ганноверѣ, а неясное содержаніе писемъ разъяснено съ одной стороны Розелемъ, съ другой стороны—показаніями скомпрометтированныхъ лицъ, уже арестованныхъ, или же захваченной перепиской другихъ лицъ, которыя еще розыскиваются;—словомъ, все разслѣдовано и приведено въ ясность.

Графъ разсказалъ все это съ свойственнымъ ему невозмутимымъ спокойствіемъ, и только легкое дрожаніе въ голосѣ по временамъ выдавало, какъ трудно ему доставалось это спокойствіе.

Принцъ сидѣлъ, подперевъ голову обѣими руками, не шевелясь, какъ сидѣлъ вчера въ лѣсу. Быть можетъ, то было продолженіемъ того урока, который онъ выслушивалъ вчера весь день; голова уже усвоила его себѣ по необходимости, быть можетъ, сердце также, наконецъ, проникнется имъ, хотя именно теперь оно было переполнено горечью. Замри, замри безнадежное сердце!

Онъ поднялъ блѣдное лицо.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, за бережность, съ какой вы выполнили свою задачу, и заранѣе снимаю съ васъ отвѣтственность за все, чтó неизбѣжно при такихъ обстоятельствахъ и для выполненія чего присылаютъ изъ Берлина совѣтниковъ полиціи. Мои бумаги будутъ опечатаны?

— Этого нельзя избѣжать, ваша свѣтлость. Коммиссаръ въ прихожей и проситъ черезъ меня позволеніе немедленно приступить къ дѣлу.

— Я самъ буду арестованъ?

— Коммиссару дано положительное приказаніе прибѣгнуть къ этой мѣрѣ лишь въ томъ только случаѣ, если вашей свѣтлости не угодно будетъ дать честнаго слова, что до рѣшенія дѣла вы не станете дѣлать попытокъ уйти отъ приговора судей.

— Хорошо, сказалъ принцъ, я даю мое княжеское слово. Можете ли вы принять его?

— Да, отвѣчалъ графъ, послѣ минутнаго раздумья.

— Будетъ этотъ коммиссаръ производить мнѣ допросъ?

— Весьма возможно, что въ теченіи этихъ дней онъ обратится съ тѣмъ или другимъ вопросомъ къ вашей свѣтлости, если ваша свѣтлость будете столь милостивы, чтобъ смотрѣть на него, какъ на гостя, проживающаго въ зáмкѣ. Онъ постарается быть незамѣтнымъ, и никто не узнаетъ, въ качествѣ чего онъ здѣсь проживаетъ, ваша свѣтлость можете быть въ этомъ увѣрены—мнѣ спеціально поручено завѣрить вашу свѣтлость, что при дворѣ

ничего такъ не желаютъ, какъ скрыть это обстоятельство отъ публики.

— Значитъ, будетъ тайный судъ?

— На строгость котораго обвиняемому отнюдь не придется жаловаться.

Принцъ засмѣялся.

— Я знаю, какова прусская мягкость, замѣтилъ онъ; она доказана на опытѣ. Но довольно объ этомъ.

Графъ хотѣлъ встать; принцъ сдѣлалъ ему знакъ остаться.

— Подарите мнѣ еще нѣсколько минутъ, сказалъ онъ. Я уже раньше намѣревался переговорить объ одномъ обстоятельствѣ, которое очень близко принимаю къ сердцу; положеніе, въ какое я теперь неожиданно поставленъ, заставляетъ меня вдвойнѣ желать стряхнуть съ себя эту заботу.

— Сдѣлайте милость, отвѣчалъ графъ.

Принцъ вынулъ изъ шкатулки, стоявшей передъ нимъ на столѣ, бумаги, разложилъ ихъ передъ собой и сказалъ:

— Вы, конечно, понимаете, что послѣ того, какъ я отказался отъ свободной воли, то больше пальцемъ не пошевелю для самого себя, и что прежде всего, я уже не смотрю на мои бумаги, какъ на свои собственныя, все равно, относятся онѣ къ вышеназванному обстоятельству или нѣтъ. Но я желалъ бы познакомить васъ съ содержаніемъ этой шкатулки; быть можетъ, вы согласитесь взять ее къ себѣ на сохраненіе. Во-первыхъ, вотъ это!

Рука его судорожно задрожала, когда онъ бралъ нѣсколько сложенныхъ листовъ, исписанныхъ круглымъ почеркомъ совѣтника канцеляріи.

— Вотъ! это вполнѣ готовый и уже подписанный мною контрактъ брака съ правой руки, который я предполагалъ заключить съ Гедвигой.

Онъ умолкъ и продолжалъ едва слышно:

— Этотъ контрактъ, по причинамъ, печальнымъ для меня, но ни въ какомъ случаѣ не оскорбительнымъ для нея, сдѣлался ненужнымъ; я не знаю: будетъ ли для правительства особенно интересно это обстоятельство, касающееся моей частной жизни.

— Полагаю, что вовсе нѣтъ, возразилъ графъ, и пользуясь полномочіемъ, даннымъ мнѣ высшей властью, принимаю на себя уничтоженіе документа, если ваша свѣтлость этого пожелаетъ.

— Когда такъ, то уничтожьте его, отвѣчалъ принцъ. Но за то вотъ это, я прошу васъ бережно сохранить.

Онъ взялъ со стола другой документъ и опять положилъ его на мѣсто.

— Это дарственная запись, помѣченная мною сегодняшнимъ числомъ, и съ этого же числа вступающая въ свою силу; ею я предоставляю во владѣніе Гедвиги Тирклицкія помѣстья, въ томъ случаѣ, предусмотрѣнномъ мною и дѣйствительно наступившемъ, если брачный контрактъ окажется невыполнимымъ. Вы удивлялись, что я такъ хлопоталъ о томъ, чтобы вы уступили мнѣ свою часть и чтобы помѣстья эти были свободной собственностью. Теперь вы знаете, какое употребленіе я желалъ изъ нихъ сдѣлать. Могу ли я—я старикъ, и могу каждый день умереть—могу ли я надѣяться, что вы исполните мою волю?

— Съ нѣкоторыми ограниченіями, ваша свѣтлость.

Принцъ вопросительно поглядѣлъ на графа.

— Когда ваша свѣтлость купили у меня мою часть за 200,000 талеровъ, продолжалъ графъ, то я предполагалъ, что ваша свѣтлость не желаете быть стѣснены въ управленіи помѣстьями; но я не думалъ, что ваша свѣтлость желаете отчуждить или подарить ихъ. Въ противномъ случаѣ я врядъ ли бы согласился на предложеніе вашей свѣтлости. Помѣстья въ теченіи ста-пятидесяти лѣтъ были собственностью нашего дома, и одна вѣтвь фамиліи называлась по ихъ имени. Я ничего не имѣю противъ, и даже нахожу вполнѣ приличнымъ, чтобы особа, пользовавшаяся честью называться супругой вашей свѣтлости, при жизни и пока она не заключитъ другого союза, называлась этимъ именемъ. Но по моему мнѣнію она не должна завѣщать или инымъ какимъ способомъ отчуждать помѣстья; они должны впослѣдствіи вернуться къ намъ или же быть выкуплены за извѣстную, заранѣе опредѣленную сумму. Если ваша свѣтлость согласитесь на эти предложенія, то я буду считать долгомъ чести строгое выполненіе нашего договора.

— Хорошо, сказалъ принцъ, будьте такъ добры поручить Ифлеру сдѣлать необходимыя измѣненія.

Графъ поклонился.

— А теперь, продолжалъ принцъ, между тѣмъ какъ жгучая краска покрывала его блѣдныя щеки, здѣсь остались еще нѣкоторыя бумаги. Я клянусь вамъ моей княжеской честью, что въ нихъ нѣтъ ни единаго слова измѣны, ни единаго слова, которое имѣло хотя бы какое-нибудь отношеніе къ моему дѣлу... письма отъ нея къ... къ доктору Горсту, которыя я... которыя мнѣ... я имѣю основаніе предполагать, что они прошли черезъ многія руки, прежде чѣмъ попали въ мои. Послѣ того, кому

они были писаны, на нихъ всѐго болѣе имѣетъ права та, которая ихъ писала...

— Я спрошу, желаетъ ли она взять эти письма, отвѣчалъ графъ; сколько мнѣ кажется, это все, что мы можемъ сдѣлать. А теперь, продолжалъ онъ, бросая взглядъ по направленію къ прихожей, я прошу позволенія...

— Понимаю, замѣтилъ принцъ.

Графъ позвонилъ и сказалъ вошедшему Глейху:

— Проведите сюда господина совѣтника; когда его свѣтлость и я уйдемъ изъ кабинета, окажите ему содѣйствіе и дайте всѣ свѣдѣнія, какихъ онъ потребуетъ. Эту шкатулку отнесите въ мою комнату и скажите господину совѣтнику, что я такъ приказалъ. Я же самъ проведу его свѣтлость...

— Въ мою спальную, прошу васъ, докончилъ принцъ.

Графъ подалъ принцу руку и заботливо вывелъ шатающагося старика.

Принцъ съ графомъ, чтобы попасть въ спальную, минуя прихожую, должны были пройти черезъ салонъ, окна котораго выходили на дворъ за́мка. Толпа все прибывала; слышался громкій говоръ, крики, пѣніе.

— Быть можетъ, ваша свѣтлость найдете нужнымъ оказать любезность толпѣ? спросилъ графъ. Безъ того мы отъ нея не отдѣлаемся.

— Я боюсь, что мои силы истощились, отвѣчалъ принцъ.

— Быть можетъ, ваша свѣтлость не откажетесь показаться здѣсь у окна на одну минуту?

— Если вы полагаете, что это необходимо.

Они подошли къ окну. На дворѣ присутствіе ихъ было тотчасъ же замѣчено нѣкоторыми изъ толпы, и эти тотчасъ же сообщили другимъ. Въ одно мгновеніе всѣ глаза устремились на нихъ: на великолѣпнаго, изукрашеннаго орденами офицера, съ смуглой физіономіей, поддерживавшаго хилаго старика съ бѣлыми волосами и блѣднымъ, печальнымъ лицомъ.

— Да здравствуетъ нашъ принцъ! крикнуло два, три голоса.

Но ихъ слабый крикъ былъ заглушенъ ревомъ: «да здравствуетъ графъ, ура!» и «долой подлыхъ французовъ!» и еще «Ich bin ein Preusse, kennt ihr meine Farben».

Печальная улыбка мелькнула на смертельно блѣдномъ лицѣ принца:

— Эта война въ самомъ дѣлѣ кажется очень популярна, промолвилъ онъ.

Графъ ничего не отвѣчалъ, но гордыя черты его просіяли,

когда, въ то время какъ они отошли отъ окна и онъ повелъ далѣе шатающагося старика, вслѣдъ ему раздались торжествующіе звуки любимой пѣсни:

«Ich bin ein Preusse, will ein Preusse sein».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ВТОРАЯ.

Лицо графа точно также сіяло, когда онъ проходилъ подлинной анфиладѣ комнатъ и залъ, а глаза его время отъ времени перебѣгали отъ паркетныхъ половъ къ большимъ зеркаламъ, прекраснымъ картинамъ, вазамъ и разнымъ другимъ драгоцѣнностямъ, служившимъ блистательнымъ украшеніемъ великолѣпныхъ покоевъ. Теперь дѣло шло о болѣе важныхъ вопросахъ, чѣмъ тотъ: кто здѣсь будетъ господиномъ? и это ему хорошо было извѣстно; но великіе вопросы рѣшатся также, какъ и этотъ послѣдній: его гордая Пруссія выйдетъ побѣдительницей изъ той борьбы, какъ и онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой.

Но вдругъ лицо его омрачилось, и онъ уставилъ суровые глаза въ полъ. Эта побѣда досталась не безъ жертвъ, и побѣдителя ждетъ еще послѣдняя борьба.

— Все еще не конецъ, шепталъ графъ про себя, даже и теперь! Эта женщина просто демонъ. Въ среднихъ вѣкахъ ее сожгли бы, какъ колдунью, но сегодня я долженъ покончить съ ней безъ суда инквизиціи, поповъ и палача. Конечно, они попоповски провели ее, и они поплатятся за это, но кто знаетъ: не будь этихъ писемъ, быть можетъ я былъ бы слишкомъ мягкимъ судьей. А между тѣмъ она не заслуживаетъ пощады.

Но не судьей чувствовалъ себя графъ, когда четверть часа спустя, съ бумагами въ рукахъ, тяжело дыша стоялъ у двери комнаты Гедвиги, къ которой онъ послалъ Филиппа передъ тѣмъ доложить о своемъ приходѣ.

— Возможно ли это, думалъ онъ, прикладывая дрожащую руку къ сильно бьющемуся сердцу: — даже и теперь! Но теперь не время предаваться сантиментальному ребячеству!

Онъ съ рѣшимостью отворилъ дверь и увидѣлъ передъ собой Гедвигу.

— Знаю, вскричала она, увидя его:—тайна не долго сохранилась; принцъ — заключенный въ своемъ собственномъ домѣ; ударъ, который онъ вызвалъ, страшно быстро разразился надъ нимъ.

Глейхъ, относя шкатулку въ комнату графа, разсказалъ мимоходомъ Метѣ страшную новость, а послѣдняя, несмотря на взятое съ нея обѣщаніе молчать, поспѣшила немедленно сообщить услышанное своей госпожѣ.

Извѣстіе поразило Гедвигу, какъ молнія. Страшное волненіе высказывалось въ ея сверкающихъ глазахъ, въ ея пылающихъ щекахъ въ то время, какъ она порывисто ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на графа, и говорила:

— Итакъ, пришло время всеобщаго разсчета; сердце разрывается при мысли о несчастномъ старикѣ. Но, вѣдь, рано или поздно, а это должно быть случиться; нельзя безнаказанно шутить съ Богòмъ, и что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ. И въ такую минуту, какъ настоящая,—когда предстоитъ собрать великую жатву человѣчества, — я полагаю, что отдѣльной личности легче перенести свою судьбу, чѣмъ въ другое время. Принцъ еще не сознаётъ этого... ударъ слишкомъ внезапенъ, слишкомъ силенъ... но онъ сознàетъ это позже, и это служитъ мнѣ утѣшеніемъ.

— Меня радуютъ, сказалъ графъ, ваши теперешнія разсужденія...

— Теперешнія! перебила его Гедвига. Когда же я иначе разсуждала? Отъ какихъ мнѣній приходится мнѣ сегодня отказываться? Но, впрочемъ, безполезно было бы намъ пытаться понять другъ друга, да и вы врядъ ли пришли сюда, чтобы вести со мной философско-политическую бесѣду. Чтò вы желаете мнѣ передать? чтò за бумага у васъ въ рукахъ?

— Я во всякомъ случаѣ никогда не былъ силенъ въ философіи, отвѣчалъ графъ; но политики мнѣ невозможно вполнѣ обойти, если только можно назвать государственной политикой фантазіи умной дамы насчетъ сословной борьбы и судьбы народовъ. Вамъ извѣстны мои мнѣнія на этотъ счетъ, и я увѣренъ, что съумѣю провести свое воззрѣніе, гдѣ слѣдуетъ, хотя бы предварительно тамъ существовали иныя воззрѣнія. По крайней мѣрѣ этимъ объясняется инструкція слѣдователя, по которой вамъ предписывается раздѣлить мягкую участь его свѣтлости, выдать всѣ ваши бумаги и дать слово не оставлять зàмка безъ разрѣшенія.

Графъ остановился, чтобы перевести духъ, потому что ему необыкновенно тяжело было говорить, а отчасти, чтобы выждать отвѣта Гедвиги. Но Гедвига ничего не отвѣчала, не шевелилась. Безмолвная, прижавъ руки къ груди, сидѣла она и только ру-

мянецъ на щекахъ и раздувающіяся ноздри показывали, что она слышала сказанное графомъ.

Графъ продолжалъ:

— Таково, по крайней мѣрѣ, было положеніе вещей какихъ-нибудь полчаса назадъ; теперь оно измѣнилось. Изъ сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ принцемъ—сообщеній, содержаніе которыхъ я глубоко оплакиваю—явствуетъ, что вамъ, а быть можетъ также и ему... но позвольте мнѣ говорить только о васъ... вамъ до крайности тяжело пребываніе подъ однимъ кровомъ. И вотъ теперь я перехожу къ этой бумагѣ; это дарственная запись на Тирклицкія помѣстья, совершенная на ваше имя, съ нѣкоторыми ограниченіями, о которыхъ я упомяну позднѣе, если позволите. Вы должны будете дожидаться въ Тирклицкомъ зáмкѣ исхода слѣдствія, который, надо надѣяться, вскорѣ наступитъ и будетъ вполнѣ благопріятенъ, а я съ своей стороны позволю себѣ предложить вамъ выѣхать туда сегодня же вечеромъ.

— Это то же желаніе принца? спросила Гедвига.

— Я долженъ былъ щадить принца и счелъ нужнымъ предварительно умолчать объ инструкціяхъ коммиссара, насколько онѣ касались лично васъ; однако, судя по готовности, съ какой онъ принялъ всѣ мои другія предложенія, я полагаю, что могу отвѣчать за его согласіе.

— Дайте мнѣ, прошу, документъ, сказала Гедвига.

— Вотъ онъ.

— А вотъ отвѣтъ! промолвила Гедвига, разрывая бумагу на двѣ части. Вы, конечно, находите этотъ поступокъ совсѣмъ не женственнымъ.

Графъ насмѣшливо засмѣялся.

— Напротивъ того, я нахожу чрезвычайно женственными всѣ необдуманные поступки. Но утро вечера мудренѣе. Два листа бумаги найти не трудно, а добрый Ифлеръ охотно напишетъ снова документъ, и принцъ охотно подпишетъ его. Вамъ же придется до тѣхъ поръ, и пока вы не передумаете, остаться въ зáмкѣ Рода.

— А другія бумаги?

— Письма, писанныя вашей рукой къ доктору Горсту, если я хорошо понялъ его свѣтлость, и которыя, не знаю по какому случаю, дошли до принца, послѣ отъѣзда того господина. Принцъ не желалъ, чтобы эти письма были присоединены къ слѣдственному акту и просилъ меня передать ихъ вамъ, что̀ я и дѣлаю.

Лицо Гедвиги приняло, при послѣднихъ словахъ графа, полу-гнѣвное, полу-презрительное выраженіе.

— Развѣ высокопоставленныя лица отступаютъ передъ ка-

кой бы то ни было низостью, прошептала она: тебѣ, великому человѣку, всегда были незнакомы эти мелкіе людишки!

Она приподняла голову.

— Я не могу принять этихъ писемъ, сказала она громко; я даже удивляюсь, что мнѣ дѣлаютъ такое предложеніе. Зачѣмъ не послали ихъ попросту тому, кому они принадлежатъ.

— Его свѣтлость вѣроятно былъ слишкомъ разстроенъ, чтобы вспомнить о такой простой вещи, отвѣчалъ графъ.

— А вамъ казалось сладкимъ унизить меня—въ своихъ глазахъ, но не въ моихъ—этимъ предложеніемъ, отъ котораго, вы заранѣе знали, что я откажусь. Еслибы эти письма, еслибы каждая строчка этихъ писемъ заключала въ себѣ признаніе въ любви, то я не стыдилась бы, а напротивъ того, гордилась, что люблю такого человѣка и была бы счастлива, что любима имъ. Да-съ, господинъ графъ, гордилась бы и была бы счастлива, не взирая на презрительную улыбку, какой вы меня удостоиваете. Знайте, что я считаю себѣ за честь казаться презрѣнной въ вашихъ глазахъ. Да и кто не презрѣнный въ вашихъ глазахъ? Развѣ не всякій, кто не родился, подобно вамъ и немногимъ избраннымъ, господиномъ — кто, вслѣдствіе врожденнаго въ немъ духа рабства, чувствуетъ въ себѣ иныя побужденія, кромѣ желанія личной пользы, стремленія жить исключительно для себя и для своихъ, даже и въ томъ случаѣ, если эти стремленія оказываются полезными для васъ и вамъ подобныхъ? Или, быть можетъ, непрезрѣнна въ вашихъ глазахъ толпа, оглашающая теперь своими плебейскими криками дворъ зáмка и которую вы давно бы уже прогнали, еслибы демонстрація не пришлась кстати для васъ, по отношенію къ принцу, и еслибы вы не убѣдились, что въ виду существующихъ обстоятельствъ вамъ нужно сдѣлать нѣкоторыя уступки? Вѣдь въ концѣ концовъ это тѣ самые люди, съ которыми вы выигрываете свои сраженія, гдѣ добываете себѣ ордена, украшающіе вашу грудь...

— Или смерть! сказалъ графъ.

— Которая то же считается отличіемъ, выгоднымъ для цѣлаго семейства, въ особенности же для карьеры сыновей...

— Или государства, замѣтилъ графъ.

— Государства, какъ вы его понимаете, то-есть какъ помѣстье, кормящее и обогащающее вашу фамилію. Еслибы вы только подозрѣвали о томъ, что изъ этой войны, о которой вы только и думали и гадали съ тысячи восемьсотъ шестьдесятъ шестого года, которой вы и вамъ подобные, здѣсь и тамъ, содѣйствовали изо всѣхъ силъ, а не то пожалуй и вызвали—еслибы вы только подозрѣвали, что изъ этой войны Германія выйдетъ сво-

бодной и счастливой, въ смыслѣ одного изъ глубоко презираемыхъ вами мечтателей и идеологовъ — о! тогда вы скорѣе сломали бы свою шпагу, чѣмъ рѣшились бы участвовать въ подобномъ дѣлѣ. Вотъ вашъ патріотизмъ и ваше геройство!

— Мы кажется нѣсколько удалились отъ нашей темы, сказалъ графъ спокойно, но съ дрожащими губами.

— По вашему—да, а по моему—нѣтъ, возразила Гедвига. Я всегда считала дѣло народа своимъ собственнымъ дѣломъ, а мое собственное дѣло—дѣломъ народа. Стремленіемъ моей жизни было жить и умереть для народа; я надѣюсь, что съ помощью Божіей теперь это стремленіе будетъ удовлетворено. Быть можетъ, что послѣ этого выпадетъ болѣе счастливая жизнь на долю народа и принесетъ плоды для меня и для нашихъ; быть можетъ, что народъ не окажется неблагодарнымъ и сдѣлаетъ возможной лучшую участь для меня и для нашихъ. Но извините, что я утомляю васъ этими фантазіями — которыя едвали интересны, и даже, полагаю, непонятны для васъ — особенно если принять во вниманіе время, которое должно быть чрезвычайно дорого для героя дня.

Гедвига слегка кивнула головой, съ своей обычной горделивой манерой, и повернулась, чтобы уйти.

Графъ стоялъ весь блѣдный; жилы на лбу его напряглись, все его сильное тѣло дрожало отъ бѣшенаго гнѣва. Не повергнуть ли ему ее во прахъ къ своимъ ногамъ? Онъ ступилъ-было впередъ, но сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе и черезъ секунду бросился вонъ изъ комнаты.

Гедвига прислонилась къ косяку двери, которая вела въ сосѣднюю комнату; грудь ея высоко вздымалась, слезы горя и экстаза струились изъ ея глазъ. Никогда еще не сознавала она такъ ясно, какъ горячо она его любила; только теперь вполнѣ оцѣнила она это, теперь, когда принесла послѣдній остатокъ своей любви на алтарь великаго и святого дѣла, которому отнынѣ должна посвятить свою жизнь.

Такъ нашла ее Мета, проскользнувшая въ комнату.

— Ахъ, сударыня, сказала она, что вы сдѣлали! Онъ никогда не проститъ вамъ этого!

— Ты все слышала? спросила Гедвига, все равно! Я знаю, что ты мнѣ вѣрна. Ты можешь теперь доказать мнѣ свою вѣрность.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите оставаться здѣсь, гдѣ все для насъ погибло, рыдая говорила Мета, и не хотите брать великолѣпныхъ помѣстьевъ въ моей прекрасной Богеміи?

— Ты этого не понимаешь, милое дитя, отвѣчала Гедвига.

Я не хочу оставаться здѣсь и не хочу также ѣхать въ Богемію; а ты должна сбѣгать къ отцу и сказать ему: «сегодня вечеромъ, въ десять часовъ» — ни больше, ни меньше; сегодня вечеромъ въ десять часовъ, у чайнаго домика: онъ знаетъ, что это значитъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

Наступила ночь, но въ зáмкѣ Рода огни не потухали. Всѣ окна были залиты свѣтомъ; на дворѣ зáмка красное пламя горящихъ факеловъ, вставленныхъ въ высокіе канделябры, озаряло старыя башни; въ саду змѣились цѣпи пестрыхъ фонариковъ, съ вѣтви на вѣтвь, внизъ по террасамъ, и послѣдніе отражались въ темныхъ водахъ Роды.

А въ залахъ, на дворѣ и въ садахъ тѣснилась шумная, пестрая толпа, въ которой царствовало полнѣйшее смѣшеніе сословій, такъ что шелковое платье дворянки часто задѣвало выбойчатое платье крестьянки, а съ господиномъ во фракѣ свободно заговаривалъ человѣкъ въ синей блузѣ. Но дворянка не чувствовала себя сегодня оскорбленной, а господинъ во фракѣ съ вѣжливой готовностью отвѣчалъ на разспросы: онъ самъ только сегодня утромъ узналъ объ этомъ, а у него двое сыновей должны уйти на войну.

— Это напоминаетъ частью праздникъ, а частью народное собраніе, сказалъ фонъ-Фишбахъ фонъ-Цейзелю, когда ему удалось, наконецъ, поймать послѣдняго.

— Оно и то и другое вмѣстѣ, отвѣчалъ кавалеръ, отирая со лба потъ; я не знаю гдѣ кончается одно и гдѣ начинается другое, и рѣшился предоставить все на волю Божію! Кто бы могъ этого ожидать вчера вечеромъ! Изъ двухсотъ пятидесяти приглашенныхъ вчера вечеромъ сто человѣкъ отказалось — между нами: главнымъ образомъ по наущеніямъ Нейгофовъ, которые затѣвали такимъ образомъ демонстрацію противъ нашего принца — сегодня же всѣ явились и, сколько я могу судить, еще лишнихъ пятьдесятъ человѣкъ. Изъ Ротебюля, гдѣ вчера была открытая революція, прибыло все населеніе; а тѣхъ, что набѣжали изъ «лѣсу» и изъ деревень, и не пересчитаешь. Каждому хочется послушать, поговорить, побыть между себѣ равными...

— Какими считаютъ въ настоящую минуту каждаго человѣка, замѣтилъ фонъ-Фишбахъ; и совершенно справедливо — передъ такимъ великимъ событіемъ мы всѣ одинаково слабы и безпомощны.

— Конечно, съ жаромъ возразилъ кавалеръ, это самое пригнало ихъ сюда съ самаго утра и до сихъ поръ еще гонитъ. Я видѣлъ людей, которые прошли пять миль пѣшкомъ, чтобы побыть здѣсь полчаса. День рожденія нашего бѣднаго принца служитъ только предлогомъ. Кто о немъ думаетъ сегодня! Онъ уступилъ графу свое мѣсто, и нельзя отрицать, что графъ занимаетъ его съ достоинствомъ, какъ человѣкъ, призванный рожденіемъ.

— Развѣ старый господинъ совсѣмъ не выйдетъ? спросилъ фонъ-Фишбахъ. Я съ такимъ удовольствіемъ думалъ представить васъ ему, какъ моего зятя.

— На это едвали можно разсчитывать, отвѣчалъ кавалеръ, вздыхая. Я только-что заходилъ къ нему за приказаніями— конечно только для виду; я вѣдь зналъ, что получу все тотъ же отвѣтъ: обратитесь къ графу! Но больше я къ нему не пойду, я не могу видѣть его печали. Бѣдный старикъ, посѣдѣвшій въ одну ночь, сидитъ онъ тамъ, подперевъ голову руками, совсѣмъ такъ, какъ, по разсказу Іоганна Крейзера, сидѣлъ онъ вчера въ лѣсу, въ горахъ, по цѣлымъ часамъ.

— Кто при немъ?

— Глейхъ и Кессельбушъ; послѣдній то приходитъ, то уходитъ; онъ больше никого не хочетъ видѣть.

— Вотъ идутъ наши дамы, продолжалъ кавалеръ, пройдемтесь по саду. Скоро зажгутъ фейерверкъ. Графъ непремѣнно этого хочетъ. Онъ полагаетъ, что это самое приличное развлеченіе, какое мы можемъ доставить сегодня нашимъ гостямъ.

Они пошли на встрѣчу госпожѣ фонъ-Фишбахъ и Адели, которыя показались изъ большой, точно также освѣщенной оранжереи. Адель повисла на рукѣ у своего жениха и прошептала:

— Слава Богу, что я наконецъ тебя нашла. Я такъ испугалась.

— Чего же, моя радость?

— Вотъ уже добрыхъ четверть часа, какъ насъ съ мамá преслѣдуютъ какія-то двѣ дамы подъ густыми вуалями и въ глубокомъ траурѣ; это просто страшно. Погляди, вонъ, опять онѣ!

Зоркіе глаза кавалера немедленно признали въ двухъ черныхъ фигурахъ совѣтницу и Элизу. Воспоминаніе о часахъ, проведенныхъ въ верандѣ Ифлеровскаго дома, съ совѣтникомъ за бутылкой вина, и обо всѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ онъ воспѣвалъ Элизу, тронуло мягкое сердце кавалера; онъ не могъ подавить легкаго вздоха.

— Что это за тѣнь набѣжала на тебя? спросила Адель.

— Это тѣнь, набѣгающая порою въ жизни всякаго человѣка, я хотѣлъ сказать: всякаго мужчины, отвѣчалъ Оскаръ фонъ-Цейзель съ задумчивой миной.

Но, повинуясь своей впечатлительной натурѣ, онъ весело прибавилъ:

— Затѣмъ, чтобы свѣтъ ярче просіялъ ему, затѣмъ, чтобы онъ лучше оцѣнилъ божественный свѣтъ! Видишь ли ты, какъ тамъ сквозь вѣтви свѣтъ все сильнѣе и сильнѣе разгорается, и тѣни становятся все меньше и меньше, такъ что наконецъ все заливается яркимъ свѣтомъ. Но въ твоемъ миломъ личикѣ соединяется для меня весь блескъ и весь свѣтъ, и пусть твое милое личико освѣщаетъ весь мой жизненный путь, что̀ бы меня ни ожидало впереди.

Влюбленные поглядѣли другъ на друга страстными глазами, въ которыхъ отражалась однако и грусть. Сегодня они еще принадлежали другъ другу; но завтра уже Оскаръ хотѣлъ проситься въ отпускъ, въ Дрезденъ, чтобы уладить свои военныя дѣла, и затѣмъ кто знаетъ, что будетъ!

Толпа тѣснилась на послѣдней террасѣ, откуда лучше всего былъ видѣнъ большой лугъ парка, гдѣ теперь — подъ мудрымъ руководствомъ аптекаря Гиппе—горѣли непрерывные бенгальскіе огни, взлетали ракеты, вертѣлись колеса.

Громкія восклицанія удивленія и восторга сопровождали каждую особенно удачную штуку, но всѣ они слились въ единодушное ура!—когда на одномъ пунктѣ, у опушки лѣса показалась сначала одна свѣтлая точка, затѣмъ она разгоралась все ярче и ярче, и вдругъ, точно внезапно взошедшее солнце, залила яркимъ свѣтомъ всю окрестность, въ особенности же выдающійся уголъ средней террасы, гдѣ въ ту минуту показались: графъ, который велъ съ одной стороны свою тещу, а съ другой баронессу Нейгофъ, и баронъ Нейгофъ подъ руку съ Стефаніей. Расположенный по близости оркестръ привѣтствовалъ господъ троекратнымъ повтореніемъ туша, а потомъ заигралъ, въ честь графа, безчисленное множество разъ повторявшуюся сегодня мелодію прусскаго гимна, который толпа подхватила съ восторгомъ. Графъ нѣсколько разъ поклонился толпѣ, но затѣмъ немедленно отступилъ отъ края террасы съ недовольнымъ, мрачнымъ лицомъ, какъ замѣтили стоявшіе вблизи.

Въ самомъ дѣлѣ, лицо графа, съ тѣхъ поръ какъ онъ вернулся сегодня утромъ изъ комнаты Гедвиги, постоянно оставалось мрачнымъ; только на минуту просіяло оно, когда за обѣдомъ подали ему письмо, присланное съ эстафетой и содержащее собственноручное поздравленіе кронъ-принца въ повышеніи

чиномъ; принцъ писалъ также, что надѣется увидѣться съ нимъ въ Берлинѣ, 17-го вечеромъ, потому что ему надобно переговорить съ нимъ о вещахъ первой важности; когда графъ прочиталъ письмо и всталъ, предлагая присутствующимъ выпить вмѣстѣ съ нимъ за здоровье его величества и за благо Пруссіи, которая съ божіей помощью, опираясь на свое храброе войско, подъ надежнымъ предводительствомъ короля, со славой выйдетъ изъ этой войны — а многочисленные гости отвѣчали громкимъ ура! на эти слова—только тогда разсѣялось мрачное облако, застилавшее его лицо, а голубые, съ стальнымъ отливомъ, глаза сверкнули воинственнымъ огнемъ. Но все это длилось одно мгновеніе. Затѣмъ мрачное выраженіе вернулось, и хотя онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, какъ представитель заболѣвшаго принца, и съ неизмѣнной вѣжливостью отвѣчалъ на безчисленныя рѣчи и счастливыя пожеланія—но генеральшѣ и Стефаніи было ясно, что это внѣшнее спокойствіе служило лишь обманчивой оболочкой для бушевавшей въ его груди страсти.

Стефанія была очень разстроена, сознавая свое соучастіе въ исторіи съ письмами; напротивъ того, генеральша не унывала.

— Такова вѣчная манера у мужчинъ, говорила она; они смотрятъ равнодушно, когда мы дѣлаемъ вещи для нихъ полезныя, но сдѣлать которыя имъ мѣшаетъ ихъ высокомѣріе; если все идетъ ладно, то имъ и горя мало; если же не все идетъ успѣшно, если результатъ сомнителенъ или еще неизвѣстенъ, то мы должны конечно платиться за ихъ волненіе, безпокойство, за ихъ угрызенія совѣсти.

— Но развѣ мы сдѣлали что-нибудь очень дурное? испуганно спросила Стефанія.

— Пустяки! отвѣчала генеральша. Не пройдетъ и недѣли, какъ онъ на колѣняхъ будетъ благодарить насъ.

— Завтра утромъ онъ уѣзжаетъ, замѣтила Стефанія.

— Не въ нашей власти это измѣнить, возразила генеральша. Кромѣ того, можно также хорошо и письменно благодарить на колѣняхъ.

— И можетъ быть не вернется! вскричала Стефанія, заливаясь слезами.

Генеральша пожала плечами.

— А потому подари мнѣ внука, сухо сказала она; и ради самого неба брось свои плаксивыя мины! Мужчины не могутъ терпѣть, когда мы показываемъ имъ, что страдаемъ изъ-за нихъ.

Стефанія дѣйствительно страдала; она весь день чувствовала

себя очень нехорошо и готова была бы думать, что ея часъ пробилъ, еслибы тайный совѣтникъ не увѣрялъ самымъ положительнымъ образомъ, что этого не можетъ быть раньше добрыхъ четырехъ недѣль. Несмотря на это, она охотно удалилась бы въ свою комнату — послѣ того, какъ весь день сегодня, насколько позволяло ея состояніе, занимала гостей, какъ хозяйка дома, вмѣсто Гедвиги,—но не посмѣла отказаться, когда ея супругъ и баронъ Нейгофъ подошли къ дамамъ, предлагая имъ проводить ихъ на фейерверкъ. Она съ трудомъ держалась на ногахъ и должна была — когда электрическій свѣтъ загорѣлся особенно ярко—попросить, чтобы ее провели въ ея комнату.

Графъ оставилъ своихъ двухъ дамъ и предложилъ своей супругѣ руку.

— Я доставляю тебѣ столько хлопотъ, сказала Стефанія, а ты такъ добръ къ своей бѣдной женушкѣ.

— Ты знаешь, что я не выношу подобныхъ фразъ, возразилъ графъ, слегка пожавъ ей руку.

— Почему же Гедвига не показывалась весь день, если она не у принца? спросила Стефанія.

Графъ ничего не отвѣчалъ.

Онъ замѣтилъ, что рейткнехтъ Дитрихъ, очевидно кого-то отыскивая, пробирался сквозь толпу и теперь поспѣшно шелъ къ нему. Видъ у него былъ совсѣмъ потерянный.

— Что такое? спросилъ графъ.

— Позвольте сказать нѣсколько словъ наединѣ, господинъ графъ.

Графъ передалъ Стефанію барону Нейгофу, который шелъ сзади него съ двумя другими дамами, и отошелъ съ Дитрихомъ въ сторону.

— Эту записку сейчасъ далъ мнѣ Глейхъ, для передачи господину графу, сказалъ Дитрихъ.—Глейхъ! повторилъ онъ, какъ будто имя это поясняло все.

— Перестань корчить такую глупую рожу, дуракъ, замѣтилъ шопотомъ графъ Дитриху, видя, что вокругъ нихъ уже собралась кучка зрителей.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Дитрихъ, удаляясь.

Графъ пробѣжалъ записку, сложилъ ее, и засунувъ между двумя пуговицами своего мундира, подошелъ къ остальной компаніи.

— Ради Бога, что̀ случилось? спросила Стефанія, отлично замѣтившая, что ея супругъ, читая записку, поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

— Ничего, ровно ничего, отвѣчалъ графъ; просто дѣловое

сообщеніе, по которому я долженъ отлучиться на нѣсколько минутъ.

— Навѣрное случилось какое-нибудь несчастіе! вскрикнула Стефанія, опускаясь, почти безъ чувствъ, на руки баронессы Нейгофъ.

— Прошу васъ, уведите ее, сказалъ графъ генеральшѣ. И затѣмъ прибавилъ сквозь зубы:

— Если случится несчастіе, то я вамъ обязанъ этимъ.

— Но въ чемъ же дѣло? тихо спросилъ баронъ.

— Принцъ бѣжалъ и Гедвига также, отвѣчалъ графъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Полчаса передъ тѣмъ, Дитрихъ бродилъ въ толпѣ, тѣснившейся въ саду, отчасти отыскивая свою Мету, которой не видалъ сегодня цѣлый день, отчасти надѣясь, что не встрѣтится съ ней. Дѣло въ томъ, что сегодня вечеромъ собралось очень много хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя толкали другъ друга въ бокъ и принимались хихикать всякій разъ, какъ лакей проходилъ мимо нихъ въ своей черной курткѣ съ галунами, гороховыхъ панталонахъ, шапочкѣ, лихо сидѣвшей на темныхъ, курчавыхъ волосахъ и съ звенящими шпорами у высокихъ сапоговъ.—Почему бы мнѣ не воспользоваться случаемъ? думалось Дитриху.

Дитрихъ только-что собрался воспользоваться случаемъ и завязалъ-было веселую и забавную бесѣду съ двумя особенно дюжими дѣвушками изъ «лѣсной» деревни, какъ вдругъ почувствовалъ, что его кто-то схватилъ за руку сзади, и обернувшись, увидѣлъ «дурачка» Каспара изъ «Красной Насѣдки», своего двоюроднаго брата, отъ котораго онъ постоянно отрекался. Онъ собирался-было и на этотъ разъ прогнать «дурачка» Каспара, наградивъ его крѣпкимъ ругательствомъ, но Каспаръ не хотѣлъ уходить.

У него есть письмо къ госпожѣ Гедвигѣ, которое онъ долженъ передать Метѣ, но онъ напрасно искалъ Мету въ зáмкѣ и никого не нашелъ, кто бы взялся передать письмо, и онъ такъ радъ, что наконецъ нашелъ Дитриха.

— Отъ кого это письмо? спросилъ Дитрихъ.

— Этого я никому не долженъ говорить, кромѣ Меты, отвѣчалъ Каспаръ.

— Когда такъ, то и я не возьму отъ тебя письма, сказалъ Дитрихъ, который уже держалъ письмо въ рукахъ.

— Онъ мнѣ строго запретилъ говорить это, отвѣчалъ Каспаръ.

— Кто? спросилъ Дитрихъ.

— Да онъ, господинъ докторъ, возразилъ Каспаръ, почесывая за ухомъ.

— Нашъ докторъ?

— Да, конечно; онъ только-что пріѣхалъ на курьерскомъ со станціи и тотчасъ же поѣхалъ дальше, на фазаній дворъ, но не мимо за̀мка, а черезъ Дахсбергъ, что̀ будетъ чортъ-знаетъ какой крюкъ.

— Хорошо, сказалъ Дитрихъ; я передамъ письмо, будь спокоенъ.

Дитрихъ оставилъ Каспара вмѣстѣ съ обѣими сельскими красавицами и поспѣшно удалился по направленію къ одной изъ аллей, которая случайно была въ эту минуту пуста. Придя туда, онъ робко оглядѣлся и затѣмъ сломалъ печать, не давая себѣ времени посовѣтоваться съ оракуломъ пуговицъ, пришитыхъ къ курткѣ.

— Такъ, проговорилъ онъ, прочитавъ письмо, такъ! Мнѣ приходилось выслушивать брань отъ старика здѣсь, въ замкѣ, за то, что я ничего не могу открыть, и отъ старика на фазаньемъ дворѣ, за то, что я будто бы хвастался, что ни вѣсть что открылъ; ну, теперь на моей улицѣ праздникъ.

Дитрихъ бросился на скамейку, стоявшую въ аллеѣ, чтобы хорошенько поразмыслить, что̀ ему предпринять съ своей находкой.

Отнести ли ему письмо къ госпожѣ Гедвигѣ и сказать, что печать была сломана, но что Дитрихъ умѣетъ молчать, если... Да, если... но я думаю у ней у самой не много осталось, и Мета говоритъ, что исторія не долго продлится, а тогда, значитъ, даромъ потрачу свой порохъ. Въ концѣ концовъ гораздо лучше, если я прямо отдамъ письмо моему старику.

Дитрихъ все еще раздумывалъ, какой путь будетъ наилучшимъ, то-есть наивыгоднѣйшимъ, и додумался наконецъ, не лучше ли ему соединить оба пути, то-есть отнести письмо по адресу, получить за это награду, а затѣмъ выдать все дѣло старику.

Но старикъ захочетъ имѣть самое письмо. Сколько разъ онъ говорилъ мнѣ: еслибы только у насъ было что-нибудь писанное.

Дитрихъ еще разъ перечелъ записку:

«Я только-что прибылъ въ Ротебюль и тотчасъ же ѣду черезъ Дахсбергъ на фазаній дворъ, гдѣ буду васъ ждать. Быть можетъ, что, благодаря именно праздничной суматохѣ, вы най-

дете возможность освободиться на нѣсколько времени. Во всякомъ случаѣ знайте, что дѣло идетъ о жизни и смерти».

— О жизни и смерти! повторилъ Дитрихъ. Ну, авось дѣло не такъ плохо; эти господа всегда преувеличиваютъ. Или, быть можетъ, она собралась бѣжать съ нимъ! Да, навѣрное, это такъ; но въ такомъ случаѣ нельзя терять ни минуты. Старика нужно предупредить объ этомъ; старикъ ужъ будетъ знать, какъ ему поступить.

Дитрихъ вскочилъ съ мѣста и бросился со всѣхъ ногъ, стараясь однако не возбудить ничьего вниманія, черезъ садъ въ зáмокъ. Ближайшая дорога была вверхъ по лѣстницѣ красной башни, черезъ корридоръ флигеля въ главный корпусъ зáмка до маленькаго бокового корридора, изъ котораго дверь, обитая обоями, вела прямо въ прихожую, гдѣ сиживалъ обыкновенно его дядя.

Когда Дитрихъ собирался взбѣжать вверхъ по лѣвой сторонѣ лѣстницы, онъ услышалъ, что съ правой стороны кто-то спускался. Онъ тотчасъ же притаился, и такъ какъ у него былъ очень тонкій слухъ, то онъ тотчасъ же различилъ, что то была женщина и даже двѣ. То были, въ самомъ дѣлѣ, двѣ женщины; достигнувъ нижней площадки онѣ остановились въ трехъ шагахъ отъ Дитриха, который прижался къ стѣнѣ, сдерживая дыханіе.

— Не ходи дальше, милое дитя, сказала одна изъ женщинъ, которая была, безъ малѣйшаго сомнѣнія, сама Гедвига: — а не то насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ; отъ души благодарю тебя за преданность, которой никогда не забуду. И не правда ли, ты сдѣлаешь для меня одолженіе и посидишь часа два въ комнатѣ, а теперь прощай!

Наступила маленькая пауза, во время которой Мета повидимому цѣловала руки у госпожи Гедвиги, и затѣмъ Дитрихъ услышалъ, какъ эта послѣдняя пошла внизъ по лѣстницѣ, а Мета тихонько заплакала.

— Ну, теперь поле свободно, сказалъ Дитрихъ самъ себѣ и, выдѣлясь отъ стѣны, схватилъ плачущую Мету за обѣ руки.

Мета вскрикнула и чуть-было не упала на колѣни, но Дитрихъ грубо поднялъ ее.

— Полно глупить, голубушка, сказалъ онъ; я все слышалъ, и знаю даже, куда путь лежитъ.

— Ахъ! ради Бога, Дитрихъ, не выдавай насъ! вскричала смертельно испуганная дѣвушка. Дѣло идетъ о жизни и смерти.

— Такъ! замѣтилъ Дитрихъ. Развѣ вы уже получили письмо?

— Я не знаю, что ты хочешь сказать, отвѣчала Мета. Она

должна уѣхать, если не хочетъ отправиться въ Богемію, что было бы, конечно, гораздо благоразумнѣе; но вѣдь съ ней не сговоришь, разъ она заберетъ себѣ что-нибудь въ голову. И вотъ я должна была сбѣгать на гору и дать знать батюшкѣ, а она только-что ушла въ моемъ платьѣ, чтобы никто не могъ ее признать, потому что она здѣсь какъ заключенная, говоритъ она; ахъ! и я этому вѣрю! ахъ! Дитрихъ, ради самого Христа и Богородицы, не выдавай бѣдную, несчастную госпожу Гедвигу!

— Ну вотъ, какъ можно! отвѣчалъ Дитрихъ. Ступай теперь въ горницу, если ты ей обѣщала; я приду попозже и посижу съ тобой.

Дитрихъ поцѣловалъ успокоенную Мету, въ три прыжка взбѣжалъ на лѣстницу и черезъ нѣсколько минутъ, весь запыхавшись, уже стучался въ дверь, обитую обоями, изъ которой тотчасъ же осторожно высунулась сѣдая голова стараго Глейха.

Нѣсколько шопотомъ сказанныхъ словъ, бумажка, переданная изъ рукъ въ руки — и дверь также тихо затворилась, какъ и отворилась.

Передъ дверью, въ маленькомъ полутемномъ корридорчикѣ, Дитрихъ присѣлъ на скамейку, потому что старикъ велѣлъ ему на всякій случай подождать; въ передней же, подъ висячей лампой, стоялъ Андрей Глейхъ, держа внимательно прочитанное письмецо въ лѣвой рукѣ, и задумчиво поглаживая указательнымъ пальцемъ правой руки свой длинный, острый носъ, на которомъ еще красовались большіе очки въ роговой оправѣ, обыкновенно употребляемыя Глейхомъ во время чтенія.

Такъ простоялъ онъ минуты двѣ неподвижно; затѣмъ очевидно принялъ какое-то рѣшеніе.

Онъ рѣшительно направился къ двери, которая вела въ спальную принца; онъ вѣдь ужъ десять разъ входилъ сегодня безъ зова.

— Ваша свѣтлость!

— Что тебѣ? спросилъ принцъ.

Онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, на которомъ сегодня связки съ документами и письма были разложены въ такомъ же порядкѣ, какъ и всегда, съ тою только разницей, что каждая связка, каждая пачка были обтянуты узкой полосой изъ синей бумаги, припечатанной сургучомъ. Но принцъ, вернувшись сюда подъ вечеръ, послѣ того какъ здѣсь проработалъ около часа совѣтникъ изъ Берлина съ своимъ секретаремъ, не обращалъ никакого вниманія на происшедшія тѣмъ временемъ перемѣны. Онъ только поспѣшилъ къ столу и удостовѣрился, что маленькій настольный портретъ, оправленный бри-

-ліантами, все еще стоитъ на старомъ мѣстѣ. Онъ только-что усѣлся передъ этимъ портретомъ и отодвинулъ его ладонью нѣсколько въ сторону, какъ внезапно услышалъ голосъ Глейха.

— Ваша свѣтлость, повторилъ Глейхъ, сегодня утромъ меня точно ножемъ ударили въ сердце, когда мнѣ пришлось выслушать, что я плохую службу сослужилъ вашей свѣтлости, хотя вамъ хорошо извѣстно, чье приказаніе я исполнялъ, отдавая вашей свѣтлости письма; они лежатъ въ карманѣ вашей свѣтлости, у самого сердца, и мнѣ собственно видѣть этого не подобаетъ; но я думаю, что если ваша свѣтлость приложитъ къ нимъ вотъ еще это письмо, то пакетъ станетъ слишкомъ тяжелъ и толстъ, и ваша свѣтлость отдастъ ихъ мнѣ, чтобы я могъ кинуть ихъ въ огонь.

Съ этими словами Глейхъ раскрылъ письмо Германа и положилъ его передъ принцемъ.

Принцъ слишкомъ много перечитывалъ въ прошлую ночь письма Германа, чтобы не увидѣть, при первомъ же взглядѣ своихъ все еще юношески зоркихъ глазъ, что настоящія строчки были набросаны тою же рукой.

— И вотъ какъ было дѣло, продолжалъ Глейхъ, пояснивъ въ немногихъ словахъ, какимъ образомъ записка попала въ его руки: — и что всего хуже или смѣю сказать, что всего лучше, она вѣдь провѣдала объ этомъ инымъ какимъ-то путемъ, или быть можетъ они сговорились раньше, потому что она только-что убѣжала при помощи Меты Прахатицъ (которая всегда была ничего нестоющей дѣвчонкой), переодѣвшись въ платьѣ Меты; если ваша свѣтлость удостоите принять мой совѣтъ, то предоставите ей убѣжать, а сами ляжете почивать; а завтра встанете снова свѣжимъ и здоровымъ, и затѣмъ ваша свѣтлость и вѣрный слуга, не взирая на все случившееся, снова мирно заживутъ на многіе годы; вотъ мое мнѣніе.

Принцъ сидѣлъ, пока Глейхъ докладывалъ ему все это, съ широко раскрытыми глазами и неподвижнымъ, блѣднымъ лицомъ.

Это не тревожило Глейха, потому что онъ этого ожидалъ; но онъ страшно испугался, когда его повелитель вскочилъ однимъ прыжкомъ съ кресла и побѣжалъ безъ оглядки черезъ большую комнату въ прихожую. Здѣсь онъ внезапно остановился, и это дало возможность Глейху его нагнать и спросить дрожащимъ голосомъ: что именно намѣренъ дѣлать его свѣтлость.

Принцъ не отвѣчалъ; онъ поводилъ безумными глазами по комнатѣ, и Глейхъ совсѣмъ увѣрился, что его повелитель сошелъ съ ума; какъ вдругъ тотъ указалъ на стулъ, на которомъ лежали

плащъ и фуражка оберфорстмейстера, бросился къ стулу, накинулъ на себя плащъ и надвинулъ на лицо фуражку.

— Ты долженъ сопровождать меня, а не то я не найду дороги въ темнотѣ. Я пройду черезъ корридоръ, меня никто не узнаетъ. Ты послѣдуешь черезъ минуту, я подожду тебя у воротъ. Мы пойдемъ прямо черезъ болото, тамъ мы никого не встрѣтимъ; дорога тутъ немного крута, но за то самая короткая. Черезъ минуту!

Глейхъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Неужели то былъ принцъ, который только-что сидѣлъ, согбенный какъ восьмидесятилѣтній старецъ и который теперь стоялъ выпрямившись, какъ во дни своей молодости, и все это говорилъ, правда, тихимъ, но яснымъ, увѣреннымъ голосомъ, какъ будто это было совершенно въ порядкѣ вещей.

— Слушаю, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Глейхъ; ваша свѣтлость можете на меня положиться.

Онъ отворилъ принцу дверь въ главный корридоръ, который былъ совершенно пустъ, благодаря тому, что все устремилось въ садъ, поглядѣлъ какъ его свѣтлость, завернувшись въ плащъ оберфорстмейстера, — и фигурой, походкой поразительно напоминая оберфорстмейстера, — шелъ по корридору; затѣмъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки, написалъ на немъ нѣсколько словъ и передалъ Дитриху, съ приказаніемъ немедленно доставить графу, а самъ поспѣшилъ, схвативъ свой плащъ и фуражку, которые всегда висѣли наготовѣ въ корридорѣ, длинными шагами за своимъ повелителемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

Въ окнахъ чайнаго домика виднѣлся свѣтъ. Прахатицъ только-что пошелъ запрягать экипажъ. Германъ прислонился къ лѣстницѣ и пристально глядѣлъ въ темноту, окутавшую густымъ покрываломъ всю окрестность. Физическія силы его были почти совсѣмъ истощены, голова тяжела, такъ что мысли его совсѣмъ не вязались и онъ почти позабылъ, зачѣмъ собственно скакалъ день и ночь безъ оглядки, и все-таки опоздалъ повидимому, если Прахатицъ хорошо понялъ Мету и принцъ уже былъ арестованъ.

И такую-то минуту выбрала она, чтобы покинуть стараго несчастнаго человѣка? Или, быть можетъ, выборъ зависѣлъ не отъ нея? Быть можетъ, ее вынудили къ тому? Но кто же? Что же? Кто-жъ иной, какъ не графъ? Что другое, какъ не то обстоя-

тельство, что онъ самъ сегодня или завтра покидаетъ замокъ, чтобы ѣхать въ свой полкъ? Но Мета увѣряла, что она слышала сегодня утромъ, будто они совсѣмъ разсорились, да и старый Прахатицъ былъ того мнѣнія, что невозможно, чтобы она уѣзжала ради графа. Но какое ему до этого дѣло? Не ради нея онъ пріѣхалъ сюда, и если она больше не принимаетъ въ судьбѣ принца даже обыкновеннаго человѣческаго участія, то онъ попытается обойтись и безъ нея; да въ сущности онъ могъ предложить теперь такую малость: быть можетъ, хорошій совѣтъ, утѣшительное слово, бездѣлицу, и все-таки... ему казалось, что онъ съ тяжелымъ сердцемъ пойдетъ на войну, если не предложитъ этой бездѣлицы старику, котораго онъ такъ любилъ... въ день его рожденія. Великій Боже!

Германъ глядѣлъ на звѣзды, которыя теперь ярче засверкали на ночномъ небѣ; онъ прислушивался къ ропоту и шопоту кустарниковъ и деревъ въ лѣсу.

Ночь была прекрасна — какъ и четыре недѣли тому назадъ, когда общество пило здѣсь чай.

Четыре недѣли! Точно будто четыре года тому назадъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось, что это было не далѣе какъ вчера; все равно... въ тотъ вечеръ его осѣнило какъ бы предчувствіе настоящей минуты.

Германъ медленно поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ ротонду. При слабомъ освѣщеніи свѣчей, которыя Прахатицъ зажегъ въ одномъ изъ стѣнныхъ канделябръ, зеркала, вазы и статуи, въ кисейныхъ чехлахъ, походили на призраковъ, а спертый воздухъ наводилъ на мысль о могильномъ склепѣ. Да онъ и находился здѣсь среди могилъ, гдѣ были схоронены тѣ счастливые дни... единственные, которые подарила ему жизнь и которые теперь прошли безвозвратно; вѣдь онъ стоялъ здѣсь на могилѣ, гдѣ была схоронена его любовь!

Песокъ заскрипѣлъ на площадкѣ подъ чьими-то легкими шагами, которые затѣмъ раздались на лѣстницѣ.

Германъ поднялся ей на встрѣчу; но сердце его напрасно забило такую тревогу. Въ дверяхъ показалась Мета Прахатицъ въ деревенскомъ костюмѣ, который она, по желанію Гедвиги, продолжала носить, будучи камеръ-юнгферой.

— Что̀, ваша госпожа будетъ, Мета? спросилъ Германъ.

Тутъ только онъ увидѣлъ сверкающіе, темные, большіе глаза Гедвиги.

— Гедвига, вскричалъ онъ, протягивая обѣ руки, Гедвига!

Она схватила его за обѣ руки, она наклонилась къ нему;

одну минуту казалось, что она хочетъ броситься къ нему на грудь, но затѣмъ она снова выпрямилась.

— Какъ вы сюда попали?

— Развѣ вы не получали моего письма?

— Какого письма?

Нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобы выяснить положеніе дѣлъ, а именно, какимъ образомъ фанатическій, безсовѣстный эльзасецъ, достигнувъ своей цѣли и увѣрившись, что война неизбѣжна, открылъ властямъ о заговорѣ, для того, какъ онъ самъ сказалъ Герману, чтобы произвести замѣшательство въ правительственныхъ кружкахъ, и чтобы строгими мѣрами, которыя безъ сомнѣнія употребятъ противъ виновныхъ, разжечь гнѣвъ всѣхъ республиканцевъ, и этимъ способомъ, какъ онъ выражался, съ самаго начала лишить войну національно-аристократическаго оттѣнка и вмѣсто того придать ей коммунистическій характеръ.

— Я выслушалъ этого негодяя до конца, сказалъ Германъ, чтобы вполнѣ узнать его намѣренія, и затѣмъ безъ оглядки поспѣшилъ сюда, чтобы предупредить, спасти принца. Но предатель привелъ свою махинацію въ исполненіе двумя днями раньше, и я опоздалъ.

— Уѣзжайте же теперь обратно, отвѣчала Гедвига и предоставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ.

Германъ поглядѣлъ на нее.

Мягкій передъ тѣмъ голосъ Гедвиги перешелъ въ другой тонъ, въ кроткихъ дотолѣ глазахъ ея зажглось иное выраженіе: передъ нимъ стояла Гедвига, которую онъ никогда не понималъ и никогда не пойметъ.

— Вы смотрите на меня съ испугомъ и съ упрекомъ,—продолжала Гедвига,—потому что я не такъ настроена, какъ вы, и такъ готова, какъ вы, броситься спасать амулетъ ребяческихъ дней, когда горитъ домъ. Это вѣчная исторія. Никто не знаетъ, что̀ происходитъ у другого на душѣ, а всякій хочетъ предписывать законы для его дѣйствій и поступковъ. Вы не знаете каково у меня на душѣ, не можете этого знать; не знаете, какъ они меня мучили и терзали, пока каждая капля крови не закипѣла во мнѣ, и мнѣ оставалось только сойти съ ума, еслибы кто-нибудь или что-нибудь могло меня удержать. Нѣтъ, никто этого не знаетъ. Я сознала это сегодня утромъ, когда увидѣла добраго старика, посѣдѣвшаго въ одну ночь, какъ лунь, отъ печали. Еслибы что-нибудь могло меня удержать, такъ это зрѣлище. Что̀ значитъ гибель его плановъ, которые всегда были мыльными пузырями; что̀ значитъ это, такъ-называемое, заключеніе, которому его теперь подвергаютъ и изъ котораго, въ самомъ не-

продолжительномъ времени, его освободятъ, подаривъ неограниченной милостью и прощеніемъ — что значитъ это и все остальное въ сравненіи съ тѣмъ горемъ, которое я ему приготовила, должна была приготовить! И вотъ потому именно, что я должна была это сдѣлать, я не хотѣла измѣнить всему, чѣмъ дорога и красна наша жизнь: голосу моего сердца, внушеніямъ моего разума, свободѣ божественнаго закона — поэтому-то на сердцѣ у меня теперь легко, а на душѣ покойно, такъ покойно, что я могу даже перенести, что вы, единственный человѣкъ на божьемъ свѣтѣ, честно и искренно любившій меня, и котораго я сама могла бы и должна бы полюбить, будь я только способна любить,—вы не понимаете меня. Я не могу и не должна любить— теперь, по крайней мѣрѣ! Да и какъ можно намъ говорить въ такую минуту о будущемъ и о насъ самихъ! Нѣтъ, да будетъ благословенна та святая минута, которая меня — блуждающій атомъ — охватила и несетъ въ міровую борьбу, гдѣ личность и ея судьба не играетъ никакой роли, гдѣ всѣ должны быть готовы всѣмъ пожертвовать... А! я слышу Прахатица, прощайте, милый другъ, прощайте!

Выходя изъ павильона, она сдѣлала Герману знакъ, чтобы онъ не провожалъ ее; ударъ бича, скрипъ колесъ по песку — и она исчезла.

Германъ опустился на стулъ въ смятеніи и закрылъ лицо руками.

— Прощай, проговорилъ онъ, прощай!

— Прощай, отозвалось какъ бы глухое эхо въ большой комнатѣ.

Въ испугѣ Германъ вскочилъ и волоса его стали дыбомъ, когда онъ увидѣлъ посреди ротонды принца — нѣтъ, только тѣнь принца съ бѣлыми волосами и мертвенно-блѣднымъ лицомъ; онъ простиралъ руки къ двери, въ которую исчезла Гедвига.

— Прощай, вскричалъ принцъ еще разъ, раздирающимъ душу голосомъ и упалъ съ громкимъ плачемъ въ объятія Германа, подбѣжавшаго къ нему.

— Я хотѣлъ разстаться съ ней въ мирѣ, рыдалъ онъ; я хотѣлъ сказать ей, что она можетъ свободно любить, что воспоминаніе обо мнѣ не должно отравлять ея жизни. Но ей не нужно ничьего благословенія, ничьей любви; она никого изъ насъ не любила, никого, никого!

Онъ вдругъ осунулся; Герману показалось, что онъ кладетъ мертвеца на диванъ вмѣстѣ съ старымъ Глейхомъ, который подбѣжалъ къ нему.

— Иначе и быть не могло, сказалъ Глейхъ; мы какъ без-

умные бѣжали по горѣ, у меня до сихъ поръ еще трясутся руки и ноги. И онъ все слышалъ оттуда — Глейхъ показалъ на дверь въ темную сосѣднюю комнату, стоявшую открытой. Этого онъ не переживетъ, господинъ докторъ, этого онъ не переживетъ.

Глейхъ былъ страшно потрясенъ; этого онъ никакъ не желалъ, этого онъ никакъ не предполагалъ! Онъ хотѣлъ, чтобы старый господинъ весь принадлежалъ ему, какъ въ доброе старое время, и вдругъ....

— Этого онъ не переживетъ, снова прошепталъ онъ, охотно повинуясь указаніямъ Германа, пытавшагося привести въ чувство принца.

Онъ совсѣмъ позабылъ, что передъ нимъ глубоко ненавистный докторъ, съ которымъ онъ старался теперь сообща устранить грозившую бѣду. Сообща и, какъ казалось, тщетно. Пульсъ бился медленнѣе и крѣпче, вѣки отяжелѣли, худыя бѣлыя руки нетерпѣливо прижимались къ хрипящей груди.

— Онъ хочетъ вынуть письма, сказалъ Глейхъ.

— Какія письма?

— Въ его боковомъ карманѣ; возьмите ихъ, они принадлежатъ вамъ.

Германъ вынулъ маленькій пакетъ съ печатью принца и его адрессомъ; умирающій улыбнулся, пытаясь взять Германа за руку. Германъ подалъ ему обѣ руки; слабое пожатіе—глубокій, глубокій вздохъ... и благородная блѣдная голова свѣсилась на бокъ.

— Онъ быстро кончается, прошепталъ Германъ.

Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги; черезъ секунду въ ротондѣ появился графъ; лицо его пылало отъ поспѣшной ходьбы, а сверкающіе глаза загорѣлись страшнымъ гнѣвомъ, когда онъ увидѣлъ передъ собой Германа.

— Что здѣсь такое? повелительно спросилъ онъ.

— Покойникъ, отвѣчалъ Германъ, медленно приподнимаясь, и указывая на распростертую фигуру принца, которую онъ съ Глейхомъ до того заслоняли отъ графа.

Графъ вздрогнулъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой и твердыми шагами подошелъ къ дивану; Германъ и Глейхъ отошли въ сторону.

Онъ остановился передъ покойникомъ и пытливо поглядѣлъ въ блѣдное лицо. Когда, черезъ нѣсколько секундъ, онъ приподнялъ голову, — лицо его было глубоко серьезно, а голосъ звучалъ почти мягко, когда онъ сказалъ, обращаясь къ Герману:

— Будьте такъ добры, разскажите мнѣ, какъ все случилось? Но прежде всего позвольте поблагодарить васъ.

На площадкѣ передъ павильономъ послышался стукъ экипажа.

— Это карета, въ которой я пріѣхалъ, сказалъ графъ; я взялъ самую короткую дорогу; скоро должна пріѣхать другая, которая привезетъ фонъ-Цейзеля, оберфорстмейстера и Нейгофа.

Дѣйствительно, вскорѣ подъѣхалъ другой экипажъ и въ павильонъ вошли три господина; оберфорстмейстеръ подбѣжалъ и съ плачемъ опустился на колѣни передъ покойникомъ.

— Зачѣмъ я дожилъ до этого дня! рыдалъ старикъ.

По щекамъ фонъ-Цейзеля катились крупныя слезы, и даже лицо барона утратило свое легкомысленное выраженіе.

Въ домъ лѣсничаго, гдѣ помощникъ Прахатица еще не спалъ, было послано за открытымъ экипажемъ, тѣло покойнаго положили на солому, покрытую одѣяломъ; старый Глейхъ, внѣ себя отъ горя, не захотѣлъ разстаться съ своимъ мертвымъ господиномъ. Господа разсѣлись по экипажамъ, которые уже тронулись съ мѣста, какъ вдругъ яркій свѣтъ озарилъ ихъ и стоящія въ отдаленіи деревья. Никто не подумалъ о свѣчахъ, горѣвшихъ въ канделябрѣ между двумя окнами. Сильный порывъ сквозного вѣтра, который дулъ черезъ раскрытыя двери на лѣстницу и черезъ маленькую, также раскрытую заднюю дверь, произвелъ то, что огонь коснулся гардинъ, пламя быстро сообщилось гнилой матеріи; старыя шелковыя обои также легко загорѣлись и прежде чѣмъ успѣли остановить экипажи, выскочить изъ нихъ и взбѣжать по витой лѣстницѣ, вся внутренность павильона уже была объята пламенемъ, которое било изъ оконъ.

— Оставьте господа, сказалъ графъ, тутъ нечего больше спасать.

И пробормоталъ сквозь зубы:

— Пусть позоръ измѣны, задуманной здѣсь, точно также сотрется съ нашего имени.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

Графъ, въ настоящую минуту уже принцъ, стоялъ у окна и задумчиво глядѣлъ во дворъ, по которому медленно катился экипажъ, долженствовавшій отвезти его на станцію.

Зубцы башенъ озарились первыми слабыми лучами утренней зари, красноватыя облака носились высоко на свѣтло-голубомъ небѣ; короткая лѣтняя ночь пришла къ концу.

Короткая лѣтняя ночь...—всего нѣсколько часовъ; но какъ много совершилось перемѣнъ въ эти нѣсколько часовъ! Онъ сталъ принцемъ фонъ-Рода; у него родился наслѣдникъ, кото-

раго онъ такъ горячо желалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, о которомъ тайно молилъ небо.

Когда онъ прибылъ въ замокъ,—обогнавъ медленно ѣхавшій экипажъ, который везъ тѣло принца,—чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія, его встрѣтило извѣстіе, что часъ графини наступилъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ комнату супруги и нашелъ ее въ мукахъ, генеральшу, которая вообще никогда не теряла самообладанія, весьма озабоченной, а тайнаго совѣтника, какъ казалось, совершенно растерявшимся. Роды начались раньше срока — на нѣсколько недѣль раньше — вслѣдствіе чрезъ-чуръ сильной физической усталости, испытанной графиней въ протекшій день, и кромѣ того вслѣдствіе душевнаго потрясенія при извѣстіи о бѣгствѣ его свѣтлости — къ тому же слабое сложеніе паціентки и нѣкоторые весьма серьёзные симптомы.

— Можете ли вы поручиться за исходъ? спросилъ графъ.

— Къ чему этотъ вопросъ, графъ, сказалъ тайный совѣтникъ; безъ сомнѣнія, то-есть, если нѣкоторыя случайности, которыя я не считаю именно теперь возможными... трудно заранѣе опредѣлить дѣйствіе природы; у нея столько средствъ и путей... правда, еслибы мы были въ Берлинѣ, я бы самъ попросилъ, чтобы одинъ изъ моихъ достойныхъ собратовъ...

— Хорошо, перебилъ графъ, убѣдившійся вполнѣ, что тайный совѣтникъ не понималъ положенія больной: — я вамъ доставлю собрата, съ которымъ прошу поладить.

Такое рѣшеніе не легко было для графа, но онъ не принадлежалъ къ числу людей, способныхъ поддаваться какого бы то ни было рода впечатлѣніямъ въ томъ случаѣ, гдѣ дѣло шло о достиженіи цѣли, да къ тому же такой цѣли, отъ которой зависѣло для него столь многое, быть можетъ — кто знаетъ — продленіе его стариннаго рода. Такимъ образомъ, онъ отправился къ Герману и привелъ его отъ трупа принца, котораго тѣмъ временемъ перенесли въ спальню, къ постели своей супруги.

Генеральша была сильно смущена, а тайный совѣтникъ вышелъ изъ себя, когда они узнали съ кѣмъ имъ приходится имѣть дѣло; но съ графомъ, въ извѣстные моменты, ничего нельзя подѣлать, какъ выражалась генеральша, и настоящій —былъ однимъ изъ тѣхъ моментовъ, которыхъ она опасалась.

Графъ объявилъ генеральшѣ, что если она несогласна съ его распоряженіями, то хорошо сдѣлаетъ, если, во избѣжаніе недоразумѣній, удалится въ свою комнату, а тайному совѣтнику,— что онъ считаетъ себя обязаннымъ, въ случаѣ, если господа доктора не поладятъ другъ съ другомъ, передать отвѣтственность доктору Горсту, заявившему готовность принять ее на себя.

При этомъ рѣшеніи графъ и остался, несмотря на то, что на измученномъ лицѣ Стефаніи появилась блаженная улыбка; когда онъ сообщилъ ей о своемъ рѣшеніи, она немедленно объявила, что теперь нисколько больше не боится и готова все вытерпѣть.

Два часа спустя, въ часъ утра, слабый крикъ возвѣстилъ горничнымъ, сидѣвшимъ въ прихожей, что родился наслѣдникъ фонъ-Рода. Изъ прихожей великая вѣсть быстро распространилась по корридорамъ и дошла до тѣхъ, которые, несмотря на поздній часъ, все еще совѣщались въ большихъ залахъ и на самомъ дворѣ зáмка о странныхъ событіяхъ настоящей ночи, и о тѣхъ, которыя еще должны наступить. Нѣкоторые встрѣтили радостную вѣсть торжественнымъ ура!—и собирались привѣтствовать графа, пропѣвъ подъ его окнами патріотическій гимнъ, но другіе полагали, что въ такую минуту, когда тѣло покойнаго стараго принца лежало на столѣ, нельзя ничего другого пѣть, кромѣ: «Jesus meine Zuversicht»; а самое лучшее — тихонько разойтись по домамъ.

Это образумило остальныхъ и, послѣ двадцати-четырехъ-часового гвалта, въ зáмкѣ и во дворѣ зáмка воцарилась наконецъ тишина.

Такая тишина, что стукъ экипажа, медленно выѣхавшаго со второго двора, былъ явственно слышенъ.

Коляска остановилась у подъѣзда; камердинеръ Филиппъ выносилъ вещи своего господина; ихъ было немного, только то, что его господину могло понадобиться въ дорогѣ; остальной багажъ долженъ былъ отправиться позднѣе. Филиппъ разложилъ въ углу плащъ своего господина, но послѣдній все еще стоялъ на-верху у окна, не шевелясь, погруженный въ свои мысли.

Не веселы были эти мысли! были между ними такія тяжелыя, что подъ вліяніемъ ихъ графъ, то-есть, въ настоящую минуту принцъ, закусывалъ губы и поникалъ головой.

Не пріятно было думать, что человѣкъ, искусству котораго онъ довѣрилъ будущее своего дома и который, очевидно, спасъ это драгоцѣнное сокровище отъ когтей смерти, незамѣтно, тайкомъ оставилъ зáмокъ, не дожидаясь благодарности, заслуженной имъ, награды, подобающей ему, и теперь уже опять скакалъ обратно въ городъ революціонеровъ, изъ котораго прилетѣлъ, чтобы предупредить, спасти того, кому всякое предостереженіе было уже безполезно, всякое спасеніе не нужно и немыслимо.

Не радостенъ былъ разговоръ и съ фонъ-Цейзелемъ: онъ просилъ его принять на себя всѣ заботы на время его отсутствія, но тотъ вѣжливо поблагодарилъ за такое лестное довѣ-

ріе и прибавилъ, что, къ сожалѣнію, онъ можетъ принять на себя такую отвѣтственность лишь до похоронъ принца, такъ какъ затѣмъ ему необходимо ѣхать въ Дрезденъ, чтобы лично хлопотать о своемъ вторичномъ поступленіи въ армію.

Не пріятно было и то, что старикъ оберфорстмейстеръ фонъ-Кессельбушъ, поздравляя его съ рожденіемъ сына и наслѣдника, присовокупилъ просьбу освободить его отъ поста, который онъ занималъ такъ долго, слишкомъ долго, и позволить ему провести короткій остатокъ своихъ дней въ уединеніи, оплакивая своего отошедшаго въ вѣчность господина.

Неужели всѣ они, вмѣстѣ съ старымъ Глейхомъ, который теперь, полумертвый отъ горя и отчаянія, сидѣлъ возлѣ покойника, и съ эрихстальскимъ управляющимъ, уже просившемъ объ отставкѣ, и разными другими лицами, отъ которыхъ, пожалуй, можно было ожидать, что они придутъ и заявятъ о своемъ нежеланіи служить ему — неужели они хотятъ сказать этимъ, что онъ недостоинъ быть здѣсь господиномъ на мѣстѣ покойнаго? Неужели они желаютъ дать ему понять, что не одобряютъ путь, которымъ онъ достигъ господства? Что старый принцъ не умеръ бы, будь у него наслѣдникъ, который терпѣливѣе умѣлъ бы ждать?

Лицо человѣка, стоявшаго у окна, становилось все мрачнѣе и мрачнѣе, но вдругъ онъ съ усиліемъ овладѣлъ собою.

— Ба! сказалъ онъ: какой изъ того толкъ, что они пере-сляютъ его заслуги и свои собственныя съ тѣмъ, чтобы доказать, что я ничего не стою въ сравненіи съ нимъ! Къ чему послужило все ихъ муравьиное прилежаніе, ихъ пчелиное трудолюбіе: они съумѣли лишь создать искусственную постройку, но одного лишь умнаго прохожаго достаточно, чтобы опрокинуть и раздавить ее! Развѣ та толпа, которая такъ долго тѣснилась здѣсь, многимъ отличается отъ моей лошади, безъ которой, конечно, я безсиленъ, но которая съ той минуты только и получаетъ цѣну, какъ я сижу на сѣдлѣ и направляю ее въ ту или другую сторону, принуждая помогать мнѣ одержать побѣду? Кто изъ всѣхъ этихъ людей осмѣлился бы принять дерзкій вызовъ, сдѣланный намъ теперь Франціей? Кто изъ нихъ не склонилъ бы главы и не примирился бы съ позоромъ и утратой, вознося благодаренія Богу, что самъ хоть живъ?

Графъ скрестилъ руки на груди.

— Да, это такъ, на зло ей, гордянкѣ, непокорной, которая носится съ своей любовью къ народу и, пожалуй, считаетъ себя геніемъ народа. Да, еслибы народъ на нее походилъ! Она право дѣлаетъ слишкомъ много чести народу. Я никогда не ненавидѣлъ

парода, но ее я ненавижу безгранично, какъ прежде безгранично любилъ.

Впередъ! вскричала она, когда сегодня ночью я остановилъ ея лошадей,—впередъ! Безумный чехъ ударилъ по лошадямъ, и она безъ жалости готова была раздавить меня.

Впередъ! хорошо же: впередъ и впередъ! Все впередъ! Это было лозунгомъ бѣднаго графа Штейнбурга, у котораго ничего не было за душой, кромѣ Бога, коня и меча; это будетъ лозунгомъ Гейнриха фонъ-Рода; въ его шпорахъ прозвенитъ этотъ лозунгъ, когда онъ гордо проскачетъ мимо глупой толпы, и сверкнетъ на клинкѣ его сабли, когда онъ поведетъ свои эскадроны къ побѣдѣ, къ смерти. Все впередъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМАЯ.

Солнце зашло надъ браннымъ полемъ Гравелота. Надъ высотами Сен-Привата, трофеемъ дня, за который прусская гвардія вмѣстѣ съ саксонцами выдержала страшную перепалку, раскинулась ночь и скрыла подъ мрачнымъ покровомъ страшныя кровавыя жертвы, цѣной которыхъ была куплена побѣда, и которыя лежали еще неубранными на полѣ битвы.

Ночная роса, становившаяся все холоднѣе и холоднѣе послѣ полуночи, и ужасающая боль въ раздробленной рукѣ, дававшая себя чувствовать сильнѣе, послѣ того, какъ унялась кровь, пробудила графа Гейнриха изъ его долгаго, долгаго забытья. Ему снилось передъ тѣмъ: старый Гансъ, бѣшеный олень, пригвоздилъ его своими рогами къ лебединому утесу, а на противоположномъ берегу стояла Гедвига и кричала: впередъ, впередъ! И насмѣшливо смѣялась надъ тѣмъ, что онъ не можетъ оторваться отъ утеса, что онъ тщетно ранитъ въ кровь свои руки объ острые камни. Но вдругъ Гедвига исчезла, а Рода стала подниматься все выше и выше, до самыхъ его колѣнъ, до самаго сердца; все холоднѣе и холоднѣе, такъ что холодъ пронималъ до костей; и вотъ вездѣ кругомъ, насколько могъ обнять взоръ, бурлила, шумѣла, пѣнилась вода; но когда онъ наклонилъ голову, собираясь выпить рѣку, превратившуюся внезапно въ болото, набѣжалъ исполинскій олень и всею своею тяжестью сдавилъ ему грудь; ему стало трудно дышать, и онъ невольно вскричалъ, взывая о помощи, несмотря на то, что это ему казалось постыднымъ: помогите! помогите!

Должно быть онъ громко прокричалъ эти слова, потому что въ близости отъ него чей-то голосъ проговорилъ:

— Намъ не откуда ждать помощи, господинъ майоръ.

— Кто здѣсь? спросилъ принцъ.

— Іоганнъ Шварцъ.

Іоганнъ Шварцъ, прозванный долговязымъ Іоганномъ, былъ фланговымъ въ первомъ эскадронѣ; принцъ Гейнрихъ хорошо зналъ его, какъ и каждаго драгуна своего полка. Онъ припомнилъ, что когда, передъ закатомъ солнца, они въ послѣдній разъ аттаковали французскую пѣхоту, которая уже отступала, но съ озлобленіемъ и отчаяніемъ снова завязала борьбу, долговязый Іоганнъ скакалъ позади него. Воспоминаніе молніею освѣтило его душу, между тѣмъ какъ онъ хладнокровно начиналъ обсуждать свое состояніе и то положеніе, въ которомъ находился.

Прежде всего онъ попытался повернуться на спину, чтобы освободить лѣвое плечо и лѣвую руку, гдѣ чувствовалъ самую сильную боль. Но это ему не удалось, такъ какъ не представлялось ни малѣйшей возможности опереться на раздробленную руку, да и кромѣ того, его лѣвая нога, какъ онъ только теперь замѣтилъ, лежала подъ его лошадью. Онъ попытался еще разъ, но боль, причиненная ему этимъ движеніемъ, была такъ ужасна, что онъ почувствовалъ приближеніе новаго обморока и долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ усилій.

Затѣмъ онъ пытался сообразить, гдѣ онъ находится; и прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ могъ составить себѣ приблизительное понятіе о мѣстности, соображая разныя обстоятельства.

Ему казалось, что онъ лежитъ во рву, на днѣ небольшой ложбины.

Ему припомнилось также, что когда они врѣзались во французскую пѣхоту, то онъ пришпорилъ лошадь, чтобы перескочить черезъ ровъ. Въ эту минуту должно быть пуля сразила его вмѣстѣ съ лошадью.

Это подтвердилъ также и долговязый Іоганнъ и прибавилъ, что онъ въ ту минуту еще видѣлъ, какъ неслась саксонская кавалерія по горѣ, но что онъ не знаетъ, что́ было дальше, потому что тутъ ему самому пришелъ капутъ.

Принцъ Гейнрихъ не могъ видѣть Іоганна, лежавшаго позади его.

— Я лежу здѣсь уже съ часъ, сказалъ Іоганнъ; мои обѣ ноги въ такомъ видѣ, точно ихъ въ ступѣ толкли, а какую боль я терплю, такъ это одному Богу извѣстпо.

Іоганнъ умолкъ.

Ему показалось, что онъ слышитъ тихій, раздирающій сердце стонъ; онъ раздавался совсѣмъ по близости.

— Это Августъ Крейзеръ, сказалъ опять Іоганнъ; изъ второй шере́нги. Онъ теперь послѣдній, кромѣ насъ, господинъ майоръ: всѣ остальные, французы и наши, смолкли одинъ за другимъ; онъ также не долго протянетъ. Онъ ужъ цѣлый часъ молитъ о водѣ; я не могу до него доползти, онъ лежитъ слишкомъ далеко, а перебросить фляжку не рѣшаюсь; боюсь промахнуться.

Долговязый Іоганнъ опять умолкъ; пересохшіе отъ жажды уста принца медленно произнесли вопросъ, который съ трудомъ выговорился:

— Есть у васъ еще глотокъ, Шварцъ?

— Конечно, господинъ майоръ, отвѣчалъ долговязый Іоганнъ; если вы можете чуточку подвинуться.

— Я прикованъ къ мѣсту, на которомъ лежу, проговорилъ принцъ, усмѣхаясь, несмотря на жестокую боль.

— Ну такъ я попытаюсь, отвѣчалъ Іоганнъ.

Обоихъ раздѣляли какихъ-нибудь шесть шаговъ, но каждый вершокъ, на который подвигался долговязый Іоганнъ, цѣпляясь пальцами за траву, стоилъ должно быть адскихъ мученій, потому что желѣзный человѣкъ стоналъ и охалъ какъ дитя, сквозь стиснутые зубы. И вотъ вдругъ припомнилось принцу, что всего недѣлю тому назадъ, какъ онъ приговорилъ долговязаго Іоганна къ тремъ днямъ ареста за плохо вычищенную лошадь, и такъ какъ не было помѣщенія для ареста, то Іоганну приходилось отбывать свое наказаніе тѣмъ, что его три дня сряду привязывали къ дереву, во время стоянокъ.

— Не трудитесь, Шварцъ, сказалъ онъ.

— Я ужъ тутъ, отвѣтилъ Іоганнъ.

Онъ подползъ такъ близко, что могъ, вытянувъ руку, подать фляжку принцу — большую кожаную, французскую походную фляжку, добытую Іоганномъ дня два тому назадъ на рекогносцировкѣ.

— Но вѣдь это вода съ уксусомъ, господинъ майоръ, замѣтилъ Іоганнъ.

Принцъ съ жадностью прильнулъ къ фляжкѣ. Вдругъ онъ отнялъ ее отъ губъ; нельзя же было лишать бѣднаго человѣка его послѣдней надежды на спасеніе.

— Пейте до дна, господинъ майоръ, сказалъ Іоганнъ, мнѣ больше не нужно.

И послѣ минутнаго молчанія прибавилъ:

— Если же майоръ такъ гордъ, что не хочетъ даромъ при-

нять услуги отъ бѣднаго рядового, то пусть онъ заплатитъ мнѣ за нее. Вашъ револьверъ конечно еще заряженъ, выстрѣлите въ меня—вотъ сюда, въ ухо.

— Вы еще можете выздоровѣть, Шварцъ, замѣтилъ принцъ.

— Нѣтъ, я не выздоровлю, господинъ майоръ; да еслибы и выздоровѣлъ, то чтó толку: впереди голодъ и горе. Тамъ у насъ въ Эйхсфельдѣ, довольно нищихъ и безъ меня!

Іоганнъ говорилъ необыкновенно яснымъ, звонкимъ голосомъ, но его крѣпкая натура не могла долѣе противустоять лихорадкѣ отъ ранъ. Онъ вдругъ началъ бредить Катериной, которой нечего топиться оттого, что родила мальчика отъ человѣка, который все же честный малый, хотя майоръ и привязывалъ его въ теченіи трехъ дней къ дереву.

Слова бѣдняка, сказанныя въ бреду, пронзили сердце принца, какъ мечемъ.

— Зачѣмъ я приговорилъ его къ аресту, прошепталъ онъ.

Но его собственное состояніе было таково, что если не подоспѣетъ въ скоромъ времени помощь, то его ожидаетъ неминуемая смерть. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы освободить свою ногу; въ эту самую минуту животное, лежавшее до того неподвижно, вытянуло длинную шею и, испустивъ жалобный стонъ, заметалось въ агоніи. Принцъ громко вскрикнулъ отъ безумной боли и лишился чувствъ.

Очнувшись, онъ не зналъ, какъ долго пролежалъ безъ чувствъ. Но времени должно быть прошло не мало. Большая Медвѣдица, сверкавшая передъ тѣмъ прямо надъ его головой, низко опустилась на горизонтѣ, вѣтеръ, дувшій черезъ котловину, свѣжѣлъ; дрожь пробирала его до костей, зубы стучали.

Совсѣмъ тѣмъ положеніе его улучшилось; боль нѣсколько унялась, а главное, онъ освободился отъ своей страшной тяжести: лошадь, въ предсмертной агоніи, скатилась съ его ноги. Съ невѣроятными усиліями удалось ему сначала повернуться на спину, затѣмъ на правый бокъ и увидѣть вокругъ себя то самое зрѣлище, какого онъ ожидалъ: груду мертвыхъ тѣлъ, лежавшихъ какъ попало въ перемежку съ лошадиными трупами — ужасное сосѣдство — не вдалекѣ отъ него искаженное лицо Іоганна Шварца, который больше не нуждался въ пулѣ.

Непоколебимое сердце мужественнаго человѣка мучительно билось въ груди. Пока еще былъ живъ Іоганнъ Шварцъ, пока онъ еще слышалъ человѣческій голосъ, мысль о смерти не представлялась ему такъ явственно; теперь же, когда онъ остался одинъ обреченнымъ на стражу у мертвыхъ тѣлъ, онъ сказалъ себѣ, что ему предстоитъ умереть, но не такъ, какъ онъ всегда

мечталъ, не сраженнымъ пулею на полномъ скаку своего коня во главѣ своихъ солдатъ, не на глазахъ своихъ товарищей, не на глазахъ главнокомандующаго, можетъ быть самого короля, но здѣсь, въ этомъ забытомъ уголку браннаго поля, въ глубокой ночной тиши, въ одиночествѣ, всѣми покинутымъ и быть найденнымъ два дня спустя, а быть можетъ и вовсе не быть найденнымъ, но зарытымъ въ землю французскими крестьянами, и отмѣченнымъ въ числѣ «пропавшихъ безъ вѣсти»: майоръ принцъ Гейнрихъ Рода Штейнбургъ «пропавшій безъ вѣсти» — точно мародеръ, укокошенный деревенскими бабами.

И измученному лихорадкой, истерзанному болью человѣку пришла въ голову мысль, которую онъ не считалъ дотолѣ возможной, мысль: дѣйствительно ли правое дѣло война и не слишкомъ ли дорого куплена побѣда? Да и точно ли это была побѣда? Битва длилась въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, а къ вечеру, когда саксонскій армейскій корпусъ вступилъ въ дѣло, разгорѣлась съ новой силой. Неужели Базену удалось пробиться, несмотря на ужасающій уронъ? Неужели это возможно? Неужели дѣло проиграно?

Принцъ Гейнрихъ внезапно приподнялся и сѣлъ; убійственная для солдата мысль придала ему силы, которой ему до сихъ поръ не хватало.

Онъ оглядѣлся вокругъ себя.

Тамъ, вдали, на хребтѣ холма сверкалъ яркій свѣтъ; то былъ, по всей вѣроятности, Сен-Приватъ, который уже къ вечеру загорѣлся во многихъ мѣстахъ, и кругомъ на другихъ краяхъ котловины также виднѣлся свѣтъ: то были безъ сомнѣнія бивуачные огни.... французскіе или прусскіе? — вотъ вопросъ.

Но вотъ, довольно далеко, однако достаточно явственно для внимательнаго уха, послышался прусскій сигналъ! а теперь, нѣсколько ближе, военный оркестръ заигралъ «Wacht am Rhein».

Принцъ часто про себя подтрунивалъ и ругался, когда марширующія колонны или расположившіяся лагеремъ группы на стоянкѣ, у сторожевыхъ огней, затягивали эту самую мелодію грубыми, негармоничными голосами, но теперь онъ прослезился, теперь она звучала какъ привѣтствіе одинокому раненому и какъ надежда: поле, на которомъ раздавалась эта пѣснь, не могло принадлежать непріятелю!

— А мнѣ приходится лежать здѣсь и ждать смерти! вздыхалъ принцъ.

Онъ еще разъ попытался приподняться и проползти нѣсколько шаговъ. Все напрасно; нога, на которой лежала лошадь, была смята или сломана; онъ не могъ сдвинуть ее съ мѣ-

ста; кромѣ того силы его совсѣмъ истощились: онъ со стономъ упалъ обратно на землю, показавшуюся ему теперь совсѣмъ ледяною. Онъ думалъ, что то была утренняя роса; онъ не зналъ, что то была его собственная кровь.

Но сознаніе уже почти совсѣмъ покинуло его. Все страннѣе и страннѣе разыгрывалась фантазія въ утомленномъ мозгу. Онъ сидитъ за богато накрытымъ столомъ въ за́мкѣ Рода и даетъ знакъ слугѣ наполнить его бокалъ шампанскимъ; затѣмъ снова ему мерещится долговязый Іоганнъ изъ Эйхсфельда, у котораго ничего нѣтъ за душой, кромѣ нѣсколькихъ капель уксуса въ походной фляжкѣ, и тѣ онъ желаетъ продать за выстрѣлъ ему въ ухо изъ револьвера. Онъ не можетъ больше отдѣлить принца Гейнриха фонъ-Рода отъ долговязаго Іоганна: оба человѣка сливаются въ одно лицо. Въ моментъ, когда его сознаніе проясняется, онъ громко произноситъ:

— Да это въ самомъ дѣлѣ одно и то же!

Внезапно ухо его различаетъ человѣческіе голоса. Въ одно мгновеніе онъ выпрямляется. Не очень далеко отъ него сверкнулъ яркій свѣтъ, исчезъ и черезъ нѣсколько секундъ снова появился. Что это? Блудящій ли огонекъ на болотистомъ грунтѣ котловины? или же то фонарь носильщиковъ раненыхъ?

Принцъ хочетъ крикнуть, но дыханіе спирается у него въ горлѣ, языкъ прилипаетъ къ гортани, пересохшія уста съ трудомъ издаютъ слабый, хриплый стонъ. Что, если они его не найдутъ, что, если они пройдутъ мимо? Онъ не выдержитъ болѣе ни одного часа!

Въ его револьверѣ есть еще два заряда. Онъ приберегалъ ихъ на самый худой конецъ. Онъ хочетъ выстрѣлить, подать сигналъ; съ невыразимыми усиліями хватается онъ за револьверъ, но его окоченѣлые, безсильные пальцы тщетно силятся спустить курокъ, ему это не удается, а свѣтъ удаляется все дальше и дальше.

Но вотъ онъ снова ближе, ближе; въ омертвѣвшія жилы несчастнаго какъ-будто вливается новая жизнь; онъ шепчетъ благодарственную молитву, воспаленные глаза его увлажаются, сквозь навернувшіяся слезы свѣтъ преломляется лучами.

Вотъ онъ уже такъ близко, что принцъ можетъ различить фигуры, одну, двѣ, три. Они не особенно торопятся; они останавливаются болѣе, чѣмъ слѣдуетъ—такъ по крайней мѣрѣ кажется принцу—возлѣ мертвыхъ тѣлъ, которымъ тотъ, что̀ держитъ фонарь, свѣтитъ въ лицо, между тѣмъ какъ два остальныхъ....

Великій Боже! Что это такое? Принцъ явственно увидѣлъ

какъ одинъ изъ нихъ, съ ножемъ въ зубахъ, придавливаетъ колѣномъ грудь мертвеца, а другой приподнимаетъ руку и опускаетъ назадъ съ восклицаніемъ: «sacré»! Третій приподнимаетъ фонарь, чтобы посвѣтить своимъ сообщникамъ и лучше оглядѣть окрестность. Свѣтъ ярко озаряетъ его свирѣпое, звѣрское лицо, на которомъ сверкаютъ глаза гіены, и вотъ вдругъ глаза гіены останавливаются на сидящемъ.

Онъ нетерпѣливо махаетъ фонаремъ.

— Кончайте скорѣй, говоритъ онъ, вонъ тамъ офицеръ.

Какъ будто волшебствомъ возвращается къ храбрецу его рисутствіе духа, его отчаянное мужество, его вѣрный глазъ, го твердая рука. Онъ прицѣливается не въ человѣка съ фоаремъ, но въ перваго изъ грабителей, чтобы второго не скрыла гъ него темнота. Короткій, рѣзкій трескъ! разъ, два! и ноильщикъ фонаря, видя какъ падаютъ его сообщники направо налѣво, съ ужасомъ роняетъ фонарь, какъ разъ возлѣ принца убѣгаетъ со всѣхъ ногъ. Фонарь продолжаетъ горѣть и слуитъ вѣрнымъ путеводителемъ группѣ людей, которые, бывъ приечены двумя выстрѣлами, спускаются теперь съ холма. Но поѣдній яркій проблескъ прежней силы и энергіи, только-что оснувшійся въ страстной душѣ принца, потухаетъ. Ему катся, что онъ видитъ надъ собой лицо фонъ-Цейзеля, что онъ ышитъ голосъ доктора Горста, но не можетъ отличить дѣйзительность ли то, или лихорадочный бредъ. Ужасающая боль звращаетъ ему сознаніе на одну минуту и онъ точно видитъ цо доктора и слышитъ голосъ фонъ-Цейзеля, но затѣмъ все ова стушевывается во мракѣ, и принцемъ овладѣваетъ глубо-, непробудный обморокъ.

Между тѣмъ, нѣсколько дюжихъ ганноверцевъ несутъ принца *полю* битвы; ему была сдѣлана предварительная перевязка, а омъ его положили на мягкія носилки и прикрыли плащемъ; гъ-Цейзель и Германъ идутъ рядомъ; фонъ-Цейзель въ мунѣ саксонскаго драгунскаго офицера, Германъ въ мундирѣ сскаго военнаго врача. Фонъ-Цейзель въ полголоса передаетъ ерь болѣе подробно то, что̀ сообщилъ передъ тѣмъ другу общихъ чертахъ.

— Я ясно видѣлъ принца, когда мы спускались съ горы, орилъ онъ. Онъ скакалъ, какъ только онъ одинъ умѣетъ кать, во главѣ своихъ солдатъ: великолѣпная аттака! но въ ь самый моментъ насъ встрѣтилъ новый совершенно свѣжій ядъ такимъ страшнымъ огнемъ, что намъ пришлось свернуть раво и смѣшаться по ту сторону холма съ пруссаками, рые только-что пробились сквозь другой отрядъ. Путаница

произошла порядочная, мой другъ, когда смѣшались прусскіе и саксонскіе драгуны, но вѣдь не даромъ ихъ одушевлялъ одинъ и тотъ же духъ. Въ одно мгновеніе ока, мы выстроились во фронтъ и поскакали снова въ котловину, а затѣмъ дальше, потому что тѣмъ временемъ французы перебрались на другую сторону, гдѣ одинъ изъ холмовъ служилъ имъ отличнѣйшимъ прикрытіемъ, которымъ они мастерски воспользовались, и встрѣтили насъ такимъ жаркимъ огнемъ, что я не скоро его позабуду. Но мы разгорячились, а солдаты наши не захотѣли ударить лицомъ въ грязь передъ пруссаками, тѣ же въ свою очередь передъ нами, и побѣда осталась за нами. Все, что́ не молило о пардонѣ, было безпощадно смято, и я боюсь, что тутъ досталось вмѣстѣ и тѣмъ, которые охотно попросили бы пардона. Но при этомъ мы далеко отскакали отсюда, а тутъ протрубили раза два сборъ, и намъ пришлось стянуть солдатъ и вернуться назадъ. Къ этому времени совсѣмъ почти стемнѣло.

Тогда только припомнилось мнѣ, что я больше не видѣлъ принца, когда мы двинулись во вторую аттаку. Правда, что мы соединились только съ одной частью пруссаковъ—эскадрона два взяли влѣво, чтобы напасть на французовъ съ фланга. Принцъ могъ находиться при этихъ эскадронахъ; но когда мы скакали по ложбинѣ, я видѣлъ на полѣ много свѣтло-синихъ мундировъ въ перемежку съ красными штанами, ну и... принцы фонъ-Рода были нашими сюзеренами въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ, и мой старый отецъ до сихъ поръ еще владѣетъ помѣстьемъ въ Саксоніи, нѣкогда принадлежавшимъ принцамъ фонъ-Рода. Я выпросилъ часовой отпускъ и поскакалъ сюда; а тутъ подоспѣли и вы. Я благодарю Бога, что нашелъ какъ разъ того человѣка, встрѣча съ которымъ была для меня желаннѣе всего въ настоящемъ случаѣ. Какъ вы думаете, Горстъ, переживетъ онъ?

— Полагаю; хотя, конечно, неизвѣстно, останется ли цѣла его рука. Надо точнѣе изслѣдовать.

Къ счастью перевязочный пунктъ, къ которому они направлялись, лежалъ не очень далеко.

Принца, переходившаго изъ одного обморока въ другой, вслѣдствіе страшной потери крови, Германъ перевязалъ теперь какъ слѣдуетъ; ему помогалъ молодой собратъ.

Результатъ былъ въ цѣломъ благопріятенъ, въ особенности если разсчитывать на крѣпкую натуру раненаго; но невозможно было вполнѣ ручаться за исходъ.

Фонъ-Цейзель успѣлъ только выслушать сообщенное; ему необходимо было ѣхать обратно. Съ своей стороны, у Германа

было вдоволь дѣла. Онъ сказалъ другу, что завтра надѣется съ точностью увѣдомить, куда перенесутъ принца.

Его полкъ долженъ былъ выступить далѣе; самъ онъ былъ назначенъ сопровождать транспортъ съ легко-ранеными; по всей вѣроятности ему придется сопровождать его до Кобленца, а можетъ быть и далѣе.

Фонъ-Цейзель протянулъ руку еще разъ съ сѣдла своему другу.

— Я еще не успѣлъ спросить васъ, какъ поживаетъ ваша невѣста, сказалъ Германъ.

— Превосходно, отвѣчалъ фонъ-Цейзель; я хочу сказать, она плачетъ по цѣлымъ днямъ: я всегда ношу письмо отъ нея здѣсь — онъ приложилъ руку къ сердцу — оно служило мнѣ талисманомъ все это время и... я, впрочемъ, думаю вмѣстѣ съ Георгомъ изъ «Гётца фонъ-Берлихенгенъ», что добрый ливень и хорошій всадникъ всюду проберутся. Сегодня это оправдалось, и я благодарю Бога... ради милой...

Онъ хотѣлъ пришпорить лошадь, но остановился:

— Кстати, докторъ, у васъ нѣтъ извѣстій о *ней*?

— Никакихъ.

— Итакъ, до свиданья!

— До свиданья!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ОСЬМАЯ.

Восемь дней протекло послѣ сраженія. Въ одной изъ больших залъ іезуитской коллегіи, въ ***, обращенной въ походный госпиталь, догорали ночники, а въ окна уже врывался утренній свѣтъ. Несмотря на то, что верхняя часть высокихъ оконъ была раскрыта настежъ, въ обширномъ покоѣ царствовала душная, давящая атмосфера и тотъ особенный запахъ, который сразу даетъ чувствовать присутствіе тяжело-раненыхъ.

Здѣсь лежалъ уже восемь дней майоръ принцъ Гейнрихъ Рода-Штейнбургъ. Принцы и князья навѣщали его, желая показать свое участіе; король прислалъ ему съ однимъ изъ своихъ флигель-адъютантовъ орденъ желѣзнаго креста, поручая выразить ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ свое особенное расположеніе и милость, и сожалѣніе, что недосугъ не позволяетъ ему лично освѣдомиться о состояніи здоровья его свѣтлости. Принца окружали всевозможнымъ вниманіемъ, состояніе его ранъ было лучше, чѣмъ ожидали: пуля въ плечѣ была найдена, и врачъ ручался за цѣлость руки... совсѣмъ тѣмъ мрачное, грустное настроеніе

больного не проходило, и даже повидимому усиливалось, по мѣрѣ того, какъ выздоровленіе шло быстрыми шагами.

Онъ самымъ рѣшительнымъ и вмѣстѣ раздражительнымъ тономъ отклонялъ предложенія перенести его въ болѣе покойную комнату изъ этого помѣщенія, которое онъ дѣлилъ съ десятками двумя товарищей-страдальцевъ, на половину изъ простыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ.

— Я дѣлилъ участь своихъ солдатъ въ сраженіяхъ передъ непріятелемъ, и теперь хочу раздѣлять ее, говорилъ онъ.

За обѣдомъ у главнокомандующаго толковали объ этой фантазіи и приписывали ее капризу, но одинъ генералъ, славившійся своимъ разглагольствіемъ, замѣтилъ:

— Сегодня я узналъ, мнѣ кажется, навѣрное, почему онъ не хочетъ разстаться съ этой палатою.

— Ну?

— Потому что тамъ сидѣлкой прелестнѣйшая дѣвушка.

— Кто такая?

Генералъ пожалъ плечами.

— Развѣ красота нуждается въ имени, ваше королевское высочество? Впрочемъ я слышалъ мимоходомъ, какъ больные, которые ее кажется боготворятъ, называли ее Гедвигой.

Въ документахъ центральнаго комитета быть можетъ прописано было ея имя и фамилія, но здѣсь никто не называлъ ее иначе. Да никому и въ голову не приходило въ эти дни заниматься вещами, неотносящимися къ дѣлу; всѣ хлопотали лишь о томъ, чтобы каждый былъ на своемъ посту, а Гедвига занимала свой — безукоризненно. Врачи знали это и относились къ ней съ уваженіемъ, доходившимъ почти до благоговѣнія; лазаретные служители видѣли это и повиновались ей безпрекословно; но всего лучше знали это сами больные. Они знали, что при малѣйшемъ ихъ зовѣ, днемъ и ночью — все равно, — Гедвига будетъ возлѣ нихъ; да по большей части не надо было и звать, прекрасная дѣвушка какъ будто читала своими темными, серьезными глазами въ душѣ больныхъ; когда она обходила ихъ, бѣлыя руки, по которымъ нельзя было судить, что она привыкла къ труду, разглаживали тамъ складку, здѣсь поправляли одѣяло; какъ будто все говорило ей языкомъ, понятнымъ для ея сердца.

Поэтому на самомъ измученномъ лицѣ появлялась радостная улыбка, какъ скоро она входила въ комнату; не одна холодѣющая рука ощущала послѣднее пожатіе ея руки; не одни блѣднѣющія уста шептали ей свою послѣднюю просьбу, свою послѣднюю исповѣдь.

И только одинъ никогда не улыбался, когда она подходила къ его ложу; только одинъ никогда не слѣдилъ веселыми глазами за ея граціозными движеніями, когда она неслышными шагами проходила по залѣ; только одинъ никогда ни о чемъ не просилъ ее; только одинъ никогда не произносилъ ея имени.

Не потому, чтобы она менѣе заботилась о немъ, чѣмъ о другихъ; она подносила ему прохладительное питье, прежде чѣмъ его пересохшія губы успѣвали промолвить слово; она ни минутой позже, чѣмъ слѣдовало, не мѣняла ледяныхъ компрессовъ. Она не платила ему молчаніемъ за молчаніе; напротивъ того, у нея всегда имѣлось въ запасѣ дружеское слово, вмѣстѣ съ услугой, какую она оказывала, и только одинъ вопросъ, съ которымъ она часто обращалась къ бѣднымъ солдатамъ: есть ли у нихъ на родинѣ близкіе люди, которымъ имъ хотѣлось бы подать о себѣ вѣсточку? не написать ли ей за нихъ письмо?— только этого и тому подобныхъ вопросовъ она ему не задавала.

Но въ нихъ не было и надобности, и она не нарушала этимъ отступленіемъ своихъ обязанностей сидѣлки.

Вѣдь одного дня не проходило, чтобы главнокомандующій не присылалъ освѣдомиться о томъ, какъ провелъ ночь его свѣтлость? какъ теперь здоровье его свѣтлости? Вѣдь несмотря на заботы, тяготѣвшія на немъ въ эти дни, онъ все же находилъ время раза два или три лично навѣстить друга и посидѣть съ четверть часа у его постели; вѣдь ежедневно являлись товарищи, предлагая свои услуги; вѣдь въ случаѣ нужды самъ телеграфъ былъ къ услугамъ его свѣтлости и въ первый же день далъ знать о томъ, что онъ раненъ и обо всемъ, что необходимо или желательно было узнать его близкимъ, въ военное министерство въ Берлинѣ, а оттуда въ замокъ Рода.

Нѣтъ, объ его свѣтлости принцѣ Гейнрихѣ Рода-Штейнбургъ заботились со всѣхъ сторонъ, и онъ могъ обойтись безъ особенной помощи, безъ участія и утѣшенія своей сидѣлки, а между тѣмъ изъ всѣхъ несчастныхъ, вздохи которыхъ день и ночь раздавались въ больничномъ покоѣ, быть можетъ ни одинъ не чувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ, такимъ безутѣшнымъ, какъ этотъ человѣкъ, гордыя уста котораго никогда не произносили ни одной жалобы; быть можетъ, ложе ни одного изъ этихъ бѣдняковъ не казалось ему такимъ жесткимъ, быть можетъ ни одинъ изъ нихъ не желалъ такъ искренно смерти, которая освободила бы его отъ жизни, утратившей въ его глазахъ всю свою цѣну и привлекательность.

Что останется отъ Гейнриха фонъ-Рода, когда онъ встанетъ съ своего одра, кромѣ его тѣни?

Онъ всегда принималъ въ соображеніе только смерть, но никогда не имѣлъ въ виду, что она можетъ миновать его и только положить на него свою печать: что Гейнрихъ фонъ-Рода можетъ сдѣлаться калѣкой.

Онъ горько упрекалъ себя за свою глупость, за то, что упустилъ изъ виду такое возможное обстоятельство — но, какъ бы то ни было, а онъ никогда о немъ не думалъ, и вотъ теперь немыслимое превращается въ ужасную, осязаемую дѣйствительность. Никогда больше не владѣть Гейнриху фонъ-Рода такой сильной лѣвой рукой, чтобы остановить самую ретивую лошадь среди бѣшеной скачки; никогда больше не гнать ему передъ собой врага съ палашемъ въ рукѣ, во главѣ своихъ эскадроновъ. Все впередъ! Приходится проститься съ этимъ лозунгомъ теперь и навсегда!

Теперь! онъ стискивалъ зубы отъ жестокой боли, когда думалъ объ этомъ. Вѣдь онъ такъ страстно желалъ этой войны, призывалъ ее; война съ Франціей составляла суть его жизни, ея истинную задачу, въ сравненіи съ которой всѣ остальныя являлись лишь приготовительными мѣрами.

И вотъ теперь ему приходится предоставить выполненіе этой задачи другимъ, теперь онъ осужденъ слушать съ одра болѣзни какъ бьетъ барабанъ, какъ трубятъ рожки, какъ грохочутъ пушки, слышать глухой топотъ колоннъ, выступающихъ противъ непріятеля; теперь осужденъ онъ мысленно сопутствовать имъ въ ихъ побѣдоносномъ шествіи; онъ не можетъ принять участіе въ великой битвѣ, которая готовится и о которой его друзья изъ генеральнаго штаба съ одушевленіемъ разсказываютъ ему, ему не придется ступить пятой побѣдителя на лежащую въ прахѣ вражескую столицу!

И что же остается ему, когда у него все это отнято, когда онъ вытѣсненъ съ поля, гдѣ онъ чувствовалъ себя дома, гдѣ выказывалась его сила, гдѣ онъ доселѣ смѣло могъ поспорить со всякимъ?

Что же остается?

Сельское хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ.... но что понимаетъ принцъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ обширныхъ или малыхъ размѣрахъ? Управленіе княжескимъ имѣніемъ... развѣ это также легко, какъ дѣлать долги? Досугъ спокойнаго существованія... но онъ долженъ превратиться въ пытку непроходимой скуки для всякаго, кому незнакома иная наука, кромѣ военной, иное искусство, кромѣ искусства вести осаду. Развѣ онъ не предоставилъ всѣхъ прочихъ плебейскихъ знаній демократической науки людямъ, чье низкое рожденіе осуждало ихъ на т-

кія низкія занятія: бюргерамъ или же обѣднѣвшимъ дворянамъ: Ифлеру, Горсту, Цейзелю! Неужели же ему придется конкуррировать съ Ифлеромъ, Горстомъ, Цейзелемъ?

Но развѣ они уже не конкуррировали съ нимъ? Развѣ они и имъ подобные не выступили уже на ту арену, которую онъ и его сословіе разъ и навсегда признали своимъ неотъемлемымъ царствомъ? Конечно, онъ всегда зналъ, что безъ нихъ нельзя обойтись; это была печальная необходимость, но онъ и они... разница между ними была такая же, какъ между всадникомъ и конемъ, между рукой и мечомъ. Такъ по крайней мѣрѣ ему всегда казалось: и во время войны съ Даніей, и даже въ 1866-мъ году во время похода въ Богемію; эти умники господа либералы были тяжелымъ камнемъ, который всегда стремится упасть на родную землю; вотъ и понадобилось воинственное дворянство, чтобы побѣдить эту косность и швырнуть камень въ голову врага.

Неужели теперь все измѣнилось?

Это ему не казалось такъ, пока онъ сидѣлъ, цвѣтущій силой и здоровьемъ, на конѣ и поглядывалъ съ коня на суетливое движеніе, происходившее вокругъ него. Женщины и дѣти выли при выступленіи войска въ походъ, какъ это они всегда дѣлаютъ; бюргеры кричали — ура! а дочери ихъ махали платками, какъ это водится; на каждыхъ станціяхъ ревностно старались угостить проходящія войска — гораздо ревностнѣе и усерднѣе, чѣмъ требовала дисциплина, которая только страдала отъ этого; что касается самаго войска, то линейное шло также охотно, какъ и всегда, ландверъ проявлялъ по временамъ обычное глухое недовольство; а если солдаты на этотъ разъ охотнѣе, повидимому, переносили трудности похода, если они болѣе стойко выдерживали огонь и съ бóльшей храбростью шли въ аттаку, то это происходило оттого, что французы были имъ ненавистнѣе датчанъ и австрійцевъ.

Теперь все представлялось ему въ новомъ, чуждомъ свѣтѣ... быть можетъ только потому, что онъ потерялъ такъ много крови и лежалъ здѣсь такимъ безпомощнымъ и больнымъ; но когда онъ размышлялъ о впечатлѣніяхъ и событіяхъ послѣднихъ четырехъ недѣль, ему казалось, что прежде онъ видѣлъ лишь одну волнующуюся поверхность моря и не замѣчалъ могучаго вала, который гонитъ мелкія волны; что его захватилъ этотъ могучій валъ вмѣстѣ со всѣми остальными; что эта война высвободила изъ оковъ силу, о которой онъ никогда не помышлялъ, на которую никогда не разсчитывалъ, могучее дѣйствіе которой онъ не въ силахъ былъ опредѣлить, и которая казалась ему пагубной и ужасной.

Что ждетъ Пруссію, если она немыслима безъ тѣснаго союза съ Саксоніей и Баваріей, Виртембергомъ и Баденомъ?

Неужели ей придется отказаться отъ того, чтó ею добыто и промѣнять на то, отъ чего до сихъ поръ—по мнѣнію его и друзей—небо хранило Пруссію?

И неужели Пруссія была бы побѣждена въ настоящей борьбѣ безъ помощи остальныхъ, подобно тому, какъ его самого давно бы уже не было въ живыхъ, еслибы его не избавилъ отъ страшной смерти, не спасъ отъ рукъ убійцъ саксонецъ, а ганноверецъ не перевязалъ его ранъ, прежде чѣмъ онъ весь изошелъ кровью?

Все это, безъ сомнѣнія, было счастливой случайностью, точно также какъ и то, что у Іоганна Шварца оставалось въ фляжкѣ еще нѣсколько глотковъ, предохранившихъ его отъ окончательнаго изнеможенія...

Случайность?

А развѣ случайно Іоганнъ Шварцъ нашелъ столько силъ, чтобы проползти до него и затѣмъ умереть? Развѣ случайность заставила саксонца, утомленнаго страшными дневными трудами, снова сѣсть на измученнаго коня и поскакать на бранное поле, и ѣздить по немъ взадъ и впередъ, розыскивая его среди тысячи убитыхъ и раненыхъ, съ чутьемъ охотника и солдата, пока, наконецъ, ему не удалось найти того, кто въ сущности такъ мало заслуживалъ его любви и благодарности?

Нѣтъ, въ этой случайности играли слишкомъ большую роль благородство и высокія душевныя качества, почти столько же, какъ и въ дѣйствіяхъ ганноверца, фамилія котораго не владѣла въ теченіи двухсотъ лѣтъ помѣстьями дома фонъ-Рода, и котораго ужъ конечно не привязывали къ Гейнриху фонъ-Рода личная любовь и благодарность.

Нѣтъ, то была не случайность!

Въ противномъ случаѣ, развѣ онъ поспѣшилъ бы на третій же день, какъ скоро почувствовалъ нѣкоторыя силы, продиктовать своему адъютанту письмо къ сельскому старостѣ въ Эйхфельдѣ: что Іоганнъ Шварцъ палъ при Сен-Приватѣ, какъ храбрый и вѣрный, до послѣдняго издыханія, своему королю солдатъ, и что онъ, майоръ, командиръ Іоганна, чувствуя себя глубоко обязаннымъ покойному Іоганну, считаетъ своимъ долгомъ уплатить долгъ благодарности и принимаетъ на свое попеченіе жену и все семейство Іоганна?

И развѣ кровь бросалась бы ему въ голову всякій разъ, какъ онъ думалъ о Цейзелѣ и Горстѣ, и о томъ, что онъ лишенъ всякой возможности отблагодарить ихъ, послѣ того какъ

оба уже отказались отъ довольно значительныхъ суммъ, завѣщанныхъ имъ покойнымъ принцемъ? Развѣ бы онъ желалъ всякій разъ, какъ эти мысли приходили ему въ голову, чтобы сомнительнымъ счастіемъ своего спасенія онъ былъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, не этимъ двумъ людямъ?

И совсѣмъ тѣмъ: увѣренность въ томъ, что онъ останется на весь остатокъ своей жалкой жизни калѣкой, опасенія за славу и могущество Пруссіи, страхъ торжества ненавистнаго демократическаго духа, стыдъ быть обязаннымъ жалкою жизнью самоотверженію простого солдата, рыцарской вѣрности саксонскаго вассала, сдѣлавшагося теперь его товарищемъ, благородству политическаго и личнаго врага — все это было ничто въ сравненіи съ мукой, какую испыталъ онъ, когда ему пришлось убѣдиться въ *ея* благородствѣ, въ *ея* безкорыстіи, въ *ея* справедливости, въ томъ, что она на самомъ дѣлѣ искренно вѣрила въ идеалы, которые проповѣдывала!

Да, вотъ гдѣ самая суть мудренаго вопроса, надъ разрѣшеніемъ котораго мучился его дѣятельно работавшій мозгъ въ долгія безсонныя ночи: если ея вѣра истинная, тогда онъ смирится и признаетъ, что идеалы *ея* истинные; тогда онъ признаетъ, что она была всегда права, а онъ всегда неправъ; тогда онъ согласится съ ея положеніями, что Пруссія должна слиться съ Германіей, что цѣль, къ которой стремятся европейскіе народы, не взирая на безчисленныя уклоненія, заключается въ абсолютномъ уравненіи всѣхъ людей предъ закономъ — будетъ ли республика этихъ, равныхъ другъ другу, людей имѣть во главѣ своей короля или президента.

Была ли ея вѣра истинная?

Онъ не могъ убѣдиться въ этомъ раньше — не взирая ни на что.

Почему было дѣвушкѣ, вполнѣ сознающей свою гордую силу, свою дивную красоту, свой высокій умъ не насмѣяться надъ всѣмъ и всѣми, и ни во что поставить весь мужской родъ и весь свѣтъ, сравнительно съ своей собственной прелестью? Почему было ей не отказаться отъ княжества, когда ей приходилось вмѣстѣ съ нимъ принять руку старика? Почему было ей не отвергнуть помѣстья, когда оно, быть можетъ, лежало направо, а она забила себѣ въ голову пойти налѣво? Вообще, почему было ей не поступать такъ, какъ свойственно избалованной, капризной красавицѣ? Затѣять таинственное бѣгство и побороть всѣ препятствія, чтобы жить по-своему, какъ въ сущности она привыкла?

Когда же кокетка жила для кого-нибудь, кромѣ самой себя!

Такъ думалъ онъ и утѣшалъ себя, послѣ бѣгства Гедвиги.

— Она никого изъ насъ не любила, сказалъ онъ самъ себѣ, и прибавилъ: она любила только себя! Слава Богу, что она исчезла наконецъ изъ моей жизни, и самый образъ ея мало-помалу изгладится въ моей памяти.

И вотъ вдругъ встрѣтилъ онъ ее снова, здѣсь, въ такую минуту! Встрѣтилъ ее на томъ пути, который, болѣе чѣмъ всякій другой, требуетъ безграничнаго самоотверженія, высокой любви къ ближнимъ.

Странное ощущеніе испыталъ онъ, когда увидѣлъ... раннимъ утромъ перваго дня, по прибытіи сюда... какъ она вошла въ залу, въ томъ самомъ черномъ, простенькомъ платьѣ, какое носила молодая компаньонка въ домѣ генеральши; какъ она обходила кровати, останавливаясь порою, и скользя мимо, какъ тѣнь, пока наконецъ не подошла къ его кровати... на секунду остолбенѣла, но затѣмъ подошла, молча подала ему питье, стоявшее передъ нимъ на столикѣ, тихо приложила свою руку къ его лбу, и затѣмъ пошла дальше къ другимъ кроватямъ, между тѣмъ какъ онъ спряталъ голову въ подушки и заплакалъ какъ дитя.

И такъ входила она каждое утро въ одинъ и тотъ же часъ въ залу и оставалась весь день до поздняго вечера; уходила, приходила, неслышными шагами, неутомимая, облегчая страданія, утѣшая тѣхъ, для кого одинъ видъ ея, одно ея присутствіе уже служили отрадой и утѣшеніемъ.

И каждое утро въ тотъ самый часъ лежалъ онъ съ открытыми глазами, не спуская ихъ съ той двери, въ которую она должна была войти, съ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда она появится.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТАЯ.

Такъ лежалъ онъ и сегодня утромъ. То было последнее утро.

Ожидали санитарнаго поѣзда изъ Германіи; онъ сегодня же долженъ былъ уѣхать обратно на родину съ транспортомъ раненыхъ, которые могли вынести путешествіе и къ числу которыхъ принадлежалъ и онъ, благодаря отличному уходу и своей сильной натурѣ.

Уѣхать! Ужасная мысль! Домой!—Его домъ былъ на бранномъ полѣ! И видѣть ее въ послѣдній разъ, да! конечно въ послѣдній!

Дверь отворилась, она вошла.

Свѣтъ ночной лампы и первые блѣдные лучи дня упали на ея поблѣднѣвшее, чудное лицо, обрамленное чернымъ крепомъ.

Еще никогда не казалось оно ему такимъ прекраснымъ; неизвѣданное имъ дотолѣ чувство горя наполнило его грудь при мысли, что завтра она снова войдетъ, снова обойдетъ всѣ кровати, подойдетъ и къ его кровати, гдѣ уже не будетъ его, гдѣ будетъ лежать другой, которому она подаритъ тѣ же заботы, для котораго рука ея будетъ также нѣжна, а голосъ также мягокъ!

— Это она дѣлаетъ не для тебя, сказалъ онъ самъ себѣ: она дѣлаетъ это для больного; только твоя болѣзнь давала тебѣ право на ея вниманіе! Отъ ея любви ничего не осталось, кромѣ частички состраданія!

Онъ не могъ этого вынести; острое чувство горя лишило его самообладанія, милый образъ скрылся отъ его глазъ, заслоняемый слезами, наполнявшими ихъ.

— Мы невиноваты, скоро проговорилъ тихій голосъ у его изголовья, и чья-то рука тихонько прикоснулась къ его рукѣ, лежавшей на одѣялѣ.

Онъ поднесъ руку къ своимъ горячимъ губамъ, къ своему лбу.

— Итакъ, разстанемся въ мирѣ, продолжала Гедвига, и пусть воспоминаніе обо мнѣ будетъ для васъ безъ всякой горечи, также какъ и ваше для меня. Мы уже разъ пытались свести другъ съ другомъ счеты... когда вы спасли меня отъ бѣшенаго оленя... но тогда было еще слишкомъ рано, слишкомъ много личнаго примѣшивалось къ нашимъ взглядамъ. Теперь, когда вы спасли отечество, помогли спасти его отъ разъяреннаго врага, теперь, когда личность радостно подчиняется и приноситъ себя въ жертву общему дѣлу, я лучше, правильнѣе сужу о васъ; быть можетъ, вы также лучше понимаете меня теперь, и мягче судите обо мнѣ; быть можетъ, теперь нашъ разсчетъ будетъ точнѣе.

— Какой же будетъ нашъ разсчетъ теперь? спросилъ принцъ Гейнрихъ съ грустной улыбкой.

— Спросите у нашего врага, возразила Гедвига, взгляните на тотъ ужасъ, съ какимъ онъ смотритъ на сліяніе элементовъ, которые онъ считалъ у насъ на вѣки разъединенными, и которые теперь общими силами поднялись на него.

Принцъ Гейнрихъ тихонько покачалъ головой.

— Это не настоящій вашъ отвѣтъ, сказалъ онъ. Васъ не можетъ ввести въ заблужденіе, какъ какого-нибудь близорукаго мечтателя, это кажущееся единодушіе, вызванное минутной не-

обходимостью. Въ какихъ мы отношеніяхъ теперь—это я вижу; но въ какихъ будемъ мы стоять, когда минуетъ опасность? Не окажемся ли мы снова врагами...

— Которые узнали, что могутъ и должны въ извѣстныхъ случаяхъ стоять другъ за друга, возразила Гедвига; а это уже много значитъ, гораздо больше, чѣмъ ожидали горячія головы обѣихъ партій. Вообще же, конечно мы останемся при прежней борьбѣ, но и она приметъ теперь иной характеръ.

— Какой же?

— Изъ враговъ мы станемъ соперниками; соперниками въ стремленіи къ величію и счастію Германіи; соперниками, которые не будутъ напирать на взаимныя слабости, а заимствовать другъ у друга хорошія качества, чтобы по возможности соединить въ себѣ ихъ всѣ.

— Вы хотите сдѣлать бюргеровъ воинственными, а дворянство ученымъ.

Гедвига указала на одну изъ кроватей на переднемъ планѣ залы.

— Тамъ, сказала она, лежитъ молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ; онъ бредитъ на всѣхъ языкахъ, какіе я знаю, и еще на многихъ, мнѣ неизвѣстныхъ; онъ—какъ мнѣ сказали врачи,—сынъ башмачника и доцентъ въ одномъ изъ университетовъ. При Марсъ-Латурѣ онъ не отступилъ вмѣстѣ съ остальными и далъ изрубить себя на пушкѣ, которую не хотѣлъ оставить и которая только потому не попала въ руки французовъ. Король почтилъ его тѣмъ же крестомъ, какой лежитъ здѣсь на вашемъ ночномъ столикѣ, а...

Гедвига умолкла!

Принцъ Гейнрихъ сказалъ съ улыбкой:

— Продолжайте! вы хотите сказать:—а здѣсь лежите вы, и нисколько не храбрѣе его... а гораздо невѣжественнѣе.

— Вы плохо передаете мою мысль, возразила Гедвига; я хотѣла сказать: вы должны, какъ я уже говорила раньше, соединять въ себѣ хорошія качества своихъ соперниковъ вмѣстѣ съ прирожденными и пріобрѣтенными воспитаніемъ преимуществами.

Принцъ Гейнрихъ указалъ на свою руку въ лубкѣ.

— Развѣ ваша храбрая, сильная рука была вашимъ единственнымъ преимуществомъ? отвѣчала Гедвига. Тогда конечно пришлось бы сказать прости избранному вами лозунгу: все впередъ! Но вы несправедливы къ самому себѣ. Вы забываете о мужествѣ, объ испытанномъ, неизмѣнномъ чувствѣ собственнаго достоинства, которое придаетъ вамъ самоувѣренность, о при-

вычкѣ повелѣвать, о трезвомъ взглядѣ на житейскія отношенія... все это драгоцѣнныя преимущества, которыми вы выгодно можете воспользоваться въ новомъ положеніи, въ какое поставила васъ судьба...

Быть можетъ, не совсѣмъ политично,—продолжала Гедвига послѣ минутной паузы, во время которой принцъ Гейнрихъ тихо лежалъ, задумчиво вперивъ взоръ въ пространство — разъяснять своему противнику выгоды его положенія, но вѣдь мы видимся здѣсь въ послѣдній разъ... вы больной а я—сестра милосердія... И такъ, позвольте мнѣ быть вашей сестрой, хотя и не изъ милосердія... въ теченіи этихъ немногихъ минутъ...

И вотъ вамъ мой сестринскій совѣтъ и мое желаніе: пусть Гейнрихъ фонъ-Рода съ пользой примѣнитъ драгоцѣнные дары, которыми въ колыбели надѣлила его щедрая природа, на томъ пути, какой она ему указала, въ той необъятной сферѣ дѣятельности, какую ему приготовила его счастливая звѣзда. Да, необъятная сфера! По крайней мѣрѣ мои взоры не могутъ измѣрить того, что можетъ совершить принцъ фонъ-Рода—владѣлецъ такого имущества, естественный покровитель, руководитель такого множества людей — измѣрить его обширной сферы дѣйствія, если только онъ пойметъ знаменіе своего времени. А вы, Гейнрихъ, такой человѣкъ, что можете понять это знаменіе и съ желѣзной волей провести въ жизнь то, что обниметъ вашъ острый умъ, что западетъ въ ваше мужественное сердце. Вы поставлены въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ нашъ покойный, несчастный, благородный другъ. Онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы измѣнить свои воззрѣнія, а его воззрѣнія заключались въ томъ, чтобы быть мягкимъ, добродушнымъ государемъ, царствующимъ божіей милостью, и въ мечтаніяхъ своихъ онъ создавалъ міръ, закрывавшій отъ него міръ дѣйствительный. Вы не станете мечтать, вы будете бодрствовать, дѣйствовать, вы будете такъ счастливы, какъ только можетъ быть человѣкъ въ здѣшнемъ мірѣ.

— Имѣя васъ спутницей своей жизни.

— Богъ вѣсть! Вы никогда не могли бы жениться иначе, какъ на аристократкѣ, еслибы не захотѣли нарушить гармоніи вашей жизни, а я не знаю, была ли бы я такова какъ теперь, еслибы родилась аристократкой; существовали ли бы тогда у меня тѣ качества, которыя вы на половину любите, на половину ненавидите во мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ конечно слѣдовало жениться на Стефаніи, сказалъ принцъ Гейнрихъ.

— Какъ бы то ни было, а она ваша жена, сказала Гедвига;

и для васъ, человѣка признающаго только факты, этого должно быть достаточно. А затѣмъ не забывайте слѣдующаго: мы, женщины, можемъ безконечно много перенести отъ васъ, почти все.. только одного не можемъ мы снести—пренебреженія.

Принцъ тихо лежалъ, созерцая утреннюю зарю, все ярче и ярче озарявшую высокое окно, напротивъ котораго стояла его кровать.

— Я часто называлъ васъ въ гнѣвѣ моимъ злымъ демономъ, сказалъ онъ; неужели же вы окажетесь, не взирая ни на что, моимъ добрымъ геніемъ.

— Я не вѣрю ни въ демоновъ, ни въ геніевъ, отвѣчала смѣясь Гедвига; я вѣрю только въ людей и въ то, что ихъ добрыя качества тѣсно связаны съ ихъ недостатками.

— Примѣняя это къ вамъ, замѣтилъ принцъ Гейнрихъ, я долженъ вамъ сказать: берегитесь вашего благородства, оно заставляетъ васъ цѣнить людей выше, чѣмъ они того стоятъ. Вы уже много страдали отъ этого и, боюсь, будете еще страдать.

— Я раздѣляю въ такомъ случаѣ участь народа, изъ котораго происхожу, отвѣчала Гедвига; онъ всегда считалъ своихъ повелителей болѣе великими, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, всегда твердо вѣрилъ въ свои идеалы и примирялся съ печальною дѣйствительностью.

— А вы также вѣрите въ эти идеалы, вскричалъ принцъ, приподнимаясь въ кровати и опираясь на здоровую руку: и вѣрите въ эти идеалы?

— Я въ нихъ вѣрю, отвѣчала Гедвига серьезно.

— Но вы не вѣрите въ народъ и въ то, что онъ когда-нибудь осуществитъ эти идеалы, сказалъ принцъ, снова опускаясь на подушки.

— Не будемъ говорить обо мнѣ, замѣтила Гедвига.

— Нѣтъ, будемъ говорить о васъ, отвѣчалъ принцъ Гейнрихъ; неужели вы думаете, что я могу спокойно уѣхать отсюда, разстаться съ вами на вѣки, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что ожидаетъ васъ въ будущемъ? Гедвига, для меня невыносима мысль, что васъ будетъ окружать пошлость будничной жизни. Не обманывайтесь на свой собственный счетъ. Здѣсь васъ окружаетъ жизнь полная ужаса и страшныхъ тревогъ, но потому самому, а главное потому, что здѣсь дѣло идетъ о служеніи великой идеѣ,—эта жизнь гораздо выше пошлой дѣйствительности. А вы съ этой стороны избалованы, гораздо больше, нежели вы сами сознаете. Гедвига, вы отказались принять отъ врага то, что онъ предлагалъ вамъ отъ имени другого; неужели вы не согласитесь принять это отъ друга, отъ брата.

— Даже будучи женой доктора Горста?

Глаза Гедвиги покоились съ страннымъ, печально-улыбающимся выраженіемъ на лицѣ молодого принца, который вздрогнулъ при ея вопросѣ, какъ-бы отъ грубаго прикосновенія къ его прострѣленной рукѣ.

— Вѣдь вы хорошо знаете, что тотъ Гейнрихъ, что̀ лежитъ здѣсь, совсѣмъ не тотъ, какимъ онъ былъ четыре недѣли тому назадъ, и что онъ больше не считается и не торгуется съ вами. Кромѣ того: вы никогда не будете женой того человѣка, къ чему же, слѣдовательно, этотъ безполезный и жестокій вопросъ?

— А если онъ вовсе не безполезенъ, а если я спросила не безъ намѣренія.

— Полноте, Гедвига... я знаю отъ Цейзеля, который васъ здѣсь видѣлъ, когда посѣтилъ меня въ первый день, и котораго вы обязали молчать... вы не подавали ему о себѣ вѣсти, вы хотѣли исчезнуть безслѣдно для него, какъ и для всѣхъ насъ.

— Вотъ онъ, сказала Гедвига... и съ нимъ Стефанія.

Они только-что вошли въ залу. Германъ остановился у входа, заговорившись съ врачемъ, который ввелъ ихъ въ залу; Стефанія быстро подошла, въ сопровожденіи сидѣлки, къ послѣднему окну, гдѣ лежалъ принцъ Гейнрихъ.

— Останьтесь, сказалъ принцъ Гедвигѣ, хотѣвшей удалиться; Стефанія должна знать, кто такъ долго занималъ ея мѣсто.

Онъ крѣпко держалъ ее за руку, когда Стефанія опустилась на колѣни передъ его кроватью.

— Отъ меня все скрывали, Гейнрихъ, рыдала она; они сказали мнѣ объ этомъ только три дня тому назадъ. Я ѣхала днемъ и ночью и все-таки едва ли бы добралась сюда, еслибы не докторъ Горстъ, который взялъ меня на санитарный поѣздъ; я была тамъ, конечно, контрабандой. Ахъ, мой бѣдный, бѣдный Гейнрихъ!

— Доброе дитя, сказалъ принцъ, гладя рукой бѣлокурую головку колѣнопреклоненной Стефаніи, доброе дитя, развѣ ты не хочешь поздороваться съ Гедвигой?

Стефанія въ своемъ волненіи ни разу не взглянула еще на черную даму, стоявшую у постели ея мужа; теперь она подняла глаза и, узнавъ Гедвигу, протянула ей обѣ руки, не вставая съ колѣнъ.

— Благодарю тебя за все, что ты сдѣлала для него, для всѣхъ насъ, промолвила она; и прости меня, Гедвига, прости меня!

Она покрыла, заливаясь слезами, обѣ руки Гедвиги поцѣлуями; она была внѣ себя.

— Я сама столько же нуждаюсь въ прощеніи, отвѣчала Гедвига, тихо приподнимая Стефанію и обращаясь къ Герману, который медленно подходилъ, чтобы поздороваться съ принцемъ, и вдругъ остановился, уставивъ глаза на Гедвигу, какъ на привидѣніе.

— Она издѣвается надъ нашими предположеніями и расчетами, сказалъ принцъ Гейнрихъ, съ улыбкой протягивая Герману руку.

— Мнѣ слѣдовало это понять, прошепталъ Германъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Санитарный поѣздъ, который долженъ былъ отвезти на родину принца Рода и его супругу, только-что ушелъ, не задолго до солнечнаго заката.

Военный поѣздъ, прибывшій нѣсколькими минутами позднѣе, занялъ тѣже самые рельсы. Онъ привезъ полкъ, къ которому былъ прикомандированъ Германъ и съ которымъ онъ долженъ былъ немедленно ѣхать далѣе.

Солдаты — изъ ландвера, загорѣлые, бородатые малые — вылѣзали изъ вагоновъ и тѣснились туда, сюда, направо и налѣво, отыскивая свои ряды — прямо со станціи они должны были выступить въ походъ; для взора непосвященнаго, хаосъ казался неописанный, но изъ него черезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ возникнуть полнѣйшій порядокъ.

Въ другомъ мѣстѣ выгружали баттарею; одна пушка завязла въ мягкомъ грунтѣ; широкоплечіе канониры съ громкимъ ура тянули ее изъ грязи; въ другомъ мѣстѣ исправляли путь, по которому недавно проѣхалъ поѣздъ, провезшій тысячу плѣнныхъ французовъ.

Дюжины двѣ заступовъ дружно работали, молотки ударяли по желѣзу, слышался свистъ локомотива, перекличка солдатъ, ржаніе лошадей, команда офицеровъ; наконецъ, заиграла полковая музыка, передняя колонна тронулась съ мѣста: «Lieb Vaterland, kannst ruhig sein!»

Герману, стоявшему съ Гедвигой нѣсколько поодаль отъ всей этой суматохи, казалось, что все это онъ уже видѣлъ, что все это онъ когда-то пережилъ.

Но то былъ только сонъ, приснившійся ему въ тотъ день, когда маркизъ прибылъ въ замокъ Рода, сонъ, воплотившійся въ воинственную дѣйствительность.

Плуги превратились въ пушки, топоры горныхъ поселянъ

въ заступы саперовъ, трудъ земледѣльца, бюргера—въ трудъ солдата; но то былъ все тотъ же неутомимый, заваленный работой народъ—и заботы были все тѣ же; кто изъ этихъ загорѣвшихъ людей былъ свободенъ отъ тяжкой заботы? Кому не давила она сердце, — не давила сильнѣе, чѣмъ ранецъ — спину, игольчатое ружье — плечо, даромъ что люди эти пѣли и бодро двигались.

Ранецъ снимался на бивуакахъ, ружье перекладывалось на ходу съ лѣваго на правое плечо; но куда было дѣвать заботу—заботу о женѣ и дѣтяхъ?

Желаніе, которое Германъ тогда вложилъ въ уста приснившагося ему видѣнія, снова проснулось въ его душѣ, и онъ усмѣхнулся, когда Гедвига, стоявшая молча, погруженная въ глубокую думу, повернулась къ нему и проговорила:

— Ахъ! только бы ихъ плодотворный трудъ не пропалъ даромъ! только бы награда, заслуженная ими, дѣйствительно выпала имъ на долю!

— Развѣ вы сомнѣваетесь въ этомъ? спросилъ Германъ.

— Если я отвѣчу вамъ *да*, то не скажу всей правды, возразила Гедвига, а если отвѣчу *нѣтъ*, то не передамъ своихъ послѣднихъ мыслей. Сердце мое раздвоилось. Не то, чтобы я сомнѣвалась въ побѣдѣ, я ни на минуту не сомнѣвалась въ томъ, что мы побѣдимъ; мы побѣдили и будемъ побѣждать далѣе; Германія выйдетъ изъ этой борьбы такой мощной и славной, что всѣ наши самыя смѣлыя надежды будутъ превзойдены. Но, другъ мой, вы, и я, и тысячи людей—которые никогда не искали на этомъ пути счастія и славы отечества—съумѣемъ ли мы сохранить то, что намъ досталось этимъ путемъ? Не уступитъ ли снова добродушный, впечатлительный народъ лучшую долю побѣдъ тѣмъ, кто велъ его къ побѣдѣ и кто всегда эксплуатировалъ ее исключительно въ свою пользу, то-есть лишалъ народъ, а въ концѣ концовъ и себя, неизмѣримаго пріобрѣтенія!

— Не думаю, отвѣчалъ Германъ; я питаю безграничную вѣру въ природную силу нашего народа, въ его здравый смыслъ, въ его трезвый умъ, въ его неутомимый, неисчерпаемый геній. Мы этого не хотѣли — согласенъ; но кто же въ сущности этого хотѣлъ? Не хотѣли даже и тѣ, которые теперь громко или про себя приписываютъ себѣ славу — рыцари съ гордымъ лозунгомъ: все впередъ! Вѣдь, въ сущности, они только повиновались призыву, съ которымъ геній націи обратился къ нимъ, также какъ и всѣ мы; вѣдь, въ сущности, ихъ несетъ тотъ же могучій валъ, который несетъ всѣхъ насъ... Куда? У кого хватитъ дерзости отвѣтить на это, и гдѣ тѣ безсердечные люди, которые

не желали бы, чтобы этотъ валъ пригналъ насъ къ пристани, —не пристани лѣниваго покоя, но будущности полной работы, окупающей усилія труженика, полной свѣта, который равно свѣтилъ бы и согрѣвалъ сердце какъ высокороднымъ, такъ и низкорожденнымъ, какъ вѣнценосцу, такъ и поденщику.

— Аминь! промолвила Гедвига.

— А теперь, прощайте, Гедвига; если война пощадитъ меня, если я вернусь, не могу сказать: на родину, — у меня нѣтъ родины — увижусь ли я съ вами? позволите ли мнѣ отъискать васъ?

— Кто можетъ, кто хотѣлъ бы обойтись безъ друзей! отвѣчала Гедвига.

Тихо, едва-едва долетали звуки военнаго марша; послѣдній батальонъ тронулся съ мѣста...

Когда Германъ обернулся еще разъ, Гедвига все еще стояла на той самой возвышенности, гдѣ они только-что были вмѣстѣ. Красноватые лучи заходящаго солнца озаряли ея темную фигуру, которая вырѣзывалась на свѣтломъ фонѣ неба чрезвычайно стройно и казалась выше обыкновеннаго человѣческаго роста.

Вотъ, она поднимаетъ руки, въ знакъ привѣта, благословенія. Кому посылаетъ она это благословеніе? Ему, или всѣмъ храбрымъ, которые вмѣстѣ съ нимъ идутъ на битву народовъ.

Фр. Шпильгагенъ.

Конецъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ

1869—1871 г.

Истекшее десятилѣтіе было для Россіи не только эпохой преобразованій, но и эпохой политическихъ процессовъ. Съ самаго 1861-го года они слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно, — то въ широкихъ, то въ небольшихъ размѣрахъ, то въ центрѣ, то на окраинахъ государства. Какъ ни характеристиченъ, какъ ни важенъ этотъ фактъ, русское общество долго было лишено возможности опредѣлить его значеніе, изслѣдовать его причины. До судебной реформы, тайна, покрывавшая политическіе процессы, была почти безусловна; общество узнавало, и то не всегда, только о результатѣ дѣла; судебное производство и даже приговоръ суда могли быть ему извѣстны только по слухамъ. Процессъ 1866-го года разбирался верховнымъ уголовнымъ судомъ по правиламъ новыхъ судебныхъ уставовъ, но при закрытыхъ дверяхъ; обнародованъ былъ только приговоръ суда. Гласное разбирательство политическаго дѣла было допущено въ первый разъ въ нынѣшнемъ году—и уже одно это обстоятельство придаетъ большое значеніе процессу, называемому обыкновенно «нечаевскимъ» дѣломъ. Правда, гласность производства этого дѣла была ограничена особыми условіями; газетамъ было разрѣшено только перепечатывать отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они излагались «Правительственнымъ Вѣстникомъ» — а это изложеніе далеко не всегда отличалось точностью и полнотою; нѣкоторые отдѣлы процесса (напримѣръ, все касающееся категоріи недоносителей) вовсе не появились въ печати, даже резолюціи суда, по нимъ состоявшіяся, не были распубликованы во всеобщее свѣдѣніе;

другіе отдѣлы (напримѣръ, отчетъ о третьей категоріи) подверглись весьма значительнымъ сокращеніямъ; наконецъ — что всего важнѣе и всего удивительнѣе — приговоръ палаты до сихъ поръ не обнародованъ, и мы начинаемъ терять надежду видѣть его въ печати. Къ счастію, всего полнѣе и правильнѣе изложены именно важнѣйшія — первыя двѣ — части процесса, дающія богатый матеріалъ для изученія неизвѣданныхъ сторонъ нашей современной дѣйствительности. Безпристрастная разработка этого матеріала составляетъ въ настоящую минуту одну изъ самыхъ важныхъ задачъ русской журналистики. Еще недавно для нея было возможно только двоякое отношеніе къ политическимъ преступленіямъ и преступникамъ: или безграничное негодованіе, безпощадное осужденіе — или глубокое молчаніе, которое, при извѣстной обстановкѣ, могло однако быть не совсѣмъ безполезнымъ. Теперь она свободна по крайней мѣрѣ настолько, что можетъ говорить о политическомъ процессѣ, сохраняя спокойствіе мысли и не впадая въ условно-патетическій тонъ, — и она должна пользоваться этой свободой.

I.

Чѣмъ непріятнѣе и мрачнѣе извѣстное явленіе общественной жизни, тѣмъ легче появляется и тѣмъ упорнѣе держится въ обществѣ желаніе найти для него какое-нибудь готовое, разъ навсегда годное объясненіе, на которомъ можно было бы успокоиться и остановиться. Отыскивать корень зла и средства къ его излеченію — и трудно, и неудобно; гораздо проще приписать его случайному стеченію обстоятельствъ или отдѣльному факту, соединенному съ нимъ чисто-внѣшнею связью. Еще недавно большинство юристовъ и государственныхъ людей объясняли всѣ преступленія злою волей, испорченностью преступниковъ, не задумываясь надъ вопросомъ, откуда же происходитъ самая испорченность, если и допустить, что ею одною обусловливается и вызывается всякое преступное дѣйствіе. Къ политическимъ преступленіямъ это объясненіе примѣнялось тѣмъ охотнѣе, что оно давало полный просторъ громамъ изобличеній противъ преступниковъ. Иногда практическая философія обвинителей дѣлала небольшой шагъ впередъ и направляла свои удары не столько противъ отдѣльныхъ лицъ, сколько противъ духа времени (esprit du siècle), упадка нравственности и въ особенности противъ журналистики и литературы. «C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau» — эта пѣсня раздавалась на разные тоны

и лады не въ одной только Франціи, не въ одну только эпоху реакціи противъ идей 1789-го года. Обвиненіямъ этого рода подвергалась нѣсколько разъ и наша бѣдная, скромная литература. Они повторились, какъ и слѣдовало ожидать, по поводу послѣдняго политическаго процесса, повторились не только въ журналахъ, образующихъ, если можно такъ выразиться, русскую литературную полицію, но и въ органахъ сравнительно-умѣренныхъ —напримѣръ, въ «Зарѣ», защищающей противъ «Московскихъ Вѣдомостей» образъ дѣйствій и приговоръ судебной палаты.

Что литература, въ особенности періодическая, имѣетъ вліяніе на общество — это фактъ неоспоримый; но столь же несомнѣнно и то, что высокаго развитія вліяніе это можетъ достигнуть только при свободѣ печати, при господствѣ политической жизни въ народѣ, при существованіи партій, представителями которыхъ служатъ журналы и газеты. Бываютъ, правда, минуты, когда и при противуположномъ состояніи общества, при крайнемъ стѣсненіи свободы, печать возвышается на степень главнаго двигателя общественной жизни; но этимъ мимолетнымъ блескомъ она почти всегда бываетъ обязана появленію одного или нѣсколькихъ великихъ умовъ и талантовъ, сосредоточивающихъ въ себѣ на короткое время всѣ лучшія силы мыслящей части народа (неизвѣстный авторъ писемъ Юніуса въ Англіи 1770 г., Бёрне въ Германіи временъ Священнаго Союза, Бѣлинскій въ Россіи сороковыхъ годовъ). Какъ только они сходятъ со сцены, печать, неимѣющая прочныхъ корней и постоянныхъ источниковъ вліянія, перестаетъ играть выдающуюся роль въ общественной жизни. Всего менѣе возможно преобладаніе печати въ тѣ переходныя эпохи, когда для дѣятельности общества открываются новые пути, но преграды, ее стѣсняющія, снимаются не вдругъ и далеко не всѣ. Въ эти эпохи печать не имѣетъ *болѣе* того значенія, которое она могла пріобрѣсти среди всеобщей безгласности и неподвижности, какъ единственное проявленіе общественной мысли—и не имѣетъ *еще* того значенія, которое принадлежитъ ей въ обществѣ живущемъ полною жизнью. Для нашей печати наступилъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, именно такой періодъ. Вниманіе прогрессивныхъ элементовъ общества сосредоточивается уже не на ней одной; она сдѣлалась болѣе практичной, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и вслѣдствіе того — менѣе увлекательной; она проникла въ сферы, которыя прежде были для нея недоступны, но рѣже и обдуманнѣе стала касаться вопросовъ, всего болѣе способныхъ волновать общественное мнѣніе. Напрасно было бы, съ другой стороны, искать въ нашей современной печати такихъ публицистическихъ дарованій, кото-

рымъ подчинялись бы умы, за которыми слѣдовали бы многочисленные, преданные приверженцы. Нѣчто похожее, съ перваго взгляда, на партію образовалось въ послѣднее время только вокругъ редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей»—главныхъ представителей той реакціонной литературы, появленіе которой составляетъ характеристическую черту истекшаго десятилѣтія. Но и тутъ, соединительнымъ звеномъ для поклонниковъ гг. Каткова и Леонтьева служила не столько сознательная мысль, сколько инстинктивное отвращеніе къ движенію, поперегъ котораго встали «Московскія Вѣдомости». Какъ бы то ни было, успѣхъ этой газеты, поколебавшійся только недавно, доказываетъ несостоятельность обвиненій, взводимыхъ на современную періодическую литературу. Въ журналистикѣ, какъ и во всякой другой области общественной жизни, возможно только одновременное существованіе, а не одновременное торжество двухъ противуположныхъ элементовъ.

Чтобы опредѣлить степень вліянія литературы на распространеніе политическихъ или соціальныхъ ученій, необходимо имѣть въ виду, что если литература дѣйствуетъ на общество, то еще сильнѣе дѣйствіе общества на литературу. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что литература есть выраженіе, созданіе общества, но на практикѣ эта истина забывается или игнорируется на каждомъ шагу, и послѣдствіе безпрестанно принимается за причину. Стóитъ только признакамъ радикализма проявиться одновременно въ обществѣ и въ литературѣ — существованіе его въ первомъ тотчасъ же приписывается проповѣдыванію его въ послѣдней. А между тѣмъ, оба явленія очевидно зависятъ отъ одной общей причины, и порядокъ происхожденія ихъ очевидно не тотъ, который предполагается обыкновенно. Мысль прежде возникаетъ въ обществѣ, потомъ уже выражается въ литературѣ. Взгляды несогласные съ общепринятыми существовали у насъ гораздо раньше, чѣмъ явилась возможность высказывать ихъ въ печати. Вмѣсто того, чтобы негодовать противъ литературной пропаганды извѣстнаго ученія, гораздо полезнѣе, поэтому, обратить вниманіе на условія его вызывающія и содѣйствующія его распространенію. Съ этой точки зрѣнія появленіе радикальныхъ ученій въ средѣ русскаго общества представляется естественнымъ результатомъ переворота, начавшагося у насъ послѣ крымской войны и продолжающагося до настоящаго времени. Мысль эта конечно не нова, и если мы считаемъ нужнымъ настаивать на ней, то только потому, что она слишкомъ часто исчезаетъ въ какомъ-то туманѣ. Всякое коренное измѣненіе существующаго порядка вещей, хотя бы оно было предпринято

самимъ правительствомъ и совершалось постепенно, путемъ вполнѣ законнымъ и мирнымъ, возбуждаетъ движеніе мысли, которое не можетъ быть заключено въ заранѣе опредѣленныя границы. Отправляясь отъ одного и того же исходнаго пункта—сознанія, что старый порядокъ неудовлетворителенъ и что онъ долженъ быть замѣненъ новымъ—можно придти къ самымъ различнымъ заключеніямъ; и въ числѣ этихъ заключеній тѣмъ легче могутъ встрѣтиться выводы крайніе, чѣмъ бо́льшимъ стѣсненіямъ подвергалась прежде общественная мысль, чѣмъ меньше она привыкла къ свободному обсужденію политическихъ вопросовъ, чѣмъ труднѣе для нея переходъ отъ теоріи къ практикѣ, къ дѣйствительности.

Токвилль объясняетъ радикальный характеръ французской философіи XVIII-го вѣка преимущественно полнымъ незнакомствомъ тогдашнихъ французовъ съ государственными дѣлами, отъ участія въ которыхъ они были систематически отстраняемы въ продолженіи двухъ почти столѣтій. Наше общество, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, было еще болѣе чуждо политической жизни—и уже это одно должно было сдѣлать его воспріимчивымъ къ крайнимъ ученіямъ, какъ къ самой рѣзкой и наглядной формѣ протеста противъ долговременнаго застоя. Время наибо́льшаго распространенія радикальныхъ ученій (если не въ глубину, то въ ширину) совпадаетъ съ періодомъ ожиданія реформъ, съ тѣмъ періодомъ, когда осужденныя въ принципѣ учрежденія — крѣпостное право, закрытый канцелярскій судъ, цензура, полновластіе администраціи въ дѣлахъ земскаго и городскаго хозяйства—не успѣли еще уступить мѣсто новому порядку. Въ шестидесятыхъ годахъ реформы осуществляются одна за другою; радикальныя ученія однако не исчезаютъ, но, сосредоточиваясь въ сферѣ болѣе узкой, начинаютъ проникать въ жизнь и заявлять себя попытками поколебать государственное устройство. Эти попытки, какъ мы уже сказали въ началѣ статьи, повторяются одна за другою, несмотря на строгую репрессію, усиленный надзоръ и цѣлый рядъ предупредительныхъ мѣръ, имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ чисто-карательный характеръ. Спокойствіе государства остается ненарушимымъ, правительство — болѣе сильнымъ чѣмъ когда-нибудь; но общество страдаетъ вдвойнѣ, теряя множество лицъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, принести ему не мало пользы, и подвергаясь такимъ стѣсненіямъ, которыя были бы немыслимы при отсутствіи серьезныхъ политическихъ преступленій. Измѣнить такое положеніе дѣлъ — задача, очевидно выходящая изъ предѣловъ уголовной политики; одними наказаніями не искоренить зла, возобновляющагося постоянно. Для того, чтобы политическій процессъ

1869—71 г. былъ надолго послѣднимъ въ нашихъ судебныхъ лѣтописяхъ, необходима усердная работа общества надъ самимъ собою — работа въ свою очередь невозможная безъ поддержки правительства, активной и пассивной.

Поставить вопросъ такимъ образомъ — не значитъ оправдывать политическія преступленія, не значитъ требовать безнаказанности для политическихъ преступниковъ. Государство вездѣ и всегда облечено—и не можетъ не быть облечено—правомъ карать посягающихъ на основныя начала его устройства; но это право не исключаетъ обязанности предупреждать—насколько это возможно и не противорѣчитъ другимъ задачамъ государства—всякій поводъ къ подобнымъ посягательствамъ. Если уголовная статистика указываетъ на быстрое увеличеніе числа преступленій извѣстнаго рода въ той или другой мѣстности государства, то изысканіе причинъ этого факта можетъ и должно идти параллельно съ примѣненіемъ къ преступникамъ, на прежнемъ основаніи, уголовнаго закона. Политическія преступленія не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила.

II.

Осенью 1869-го года, когда Нечаевъ, подъ чужимъ именемъ, возвратился въ Россію изъ-за границы, онъ не нашелъ ни въ Москвѣ ни въ Петербургѣ ничего похожаго на тайное общество, никакихъ приготовленій къ образованію его. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ—въ мартѣ и апрѣлѣ—были произведены довольно многочисленные аресты, состоявшіе въ связи съ волненіемъ въ петербургскомъ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но только немногіе изъ числа арестованныхъ лицъ были привлечены къ суду по нечаевскому дѣлу, и ни одно изъ нихъ не было осуждено судомъ. Такимъ образомъ, Нечаеву приходилось все создавать, все устроивать вновь. Черезъ два мѣсяца послѣ его пріѣзда, къ концу ноября, тайное общество было составлено въ Москвѣ и готовилось перенести свою дѣятельность въ Петербургъ. Мы увидимъ ниже, какова была организація этого общества, изъ кого оно состояло, къ чему стремилось и чего достигло; теперь насъ занимаетъ только быстрота его образованія. Ее объясняли существованіемъ среди учащейся молодежи небольшихъ кружковъ, служившихъ готовой рамой для организаціи; но происхожденіе послѣдней изъ первыхъ ничѣмъ не доказано, и притомъ, что же заставляло кружки, образованные безъ всякой преступной цѣли, переходить такъ не-

запно въ тайной политической дѣятельности? Указывали, дальше, на товарищескую связь, соединявшую большинство членовъ общества, какъ студентовъ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеній; но если она и могла облегчить распространеніе общества, то конечно въ ней нельзя видѣть побудительную причину къ вступленію въ его среду. Говорили, наконецъ, что тайное общество 1869-го года было продолженіемъ тайнаго общества 1866-го года и другихъ, прежде открытыхъ; но въ подтвержденіе этой гипотезы не было и не могло быть приведено ни одного положительнаго факта. Изъ всѣхъ подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу только одинъ—князь Черкезовъ—игралъ небольшую роль въ процессѣ 1866-го года. Значительное большинство ихъ сидѣло еще въ этомъ году на гимназической скамьѣ. Установлять, при такихъ условіяхъ, какое-то внѣшнее преемство между различными обществами — пріемъ конечно очень удобный, но принадлежащій къ числу тѣхъ поверхностныхъ отвѣтовъ на сложный вопросъ, о которыхъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ. Связь между всѣми политическими процессами послѣдняго десятилѣтія конечно существуетъ, но она заключается въ общности или сходствѣ причинъ, а отнюдь не въ непосредственномъ насажденіи одного тайнаго общества другимъ, ему предшествующимъ.

Обратимся отъ этихъ догадокъ къ фактамъ, которые даетъ намъ самое дѣло. Лица, вступившія въ тайное общество по приглашенію Нечаева или его ближайшихъ помощниковъ — почти безъ исключенія люди очень молодые, большею частью еще неокончившіе курса, люди увлекающіеся, но трудолюбивые, проникнутые желаніемъ служить общему, народному благу. Во имя этого блага и обращается къ нимъ Нечаевъ, доказывая имъ съ одной стороны бѣдственное положеніе народа, съ другой — невозможность мирнаго, постепеннаго улучшенія народнаго быта, и убѣждая ихъ перейти вслѣдъ за нимъ на другой путь, прямѣе ведущій къ цѣли. Многіе изъ нихъ имѣли, до знакомства съ Нечаевымъ, довольно опредѣленные планы будущей дѣятельности на пользу народа; одни хотѣли заняться устройствомъ народныхъ школъ, другіе — образованіемъ земледѣльческихъ ассоціацій, третьи мечтали сдѣлаться странствующими учителями сельскаго хозяйства. Нечаевъ старается разрушить всѣ эти мечты и планы, указывая въ особенности на то, что осуществленію ихъ помѣшаетъ правительство, въ глазахъ котораго учрежденіе артелей, ассоціацій составляетъ чуть ли

не политическое преступленіе[1]). Въ другихъ случаяхъ исходной точкой переговоровъ между организаторами общества и будущими его членами служитъ бѣдственное матеріальное положеніе студентовъ, необходимость устроить, вопреки запрещеніямъ правительства, корпоративное попеченіе объ участи ихъ[2]. Иные, наконецъ, становятся приверженцами Нечаева подъ вліяніемъ озлобленія и отчаянія; таковъ, напримѣръ, Успенскій, занимающій первое, послѣ Нечаева, мѣсто въ организаціи общества.

«Причины, главнымъ образомъ побудившія меня къ вступленію въ общество» — показалъ Успенскій на судѣ — «были слѣдующія: со времени выхода моего изъ школы, я постоянно обращался въ кругу людей бо̀льшею частью молодыхъ, которые подвергались административнымъ преслѣдованіямъ. Конечно, я не могъ оставаться къ этому равнодушнымъ, не могъ не сочувствовать этимъ лицамъ. Мало того: послѣднія административныя мѣры сдѣлали то, что ни я, ни мои знакомые не могли считать себя безопасными и гарантированными отъ преслѣдованій, хотя и не считали себя заслуживающими такого преслѣдованія. Все это повело къ тому, что я поступилъ въ общество по той же причинѣ, по которой человѣкъ никогда не воровавшій, если про него кричатъ, что онъ воръ, дѣйствительно дѣлается воромъ. 14-го мая, была арестована моя сестра, шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Ее посадили въ Арбатскую часть, а затѣмъ перевели въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ она просидѣла девять мѣсяцевъ. Между тѣмъ я зналъ навѣрное, что нѣтъ никакихъ причинъ подозрѣвать ее въ чемъ-нибудь». Приведя еще нѣсколько фактовъ того же рода, Успенскій прибавилъ: «послѣднею побудительною причиною (вступленія въ общество) было письмо, полученное мною отъ арестованной сестры. Письмо это было такъ странно, что я счелъ ее за сумасшедшую». Много общаго съ этимъ показаніемъ Успенскаго представляютъ объясненія кн. Черкезова о причинахъ, склонившихъ его и другихъ къ вступленію въ общество. Не менѣе характеристиченъ тотъ фактъ, что вербованіе членовъ общества между

---

[1]) Всего рельефнѣе эта тактика Нечаева описана Кузнецовымъ и Успенскимъ (засѣданія 1-го и 3-го іюля).

[2]) Это явленіе не новое; вотъ что мы читаемъ въ той части приговора верховнаго и уголовнаго суда 1866-го года, которая относится къ подсудимымъ Кутину, Соболеву, Сергіевскому, Борисову, Воскресенскому, Кутыеву и Полуэктову: «вступая въ общество, они имѣли въ виду только обѣщанное имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи они не могутъ получить образованія, которое одно могло обезпечить ихъ будущность».

студентами московскаго университета началось только послѣ такъ-называемой полунинской исторіи, и что привлечены къ участію въ общество были почти исключительно такіе студенты, которые или сами пострадали отъ этой исторіи, или находились въ близкихъ отношеніяхъ къ лицамъ, отъ нея пострадавшимъ.

Оппозиціонное направленіе молодежи—преимущественно той, которая учится въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—явленіе общее всѣмъ континентальнымъ государствамъ Европы. Политическія движенія въ Парижѣ почти всегда находили отголосокъ въ школахъ латинскаго квартала; вѣнскіе студенты играли выдающуюся роль въ событіяхъ 1848-го года; чешская агитація, происходящая на нашихъ глазахъ въ Богеміи, стоила уже нѣсколькихъ непріятныхъ сценъ нѣмецкимъ профессорамъ пражскаго университета; во всѣхъ германскихъ университетахъ существуютъ корпораціи (буршеншафты) съ болѣе или менѣе либеральнымъ оттѣнкомъ. Все это совершенно въ порядкѣ вещей; молодые умы, неохлажденные опытомъ жизни, незнакомые еще ни съ твердостью основъ, на которыхъ держится государственное и общественное устройство, ни съ важностью и многочисленностью условій, которыя должны быть приняты въ разсчетъ при всякомъ преобразованіи этого устройства,—всегда расположены къ движенію, къ перемѣнѣ. Наиболѣе пылкіе изъ нихъ вѣрятъ въ возможность устранить за одинъ разъ все то, что̀ кажется имъ несовершеннымъ, и создать не только новый порядокъ, но и новыхъ людей, ему соотвѣтствующихъ. Мысль о борьбѣ, объ опасности скорѣе воодушевляетъ, нежели устрашаетъ юношей, въ глазахъ которыхъ все выходящее изъ сферы обыденной жизни имѣетъ романическую прелесть. Въ государствахъ, непривыкшихъ еще къ умственной свободѣ, такое настроеніе умовъ кажется чѣмъ-то безусловно несовмѣстнымъ съ общественнымъ спокойствіемъ и вызываетъ цѣлый рядъ строгихъ мѣръ, основанныхъ на недовѣріи къ молодежи. Исторія показываетъ намъ, между тѣмъ, что по мѣрѣ уменьшенія этого недовѣрія, наклонность молодежи къ безпорядкамъ не усиливается, а ослабѣваетъ. Всего менѣе она, безъ сомнѣнія, развита въ Англіи, т.-е. въ странѣ, которая не знаетъ никакихъ административныхъ стѣсненій. Въ Германіи двадцатыхъ годовъ, послѣ карлсбадскихъ конференцій, запрещеніе буршеншафтовъ не предупредило ни броженія умовъ между студентами, ни образованія тайныхъ обществъ; въ настоящее время буршеншафты пользуются полною свободой, но тайныя общества сдѣлались анахронизмомъ, и всякая попытка образовать какой-нибудь подпольный союзъ потерпѣла бы полное фіаско даже между молодыми людьми,

только-что надѣвшими цвѣтную корпоративную фуражку. Во Франціи періоды дѣйствительнаго торжества свободы такъ быстро смѣнялись подавленіемъ ея, явнымъ или едва прикрытымъ, что радикально-оппозиціонный духъ не успѣлъ исчезнуть въ средѣ молодежи; нельзя не замѣтить однако, что парижская учащаяся молодежь—la jeunesse des écoles—не примкнула ни къ іюньскимъ инсургентамъ 1848-го года, ни къ приверженцамъ коммуны 1871-го года.

Система недовѣрія, какъ и всякая другая, должна быть разсматриваема преимущественно съ точки зрѣнія ея результатовъ. Еслибы она уничтожала всякое волненіе въ самомъ его зародышѣ, еслибы она успокоивала умы, еслибы принятіе однажды крутыхъ мѣръ надолго дѣлало ненужнымъ ихъ повтореніе, то можно было бы утверждать, что цѣль системы достигнута,—и доказывать этимъ ея пользу и необходимость. Но если она не предупреждаетъ безпорядковъ, если подъ покровомъ внѣшней тишины, водворяемой ею отъ времени до времени, происходитъ сильное внутреннее броженіе, если она требуетъ постоянно возобновляющихся преслѣдованій,—то позволительно заключить, что въ ней самой или въ примѣненіи ея коренится существенный недостатокъ, и что, затрудняя развитіе, она все-таки не служитъ достаточной гарантіей порядка.

Дѣло въ томъ, что отъ оппозиціоннаго чувства, въ большей части случаевъ смутнаго и неопредѣленнаго,—еще очень далеко до тайнаго замысла или открытаго возстанія противъ существующаго порядка вещей. Въ концѣ концевъ, это чувство часто сводится въ молодомъ человѣкѣ къ жаждѣ дѣятельности—и есть множество путей, вполнѣ законныхъ и безопасныхъ, на которыхъ оно можетъ проявляться и находить себѣ удовлетвореніе, пока наступающая зрѣлость не замѣнитъ увлеченія—убѣжденіемъ, и не охладитъ перваго юношескаго пыла. Конечно, было бы гораздо лучше, еслибы приготовленіе къ дѣятельности, т.-е. ученье, могло наполнить всю жизнь молодого человѣка; но наши университеты и академіи—не монастырскія школы, и молодые люди, учащіеся въ нихъ, невольно приходятъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ ихъ обществомъ, въ особенности съ своею собственною товарищескою средою. Сходство положенія, общность стремленій и интересовъ неизбѣжно образуетъ корпоративный духъ, развивающійся несмотря ни на какія внѣшнія стѣсненія, и скорѣе поддерживаемый, нежели подавляемый ими. Въ 1861-мъ году, подъ вліяніемъ первыхъ университетскихъ безпорядковъ, можно было задать себѣ задачей изолировать каждаго отдѣльнаго студента, не оставить между нимъ и университетомъ никакой другой свя-

ви кромѣ профессорскихъ лекцій, уничтожить de facto корпорацію студентовъ, какъ она была уже уничтожена передъ тѣмъ de jure; но теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, слѣдуетъ спросить себя, исполнена ли эта задача? Мы не станемъ разбирать старый вопросъ о пользѣ или необходимости студенческихъ сходокъ, особой студенческой кассы, библіотеки, кухмистерской и т. п. Мы думаемъ, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ можно будетъ только удивляться преувеличенной важности, которую придавали и кажется еще придаютъ этому вопросу обѣ стороны. Мы признаемся откровенно, что не ожидаемъ отъ студенческаго самоуправленія такой быстрой и рѣшительной перемѣны къ лучшему въ бытѣ и положеніи студентовъ, на какую разсчитываютъ его ревностные защитники; но, съ другой стороны, мы не видимъ въ немъ рѣшительно ничего опаснаго для государства и для общества. Допустимъ на минуту, что сходки студентовъ—безъ которыхъ невозможно учрежденіе студенческой кассы и т. п.—могутъ служить поводомъ къ волненіямъ, распространяющимся даже за предѣлы университета. Отсюда, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы вывести необходимость запрещенія сходокъ—еслибы только это запрещеніе было осуществимо на практикѣ. Но развѣ можно услѣдить за каждымъ шагомъ каждаго изъ тысячи студентовъ, въ городѣ съ нѣсколькими сотнями тысячъ жителей? Развѣ можно запретить и помѣшать студентамъ собираться въ какой-нибудь частной квартирѣ? Развѣ можно помѣшать студентамъ говорить о своихъ общихъ дѣлахъ даже въ университетской аудиторіи, до прихода профессора? Развѣ порядку и спокойствію угрожаютъ только сходки въ стѣнахъ университета — единственныя, которыя университетское начальство можетъ ограничить, если и не предупредить совершенно? Лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы служатъ факты, раскрытые нечаевскимъ процессомъ. Зимою 1868 — 69 годовъ волненіе между студентами въ Петербургѣ возникло весьма рано и продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; сходки въ частныхъ квартирахъ — то въ той, то въ другой — собирались уже въ ноябрѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ; между тѣмъ репрессивныя мѣры начались не ранѣе января и положили конецъ движенію не ранѣе марта, послѣ административной высылки многихъ студентовъ и закрытія на время медико-хирургической академіи. Къ какимъ худшимъ результатамъ могли бы привести открытыя, разрѣшенныя сходки въ помѣщеніи университета? Вся разница заключалась бы въ томъ, что на этихъ послѣднихъ сходкахъ всякое противузаконное предпріятіе было бы обнаружено и прекращено гораздо скорѣе. Говорятъ о вредномъ вліяніи тайныхъ

кружковъ, образующихся въ средѣ учащейся молодежи и слишкомъ легко переходящихъ отъ невинныхъ стремленій къ преступнымъ цѣлямъ; но что же можетъ служить болѣе сильнымъ противувѣсомъ этому вліянію, какъ не гласность, небоящаяся дневного свѣта? Въ университетскихъ городахъ Англіи существуютъ такъ-называемые debating clubs, въ которыхъ обсуждаются самые важные политическіе и религіозные вопросы, съ полною свободой мысли и слова—и вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ такой свободы никогда еще никѣмъ не былъ поднимаемъ. Мы знаемъ очень хорошо, что между нравами англійскими и русскими существуетъ очень большая разница—но мы вѣдь и не утверждаемъ, чтобы нашимъ студентамъ слѣдовало разрѣшить устройство публичныхъ преній о чемъ и какъ угодно. Мы ограничиваемся слѣдующими простыми разсужденіями: собираются ли у насъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, студенческія сходки, несмотря на существующее запрещеніе? Собираются.—Возможно ли предупредить, разъ навсегда, повтореніе подобныхъ собраній? Нѣтъ, невозможно.—Меньше ли онѣ даютъ поводовъ къ безпорядкамъ, чѣмъ собранія разрѣшенныя? Нѣтъ, не меньше, а скорѣе больше.—Удобнѣе ли наблюдать за сходками разрѣшенными, чѣмъ за сходками неразрѣшенными? Гораздо удобнѣе.—Возможно ли ограничить пренія на этихъ последнихъ сходкахъ вопросами, заранѣе назначенными и опредѣленными (напримѣръ, общими студенческими дѣлами и научными вопросами, составляющими предметъ университетскаго преподаванія)? Вполнѣ возможно.—На этой чисто-практической почвѣ спорный вопросъ у насъ, кажется, еще не обсуждался; а между тѣмъ, именно на ней всего легче могли бы быть разрѣшены недоумѣнія, стóившія уже столько заботъ однимъ, столько горя и бѣдствій—другимъ.

Переходъ отъ системы недовѣрія къ системѣ довѣрія—конечно, довѣрія не исключающаго осторожность — укрѣпилъ бы, быть можетъ, корпоративный духъ въ средѣ каждаго отдѣльнаго учебнаго заведенія (хотя мы склоняемся къ мысли, что онъ только облекъ бы его въ болѣе правильную форму); но за то онъ уничтожилъ бы ту солидарность между различными заведеніями, вслѣдствіе которой волненія, возникающія въ одномъ изъ нихъ, въ большей части случаевъ распространяются и на другія. Въ сходкахъ, происходившихъ зимою 1868—69 г., участвовали рядомъ съ студентами с.-петербургскаго университета студенты медико-хирургической академіи, слушатели технологическаго и земледѣльческаго институтовъ: и это очень понятно, такъ какъ они всѣ считали себя связанными однимъ общимъ

интересомъ. Мало того: здѣшніе студенты вступали въ сношенія съ московскими, можетъ быть и съ провинціальными. При нормальномъ развитіи корпоративной жизни такое явленіе едва ли было бы возможно; въ соприкосновеніяхъ между высшими учебными заведеніями, конечно, не было бы недостатка; но происходя открыто, они были бы чужды всякаго агитаціоннаго характера. Съ другой стороны, участвуя въ корпоративной жизни, студенты не могли бы болѣе возлагать на правительство главную долю отвѣтственности за матеріальныя лишенія, испытываемыя большинствомъ учащейся молодежи. Повторяемъ еще разъ, мы не думаемъ, чтобы учрежденіе студенческой кассы оказалось въ этомъ отношеніи чѣмъ-нибудь, болѣе палліативнаго средства; но для насъ важно то, что отсутствіемъ кассы студенты привыкли объяснять бѣдственное положеніе свое, и что оно служитъ одной изъ причинъ, поддерживающихъ между ними оппозиціонное расположеніе духа. Убѣдить ихъ въ неосновательности такого взгляда могъ бы только опытъ, котораго до сихъ поръ сдѣлано еще не было.

Намъ могутъ возразить, основываясь на данныхъ нечаевскаго дѣла, что опытъ сдѣланъ былъ и что онъ привелъ совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, которыхъ мы ожидаемъ. Въ етровской земледѣльческой академіи (близъ Москвы) существоала въ 1869-мъ году кухмистерская, управляемая уполномоенными отъ студентовъ; для выбора этихъ уполномоченныхъ о необходимости допускаемы были и сходки; а между тѣмъ етровская академія была главнымъ центромъ и разсадниомъ тайнаго общества, основаннаго Нечаевымъ, въ ея средѣ нъ нашелъ самыхъ преданныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ -Кузнецова, Иванова, Долгова, Рипмана и другихъ. Это обсоятельство нисколько не опровергаетъ нашего мнѣнія. Льгоы, которыми пользовались студенты петровской академіи, не мѣли, во-первыхъ, прочнаго основанія; примѣръ другихъ высихъ учебныхъ заведеній заставлялъ ожидать со дня на день съ совершенной отмѣны, которая дѣйствительно и воспослѣдоыла въ 1870 или 1871 году. Во-вторыхъ, эти льготы были весьма граничены, такъ что касса, напримѣръ, могла образоваться олько втайнѣ отъ академическаго начальства (показанія подсудимыхъ и свидѣтелей второй группы). Но какъ ни шатки, акъ ни бѣдны были зачатки корпоративнаго устройства въ етровской академіи, они все-таки оказались скорѣе препятствіемъ, чѣмъ пособіемъ для дѣятельности тайнаго общества. ы не находимъ въ нечаевскомъ дѣлѣ никакихъ указаній на то, обы сходки, вызванныя существованіемъ кухмистерской, играли

какую-нибудь роль въ распространенiи тайнаго общества или хотя бы въ приготовленiи къ нему умовъ академической молодежи. Нельзя утверждать даже, чтобы онѣ были источникомъ крѣпкой товарищеской связи между студентами,—связи, которою обвиненіе объясняло быстроту вербованія членовъ тайнаго общества въ средѣ академiи. Большинство студентовъ петровской академіи живетъ вдали отъ Москвы, на общихъ квартирахъ въ зданiи академіи или въ окрестныхъ деревняхъ; вотъ почему они скорѣе и больше сближаются между собою, чѣмъ студенты университетовъ, живущіе въ столицахъ или большихъ провинціальныхъ городахъ.

Съ другой стороны, нечаевское дѣло представляетъ намъ слѣдующій, въ высшей степени знаменательный фактъ. Въ засѣданiи кружка отдѣленія, т.-е. руководящаго центра тайнаго общества, Нечаевъ предлагаетъ распространять прокламаціи посредствомъ наклеиванія ихъ въ академическихъ столовыхъ и библіотекѣ. Членами кружка отдѣленія состоятъ два студента петровской акадаміи, Кузнецовъ и Ивановъ. Оба возстаютъ противъ предложенія Нечаева, потому что видятъ въ немъ опасность для существованія кухмистерской, которою такъ дорожатъ многочисленные бѣдняки академіи. Кузнецовъ, подчинившійся вполнѣ вліянію Нечаева, сопротивляется недолго, но Ивановъ, человѣкъ самостоятельный, энергически отстаиваетъ свое мнѣніе и при этомъ случаѣ въ первый разъ выражаетъ готовность возстать даже противъ приказаній таинственнаго комитета, именемъ котораго прикрывается Нечаевъ. Отсюда ведетъ свое начало оппозиція Иванова Нечаеву и ненависть Нечаева къ Иванову, нашедшая удовлетвореніе только въ смерти послѣдняго. Итакъ, для одного изъ главныхъ членовъ тайнаго общества существованіе студенческой кухмистерской оказывается дороже, чѣмъ быстрое распространеніе общества! Характеризуя какъ нельзя лучше направленіе самаго общества, этотъ фактъ показываетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ могущественнымъ оплотомъ противъ политической агитаціи въ средѣ студентовъ могло бы служить развитіе между ними правильной корпоративной жизни. Для большинства молодыхъ людей общій интересъ всегда важнѣе личнаго; опасеніе повредить корпораціи дѣйствовало бы на нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ опасеніе повредить только самимъ себѣ. Было бы крайне прискорбно, еслибы упомянутый нами эпизодъ нечаевскаго дѣла не обратилъ на себя вниманія администраціи.

Событія послѣднихъ десяти лѣтъ отразились неблагопріятно не на одномъ только корпоративномъ устройствѣ высшихъ учеб-

ныхъ заведеній; они породили недовѣріе ко всѣмъ предпріятіямъ, ко всѣмъ учрежденіямъ, подъ покровомъ которыхъ случалось проявляться анти-правительственнымъ тенденціямъ. 1862-ой годъ положилъ конецъ движенію въ пользу воскресныхъ школъ, начавшемуся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ довольно широкихъ размѣрахъ; процессъ 1866-го года возбудилъ подозрѣніе противъ всѣхъ обществъ, устраиваемыхъ молодежью. «Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено»—сказано въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда,—«что еще въ 1863-мъ году составился въ Москвѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, зараженныхъ соціалистическими идеями; впослѣдствіи эти люди начали дѣлать усилія для распространенія и осуществленія своихъ идей на практикѣ; съ этою цѣлью они начали устраивать школы и различныя ассоціаціи, какъ-то переплетное заведеніе, швейную, основали общества переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспомоществованія, старались, для примѣненія своихъ теорій, пріобрѣсти ваточную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ и устроить заводъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ на соціальномъ началѣ для рабочихъ Мальцовскаго завода; нѣкоторыя изъ сихъ заведеній и обществъ были уже учреждены безъ разрѣшенія правительства, а нѣкоторыя были, кромѣ того, направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ. Затѣмъ нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспомоществованія, а также переводчиковъ и переводчицъ, задумали организовать свою дѣятельность на строго опредѣленныхъ началахъ; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предположенія, составлять и разсматривать проекты уставовъ, и хотя такихъ проектовъ было нѣсколько, но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ; однакоже при этомъ нѣкоторыми изъ участвовавшихъ въ упомянутыхъ сходкахъ были заявляемы цѣли и предлагаемы средства самыя безнравственныя, самыя преступныя... Большая часть изъ этихъ предложеній не была принята, но по нѣкоторымъ и безъ общаго согласія были дѣлаемы приготовленія». Факты, обнаруженные верховнымъ уголовнымъ судомъ, не могли остаться безъ вліянія на дѣятельность правительства; они повлекли за собою изданіе закона 27-го марта 1867 года и цѣлый рядъ административныхъ мѣропріятій. Мы отнесемся къ нимъ, какъ и къ мѣрамъ по управленію высшими учебными заведеніями, только съ однимъ вопросомъ: достигли ли они своей цѣли, предупредили ли то зло, противъ котораго были направлены? Печальнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ разбираемое нами дѣло.

Нечаевъ не нашелъ въ Москвѣ ни обществъ, которыя бы

занимались, подъ какимъ-нибудь невиннымъ предлогомъ, политическою агитаціей, ни промышленныхъ предпріятій, которыя бы служили ширмой для распространенія соціалистическихъ ученій, ни школъ, въ которыхъ вмѣсто науки преподавалась бы ненависть къ существующему порядку вещей; все это не помѣшало ему однако образовать, въ короткое время, тайную организацію, распространеніе которой едва ли могло бы быть легче и быстрѣе, еслибы почва для нея была приготовлена составленными ad hoc, подъ благовидной маской, обществами. Намъ могутъ возразить, что если подобныя общества и не играли никакой роли въ нечаевскомъ дѣлѣ, то это еще не значитъ, чтобы они не были опасны для государства. Чтобы оцѣнить вполнѣ силу этого возраженія, необходимо было бы имѣть точныя свѣдѣнія о тѣхъ, если можно такъ выразиться, преддверіяхъ къ тайной организаціи 1866-го года, на которыя указано вкратцѣ въ приведенныхъ нами словахъ приговора верховнаго уголовнаго суда. Къ сожалѣнію, разбирательство дѣла въ верховномъ уголовномъ судѣ происходило при закрытыхъ дверяхъ, и мы не знаемъ, что показывалъ передъ нимъ каждый подсудимый или свидѣтель, какими документами онъ руководствовался при рѣшеніи дѣла. Нѣкоторые матеріалы для занимающаго насъ вопроса можно однако найти въ самомъ приговорѣ суда, несмотря на всю его сжатость. Упомянувъ объ образованіи различныхъ обществъ съ цѣлью распространенія соціалистическихъ идей, приговоръ говоритъ нѣсколько дальше, что «нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспомоществованія, а также переводчиковъ и переводчицъ, *задумали организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ началахъ*»; слѣдовательно при первоначальномъ образованіи обществъ никакихъ опредѣленныхъ началъ для дѣятельности ихъ въ виду не имѣлось, да и въ послѣдующей попыткѣ или попыткахъ создать такія начала участвовали не всѣ члены обществъ. Къ тому же заключенію приводитъ и слѣдующее мѣсто приговора; «*нѣкоторыя* (изъ сихъ заведеній) *были направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ*»; значитъ, другія заведенія были учреждены безъ всякой преступной цѣли. На сходкахъ, происходившихъ съ цѣлью организовать дѣятельность обществъ на опредѣленныхъ началахъ, *нѣкоторыми* изъ участвовавшихъ были заявляемы преступныя цѣли и предлагаемы безнравственныя средства; но *большая часть подобныхъ предложеній не была принята*. Наконецъ, изъ приговора видно, что нѣкоторые изъ членовъ организаціи (Малининъ, Ивановъ, Лапкинъ) «старались разстроить ее, препятствовать ея сходкамъ и образовать кружокъ ей враждебный», а другіе (Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій,

Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ) «не имѣли точныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и предположеніяхъ общества, на сходкахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что такое соціализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ». Основываясь на этихъ данныхъ, мы не видимъ существенной разницы между обществами, изъ среды которыхъ вышла тайная организанія 1866-го года, и обыкновенными кружками, составляющимися изъ людей близко знакомыхъ между собою и соединенныхъ какою-нибудь общею мыслью. Если даже между членами организаціи были лица, незнавшія ея цѣли и неимѣвшія яснаго понятія о соціализмѣ и коммунизмѣ, то что же сказать о тѣхъ членахъ обществъ взаимнаго вспомоществованія и др., которые вовсе не вступали въ организацію? Не очевидно ли, что связь между этими обществами и организаціей была чисто внѣшняя, случайная? Правда, члены послѣдней набирались преимущественно изъ среды первыхъ; но вѣдь изъ того, что студенты петровской земледѣльческой академіи составляютъ половину общаго числа лицъ, осужденныхъ по нечаевскому дѣлу, никто не станетъ заключать, что петровская академія сама по себѣ есть революціонное учрежденіе. Сдѣлавшись однажды главнымъ центромъ дѣятельности Нечаева и оставаясь имъ почти до конца, академія естественно должна была дать наибольшую, сравнительно, цифру членовъ организаціи; а въ 1866-мъ году роль петровской академіи играли въ этомъ отношеніи, если мы не ошибаемся, именно разнородныя общества, упомянутыя въ приговорѣ верховнаго суда.

Со времени изданія закона 27-го марта 1867-го года, образованіе общества съ цѣлью распространенія ученій, направленныхъ къ ниспроверженію или измѣненію, какими бы то ни было средствами, порядка государственнаго устройства, или обращеніе къ этой цѣли дѣятельности общества, имѣвшаго другое назначеніе, есть самостоятельное преступленіе, подвергающее виновныхъ строгому уголовному наказанію. Никакое общество не можетъ, оставаясь на законной почвѣ, приготовлять матеріалы или пролагать дорогу къ нападенію на существующій порядокъ вещей. Отсюда ясно, что если правительство имѣетъ интересъ наблюдать за дѣятельностью обществъ, однажды образованныхъ, то оно не имѣетъ интереса предупреждать образованіе ихъ (мы конечно говоримъ объ обществахъ не-тайныхъ). Нѣтъ предпріятія, первоначальная цѣль котораго не могла бы быть извращена, нѣтъ собранія, въ средѣ котораго не могло бы возникнуть противузаконное намѣреніе; но вѣдь никто не думаетъ однако о запрещеніи, вслѣдствіе этого, всякихъ предпріятій, всякихъ собраній. Въ дѣлѣ

образованія обществъ, какъ и во всякомъ другомъ, излишнія стѣсненія ведутъ къ попыткамъ обойти законъ или административное распоряженіе — а такъ какъ эти попытки по неволѣ совершаются втайнѣ, то за формальнымъ нарушеніемъ закона часто слѣдуютъ другія, болѣе серьезныя. Недовѣріе администраціи направлено, съ 1861-го и еще болѣе съ 1866-го года, преимущественно противъ обществъ и предпріятій, имѣющихъ предметомъ или послѣдствіемъ сближеніе образованнаго класса съ народомъ (земледѣльческія ассоціаціи, народныя школы и т. п.); отъ этого сближенія, въ особенности когда главное участіе въ дѣлѣ принадлежитъ молодежи, ожидаютъ распространенія соціалистическихъ ученій. Мы думаемъ, что въ основаніи этого опасенія лежитъ отчасти недоразумѣніе, тѣмъ болѣе естественное, чѣмъ эластичнѣе, туманнѣе самое понятіе о соціализмѣ.

Есть политическія ученія, вылившіяся въ рельефную форму, ярко отличающіяся отъ всѣхъ другихъ и неоставляющія мѣста для сомнѣній; такова, напримѣръ, теорія красныхъ республиканцевъ въ родѣ Ледрю-Роллена, старыхъ прусскихъ консерваторовъ въ родѣ Герлаха. Соціализмъ не принадлежитъ къ числу такихъ ученій; онъ допускаетъ тысячу различныхъ видоизмѣненій, не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, затрогиваетъ самыя противуположныя общественныя сферы—короче, это не доктрина, а собирательное слово для множества доктринъ, имѣющихъ лишь нѣсколько точекъ соприкосновенія между собою. Прибавимъ къ этому, что къ нѣкоторымъ изъ задачъ, входящихъ въ программу соціалистовъ, могутъ стремиться люди равнодушные или даже враждебные къ соціализму. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крайніе консерваторы Англіи обвиняли Гладстона въ наклонности къ соціализму, за предложенный имъ законъ о землевладѣніи въ Ирландіи; теперь, если вѣрить слухамъ, эти же самые консерваторы ищутъ союза съ рабочими, только-что устроившими цѣлый рядъ стачекъ. Въ Германіи не безъ причины причисляютъ къ соціалистамъ и епископа майнцскаго Кеттелера, одного изъ вождей ультрамонтанской партіи, и Вагенера, еще недавно считавшагося руководителемъ феодаловъ. Мягкія формы соціализма вездѣ соприкасаются съ простою заботливостью объ улучшеніи матеріальнаго положенія народа; признаки перехода отъ послѣдней къ первымъ, трудно-опредѣлимые даже для самаго безпристрастнаго взгляда, тѣмъ болѣе обманчивы въ эпоху тревожной борьбы противъ соціализма. Съ другой стороны, соціализмъ часто бываетъ только формой, въ которую облекается на время желаніе способствовать народному благу. Преобладаніе доброй воли надъ опытностью и знаніемъ, увлеченіе громкимъ сло-

вомъ, надежда на быстрые, громадные результаты, все это вмѣстѣ взятое заставляетъ многихъ молодыхъ людей считать себя соціалистами, пока они не сдѣлаются просто тружениками на пользу народа — или не откажутся отъ своихъ юношескихъ мечтаній. Такихъ соціалистовъ на одинъ часъ, соціалистовъ не по убѣжденію, а по чувству, у насъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь, и ошибочно было бы видѣть въ нихъ враговъ общественнаго устройства. Нашимъ читателямъ конечно еще памятна блестящая характеристика русской современной молодежи, начертанная В. Д. Спасовичемъ во время судебныхъ преній по нечаевскому дѣлу [1]). Съ отдѣльными подробностями этой характеристики можно не соглашаться; можно отрицать, что «всѣ мы тамъ были, въ этой соціалистической странѣ», можно находить, что ораторъ слишкомъ скептически отнесся къ нравственной силѣ нашего молодого поколѣнія, къ будущности ассоціаціоннаго начала; но нельзя не признать вмѣстѣ съ нимъ, что соціалистическія тенденціи часто составляютъ только эпизодъ въ жизни молодого человѣка и проистекаютъ изъ искренняго чувства любви къ народу. Если соединеніе этого чувства съ жаждой дѣятельности, свойственной молодости, при нѣкоторыхъ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ привести къ преступнымъ замысламъ противъ государственнаго порядка, то при нормальномъ положеніи дѣлъ оно должно дать въ результатѣ только увеличеніе суммы труда, посвященнаго общей пользѣ. Ничто не отрезвляетъ въ такой степени, какъ переходъ отъ мысли къ дѣлу, какъ соприкосновеніе съ жизнью; лучшая гарантія противъ неопредѣленныхъ мечтаній — возможность практической дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, вѣра въ скорое наступленіе этой возможности. Мы видѣли уже, что первой заботой Нечаева было поколебать, уничтожить эту вѣру — и еслибы она держалась на основаніяхъ болѣе прочныхъ, то дѣло образованія тайной организаціи потерпѣло бы неудачу въ самомъ своемъ началѣ.

Ни одинъ изъ будущихъ членовъ тайнаго общества не былъ соціалистомъ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову на Западѣ Европы. Ихъ занимали не химерическіе планы радикальныхъ преобразованій, а чисто практическіе проекты скромнаго труда вблизи народа и вмѣстѣ съ народомъ. Когда Нечаевъ сталъ доказывать имъ невозможность

---

[1]) Въ защитительной рѣчи за Кузнецова, которая, въ памяти всѣхъ слушавшихъ ее, останется непревзойденнымъ до сихъ поръ образцемъ русскаго ораторскаго искусства.

подобнаго труда, они не сразу убѣдились его доводами. Имъ было больно разстаться съ любимою мыслью; но возраженія Нечаева заставили ихъ подумать о слабости средствъ, которыми они располагаютъ для ея осуществленія, о силѣ препятствій, съ которыми имъ придется бороться, и придти къ заключенію, что между тѣми и другими несоразмѣрность слишкомъ большая. Побѣдоносными изъ этого испытанія вышли только немногія, сильныя натуры, напримѣръ Лунинъ, который, замѣчая перемѣну въ Кузнецовѣ, въ Долговѣ, не переставалъ уговаривать ихъ остаться вѣрными прежней цѣли. Еслибы его усилія не были прерваны отъѣздомъ его въ С.-Петербургъ, они, можетъ быть, имѣли бы болѣе успѣха. Мы едвали ошибемся, далѣе, если скажемъ, что Ивановъ, несмотря на вступленіе его въ общество и даже въ кружокъ отдѣленія, не былъ вполнѣ убѣжденъ Нечаевымъ и скоро отдѣлился бы отъ него на дѣлѣ, какъ начиналъ уже расходиться съ нимъ на словахъ. Въ средѣ организаціи 1869-го года, еслибы она существовала нѣсколько дольше, неизбѣжно повторился бы такой же расколъ, какой внесли Малининъ, Лапкинъ и др. въ организацію 1866-го года. Какъ бы то ни было, на первыхъ порахъ большинство лицъ, привлеченныхъ Нечаевымъ къ участію въ тайномъ обществѣ, согласились промѣнять свой давнишній идеалъ на смутную революціонную программу.

Ошибочно было бы, безъ сомнѣнія, объяснять это явленіе какою-нибудь одною причиной; но не коренится ли оно отчасти въ недостаточности той поддержки, которую обѣщала реальная жизнь планамъ Кузнецова, Долгова, Рипмана и ихъ друзей-академистовъ? Еслибы они видѣли вокругъ себя множество путей, ведущихъ къ ихъ завѣтной цѣли, путей прямыхъ, открытыхъ и доступныхъ для каждаго, путей, на которые можно свободно и безбоязненно вступать при дневномъ свѣтѣ, рѣшились ли бы они своротить на дорогу, покрытую тьмой и идущую въ разрѣзъ съ закономъ? Отказались ли бы они такъ легко и такъ скоро отъ мысли, успѣхъ которой обусловливался бы единственно ихъ собственною настойчивостью и энергіей? Подѣйствовалъ ли бы на нихъ такъ неотразимо скептицизмъ Нечаева, еслибы ежедневный опытъ громко говорилъ за возможность всякаго предпріятія, остающагося въ предѣлахъ закона, а слѣдовательно и за возможность того дѣла, которому они предполагали посвятить свои силы? Конечно, они могли — и, говоря отвлеченно, должны были—устоять противъ аргументаціи Нечаева, какъ устояли противъ нея другіе; но вѣдь мы и не намѣрены оправдывать ихъ ошибку — мы хотѣли бы только, чтобы они

больше не повторялась. Мы хотѣли бы, чтобы въ нашей общественной жизни не было такихъ явленій, за которыя могъ бы хвататься недобросовѣстный, на все готовый агитаторъ, какъ за орудіе для возбужденія умовъ трудящейся молодежи. Мы хотѣли бы, чтобы передъ нею широко раскрывался мирный путь разносторонней дѣятельности на пользу народа, и чтобы сознаніе свободы, ожидающей ее на этомъ пути, служило для нея охраной противъ революціонныхъ стремленій. Мы хотѣли бы, чтобы не было ни повода, ни даже предлога говорить молодымъ людямъ, мечтающимъ о благѣ народа: «ваши усилія безплодны, ваши планы заранѣе обречены на неудачу; вамъ угрожаетъ опасность, хотя бы вы и не думали дѣйствовать наперекоръ закону».

Опасность, независящая отъ преступленія, опасность, непредупреждаемая строгимъ и точнымъ исполненіемъ закона — вотъ, въ самомъ дѣлѣ, элементъ, которому нельзя отказать въ вліяніи на образованіе нечаевскаго тайнаго общества. Говоря объ итогахъ судебной реформы, мы имѣли уже случай высказать наше мнѣніе объ административной расправѣ съ точки зрѣнія законности и справедливости [1]); теперь намъ приходится спросить себя и о ней, достигаетъ ли она по крайней мѣрѣ своей цѣли? Примѣненіе ея едва ли доходило когда-нибудь до болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ въ послѣднія пять лѣтъ—и все-таки она не предупредила организаціи 1869-го года. Угрожая постоянно не только нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, но цѣлымъ категоріямъ лицъ, она потеряла для нихъ свою устрашающую силу, или лучше сказать развила въ нихъ какое-то фаталистическое ожиданіе неминуемой, неотвратимой невзгоды. Отсюда только одинъ шагъ до рѣшимости идти на встрѣчу бѣдѣ—и мы видѣли уже, что этотъ шагъ былъ сознательно сдѣланъ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ по нечаевскому дѣлу. Чѣмъ больше ограждена личная свобода и безопасность человѣка, тѣмъ больше онъ дорожитъ, тѣмъ неохотнѣе рискуетъ ею — и на оборотъ. Нельзя пренебрегать также и тѣмъ озлобленіемъ, которое возбуждаютъ чрезвычайныя карательныя мѣры, въ особенности когда онѣ возведены или кажутся возведенными въ систему, и когда онѣ вызываются причинами, несоотвѣтствующими ихъ тяжести.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, условія, способствовавшія относительному успѣху нечаевской пропаганды въ средѣ молодежи. Мы увидимъ ниже, что настоящія цѣли этой пропаганды были тщательно скрываемы отъ огромнаго большинства членовъ организаціи. Они были привлечены къ ней не разрушительными тен-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1871 г. № 5 (май), стр. 357—367.

денціями «Народной расправы», а обѣщаніемъ быстраго излеченія всѣхъ народныхъ бѣдствій. Они видѣли эти бѣдствія, горячо желали облегчить ихъ, признали себя неспособными сдѣлать это собственными своими силами,—и тѣмъ легче примкнули къ тому, кто предложилъ вести ихъ новымъ путемъ къ завѣтной цѣли, чѣмъ бóльшимъ туманомъ были покрыты его намѣренія и средства. Притомъ, большинству членовъ тайнаго общества казалось, что имъ нечего терять; настоящее и будущее ихъ было въ ихъ глазахъ одинаково необезпеченнымъ и непрочнымъ. Мы постараемся доказать въ слѣдующей главѣ, какую громадную ошибку они сдѣлали, согласясь вступить въ тайное общество; но мы считали себя въ правѣ приступить къ этой задачѣ не прежде, какъ объяснивъ причины ошибки, указавъ обстоятельства, уменьшающія вину подсудимыхъ не только передъ уголовнымъ судомъ, но и передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

III.

Тайныя общества почти также древни, какъ и самое государство. При извѣстныхъ условіяхъ они были явленіемъ неизбѣжнымъ въ жизни каждаго народа; но мы напрасно стали бы искать въ исторіи положительныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, учрежденій, ими созданныхъ или хотя бы ими разрушенныхъ. Вездѣ и всегда они представляются намъ обреченными на безсиліе и безплодіе. Перевороты, реформы, насильственные или мирные, совершаются безъ ихъ участія и посредства. Имъ удается иногда устранить ненавистное имъ лицо, но безъ всякой пользы для защищаемаго ими дѣла. Мѣсто Цезаря тотчасъ же занимают Антоній и Октавій; смерть Линкольна не отсрочиваетъ ни на минуту ни окончательное пораженіе южныхъ штатовъ, ни уничтоженіе рабства. Если убійство Гиппарха влечетъ за собою паденіе Пизистратидовъ, то только потому, что за Гармодіемъ и Аристогитономъ стоитъ весь аѳинскій народъ. Въ бóльшей части случаевъ заговоръ или тайное общество не имѣетъ даже внѣшняго, минутнаго успѣха. Марино Фальери не поколебалъ господства венеціанской аристократіи; заговоръ Пацци возвысилъ могущество Медичисовъ; пороховой заговоръ надолго сдѣлалъ англійскихъ католиковъ безправными передъ лицомъ закона. Во Франціи XVIII-го вѣка существовали масонскія ложи и другія тайныя общества; но развѣ они совершили, развѣ они приготовили революцію 1789-го года? Заговоръ Бабёфа, заго-

воръ Пишегрю и Кадудаля, тайныя общества временъ реставраціи и іюльской монархіи, начиная съ генерала Бертона и четырехъ ларошельскихъ сержантовъ до Бланки и Барбеса — все это напрасныя траты силъ, эксплуатируемыя только реакціей и неимѣющія никакого отношенія ни къ іюльскому, ни къ февральскому перевороту. Въ Германіи тайныя общества распространяются въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, т.-е. въ эпоху полнѣйшаго застоя, и теряютъ всякое значеніе въ сороковыхъ годахъ, по мѣрѣ приближенія революціи. Въ Италіи, этой классической странѣ тайныхъ обществъ, карбонаризмъ стòитъ народу цѣлыхъ потоковъ крови и все-таки не даетъ ему ни независимости, ни свободы. На нашихъ глазахъ рушится безслѣдно общество Маріанны во Франціи, происходятъ тщетныя попытки феніевъ въ Ирландіи [1]). Когда мысль сдѣлалась силой, она не нуждается въ тайномъ обществѣ — а раньше тайное общество ничего не можетъ для нея сдѣлать.

Намъ могутъ возразить, что если тайныя общества не совершаютъ сами великихъ дѣлъ, то приготовляютъ для нихъ почву, воспитываютъ для нихъ народъ; но мы не видимъ фактовъ, которыми подтверждалось бы это мнѣніе. Говорятъ, что карбонаризмъ сдѣлалъ итальянцевъ способными къ свободѣ; но справедливѣе было бы сказать, что онъ былъ однимъ изъ признаковъ, однимъ изъ проявленій того умственнаго движенія, которое предшествовало и содѣйствовало политической эманципаціи Италіи. Тайныя общества образуются преимущественно въ тѣ эпохи, когда въ средѣ народа совершается усиленное развитіе, готовится внутренняя перемѣна; отсюда возможность заключать, при поверхностномъ разсмотрѣніи событій, что эта перемѣна относится къ тайнымъ обществамъ, какъ послѣдствіе къ причинѣ. Но заключеніе это столь же невѣрно, какъ и правило, изъ котораго оно выведено: post hoc, ergo propter hoc. Между періодомъ тайныхъ обществъ и слѣдующимъ, болѣе счастливымъ періодомъ народной жизни существуетъ только хронологическая связь, какъ между періодомъ болѣзни и періодомъ здоровья. Выздоровленію неизбѣжно должны иногда предшествовать извѣстные лихорадочные пароксизмы; но это еще не значитъ, чтобы они были необходимы для выздоровленія. Итальянскіе карбонары были людьми своего времени, времени пробужденія послѣ долгой умственной апатіи; они дѣйствовали подъ вліяніемъ новыхъ идей о національномъ и личномъ досто-

[1]) Мы не говоримъ о международномъ обществѣ потому, что оно не можетъ быть отнесено къ числу тайныхъ.

инствѣ, о правахъ итальянца и человѣка; но окончательнымъ обновленіемъ своимъ Италія обязана повсемѣстному распространенію этихъ идей, овладѣвшихъ даже одною изъ итальянскихъ династій, а не случайному и одностороннему воплощенію ихъ въ формѣ карбонаризма. Тайныя общества — плохая школа для политическаго воспитанія народа. Въ народѣ, выросшемъ подъ строгою опекой, безъ того уже слишкомъ мало развита самостоятельность мысли и воли, слишкомъ слаба личная иниціатива, привычка дѣйствовать на собственный страхъ и довѣрять собственнымъ силамъ; тайныя общества гнутъ и тянутъ въ ту же самую сторону, требуя отъ своихъ членовъ безусловнаго, слѣпого повиновенія не ими самими избранному или даже имъ неизвѣстному вождю или комитету. Борясь съ превосходящей силой, они слишкомъ часто прибѣгаютъ къ орудію слабыхъ — къ лицемѣрію, къ обману; бѣдныя средствами, они склонны проповѣдывать неразборчивость въ ихъ выборѣ и примѣненіи. Они дѣйствуютъ противъ нетерпимости—нетерпимостью, противъ фанатизма—фанатизмомъ, и стараются поставить одну узкую, искусственно-выработанную доктрину на мѣсто безконечнаго разнообразія мнѣній, создаваемыхъ жизнью и ею только одною измѣняемыхъ или уничтожаемыхъ. Они игнорируютъ или презираютъ все то, что стоитъ за ихъ предѣлами, и считаютъ себя въ правѣ производить надъ этой безразличной массой experimenta in anima vili.

Исторія тайныхъ обществъ у насъ, въ Россіи, носитъ на себѣ тотъ же отпечатокъ, какъ и исторія ихъ на Западѣ Европы. Одна только черта выдается въ ней особенно рельефно: это постепенное измельчаніе, вырожденіе русскихъ тайныхъ обществъ. Первое изъ нихъ по времени — общество такъ-называемыхъ декабристовъ [1]) — было, безъ сомнѣнія, самымъ сильнымъ и по мысли, и по личному составу: по мысли, потому что оно мечтало о реформахъ, осуществившихся лишь тридцать пять или сорокъ лѣтъ спустя — объ освобожденіи крестьянъ, о правомъ судѣ, о свободѣ печати; по личному составу, потому что оно имѣло приверженцевъ во всѣхъ вліятельныхъ общественныхъ сферахъ—въ придворной аристократіи, въ войскѣ, въ высшей администраціи, въ литературѣ. Въ рядахъ его дѣйствовали кн. Трубецкой и кн. Оболенскій, кн. Волконскій и кн. Одоевскій, Пестель и Муравьевъ-Апостолъ, Рылѣевъ и Бестужевъ (Марлинскій); близко къ нему стояли такіе люди какъ Н. Тургеневъ.

---

1) Придворные заговоры прошедшаго столѣтія составляютъ явленіе sui generis, неимѣющее ничего общаго съ разбираемымъ нами вопросомъ о тайныхъ обществахъ.

М. Орловъ, Пушкинъ и многіе другіе, игравшіе впослѣдствіи болѣе или менѣе важную роль въ государственномъ управленіи. Декабристы были, однимъ словомъ, представителями тогдашней русской интеллигенціи, слишкомъ далеко опередившіе не только массу народа, но и большинство такъ-называемаго образованнаго общества, и хотѣвшіе — въ этомъ состояла ихъ вина — увлечь его за собою путемъ насилія, военной революціи.

Общество Петрашевскаго, появляющееся черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ декабристовъ, играетъ, сравнительно съ ними, роль совершенно второстепенную; насколько можно судить по тѣмъ далеко не полнымъ свѣдѣніямъ, которыя мы о немъ имѣемъ, оно не задавалось никакою опредѣленною цѣлью и едвали даже можетъ быть названо тайнымъ обществомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Какъ бы то ни было, многіе изъ его членовъ безспорно возвышались надъ общимъ уровнемъ тогдашняго общества: достаточно назвать Ѳ. Достоевскаго и Толя. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ спискѣ лицъ, осужденныхъ за политическія преступленія — впрочемъ не за составленіе тайныхъ обществъ — встрѣчаются еще имена, болѣе или менѣе громкія въ литературѣ; но это продолжается весьма недолго. Намъ неизвѣстно съ точностью судебное производство по дѣлу о лицахъ, обвинявшихся въ принадлежности къ обществу «Земля и воля»; но мы едвали ошибемся, если скажемъ, что подсудимыми по этому дѣлу были почти исключительно очень молодые люди, ничѣмъ незаявившіе своихъ правъ на политическую дѣятельность. То же самое, кажется, можно сказать и объ обнаруженномъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ обществѣ съ цѣлью отдѣленія Сибири.

О тайныхъ обществахъ 1866-го и 1869-го годовъ мы имѣемъ опредѣленныя свѣдѣнія; и что же мы изъ нихъ видимъ? Верховный уголовный судъ 1866-го года постановилъ два приговора: первымъ былъ присужденъ къ смертной казни Каракозовъ и оправданъ обвинявшійся въ сообществѣ съ нимъ Кобылинъ, вторымъ разрѣшена участь остальныхъ 34-хъ подсудимыхъ, привлеченныхъ къ дѣлу. Изъ числа этихъ подсудимыхъ въ государственномъ преступленіи обвинено было только тринадцать: всѣ прочіе или были оправданы, или признаны виновными въ принадлежности къ тайному обществу безъ знанія его цѣли, или осуждены за другія, не-государственныя преступленія. Старшему изъ осужденныхъ государственныхъ преступниковъ было только 26 лѣтъ; четверо изъ нихъ не достигли еще двадцати одного года; средній ихъ возрастъ—$22^1/_2$ года. Ни одинъ изъ нихъ не занималъ сколько-нибудь вліятель-

наго положенія въ обществѣ; только одинъ или двое, по словамъ защитниковъ, отличались отъ другихъ умомъ и дарованіями. Однимъ словомъ, тайное общество не имѣло ни внѣшней, ни внутренней силы, и цѣли, къ которымъ оно стремилось, мало соотвѣтствовали средствамъ, которыми оно располагало. Совершенно опредѣленныхъ, ясно сознанныхъ цѣлей оно впрочемъ и не имѣло. Мы уже видѣли, что бо́льшая часть предложеній, сдѣланныхъ на собраніяхъ общества, приняты не были; по нѣкоторымъ изъ нихъ безъ общаго согласія были дѣланы приготовленія; самыя безнравственныя, самыя тяжкія преступленія были задуманы не на общихъ сходкахъ, а на совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами. Шагановъ—сказано дальше въ приговорѣ верховнаго суда — составлялъ проектъ устава «организаціи»; Николаевъ также составилъ проектъ устава; Мотковъ исправилъ проектъ устава, составленный Ермоловымъ (слѣдовательно уже третій) и хранилъ проектъ написанный Шагановымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для противодѣйствія насильственному перевороту; Юрасовъ и Загибаловъ были членами общества, имѣвшими полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ его, но не выказавшими никакой особой дѣятельности. Если прибавить къ этому извѣстный намъ уже фактъ, что Малининъ, Ивановъ и Лапкинъ старались разстроить организацію, препятствовали ея сходкамъ и образовали кружокъ, ей враждебный, то мы получимъ полную картину неурядицы, царствовавшей въ этомъ обществѣ, безсилія, бывшаго отличительною его чертою.

Такую же, въ главныхъ чертахъ, картину представляетъ намъ и общество 1869-го года. Судебная палата признала принадлежность къ тайному обществу тридцати одного подсудимаго[1]. Изъ нихъ достигли зрѣлаго возраста только двое: Прыжовъ (42 лѣтъ) и Александровская (36 лѣтъ). Средній возрастъ остальныхъ двадцати девяти—$23^1/_2$ года; несовершеннолѣтнихъ между ними только три, но очень много молодыхъ людей двадцати одного года и двадцати двухъ лѣтъ. Шестнадцать членовъ тайнаго общества были слушателями Петровской Земледѣльческой Академіи, четверо—студентами московскаго университета, трое—студентами медико-хирургической Академіи. Изъ числа остальныхъ восьми, двое были прикащиками въ книжномъ магазинѣ, одинъ занимался изысканіями на желѣзныхъ дорогахъ, одинъ—литературой; одинъ—окончившій курсъ гимназистъ безъ занятій, одинъ—нигдѣ неучившійся мѣщанинъ; изъ числа женщинъ, одна

[1]) Всѣхъ осужденныхъ подсудимыхъ 34, но Ткачевъ, Дементьева и Енишерловъ признаны виновными не въ принадлежности къ тайному обществу.

была повивальной бабкой въ провинціи, другая, полу-образованная мѣщанка, занималась переплетнымъ мастерствомъ. Привлечены къ дѣлу, но освобождены отъ слѣдствія обвинительною камерой или оправданы судомъ, были также почти исключительно очень молодые люди, бо̀льшею частью неокончившіе еще курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Когда Нечаевъ и Кузнецовъ, за нѣсколько дней до раскрытія тайнаго общества, пріѣхали основать отдѣленіе его въ Петербургѣ, къ кому они обратились? Опять-таки къ студентамъ, къ слушателямъ Технологическаго и Земледѣльческаго Институтовъ. Таковъ былъ личный составъ общества, такова среда, въ которой оно предполагало и на будущее время искать для себя членовъ.

Посмотримъ теперь, какъ оно дѣйствуетъ. Согласно съ старымъ рецептомъ, затасканнымъ въ архивахъ всѣхъ тайныхъ обществъ. Оно раздѣляется на кружки изъ пяти — шести человѣкъ; каждый членъ кружка обязанъ образовать вокругъ себя новый кружокъ, но только весьма немногіе приступаютъ къ исполненію этой обязанности. Во главѣ общества стоитъ кружокъ отдѣленія; какъ руководитель всего предпріятія, онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Есть ли въ его средѣ хотя одна выдающаяся личность, хоть одинъ человѣкъ, стоящій высоко надъ другими по своему положенію или по своимъ дарованіямъ? Мы видимъ прежде всего двухъ студентовъ Петровской Академіи, пользующихся нѣкоторымъ авторитетомъ между своими товарищами, но конечно лишенныхъ всякаго вліянія внѣ стѣнъ Академіи. Одинъ изъ нихъ, Кузнецовъ—человѣкъ впечатлительный, мягкій, слабый, имѣющій всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ въ какой-нибудь небольшой, скромной сферѣ — напримѣръ, въ земледѣльческой ассоціаціи, о которой онъ мечталъ,—но неспособный ни къ борьбѣ, ни къ управленію рискованнымъ дѣломъ; другой, Ивановъ, знакомъ уже намъ отчасти какъ человѣкъ энергическій, но преданный всего больше академическимъ интересамъ и лишь случайно, по ошибкѣ взявшій на себя роль агитатора. Рядомъ съ Кузнецовымъ и Ивановымъ стоитъ Прыжовъ, человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ, но разбитый жизнью, болѣзненный, никогда непробовавшій своихъ силъ на другомъ поприщѣ кромѣ литературнаго, больше кабинетный ученый, чѣмъ практическій дѣятель. Еще менѣе понятно присутствіе въ кружкѣ отдѣленія Бѣляевой, мало развитой, ничѣмъ незамѣчательной

[1]) Такъ, напримѣръ, изъ числа десяти подсудимыхъ второй группы, оправданныхъ судомъ—пять слушателей Петровской Академіи и четыре студента московскаго университета; между ними—двое несовершеннолѣтнихъ.

дѣвушки, которую самъ обвинитель признаклъ заслуживающею полнаго, безграничнаго снисхожденія, которую судебная палата присудила къ низшему изъ всѣхъ наказаній, допускаемыхъ закономъ для членовъ тайнаго общества. Въ Успенскомъ, наконецъ, больше сосредоточенности, больше, можетъ быть, силы воли, чѣмъ въ товарищахъ его по кружку отдѣленія; но вѣдь и онъ человѣкъ очень молодой, неполучившій полнаго образованія, занятый съ утра до вечера полу-механическимъ трудомъ, неимѣющій никакихъ связей въ московскомъ обществѣ, и въ концѣ концевъ являющійся ничѣмъ другимъ, какъ орудіемъ Нечаева, хранителемъ его тайнъ,—хотя и посвященнымъ въ нихъ только на половину,—и исполнителемъ его приказаній. Эта слабость личнаго состава не выкупается даже единодушіемъ: въ кружкѣ отдѣленія скоро возникаютъ несогласія, съ трудомъ подавляемыя Нечаевымъ посредствомъ ссылки на авторитетъ незримаго и несуществующаго комитета. И эта мѣра, черезъ нѣсколько времени, оказывается недостаточною; для того, чтобы подавить оппозицію, Нечаевъ рѣшается прибѣгнуть къ убійству Иванова.

Чѣмъ же занимается кружокъ отдѣленія, что онъ успѣваетъ сдѣлать въ продолженіе своего полуторамѣсячнаго существованія? На этотъ вопросъ журналы кружка отдѣленія, прочитанные въ засѣданіи судебной палаты 8-го іюля, даютъ намъ отвѣтъ очень точный, но до невѣроятности странный— странный въ томъ отношеніи, что трудно представить себѣ болѣе полный контрастъ между важностью предположенной цѣли и ничтожностью средствъ, употребляемыхъ для ея достиженія. Мы находимъ здѣсь и свѣдѣнія о мнимыхъ знакомствахъ Кузнецова въ купеческомъ обществѣ Москвы, и предложеніе устроить литературный вечеръ для сбора денегъ, и какой-то неудобопонятный проектъ пріисканія жениховъ и невѣстъ, то же съ цѣлью сбора денегъ — но не находимъ никакихъ серьезныхъ указаній на планы и предпріятія общества. Правда, въ засѣданіи 11-го октября кружокъ весьма серьезно *рѣшаетъ возбудить общественное мнѣніе*: но вѣдь это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, когда нѣтъ никакихъ къ тому средствъ, кромѣ никуда негодныхъ прокламацій. Изъ протокола засѣданія 4-го ноября оказывается, что даже въ Петровской Академіи, давшей столько членовъ тайному обществу, не было достаточнаго оживленія; возбудить его предполагалось все съ помощью тѣхъ же самыхъ листковъ. Одинъ изъ членовъ кружка поступаетъ въ коммерческій клубъ, другой, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, намѣревается вести биржевую игру. Тотъ же членъ кружка, считающійся зна-

токомъ московской жизни, предлагаетъ поставить человѣка къ Каменному мосту и въ Охотномъ ряду, гдѣ извозчики (!); и это наивное предложеніе остается, впрочемъ, безъ послѣдствій. Дѣятельность Бѣляевой ограничивается тѣмъ, что она записывается на женскіе курсы и вноситъ въ кассу общества одинъ рубль.

Однимъ изъ главныхъ занятій кружка отдѣленія было повидимому разсмотрѣніе представляемыхъ подчиненными кружками свѣдѣній о лицахъ, намѣченныхъ для присоединенія къ обществу; да и это было занятіе больше формальное, потому что допускалось принятіе въ общество даже лицъ подозрѣваемыхъ (хотя и безъ всякаго основанія) въ шпіонствѣ или крайней слабости на языкъ. Довольно сильны были руководители общества только по части канцелярской формалистики: въ чемъ другомъ, а въ бланкахъ съ печатями, въ отчетахъ, въ шифрахъ, въ предписаніяхъ, въ именныхъ спискахъ—простыхъ и въ видѣ схемы—у нихъ не было недостатка. Въ іерархіи общества совершались безпрестанныя перемѣны; Кузнецовъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, перебывалъ членомъ простого кружка, членомъ центральнаго кружка академіи, членомъ кружка отдѣленія; Рипманъ былъ переведенъ изъ центральнаго кружка академіи въ кружокъ Прыжова; одинъ изъ подчиненныхъ кружковъ академіи три раза перемѣнилъ своего представителя или президента. Когда кружокъ не могъ образоваться самъ собою, его образовали искусственно; такъ, напримѣръ, Прыжовъ никого не завербовалъ въ члены общества, но при немъ назначено было состоять Николаеву, Рипману, Коведяеву и П. Енкуватову. Скипскій былъ соединенъ такою же внѣшнею связью съ Кузнецовымъ.

Если такимъ образомъ велось дѣло въ центрѣ общества, то не трудно себѣ представить, что̀ происходило внизу, въ кружкахъ первой степени. Члены кружка изрѣдка собирались по вечерамъ, иногда читали прокламаціи, говорили о томъ, кого можно было бы завербовать въ общество, и расходились, для того чтобы черезъ недѣлю или двѣ опять сойтись съ такимъ же точно результатомъ. Изъ числа двадцати девяти членовъ тайнаго общества, жившихъ въ Москвѣ, только семеро образовали около себя кружки; остальные не сдѣлали даже и этого. Прокламаціи они читали только въ своей средѣ, не съ цѣлью пропаганды, а чтобы познакомиться и познакомить другихъ съ курьёзами заграничной печати [1]). Это не предположеніе, а фактъ, признанный

[1]) Пименъ Енкуватовъ, человѣкъ замѣчательно искренній и добросовѣстный, сравнилъ въ своемъ показаніи прокламацію «Народная расправа» съ тарантуломъ, на котораго смотрятъ съ отвращеніемъ, но съ любопытствомъ.

судомъ и самъ по себѣ вполнѣ достовѣрный. Не говоримъ уже о томъ, что прокламаціи, ходившія по рукамъ въ Москвѣ, противурѣчили одна другой и выражали собою самыя различныя точки зрѣнія; гораздо важнѣе то, что онѣ не могли служить, по содержанію своему, программой той молодежи, изъ среды которой вербовались члены общества. Кто прочелъ или выслушалъ— въ особенности выслушалъ—со вниманіемъ все нечаевское дѣло, тотъ безъ сомнѣнія составилъ себѣ слѣдующее мнѣніе о массѣ участниковъ его. Никто изъ нихъ—никто безъ исключенія—не соединяетъ въ себѣ условій, изъ которыхъ слагается типъ заговорщика. Они не обладаютъ ни суровостью, ни выдержкою, ни беззавѣтною рѣшимостью, свойственными этому типу. Они не сожгли своихъ кораблей, не вышли окончательно на берегъ противуположный тому, съ котораго они отправились. Между ними и идеаломъ революціонера, начертанномъ въ извѣстномъ «катихизисѣ», нѣтъ ничего общаго[1]). Отличительныя ихъ черты—мягкость, доброта, сочувствіе ко всѣмъ тѣмъ, кто нуждается въ поддержкѣ, уваженіе къ знанію и наукѣ. Дарованій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, въ средѣ подсудимыхъ мы не замѣтили. Многіе изъ нихъ готовы пожертвовать собою для общаго блага, но какимъ образомъ? Не устремляясь въ отчаянную борьбу, не рискуя своею жизнью ради быстраго, случайнаго успѣха, а напротивъ, посвящая ее всю скромному, мало замѣтному, если можно такъ выразиться — чернорабочему труду на пользу народа. У нѣкоторыхъ это стремленіе доходитъ до аскетизма, до рѣшимости отречься отъ всѣхъ удобствъ, отъ всѣхъ удовольствій общественной жизни, отъ всего того, что проводитъ границу между человѣкомъ образованнаго класса и простымъ рабочимъ. Такіе люди гораздо болѣе способны снизойти на одинъ уровень съ народомъ, для того чтобы постепенно подниматься вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ мечтать о насильственномъ, внезапномъ поднятіи его на одинъ уровень съ собою. Рядомъ съ этими энтузіастами мы видимъ людей, идущихъ по той же дорогѣ, но болѣе спокойнымъ шагомъ, менѣе расположенныхъ къ самоотверженію, но столь же далекихъ отъ насилія: сюда принадлежитъ большинство подсудимыхъ второй группы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что отъ нихъ рѣзко отдѣляется князь Черкезовъ, что это революціонеръ по натурѣ, непроученный

---

[1]) Замѣчательно, напримѣръ, что семейныя чувства, отвергаемыя катихизисомъ революціонера, сильно развиты у большинства подсудимыхъ. Пропорція женатыхъ между ними такъ велика, какъ едвали въ другомъ равномъ числѣ молодыхъ людей одного съ ними положенія и возраста.

опытомъ 1866-го года, закаленный въ заговорахъ и занимающійся ими какъ искусствомъ, какъ профессіей. Но такой выводъ былъ бы какъ нельзя менѣе вѣренъ. Князь Черкезовъ отличается отъ массы подсудимыхъ только двумя чертами: болѣе развитымъ самолюбіемъ и образованіемъ болѣе литературнымъ, чѣмъ научнымъ. Отсюда особенности его показанія передъ судомъ, болѣе богатаго обобщеніями и болѣе изящнаго по формѣ, но за то и менѣе естественнаго, чѣмъ всѣ другія. Вникая въ сущность этого показанія, нетрудно замѣтить, что кн. Черкезовъ столь же мало революціонеръ, какъ и остальные подсудимые его группы; оппозиціонное направленіе смѣшано въ немъ съ слишкомъ большой долей добродушнаго юмора, чтобы изъ него могъ выйти второй Нечаевъ. Наконецъ, на послѣднемъ планѣ картины, представляемой политическимъ процессомъ, стоятъ молодые люди, едва начинавшіе жить самостоятельною умственною жизнью и столь же далекіе отъ революціонныхъ идей, какъ и отъ всякаго другого опредѣленнаго убѣжденія [1]).

Какая же изъ указанныхъ нами группъ могла усвоить себѣ тѣ мысли, крайнимъ, безобразнымъ выраженіемъ которыхъ служитъ прокламація «Народная расправа»? Эта прокламація была прочитана при закрытыхъ дверяхъ и не вошла въ составъ стенографическаго отчета; но общій характеръ ея достаточно извѣстенъ изъ показаній подсудимыхъ, изъ рѣчей обвинителя и защитниковъ. Скажемъ только, что она проповѣдуетъ, въ самой рѣзкой и вмѣстѣ съ тѣмъ пошлой формѣ, разрушеніе и убійство, не указывая даже началъ, во имя которыхъ должно быть пролито столько крови [2]). Она можетъ увлечь политическихъ кондоттьери, разсчитывающихъ воспользоваться всеобщимъ смятеніемъ для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, или грубыхъ фанатиковъ, одинаково чуждыхъ гуманности и науки; кто не ослѣпленъ невѣжествомъ или корыстнымъ интересомъ, тотъ отвернется отъ нея съ презрѣніемъ или негодованіемъ. Перейти въ нѣсколько недѣль отъ научныхъ занятій, отъ мирныхъ плановъ дѣятельности на пользу народа къ дикимъ тенденціямъ «Народной расправы»—абсолютно, физически невозможно, и мы вполнѣ убѣждены, что этотъ переходъ не совершился. Мы вполнѣ вѣримъ показаніямъ подсудимыхъ, изъ которыхъ видно, что «Народная расправа» была пущена въ ихъ среду Нечаевымъ какъ пробный шаръ, какъ

---

[1]) Большинство молодыхъ людей этой категоріи оправданы судебною палатою.

[2]) Во второмъ номерѣ «Народной расправы» есть нѣчто похожее на програму, но онъ напечатанъ, какъ видно по содержанію его, уже послѣ открытія общества и арестованія всѣхъ его членовъ.

способъ опредѣлить силу революціоннаго пламени, которымъ
они объяты, — и что результатъ этой пробы былъ неблагопрія-
тенъ для Нечаева, что никто изъ читавшихъ «Народную рас-
праву» не выразилъ готовности встать подъ ея кровавое зна-
мя. Можетъ быть, Нечаевъ не терялъ надежды измѣнить по-
степенно это настроеніе умовъ, довести своихъ послѣдователей
до уровня «Народной расправы»; но до поры до времени онъ
очевидно считалъ нужнымъ скрывать свою игру, чтобы не испор-
тить ее сразу. Это подтверждается и тѣмъ, что онъ никому не
сообщалъ свой катихизисъ революціонера — члены общества не
были еще достойны познакомиться съ нимъ, — и тѣмъ, что въ
правилахъ организаціи предписывалось не убѣждать, а только
сплочивать будущихъ ея членовъ, т.-е. соединять ихъ внѣшнею
связью, опутывать ихъ сѣтью, изъ которой потомъ трудно было
бы вырваться. Но какъ же объяснить, что столь многіе позво-
лили опутать себя этою сѣтью? Чтò заставляло молодыхъ лю-
дѣй, имѣвшихъ такъ мало общаго съ Нечаевымъ, вступать въ
устраиваемую имъ организацію? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ слу-
житъ отчасти все сказанное нами въ предыдущей главѣ; но есть
еще другая сторона дѣла, не менѣе важная и ярко рисующая
способъ образованія тайныхъ обществъ.

До появленія Нечаева въ Москвѣ никто изъ подсудимыхъ
не принадлежалъ къ тайному обществу и не думалъ объ об-
разованіи его; но въ атмосферѣ, среди которой они жили, было,
какъ мы уже знаемъ, много элементовъ, располагающихъ къ
неудовольствію. Какъ воспользовался этими элементами Неча-
евъ — это мы также уже видѣли; но вотъ на чемъ останавли-
вается теперь наше вниманіе. Когда передъ молодыми людьми,
далекими до тѣхъ поръ отъ всякой политической агитаціи, воз-
никаетъ въ первый разъ вопросъ о тайномъ обществѣ, никто
изъ нихъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета ни въ цѣли, съ кото-
рою оно основано, ни въ средствахъ, которыми оно должно
дѣйствовать. Сомнѣнія, съ которыми они относятся сначала къ
предложенному имъ дѣлу, встрѣчаютъ такой отвѣтъ: «дѣло это
предпринято на пользу народа—вы всегда хотѣли служить на-
роду—неужели вы откажетесь отъ этого случая исполнить ваше
намѣреніе только потому, что согласясь, вы подвергли бы себя
нѣкоторому риску?» Этотъ отвѣтъ, вѣрно разсчитанный на са-
мыя лучшія, какъ и на самыя слабыя стороны молодого ума,
дѣйствуетъ почти неотразимо; осторожность откладывается въ
сторону, но остается желаніе знать, въ чемъ же собственно за-
ключается рискованное предпріятіе? «Объяснять это всѣмъ и
каждому»—таковъ слѣдующій отвѣтъ—«нельзя безъ явной опас-

ности для дѣла; не всѣмъ же быть генералами и командовать, нужно умѣніе безусловно повиноваться, какъ повинуются солдаты; знакомство съ дѣлами общества — награда за дѣятельность въ его пользу и знакъ довѣрія къ тѣмъ, кто доказалъ ему свою преданность на самомъ дѣлѣ. Не даромъ же правила организаціи проповѣдуютъ *довѣріе къ личности*, какъ главное основаніе общества и первую обязанность его членовъ». Но какими же силами располагаетъ общество — спрашиваетъ далѣе неофитъ, — гдѣ ручательство въ томъ, что оно можетъ что-нибудь сдѣлать? Тогда передъ неофитомъ развертывается самая широкая картина. Вся Россія въ нашихъ рукахъ, говорятъ ему; общество распространено вездѣ, въ Москвѣ только центръ одного изъ его отдѣленій, всѣхъ отдѣленій девять или десять; эмиссары общества разъѣзжаютъ по всѣмъ губерніямъ, гдѣ проявляется неудовольствіе противъ правительства; члены организаціи набираются изъ всѣхъ классовъ и сферъ общества; дѣлами организаціи управляетъ центральный комитетъ, состоящій въ свою очередь въ близкой связи съ европейскимъ или международнымъ революціоннымъ комитетомъ. Рядомъ съ этой фантасмагоріей идутъ увѣренія то устрашительнаго, то успокоительнаго свойства. «Кто не съ нами,—говорятъ аффиліаторы,—тотъ противъ насъ; только члены общества могутъ избѣгнуть гибели при первомъ народномъ возстаніи, время котораго уже недалеко. Кто съ нами, тому нечего бояться; его имя будетъ извѣстно только членамъ центральнаго комитета и тѣмъ членамъ общества, черезъ посредство которыхъ онъ принятъ; каждый членъ общества получаетъ другое имя или номеръ, подъ которымъ онъ сносится съ кружками, стоящими непосредственно выше и ниже его; никакихъ поименныхъ списковъ не ведется, для корреспонденціи употребляются особые шифры» [1]).

Устроивъ общество, Нечаевъ принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы поддержать въ его членахъ вѣру въ его могущество и многочисленность. Члены общества получаютъ предписанія на бланкахъ комитета, съ печатью, надписью: «великорусскій отдѣлъ» и исходящимъ номеромъ; въ собранія кружковъ является то мнимый депутатъ отъ женевскаго комитета (Лиху-

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что всѣ эти увѣренія оказались несправедливыми; поименный списокъ членовъ общества былъ веденъ и найденъ при обыскѣ, отмѣтки, написанныя шифромъ или состоявшія изъ условныхъ знаковъ, были разобраны при помощи самого Успенскаго—да наконецъ, и нѣтъ такого шифра, который рано или поздно не могъ бы быть угаданъ или разобранъ.

тинъ), то мнимый уполномоченный центральнаго комитета (Николаевъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Нечаевъ заботится и о томъ, чтобы окружить обаяніемъ свое собственное имя; какія онъ для того употребляетъ средства — это конечно памятно читателямъ изъ блестящей характеристики Нечаева, начертанной г. Спасовичемъ въ его рѣчи за Кузнецова. Несмотря на всѣ эти искусственныя подпорки, общество колеблется и близится къ распаденію, едва просуществовавъ нѣсколько недѣль, — колеблется именно потому, что многимъ изъ его членовъ становится въ тягость неловкое и фальшивое положеніе, въ которое они себя необдуманно поставили. Въ эту критическую минуту совершается убійство Иванова, за которымъ почти непосредственно слѣдуетъ арестованіе Успенскаго и раскрытіе тайнаго общества.

Всѣ эти факты, почерпнутые нами изъ дѣла, показываютъ съ поразительною ясностью, какая громадная роль принадлежала въ образованіи тайнаго общества 1869-го года съ одной стороны обману, съ другой стороны — довѣрчивости и самообольщенію. Это и не могло быть иначе. Самый увлекающійся и пылкій юноша сознаетъ, хотя и смутно, что преобразованіе общества и государства не по силамъ горсти людей безъ вліянія, безъ опытности, безъ матеріальныхъ средствъ, горсти людей, взятыхъ изъ одной только малочисленной и слабой общественной сферы. Готовый примкнуть къ рискованному дѣлу, онъ предполагаетъ однако, что оно задумано и предпринято съ достаточнымъ запасомъ силъ и достаточными шансами успѣха; онъ не сдѣлалъ бы рѣшительнаго шага, еслибы зналъ, что всѣ участники въ дѣлѣ похожи на него самого и что оно не имѣетъ другой, болѣе реальной поддержки. Одна изъ нашихъ газетъ, обсуждая нечаевское дѣло, обратила вниманіе на то, что въ Западной Европѣ учащаяся молодежь ограничивается участіемъ въ политическихъ движеніяхъ, начавшихся помимо нея, и только у насъ беретъ на себя ихъ иниціативу. Замѣчаніе это совершенно справедливо; необходимо только прибавить, что, начиная агитацію, наша учащаяся молодежь дѣйствуетъ подъ вліяніемъ недоразумѣнія; она воображаетъ, что впереди ея стоитъ другая мощная, руководящая сила — а на самомъ дѣлѣ оказывается, что роль этой силы разыгрываетъ какой-нибудь Нечаевъ. Между тѣмъ, никакихъ гарантій противъ такой ошибки или такого обмана при образованіи тайнаго общества нѣтъ и быть не можетъ. По самому своему свойству, оно всегда обращается къ довѣрію своихъ членовъ, всегда раскрываетъ передъ ними только небольшую часть своей тайны. Съ другой стороны, оно всегда заинтересовано выставлять себя въ свѣтѣ какъ можно болѣе

выгодномъ и грозномъ. Руководители его скрываютъ или преувеличиваютъ истину не только въ сношеніяхъ съ своими подчиненными, но и въ сношеніяхъ между собою; мало того — они расположены обманывать самихъ себя. Мы приведемъ этому только одно доказательство. Въ одной изъ посмертныхъ статей Герцена приведенъ разговоръ его съ Огаревымъ, Б. (Бакунинымъ?) и уполномоченнымъ общества «Земли и воли» (въ 1862 году). На вопросъ, сдѣланный послѣднему: много ли васъ? онъ отвѣчалъ: «Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ».—«Ты вѣришь»? спросилъ потомъ Герценъ Огарева. Тотъ промолчалъ.—«Ты вѣришь?» спросилъ онъ Б.—«Конечно; *ну нѣтъ теперь столько, такъ будутъ потомъ*», и Б. расхохотался.—«Это другое дѣло».—«Въ томъто все и состоитъ, чтобы поддержать слабыя начинанія; еслибы они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ», замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный скептицизмомъ Герцена.—Вотъ процессъ образованія тенденціозно-невѣрныхъ свѣдѣній о силахъ тайнаго общества, скопированный прямо съ жизни. Удивляться ли, послѣ того, что Нечаевъ, обманывая своихъ сообщниковъ въ Россіи, хотѣлъ обмануть и женевскихъ друзей своихъ вѣстью о небывалыхъ успѣхахъ своей пропаганды (см. показаніе Прыжова)?

Другая, еще болѣе серьезная опасность, коренящаяся въ самой природѣ тайнаго общества, заключается въ томъ, что оно можетъ завлечь своихъ членовъ совсѣмъ не туда, куда они предполагали идти, поступая въ его среду. Нечаевскій процессъ служитъ самымъ яркимъ примѣромъ того, какое разстояніе можетъ отдѣлять руководителя организаціи отъ второстепенныхъ членовъ, едва посвященныхъ въ ея тайны. Послѣдніе могутъ мечтать о мирной соціальной пропагандѣ въ то самое время, когда первый пріискиваетъ средства къ осуществленію на дѣлѣ принциповъ «Катихизиса революціонера» и «Народной расправы». Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, однако, разстояніе между тѣмъ и другими можетъ уменьшиться, уничтожиться съ страшною быстротою. Настоящая цѣль общества можетъ внезапно раскрыться передъ тѣмъ, кто еще наканунѣ не подозрѣвалъ о ея существованіи; неожиданность, необходимость немедленнаго рѣшенія, ложно понятое чувство долга, ложный стыдъ, наконецъ страхъ таинственной и неизбѣжной кары—все это можетъ сдѣлать человѣка, виновнаго только въ необдуманности, человѣкомъ глубоко-преступнымъ. Предполагалъ ли Кузнецовъ, вступая въ общество въ концѣ сентября, что меньше чѣмъ черезъ два мѣсяца онъ сдѣлается сообщникомъ убійства, жертвой котораго будетъ его то-

варищъ, участникъ его великодушныхъ плановъ, человѣкъ въ сущности гораздо болѣе ему дорогой и близкій, чѣмъ распорядитель убійства, Нечаевъ? Покатость, по которой такъ быстро, такъ незамѣтно для самого себя спустился Кузнецовъ, лежитъ во мракѣ передъ ногами каждаго вступающаго въ тайное общество безъ точнаго знанія его средствъ и его цѣли — а такое знаніе, какъ мы уже видѣли, въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно. Ни въ одномъ изъ четырехъ второстепенныхъ участниковъ убійства Иванова не заглохло гуманное чувство, заставляющее насъ уважать личность, жизнь человѣка; надъ каждымъ изъ нихъ—не исключая и того, который на судѣ старался оправдать свой поступокъ — воспоминаніе о 21-мъ ноября тяготѣетъ съ неуменьшающеюся силой; но не въ этомъ ли именно контрастѣ между преступниками, заслуживающими сожалѣнія, и преступленіемъ, возбуждающимъ ужасъ, заключается поучительный смыслъ катастрофы 21-го ноября? Чѣмъ честнѣе натура преступника, тѣмъ ненавистнѣе условія, которыя довели его до преступленія; а кто изъ вступающихъ въ тайное общество можетъ быть увѣренъ въ томъ, что эти условія для него не повторятся, что за потерю нравственной свободы, за отдачу себя во власть незримаго авторитета, ему не придется заплатить такою же дорогою цѣною, какую заплатили и платятъ Кузнецовъ, Прыжовъ, Николаевъ, Успенскій? Не говоримъ объ участи Иванова; для тѣхъ, къ кому мы обращаемся теперь, она конечно менѣе страшна, чѣмъ участь названныхъ нами подсудимыхъ.

Но если тайныя общества послѣдняго десятилѣтія были лишены всякой внутренней силы, если для образованія ихъ необходимо было употреблять самый грубый обманъ, если они составлялись почти исключительно изъ лицъ умственно несозрѣвшихъ и находились подъ властью людей нечаевскаго типа, то нельзя ли объяснить это случайностью, которая можетъ и не повториться? Нѣтъ ли основанія предполагать, что въ русскомъ обществѣ могутъ найтись матеріалы для болѣе серьезной, болѣе обширной тайной организаціи съ политическою цѣлью? И на эти вопросы нельзя, по нашему глубокому убѣжденію, отвѣчать иначе какъ отрицательно. Тайныя общества могутъ достигать извѣстной степени развитія и силы только тогда, когда элементы для самостоятельной дѣятельности частныхъ лицъ въ сферѣ государственной жизни уже существуютъ, а возможности для открытаго проявленія этой дѣятельности еще рѣшительно нѣтъ. Въ концѣ царствованія Александра I-го передовые русскіе люди усвоили себѣ нѣкоторыя изъ западно-европейскихъ идей, познакомились съ свободными учрежденіями Франціи и

Англіи, и воспитали себя настолько, что это знакомство не могло оставаться въ нихъ мертвою буквой, какъ въ поверхностно-просвѣщенныхъ вельможахъ временъ Екатерины; между тѣмъ, для примѣненія ихъ образа мыслей къ дѣйствительной жизни не было никакихъ законныхъ путей — печать была въ младенчествѣ, отправленіе суда зависѣло отъ канцелярій, крѣпостное право было въ полной силѣ, единственными органами самоуправленія (какими — это слишкомъ извѣстно) были дворянскія собранія. Мы знаемъ, что нѣкоторые изъ декабристовъ пытались быть полезными, не сходя съ почвы закона (припомнимъ, напримѣръ, поступленіе Пущина въ члены надворнаго суда, Рылѣева—въ уголовную палату), но такія попытки, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, заранѣе были обречены на неудачу. Какъ ни тяжелъ для русской мысли послѣдующій періодъ нашей исторіи, онъ создалъ одно убѣжище для умовъ, опередившихъ развитіе общества—литературу, въ особенности періодическую. Уже въ сороковыхъ годахъ, несмотря на всѣ цензурныя стѣсненія, она выработываетъ нѣчто похожее на легальную оппозицію—а параллельно съ развитіемъ легальной оппозиціи всегда и вездѣ идетъ обратное движеніе въ области тайныхъ политическихъ организацій. Реформы послѣднихъ десяти лѣтъ произвели въ этомъ отношеніи перемѣну еще болѣе рѣшительную. Многіе изъ тѣхъ элементовъ, для которыхъ пятьдесятъ, даже двадцать лѣтъ тому назадъ было мѣсто только въ тайномъ обществѣ, находятъ теперь хоть нѣкоторый просторъ въ различныхъ сферахъ дѣятельности, признаваемой закономъ и постоянно распространяемой все дальше и дальше. Съ другой стороны, историческій опытъ доказываетъ все съ бóльшею и бóльшею ясностью невозможность или по крайней мѣрѣ безцѣльность крутыхъ переворотовъ, если они не вытекаютъ сами собою изъ измѣнившагося состоянія умовъ или изъ измѣнившагося отношенія общественныхъ силъ. Въ примѣненіи къ Россіи, тотъ же опытъ свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи матеріаловъ и условій для насильственнаго переворота. При такомъ положеніи вещей, членами тайныхъ обществъ у насъ могутъ быть только люди незнакомые съ жизнью, съ Россіей. Неужели та часть молодежи, которая до сихъ поръ почти одна поставляла изъ своихъ рядовъ рекрутъ въ тайныя общества, не убѣдится наконецъ въ безплодности жертвъ, которыхъ они ей стóютъ? Среда, въ которой столько любви къ труду, къ наукѣ, столько искренней готовности служить народу, сближаться съ нимъ, изучать его потребности и чувства, способна на нѣчто лучшее, чѣмъ на повтореніе безнадежныхъ политическихъ экспериментовъ. Работы серьезной ей предстоитъ

много; нѣтъ ни одной отрасли общественной дѣятельности, которая не нуждалась бы настоятельно въ честныхъ, свѣжихъ силахъ. Пускай же ни одна изъ этихъ силъ не отвлекается отъ своего настоящаго призванія ни недовѣріемъ, ни увлеченіемъ, слишкомъ часто зависящими одно отъ другого.

Тайное общество есть отрицаніе закона; лучшій оплотъ противъ тайныхъ обществъ — безусловное господство закона, всестороннее уваженіе къ нему, искреннее и послѣдовательное примѣненіе его ко всѣмъ областямъ общественной жизни, въ особенности къ больнымъ мѣстамъ, къ слабымъ сторонамъ ея. Нападеніе на государство, какъ и на всякій другой живой организмъ, всегда вызываетъ съ его стороны реакцію противъ нападающаго; и съ этой точки зрѣнія крутой поворотъ назадъ, вездѣ и всегда слѣдующій за крупнымъ политическимъ преступленіемъ, представляется явленіемъ совершенно естественнымъ, хотя и прискорбнымъ. Но по минованіи первыхъ тревожныхъ минутъ, движеніе впередъ, прерванное преступной попыткой, опять вступаетъ въ свои права и успокоиваетъ умы гораздо вѣрнѣе, чѣмъ продолжительное напряженіе всѣхъ карательныхъ и предупредительныхъ силъ государственной власти.

К. Арсеньевъ.

ПРЕДЪ СМЕРТЬЮ

Изъ Рюккерта *)

— Вѣрь, опять весны приходъ
Обновитъ тебя... Съ надеждой
Ждутъ лѣса, хоть бурь полетъ
Крутитъ лѣтней ихъ одеждой,—
Ждутъ всю зиму, въ тихихъ снахъ...
А съ тепломъ, какъ сокъ древесный
Хлынетъ къ почкамъ,—на вѣтвяхъ
Вновь блеснетъ нарядъ чудесный! —

«Я не мощный сынъ лѣсовъ,
Долголѣтьемъ одаренный,
Тотъ, что̀, послѣ зимнихъ сновъ,
Славитъ вновь весну, влюбленный.
Я, увы! цвѣтокъ простой...
Созданъ я лобзаньемъ мая,
И, подъ снѣжной пеленой,
Мру, безслѣдно исчезая». —

— Такъ, твой жребій—быть цвѣткомъ, —
Но, прекрасное созданье:
Сѣмя жизни есть во всемъ,
Что̀ ни зрѣетъ въ мірозданьи.
Пусть же смерти вихрь—твой прахъ
Разнесетъ рукой суровой,—
Знай, изъ праха, въ ста цвѣткахъ,
Ты воспрянешь къ жизни новой! —

*) Sterbende Blume.

«Да, какъ згину я — чередъ
Цвѣсть другимъ цвѣтамъ настанетъ...
Царство Флоры не прейдетъ,
Лишь цвѣтокъ, мелькнувши, вянетъ.
Но пускай—мой видъ, мой ликъ
Въ нихъ воскреснутъ, какъ бывало:
Весь живу я этотъ мигъ,
Въ немъ конецъ мнѣ и начало!

«Имъ въ удѣлъ—сіянье дня,
Ихъ согрѣютъ солнца очи;
Мракъ и тлѣнье для меня,
Вѣчный мракъ могильной ночи!
Ужъ теперь твой, солнце, лучъ
Вдаль привѣтъ имъ посылаетъ...
Для чего же изъ-за тучъ,
Онъ со мной еще играетъ?

«Обольщенья дней былыхъ,
О, зачѣмъ я вамъ ввѣрялся, —
Знойной нѣгой глазъ твоихъ
Такъ безумно упивался!
Не жалѣй о мнѣ! Мой путь
Безъ тебя свершу—онъ кратокъ! —
И угаснетъ какъ-нибудь
Жизни тягостный остатокъ!

«Но досады желчь — въ струю
Сладкихъ слезъ ты превратило...
Твой я! Жизнь возьми мою,
Вѣковѣчное свѣтило!
Лучъ твой снова озарилъ
Душу мнѣ, и безъ кручины —
Все, чѣмъ полно такъ я жилъ,
Вспоминаю въ часъ кончины:

«Ласки раннихъ вѣтерковъ,
На зарѣ меня качавшихъ;
Игры легкихъ мотыльковъ,
Рѣзво вкругъ меня порхавшихъ;
Нѣжность взоровъ и сердецъ,
Красотой моей плѣненныхъ, —
Все обилье, мой Творецъ,
Благъ тобой мнѣ удѣленныхъ!

«Міра тихая краса,
Средь полей манилъ я взоры,
Какъ манятъ ихъ въ небеса
Звѣздъ безчисленные хоры!
Мнѣ минуту лишь дышать,
Но ее не кончу вздохомъ —
Всей природы благодать
Я окину бодрымъ окомъ!

«Да въ твоемъ сгорю огнѣ
Животворный свѣточъ міра!
Ароматомъ, въ вышинѣ,
Испарюсь въ волнахъ эѳира!
И теперь—хваля весну,
Блескъ ея и дуновенье,
Безъ печали я усну,
Безъ надежды пробужденья!»

В. Марковъ.

НЕИЗДАННЫЯ РУКОПИСИ

П. Я. ЧААДАЕВА

Слѣдующія здѣсь письма и сочиненія Чаадаева, доселѣ еще неизданныя, переданы въ распоряженіе нашего журнала автором біографіи этого замѣчательнаго человѣка, съ которой наши читатели только-что имѣли случай познакомиться. Письма и сочиненія Чаадаева, сообщенныя намъ г. Жихаревымъ, составляютъ весьма значительную коллекцію, изъ которой мы старались выбрать все, наиболѣе интересное въ историческомъ отношеніи для объясненія личности и времени: остальное или слишкомъ отрывочно, или принадлежитъ къ совершенно личнымъ, дружескимъ и родственнымъ отношеніямъ Чаадаева, и не представляя, въ нашихъ глазахъ, общаго интереса. Впрочемъ, мы желали бы скорѣе ошибиться въ этомъ послѣднемъ, чѣмъ забыть какую-нибудь черту, нелишенную исторической важности.

Нашъ матеріалъ заключается, во-первыхъ, въ письмахъ, писанныхъ Чаадаевымъ съ тридцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ къ различнымъ его друзьямъ и знакомымъ или по дѣловымъ случаямъ, и затѣмъ, въ рядѣ отрывковъ и мыслей преимущественно по той религіозной философіи, которая всего больше его занимала, и по нѣкоторымъ предметамъ историческимъ и общественнымъ. Все это писано на русскомъ и на французскомъ, но преимущественно на послѣднемъ языкѣ, который Чаадаевъ вообще предпочиталъ. Относительно содержанія, мы не будемъ упреждать впечатлѣній читателя; довольно сказать, что въ издаваемомъ матеріалѣ найдется не мало новаго и характеристичнаго.

Мы помѣщаемъ въ началѣ—письма Чаадаева, писанныя по-русски; затѣмъ французскія письма въ переводѣ (печатаніе фраг-

цузскихъ подлинниковъ должно остаться дѣломъ особаго изданія сочиненій Чаадаева, — въ журналѣ это было бы неудобно); наконецъ, русскіе и французскіе отрывки сочиненій (послѣдніе также въ переводѣ).

Въ расположеніи писемъ, въ каждомъ ихъ отдѣлѣ, мы желали слѣдовать хронологическому порядку, и ставили въ началѣ письма съ извѣстной датой; письма, неимѣющія даты, по необходимости располагаются болѣе или менѣе случайно. Точно также мы не находимъ обозначенія времени и при отрывкахъ его сочиненій, и имѣемъ только одно, данное намъ біографомъ Чаадаева, общее указаніе, что многіе изъ этихъ отрывковъ относятся еще къ концу двадцатыхъ годовъ (1828—1830).

Вообще, многое въ сообщаемомъ здѣсь матеріалѣ должно быть предоставлено дальнѣйшимъ разъясненіямъ историковъ нашей литературы и общества.

Ред.

I.

Письма.

I. — Графу А. Хр. Бенкендорфу *).

Августа 16, 1833.

Милостивый государь, графъ Александръ Христофоровичъ!

Приношу живѣйшую благодарность вашему сіятельству за участіе, которое изволите принимать въ судьбѣ моей. Получивъ письмо ваше, чрезвычайно тронутъ былъ, увидавъ, что для собственной пользы моей вы не вручили государю императору всеподданнѣйшаго моего письма. Возвращая вашему сіятельству это самое письмо, не имѣю въ виду сдѣлать его извѣстнымъ Его Величеству, но прошу васъ только его прочесть: увѣренъ, что, прочитавъ его, убѣдитесь, что не имѣлъ безумія включить въ письмо къ государю диссертацію о дѣлахъ государственныхъ и что въ немъ не содержится ничего подобнаго на легкомысленные поступки французовъ, о которыхъ упоминаете. Мнѣніе государево для меня неоцѣненно; но и мнѣніе ваше цѣню высоко: потому и рѣшился представить письмо это на ваше сужденіе.

Позвольте только прибавить еще одно слово о томъ выраженіи, изъ котораго вы вѣроятно заключили, что въ письмѣ моемъ находятся разсужденія о дѣлахъ государственныхъ. Мнѣ кажется, что состояніе на-

---

*) Какъ настоящее письмо, такъ и всѣ нижеслѣдующія, писаны въ оригиналѣ по-русски. — *Ред.*

родной образованности не есть вещь государственная, что можно судить объ этомъ предметѣ, отнюдь не отваживаясь мѣшаться въ дѣла правительства, что каждый изъ насъ, по собственному опыту, вѣдать можетъ, какія средства въ отечествѣ его употребляются для образованія юношества, а глядя на себя, отчасти оцѣнить ихъ достоинство. Итакъ, говоря про несовершенство нашего образованія, я могъ разумѣть способъ или методу ученья нашего, которыхъ недостатковъ питаю въ себѣ сознаніе, ни мало не помышляя осуждать мѣры или дѣйствія правительства. Прошу ваше сіятельство покорнѣйше простить мнѣ это скромное прекословіе, внушенное желаніемъ оправдать себя предъ вами и уваженіемъ къ мнѣнію вашему. — Имѣю честь быть и пр.

II. — Михаилу Яковлевичу Чаадаеву.

Генваря 5, 1837.

Благодарю тебя, любезный братъ, за твое доброе участіе въ моемъ приключеніи. Я никогда не сомнѣвался въ твоей дружбѣ, но въ этомъ случаѣ мнѣ особенно пріятно было найти ей новое доказательство. Ты желаешь знать подробности этого страннаго происшествія, для того чтобъ мнѣ быть полезнымъ; напередъ тебѣ сказываю, дѣлать тутъ нечего, и тебѣ и никому другому, но вотъ какъ оно произошло. Издатель „*Телескопа*“ попался какъ-то въ руки переводъ одного моего письма, шесть лѣтъ тому назадъ написаннаго и давно уже всѣмъ извѣстнаго; онъ отдалъ его въ цензуру; цензора не знаю какъ уговорилъ пропустить; потомъ отдалъ въ печать, и тогда только увѣдомилъ меня, что печатаетъ. Я сначала не хотѣлъ тому вѣрить, но получивъ отпечатанный листъ, и видя въ самой чрезвычайности этого случая какъ бы намекъ Провидѣнія, далъ свое согласіе. Статья вышла безъ имени, но тотъ же часъ была мнѣ приписана или лучше сказать узнана, и тотъ же часъ начался крикъ. Чрезъ двѣ недѣли спустя, изданіе журнала прекращено, журналистъ и цензоръ призваны въ Петербургъ къ отвѣту; у меня, по высочайшему повелѣнію взяты бумаги, а самъ я объявленъ сумасшедшимъ. Пораженіе мое произошло 28-го октября, слѣдовательно, вотъ уже три мѣсяца какъ я сошелъ съ ума. Нынѣ издатель сосланъ въ Вологду, цензоръ отставленъ отъ должности, а я продолжаю быть сумасшедшимъ. Теперь, думаю, ясно тебѣ видно, что все произошло законнымъ порядкомъ, и что просить не о чемъ и некого.

Говорятъ, что правительство, поступивъ такимъ образомъ, думало поступить снисходительно; этому очень вѣрю, ибо нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что оно могло поступить несравненно хуже. Говорятъ также, что публика крайне была оскорблена нѣкоторыми выраженіями моего письма, и это очень можетъ статься; странно однакожъ, что сочиненіе въ продолженіи

многихъ лѣтъ читанное и перечитанное въ подлинникѣ, гдѣ разумѣется каждая мысль выражена несравненно сильнѣе, никогда никого не оскорбляло, въ слабомъ же переводѣ всѣхъ поразило! Это я думаю должно отчасти приписать дѣйствію печати: извѣстно, что печатное легче разбирать писаннаго.

Вотъ впрочемъ настоящій видъ вещи. Письмо написано было не для публики, съ которою я никогда не желалъ имѣть дѣла, и это видно изъ каждой строки онаго; вышло оно въ свѣтъ по странному случаю, въ которомъ участіе автора ничтожно; журналистъ очевидно воспользовался неопытностью автора въ дѣлахъ книгопечатанія, желая, какъ онъ самъ сказывалъ, „оживить свой дремлющій журналъ или похоронить его съ честію"; наконецъ, дѣло все принадлежитъ издателю, а не сочинителю, которому конечно не могло прійти въ голову явиться передъ публикою въ дурномъ переводѣ, въ то время какъ онъ давнымъ давно пользовался на другомъ языкѣ, и даже не въ одномъ своемъ отечествѣ, именемъ хорошаго писателя. Итакъ, правительство преслѣдуетъ не поступокъ автора, а его мнѣнія. Тутъ естественно приходитъ на мысль то обстоятельство, что эти мнѣнія, выраженныя авторомъ за шесть лѣтъ тому назадъ, можетъ быть ему вовсе теперь не принадлежатъ и что нынѣшній его образъ мыслей можетъ быть совершенно противорѣчитъ прежнимъ его мнѣніямъ, но объ этомъ, повидимому, правительство не имѣло времени подумать, и даже, въ торопяхъ, не спросило автора, признаетъ ли онъ себя авторомъ статьи или нѣтъ. Правда, что при всемъ томъ на авторѣ лежитъ отвѣтственность за согласіе, легкомысленно имъ данное, то-есть, за одни эти слова: *„пожалуй, печатайте"*; но спрашивается: могутъ ли одни эти слова составить *„corpus delicti"*, и если могутъ, то соразмѣрно ли наказаніе съ преступленіемъ? На это, думаю, отвѣчать довольно трудно.

Что касается до моего положенія, то оно теперь состоитъ въ томъ, что я долженъ довольствоваться одною прогулкою въ день и видѣть у себя ежедневно господъ медиковъ, ex officio меня навѣщающихъ. Одинъ изъ нихъ, пьяный частный штабъ-лекарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ, но теперь прекратилъ свои посѣщенія, вѣроятно по предписанію начальства. Пріятели мои посѣщаютъ меня довольно часто и нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ съ рѣдкимъ благородствомъ; но всего утѣшительнѣе для меня дружба моихъ милыхъ хозяевъ[1]). Бумагъ по сихъ поръ не возвращаютъ, и это всего мнѣ чувствительнѣе, потому что въ нихъ находятся труды всей моей жизни, все, что составляло цѣль ея. Развязки покамѣстъ не предвижу, да и признаться не разумѣю, какая тутъ можетъ быть развязка? Сказать человѣку, „ты съ ума сошелъ", не мудрено, но какъ сказать ему „ты теперь въ полномъ

[1]) Семейство Левашовыхъ.

разумѣ"? Окончательно скажу тебѣ, мой другъ, что многое потерялъ я невозвратно, что многія связи рушились, что многіе труды останутся неоконченными, и наконецъ, что земная твердость бытія моего поколеблена навѣки.

III. — Л. М. Цынскому.

1837.

Милостивый государь, Левъ Михайловичъ!

Нѣсколько словъ, написанныхъ мною вчера у вашего превосходительства о моихъ сношеніяхъ съ госпожей Пановой, мнѣ кажется недостаточны для объясненія этого обстоятельства, и потому позвольте мнѣ объяснить вамъ оное еще разъ. Я познакомился съ госпожей Пановой въ 1827 году въ подмосковной, гдѣ она и мужъ ея были мнѣ сосѣдями. Тамъ я съ нею видался часто, потому что въ безлюдствѣ находилъ въ этихъ свиданьяхъ развлеченье. На другой годъ, переселившись въ Москву, куда и они переѣхали, продолжалъ я съ нею видѣться. Въ это время господинъ Пановъ занялъ у меня 3,000 руб., и около того же времени отъ жены его получилъ я письмо, на которое отвѣчалъ тѣмъ, которое напечатано въ „Телескопѣ", но къ ней его не послалъ, потому что писалъ его довольно долго, а потомъ знакомство наше прекратилось. Между тѣмъ срокъ по векселю прошелъ, и я не получилъ ни капитала, ни процентовъ. Спустя, кажется, еще годъ, подалъ я вексель ко взысканью, и получилъ отъ госпожи Пановой другое письмо, довольно неучтивое, въ которомъ она меня упрекала въ моемъ поступкѣ. Въ 1834 году передалъ я вексель за 800 руб. купцу Лахтину. Все это время я не видался съ Пановыми и даже не зналъ, гдѣ они находятся. Прошлаго года госпожа Панова вдругъ извѣстила меня, что она здѣсь и съ легкомысліемъ объявила мнѣ, что вексель будучи заплаченъ, она желаетъ возобновить со мной знакомство, на что я отвѣчалъ, что я готовъ ее видѣть. Она пріѣхала ко мнѣ съ мужемъ, и тутъ впервые узнала о существованіи письма къ ней написаннаго и давно всѣмъ извѣстнаго. Мы въ это время еще раза два видѣлись; потомъ она уѣхала въ Нижній, и болѣе я ее не видалъ. Надобно еще знать, что прочія, такъ-называемыя мои философическія письма, написаны какъ будто къ той же женщинѣ, но что госпожа Панова объ нихъ даже не слыхала.

Что касается до того, что эта несчастная женщина теперь въ сумасшествіи говоритъ, напр., что она республиканка, что она молилась объ полякахъ, и прочій вздоръ, то я увѣренъ, что если ее спросить, говорилъ ли я когда-либо съ нею про что-либо подобное, то несмотря на свое жалкое положеніе, несмотря на то, что почитаетъ себя безсмертною, и въ припадкахъ бьетъ людей, она конечно скажетъ, что нѣтъ.

Все это пишу къ вашему превосходительству потому, что въ городѣ много говорятъ о моихъ сношеніяхъ съ нею, прибавляя разныя нелѣпости,

и потому что я, лишенный всякой ограды, не имѣю возможности защитить себя ни отъ клеветы, ни отъ злонамѣренія. Впрочемъ я убѣжденъ, что правительство не обратитъ никакого вниманія на слова безумной женщины, тѣмъ болѣе, что имѣетъ въ рукахъ мои бумаги, изъ которыхъ ясно видно, сколь мало я раздѣляю мнѣнія нынѣ бредствующихъ умствователей.

IV. — Показанія, данныя Чаадаевымъ въ 1836 году.

1836 года ноября 17 дня, во исполненіе воли вышняго начальства, противу показаній сдѣланныхъ г. Надеждинымъ, имѣю честь изъяснить нижеслѣдующее.

Я сказалъ графу С....... и господину оберъ-полиціймейстеру, что никогда не имѣлъ намѣренія, ни желанія печатать извѣстную статью, и что узналъ о печатаніи оной тогда только, когда она получила одобреніе цензора и находилась въ корректурѣ. Это и теперь подтверждаю. Вѣроятно я бы могъ и тогда еще остановить печатанье, еслибы усильно того потребовалъ. Но этого я не сдѣлалъ.

Ни прежде, ни во время печатанья я не видался съ г. Надеждинымъ, потому что онъ былъ боленъ; а видѣлся съ нимъ тогда, какъ статья была уже напечатана. Если я говорилъ о снисходительномъ расположеніи правительства въ отношеніи цензурномъ, то не основывался ни на какихъ вѣрныхъ свѣдѣніяхъ, а на статьяхъ журнальныхъ; а объ намѣреніяхъ правительства дать высказать писателямъ свои мнѣнія, конечно, ничего не говорилъ.

Справедливо то, что когда г. Надеждинъ пришелъ ко мнѣ и говорилъ о впечатлѣніи, произведенномъ статьею, и о своемъ безпокойствѣ, то я въ утѣшеніе ему сказалъ, что князь Эмиль Петровичъ Мещерскій, человѣкъ извѣстный своимъ благомысліемъ и служащій у министра просвѣщенія, взялъ у меня подлинникъ извѣстнаго письма, чего вѣроятно онъ бы не сдѣлалъ, еслибъ оно было вовсе непозволительнаго содержанія, и что я кн. Мещерскому сказалъ съ нимъ прощаясь, что онъ можетъ съ этимъ письмомъ дѣлать что ему угодно. Показывать же это письмо г. министру просвѣщенія, а еще менѣе увѣдомлять г. министра объ напечатаніи онаго въ „Телескопѣ“, князя Мещерскаго я никогда не думалъ просить и г. Надеждину объ этомъ ни слова не говорилъ.

Очень вѣроятно, что сказалъ г. Надеждину, что добрые люди за меня заступятся, потому что въ томъ былъ тогда увѣренъ; и теперь еще увѣренъ; но при этомъ никого не имѣлъ въ виду; а объ людяхъ съ голосомъ вовсе не говорилъ. Объ Тургеневѣ, который, какъ извѣстно, никакого голоса не имѣетъ, сказалъ г. Надеждину одно то, что онъ въ перепискѣ со многими въ Петербургѣ, что его вѣроятно извѣстятъ, какое

эта статья тамъ произведетъ дѣйствіе, и что я ему сообщу, чтò отъ Тургенева узнаю. Все это г. Надеждинъ страннымъ образомъ перепуталъ.

Какимъ образомъ г. Надеждину вздумалось, что я будто бы сказалъ ему, что графу Бенкендорфу извѣстны мои письма, этого я не понимаю. Вѣроятно имя графа Бенкендорфа было мною въ разговорѣ произнесено, и такъ какъ я лично знаю графа, то съ похвалою, но конечно больше ничего не было сказано.

На первый изъ послѣднихъ двухъ вопросовъ отвѣчаю, что, можетъ быть, говорилъ я, что будутъ писать въ Петербургъ, и что поэтому узнаемъ, чтó тамъ говорятъ; но изъ этого никакого другого заключенія конечно не выводилъ и никакой надежды на это не имѣлъ, потому что я совершенно зналъ, что никто мнѣній, изложенныхъ въ этой статьѣ, не раздѣляетъ.

Въ заключеніе позволю себѣ прибавить, что никто конечно болѣе меня не сожалѣетъ объ томъ, что эта статья напечатана, и никто менѣе меня не желалъ видѣть ее напечатанною.

Изъ 25 книжекъ, доставленныхъ мнѣ г. Надеждинымъ, взяты:

Ивановымъ Ивановичемъ Дмитріевымъ 1
Въ семействѣ Левашовыхъ 4
Княземъ Иваномъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ для дачи Александру Сергѣевичу Пушкину, князю Михайлѣ Петровичу Голицыну, графинѣ Сиркуръ, князю Эмилю Петровичу Мещерскому и для него самого 5
Михайлѣ Ѳедоровичу Орлову 1
Княгинѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Шаховской . . . 1
Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной 1
Александромъ .... Норовымъ 1
Николаемъ Филипповичемъ Павловымъ 1
Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ . . . 2
Съ моими бумагами . . . . 2 или 3
Г. Янишомъ 1

Сверхъ того 3 или 4, на которыхъ я сталъ-было дѣлать поправки, изорвалъ, потому что они чрезъ то сдѣлались неудобочитаемы, и нѣсколько еще взяты были со стола приходившими ко мнѣ, но которыхъ имена теперь не вспомню.

Все сіе показалъ по сущей справедливости, и если что, впослѣдствіи, сему показанію противнаго окажется, то подвергаюсь законной отвѣтственности.—Отставной гвардіи ротмистръ Петръ Яковлевъ Чаадаевъ.

V. — Неизвѣстному *).

(1844).

Въ отвѣтъ на твое письмо опишу тебѣ важное событіе, совершившееся у насъ въ литературномъ мірѣ: увѣренъ, что ничѣмъ столько тебѣ не удружу. Тебѣ извѣстна диссертація С. Мы, кажется, вмѣстѣ съ тобою ее слушали. На прошлой недѣлѣ онъ ее защищалъ всенародно. Народу было много, въ томъ числѣ, разумѣется, всѣ друзья С. обоего пола. Не знаю, какъ тебѣ выразить то живое участіе, то нетерпѣливое ожиданіе, которыя наполняли всѣхъ присутствующихъ до начатія диспута. Но вотъ молодой искатель взошелъ на каѳедру; всѣ взоры обратились на спокойное, почти торжественное его чело. Ты знаешь предметъ разсужденія. Подъ покровомъ двухъ именъ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича дѣло идетъ о томъ, возможна ли проповѣдь въ какой-либо иной церкви кромѣ православной? По этому случаю, какъ тебѣ извѣстно, онъ разрушаетъ все западное христіанство, и на его обломкахъ воздвигаетъ свое собственное, преисполненное высокимъ чувствомъ народности, и въ которомъ чудно примиряются всѣ возможныя отклоненія отъ первоначальнаго ученья Христова. Но все разсужденіе не было напечатано; онъ защищалъ только послѣднюю его часть, составляющую нѣкоторымъ образомъ особенное сочиненіе о литературномъ достоинствѣ двухъ проповѣдниковъ. О самомъ сочиненіи говорить не стану; ты отчасти его знаешь, остальное самъ прочтешь. Не имѣя возможности защищать всѣ положенія своего разсужденія, С. въ короткихъ словахъ изложилъ его содержаніе, и съ рѣдкимъ мужествомъ высказалъ передъ всѣми свой взглядъ на христіанство, плодъ долговременнаго изученія святыхъ отцовъ и исторіи церкви, проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ и поражающій особенно своею новостію. Никогда, въ томъ я увѣренъ, со времени существованія на землѣ университетовъ, молодой человѣкъ, едва оставившій скамью университетскую, не разрѣшалъ такъ удачно такихъ великихъ вопросовъ, не произносилъ съ такою властью, такъ самодержавно, такъ безкорыстно приговора надъ всѣмъ тѣмъ, что создало ту науку, ту образованность, которыми взлелѣянъ, которыми дышетъ, которыхъ языкомъ онъ говоритъ. Я былъ тронутъ до слезъ этимъ прекраснымъ торжествомъ современнаго направленія въ нашемъ отечествѣ, въ нашей боголюбивой, смиренной Москвѣ. Ни малѣйшаго замѣшательства, ни малѣйшаго стѣсненія не ощутилъ нашъ молодой ѳеологъ, рѣшая совершенно новымъ, неожиданнымъ образомъ высочайшую задачу изъ области разума и духа. И вотъ онъ кон-

*) Въ этомъ письмѣ, какъ увидитъ читатель, идетъ рѣчь о магистерскомъ диспутѣ г. Самарина, защищавшаго въ 1844 очень извѣстную диссертацію: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій, какъ проповѣдники».

чилъ и спокойно ожидаетъ возраженій, весь осѣненный какою-то высокою довѣренностью въ своей силѣ. Шопотъ удивленія распространился по обширной залѣ; нѣкоторыя женскія головы тихо преклонились передъ необыкновеннымъ человѣкомъ; друзья шептали: „чудно!“; рукоплесканья насилу воздержались. Сидѣвшій подлѣ меня одинъ изъ сообщниковъ этого торжества, сказалъ мнѣ: „voilà ce qui s'appelle une exposition claire“. Такъ какъ я не изъ числа тѣхъ, для которыхъ такъ ясно выразилась мысль оратора, то тебѣ ее и не передамъ, а стану продолжать описаніе самаго представленія.

Первый возражатель сначала сталъ опровергать теорію диспутанта о проповѣди. Она, по моему мнѣнію, довольно неосновательна, и возражатель кажется не угадалъ слабой ея стороны. Дѣло состоитъ въ томъ, что по этому ученью, ораторская рѣчь, слѣдовательно и проповѣдь, не суть художественныя произведенія; а я думаю напротивъ того, что можно бы съ бо́льшею истиною сказать, что всякое художественное произведеніе есть ораторская рѣчь или проповѣдь, въ томъ смыслѣ, что оно необходимо въ себѣ заключаетъ *слово*, чрезъ которое оно дѣйствуетъ на умы и на сердца людей, точно такъ же какъ и проповѣдь или ораторская рѣчь. Потому-то и сказалъ когда-то, что лучшія католическія проповѣди готическіе храмы, и что имъ суждено можетъ быть возвратить въ лоно церкви толпы людей, отъ нея отлучившихся. Потомъ перешелъ онъ къ одному изъ важнѣйшихъ положеній разсужденія, а именно, *что проповѣдникъ есть посредникъ между церковью и частными лицами*. Каждый, кому сколько-нибудь извѣстны главныя черты, опредѣляющія разъединенныя христіанскія исповѣданія, легко угадаетъ, откуда заимствовано это понятіе о высокомъ значеніи проповѣдника. Оно принадлежитъ тому изъ нихъ, которое въ одной проповѣди видитъ все дѣло христіанства, и само собою разумѣется, что возражатель, не имѣя возможности выразить вполнѣ своей мысли, въ невольномъ безсиліи долженъ былъ умолкнуть послѣ первыхъ двухъ словъ. Такимъ образомъ, къ общему сожалѣнію, диспутантъ не могъ тутъ явить своей силы. Впрочемъ должно замѣтить, что весь диспутъ по несчастію обращался около такихъ предметовъ, до которыхъ убѣжденія, рѣшительно противоположныя положеніямъ диспутанта, не могли дотронуться. Такъ, напр., когда возражатель обратился къ странному его мнѣнію о католической проповѣди, то онъ принужденъ былъ ограничиться нѣсколькими примѣрами духовнаго краснорѣчія западной церкви и общими мѣстами о достаточности одного христіанскаго начала для вдохновенія проповѣдника, между тѣмъ какъ ему должно было показать, что характеръ проповѣди на Западѣ нисколько не опредѣлялся догматами церкви, а самою жизнію Запада, составленной изъ множества разнородныхъ началъ, съ которыми проповѣдники должны были бороться, которымъ иногда должны были уступать, во-

торыя вызывали слово живое, непредвидѣнное, никакому общему закону неподчинявшееся; что находить въ проповѣди католической отсутствіе живого *сочувствія съ массою слушателей* до такой степени смѣшно, что не знаешь, чтó на это и сказать; что новоизобрѣтенное имъ различіе между церквами католической и православной совершенно ложно; что церковь православная столько же, сколько и католическая, требовала и требуетъ себѣ подчиненія внѣшняго; что католическая отнюдь не довольствуется одною только наружною или юридическою покорностію, а лучше только прочихъ христіанскихъ исповѣданій постигаетъ своимъ здравымъ практическимъ смысломъ человѣческую природу и необходимую въ ней связь наружнаго съ внутреннимъ, вещественнаго съ духовнымъ, формы съ существомъ; что понятіе объ этой связи прямо выводится изъ того ученья евангельскаго, которое, такъ сказать, обоготворяетъ тѣло человѣческое въ тѣлѣ Христовомъ, таинственно съ нимъ совокупляемымъ, предсказываетъ возрожденіе тѣлъ нашихъ и гласитъ устами Апостола: *или не вѣсте что тѣлеса ваша удове Христове, или не вѣсте, я котѣлеса ваша храмъ живаго святаго духа суть* (1 Кор. 6). Ко всему къ этому должно было ему еще прибавить, что церковь западная развивалась не какъ *государство*, а какъ *царство;* что смѣшно ей въ этомъ упрекать, потому что вся цѣль христіанства въ томъ и состоитъ, чтобы создать на землѣ одно царство, всѣ прочія царства въ себѣ заключающее; что непостижимо, какимъ образомъ *символизированная идея о единствѣ церкви въ лицѣ папы*, про которую впрочемъ католическая церковь ничего не вѣдаетъ, можетъ разлучить человѣчество съ церковью; что если папа въ самомъ дѣлѣ ничто иное какъ символъ единства, то очевидно, что самое единство въ немъ заключаться не можетъ, а должно находиться внѣ его, т.-е. въ человѣчествѣ; что, наконецъ, преобладаніе формы въ католицизмѣ есть ни что иное какъ жалкій бредъ протестантизма, не умѣвшаго постигнуть своимъ отрицательнымъ тупымъ понятіемъ, что однимъ разумнымъ, глубокимъ сочетаніемъ формы съ мыслію, возможно было сохранить и мысль и форму христіанства, посреди той великой борьбы всякаго рода силъ и понятій на почвѣ Европы собравшихся, которыя составляютъ новѣйшую исторію мыслящаго человѣчества.

VI. — А. И. Тургеневу.

Басманная. 15 февраля, 1845.

Вотъ письмо къ Сиркуру. Оно давнымъ давно написано, но какъ-то долго ждало попутнаго вѣтра. Изъ него узнаешь кое-что. О прочемъ съ удовольствіемъ бы къ тебѣ написалъ, несмотря на проказы вашего превосходительства, но право нѣтъ ни времени, ни силъ. Мы затопили у себя курную хату; сидимъ въ дыму; зги Божіей не видать. Самъ по-

суди, до васъ ли намъ теперь? Сиркуру, нечего дѣлать, надо было написать. Митрополитъ тебѣ кланяется. Онъ также милъ, святъ и интересенъ какъ и прежде. Ваши объ немъ безтолковые толки оставили его совершенно равнодушнымъ и не нарушили ни на минуту его прекраснаго спокойствія. О послѣдней статьѣ „Сѣятеля“ не успѣлъ еще написать Сиркуру ни слова; но вчера за обѣдомъ у К. В. Новосильцовой узналъ, что владыка и за это не гнѣвается.

VII. — И. В. Кирѣевскому.

1845, Мая.

Я очень желалъ васъ нынче у себя видѣть, любезный Иванъ Васильевичъ, чтобы съ вами прочесть рѣчи Пиля и Росселя; но такъ какъ вы вѣроятно ко мнѣ не будете, то я посылаю къ вамъ листъ *дебатовъ* съ этимъ западнымъ комеражемъ. Не знаю почему мнѣ что-то очень хочется, чтобы вы это прочли. Можетъ статься вы *спокойно* замѣтите, что въ этомъ *явленіи европейской образованности* находится *односторонняго*, и передадите впечатлѣніе ваше *безъ ненависти и пристрастія*.

VIII. — А. Е. Венцелю.

Басманная. Января 25, 1847.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Антонъ Егоровичъ, за предоброе письмо ваше. Я самъ надняхъ собирался писать къ вамъ, скажу послѣ по какому случаю, а теперь дайте поговорить съ вами о вашемъ житьѣ-бытьѣ въ Курскѣ. Неужто эта невыносимая жизнь должна продлиться? Не могу этому повѣрить. Мнѣ кажется, вамъ бы это было вредно не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ физическомъ. Я васъ прошу покорнѣйше написать мнѣ, что имѣете въ виду, какія ваши надежды и желанія. Почемъ знать, можетъ статься, какой-нибудь счастливый случай, какая-нибудь неожиданная встрѣча дадутъ мнѣ возможность вывести васъ изъ этого положенія. Стану ожидать увѣдомленія вашего, а между тѣмъ не престану искать случая служить вамъ по силамъ и по умѣнію.

Вотъ по какому случаю хотѣлъ-было писать къ вамъ. *** портрета не получалъ и на васъ гнѣвается. Я бы могъ ему дать другой, но какъ-то совѣстно навязывать свое изображеніе особенно на такого человѣка, каковъ ***. Къ тому же съ какимъ-то другимъ заблудившимся портретомъ моимъ случилось надняхъ странное приключеніе, которому *** можетъ статься не чуждъ. Въ день именинъ своихъ старый недоброжелатель мой Вигель получилъ мой портретъ съ какими-то стихами, за что благодаритъ меня на свой ладъ, приписывая мнѣ эту глупую шутку и поздравляя меня съ тѣмъ, что научился по-русски. Полно, не шутка ли это

***? Если вы портрета ему назначеннаго не увозили, то такимъ образомъ загадка могла бы разъясниться. Вотъ впрочемъ послѣднія слова письма моего, изъ которыхъ вамъ немудрено будетъ заключить о содержаніи всего письма:

„Въ заключеніе не могу не выразить надежды, что русскій складъ „этихъ строкъ, написанныхъ родовымъ русскимъ, васъ не изумитъ, и „что вы пожелаете еще болѣе сродниться съ благороднымъ русскимъ пле„менемъ, для того чтобы и себѣ усвоить этотъ складъ".

*** зналъ я лѣтъ десять тому назадъ; съ тѣхъ поръ совершенно потерялъ изъ виду и очень желалъ бы знать, въ какомъ теперь находится положеніи. Онъ много обѣщалъ; особенно любилъ я его за строгую послѣдовательность ума, столь рѣдкую между нами. Что-то изъ этого вышло? Сколько людей даровитыхъ, съ златыми надеждами, съ пышными обѣщаніями, прошло мимо меня, которымъ съ любовью подавалъ руку, и скрылось въ туманной неизвѣстности, несмотря на безчисленное множество путей къ достиженію всѣхъ прекрасныхъ цѣлей жизни, проложенныхъ по землѣ русской, несмотря на мудрые законы, подъ сѣнью которыхъ мы благоденствуемъ, несмотря на благодатныя вѣрованія, насъ озаряющія! Грустно подумать, какъ мы, счастливые избранники Провидѣнія, мало умѣемъ пользоваться всѣми благами, щедрою его рукою излитыми на благополучную страну нашу! Если увидите ***, то поклонитесь ему отъ меня и узнайте, какъ на свѣтѣ пробивается. Но пуще всего пишите о себѣ, чего желаете, чего надѣетесь. Иной радости, иного утѣшенія давно въ жизни не вѣдаю, кромѣ того какъ любить меня любящихъ и по возможности служить имъ.

Не стану увѣрять васъ въ дружбѣ своей и преданности, въ которыхъ конечно не сомнѣваетесь.

IX. — *Князю П. А. Вяземскому* *).

Басманная. Апрѣля 29, 1847.

Спасибо, любезный князь, за ваше милое письмо. Дѣло К. постараемся сами устроить, а васъ все-таки благодаримъ за ваше участіе. Съ вашимъ сужденіемъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ я не совершенно согласенъ, хотя впрочемъ вы во многомъ и правы. Что мы умны, въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія, но чтобъ въ умѣ нашемъ вовсе не было проку, съ этимъ никакъ не могу согласиться. Неужто надо непремѣнно дѣлать дѣла, чтобы дѣлать дѣло? Конечно, можно дѣлать и то и другое, но изъ этого не

*) Это письмо было уже напечатано дважды: въ «Моск. Универс. Благор. Пансіонѣ» Н. Сушкова (1858) и въ Р. Архивѣ (1866). Мы помѣщаемъ его, какъ по интересу содержанія, такъ и для того, чтобы по возможности соединить разбросанный матеріалъ. — *Ред.*

слѣдуетъ, чтобы мысль, и не выразившаяся еще въ жизни, не могла быть вещь очень дѣльная. Настанетъ время, она явится и тамъ. Развѣ люди живутъ въ однихъ только департаментахъ да канцеляріяхъ? Вы скажете, что мысли наши не только не проявляются въ жизни, но и не высказываются на бумагѣ. Чтожъ дѣлать? Знать грамотка намъ не далась. Но за то, еслибъ послушали наши толки! Нѣтъ такого современнаго или несовременнаго вопроса, котораго бы мы не рѣшили, и все это въ честь и во славу святой Руси. Повѣрьте, въ нашихъ толкахъ очень много толка. Міръ всплеснетъ руками, когда все это явится на свѣтъ дневной. Но поговоримъ лучше о дѣлѣ, и вамъ и намъ общемъ.

У васъ, слышно, радуются книгою Гоголя, а у насъ, напротивъ того, очень ею недовольны. Это, я думаю, происходитъ оттого, что мы болѣе вашего были пристрастны къ автору. Онъ насъ немножко обманулъ, вотъ почему мы на него сердимся. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что всего любопытнѣе въ этомъ случаѣ не самъ Гоголь, а то, что̀ его такимъ сотворило, какимъ онъ теперь предъ нами явился. Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время, напыщенное народною спѣсью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобъ голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство искони въ обычаѣ, гдѣ оно, такъ сказать, по неволѣ вышло изъ событій историческихъ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, тамъ оно по этому самому принадлежитъ толпѣ и на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не можетъ; у насъ же слабость эта вдругъ развернулась, на перекоръ всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ вѣковыхъ привычекъ и понятій, самымъ неожиданнымъ образомъ, такъ что всѣхъ застала въ расплохъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено ли, что и люди, одаренные дарами необыкновенными, отъ нея дурѣютъ! Стóитъ только посмотрѣть около себя, сейчасъ увидишь какъ это народное чванство, намъ доселѣ чуждое, вдругъ изуродовало лучшіе умы наши, въ какомъ самодовольномъ упоеніи они утопаютъ съ тѣхъ поръ, какъ совершили свой мнимый подвигъ, какъ открыли свой новый міръ ума и духа. Видно не глубоко врѣзаны въ душахъ нашихъ завѣты старины разумной; давно ли, повинуясь своенравной волѣ великаго человѣка, нарушили мы ихъ, предъ лицемъ всего міра, и вотъ вновь нарушаемъ, повинуясь какому-то народному чувству, Богъ вѣсть откуда къ намъ занесенному?

Недостатки книги Гоголя принадлежатъ не ему, а тѣмъ, которые превоз-

носятъ его до безумія, которые преклоняются предъ нимъ, какъ предъ высшимъ проявленіемъ самобытнаго русскаго ума, которые ожидаютъ отъ него какого-то преображенія русскаго слова, которые налагаютъ на него чуть не всемірное значеніе, которые наконецъ навязали на него тотъ гордый, несродный ему патріотизмъ, которымъ сами заражены, и такимъ образомъ задали ему задачу неразрѣшимую, задачу невозможнаго примиренія добра со зломъ: достоинства же ея принадлежатъ ему самому. Смиреніе, насколько его есть въ его книгѣ, плодъ новаго направленія автора; гордость, въ немъ проявившаяся, привита ему его друзьями. Это онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ кн. Львову [1]), написанному по случаю этой книги. Разумѣется, онъ родился не вовсе безъ гордости, но все-таки главная бѣда произошла отъ его поклонниковъ. Я говорю въ особенности о его московскихъ поклонникахъ. Но знаете ли, откуда взялось у насъ на Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло оттого, что намъ понадобился писатель, котораго бы могли поставить на ряду со всѣми великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ иныхъ писателей настоящаго времени и прошлаго. Это странно, но это сущая правда. Этихъ поклонниковъ я знаю коротко, я ихъ люблю и уважаю, они люди умные, хорошіе; но имъ надо во что бы то ни стало возвысить нашу скромную богомольную Русь надъ всѣми странами въ мірѣ, имъ непремѣнно захотѣлось себя и всѣхъ другихъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашелся, на первый случай, такой крошечный наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса, и вслухъ и на ухо; а онъ, какъ простодушный, довѣрчивый поэтъ, имъ и повѣрилъ. Къ счастію его и къ счастію русскаго слова, въ немъ таился, какъ я выше сказалъ, зародышъ той самой гордости, которую въ немъ силились развить ихъ хваленія. Хваленіями ихъ онъ пресыщался, но къ самимъ этимъ людямъ онъ не питалъ ни малѣйшаго уваженія. Это можете видѣть изъ этой же книги и выражается въ его разговорѣ на каждомъ словѣ. Отъ этого родилось въ немъ какое-то тревожное чувство къ самому себѣ, усиленное сначала болѣзненнымъ его состояніемъ, а потомъ новымъ направленіемъ, имъ принятымъ, быть можетъ какъ убѣжищемъ отъ преслѣдующей его грусти, отъ тяжкаго, неисполнимаго урока, ему заданнаго современными причудами. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ эти причуды не сбили его съ толку, еслибъ онъ продолжалъ идти своимъ путемъ, то достигъ бы чудной высоты; но теперь, Богъ знаетъ, куда заведутъ его друзья, какъ вынесетъ онъ бремя ихъ гордыхъ ожиданій, неразумныхъ внушеній и неумѣренныхъ похвалъ!

У насъ, въ Москвѣ, между прочимъ, вообразили себѣ, что новымъ направленіемъ своимъ обязанъ онъ такъ-называемому Западу, странѣ,

[1]) Кн. В. В. Львовъ.

гдѣ онъ теперь пребываетъ, іезуитамъ. На этой счастливой мысли остановился нашъ замысловатый пріятель въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" [1], и вѣроятно разовьетъ ее въ слѣдующемъ письмѣ съ обычнымъ своимъ остроуміемъ. Но іезуитство, такъ какъ его разумѣютъ эти господа, существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣческій; за нимъ нечего ходить въ чужбину, его найдешь и около себя, и даже въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые въ немъ укоряютъ бѣднаго Гоголя. Оно состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться всѣми возможными средствами для достиженія своей цѣли, а это видано вездѣ. Для этого не только не нужно быть іезуитомъ, но и не надо вѣрить въ Бога; стоитъ только убѣдиться, что намъ нужно прослыть или добрымъ христіаниномъ, или честнымъ человѣкомъ, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Въ Гоголѣ ничего нѣтъ подобнаго. Онъ слишкомъ спѣсивъ, слишкомъ откровененъ, откровененъ иногда даже до цинизма, однимъ словомъ, онъ слишкомъ неловокъ, чтобы быть іезуитомъ. Нѣкоторые изъ его порицателей особенно отличаются своею ловкостію, искусствомъ промышлять всѣмъ, что попадется имъ подъ руки, и въ этомъ отношеніи они совершенные іезуиты. Онъ больше ничего какъ даровитый писатель, котораго черезъ мѣру возвеличили, который попалъ на новый путь и не знаетъ, какъ съ нимъ сладить. Но все-таки онъ тотъ же самый человѣкъ, какимъ мы и прежде его знали, и все-таки онъ, и въ томъ болѣзненномъ состояніи души и тѣла, въ которомъ находится, стократъ выше всѣхъ своихъ порицателей, и когда захочетъ, то сокрушитъ ихъ однимъ словомъ и размечетъ какъ быліе непотребное.

Эти строки были написаны до полученія вашей книжечки [2]); съ тѣхъ поръ былъ я боленъ и не могъ писать. Благодарю за присылку. Не стану переначинать письма, а скажу вамъ въ двухъ словахъ, какъ сумѣю, свое мнѣніе о вашей статьѣ. Вамъ вѣроятно, извѣстно, что на нее здѣсь очень гнѣваются. Разумѣется, въ этомъ гнѣвѣ я не участвую. Я увѣренъ, что если вы не выставили всѣхъ недостатковъ книги, то это потому, что они и безъ того достаточно были выказаны другими. Вамъ, кажется, всего болѣе хотѣлось показать ея важность въ нравственномъ отношеніи и необходимость оборота, происшедшаго въ мысляхъ автора, и это, по моему мнѣнію, вы исполнили прекрасно. Что теперь ни скажутъ о вашей статьѣ, она останется въ памяти читающихъ и мыслящихъ людей какъ самое честное и дѣльное слово, произнесенное объ этой книгѣ. Все, что ни было о ней сказано другими, преисполнено какою-то странною злобою противъ автора. Ему какъ будто не могутъ простить, что веселивши насъ столько времени своею умною шуткою, ему разъ вздумалось поговорить съ нами не смѣясь; что съ нимъ случилось то, что ежедневно случается въ кругу обыкновенной жизни съ людьми, менѣе извѣст-

---

[1]) Н. Ф. Павловъ.

[2]) Брошюра кн. Вяземскаго: «Языковъ—Гоголь».

ными, и что онъ осмѣлился намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычаю писателей, питающихъ сознаніе своего значенія. Позабываютъ, что писатель, и писатель столь извѣстный, не частный человѣкъ; что скрыть ему свои новыя, задушевныя чувства было невозможно и не должно; что онъ не однимъ словомъ своимъ, но и всей своей душою принадлежитъ тому народу, которому посвятилъ даръ, свыше ему данный; позабываютъ, что при нѣкоторыхъ страницахъ слабыхъ, а иныхъ и даже очень грѣшныхъ, въ книгѣ его находятся страницы красоты изумительной, страницы такія, что, читая ихъ, радуешься, что говоришь на томъ языкѣ, на которомъ такія вещи говорятся. Вы одни относитесь съ любовью о книгѣ и авторѣ: спасибо вамъ. День ото дня, источникъ любви у насъ изсякаетъ, по крайней мѣрѣ въ мірѣ печатномъ; итакъ, спасибо вамъ еще разъ. На меня находитъ невыразимая грусть, когда вижу всю эту злобу, возникшую на любимаго писателя, доставившаго намъ столько полезныхъ радостей, за то только, что пересталъ насъ тѣшить и съ чувствомъ скорби и убѣжденія исповѣдается предъ нами, и старается по силамъ сказать намъ доброе и поучительное слово. Все, что мнѣ бы хотѣлось сказать вамъ на этотъ счетъ, вы отчасти уже сами сказали несравненно лучше, чѣмъ бы мнѣ удалось то же выразить, особенно на языкѣ, которымъ такъ безсильно владѣю; но одно, о чемъ намекалъ уже въ первыхъ своихъ строкахъ, кажется вы упустили изъ вида, а именно, высокомѣрный тонъ этихъ писемъ. Я уже сказалъ, какому вліянію его приписываю, но нельзя же однако и самого Гоголя въ немъ совершенно оправдать, особенно при томъ духовномъ стремленіи, которое въ книгѣ его обнаруживается. Это вещь, по моему мнѣнію, очень важная. Мы искони были люди смирные и умы смиренные; такъ воспитала насъ наша церковь, единственная наставница наша. Горе намъ, если измѣнимъ ея мудрому ученью. Ему обязаны мы всѣми лучшими народными свойствами своими, своимъ величіемъ, всѣмъ тѣмъ, что отличаетъ насъ отъ прочихъ народовъ и творитъ судьбы наши. Къ сожалѣнію, новое направленіе избраннѣйшихъ умовъ нашихъ именно къ тому клонится, и нельзя не признаться, что и нашъ милый Гоголь, тотъ самый, который такъ рѣзко высказалъ намъ нашу грѣшную сторону, этому вліянію подчинился. Пути наши не тѣ, по которымъ странствуютъ прочіе народы; въ свое время мы конечно достигнемъ всего благого, изъ чего бьется родъ человѣческій, а можетъ быть, руководимые святою вѣрою нашею, и первые узримъ цѣль, Богомъ ему предназначенную; но по сію пору мы еще столь мало содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, смыслъ значенія нашего въ мірѣ еще такъ глубоко таится въ сокровеніяхъ Провидѣнія, что безумно было бы намъ величаться предъ старшими братьями нашими. Они не лучше насъ, но они опытнѣе насъ. Ваша дѣловая петербургская жизнь заглушаетъ васъ; вамъ не все слышно, что гласится на землѣ русской. Прислушайтесь къ глаголамъ нашимъ; они повѣдаютъ вамъ дивныя

вещи. Въ первой половинѣ статьи вашей вы сказали нѣсколько разум-ныхъ словъ о нашей новоизобрѣтенной народности, но ни слова не упо-мянули о томъ, какъ мы невольно стремимся къ искаженію народнаго своего характера. Помыслите объ этомъ. Неповѣрите, до какой степени люди въ краю нашемъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ облеклись эти народною гордынею, невѣдомой боголюбивымъ отцамъ нашимъ. Вотъ что меня всего болѣе поразило въ книгѣ Гоголя, и чего вы, кажется, не замѣтили. Во всемъ прочемъ, съ вами заодно. Поклонитесь Тютчевымъ, княгинѣ сердечный мой поклонъ; сыну вашему une bonne poignée de main.

X. — А. С. Хомякову (безъ означенія времени).

Позвольте, любезный Алексѣй Степановичъ, прежде нежели мнѣ удастся мнѣ изустно поблагодарить васъ за вашего Ѳеодора Ивано-вича, сотворить это письменно. Всегда спѣшу выразить чувство, воз-бужденное во мнѣ благимъ явленіемъ. Разумѣется, я не во всемъ съ вами согласенъ. Не вѣрю, напр., чтобы царствованіе Ѳеодора столько и было счастливо безъ Годунова, сколько оно было при немъ; не вѣрю и тому, чтобъ учрежденіе въ Россіи патріаршества было плодомъ какой-то умственной возмужалости нашихъ предковъ, и думаю, что гораздо естественнѣе его приписать упадку или изнеможенію церквей восточ-ныхъ подъ игомъ Агарянъ и честолюбію Годунова; но дѣло не въ томъ, а въ прекрасномъ нравственномъ направленіи всей статьи. Такимъ обра-зомъ позволено искажать исторію, особенно если пишешь для дѣтей. Спасибо вамъ за клеймо, положенное вами на преступное чело царя[1], развратителя своего народа, спасибо за то, что вы въ бѣдствіяхъ, по-стигшихъ послѣ него Россію, узнали его наслѣдіе. Я увѣренъ, что и просторѣ вы бы нашли слѣды его нашествія и въ дальнѣйшемъ отъ него разстояніи. Въ наше, народною спѣсью околдованное время, утѣ-шительно встрѣтить строгое слово объ этомъ славномъ витязѣ славнаго прошлаго, произнесенное однимъ изъ умнѣйшихъ представителей совре-меннаго стремленія. Разногласіе ваше въ этомъ случаѣ съ вашими по-борниками подаетъ мнѣ самыя сладкія надежды. Я увѣренъ, что вы со временемъ убѣдитесь и въ томъ, что точно также, какъ кесари римскіе возможны были въ одномъ языческомъ Римѣ, такъ и это чудовище воз-можно было въ той странѣ, гдѣ оно явилось. Потомъ останется только показать прямое его исхожденіе изъ нашей народной жизни, изъ того семейнаго, общиннаго быта, который ставитъ насъ выше всѣхъ народовъ въ мірѣ, и къ возвращенію котораго мы всѣми силами должны стре-миться. Въ ожиданіи этого вывода, — не возврата, — благодарю васъ еще разъ за вашу статью, доставившую мнѣ истинное наслажденіе, и затѣйливою мыслію, и изящнымъ слогомъ, и духомъ христіанскимъ

[1]) Грозный.

XI. — А. С. Хомякову.

Басманная. 26-го сентября.

Посылаю вамъ, dear sir, тетрадь полученную мною отъ неизвѣстнаго лица для отосланія къ вамъ. Вамъ, думаю, не трудно будетъ угадать привѣтное перо, такъ удачно высказавшее ваши собственныя сочувствія. Не знаю, почему сочинитель избралъ меня проводникомъ своихъ задушевныхъ изліяній, но благодарю его за то, что считаетъ меня вашимъ добрымъ пріятелемъ. Разумѣется, приписка и письмо одного мастера. Изъ этой приписки вижу, что онъ предполагаетъ меня раздѣляющимъ его мысли, и въ этомъ онъ не ошибся. Не менѣе его гнушаюсь тѣмъ, что дѣлается *въ такъ-называемой Европѣ;* не менѣе его убѣжденъ, что *будущее* принадлежитъ молодецкому племени, котораго онъ заслуженный, достойный представитель, котораго отличительная черта *благородство безъ хвастовства въ побѣдѣ*, черта, столь явно выразившаяся въ настоящую минуту. Въ одномъ только не могу съ нимъ согласиться, а именно, что *намъ не нужно заниматься Европой, что намъ должно оставить о ней попеченіе.* Я полагаю напротивъ того, что попеченіе наше о ней теперь необходимо, что намъ очень нужно ей теперь заняться. Такъ вѣроятно думалъ и тотъ, который увѣнчалъ насъ новой, славной побѣдой. Не знаю, какъ сочинитель письма не замѣтилъ, что еслибъ мы не занимались Европой, то насъ бы не было въ Венгріи, то мятежъ не былъ бы укрощенъ, то Венгрія не была бы у ногъ русскаго Царя, великодушный Банъ находился бы теперь очень въ непріятномъ положеніи, общая ваша пріятельница была бы въ глубокомъ горѣ, и наконецъ, мы не имѣли-бъ случая обнаружить своего въ торжествѣ смиренія. Въ томъ совершенно согласенъ съ вашимъ почтеннымъ сочувственникомъ, что Европа намъ завидуетъ, и увѣренъ, что еслибъ лучше насъ знала, еслибъ видѣла, какъ благоденствуемъ у себя дома, то еще пуще стала бы завидовать, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ намъ должно было оставить о ней попеченіе. Вражда ея не должна насъ лишать нашего высокаго призванія спасти порядокъ, возвратить народамъ покой, научить ихъ повиноваться властямъ такъ, какъ мы сами имъ повинуемся, однимъ словомъ внести въ міръ, преданный безначалію, наше спасительное *начало.* Я увѣренъ, что въ этомъ случаѣ вы совершенно раздѣляете мое мнѣніе и не захотите, чтобъ Россія отказалась отъ своего назначенія, указаннаго ей и царемъ небеснымъ, и царемъ земнымъ: я даже думаю, что въ настоящее время вы бы не стали звать одну

милость Господню на Западной край,

а пожелали-бъ нашимъ союзнымъ братіямъ еще и иныхъ благъ.

Не знаю почему, заключая, чувствую непреодолимую потребность выписать слѣдующія строки изъ послѣдняго слова нашего митрополита:

„Возвышеніе путей нашихъ въ очахъ нашихъ есть уклоненіе отъ пути Божія хотя, бы мы на немъ и находились".

Сердечно вамъ преданный и пр.

XII.—М. П. Погодину.

Милостивый государь Михаилъ Петровичъ.

Благодарю васъ за лестное приглашеніе участвовать въ изданіи „Москвитянина". Не почитаю себя въ правѣ отказаться, но долженъ вамъ напомнить, что имя мое, хотя и мало извѣстное въ литературномъ мірѣ, считалось по сіе время принадлежащимъ мнѣніямъ, не совершенно согласнымъ съ мнѣніями „Москвитянина". Если принятіемъ меня въ ваши сотрудники вы желаете обнаружить стремленіе менѣе исключительное, то мнѣ пріятно будетъ по силамъ сопутствовать вашему журналу. Я полагаю, что приглашая меня, вы имѣли это въ виду, и что объявленіе ваше будетъ написано въ этомъ смыслѣ. Примиренія съ противоположными мнѣніями, въ наше спѣсивое время, ожидать нельзя, но менѣе исключительности вообще и болѣе простора въ мысляхъ, я думаю, можно пожелать. Мысль или сила, которая должна произвесть сочетаніе всѣхъ разногласныхъ понятій о жизни народной и о ея законахъ, можетъ быть, уже таится въ современномъ духѣ, и можетъ статься, какъ и прежде бывало, возникнетъ изъ той страны, откуда ее вовсе не ожидаютъ; но до той поры, пока не настанетъ часъ ея появленія, всякое честное мнѣніе, каждый чистый и свѣтлый умъ, должны молить объ этомъ сочетаніи и вызывать его всѣми силами. *Умѣренность*, *терпимость* и *любовь* ко всему доброму, умному, хорошему, въ какомъ бы цвѣтѣ оно ни явилось, вотъ мое исповѣданіе: оно, вѣроятно, будетъ и исповѣданіемъ возобновленнаго „Москвитянина".

Что касается до воспоминаній о Пушкинѣ, то не знаю, успѣю ли съ ними сладить во̀ время. Очень знаешь, что̀ объ немъ сказать, но какъ быть съ тѣмъ, чего нельзя сказать? Здоровье мое плохо, но за доброю волею дѣло не станетъ.

XIII.—Выписка изъ письма къ С. П. Шевыреву.

Вы конечно замѣтили, что описывая молодость Пушкина и года, проведенные имъ въ лицеѣ, авторъ статей ни слова не упоминаетъ обо мнѣ, хотя въ то же время и выписываетъ нѣсколько стиховъ изъ его посланія ко мнѣ, и даже намекаетъ на извѣстное приключеніе въ его жизни, въ которомъ я имѣлъ участіе, но приписывая это участіе исключительно другому лицу. Признаюсь, это умышленное забвеніе отношеній моихъ къ Пушкину глубоко тронуло меня. Давно ли не стало его, и вотъ какъ правдолюбивое потомство, въ угодность своимъ взглядамъ, чтитъ (хранитъ) преданіе о немъ! Пушкинъ *гордился дружбою моею,* онъ гово-

ритъ, что *я спасъ отъ гибели его и его чувства, что я воспламенялъ въ немъ любовь къ высокому*, а г. *** находитъ, что до этого никому нѣтъ дѣла, полагая вѣроятно, что обращенное потомство вмѣсто стиховъ Пушкина будетъ читать его *матеріалы*. Надѣюсь однакожъ, что будущіе біографы поэта заглянутъ и въ его стихотворенія.

Не пустое тщеславіе побуждаетъ меня говорить о себѣ, но уваженіе къ памяти Пушкина, котораго дружба принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самаго безпредѣльнаго поклоненія прошедшему и будущему. Я увѣренъ, что настанетъ время, когда и у насъ всему и каждому воздастся должное, но между тѣмъ, нельзя же видѣть равнодушно, какъ современники прячутъ правду отъ потомковъ. Никому, кажется, нельзя лучше васъ въ этомъ случаѣ заступиться за истину и за минувшее поколѣніе, котораго теплоту и безкорыстіе сохраняете въ душѣ своей; но если думате, что мнѣ самому должно взяться за покинутое перо, то послѣдую вашему совѣту au risque de fournir a M-r *** une nouvelle preuve du peu d'importance qu'il faut attacher à l'amitié que m'accordait Pouchkine.

Написавъ эти строки, узналъ, что г. *** оправдываетъ себя тѣмъ, что, говоря о лицейскихъ годахъ друга моего, онъ не полагалъ нужнымъ говорить о его отношеніяхъ ко мнѣ, предоставляя себѣ упомянуть о нихъ въ послѣдующихъ статьяхъ. Но неужто г. *** думаетъ, что встрѣча Пушкина, въ то время, когда его могучія силы только-что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго онъ впослѣдствіи назвалъ лучшимъ своимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на ихъ развитіе? Если не ошибаюсь, то познаніе сердца человѣческаго есть одно изъ первыхъ условій біографа.

XIV.—Ф. Ф. Вигелю (1847 г.).

М. г. Филиппъ Филипповичъ *).

Портрета своего я вамъ не посылалъ и стиховъ не пишу, но благодаренъ своему неизвѣстному пріятелю, доставившему мнѣ случай получить ваше милое письмо. Этотъ неизвѣстный пріятель, сколько могу судить по словамъ вашимъ, выражаетъ собственныя мои чувства. Я всегда умѣлъ цѣнить прекрасныя свойства души вашей, пріятный умъ вашъ, многолюбивое ваше сердце. Теплую любовь къ нашему славному отечеству я чтилъ всегда и во всѣхъ, но особенно въ тѣхъ лицахъ, которыхъ, какъ васъ, общій голосъ называетъ достойными его сынами. Однимъ словомъ, я всегда думалъ, что вы составляете прекрасное исключеніе изъ числа тѣхъ самозванцевъ русскаго имени, которыхъ притязаніе

*) См. упоминаніе объ этомъ письмѣ въ помѣщенномъ выше письмѣ къ Венцелю.

насъ оскорбляетъ или смѣшитъ. Изъ этого можете заключить, что долгъ христіанина, въ отношеніи къ вамъ, мнѣ бы не трудно было исполнить. Сочинитель стиховъ вѣроятно это зналъ и передалъ вамъ мои мысли, не знаю впрочемъ съ какою цѣлью; но все-таки не могу присвоить себѣ что вы пишете, тѣмъ болѣе, что о содержаніи стиховъ могу только догадываться изъ словъ вашихъ. Что касается до желанія одной почтенной дамы, о которомъ вы говорите, то съ удовольствіемъ бы его исполнилъ, еслибъ зналъ ея имя.

Въ заключеніе не могу не выразить надежды, что русскій складъ этихъ строкъ, написанныхъ родовымъ русскимъ, васъ не удивитъ, и что вы пожелаете еще болѣе сродниться съ благороднымъ русскимъ племенемъ, чтобы и себѣ усвоить этотъ складъ.

Прошу васъ покорнѣйше принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи и совершенной моей преданности.

XV. — Ф. Ф. Вигелю.

М. г. Филиппъ Филипповичъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вы изволили переселиться въ Москву, я не переставалъ оказывать вамъ самое дружеское расположеніе, слѣдуя тому спасительному ученью, которое предписываетъ намъ любить враговъ нашихъ. Обращеніе мое съ вами нерѣдко навлекало на меня упреки моихъ пріятелей, которые единогласно мнѣ предсказывали, что этимъ не избѣгну какого-нибудь новаго доказательства вашего недоброжелательства. Это предсказаніе, кажется, сбылось. Вы, слышалъ я, вездѣ говорите и повторяете, что я на васъ *„навязываюсь“*. Позвольте же, не переставая любить васъ, съ вами развязаться.

Люди ищутъ пріязни другихъ людей или изъ какихъ-нибудь вещественныхъ выгодъ, или съ тѣмъ, чтобы насладиться ихъ прекрасными душевными или умственными свойствами, или наконецъ для того, чтобы стать подъ сѣнь ихъ добраго имени. Которая же, по вашему мнѣнію, изъ этихъ причинъ заставляетъ меня искать вашего благорасположенія? Какими вещественными выгодами можете вы меня надѣлить? Кого, скажите, могутъ привлечь прекрасныя ваши свойства? Признайтесь, что вамъ самому показалось бы смѣшно, еслибъ кому-нибудь вздумалось не шутя говорить вамъ о томъ уваженіи, которымъ вы пользуетесь въ обществѣ. Итакъ, я просто исполнялъ долгъ христіанскій, платя добромъ за зло. Къ сожалѣнію моему, исполненіе этого долга вы сдѣлали почти невозможнымъ. Не прогнѣвайтесь же, если мое доброжелательство къ вамъ выразится теперь инымъ образомъ; если, для собственной пользы вашей, для вашего поученья, я дамъ этому письму нѣкоторую гласность. Это кажется лучшее средство вывести васъ изъ заблужденія.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ.

1860—1870 гг.

III *).

Относительно состава городской думы и ея отношеній къ исполнительной власти, въ ст. 48-й Городового Положенія говорится, что дума состоитъ подъ предсѣдательствомъ городского головы изъ гласныхъ, избранныхъ въ избирательныхъ собраніяхъ. Число гласныхъ опредѣляется числомъ избирателей. Если общее число жителей, пользующихся правомъ голоса, не превышаетъ трехъ-сотъ, то число гласныхъ въ думѣ опредѣлено въ тридцать человѣкъ, гдѣ же оно болѣе, то на каждыхъ сто-пятьдесятъ человѣкъ прибавляется по пяти гласныхъ, пока общее число гласныхъ не достигнетъ семидесяти двухъ. Такимъ образомъ, наименьшее число гласныхъ есть тридцать, наибольшее—семьдесятъ два.

Въ объясненіи къ этой статьѣ сказано, что менѣе тридцати гласныхъ нельзя назначить, потому что треть гласныхъ должна составлять законное собраніе думы, и при явкѣ 10-ти человѣкъ общественныя дѣла могутъ рѣшаться только 6-ю голосами. Стало быть, меньшее число гласныхъ назначать было неудобно. Мы готовы вполнѣ согласиться съ этимъ соображеніемъ и можемъ пожалѣть только о томъ, что оно не было въ виду при составленіи „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“, и что въ настоящее время, когда неудобство мéньшаго количества гласныхъ вполнѣ сознано, законъ, опредѣляющій въ 122-хъ земскихъ собраніяхъ число гласныхъ менѣе 30-ти, остается въ своей силѣ. Чтожъ касается до опредѣленія наибольшаго количества гласныхъ, то мы не можемъ согласиться съ соображеніями, которыя изложены

---

*) См. выше, окт. 880 стр.

въ объясненіяхъ. Доказательствомъ достаточности этого числа ди самыхъ значительныхъ городовъ приводится то обстоятельство, что общая городская дума въ городѣ Одессѣ состоитъ всего изъ 75-и гласныхъ. Признаемся, подобная аргументація насъ очень удиви. Чтобъ такое доказательство было убѣдительно, необходимо признать вполнѣ безспорнымъ, что въ управленіи города Одессы существуетъ идеальный порядокъ и что онъ признается за таковой не только самими жителями города Одессы, но и всѣмъ образованнымъ міромъ. Но такъ какъ этой увѣренности или даже вѣроятности нѣтъ, то мы можемъ смѣло сказать, что достаточность этой цифры ничѣмъ не доказана.

Мы, съ своей стороны, считаемъ такую цифру совершенно произвольною и для многихъ городовъ слишкомъ малою. Дума имѣетъ право безконтрольнаго распоряженія средствами города, она можетъ облагать городскихъ жителей налогами, вводить обязательныя правила по отношенію къ благоустройству и общественной гигіенѣ, отчуждать и пріобрѣтать недвижимую собственность. Самыя непроизводительныя траты, основанныя на ея распоряженіи, не могутъ встрѣтить никакого отпора со стороны избирателей. И во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, хотя бы они клонились къ явной выгодѣ только нѣкоторыхъ лицъ и къ явному ущербу города, гласные не подлежатъ никакой личной отвѣтственности. Если въ городѣ, гдѣ число жителей простирается до 50-ти и болѣе тысячъ, 24 человѣка могутъ составить законное собраніе, въ которомъ 13 человѣкъ могутъ сдѣлать обязательное для города постановленіе, то легко себѣ представить, какія злоупотребленія становятся возможными.

Доходы города Саратова, напримѣръ, простираются до 400-тъ т. руб. и онъ имѣетъ милліонъ руб. капитала и до 70-ти т. десятинъ земли. Многіе другіе города имѣютъ то же значительныя средства. Мудрено ли согласиться 13-ти или даже 20-ти человѣкамъ, чтобъ дѣйствовать въ своихъ личныхъ интересахъ,—и это въ теченіи 4-хъ лѣтъ. Намъ скажутъ, что городской голова съ управою могутъ остановить исполненіе невыгодныхъ постановленій, но городской голова и управа могутъ быть въ числѣ этихъ 13-ти или 20-ти человѣкъ.

Одна возможность подобнаго предположенія указываетъ прямо, что безконтрольное распоряженіе средствами городовъ безъ серьезной опасности не можетъ быть предоставлено такому ничтожному числу людей, даже и при бóльшихъ гарантіяхъ правильности выбора. При такомъ же порядкѣ, который вводится новымъ закономъ, мы ничѣмъ не обезпечены отъ печальныхъ явленій, которыхъ нельзя будетъ даже и преслѣдовать, такъ какъ они явятся исполненіемъ законныхъ постановленій безконтрольнаго собранія. Мы бы могли представить нѣсколько примѣровъ подобныхъ явленій изъ земской жизни, но это

насъ отвлекло бы отъ нашего критическаго разбора, а потому мы ограничимся недавнимъ постановленіемъ псковского земскаго собранія, которое растраченную членомъ губернской управы сумму, въ случаѣ несостоятельности виновнаго, возложило на ничѣмъ неповинныхъ плательщиковъ. Конечно, намъ могутъ возразить, что подобные случаи возможны и при болѣе многочисленныхъ собраніяхъ, но дѣло въ томъ, что при ограниченномъ количествѣ членовъ собранія гораздо легче вліятельнымъ лицамъ составить большинство между знакомыми и пріятелями и что при этихъ условіяхъ могутъ быть задуманы и приведены въ исполненіе такіе извороты, которыхъ конечно и въ голову бы не пришло предлагать въ собраніи болѣе многолюдномъ. Мы думаемъ, что число представителей должно быть пропорціонально числу избирателей; въ новомъ же законѣ ихъ полагается одинаковое число какъ при 1,350-ти избирателяхъ, такъ и при пяти тысячахъ.

По вопросу о предсѣдательствѣ въ городской думѣ, соображенія, приведенныя въ пользу предоставленія его городскому головѣ не только не выдерживаютъ серьезной критики, до даже заставляютъ предполагать, не было ли для этого какихъ-либо другихъ основаній, которыя не приведены въ соображеніяхъ. При предварительномъ обсужденіи этого вопроса, сказано въ соображеніяхъ (стр. 52): предполагалось избирать особое лицо на время или на каждое засѣданіе, но такое правило, признанное справедливымъ съ теоретической точки зрѣнія, найдено неудобнымъ на основаніи практическихъ доводовъ. „Основная черта городского нашего общественнаго устройства, которую желательно бы сохранить тѣмъ болѣе (?), что она находитъ себѣ опору и въ примѣрѣ всѣхъ почти иностранныхъ муниципальныхъ учрежденій, заключается въ томъ, что главнымъ распорядителемъ всего городского управленія и хозяйства является одно лицо — городской голова. Со стороны практической правильность сего довода едва ли можно оспаривать, ибо раздвоеніе власти не можетъ не порождать различнаго рода столкновеній и пререканій; а извѣстно, какъ гибельно такія столкновенія иногда отражаются на ходѣ хозяйственныхъ дѣлъ. Въ вѣроятности же столкновеній и пререканій убѣждаетъ сопоставленіе слѣдующихъ, напримѣръ, правилъ Положенія: по точному смыслу статей 72, 108 и 150-й, состоящая подъ предсѣдательствомъ городского головы управа дѣйствуетъ на основаніи правилъ и указаній, преподанныхъ ей городскою думой, которой приносятся и жалобы на неправильныя распоряженія городской управы и городского головы. Такимъ образомъ, городской голова будетъ находиться въ прямой зависимости отъ думы, а слѣдовательно и отъ ея предсѣдателя. Напротивъ того, по ст. 81-й всѣ сношенія общественнаго управленія съ правительствомъ производятся не иначе какъ чрезъ городского голову. Но удобно ли и свойственно ли существу дѣла, чтобы представи-

телемъ города передъ правительствомъ было лицо подчиненное, не имѣющее дѣйствительной инщіативы и вліянія на ходъ его дѣлъ? По силѣ указанныхъ въ ст. 69-й особыхъ правилъ о производствѣ дѣлъ въ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ, отвѣтственность и законность постановленій думы возлагается прямо и исключительно на предсѣдателя; между тѣмъ, по статьѣ 80-й городской управѣ предоставляется право останавливать и представлять губернатору тѣ постановленія, которыя признаны будутъ ею незаконными. Отсюда нескончаемый источникъ пререканій между предсѣдателемъ думы и городскимъ головою". (Объясненіе къ 48-й ст., стр. 52 и 53).

Вся аргументація приведенной нами выдержки изъ соображеній поражаетъ своей странностью. Во-первыхъ, мы замѣтимъ, что нигдѣ въ нашемъ законодательствѣ не выражалось до сихъ поръ, чтобы главнымъ распорядителемъ городского управленія и хозяйства было одно лицо — городской голова; напротивъ, онъ дѣйствовалъ всегда въ составѣ городской думы какъ ея предсѣдатель, не болѣе. Если de facto и бывало, что голова распоряжался какъ хотѣлъ, то это зависѣло отъ личныхъ качествъ человѣка, занимавшаго этотъ постъ, и отъ степени довѣрія къ нему общества; впрочемъ, даже и при этихъ условіяхъ голова не могъ быть распорядителемъ городского хозяйства, такъ какъ всякое серьезное распоряженіе думы нуждалось въ утвержденіи губернскаго правленія. Слѣдовательно, этой основной черты въ нашемъ городскомъ устройствѣ не было, а потому могло быть желательно ввести эту черту совершенно вновь, но сохранять было нечего. Обращаясь къ правильности этой мысли, мы готовы согласиться, что въ дѣлахъ исполнительныхъ, — раздвоеніе власти и коллегіальное рѣшеніе вопросовъ — неудобно. Здѣсь требуется необходимо единство распоряженій. Но этого нельзя сказать про дѣла распорядительныя. Такія дѣла представляютъ извѣстную сложность и должны быть разсмотрѣны съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ виду различныхъ интересовъ, съ ними соприкасающихся. На этомъ основаніи, мы никакъ не можемъ согласиться съ необходимостью сосредоточенія въ рукахъ городского головы главнаго распоряженія хозяйствомъ города. Если принять такое мнѣніе, то необходимо отвергнуть всякую пользу коллегіальныхъ учрежденій и обратить городскую думу въ избирательное собраніе городского головы, а членовъ управы въ его помощниковъ. Тогда сохранилась бы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательность, которой въ настоящее время мы не видимъ. Но мы не думаемъ, чтобъ было справедливо и полезно лишить собственниковъ права распоряженія ихъ собственностью; городскія средства есть собственность жителей города, которымъ только и можетъ принадлежать право главнаго распоряженія. Затѣмъ выводить неизбѣжность столкновеній и пререканій между предсѣдателемъ собранія и городскимъ головою на томъ основаніи, что город-

свой голова долженъ дѣйствовать подъ контролемъ думы, по меньшей мѣрѣ странно. Такія отношенія существуютъ между предсѣдателями земскихъ собраній и предсѣдателями земскихъ управъ, и никто еще не слыхалъ о столкновеніи и пререваніяхъ между ними. Если отношенія лицъ, имѣющихъ исполнительную власть, къ своимъ избирателямъ правильны, то о столкновеніяхъ не можетъ быть и рѣчи. А эта правильность состоитъ, разумѣется, въ зависимости избираемыхъ отъ избирательнаго собранія: отъ него они получаютъ свою власть и ему же должны дать и отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Это—условіе, безъ котораго немыслимо никакое общественное управленіе и котораго не отрицаетъ и Положеніе. Но въ силу этого условія городской голова состоитъ въ зависимости отъ собранія думы, и никакъ не отъ ея предсѣдателя, который есть только блюститель порядка и руководитель преніями. Стало быть, столкновенія могутъ быть не между предсѣдателемъ собранія и городскимъ головою, а между послѣднимъ и городской думой. Но такое столкновеніе возможно лишь тогда, когда лицо отвѣтственное будетъ поставлено въ неправильныя отношенія къ собранію обсуждающему его дѣйствія. Такая неправильность отношеній является необходимо въ такомъ случаѣ, когда лицо, избранное собраніемъ, ставится въ независимое отъ него положеніе. Многія статьи новаго закона ставятъ городского голову именно въ это положеніе, такъ что онъ можетъ считать себя какъ бы опекуномъ городского общества. Онъ предсѣдательствуетъ въ избирательныхъ съѣздахъ и, слѣдовательно, имѣетъ вліяніе на выборъ гласныхъ; предсѣдательствуетъ въ думѣ, можетъ въ составѣ городской управы не исполнить постановленія думы или потому, что встрѣтитъ неудобство, или потому, что признаетъ его незаконнымъ; между тѣмъ онъ обязанъ отвѣчать за свои дѣйствія передъ тѣмъ самымъ собраніемъ, надъ которымъ имѣетъ нѣкотораго рода опекунскую власть и которое не можетъ устранить его отъ должности и предать суду безъ разрѣшенія 1-го департ. правит. сената. Вотъ этотъ-то двусмысленный характеръ отношеній городского головы къ думѣ дѣйствительно можетъ породить массу столкновеній, но все-таки съ думою, а не съ ея предсѣдателемъ.

Для избѣжанія этихъ столкновеній гораздо лучше поставить городского голову въ прямое отношеніе зависимости отъ собранія, какъ оно и должно быть по естественному порядку вещей, по которому общественныя должностныя лица суть слуги общества, а не опекуны, обязанные руководить его дѣйствіями. Единственнымъ руководителемъ общественной дѣятельности можетъ быть законъ, въ предѣлахъ котораго общество должно дѣйствовать самостоятельно. Въ приведенныхъ нами соображеніяхъ считается неудобнымъ и несогласнымъ съ существомъ дѣла, чтобъ представителемъ города передъ правительствомъ было лицо подчиненное, неимѣющее дѣйствительной инціативы и

вліянія на ходъ его дѣлъ. Но изъ того, что на основаніи 81-й ст. сношенія общественнаго управленія съ губернаторомъ производятся не иначе какъ черезъ посредство городского головы, еще вовсе не слѣдуетъ, что онъ же долженъ быть и представителемъ города передъ правительствомъ. Этимъ представителемъ въ дѣйствительности можетъ быть только городская дума, такъ какъ всѣ важнѣйшіе вопросы по городскому хозяйству и управленію, прежде ихъ поступленія на разсмотрѣніе правительства, должны быть обсуждены думою. Затѣмъ, подчиненіе городского головы думѣ Положеніе не уничтожаетъ и не можетъ уничтожить въ силу естественнаго порядка вещей, а потому сношенія правительства все-таки будутъ происходить съ лицомъ подчиненнымъ. Чтоже касается необходимости лицу, служащему посредникомъ между губернской администраціей и городскимъ управленіемъ, имѣть дѣйствительную иниціативу и вліяніе на ходъ дѣлъ, то мы думаемъ, что гораздо будетъ полезнѣе, если эту иниціативу и вліяніе на ходъ дѣлъ онъ получитъ въ силу нравственныхъ своихъ достоинствъ, а не въ силу закона, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ свобода иниціативы и вліянія на дѣла общества очень близко подходятъ къ произволу и отзываются крѣпостными порядками.

Наконецъ, мы рѣшительно не понимаемъ такого способа аргументаціи, при которомъ необходимость одного правила Положенія оправдывается существованіемъ другого, тогда какъ польза и необходимость послѣдняго не только не доказана, но и весьма сомнительна. Такъ, въ настоящемъ случаѣ необходимость предоставить городскому головѣ предсѣдательство въ думѣ доказывается существованіемъ правилъ, установленыхъ въ ст. 79, 80 и 81-й. Но развѣ это доказательство? Вѣдь эти правила могли вовсе не существовать и тогда не было бы основаній для предоставленія головѣ права предсѣдательствовать въ думѣ. Но такъ какъ выше мы представили уже не только безполезность, но даже вредъ вышеозначенныхъ правилъ, установляющихъ какія-то неопредѣленныя, двусмысленныя отношенія между обществомъ и избранными имъ лицами, то ясно, что правило о предсѣдательствѣ городского головы въ городской думѣ не имѣетъ основаній. Мы рѣшительно не можемъ себѣ объяснить, на какомъ основаніи и съ какой цѣлью установлено правило, выраженное въ статьѣ 80-й? Приложенное къ ней объясненіе нисколько не разъясняетъ нашихъ сомнѣній. Члены городской управы присутствуютъ въ думѣ, поэтому они имѣютъ возможность отклонить собраніе отъ всякихъ незаконныхъ постановленій во время самаго обсужденія дѣла; затѣмъ, на основаніи 68-й ст. всякое опредѣленіе думы должно быть представлено губернатору безотлагательно, и онъ имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія думы и передать вопросъ на обсужденіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Зачѣмъ же, при подобныхъ гарантіяхъ законности, по-

требовалось еще ставить лицъ, избранныхъ обществомъ, въ весьма неловкое положеніе къ этому обществу, возлагая на нихъ обязанность доносить начальству на своихъ избирателей, въ случаѣ уклоненія со стороны послѣднихъ отъ закона? Если собраніе думы составитъ незаконное опредѣленіе, то губернаторъ, получая опредѣленіе думы, можетъ это замѣтить и безъ всякихъ донесеній управы. Къ чему же послѣ этого установлять такія отношенія между двумя органами городского управленія, которыя могутъ повлечь непріязненныя отношенія, тогда какъ правильный ходъ городского хозяйства можетъ идти только при дружномъ содѣйствіи обоихъ учрежденій? Въ соображеніяхъ къ этой статьѣ сказано: управа поставлена въ извѣстныя отвѣтственныя отношенія къ правительству и что на этомъ основаніи нельзя подчинить управу думѣ безусловно. Но вѣдь въ подобныхъ отвѣтственныхъ отношеніяхъ къ правительству находится не только всякое учрежденіе, но и всякій человѣкъ, и гарантіей такихъ отношеній служитъ общій уголовный законъ, которымъ воспрещается всякое противузаконное дѣйствіе. Стало быть, противузаконное распоряженіе думы ни въ какомъ случаѣ исполнено быть не можетъ, и слѣдовательно правило это въ городовомъ положеніи совершенно лишнее. Но къ этому надо прибавить, что пониманіе закона можетъ быть различно, и что Положеніе, обязывая управу останавливать исполненіе постановленій думы и доносить объ нихъ губернатору, тогда какъ послѣдній не нашелъ въ этихъ постановленіяхъ ничего незаконнаго, даетъ управѣ поводъ подъ различными предлогами не исполнять совершенно законныхъ постановленій думы, такъ какъ въ общественныхъ дѣлахъ достаточно иногда отсрочить исполненіе какой-либо мѣры, и принятіе ея впослѣдствіи сдѣлается или вовсе ненужнымъ или невозможнымъ. Такая отсрочка, подъ предлогомъ неудобства или незаконности распоряженія въ виду существующаго закона, не можетъ подвергать отвѣтственности управу, а потому и попытки ея дѣйствовать несогласно съ постановленіями думы становятся возможными, тогда какъ при отсутствіи подобныхъ правилъ управа и не подумала бы уклоняться отъ исполненія постановленій думы; поэтому поводы къ столкновенію могутъ происходить скорѣе отъ излишней самостоятельности управы, чѣмъ думы.

Въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ высказано опасеніе, что при назначеніи особаго предсѣдателя въ думу, въ городѣ, въ сущности, были бы двѣ власти, два начальства. Но мы достаточно кажется доказали, что предсѣдатель собранія вовсе не составляетъ начальства и къ тому же можетъ быть избираемъ для каждаго засѣданія отдѣльно. Двѣ же власти: власть думы и власть управы, должны остаться во всякомъ случаѣ, но столкновеній между ними не можетъ быть, если первая имѣетъ высшую распорядительную, а послѣдняя низшую ис-

полнительную власть. Понятія эти совершенно точны и не могутъ вызывать никакихъ недоразумѣній. Но столкновенія неизбѣжны, потому что власть городского головы, на основаніи Положенія, получаетъ значеніе какого-то регулятора правильности дѣйствій городского общества, какъ будто фактъ избранія ставитъ этого человѣка въ особое положеніе и гарантируетъ его непогрѣшимость. Опасеніе партій намъ кажется также напраснымъ. Во всякомъ собраніи, если оно серьезно относится къ дѣлу, должны возникать разные взгляды, обусловливающіе существованіе партій.

Исходя изъ того убѣжденія, что назначеніе особаго предсѣдателя въ думу произведетъ раздвоеніе власти, составители Положенія приходятъ къ невѣрнымъ выводамъ и въ дальнѣйшихъ своихъ заключеніяхъ. „Новый законъ", говорятъ они на стр. 55-й, „долженъ вызвать живую энергическую дѣятельность городскихъ управленій. Но дѣла могутъ идти успѣшно лишь тогда, когда оба городскія учрежденія — дума и управа — будутъ органами одной власти, одушевленными одной мыслію и стремящимися къ одной цѣли. Средствомъ къ поддержанію такого единства и представляется назначеніе въ нихъ одного предсѣдателя въ лицѣ городского головы, какъ главнаго представителя и распорядителя его дѣлъ". Какъ!? отъ власти предсѣдателя зависитъ сдѣлать два учрежденія органами одной власти, одушевить ихъ одною мыслію и заставить идти къ одной цѣли?.. Признаемся, мы никогда не думали, чтобъ даже крѣпостное право помѣщика надъ своими крѣпостными могло доставить ему возможность достигнуть подобныхъ результатовъ. Какое же понятіе надо имѣть объ обществѣ, если предполагать, что одинъ человѣкъ, хотя бы и предсѣдатель, можетъ вести его къ цѣли по своему усмотрѣнію? Если общество таково, что одно лицо можетъ получить въ немъ подобное преобладающее значеніе, безъ особаго привилегированнаго положенія, то, намъ кажется, было бы гораздо послѣдовательнѣе не предоставлять ему тѣхъ правъ, какія создаются новымъ Положеніемъ, а просто назначать въ городское управленіе лицъ по усмотрѣнію администраціи. Общество, неимѣющее своихъ мнѣній и способное идти по указаніямъ одного человѣка, можетъ весьма легко сдѣлать совершенно неудачный выборъ. Нѣтъ, по нашему мнѣнію единство городского управленія достигается не тѣмъ, что въ обоихъ учрежденіяхъ будетъ одинъ предсѣдатель, а тѣмъ, что уполномоченные города дѣйствительно будутъ представлять интересы городскихъ жителей, что они сознаютъ всю важность принятыхъ ими обязанностей и будутъ имѣть полную возможность контролировать и направлять дѣятельность управы согласно съ интересами городского общества. Желаніе же поставить городского голову и управу самостоятельно, прямо уменьшаетъ возможность достигнуть этого единства, такъ какъ отдѣльное лицо, хотя бы и го-

родской голова, можетъ преслѣдовать свои личные интересы, не всегда согласные съ интересами города. Городской голова, будучи облеченъ довѣріемъ общества, не утратитъ своего первенствующаго положенія въ городѣ отъ того, что онъ будетъ поставленъ въ зависимость отъ общества и подобной зависимостью не будетъ тяготиться ни одинъ дѣйствительно честный человѣкъ. Такіе люди вполнѣ понимаютъ, что было бы несправедливо лишить собственниковъ права распоряжаться своею собственностью и контролировать дѣятельность исполнителей.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній намъ представляется вопросъ: какая причина могла склонить членовъ коммиссіи къ мысли создать городскому головѣ такое положеніе, котораго не имѣетъ, по нашему законодательству, ни одно выборное лицо и вооружить его даже опекунскими правами надъ цѣлымъ городскимъ обществомъ? Мы не можемъ допустить и мысли, чтобъ составители Положенія не замѣтили слабости тѣхъ оснований, которыя они приводятъ. Если слабость этихъ основаній бросается въ глаза, то нельзя думать, чтобъ ее не видѣли люди, занимавшіеся дѣломъ спеціально. На этомъ основаніи, если мы не ошибаемся, слѣдуетъ предположить, что въ изданныхъ объясненіяхъ помѣщены не всѣ причины, на основаніи которыхъ рѣшено отступить отъ началъ, положенныхъ въ основу земскихъ учрежденій, и дать городскому головѣ бо́льшую независимость, нежели предсѣдателю земской управы. На основаніи нѣкотораго знакомства съ ходомъ дѣлъ городского управленія, мы позволимъ себѣ сдѣлать одно предположеніе, которое, какъ намъ кажется, дастъ отчасти отвѣтъ на поставленный нами вопросъ.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы указывали на невозможность строго опредѣлить кругъ дѣятельности административныхъ властей. На этомъ основаніи въ дѣлахъ этого рода очень многое должно быть предоставлено на усмотрѣніе администраціи. Между тѣмъ довольно часто случается, что административные и полицейскіе вопросы близко касаются интересовъ, ввѣренныхъ городскому управленію. Поэтому мѣстная администрація не можетъ относиться равнодушно къ тому направленію, которое будетъ господствовать въ городскихъ дѣлахъ, не можетъ не стремиться вліять на ходъ городского хозяйства. Но понятно, что вліять на собраніе уполномоченныхъ города менѣе возможно, нежели на одно лицо и что, поэтому, чѣмъ болѣе самостоятельности передъ своими избирателями получитъ исполнительная власть городского управленія, тѣмъ въ бо́льшей зависимости она будетъ отъ администраціи. Кромѣ того, интересы города могутъ требовать иногда такихъ мѣръ, которыя несоотвѣтствуютъ видамъ мѣстной администраціи, или требованія послѣдней неудобны для города. Съ другой стороны, въ виду неопредѣленности круга дѣйствій административ-

ныхъ учрежденій, понятіе о томъ, что подлежитъ вѣдѣнію думы и что нѣтъ, можетъ быть различно. Поэтому дума можетъ принять такія рѣшенія, которыя несогласны съ видами администраціи, но которыя нельзя назвать положительно незаконными и отказать въ утвержденіи. Въ такихъ-то случаяхъ предсѣдатель собранія, — имѣя въ виду, съ одной стороны, неопредѣленность закона, съ другой, ту отвѣтственность, какая возлагается на него за законность постановленій думы, — всегда будетъ стараться направить рѣшеніе согласно съ видами администраціи; если же онъ не успѣетъ въ этомъ, то можетъ не исполнить его какъ предсѣдатель городской управы, найдя или неудобнымъ, или незаконнымъ. Во всякомъ случаѣ городской голова, поставленный въ болѣе самостоятельное положеніе передъ своими избирателями, является и болѣе отвѣтственнымъ лицомъ передъ администраціей; а что отвѣтственность одного лица имѣетъ болѣе реальное значеніе, нежели отвѣтственность цѣлаго собранія, — въ этомъ, конечно, всякій съ нами согласится.

Итакъ, по нашему мнѣнію, причина особеннаго положенія, въ которое ставится городской голова къ своимъ избирателямъ есть опасеніе, что представители города, вслѣдствіе увлеченія, могутъ вступить въ оппозицію съ администраціей, могутъ противодѣйствовать ея видамъ и, пожалуй, выдти изъ предѣловъ предоставленнаго имъ круга дѣйствій.

Такое предположеніе мы считаемъ возможнымъ сдѣлать въ виду объясненій статьи 80-й, гдѣ эта мысль высказывается отчасти, хотя и не совсѣмъ опредѣленно. Если же мы ошибаемся, если составители Положенія не имѣли въ виду подобныхъ соображеній, но нельзя не замѣтить, что предложенный ими порядокъ созданъ безъ достаточно основательныхъ причинъ. Впрочемъ, мы не можемъ остановиться на этомъ, а должны разсмотрѣть вопросъ: основательно ли подобное опасеніе? существуютъ ли въ нашей общественной жизни какіе-нибудь признаки, по которымъ можно было бы ожидать какой-нибудь систематической оппозиціи, не говоря уже о чемъ-либо болѣе важномъ? Зная хорошо настроеніе различныхъ классовъ общества въ провинціи, мы можемъ съ полной увѣренностью дать отрицательный отвѣтъ на эти вопросы. Во всѣхъ сужденіяхъ нашихъ общественныхъ представителей, посторонняго человѣка особенно поражаетъ та осторожность, съ которой высказываются мнѣнія объ интересахъ общества, та забота, какъ бы слова ихъ не были перетолкованы въ смыслѣ оппозиціи не только центральному правительству, о чемъ конечно не можетъ быть и рѣчи, но даже и мѣстной администраціи. Въ семьѣ не безъ урода, а потому въ числѣ мѣстныхъ администраторовъ могутъ случиться иногда такіе, оппозиція которымъ не только нужна, но становится обязательной, и въ подобныхъ случаяхъ осторожность можетъ пере-

ходить предѣлы благоразумія. Но даже и при такихъ обстоятельствахъ сдержанность нашихъ представителей общества не покидаетъ ихъ, въ чемъ мы не разъ могли убѣдиться, слушая пренія въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ. Общество слишкомъ заинтересовано въ поддержаніи общественнаго порядка и спокойствія, чтобъ могло позволить себѣ что-либо излишнее. Если оно рѣшается выразить какое-либо изъ своихъ желаній, то навѣрное можно сказать, что оно вызвано существенной и кровной необходимостью, и можно только сожалѣть, что оно не всегда вызываетъ должное вниманіе. Систематическая же оппозиція правительству въ нашей общественной жизни просто немыслима, а поэтому непонятно и то недовѣріе, съ которымъ подчасъ относятся у насъ къ обществу. Сравнивая положеніе нашего отечества не только съ Европой, но съ цѣлымъ міромъ, мы не встрѣчаемъ ни одного правительства, которое было бы такъ твердо поставлено, какъ у насъ. Во всѣхъ государствахъ антиправительственные элементы имѣютъ значеніе: они извѣстны и намѣчены. Только въ одномъ нашемъ отечествѣ всѣ общественные классы готовы поддерживать правительство, только у насъ нѣтъ разномыслія въ этомъ отношеніи.

Правительства западныхъ государствъ считаютъ своихъ противниковъ не десятками, какъ у насъ; они ведутъ съ ними постоянную борьбу; но это не мѣшаетъ имъ относиться съ довѣріемъ къ обществу. Они увѣрены, что здравый смыслъ большинства не увлечется химерами, и сознаютъ свою силу, готовую противодѣйствовать безпорядкамъ. Въ этомъ отношеніи они правы: чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ съ бо́льшимъ довѣріемъ оно можетъ отнестись къ обществу. Мы вновь сошлемся на рѣчь князя Бисмарка въ сѣверогерманскомъ парламентѣ. Несмотря на массу антиправительственныхъ элементовъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, онъ даетъ имъ широкое самоуправленіе. Онъ чувствуетъ свою силу и говоритъ: „мы не боимся самоуправленія, а скорѣе боимся неловкости нашихъ собственныхъ чиновниковъ“. И онъ правъ! Чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ болѣе оно должно опасаться неловкости своихъ чиновниковъ и тѣмъ съ бо́льшимъ довѣріемъ относиться къ обществу. Сознавая свою силу и значеніе, второстепенный агентъ правительства, вслѣдствіе излишняго усердія, можетъ легко перейти предѣлы благоразумія, можетъ легко стѣснить свободное выраженіе существенныхъ интересовъ и возбудить неудовольствіе общества, а это не можетъ входить въ планы такого государственнаго человѣка, какъ князь Бисмаркъ; довѣріе же къ обществу даетъ полный просторъ выраженію тѣхъ потребностей края, удовлетвореніе которыхъ, составляя прямую обязанность правительства, необходимо вызываетъ сочувствіе общества. На основаніи этихъ соображеній и въ виду того твердаго положенія, которое занимаетъ на-

ше правительство, намъ представляется многое непонятнымъ какъ въ земскомъ, такъ и въ городскомъ Положеніи.

Мы это можемъ говорить тѣмъ болѣе, что послѣдній политическій процессъ вполнѣ доказалъ ничтожество той среды, въ которой могла производиться антиправительственная агитація. Кто эти люди, задумавшіе произвести революцію и руководить ею? Горсть недоучившихся юношей безъ средствъ, безъ знанія, безъ практическаго смысла и безъ вліянія. Нѣтъ, это даже не тайное общество,—это только игра въ тайное общество, игра пожалуй дерзкая, но нисколько неопасная. Въ прежнее время, когда общество наше дремало,—студенты играли въ карты, представляли изъ себя нѣмецкихъ студентовъ, пѣли gaudeamus, запивая каждый куплетъ пуншемъ, или жжонкой и оканчивали уличнымъ скандаломъ съ будочниками. Теперь, когда общественная жизнь стала оживать, прежнія оргіи не могли удовлетворять и молодежь, и вотъ она составляетъ кружки. Но какъ прежнихъ сценъ съ будочниками нельзя было назвать бунтомъ, такъ и настоящіе кружки трудно назвать тайнымъ обществомъ; — это, какъ говорятъ дѣти, разставляя игрушки: „будто бы тайное общество", надъ которымъ посмѣются сами члены его, когда войдутъ въ жизнь и узнаютъ, какъ трудно достается человѣчеству вѣками выработанный порядокъ. Они поймутъ тогда, почему такъ сильны консервативные элементы въ обществѣ и почему истины, добытыя теоріей, не всегда имѣютъ право на примѣненіе въ практикѣ. Не случись въ послѣднемъ процессѣ убійства,—вся эта организація не заслуживала бы ни малѣйшаго вниманія. Всѣ классы общества, всѣ органы печати—осудили ее, и вотъ новое доказательство, что существующее недовѣріе къ обществу не имѣетъ основанія.

Мы вошли въ подробное обсужденіе состава городской думы и отношеній ея къ городской исполнительной власти. При этомъ обсужденіи мы принуждены были слишкомъ долго останавливаться на такихъ общихъ, элементарныхъ понятіяхъ, что читатели наши могутъ посѣтовать на насъ; но мы не могли избѣжать этого въ виду тѣхъ соображеній, которыми мотивированы правила новаго закона. Мотивы, вызывающіе извѣстное положеніе закона для насъ весьма важны въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о понятіяхъ элементарныхъ.

Все дальнѣйшее разсмотрѣніе Городового Положенія указываетъ, что мысли, нами высказанныя, не лишены основанія. Такъ для засѣданій городской думы не опредѣлено никакихъ періодическихъ сроковъ и она можетъ собираться, по мѣрѣ надобности, по распоряженію городского головы, или по требованію губернатора, или наконецъ по заявленію извѣстнаго числа гласныхъ. Такой порядокъ обусловливается, какъ сказано въ объясненіяхъ, многочисленностью и разнообразіемъ

городскихъ дѣлъ, а также случайностью ихъ, и какъ намъ кажется, можетъ имѣть весьма важныя практическія послѣдствія, которыя мы постараемся указать. Если припомнить тотъ порядокъ выбора гласныхъ, который установленъ Положеніемъ, если принять во вниманіе то вліяніе, которое можетъ имѣть городской голова на этотъ выборъ, то нельзя отрицать, что онъ можетъ имѣть между гласными значительное число своихъ сторонниковъ, которые будутъ дѣйствовать не только подъ его вліяніемъ, но даже по его приказанію. Кто хоть мало знакомъ съ условіями городской жизни, тотъ конечно не будетъ оспаривать, что городской голова можетъ имѣть четвертую или пятую часть гласныхъ въ совершенномъ своемъ распоряженіи и притомъ такихъ, которые никогда не отлучаются изъ города и по требованію головы будутъ всегда являться въ засѣданія думы. Имѣя право назначать собранія когда ему угодно, городской голова можетъ выбирать такое время, когда гласные въ разъѣздахъ, и проводить въ этихъ собраніяхъ рѣшенія по своему усмотрѣнію. Кромѣ того законъ опредѣляетъ, лишь въ общихъ выраженіяхъ, предметы вѣдомства управы и не можетъ этого сдѣлать по самому свойству дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію городского управленія. На этомъ основаніи городской голова можетъ представлять на утвержденіе думы мѣры исполнительныя и такимъ образомъ избѣгать отвѣтственности за дѣйствія совершенно противныя интересамъ города, прикрывая ихъ постановленіями думы. Еслибъ случайно на такое собраніе и прибыло значительное число гласныхъ, при которыхъ голова не могъ бы достигнуть своей цѣли, то, какъ предсѣдатель собранія, онъ всегда можетъ отложить вопросъ до болѣе удобныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, на практикѣ подобный порядокъ даетъ возможность городскому головѣ дѣйствовать рѣшительно по своему усмотрѣнію, слагая съ себя всякую отвѣтственность. Если составители Положенія не имѣли въ виду предоставить городскому головѣ бо́льшую свободу дѣйствій и избавить его отъ отвѣтственности, то мы рѣшительно не можемъ понять основаній подобнаго постановленія. Какъ бы ни были многочисленны и разнообразны потребности города, удовлетворить ихъ всегда возможно въ періодическихъ засѣданіяхъ, такъ какъ постоянная дѣятельность состоитъ здѣсь въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ, для которыхъ и существуетъ управа, со стороны же думы нужно только разрѣшеніе исполнить извѣстную потребность. Потребности города должны быть опредѣлены смѣтами, въ которыя включаются даже суммы на непредвидѣнный расходъ. Случаи непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и возникновеніе вопросовъ, выходящихъ изъ колеи обычной жизни, рѣдки и большею частію требуютъ предварительныхъ изслѣдованій и серьезнаго обсужденія, стало быть въ этихъ случаяхъ поспѣшность не требуется; но если невозможно отложить какого-нибудь вопроса до очередного со-

бранія, а нужно будетъ экстренное, то все же это не будетъ общимъ правиломъ, а потому гласные, занятые своими собственными дѣлами, могутъ имѣть гораздо большее вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ; при установленномъ же порядкѣ городской голова, если онъ человѣкъ расторопный и притомъ мало добросовѣстный, можетъ удалить самостоятельныхъ гласныхъ отъ всякаго вліянія на дѣла города, а затѣмъ отбить у нихъ и всякую охоту баллотироваться въ гласные на будущее время.

IV.

Городская управа состоитъ подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ членовъ избираемыхъ думою, и число ихъ не должно быть менѣе двухъ. Впрочемъ, небольшимъ городамъ дозволяется исполнительную власть вручать одному городскому головѣ (ст. 70 и 71). При этомъ мы можемъ выразить мысль, что послѣднее правило могло бы имѣть болѣе широкое примѣненіе, еслибъ городской голова былъ поставленъ въ другія условія, еслибъ отвѣтственность его передъ обществомъ была дѣйствительною, а не призрачною.

Высказанная нами мысль можетъ показаться противорѣчіемъ со всѣмъ тѣмъ, что мы говорили выше. Мы постоянно возражали противъ необходимости расширенія власти городского головы, въ настоящемъ же случаѣ мы не прочь отъ такого расширенія. Поэтому мы считаемъ необходимымъ разъяснить наши воззрѣнія на такой важный вопросъ общественнаго управленія.

Всякая чисто исполнительная власть требуетъ извѣстнаго простора въ дѣйствіяхъ. Успѣхъ въ дѣлѣ исполнительномъ, въ особенности въ сложныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, часто скорѣе зависитъ отъ единства, быстроты и своевременности распоряженій, чѣмъ отъ ихъ раціональности. Для того, чтобъ человѣкъ могъ дѣйствовать съ успѣхомъ, онъ долженъ принять тѣ мѣры, которыя онъ считаетъ лучшими и которыя онъ въ состояніи привести въ исполненіе, хотя бы и можетъ есть и лучшія средства для достиженія цѣли. Если вы свяжете ему средства исполненія, то самое дѣло у него можетъ вывалиться изъ рукъ. Поэтому въ дѣлахъ чисто исполнительнаго свойства мы считаемъ коллегіальный порядокъ не только ненужнымъ, но даже вреднымъ, и не потому, что онъ влечетъ медленность, — это неудобство можно устранить,—а потому, что онъ стѣсняетъ въ выборѣ средствъ и уничтожаетъ единство распоряженій. Но для того, чтобъ въ общественномъ дѣлѣ можно было предоставить человѣку полную свободу дѣйствій, необходимы строгій контроль надъ его дѣйствіями и дѣйствительная, а не призрачная отвѣтственность. Поэтому въ продолженіи всей нашей статьи мы возражали не противъ расширенія власти городского головы, но противъ ея безотвѣтственности, которая я-

ляется необходимою при условіяхъ, созданныхъ новымъ закономъ. Смѣшайте избирателей всѣхъ трехъ классовъ и раздѣлите ихъ по участкамъ города, устраните городского голову отъ всякаго вліянія на выборъ гласныхъ, допустите предварительныя избирательныя сходки, увеличьте число гласныхъ для большихъ городовъ, назначьте періодическія собранія думы и позвольте ей избирать предсѣдателя на каждую сессію, и мы первые станемъ говорить о необходимости предоставить городскому головѣ полную свободу дѣйствій въ исполнительномъ порядкѣ, разумѣется подъ контролемъ думы. Мы вполнѣ сочувствуемъ тѣмъ соображеніямъ, которыя высказаны въ объясненіяхъ къ 82-й ст. Положенія, на стр. 79-й, и на этомъ основаніи думаемъ, что городская управа должна состоять изъ городского головы и его помощниковъ, совершенно свободно имъ избранныхъ. Если онъ принимаетъ на себя отвѣтственность передъ обществомъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ городское хозяйство, вести которое онъ одинъ не въ состояніи, то естественно, чтобъ помощники его были лица, которыхъ онъ знаетъ и которымъ довѣряетъ. Только при этихъ условіяхъ и возможна живая, энергическая дѣятельность въ городскомъ хозяйствѣ. Но повторяемъ, такое расширеніе власти городского головы возможно тогда, когда измѣнятся его отношенія къ городскому обществу и онъ сдѣлается не опекуномъ его, а слугою. Напрасно думаютъ составители Положенія, что при такихъ отношеніяхъ къ обществу люди честные, дѣятельные и энергичные не пойдутъ на должность головы, что подобнаго рода люди пожелаютъ какого-то особеннаго вліянія на городскія дѣла. Намъ кажется, что всякій честный человѣкъ сочтетъ за честь быть слугою общества, а тѣ, которымъ такое положеніе можетъ показаться унизительнымъ, пусть отказываются, — городское общество отъ этого нисколько не потеряетъ.

Разсматривая Городовое Положеніе, мы останавливали вниманіе читателя лишь на существенныхъ постановленіяхъ, оставляя въ сторонѣ всѣ подробности, такъ какъ онѣ не могутъ имѣть вліянія на ходъ городского хозяйства; но перелистывая отдѣлъ объ условіяхъ городской общественной службы, мы не могли не остановиться на одной подробности, выраженной въ 98-й статьѣ, а именно на правѣ городского головы носить мундиръ должности присвоенный. Мы останавливаемся на этой подробности въ виду соображеній, которыя послужили основаніемъ такого постановленія. Въ началѣ этихъ соображеній объяснено, что коммиссіи, учрежденныя въ губерніяхъ еще въ 1862-мъ году, представили заявленія, что почетныя отличія, присвоенныя должностямъ городского управленія, т.-е. классъ, соотвѣтствующій чину и право носить мундиръ не достигали своей цѣли, — привлечь городскихъ жителей къ занятію общественныхъ должностей. „Несмотря на эти отличія, сказано въ соображеніяхъ, затрудненія въ замѣщеніи

должностей достойными и способными гражданами устранены не были, ибо они являются послѣдствіями причинъ, при дѣйствіи коихъ почетными отличіями трудно было достигнуть какихъ-либо замѣтныхъ результатовъ“. Странно, неужели въ настоящее время можно думать, что почетными отличіями, въ родѣ мундира, можно достигнуть когда-либо замѣтныхъ результатовъ въ привлеченіи къ должностямъ достойныхъ и способныхъ гражданъ. Общественная служба привлекательна для подобныхъ людей тогда, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ можетъ приносить дѣйствительную пользу обществу, что общество не стѣснено въ заботахъ о своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересахъ, и что удовлетворивъ этимъ интересамъ человѣкъ можетъ заслужить уваженіе и благодарность общества.

Наша русская пословица говоритъ: *не мѣсто человѣка красить, а человѣкъ мѣсто*. Нѣтъ, внѣшними отличіями нельзя привлечь хорошаго человѣка къ общественной дѣятельности; они могутъ имѣть вліяніе только на людей пустыхъ и тщеславныхъ, которые, неспособны ни къ какой полезной дѣятельности. Чѣмъ менѣе они будутъ принимать участія въ общественной дѣятельности, тѣмъ лучше, и потому намъ бы казалось, что было бы нелишнимъ и вовсе уничтожить эту приманку для подобнаго сорта людей, какъ бы ни была она незначительна. Несмотря однакожъ на всѣ эти соображенія, для городского головы дѣлается исключеніе и для него признается мундиръ необходимымъ. Мы бы не видѣли въ этомъ ничего страннаго, еслибъ это найдено было необходимымъ для облегченія ему публичнаго отправленія обязанности. Но нѣтъ, это считается нужнымъ *для обезпеченія ему виднаго и почетнаго положенія въ средѣ мѣстныхъ властей*. Мы думаемъ, что въ средѣ мѣстныхъ властей, въ особенности въ городахъ губернскихъ, настолько развито чувство уваженія къ общественному мнѣнію, что видное и почетное положеніе городского головы обезпечивается, съ одной стороны, этимъ уваженіемъ къ общественному мнѣнію, выразившемуся въ избраніи, съ другой личными достоинствами человѣка, а вовсе не мундиромъ, который онъ носитъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что земскіе дѣятели и с.-петербургскіе мировые судьи не имѣютъ мундира, а между тѣмъ занимаютъ не менѣе видное положеніе въ средѣ мѣстныхъ властей. Между тѣмъ составители Положенія взглянули на это обстоятельство иначе и мы приводимъ его въ доказательство, какъ различно понимаютъ вещи въ различныхъ сферахъ нашего общества.

V.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о цѣли учрежденія губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, а потому мы и обратимся къ соображеніямъ, приложеннымъ къ 11-й ст. Положенія. „Городовое Положеніе,—сказано въ нихъ,—предоставляетъ всякому (ст. 148), чьи гражданскія права нарушены городскимъ управленіемъ, искать на него судомъ; а въ случаяхъ гражданскому суду неподсудныхъ, общій надзоръ за законностью распоряженій означеннаго управленія ввѣряется губернатору... Но затѣмъ возникаетъ вопросъ, какъ направлять далѣе всѣ эти дѣла, кому и въ какомъ порядкѣ представить ихъ разсмотрѣніе?" Далѣе, въ соображеніяхъ объяснено, что принять порядокъ установленный для земскихъ учрежденій, по самому свойству и числу вопросовъ, могущихъ возникнуть по городскому хозяйству, было бы неудобно, такъ какъ порядокъ этотъ съ одной стороны слишкомъ бы замедлилъ разсмотрѣніе вопросовъ, по которымъ требуется безотлагательное рѣшеніе, съ другой обременилъ бы значительно и 1-й департаментъ правительствующаго сената, въ которомъ должны бы сосредоточиваться всѣ подобнаго рода дѣла цѣлой Россіи. Такія соображенія вполнѣ основательны, и мы, конечно, не имѣемъ возразить противъ нихъ ни одного слова. Но если эти соображенія основательны для дѣлъ, возникающихъ по городскому управленію, то они имѣютъ еще бо́льшее значеніе по отношенію къ земскимъ дѣламъ, такъ какъ засѣданія земскихъ собраній бываютъ разъ въ годъ и слѣдовательно возраженія губернаторовъ могутъ быть разсматриваемы въ собраніяхъ только черезъ годъ, а разрѣшеніе сената по возникшему недоразумѣнію получится лишь черезъ два. Вотъ еще одинъ примѣръ тѣхъ неудобствъ, которыя являются при спеціальныхъ коммиссіяхъ, разработывающихъ законодательные вопросы. Лица, призванныя для этого дѣла сознаютъ вполнѣ неудобства существующаго закона, — мало этого, эти неудобства признаются и законодательнымъ порядкомъ, но остаются дѣйствующимъ правиломъ на томъ основаніи, что при разсмотрѣніи одного закона нельзя касаться постановленій другого. Такимъ образомъ, въ нашемъ законодательствѣ накапливаются противорѣчія, при которыхъ со временемъ трудно будетъ разрѣшать всѣ практическіе вопросы. Такое положеніе дѣлъ необходимо должно вредить стройному ходу государственнаго управленія.

Для избѣжанія тѣхъ неудобствъ, которыя представляются въ порядкѣ, принятомъ земскимъ положеніемъ, является новое судебно-административное учрежденіе подъ именемъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, въ томъ составѣ, который былъ уже нами указанъ. Этому присутствію ввѣряется разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ о законности дѣйствій городского управленія и о пререканіи его съ

другими учрежденіями. Такимъ образомъ къ числу четырехъ административныхъ учрежденій въ губерніи, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, присоединяется еще пятое, гдѣ онъ будетъ призванъ разбирать пререканія городского общественнаго управленія, быть можетъ, и съ тѣми учрежденіями, которыя состоятъ подъ его предсѣдательствомъ. По мнѣнію составителей Положенія, опредѣленный составъ присутствія представляетъ „возможныя ручательства въ безпристрастіи, знаніи законовъ и вѣрномъ пониманіи какъ общегосударственныхъ интересовъ, такъ и мѣстныхъ потребностей и нуждъ (стр. 14). Намъ кажется, что если городское управленіе самостоятельно, если при этомъ губернское присутствіе обязано лишь слѣдить за законностію его дѣйствій, то со стороны членовъ этого присутствія требуется лишь безпристрастіе и знаніе законовъ; къ чему же здѣсь упоминается объ общегосударственныхъ интересахъ и мѣстныхъ потребностяхъ и нуждахъ, мы рѣшительно не понимаемъ. Понятія эти такъ эластичны, что подъ нихъ можетъ быть подведено все, что угодно, и всякое постановленіе думы, съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ быть названо противнымъ государственнымъ интересамъ и оправдываемо мѣстными потребностями и нуждами. Мы думаемъ, что всякое дѣйствіе, невоспрещенное существующимъ законодательствомъ, тѣмъ самымъ уже разрѣшается, и что лицамъ, разсматривающимъ законность распоряженій городской думы, какъ второстепеннымъ агентамъ административной власти, не можетъ быть предоставлено право опредѣлять, что согласно и что несогласно съ общимъ государственнымъ интересомъ. Если бы такое право было дано губернскимъ властямъ, то въ силу эластичности этихъ понятій можно ожидать, что въ каждой губерніи составится по этому предмету особый взглядъ, и въ одной будетъ считаться полезнымъ то, что въ другой вреднымъ. Итакъ, для правильнаго разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ по городскому управленію, необходимо только строгое безпристрастіе и знаніе законовъ; всякія другія тенденціи были бы превышеніемъ власти, т.-е. или присвоеніемъ себѣ аттрибутовъ центральнаго правительства или вмѣшательствомъ въ дѣла городского хозяйства.

Посмотримъ же, насколько личный составъ присутствія отвѣчаетъ этимъ двумъ условіямъ. Что касается знанія законовъ, то мы не смѣемъ думать, чтобъ лица, которымъ ввѣряется губернская администрація, не знали законовъ, а потому объ этомъ условіи не можетъ быть и рѣчи; что же касается перваго условія, то мы позволимъ себѣ усомниться, чтобъ всѣ лица, составляющія губернское присутствіе, могли относиться ко всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ ихъ разрѣшенію, безпристрастно. И это конечно не потому, чтобъ эти лица не заслуживали уваженія: нѣтъ, а просто по свойству занимаемыхъ ими должностей въ общемъ порядкѣ государственной

службы. Губернатору, во-первыхъ, принадлежитъ по закону инициатива въ возбужденіи вопроса о законности постановленій думы, а потому при рѣшеніи вопроса онъ становится судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ; а такой порядокъ осуждается не только всѣми законодательствами Европы, но и нашимъ судебнымъ уставомъ; во-вторыхъ, губернаторъ завѣдываетъ административно-полицейской частью въ губерніи, а всего чаще у городского управленія могутъ возникать столкновенія и пререканія съ полиціей, быть можетъ, даже вслѣдствіе тѣхъ распоряженій, которыя сдѣланы губернаторомъ: въ этомъ случаѣ, кромѣ того что онъ можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, удобства полицейской власти для него гораздо важнѣе, нежели хозяйственные интересы города; въ-третьихъ, пререканія могутъ возникать съ однимъ изъ административныхъ учрежденій, состоящихъ подъ его предсѣдательствомъ, какъ-то: губернскимъ правленіемъ, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіемъ или тюремнымъ комитетомъ; губернаторъ по поводу подобныхъ вопросовъ, вслѣдствіе разъясненія дѣла, можетъ быть поставленъ въ противорѣчіе съ тѣми постановленіями, которыя онъ утвердилъ своимъ подписомъ какъ предсѣдатель тѣхъ учрежденій; наконецъ, въ-четвертыхъ, пререканія могутъ возникать съ губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, обсуждать дѣйствія и постановленія которыхъ не имѣетъ права губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе. Что касается вице-губернатора, то онъ, какъ лицо подчиненное губернатору, и по существу своихъ обязанностей необходимо долженъ поддерживать мнѣніе губернатора. Предсѣдатель казенной палаты состоитъ членомъ какъ особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, такъ и тюремнаго комитета и сверхъ того, какъ лицо, завѣдывающее сборомъ государственныхъ доходовъ, собираемыхъ частію городскимъ управленіемъ, можетъ очутиться также судьею въ собственномъ дѣлѣ. Предсѣдатель губернской земской управы и городской голова губернскаго города тоже не чужды подобнаго положенія по аналогіи дѣлъ, ввѣренныхъ ихъ завѣдыванію, съ подлежащими ихъ разрѣшенію вопросами. Даже прокуроръ и предсѣдатель мирового съѣзда, какъ члены тюремнаго комитета, могутъ быть пристрастны въ разрѣшеніи вопросовъ по пререканіямъ съ тюремнымъ комитетомъ и его отдѣленіями. Что же касается до управляющихъ отдѣльными частями, приглашаемыхъ временно при столкновеніи городского управленія съ ихъ вѣдомствомъ, то, само собою разумѣется, они представляютъ собою лицъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, такъ какъ самый вопросъ можетъ возникать только по ихъ инициативѣ. Итакъ, въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи можетъ быть очень много вопросовъ, къ которымъ многіе изъ членовъ не могутъ отно-

ситься безпристрастно, и слѣдовательно надежды составителей Положенія могутъ вовсе не осуществиться.

Но что особенно поражаетъ въ учрежденіи губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, это право губернатора, въ случаѣ несогласія съ постановленіемъ присутствія, перенести дѣло въ правительствующій сенатъ. Для какой же цѣли собирается тогда губернское присутствіе, если дѣло переносится въ сенатъ во всякомъ случаѣ, по единоличному рѣшенію губернатора? Неужели нельзя допустить, что губернаторъ ошибается, если онъ не имѣетъ на своей сторонѣ большинства въ такомъ присутствіи, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ и, слѣдовательно, гдѣ голосъ его, при равенствѣ другихъ голосовъ, имѣетъ рѣшающее значеніе и гдѣ, сверхъ того, вице-губернаторъ, по самому служебному положенію своему, не можетъ идти въ разрѣзъ съ мнѣніями губернатора. Намъ казалось, что назначеніе губернскаго присутствія состоитъ именно въ огражденіи правъ городского управленія отъ ошибочныхъ дѣйствій губернатора, вслѣдствіе которыхъ онъ могъ бы остановить исполненіе совершенно законныхъ постановленій думы. Но если губернаторъ можетъ переносить дѣло вопреки постановленію губернскаго присутствія, то вся процедура разсмотрѣнія его въ этомъ присутствіи есть только излишняя, ни къ чему не ведущая проволочка времени. Вѣдь нельзя же предполагать, что губернаторъ можетъ дѣйствовать настолько необдуманно, что разъ признавши постановленіе городской думы незаконнымъ и предложивши его на обсужденіе губернскаго присутствія, впослѣдствіи измѣнить свое мнѣніе и въ случаѣ разногласія съ присутствіемъ не перенесетъ его въ сенатъ. Съ другой стороны, нельзя также предположить, что и городская дума будетъ дѣлать свои постановленія безъ серьезныхъ оснований и не воспользуется своимъ правомъ обжаловать рѣшеніе губернскаго присутствія, если оно будетъ противъ нея. Стало быть, при разногласіи городского управленія съ губернаторомъ, дѣло во всякомъ случаѣ пойдетъ въ сенатъ. На этомъ основаніи всѣ соображенія составителей Положенія о пользѣ и необходимости мѣстнаго учрежденія для разсмотрѣнія подобныхъ вопросовъ лишаются всякаго практическаго значенія.

Но это еще не все; мы думаемъ, что губернское присутствіе, кромѣ своей безполезности, можетъ иногда очутиться въ очень неловкомъ положеніи. На основаніи 148-й ст., частныя лица имѣютъ право иска на городское управленіе въ общемъ судебномъ порядкѣ, въ случаяхъ нарушенія ихъ гражданскихъ правъ. Но такое нарушеніе правъ частнаго лица можетъ совпадать или съ незаконностію дѣйствій думы или съ пререканіями, вслѣдствіе чего возбужденъ будетъ вопросъ въ административномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, объ одномъ и томъ же постановленіи думы могутъ возникнуть два дѣла, одно въ окруж-

номъ судѣ, другое—въ губернскомъ присутствіи. Нѣтъ ничего мудренаго, что оба эти дѣла разрѣшатся въ противуположномъ смыслѣ. Такое предположеніе весьма возможно на томъ основаніи, что члены губернскаго присутствія, по свойственной человѣку слабости, не будутъ относиться къ его дѣламъ съ большой осмотрительностью, такъ какъ дѣла эти не относятся къ ихъ прямымъ обязанностямъ; не мудрено, что они не пожелаютъ, по поводу дѣлъ совершенно для нихъ постороннихъ, входить въ столкновенія съ губернаторомъ. Поэтому вѣроятнѣе всего, что дѣла эти будутъ разрѣшаться согласно желанію губернатора, какъ это обыкновенно и дѣлается во всѣхъ комитетахъ, составленныхъ изъ лицъ различныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. При подобномъ противорѣчіи административнаго и судебнаго опредѣленія, конечно, послѣднее должно имѣть перевѣсъ, но мы думаемъ, что такое положеніе ни въ какомъ случаѣ не будетъ выгодно для авторитета губернскаго присутствія и для губернатора въ особенности.

Всѣ подобнаго рода аномаліи являются слѣдствіемъ отсутствія общихъ началъ, положенныхъ въ основаніе всей государственной реформы. Еслибы общія начала государственнаго управленія были установлены, еслибы всякій частный проектъ закона долженъ былъ исходить изъ общихъ началъ и относиться къ нимъ какъ дальнѣйшее ихъ развитіе, то не могло бы являться правилъ, возлагающихъ на административную власть нѣкоторыя судебныя функціи, не было бы возможно стремленіе со стороны административныхъ властей освободиться отъ всякаго вліянія судебной власти даже въ спорныхъ административныхъ вопросахъ и составить, такимъ образомъ, государство въ государствѣ безъ всякаго вліянія и контроля не только со стороны судебной, но даже и законодательной власти. Что такое стремленіе существуетъ у насъ, видно изъ того, во-первыхъ, что всѣ возникающіе въ административной практикѣ вопросы разрѣшаются административнымъ порядкомъ, и во-вторыхъ изъ того, что иниціатива въ дѣлѣ законодательства принадлежитъ исключительно отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Само собою разумѣется, что если между различными отраслями государственнаго управленія нѣтъ общей органической связи, если одни органы управленія не служатъ другимъ и не дополняютъ себя взаимно, если каждый стремится жить особой жизнью, то несмотря на массу учрежденій, между которыми будутъ постоянныя столкновенія, въ общемъ строѣ государственнаго управленія все-таки будутъ чувствительны пробѣлы, и необходимость размноженія должностныхъ лицъ и канцелярій явится хронической, неизлечимой болѣзнью государственнаго организма, подтачивающей всѣ жизненныя силы народа. Между тѣмъ въ нашихъ административныхъ сферахъ, повидимому, зло это нисколько не сознается, такъ какъ съ введеніемъ

новыхъ учрежденій, старыя не только не уничтожаются, но чувствуется необходимость въ новыхъ, чему доказательствомъ является губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе.

„Въ общемъ строѣ нашей администраціи,—сказано въ соображеніяхъ къ 11-й ст. (стр. 15),—среди различныхъ исполнительныхъ и распорядительныхъ инстанцій, давно чувствуется недостатокъ въ такихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя могли бы правильно, безпристрастно и безъ замедленія разрѣшать возникающіе по дѣламъ управленія споры и всякіе вообще вопросы судебно-административнаго свойства (contentieux administratifs). Часть эта, бывшая въ другихъ государствахъ предметомъ глубокаго изученія и вездѣ получившая болѣе или менѣе удовлетворительное устройство, у насъ не имѣетъ никакой стройной организаціи. Такой пробѣлъ дѣлается въ особенности ощутителенъ съ введеніемъ у насъ самостоятельныхъ, всесословныхъ выборныхъ учрежденій, каковы земскія и устраиваемыя нынѣ городскія... Но, говорится далѣе, замѣчено было, что учрежденія, поименованныя выше, должны быть образованы для всѣхъ вообще дѣлъ, а не для однихъ городскихъ; что посему вопроса о нихъ предрѣшать не слѣдуетъ теперь и что устройство ихъ должно подлежать соображенію при обсужденіи общей административной реформы въ губерніяхъ. Нельзя однакоже по поводу сего не высказать, что въ дѣлѣ устройства означенныхъ инстанцій, дѣлѣ новомъ и трудномъ, осторожнѣе дѣйствовать съ нѣкоторою постепенностію, образуя учрежденія для извѣстныхъ лишь дѣлъ и потомъ, сообразно съ указаніями опыта, расширяя кругъ ихъ дѣятельности". Мы нарочно выписали подлинныя слова соображеній, чтобъ познакомить читателей съ той аргументаціей, которая свойственна нашимъ бюрократическимъ коммиссіямъ и при которой всякое положеніе можетъ имѣть свой raison d'être.

Если изъ этой выписки исключить все излишнее, то вся аргументація сводится къ слѣдующему: въ практической дѣятельности различныхъ административныхъ учрежденій возникаютъ вопросы о предѣлахъ ихъ власти и законности дѣйствій. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ требуется особое администравное учрежденіе, но оно нужно для всѣхъ вообще вопросовъ подобнаго рода, а потому учрежденіе ихъ слѣдовало бы отложить до общей губернской реформы; но такъ какъ нужно дѣйствовать постепенно, то необходимо учредить ихъ теперь для городскихъ только дѣлъ и впослѣдствіи расширить кругъ ихъ дѣятельности. Плодомъ подобной аргументаціи и явилось губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе въ видѣ агломерата изъ чиновъ различныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, существующій пробѣлъ въ нашемъ административномъ строѣ былъ пополненъ безъ особыхъ издержекъ, для которыхъ

не имѣлось въ виду средствъ и установлена стройная организація, такъ какъ ни одинъ изъ членовъ этого присутствія нисколько не заинтересованъ въ успѣшномъ ходѣ городского дѣла и вѣроятно предоставитъ губернатору разрѣшеніе всѣхъ подлежащихъ вопросовъ, какъ это и бываетъ обыкновенно, когда поручается человѣку дѣло, для него совершенно постороннее.

Главная ошибка заключается въ томъ, что у насъ считается необходимымъ всѣ вопросы, возникающіе въ административной практикѣ, разрѣшать также административнымъ порядкомъ. Вотъ этотъ-то взглядъ и ведетъ къ необходимости массы административныхъ инстанцій, существующихъ во всѣхъ вѣдомствахъ и разрѣшающихъ эти вопросы своими предписаніями и циркулярами совершенно различно, а это въ свою очередь производитъ сбивчивость понятій и пораждаетъ новыя столкновенія и пререканія. У насъ забываютъ, что вопросы, возникающіе въ административной практикѣ, т.-е. вопросы о такъ-называемыхъ пререканіяхъ о предѣлахъ власти и законности административныхъ распоряженій суть также вопросы о правѣ, и какъ таковые, подлежатъ разрѣшенію судебныхъ мѣтъ. Еслибы составители Городового Положенія поставили себя въ уровень съ своей задачей, еслибы они стали на точку зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ, то они увидѣли бы, что разрѣшенія споровъ, между кѣмъ бы они ни возникали, между частными лицами или учрежденіями, вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, нисколько не измѣняются въ юридическомъ своемъ значеніи и всегда составляютъ вопросъ о приложеніи закона къ данному отдѣльному случаю, т.-е. вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, назначеніе которыхъ въ общемъ государственномъ управлеіи есть охраненіе правомѣрныхъ отношеній между частными лицами, обществами и правительственными учрежденіями. Наиболѣе яркое доказательство правильности подобнаго взгляда на дѣло мы можемъ представить, указавши на существующій порядокъ уголовнаго судопроизводства. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ сущность уголовнаго процесса? Въ извѣстномъ данномъ случаѣ предполагается нарушеніе закона; администрація не рѣшаетъ этого вопроса, она предоставляетъ суду рѣшить, дѣйствительно ли произошло нарушеніе; на какомъ же основаніи, по вопросамъ, возникающимъ въ административномъ порядкѣ, гдѣ также предполагается нарушеніе закона съ которой-либо стороны, администрація считается компетентною для ихъ разрѣшенія? Казалось бы, что въ этихъ послѣднихъ вопросахъ судебное разсмотрѣніе еще болѣе необходимо, на томъ основаніи, что они являются слѣдствіемъ недоразумѣнія и въ нихъ всегда есть споръ. Они могутъ отличаться отъ нарушеній закона, преслѣдуемыхъ уголовнымъ порядкомъ только по своимъ послѣдствіямъ, но юридическое ихъ значеніе одно и то же. Въ томъ и другомъ случаѣ

долженъ быть рѣшенъ вопросъ, на чьей сторонѣ право, т.-е. должно быть сдѣлано примѣненіе закона къ отдѣльному факту; а въ этомъ-то и состоитъ функція судебной власти.

Еслибъ составители Положенія исходили изъ общихъ началъ государственнаго права, то они не стали бы задаваться мыслію о существующемъ у насъ пробѣлѣ въ административномъ строѣ, и не пришли бы къ убѣжденію о необходимости въ каждомъ вѣдомствѣ имѣть особый органъ для разрѣшенія такъ-называемыхъ судебно-административныхъ вопросовъ. Они весьма естественно должны бы придти къ заключенію, что нѣтъ никакой необходимости учреждать особое присутствіе, такъ какъ всѣ вопросы, въ случаѣ замѣченной незаконности дѣйствій городского управленія или жалобъ и пререканій, могли бы разсматриваться судомъ, въ общемъ порядкѣ законами установленномъ.

Этимъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе устройства городского управленія. Какое же заключеніе должны мы вывести изъ всего изложеннаго выше. Намъ кажется, что Городовое Положеніе представляетъ возможность для администраціи распоряжаться по усмотрѣнію всѣмъ городскимъ хозяйствомъ, черезъ посредство городского головы. Мы не хотимъ этимъ сказать, что такова была цѣль Положенія, но таковы оказываются послѣдствія, которыхъ, быть можетъ, никто не желалъ. Невѣрность основныхъ началъ всегда приводитъ къ подобнымъ результатамъ.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября, 1871.

Новый и новѣйшій проектъ устава реальныхъ училищъ.—Вопросъ о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. — Главныя черты прежняго проекта и искусственность его основаній. — Изслѣдованіе профессора А. В. Лѣтникова о системѣ реальнаго образованія. — Очеркъ современнаго устройства реальныхъ училищъ въ западной Европѣ вообще. — Почему городскія училища, а не монастырскія, были первыми реальными училищами? — Спеціальный вопросъ о преподаваніи латинскаго языка въ реальной школѣ. — Общая характеристика полемики классицизма и реализма.

Послѣдняя законодательная работа по проектамъ министерства народнаго просвѣщенія о реальныхъ училищахъ еще не началась; въ ноябрѣ, какъ мы слышали, особое присутствіе государственнаго совѣта приступитъ вновь къ разсмотрѣнію новѣйшаго проекта устава реальныхъ училищъ, которымъ министерство, говорятъ, замѣнило свой новый проектъ, представленный имъ въ государственный совѣтъ нынѣшней весною и возвращенный для исправленія по указаніямъ того высшаго учрежденія. Каковы отношенія новѣйшаго проекта (представленнаго осенью) къ новому проекту (представленному весною) — этотъ важный для общества вопросъ остается тайной, или вѣрнѣе сказать, предметомъ гаданій, какъ то бываетъ всегда съ тайнами вообще. Весною, о содержаніи прежняго проекта намъ проговорился тотъ органъ, который обыкновенно беретъ на себя содѣйствіе предположеніямъ министерства народнаго просвѣщенія; но на этотъ разъ, вѣроятно, и ему не сообщено никакихъ свѣдѣній; и онъ поставленъ въ равныя, хотя и невыгодныя условія со всѣмъ русскимъ обществомъ. Но быть можетъ, онъ молчитъ только потому, что не имѣетъ нынѣшній разъ сообщить ничего, что могло бы быть ему пріятно; или онъ просто проученъ первою своею неосторожностью. Такъ, или иначе, но новѣйшій проектъ охраненъ не только отъ неумѣстнаго любопытства общества, но быть можетъ и отъ „медвѣжьихъ" услугъ того органа, который сталъ-было считать себя компетентнѣе всего общества въ этомъ дѣлѣ. Страннымъ остается

одно, что нынѣ даже въ вопросахъ внѣшней политики, которые въ прежнее время, какъ извѣстно, считались совсѣмъ недосягаемыми простому общественному уму, нерѣдко допускается не только гласность, но даже дѣлаются ссылки на общественное мнѣніе; а между тѣмъ такой вопросъ, какъ объ устройствѣ школы, вопросъ издавна считавшійся подлежащимъ общественному сужденію и экспертизѣ, нынѣ повидимому окончательно изъятъ изъ вѣдѣнія общества, и первымъ условіемъ для успѣшнаго хода дѣла здѣсь признается уже не содѣйствіе общества, а строгая, безусловная тайна.

Не зная поводовъ, по которымъ такъ укрывается отъ общества обработка его же умственной будущности, мы всеже остаемся неубѣжденными въ необходимости устраненія общественнаго голоса именно отъ такого дѣла, остаемся при прежнемъ, можетъ быть — рутинномъ воззрѣніи, что въ вопросѣ объ устройствѣ школъ обществу можетъ принадлежать голосъ, тѣмъ болѣе, что отъ общества же потомъ ожидается содѣйствіе матеріальными средствами для осуществленія того или другого идеала, который будетъ выработанъ на его пользу дѣятельнымъ, хотя и негласнымъ попечительствомъ административнаго вѣдомства. Въ силу такого убѣжденія мы и считаемъ обязанностью возвратиться еще разъ къ вопросу о реальныхъ училищахъ, по поводу новѣйшаго проекта о нихъ, какъ мы уже имѣли случай говорить весною о новомъ.

Вопросъ этотъ въ настоящую минуту представляется при иной обстановкѣ: теперь уже всѣ гимназіи, въ которыхъ было прежде введено преподаваніе хотя бы одного изъ древнихъ языковъ, преобразуются въ заведенія строго-классическія, съ весьма значительнымъ усиленіемъ въ нихъ преподаванія обоихъ древнихъ языковъ, и съ поставленіемъ — какъ то было самымъ рѣшительнымъ образомъ выражено въ особомъ циркулярѣ — этихъ языковъ первостепенными, главнѣйшими предметами всего гимназическаго курса, основаніемъ его и главной его цѣлью, такъ что неуспѣвающимъ въ древнихъ языкахъ будетъ даже запрещено обучаться новымъ. Въ то время, какъ въ Европѣ, такимъ образомъ, гимназія, оставаясь классическою въ силу преданій, которыя сильнѣе всего именно въ учебномъ дѣлѣ, постоянно расширяла кругъ своего преподаванія, давая въ немъ все большее и большее развитіе наукамъ и языкамъ живымъ, нашей гимназіи указанъ путь иной. Не будемъ теперь оцѣнивать значенія этого факта; онъ рѣшенъ и слѣдуетъ ожидать его примѣненій на практикѣ. Мы упомянули о немъ здѣсь, желая только напомнить, что такая спеціализація гимназій въ смыслѣ классицизма у насъ въ настоящую минуту еще только предпринимается и представляетъ еще только начало опыта. Въ Европѣ, гдѣ гимназія идетъ отъ латинской нормы средневѣковой школы, удержаніе древнихъ языковъ преобладающими въ курсѣ предметами — хотя и не въ такой

уже мѣрѣ какъ въ прежнія времена — объясняется осторожностью, опасливостью колебать учебное дѣло опытами. Но для постепеннаго преобразованія гимназій въ Германіи, по крайней мѣрѣ, открыта возможность добыть новыя указанія путемъ опыта и безъ ломки всей учебной системы: тамъ на ряду съ гимназіями, еще держащимися классицизма, возникаетъ, разростается и процвѣтаетъ все болѣе и болѣе — цѣлая система реальныхъ, общеобразовательныхъ училищъ. Ясно, что эти реальныя училища и дадутъ тотъ опытъ, который современемъ видоизмѣнитъ гимназіи, хотя бы только силою одной конкурренціи.

Но у насъ превращеніе гимназій въ строго-классическія еще только-что предпринимается; оно само не только не утвердилось, но еще только-что начинается, еще требуетъ фактическихъ доказательствъ самой своей осуществимости. Это еще только начало опыта, а потому тѣмъ болѣе намъ необходимо не возлагать всѣхъ шансовъ нашего образованія на одинъ, односторонній опытъ, но рядомъ съ нимъ допустить опытъ иной учебной системы, столь же процвѣтающей на Западѣ, дабы поставить будущность нашего средняго образованія твердо, дать ему весь просторъ развитія по тѣмъ путямъ, какіе предоставлены ему въ Европѣ. Иначе значило бы, что мы весь вопросъ о будущности образованія въ Россіи связываемъ безусловно съ вопросомъ о томъ, удастся или не удастся въ Россіи постройка всего учебнаго дѣла на двухъ древнихъ, Россіи чуждыхъ языкахъ. Иными словами, если, предпринявъ нововведеніе, опытъ, въ томъ смыслѣ, чтобы сдѣлать древніе языки главными предметами въ гимназіи, мы рядомъ съ гимназіями не поставимъ другихъ среднихъ общеобразовательныхъ училищъ, съ преподаваніемъ основаннымъ на наукахъ и новыхъ языкахъ, то этимъ мы какъ бы скажемъ себѣ: не удастся среднее образованіе основанное на древнихъ языкахъ, ну, такъ и совсѣмъ не надо средняго образованія. Но отказываясь отъ допущенія наравнѣ съ классическими реальныхъ училищъ, мы, во-первыхъ, отклонимся отъ примѣра Европы, гдѣ существуютъ совмѣстно обѣ системы *общаго образованія*; а во-вторыхъ: мы станемъ въ положеніе весьма опасное въ сравненіи съ Европою, потому именно, что у насъ еще неизвѣстно что́ выйдетъ изъ нынѣшняго опыта преобразованія гимназій [1]).

---

[1]) Объ этомъ можно судить приблизительно по опредѣленію историко-филологическаго факультета кіевскаго университета, отъ 29 мая 1871 года. Забота объ усиленіи классицизма у насъ предшествовала послѣднему уставу и уже нѣсколько лѣтъ сряду сосредоточено было все вниманіе на преподаваніи древнихъ языковъ, а въ нынѣшнемъ году упомянутый факультетъ вынужденъ былъ обсуждать мѣры относительно тѣхъ студентовъ, которые пишутъ по-русски «безъ соблюденія ороографіи и употребляя неправильные обороты рѣчи». Факультетъ опредѣлилъ взять на себя трудъ доучивать студентовъ отечественному языку. Совершенно подобное происходило въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ, когда во многихъ гимназіяхъ совсѣмъ пренебре-

Мы видимъ, что Пруссія имѣетъ превосходныя классическія гимназіи, но не довольствуясь этимъ, она рядомъ съ ними, въ равномъ положеніи, учредила у себя не менѣе превосходныя общеобразовательныя реальныя училища. Развѣ мы имѣемъ болѣе правъ, чѣмъ Пруссія, отказаться отъ реальнаго образованія и ограничиться классическимъ? Мы не знаемъ даже, будетъ ли еще наша классическая гимназія, при маломъ сочувствіи общества, при отсутствіи и преданій, и учителей, тѣмъ, чѣмъ мы ее видимъ въ Пруссіи. Отказываться отъ учрежденія общеобразовательныхъ реальныхъ училищъ у насъ было бы, повторяемъ, не только неблагоразумно, но и положительно опасно, такъ какъ мы еще не знаемъ къ чему приведетъ на дѣлѣ преобразованіе нашихъ гимназій.

Это практическое соображеніе должно стоять, намъ кажется, на первомъ планѣ при обсужденіи новѣйшаго проекта устава реальныхъ училищъ. Становиться на ту исходную точку, что еще неизвѣстно, успѣшно ли пойдетъ дѣло преобразованія въ гимназіяхъ, вовсе не значитъ вновь возбуждать вопросъ рѣшенный или выражать недовѣріе къ мѣрамъ уже предпринятымъ. Осторожность есть первое правило государственной мудрости; а осторожность, нисколько не касаясь существа предпринятой, но еще недознанной опытомъ мѣры, только велитъ не полагаться во всемъ на нее одну, и подготовляетъ государству различные пути къ одной цѣли, для болѣе вѣрнаго ея достиженія. Цѣль же въ настоящемъ случаѣ — само среднее образованіе, а не тотъ или другой методъ; оба извѣстные метода должны быть допущены, чтобы обезпечить вѣрнѣйшее достиженіе самой цѣли.

Быть можетъ, новѣйшій проектъ устава реальныхъ училищъ, нынѣ выработанный министерствомъ народнаго просвѣщенія по указаніямъ государственнаго совѣта, и ведетъ къ этой цѣли. Мы не имѣемъ о немъ свѣдѣній; быть можетъ, убѣдясь изъ судьбы новаго проекта, что большинство нашихъ государственныхъ людей твердо стоитъ за принципъ, уже безповоротно разъясненный опытомъ другихъ странъ и вошедшій въ сознаніе просвѣщенныхъ людей всей Европы, тотъ принципъ, что новые языки и науки *не менѣе*, какъ и древніе языки, имѣютъ общеобразовательное значеніе, что въ реальномъ образованіи достигаются тѣже цѣли, какія поставляетъ себѣ классицизмъ, только иными никакъ не менѣе вѣрными путями — можетъ быть, министерство и поддалось дѣйствію этого убѣжденія и представило нынѣшній разъ планъ учрежденія „общеобразовательныхъ“ реальныхъ училищъ, а не профессіональныхъ, какія оно предполагало прежде.

Но, можетъ быть, мы и ошибаемся. Можетъ быть, министерство

гали роднымъ языкомъ. Нашъ новый уставъ гимназій еще болѣе ослабилъ обученіе русскому языку, возложивъ преподаваніе его на учителей латинскаго языка, которые могутъ быть иногда иностранцами.

въ новомъ проектѣ отказалось сдѣлать какую-либо уступку отъ своего прежняго основанія, а именно: что реальныя училища въ смыслѣ общеобразовательныхъ не должны быть допущены уже для того собственно, чтобы не было удачной конкурренціи классическимъ гимназіямъ; что реальныя училища если и могутъ быть допущены въ государствѣ, то никакъ не на равномъ положеніи (coordinirte Stellung) съ гимназіями, какъ въ Пруссіи, а только въ видѣ низшихъ училищъ, для низшихъ классовъ общества, съ низшимъ идеаломъ умственнаго развитія для учениковъ, съ курсомъ не общеобразовательнымъ, а прикладнымъ, профессіональнымъ. Быть можетъ также и то, что въ новѣйшемъ проектѣ допущена какая-либо уступка на словахъ, въ названіяхъ, въ оговоркахъ. Но не въ этомъ дѣло, и такія уступки никого удовлетворить бы не могли. Для высшихъ государственныхъ учрежденій этотъ вопросъ не есть вопросъ о торжествѣ личнаго пристрастія, которое бы можно удовлетворить словами, не есть вопросъ самолюбія — но вопросъ о любви къ просвѣщенію въ Россіи. Тутъ дѣло не въ словахъ, а въ томъ, насколько новѣйшій проектъ устава, представленный министерствомъ народнаго просвѣщенія, *удаляется отъ новаго проекта*, который былъ представленъ весной. Новый проектъ, мы видѣли, былъ составленъ такимъ образомъ, что всѣ его основныя положенія вмѣстѣ, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности—отрицали общеобразовательный характеръ реальныхъ училищъ и вели самымъ рѣшительнымъ образомъ къ лишенію ихъ такого характера, къ устраненію всякой для нихъ возможности пріобрѣсть этотъ характеръ. Однимъ словомъ, прежній проектъ о реальныхъ училищахъ былъ написанъ подъ вліяніемъ заботы не о реальныхъ училищахъ, а все о тѣхъ же классическихъ гимназіяхъ, и притомъ заботы не вполнѣ справедливой: такъ какъ хижина реальнаго училища ставилась ниже самого цоколя величественнаго зданія гимназіи.

Итакъ, чтобы рѣшить вопросъ, насколько можетъ быть удовлетворителенъ новѣйшій, неизвѣстный намъ, проектъ министерства относительно реальныхъ училищъ, достаточно убѣдиться, насколько онъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ будетъ *непохожъ* на прежній; чѣмъ разница больше, тѣмъ новѣйшій проектъ лучше; чѣмъ ближе онъ къ прежнему, тѣмъ онъ неудовлетворительнѣе, потому что тѣмъ ближе онъ къ полному отрицанію всякаго общеобразовательнаго значенія за реальнымъ училищемъ, и къ намѣренному лишенію реальныхъ училищъ всякой возможности стать общеобразовательными учебными заведеніями.

Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ основныя положенія прежняго проекта, которыхъ желательно было бы не видѣть въ новомъ, а если они и теперь являются, желательно бы вовсе исключить, для того чтобы не исказить всей системы научнаго общаго образованія.

Прежній проектъ, признавая единственнымъ источникомъ общаго

образованія древніе языки, прямо объявлялъ своею цѣлью (стр. 28 и слѣд.), чтобы реальныя (то-есть именно научныя) училища не носили характеръ научныхъ, и не имѣли цѣлью всестороннее развитіе ума, а только „нѣкоторую спеціальную умственную подготовку", нѣсколько выше „доставляемаго народными школами начальнаго образованія". Цѣлью предположенныхъ тѣмъ проектомъ реальныхъ школъ было нѣчто противоположное общему образованію, а именно подготовка къ спеціальнымъ промышленнымъ занятіямъ, и предположенныя реальныя училища опредѣлялись какъ „училища, распространяющія средства къ пріобрѣтенію техническихъ и всякаго рода прикладныхъ знаній, благодѣтельствуя дѣтямъ среднихъ классовъ общества". Реальныхъ училищъ по образцу прусскихъ перворазрядныхъ, которыя даютъ дѣльное научное образованіе, не предполагалось; а вмѣсто нихъ были предположены такія училища, которымъ „главной цѣлью" ставилась (объясн. записка стр. 29) „подготовка къ поступленію прямо на практическое поприще промышленныхъ дѣятелей средняго разбора". Министерство однако считало нужнымъ оговориться, что предлагаемыя имъ школы не были школы ремесленныя, и въ дѣйствительности онѣ такими не были. Ремесленныя школы обучаютъ мастерствамъ и потому въ самомъ дѣлѣ подготовляютъ людей къ поступленію прямо на практическое поприще. Не таковы были „реальныя" школы, предположенныя министерствомъ; что̀ такое онѣ были, трудно даже опредѣлить. Характеръ имъ давался профессіональный, а между тѣмъ курсъ ученія опредѣлялся такой обширный, который ни для какой профессіи не нуженъ. Какъ профессіональныя, училища эти были предположены съ различными курсами ученія, „примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ и къ спеціальнымъ нуждамъ различныхъ родовъ промышленности и торговли".

Но мѣстныя потребности могутъ опредѣлять курсъ только школъ ремесленныхъ. Понятно, напр., что въ прибрежныхъ мѣстностяхъ полезно учить судостроенію. Но такъ какъ школы предположены были не ремесленныя, то различіе курса по мѣстностямъ и не имѣло никакого основанія. Примѣненіе же къ „спеціальнымъ нуждамъ различныхъ родовъ промышленности и торговли" возможно съ успѣхомъ только на низшей или на высшей степени образованія, но на средней такая спеціализація, какъ показалъ опытъ въ другихъ странахъ, всегда являлась какъ нѣчто искусственное, недостигающее ни теоретическаго значенія, ни практическаго смысла. Понятно, напр., что можно учить счетоводству въ школѣ предназначенной для торговаго сословія. Но есть ли раціональное основаніе учреждать особый курсъ всего средняго образованія для торговли, потому только, что въ него должно войти счетоводство? Развѣ счетоводство — наука, и развѣ можно сосредоточивать весь курсъ на счетоводствѣ? То же можно сказать и

о механикѣ. Въ ремесленной школѣ можно знакомить учениковъ наглядно съ инструментами, практическими пріемами и учить обращенію съ машинами. Въ высшей спеціальной школѣ механикѣ можетъ быть дано значеніе главнаго предмета, если это школа—техническая. Но школа средняя не можетъ быть спеціальною для механиковъ потому именно, что она не обучаетъ простымъ ремесленнымъ пріемамъ, какіе необходимы для мастеровыхъ, а теорія въ курсѣ этой средней школы не можетъ еще имѣть того развитія, чтобы служить основаніемъ для примѣненія, образуя ученыхъ техниковъ. „Различные курсы“ въ средней школѣ не обѣщаютъ рѣшительно никакого результата, и спеціализація средней школы всегда будетъ нѣчто не раціональное, а произвольное, не естественное, а искусственное и потому безплодное. Такія школы „съ различными курсами“ не образуютъ ни простыхъ, но знающихъ практически дѣло ремесленниковъ, ни ученыхъ спеціалистовъ. А между тѣмъ обширность, разбросанность ихъ курса, вслѣдствіе вторженія въ нихъ утилитарныхъ цѣлей, не даютъ ученикамъ такихъ школъ возможности чему-либо научиться серьезно: ни практическія свѣдѣнія, ни общее образованіе ими не пріобрѣтаются.

Все это подтверждено уже опытомъ въ другихъ странахъ, но достаточно даже бросить взглядъ на самое распредѣленіе уроковъ, предположенныхъ первымъ проектомъ реальныхъ школъ, чтобы убѣдиться въ совершенной произвольности, искусственности раздѣленія среднихъ учебныхъ заведеній на спеціальные курсы. Такъ въ росписаніи числа недѣльныхъ уроковъ въ шестиклассныхъ училищахъ „примѣнимыхъ къ потребностямъ торговаго сословія“, письмоводство и книговодство съ чистописаніемъ хотя и подавляютъ собою такіе общеобразовательные предметы какъ исторія и географія, но такъ какъ на книговодствѣ и письмоводствѣ нельзя сосредоточить шестилѣтній курсъ ученія, то и выходитъ, что самое большое число уроковъ въ этихъ школахъ отводилось русскому и иностраннымъ языкамъ. Въ такихъ же школахъ, приспособленныхъ къ механическимъ потребностямъ, курсъ сконцентрированъ опять на русскомъ языкѣ и одномъ иностранномъ; въ школахъ для *химиковъ* и горнозаводчиковъ наибольшее число уроковъ положено на рисованіе и черченіе. Иначе и быть не могло. Почему необходима особая средняя школа „приспособленная къ потребностямъ округовъ горнозаводскихъ“, когда все это *приспособленіе* должно заключаться въ продолженіи 6-тилѣтняго курса въ 9-ти урокахъ металлургіи и горнаго дѣла въ высшемъ классѣ? А между тѣмъ, общеобразовательный курсъ намѣренно искаженъ произвольной цѣлью, хотя и остается все-таки столько празднаго времени, что наибольшее число уроковъ должно быть отдано рисованію и черченію.

Вся эта искусственность, все это искаженіе общеобразовательнаго курса были обусловлены единственно желаніемъ недопустить, чтобы

учреждаемыя реальныя училища могли быть полными общеобразовательными учебными заведеніями и составить такимъ образомъ конкуренцію для гимназій. Но если наши классики, которые готовы всѣмъ пожертвовать для того именно, чтобы превознести надъ всѣмъ свои греко-латинскія школы, могутъ опасаться сильной конкурренціи со стороны хорошихъ реальныхъ школъ, то Россія совершенно наоборотъ заинтересована въ томъ, чтобы такая конкурренція была возможна. Всякій проектъ, который съ цѣлью предоставить классическимъ гимназіямъ монополію общаго образованія, намѣренно искажаетъ и ограничиваетъ общеобразовательный курсъ реальныхъ училищъ, долженъ быть признанъ противнымъ интересамъ Россіи. Школы для образованія техниковъ полезны, но онѣ не похожи на тѣ, какія были придуманы министерствомъ, да и вообще такія школы должны составлять предметъ заботъ министерства финансовъ, которому у насъ подчинены торговля и промыслы. Еще менѣе, школы имъ предположенныя соотвѣтствовали настоящей и первостепенной потребности государства: имѣть тѣ превосходныя истинно-общеобразовательныя школы, которыя существуютъ въ Пруссіи подъ именемъ реальныхъ училищъ перваго разряда. Чтобы убѣдиться, соотвѣтствуетъ ли этой потребности нынѣшній проектъ министерства, стóитъ только справиться, выкинуты ли изъ него всѣ главныя основанія прежняго, какъ-то: назначеніе реальныхъ училищъ для подготовки въ техники, приказчики и т. п., раздѣленіе училищъ по спеціальнымъ курсамъ, приспособленіе ихъ къ мнимымъ мѣстнымъ потребностямъ и т. д. Удержаніе въ новомъ уставѣ хотя бы одного изъ этихъ главныхъ основаній было бы равносильно искаженію всего дѣла и низведенію предполагаемыхъ училищъ со степени общеобразовательныхъ на степень мнимо-прикладныхъ, не общеобразовательныхъ и не ремесленныхъ, однимъ словомъ, впередъ запечатлѣнныхъ полной безплодностью.

Министерство для переработки своего проекта, какъ говорятъ, командировало лѣтомъ за границу то самое лицо, которому приписывалось составленіе передовыхъ статей въ нѣкоторыхъ газетахъ противъ реальныхъ училищъ, какъ общеобразовательныхъ, и поручило ему оцѣнить педагогическія системы, существующія на Западѣ и собрать свѣдѣнія объ устройствѣ реальныхъ училищъ въ Европѣ. Но матеріаловъ о нихъ собрано теперь довольно и независимо отъ стараній министерства, и между ними есть одинъ, обращающій на себя самое серьезное вниманіе. Мы разумѣемъ трудъ профессора московскаго техническаго училища, А. В. Лѣтникова, помѣщенный въ приложеніи къ отчету этого училища за 1870 — 71 учебный годъ [1].

---

[1]) См. «Отчетъ и рѣчи произнесен. въ торжеств. собраніи императ. москов. технич. училища, 8 сент. 1871 года».

Г. Лѣтниковъ даетъ полный, хотя и краткій очеркъ реальныхъ училищъ въ разныхъ государствахъ Европы и предлагаетъ свои весьма раціональныя основанія для устройства у насъ общеобразовательныхъ реальныхъ училищъ, а также промышленныхъ школъ. При обсужденіи новѣйшаго проекта министерства, нельзя не принять въ соображеніе и планъ, предлагаемый не со стороны классиковъ, а человѣкомъ знакомымъ съ сущностью реальнаго образованія и относящимся къ нему не съ равнодушіемъ и даже опасеніемъ, а съ любовью и убѣжденіемъ, а главное, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Можно смѣло утверждать, что профессоръ Лѣтниковъ, въ дѣлѣ знакомства съ реальнымъ образованіемъ и пониманіемъ его сущности, навѣрное не отстанетъ даже отъ г. Георгіевскаго. Пользуясь трудомъ г. Лѣтникова, мы постараемся указать на главныя черты устройства реальныхъ училищъ въ разныхъ государствахъ Европы [1]).

Фактъ, что борьба противъ исключительнаго преобладанія въ школѣ мертвыхъ языковъ есть не какое-либо новое движеніе, а вѣковой процессъ — не можетъ быть подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію. Школа въ Европѣ, можно сказать, возникла прежде наукъ. То, что мы называемъ теперь науками, находилось еще въ младенчествѣ, въ то время когда въ Европѣ уже установилась норма школы, которая доселѣ и сохраняетъ преданія, унаслѣдованныя отъ временъ совсѣмъ непохожихъ на наше. Въ средніе вѣка, точныя науки были еще только въ зародышѣ, да и всѣ прочія науки имѣли характеръ спекулятивный, гипотетическій, то-есть именно характеръ противоположный научному, какъ мы понимаемъ его теперь. При такомъ положеніи наукъ и при совершенномъ безсиліи современной мысли, школа должна была основаться на изученіи латинскаго языка, такъ какъ латынь

---

[1]) Кромѣ изслѣдованія г. Лѣтникова, мы можемъ еще указать на небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: «Учебный планъ реальныхъ училищъ», которая предварительно была напечатана въ «Голосѣ» (№ 264). Соглашаясь вполнѣ съ авторомъ относительно его взглядовъ вообще на реальное училище, какъ на общеобразовательное заведеніе, мы находимъ потому, что онъ не только противорѣчитъ намъ, но и противорѣчитъ самому себѣ, когда въ тоже время утверждаетъ, что «реальное училище занимаетъ среднее мѣсто между высшимъ спеціальнымъ заведеніемъ и низшею технической школою». Реальное училище есть такое же самостоятельное среднее учебное заведеніе, какъ и гимназія; цѣль его одна и таже съ гимназіею, и отличаются они другъ отъ друга только средствами. Вообще мы полагаемъ, что едва ли необходимо намъ задаваться составленіемъ того или другого проекта реальныхъ училищъ, когда въ Пруссіи и у насъ въ Ригѣ онъ окончательно выработанъ и провѣренъ опытомъ. Въ Пруссіи планъ реальныхъ училищъ вытекаетъ не изъ какихъ-нибудь нѣмецкихъ потребностей, а изъ общечеловѣческихъ, и потому напрасно возражаютъ необходимостью примѣняться къ какимъ-то нашимъ особенностямъ и съ этою цѣлью искажаютъ планъ нѣмецкой реальной школы. Идя такимъ путемъ, мы всегда рискуемъ получить вмѣсто реальной школы нѣчто такое, чему трудно будетъ придумать и названіе. Но объ этомъ мы еще поговоримъ.

представляла единственную дверь въ цивилизацію, которая вся заключалась въ древнемъ мірѣ. Возрожденіе дало новый толчокъ этому направленію школы, открывъ передъ ней міръ греческій. Но уже начиная съ конца XVI-го вѣка до нашего времени произошли такія событія, которыя опять совершенно измѣнили умственный міръ. Изобрѣтеніе книгопечатанія, открытіе Новаго Свѣта, возникновеніе точныхъ наукъ и примѣненіе даже къ филологіи, исторіи и философіи опытнаго метода и требованій научной достовѣрности, а наконецъ послѣдніе новѣйшія изобрѣтенія, значительно измѣнившія самыя условія быта человѣчества, создали совершенно новую цивилизацію, цивилизацію вполнѣ независимую отъ древней, такъ что сохраненіе связи между новой и древней цивилизаціями въ настоящее время представляетъ уже только историческій интересъ, а вовсе не необходимое условіе всякаго умственнаго развитія.

Такимъ образомъ, школа оставалась при прежнихъ преданіяхъ, отставала отъ духа и потребностей новаго времени, далеко опережавшей ее цѣлою системою цивилизаціи. И это понятно; понятно, почему школѣ трудно вдругъ подвергнуться коренной реформѣ: дѣло въ томъ, что школа должна давать молодымъ людямъ образованіе при такихъ условіяхъ, чтобы они получали возможность, способы и средства становиться въ кругъ дѣятелей своего времени, идя имъ на смѣну. Вотъ почему здѣсь трудно вдругъ порвать связь между двумя поколѣніями для того, чтобы грядущее поколѣніе могло вступить въ мѣста нынѣшняго наравнѣ съ нимъ и пользуясь всѣми его правами, необходимо чтобы новое поколѣніе не только получило образованіе, но и соотвѣтствовало тому традиціонному идеалу условной образованности, который признанъ обычаемъ и законодательствомъ и огражденъ всякими привилегіями. Вотъ почему школа по необходимости является учрежденіемъ упорно-консервативнымъ. Превосходство новыхъ идеаловъ можетъ быть сознано давно, и все-таки въ школѣ могутъ господствовать идеалы устарѣвшіе, только мало по малу уступающіе мѣсто новымъ, потому именно, что хотя учебную систему и можно бы измѣнить вдругъ, по раціональному плану, но нельзя закрыть для цѣлаго поколѣнія доступа къ тѣмъ правамъ, какими обычай и законодательство обставили и привилегировали прежній идеалъ образованности. Вотъ единственная истинная причина, въ силу которой классическая система продолжаетъ держаться въ Европѣ. Всѣ теоретическіе аргументы классиковъ слабы; силенъ только именно тотъ аргументъ, котораго они не заявляютъ, увѣренные, что онъ и самъ заявляетъ себя съ достаточною силой: ка́къ вдругъ перестать учиться тому, что вѣка считалось главной цѣлью ученья, главнымъ условіемъ образованности? Какъ вдругъ закрыть для одного, а можетъ быть для нѣсколькихъ поколѣній доступъ ко всѣмъ либеральнымъ профессіямъ и государ-

ственной службѣ? Когда, когда еще законодательство рѣшится отмѣнить привилегіи, которыми обставленъ классицизмъ, а между тѣмъ для новаго поколѣнія время не терпитъ; ему необходимо учиться и учиться тому, за чѣмъ уже признаны права.

Вотъ чѣмъ объясняется и тотъ фактъ, что реальныя училища возникли не въ видѣ монастырскихъ, откуда пошли классическія школы, а въ видѣ городскихъ училищъ, школъ для дѣтей городского сословія, менѣе заинтересованнаго въ пріобрѣтеніи того ученія, которое открываетъ доступъ къ привилегированному положенію въ церкви или въ государствѣ. Государство, какъ то показалъ примѣръ Пруссіи, только позже поняло значеніе реальной школы и для него. Притомъ реальныя училища возникли изъ городской школы не потому, будто науки имѣютъ менѣе общеобразовательной силы, чѣмъ изученіе двухъ мертвыхъ языковъ, а стало быть и годятся онѣ въ умственное достояніе однихъ только мѣщанъ, а никакъ не корифеевъ отечества. Вовсе не потому случилось это, а по той простой причинѣ, что промышленное сословіе болѣе независимо отъ штаттс-привилегій, чѣмъ такъ-называемыя высшія сословія, и могло подвергнуться новому эксперименту, который для послѣднихъ былъ просто немыслимъ. Оно было вольнѣе слѣдовать дѣйствительнымъ потребностямъ современности, хотя бы и порывая связь съ прошлымъ и отказываясь отъ правъ, которыя составляли монополію классицизма.

Такимъ-то образомъ, созрѣвавшій вѣками протестъ современной мысли противъ греко-латинскаго закрѣпощенія въ школѣ нашелъ себѣ исходъ и приложеніе въ городскихъ школахъ. Протестъ этотъ былъ уже весьма силенъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Не только ученые педагоги, но во Франціи даже парламенты стали требовать реформы системы народнаго образованія въ смыслѣ наукъ и противъ преобладанія мертвыхъ языковъ. Начался же протестъ еще раньше, а именно былъ заявленъ еще Монтанемъ и формулированъ Бэкономъ въ планѣ раціональнаго ученія. Но для того, чтобы новая, благотворная мысль могла осуществиться на практикѣ, необходимо было именно, чтобы она попала въ такую среду, которая согласилась бы подчиниться эксперименту. Этого нельзя было ожидать со стороны высшихъ сословій, нельзя было ожидать и отъ тѣхъ странъ, въ которыхъ всѣ школы до нынѣшняго столѣтія управлялись духовенствомъ. Стало быть, осуществленія новой мысли, хотя и извѣстной во Франціи и Англіи, нельзя было ожидать въ этихъ странахъ. Одна Германія еще съ XII-го столѣтія имѣла городскія школы, возникшія самостоятельно и сперва, имѣвшія практическій характеръ, но потомъ подчинившіяся латыни. Вотъ въ этихъ-то только школахъ, которыхъ ученики не мечтали о государственныхъ привилегіяхъ, въ этихъ только школахъ, непринадлежащихъ духовенству, и могла осуществиться

мысль объ эманципаціи ученья отъ классицизма и о признаніи общеобразовательнаго свойства за науками. Такъ-то трудно бываетъ осуществленіе самой простой и очевидной общественной мысли.

Мы не будемъ повторять здѣсь исторіи реальной школы въ Германіи. Достаточно напомнить, что она возникла въ половинѣ прошлаго столѣтія. Между тѣмъ, классическая школа, хотя и не подверглась полной реформѣ вслѣдствіе указанной выше причины, обусловливающей консерватизмъ школы, которая готовитъ дѣятелей для государства, испытала-таки на себѣ вліяніе новой, раціональной мысли. Нѣкоторыя классическія гимназіи въ Германіи еще въ прошломъ столѣтіи измѣнили свой учебный планъ такъ, что превратились въ дѣйствительно реальныя школы, и всѣ остальныя, подъ вліяніемъ реализма, постепенно удалились отъ своего первообраза, включили въ свой курсъ преподаваніе новыхъ языковъ и расширили научное преподаваніе такъ, что въ сравненіи съ прежнимъ типомъ, онѣ всѣ уже находятся теперь на пол-дорогѣ къ реализму, и только упорно охраняютъ свой классическій принципъ, съ которымъ связано ихъ привилегированное положеніе.

Но если Франція не дала первыхъ средствъ къ примѣненію мысли объ устройствѣ средняго образованія на реальной системѣ наукъ, за то Франціи принадлежитъ та заслуга, что она своей знаменитой политехническою школой доказала, что и безъ девятилѣтняго изученія мертвыхъ языковъ можно имѣть не только образованныхъ людей, но и замѣчательныхъ ученыхъ. Основатели парижской политехнической школы Монжъ, Бертолле́, Фуркруа́ и другіе первостепенные ученые поставили въ ней, такъ сказать, монументальное свидѣтельство и вмѣстѣ огромное пособіе современному успѣху реальныхъ наукъ. „Дипломъ бывшаго ученика политехнической школы", говоритъ г. Лѣтниковъ, „сталъ цѣниться выше диплома доктора университета. Уже въ 1825-мъ году въ парижской академіи наукъ бо́льшая часть мѣстъ была занята бывшими воспитанниками школы". И въ самомъ дѣлѣ, воспитанники этой школы были Пуансо́, Понселе́, Коши́, Ламе́, Реньо́, люди, двигавшіе впередъ науку. „Большинство этихъ знаменитостей", заключаетъ г. Лѣтниковъ, „или вовсе не проходили классической школы, или проходили ее въ весьма ограниченномъ размѣрѣ", такъ какъ отъ вступавшихъ въ политехническую школу требовалось знать только „достаточно латыни, чтобы переводить de Officiis Цицерона. Это даетъ указаніе на то, что не одно усиленное изученіе древнихъ языковъ, въ возрастъ отъ 9-ти до 20-ти лѣтъ, можетъ приводить къ плодотворной ученой дѣятельности". А у насъ еще и теперь проповѣдуется, что внѣ такого условія невозможно сколько-нибудь удовлетворительное умственное развитіе, на дняхъ же одинъ изъ органовъ нашей журналистики нашелъ случай заявить, что реальное образова-

ніе можетъ приготовлять только „реальныхъ бездѣльниковъ". Какъ будто бы невозможны „классическіе бездѣльники"?!

Самый планъ политехнической школы, при ея основаніи, былъ торжествомъ именно силы умственнаго развитія на реальной почвѣ: сама политехническая школа не задавалась спеціальностями, практическими приспособленіями, изъ которыхъ у насъ теперь хотятъ создать среднее реальное образованіе. Политехническая школа предоставляла практическое примѣненіе другимъ, спеціальнымъ школамъ, а сама сосредоточивала свой курсъ на математикѣ, обнимая вмѣстѣ механику, физику, химію и французскую литературу. Блестящіе успѣхи политехнической школы оказали большое вліяніе на учебную систему во Франціи и внѣ Франціи. Во Франціи, подъ ихъ вліяніемъ, въ среднихъ училищахъ начàла нынѣшняго столѣтія главнымъ предметомъ стала, въ дѣйствительности, математика. Кто можетъ сказать, какое вліяніе оказала политехническая школа на доставленіе Франціи того могущества и богатства, какія она проявила въ первой половинѣ текущаго вѣка?

Несомнѣнно то, что за примѣромъ Франціи, и именно въ виду того политическаго могущества, какое Франція при первомъ Наполеонѣ почерпнула, между прочимъ, изъ силы своего математическаго и техническаго образованія, и другія государства озаботились усиленіемъ математики въ курсѣ своихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также и учрежденіемъ „политехникумовъ" по образцу знаменитой французской школы.

По мѣрѣ того какъ въ Германіи прилагалось все болѣе и болѣе стараній объ усиленіи высшаго техническаго образованія, а во Франціи такія старанія останавливались, и самое политическое могущество стало переходить на сторону Германіи.

Въ Германіи теперь существуетъ до пятнадцати высшихъ политехническихъ институтовъ, не считая высшихъ спеціальныхъ училищъ: инженернаго, артиллерійскаго, лѣсного, строительнаго, земледѣльческаго, горнаго дѣла и т. д. „Нѣкоторые изъ политехникумовъ" замѣчаетъ г. Лѣтниковъ, „имѣютъ отъ 500 до 1000 и болѣе слушателей, и слѣдовательно многолюднѣе многихъ университетовъ въ ихъ полномъ составѣ четырехъ факультетовъ". „По примѣру Франціи, говоритъ нашъ авторъ, „политехническія школы Германіи стали быстро возвышать уровень своихъ требованій отъ вновь поступающихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширять объемъ преподаванія теоретическихъ предметовъ, положивъ ихъ изученіе основаніемъ для прикладныхъ наукъ, изложеніе которыхъ начало уже принимать строго-научный характеръ. Къ тому времени, когда мнимо-практическія требованія и многія „политическія" соображенія ложнаго свойства, заставили французское правительство 1852-го года понизить уровень теоретическаго,

а съ тѣмъ вмѣстѣ и практическаго образованія въ парижской политехнической школѣ — несмотря на протесты знаменитыхъ ученыхъ, и въ томъ числѣ Араго́, голосъ котораго былъ заглушенъ криками разныхъ выслуживавшихся людей—въ Германіи теоретическое образованіе въ политехникумахъ шло постоянно возвышаясь, такъ что въ наше время иностранцы со всѣхъ концовъ Европы ѣдутъ учиться уже въ германскія спеціальныя школы, понемногу забывая о блестящемъ прошломъ французскихъ учрежденій". Немудрено, повторяемъ, что и политическое могущество стало переходить на сторону Германіи.

Если такова сила *теоретическаго* изученія реальныхъ наукъ въ самыхъ высшихъ техническихъ училищахъ, то не ясно ли до очевидности, что среднія реальныя училища должны исключительно ограничивать свой научный курсъ именно теоріею, а не приспособленіями къ книговодству, или хотя бы къ машинному дѣлу? Блестящіе примѣры французской политехнической школы и германскихъ политехникумовъ самымъ несомнѣннымъ образомъ доказываютъ двѣ истины: 1) что изученіе теоріи реальныхъ наукъ обезпечиваетъ высокое умственное развитіе, и 2) что вся образовательная сила реальныхъ предметовъ заключается именно въ теоріи, а не въ приспособленіяхъ, и что, стало быть, реальныя училища будутъ состоятельны только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они имѣли цѣлью полное умственное развитіе теоретическимъ научнымъ преподаваніемъ, а не „умственную подготовку людей прямо къ практической дѣятельности", какъ выражался первый проектъ нашего министерства. Если съ пониженіемъ уровня теоретическаго преподаванія въ самыхъ высшихъ техническихъ учрежденіяхъ падаетъ ихъ значеніе, даже практическое, то тѣмъ болѣе ограниченія, искаженіе общеобразовательнаго значенія реальныхъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ мнимо-практическими цѣлями лишаетъ ихъ всякаго значенія, состоятельности, и осуждаетъ ихъ на полную безплодность. Если они не будутъ общеобразовательными реальными училищами, то пусть они будутъ школами мастеровыхъ — тогда они будутъ имѣть свой смыслъ. Но въ томъ видѣ, какъ они были предположены у насъ, въ первомъ проектѣ, они рѣшительно никакого значенія имѣть не могутъ.

Въ своемъ прежнемъ проектѣ наше министерство народнаго просвѣщенія отказывалось принять за образецъ устройство реальныхъ училищъ въ сѣверной Германіи, гдѣ они впервые возникли и дошли до высшей степени процвѣтанія. Почему министерство не считало прусскій опытъ убѣдительнымъ и прусскій образецъ пригоднымъ—совершенно непонятно. Въ этомъ отношеніи пояснительная записка къ проекту выражалась весьма кратко: „прусскія реальныя училища не могутъ служить ни въ какомъ отношеніи образцомъ для нашихъ реальныхъ училищъ, коихъ цѣлью *поставлено* сообщеніе познаній не-

посредственно-полезныхъ для будущихъ сельскихъ хозяевъ, купцовъ, заводчиковъ, механиковъ" и т. д. Иными словами: реальныя училища мы не сдѣлаемъ общеобразовательными по примѣру Пруссіи, несмотря на блестящій ея опытъ, потому — что мы хотимъ сдѣлать ихъ практическими. Но если достаточно собственнаго желанія, чтобъ исчезла вся убѣдительность чужого примѣра, то зачѣмъ же вообще искать такихъ примѣровъ и ссылаться на нихъ? „Наши реальныя училища", сказано было далѣе (стр. 36) въ запискѣ, „по характеру своему, будутъ подходить не къ прусскимъ, а къ австрійскимъ, виртембергскимъ, швейцарскимъ, бельгійскимъ и французскимъ училищамъ этого рода". И въ дѣйствительности, планъ, начертанный министерствомъ, ближе всего подходилъ именно къ австрійскому. Но почему же дается предпочтеніе этимъ послѣднимъ примѣрамъ? Почему дается предпочтеніе не примѣру сѣверной Германіи, гдѣ реальныя училища впервые возникли, и гдѣ они пріобрѣли уже готовымъ, долговременнымъ опытомъ значеніе, неподлежащее болѣе никакому сомнѣнію, а примѣру тѣхъ именно странъ, которыя, какъ Австрія, Франція, Бельгія, стали заводить у себя реальныя училища изъ подражанія опыту Пруссіи, только ограничились подражаніемъ неполнымъ? Почему отдавать предпочтеніе примѣру тѣхъ странъ, гдѣ реальныя училища устроены еще только недавно и гдѣ результаты принятой для нихъ системы еще далеко не полны, не несомнѣнны, и подвергаются еще, какъ въ Австріи и Франціи, колебаніямъ? Не очевидно ли, благоразумнѣе было бы подражать прямо и вполнѣ Пруссіи, а не подражать ея подражателямъ, вводя у насъ систему реальныхъ училищъ - imitation, систему изъ вторыхъ рукъ, систему недостаточно испробованную?

Но что совершенно необъяснимо въ прежней запискѣ министерства, въ виду примѣра Пруссіи, Саксоніи, Бадена, такъ это завѣреніе (стр. 37), будто „опыты всѣхъ другихъ странъ Европы приводятъ къ тому убѣжденію, что реальныя училища, въ видахъ дѣйствительной пользы для страны, должны быть учреждаемы неиначе какъ съ различными спеціальными учебными курсами, примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ и нуждамъ различныхъ родовъ промышленности и торговли"! Это говорится въ виду примѣра Пруссіи, гдѣ не только общеобразовательность проведена вполнѣ въ курсы высшихъ реальныхъ училищъ, но гдѣ прямо *предписано* устранять отъ этихъ училищъ всякій практическій, профессіональный характеръ! „Еще Фридрихъ Великій", замѣчаетъ г. Лѣтниковъ, „настаивалъ на необходимости удержать общеобразовательный характеръ въ новыхъ училищахъ и въ виду этой цѣли, сообразно понятіямъ своего времени, требовалъ мѣста въ учебномъ планѣ (ихъ) для латинскаго языка".

Но обратимся сперва къ устройству реальныхъ школъ въ тѣхъ

странахъ, которыя перенесли къ себѣ прусскую систему неполно, исказили ее практическими цѣлями, обратимся къ Австріи, Виртембергу, Франціи и т. д., которыя почему-то рекомендуются намъ въ обязательный примѣръ. Прежде всего замѣтимъ, что примѣръ Виртемберга не подкрѣпляетъ предположеннаго у насъ устройства реальныхъ училищъ. Реальныя училища въ Виртембергѣ раздѣляются на низшія и высшія; высшія, дѣйствительно, имѣютъ спеціальный характеръ, но ихъ нельзя и назвать средними учебными заведеніями: это просто приготовительныя заведенія для поступленія въ высшія спеціальныя школы и курсъ въ нихъ обыкновенно ограничивается двумя годами. Что касается низшихъ реальныхъ училищъ въ Виртембергѣ, то они хотя по уровню преподаванія не равняются прусскимъ реальнымъ училищамъ перваго разряда, но все-таки имѣютъ характеръ общеобразовательныхъ; никакихъ приспособленій къ мѣстнымъ потребностямъ въ планѣ ихъ (1864) нѣтъ, нѣтъ и техническихъ приложеній; а за то дано необыкновенно сильное развитіе преподаванію ариѳметики и французскаго языка; въ низшихъ классахъ преобладаетъ французскій языкъ, въ высшихъ—математическое преподаваніе, и притомъ въ совершенно одинаковой по числу часовъ, только обратной прогрессіи. Въ нихъ преподается и англійскій языкъ, стало быть два новыхъ, а до 1864-го года преподавался и латинскій языкъ. Замѣтимъ, что этихъ низшихъ реальныхъ училищъ въ Виртембергѣ—46, огромное число для этой страны, высшихъ же гораздо менѣе.

Въ Баваріи цѣлью реальной гимназіи указано подготовленіе къ профессіямъ, основаннымъ на точныхъ наукахъ; но проектъ нашего министерства благоразумно и не ссылался на такое, повидимому благопріятное его мнѣнію опредѣленіе, потому именно, что въ весьма обширномъ учебномъ планѣ баварскихъ реальныхъ гимназій имѣется все, кромѣ именно „приспособленій“ къ мѣстностямъ, и „примѣненій“ къ мастерству или приказчичеству. Математика въ немъ обнимаетъ даже высшій анализъ; преподаются два новыхъ языка, кромѣ отечественнаго, а сверхъ нихъ и латинскій. Организація баварскихъ реальныхъ училищъ опредѣлена королевскимъ повелѣніемъ 1864-го года, который и учредилъ въ Баваріи шесть реальныхъ гимназій.

Ближе всѣхъ къ первому проекту нашего министерства, какъ уже сказано, подходитъ именно примѣръ устройства реальныхъ училищъ въ Австріи. Но примѣръ Австріи новъ: до 1850-го года въ ней вовсе и не существовало реальныхъ училищъ, кромѣ пяти школъ, непосредственно назначенныхъ для приготовленія учениковъ въ пять же политехническихъ институтовъ, съ которыми онѣ имѣли прямую связь. Австрійскимъ реальнымъ школамъ, которымъ хотятъ подражать у насъ, организація дана была въ 1851-мъ году. Реальныя училища въ Австріи были раздѣлены на низшія, съ трехлѣтнимъ курсомъ, и вы-

шія, съ шестилѣтнимъ курсомъ. Цѣлью ихъ указывалось давать именно общее образованіе и тѣ свѣдѣнія, которыя заключали бы подготовку для промышленныхъ профессій и поступленія въ высшія спеціальныя школы; стало быть, цѣль была не одна, а двѣ, и какъ то представляется неизбѣжнымъ, первая цѣль (общее образованіе) и была принесена въ дѣйствительности въ жертву второй (профессіальной), а вторая, въ свою очередь, все-таки стѣсняемая первою, достигнута не была. Все это совершенно соотвѣтствуетъ тому, что предлагалось теперь у насъ, и осуществляетъ идеалъ той мнимо-реальной школы, которая не даетъ ни серьезнаго общаго образованія, ни серьезнаго знанія мастерства или техники. Г. Лѣтниковъ приводитъ и росписаніе уроковъ въ одной изъ такихъ школъ (шестиклассной) въ Вѣнѣ.

Въ этомъ росписаніи, дѣйствительно, усматриваются и механика, и черченіе машинъ, и ученіе о машинахъ, и постройка зданій; латинскій языкъ отсутствуетъ, а иностранный живой языкъ необязателенъ, но имъ дозволено заниматься во внѣклассное время; къ преподаванію присоединяются и лабораторныя занятія. Первые три класса образуютъ самое низшее реальное училище. Въ этихъ классахъ съ преподаваніемъ ариѳметики соединены приложенія къ торговлѣ и бухгалтеріи; геометрія преподается вмѣстѣ съ черченіемъ во второмъ классѣ, въ третьемъ черченіе преподается съ архитектурой. Полезенъ долженъ быть курсъ архитектуры въ третьемъ (снизу) классѣ реальнаго училища, гдѣ его проходятъ 14-тилѣтніе мальчики, въ 4 часа понедѣльно! Физика и химія преподаются въ низшемъ училищѣ въ видѣ сокращенныхъ, но самостоятельныхъ предметовъ. Въ географіи и исторіи ограничиваются преимущественно географіею Европы и исторіею Австріи. Предметомъ особеннаго вниманія не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ, служитъ рисованіе, въ которомъ (говоримъ словами автора), по отзывамъ спеціалистовъ, ученики австрійскихъ училищъ, дѣйствительно, дѣлаютъ хорошіе успѣхи. Преподаваніе математики въ высшихъ классахъ ограничивается основаніями алгебры, геометріи и тригонометріи со многими приложеніями. Программа химіи включаетъ и металлургію; преподаваніе отечественнаго языка соединено съ изученіемъ литературы; съ географіею соединяется и статистика. Вотъ какую общую характеристику даетъ г. Лѣтниковъ, говоря объ австрійскихъ реальныхъ училищахъ: „изъ всего приведеннаго выше видно, что въ Австріи до послѣдняго времени не существовало собственно (по уставу 1851-го года) общеобразовательныхъ реальныхъ заведеній, какъ въ Пруссіи и во всѣхъ прочихъ германскихъ государствахъ. Австрійскія реальныя училища суть промышленныя спеціальныя школы низшаго порядка, только отчасти пополняющія общее образованіе начальнаго училища“. Вотъ тѣ училища, которыя наше министерство народнаго просвѣщенія поставило во гла-

вѣ приводимыхъ имъ образцовъ и которымъ оно собирается подражать, о чемъ и заявляло открыто, говоря, что у насъ введеніе такой же специализаціи уже поставлено цѣлью. Образцы эти кажутся для него убѣдительнѣе, чѣмъ примѣръ Пруссіи; но менѣе убѣдительными они, какъ объяснимъ сейчасъ, оказались для самой Австріи. „Австрійскія реальныя училища болѣе всѣхъ другихъ заботились о пріобрѣтеніи ихъ учениками практическихъ, утилитарныхъ знаній", говоритъ нашъ авторъ, но прибавляетъ: „ихъ учебный планъ показываетъ какъ нельзя лучше, что подобная цѣль можетъ быть достигнута только при огромныхъ пожертвованіяхъ въ общемъ развитіи".

И дѣйствительно, какъ уже замѣчено выше, австрійскія реальныя школы „только отчасти пополняли общее образованіе начальнаго училища", то-есть вполнѣ соотвѣтствовали идеалу, который въ прежнемъ проектѣ нашего министерства былъ выраженъ (стр. 28) такимъ образомъ, чтобы реальныя училища не носили характеръ научныхъ, и давали только „нѣкоторую спеціальную умственную подготовку, *превышающую доставляемое народными школами начальное образованіе*". Этотъ идеалъ, какъ мы видимъ, былъ осуществленъ. И что же: онъ признанъ былъ неудовлетворительнымъ тамъ именно, гдѣ онъ уже былъ приведенъ въ исполненіе. „Несовершенство устройства описанныхъ реальныхъ училищъ", говоритъ г. Лѣтниковъ, „уже сознано австрійскимъ правительствомъ, и для Цислейтаніи въ 1869-мъ году изданъ новый уставъ, которымъ, вмѣстѣ съ прибавленіемъ одного лишняго года ученья, *дается большее мѣсто общему образованію*, именно вводится обязательное обученіе новымъ иностраннымъ языкамъ и указывается обращать особенное вниманіе на науки математическія и естественныя, имѣя въ виду подготовку къ высшимъ спеціальнымъ школамъ, преподаваніе которыхъ на этихъ наукахъ опирается.

Проектъ нашего министерства ссылался еще на швейцарскія, бельгійскія и французскія реальныя училища; въ проектѣ между прочимъ указывался примѣръ цюрихскаго реальнаго училища. Въ швейцарскихъ реальныхъ училищахъ, дѣйствительно, примѣнена мысль о спеціализаціи преподаванія, но спеціализація эта допускается только въ высшемъ отдѣленіи, то-есть только тогда, когда ученики уже усвоили себѣ твердыя основанія общаго образованія. Въ цюрихской промышленной школѣ до 1867-го года существовало такое раздѣленіе на низшее общеобразовательное отдѣленіе и высшее, въ которомъ преподаваніе спеціализировалось. Замѣтимъ притомъ, что въ низшемъ отдѣленіи при трехлѣтнемъ курсѣ преподавались два иностранныхъ языка и ариѳметика, а также геометрія безъ всякихъ примѣненій; только съ 15-тилѣтняго возраста, ученикъ, поступая въ высшее отдѣленіе, могъ самъ выбирать (на практикѣ выборъ опредѣлялся по соглашенію директора съ родителями) одинъ родъ предметовъ для спеціальнаго изученія

Но и здѣсь въ послѣднее время, по указанію опыта, признано было необходимымъ преобразованіе. Въ 1867-мъ году низшее отдѣленіе цюрихской школы было уничтожено, такъ какъ въ Швейцаріи существуютъ особыя высшія народныя училища, съ трехлѣтнимъ курсомъ, продолжающія преподаваніе начальной школы; а за то въ самомъ высшемъ отдѣленіи промышленной школы такъ расширено было именно общее образованіе, что въ настоящее время въ цюрихской школѣ спеціализація допускается только втеченіи $1^1/_2$ года, а для занимающихся коммерческими предметами—только одного года. „Такимъ образомъ", замѣчаетъ г. Лѣтниковъ, „опытъ цюрихской школы опять-таки подтверждаетъ ту истину, что спеціализировать занятіе юноши можно только въ высшемъ возрастѣ, когда имъ пріобрѣтено уже прочное общее образованіе".

Въ Бельгіи нынѣшнее устройство среднихъ учебныхъ заведеній существуетъ съ 1850-го года. Среднія учебныя заведенія (атенеи) состоятъ изъ двухъ отдѣленій: классической гимназіи и реальнаго училища (гуманистическое и профессіональное отдѣленіе атенеевъ). Въ реальномъ училищѣ низшій отдѣлъ курса посвященъ преимущественно изученію новыхъ языковъ, которыхъ преподаваніе занимаетъ половину всего числа учебныхъ часовъ. Въ высшемъ отдѣлѣ (т.-е. въ двухъ высшихъ классахъ) преподаваніе спеціализируется по тремъ направленіямъ: научному, промышленному и торговому. Бельгійскія профессіональныя отдѣленія имѣли большой успѣхъ въ обществѣ: въ 1852-мъ году 1,234 ученика посѣщали реальные курсы и 1,184—классическіе; съ того времени число посѣщающихъ курсы реальные постоянно возрастало, а число посѣщающихъ курсы классическіе постоянно уменьшалось, такъ, что въ 1860-мъ году, на реальныхъ курсахъ было 1,417 учениковъ, а на классическихъ только 886. Нашимъ классикамъ едва ли удобно ссылаться на такой результатъ въ Бельгіи; результатъ этотъ нисколько не доказываетъ, что система реальнаго училища въ Бельгіи лучше, чѣмъ та, которая принята въ Пруссіи; такъ какъ въ Бельгіи нѣтъ реальнаго училища, устроеннаго по прусской системѣ, то обществу и не представлялось случая заявить, какой системѣ собственно *реальнаго* училища оно дало бы предпочтеніе. Но что̀ доказывается примѣромъ Бельгіи несомнѣнно, такъ это — что бельгійское общество проявляетъ все болѣе и болѣе сочувствія къ училищамъ реальнымъ, и все менѣе къ училищамъ классическимъ.

Перейдемъ теперь къ примѣру Франціи. До 1833-го года, во Франціи ничего не было сдѣлано въ пользу средняго реальнаго образованія. Обращеніе къ нему во Франціи явилось исключительно какъ подражаніе примѣру Германіи. Франція сдѣлала весьма много не только для движенія впередъ точныхъ наукъ, но и для обнаруженія огромнаго общеобразовательнаго ихъ значенія; но истина эта во Франціи

была обнаружена не въ среднемъ обученіи, а въ высшемъ, именно въ политехническомъ училищѣ. Успѣхи ея, какъ уже выше сказано, отразились и на среднемъ преподаваніи во Франціи въ томъ смыслѣ, что и въ послѣднемъ дано было большее развитіе математикѣ. Но классическая рутина все-таки продолжала господствовать въ нихъ безъ всякаго исключенія до тѣхъ поръ, пока именно примѣръ Германіи не убѣдилъ въ необходимости устроить хоть бы нѣчто высшее начальной школы, со льготою отъ преобладанія латыни. При министерствѣ Гизó въ 1833-мъ году и былъ изданъ именно съ такой ограниченной цѣлью уставъ „высшихъ начальныхъ школъ" (écoles primaires supérieures), которыя были просто копіею съ бюргерскихъ германскихъ училищъ. При министерствѣ Сальванди, въ 1847-мъ году, образована была коммиссія для обсужденіи вопроса о бóльшемъ развитіи реальнаго образованія. Членами ея были знаменитые ученые: Леверрье, Дюма, Пулльé, Понселé, Мильн-Эдварсъ. Эта коммиссія и предложила планъ бифуркаціи (раздвоенія) школьнаго ученія: высшіе классы лицеевъ (гимназій) предположено было раздѣлить на два отдѣленія, классическое и реальное. Эта мысль была приведена въ исполненіе министерствомъ Фортуля въ 1852-мъ году. Высшіе четыре класса лицеевъ раздѣлены были на отдѣленія „словесное" и „научное" (sections des lettres и des sciences); обоимъ отдѣленіямъ вмѣстѣ преподавались французскій языкъ и литература, латинскіе классики, реторика, исторія, географія, логика и новые языки; отдѣльно въ одномъ преподавались математика и естественныя науки, въ усиленной степени, а въ другомъ — греческій языкъ съ упражненіями въ сочиненіяхъ на латинскомъ языкѣ. Въ 1820-мъ году, было установлено, что для вступленія на всѣ гражданскія должности требуется степень баккалавра словесности (bachelier ès lettres), т.-е. свидѣтельство о зрѣлости въ классическомъ курсѣ; это между прочимъ нанесло первый ударъ самой политехнической школѣ, въ которую прежде можно было поступать почти не зная по-латыни. Степень баккалавра наукъ (bachelier ès sciences) нельзя было получить, не имѣя свидѣтельства о прохожденіи классическаго курса, то-есть степени баккалавра словесности. Новая реформа, 1852-го года, этотъ-то порядокъ и измѣнила, въ связи съ преобразованіемъ лицеевъ; она отдѣлила одну отъ другой обѣ степени баккалавровъ, дѣлая ихъ независимыми; степень баккалавра словесности можно было получить, пройдя курсъ лицея по словесному отдѣленію, а степень баккалавра наукъ, пройдя лицей по отдѣлу научному. Степень баккалавра наукъ открывала доступъ на университетскіе факультеты, именно на медицинскій и физико-математическій (faculté des sciences); а сверхъ того она была сдѣлана обязательною для поступленія въ бóльшую часть высшихъ спеціальныхъ школъ, между прочимъ и въ политехническую. Въ этомъ уравненіи

правъ баккалавровъ обѣихъ степеней и въ открытіи доступа на университетскіе факультеты изъ реальнаго отдѣленія лицеевъ заключалась мысль, которую мы находимъ совершенно вѣрною; но успѣхъ ея, очевидно, долженъ былъ зависѣть отъ того, какъ будетъ поставлено реальное образованіе въ лицеяхъ. Поставлено же оно было неудовлетворительно. Неудовлетворительно оно было потому, что въ немъ общее образованіе было крайне стѣснено именно „практическими приспособленіями“, въ которыхъ у насъ видятъ всю силу, но которыя не развиваютъ ума, а между тѣмъ отнимаютъ время у общеобразовательныхъ предметовъ, у теоріи вообще. „Стремленіе дать утилитарныя познанія, называемыя часто — примѣнимыми къ жизни“, говоритъ г. Лѣтниковъ, „пробивается въ каждой строкѣ программы научнаго отдѣла лицеевъ. Напротивъ, все что можетъ способствовать расширенію умственнаго горизонта, тщательно избѣгается“. Вторая имперія не безъ особой цѣли, конечно, исказила такимъ образомъ свое подражаніе Пруссіи; „расширеніе умственнаго горизонта“ вообще не было въ ея политической программѣ; и въ нашемъ прежнемъ проектѣ постоянно указывается на будто бы „матеріалистическое“ свойство чистой науки. Въ классическихъ гимназіяхъ оно достаточно стѣсняется уже зубреньемъ произвольныхъ, ничего неговорящихъ уму формъ; но желалось бы не допустить преподаванія чистой науки и въ реальныхъ училищахъ съ достаточной полнотою, какъ она преподается въ Пруссіи, вотъ почему на нее и надѣваются путы ремесленныхъ приспособленій.

Реформа Фортуля, система бифуркація, дѣйствительно не имѣла успѣха. Только пусть помнятъ почему именно. Пусть не говорятъ намъ, что она не имѣла успѣха потому, что реальное образованіе въ ней получило права равныя съ образованіемъ классическимъ. Нѣтъ, она не имѣла успѣха именно потому, что реальное образованіе въ ней было искажено тѣмъ самымъ „приспособительнымъ“ направленіемъ, тѣмъ самымъ стѣсненіемъ теоріи, тѣмъ самымъ отступленіемъ отъ германскаго плана, однимъ словомъ, которое рекомендуется теперь намъ, и въ пользу котораго, по странному самопротиворѣчію, приводятъ между прочимъ и тотъ фактъ, что „бифуркація лицеевъ не удалась во Франціи“.

Само собою разумѣется, что когда реальное образованіе было поставлено неудовлетворительно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, когда въ нихъ былъ искаженъ научный характеръ преподаванія, то это отразилось и на высшихъ школахъ. Въ политехническую школу стали поступать ученики плохо приготовленные къ слушанію курса высшей математики, потому что преподаваніе чистой математики въ лицеяхъ было сокращено новой реформою. На медицинскій факультетъ стали являться баккалавры наукъ плохо ознакомленные съ науками, хотя и

знавшіе латинскій языкъ, которому обучались достаточно въ низшихъ классахъ лицеевъ. Старые медицинскіе авторитеты приписали это отсутствію полнаго классическаго образованія тѣмъ легче, что они видѣли въ новой реформѣ ущербъ достоинству своего сословія, такъ какъ спеціальность ихъ была какъ бы поставлена рангомъ ниже. Вотъ почему они стали требовать, чтобы для поступленія на медицинскіе факультеты вновь сдѣлана была обязательною степень баккалавра словесности, что и исполнилось новымъ декретомъ, изданнымъ въ 1858-мъ году.

Система бифуркаціи лицеевъ отмѣнена въ 1860-мъ году, при министерствѣ Дюрюй, которое устроило новыя самостоятельныя училища съ реальнымъ курсомъ, но все-таки съ направленіемъ профессіональнымъ. Въ этомъ отношеніи французское министерство, впрочемъ, поступило откровеннѣе нашего; не ставя свои училища на высоту реальныхъ училищъ, существующихъ въ Пруссіи, оно такъ и назвало ихъ прямо „спеціальными", между тѣмъ какъ у насъ предполагалось спеціальныя, профессіональныя училища назвать все-таки реальными, хотя въ нихъ ничего реальнаго не было. Система новыхъ спеціальныхъ училищъ во Франціи названа enseignement secondaire spécial. Они составляютъ продолженіе начальной школы и состоятъ изъ четырехъ классовъ, съ однимъ приготовительнымъ. Какой результатъ дадутъ они,—теперь еще сказать нельзя; можетъ быть, въ обществѣ, при отсутствіи болѣе полной, настоящей реальной школы, они и будутъ имѣть успѣхъ, потому что все-таки лучше имѣть хоть бюргерскія школы, чѣмъ ограничиться классическими лицеями. Но не трудно предсказать, что новыя французскія спеціальныя училища далеко отстанутъ отъ германскихъ реальныхъ училищъ перваго и даже втораго разряда. Ихъ курсъ опять страдаетъ тѣмъ, что у учениковъ время, самой природою опредѣленное для умственнаго развитія, отнимается для приспособленія ихъ въ счетоводы и въ какіе-то не то мастеровые, не то аматеры техническаго искусства. Въ ихъ курсѣ мы находимъ и механику, и счетоводство, и законовѣдѣніе, и экономію; въ математикѣ заключается и коммерческая ариѳметика; преподаваніе законовѣдѣнія и сельско-хозяйственной, промышленной и коммерческой „экономіи" заключаетъ въ себѣ множество предметовъ, несмотря на крайне-ограниченное число часовъ, отводимыхъ на изученіе этихъ предметовъ въ учебномъ планѣ. Въ программѣ химіи заключается и органическая химія, и спеціальная технологія. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ нашъ авторъ: „По моему мнѣнію, имъ повредитъ въ высшей степени тотъ исключительный характеръ утилитарности, въ видахъ которой они стремятся къ сообщенію всѣхъ возможныхъ свѣдѣній".

Лѣтниковъ хвалитъ написанныя для этихъ училищъ подробныя программы преподаванія каждаго предмета за то искусство и оригиналь-

ность, съ какими онѣ составлены; но замѣчаетъ, что онѣ „слишкомъ энциклопедичны, чрезвычайно обширны и вовсе не соотвѣтствуютъ времени назначенному на ихъ прохожденіе, если только при ихъ исполненіи разумѣть школьное ученье, а не бѣглое чтеніе популярныхъ лекцій". Поэтому онъ находитъ, что составители учебниковъ и преподаватели могли бы многое почерпнуть изъ французскихъ программъ, но что эти программы не могутъ служить предметомъ полнаго подражанія. А наше министерство народнаго просвѣщенія (стр. 57) прямо полагаетъ ввести ихъ въ наши реальныя училища! „Стоитъ только (!)" говоритъ оно, „перевести эти учебники (составленные по тѣмъ программамъ) на русскій языкъ, съ нѣкоторыми приспособленіями къ Россіи (т.-е. что метръ будетъ замѣненъ аршиномъ, вѣроятно) и у насъ будутъ готовыя руководства, примѣненныя къ спеціальному назначенію реальныхъ училищъ". Что сказать о такомъ „примѣненіи къ мѣстнымъ потребностямъ", которое поставлено цѣлью русскихъ реальныхъ училищъ и которое предполагаетъ заимствовать свои программы изъ Франціи? Конечно, хорошій французскій учебникъ любой науки годится и для Россіи, все равно какъ для Франціи, но это именно потому, что наука есть одна общая наука. Но въ чемъ же при этомъ будетъ примѣненіе науки „къ мѣстнымъ потребностямъ"?

Такимъ образомъ, въ настоящую минуту полнымъ и совершеннымъ типомъ реальныхъ школъ остаются прусскія реальныя училища перваго разряда. Первый и основной фактъ ихъ устройства тотъ, что онѣ — не спеціальныя, не профессіональныя школы, а училища общеобразовательныя. Никакія „приспособленія" и утилитарныя цѣли здѣсь не стѣсняютъ и не искажаютъ строго-общеобразовательнаго курса. Прусское правительство не только не имѣло въ виду дать своимъ реальнымъ училищамъ профессіональный характеръ, но напротивъ заботилось, чтобы они такого характера не приняли (то же самое было въ Саксоніи), и согласилось признать эти заведенія, основанныя общественною инціативой, и дать имъ права только тогда, когда они, отказываясь отъ практическаго направленія, принимали направленіе общеобразовательное. Такова именно и есть та прусская реальная школа: она въ самомъ строгомъ смыслѣ есть школа общеобразовательная, то-есть такая, „въ которой, полагаютъ наши московскіе классики, ничему серьезно не учатся (!!)", и откуда выходятъ „реальные бездѣльники".

Самое происхожденіе прусскихъ реальныхъ школъ служитъ лучшимъ фактическимъ доказательствомъ, что обществу нужны именно онѣ, а не что другое. Реальныя школы въ Пруссіи создались почти исключительно на средства самихъ городскихъ общинъ и сословій. Существуя почти безъ денежной помощи отъ государства, а первоначально даже безъ признанія съ его стороны и безъ всякихъ правъ,

реальныя школы въ Пруссіи возрастали съ необыкновенной быстротою; въ 1832-мъ году ихъ было 9, а въ 1869-мъ году было уже 111 (не считая присоединенныхъ вновь провинцій). За десятилѣтіе съ 1859-го по 1869-й годъ число реальныхъ училищъ въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи увеличилось съ 56-ти до 111-ти, то-есть *удвоилось*, а число классическихъ гимназій за тотъ же промежутокъ времени увеличилось съ 166-ти до 196-ти, то-есть всего *на одну пятую*, несмотря на то, что средства употребляемыя правительствомъ на среднее образованіе преимущественно обращаются именно на классическія заведенія. Число же учащихся въ реальныхъ училищахъ въ Пруссіи уже въ 1869-мъ году превышало 31,000! Вотъ какое огромное число „реальныхъ бездѣльниковъ“ приготовляется въ Пруссіи, вѣроятно подъ внушеніемъ идей „Интернаціонала“ и одного изъ его корифеевъ, Карла Маркса, какъ убѣждены въ томъ тѣ же наши классики.

„У насъ нѣкоторые доходили даже до того“, замѣчаетъ г. Лѣтниковъ, „что приписывали военные успѣхи Пруссіи прочности классической системы ея гимназій. Еслибъ я рѣшился идти по скользкому пути подобныхъ умозаключеній, то конечно посовѣтывалъ бы обратить также вниманіе и на быстрое и сильное развитіе въ Пруссіи реальнаго образованія, особенно въ послѣднее десятилѣтіе“. И, прибавимъ мы, именно это толкованіе было бы весьма нелишено правдоподобія: что политическое могущество и военные успѣхи зависятъ отъ развитія въ странѣ техническаго производства, это очевидно. А что германскіе политехникумы могутъ стоять на такой высотѣ, какъ мы ихъ видимъ, зависитъ конечно отъ того, что реальная школа поставляетъ имъ вполнѣ развитыхъ умственно и подготовленныхъ строго-научнымъ теоретическимъ курсомъ реальныхъ училищъ учениковъ. Будь чистая наука въ реальныхъ школахъ стѣснена мнимо-утилитарными приспособленіями, которыя въ среднемъ курсѣ не могутъ быть изучаемы серьезно, и вотъ курсъ политехникумовъ непремѣнно бы понизился, какъ то было съ парижской политехнической школой и какъ то сперва было предположено у насъ, въ явный ущербъ одного изъ несомнѣнныхъ средствъ къ возрастанію и политическаго могущества Россіи. Въ самой Пруссіи мы находимъ также и доказательство безполезности утилитарныхъ приспособленій въ среднемъ образованіи; она доказывается и въ Пруссіи сравнительно малымъ успѣхомъ ея провинціальныхъ промышленныхъ школъ (Gewerbeschulen).

Реальныхъ училищъ во всемъ прусскомъ королевствѣ состоитъ нынѣ 157; здѣсь считаютъ училища I и II-го разрядовъ и высшія гражданскія, которыя имѣютъ также характеръ общеобразовательныхъ. Въ Саксоніи, которой реальныя училища сходны съ прусскими высшими городскими, такихъ училищъ 8 (1864-го года). Даже такія незначительныя государства, какъ княжества Альтенбургъ, Мейнингенъ, Ба-

бургъ-Гота, Веймаръ, имѣющія вмѣстѣ около 800 т. жителей, имѣютъ 8 реальныхъ общеобразовательныхъ училищъ (1865-го года). Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ реальныхъ общеобразовательныхъ училищъ—11 (1865-го года); въ королевствѣ Баварскомъ 6 (1864-го года).

Въ числѣ правъ, присвоенныхъ ученикамъ реальныхъ училищъ I-го и II-го разряда въ Пруссіи заключается и освобожденіе отъ экзамена на производство въ офицерскій чинъ въ военной службѣ, а также право отбывать воинскую повинность однимъ годомъ. Необходимо, чтобы и наша коммиссія, занятая военнымъ преобразованіемъ, оговорила за будущими реальными гимназіями льготу равную той, какая будетъ дана классическимъ гимназіямъ.

Познакомивъ читателя съ дѣльнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ г. Лѣтникова, мы должны въ заключеніе остановиться на предлагаемомъ имъ планѣ для учрежденія у насъ полнаго реальнаго училища, съ *семилѣтнимъ* курсомъ, а также и промышленнаго училища, для которыхъ онъ представляетъ и проектъ распредѣленія учебнаго курса. Что касается предлагаемаго имъ устройства полныхъ реальныхъ училищъ и промышленныхъ школъ въ Россіи, то мы можемъ только вполнѣ согласиться съ нимъ, такъ какъ планы, предлагаемые имъ, въ сущности тѣ же самые, которыхъ превосходство уже доказано блестящимъ опытомъ въ Германіи; основное ихъ условіе именно — общеобразовательность. Но намъ кажется, г. Лѣтниковъ въ одномъ совершенно напрасно отступилъ отъ опыта Пруссіи, именно предлагая вовсе исключить изъ реальнаго преподаванія латинскій языкъ. Латинскій языкъ авторъ устраняетъ именно потому, что его, какъ говоритъ онъ, и въ германскихъ реальныхъ училищахъ сохраняютъ только въ видѣ „жертвы старымъ богамъ". Но, во-первыхъ, мы видимъ здѣсь предъ собою одно предположеніе автора, которому мы можемъ противопоставить прямо противоположныя мнѣнія современныхъ нѣмецкихъ педагоговъ-реалистовъ, которые почти всѣ стоятъ за обученіе латинскому языку въ реальныхъ училищахъ, и вовсе не въ смыслѣ жертвы старымъ богамъ, какъ выражается г. Лѣтниковъ. Во-вторыхъ, знакомство съ латинскимъ языкомъ имѣетъ само по себѣ реальную цѣну какъ потому, что оно облегчаетъ изученіе романскихъ языковъ и пониманіе множества научныхъ терминовъ, вошедшихъ во всѣ языки, а также и потому, что оно устранило бы полную разорванность между классическою гимназіею и реальнымъ училищемъ какъ въ его настоящемъ, такъ и въ будущемъ. На этомъ послѣднемъ доводѣ мы настаиваемъ особенно. Но такъ какъ у насъ изученіе латинскаго языка имѣетъ во всякомъ случаѣ менѣе реальной цѣны чѣмъ на Западѣ, то отъ прусскаго плана можно отступить именно въ значительномъ сокращеніи уроковъ латинскаго языка. Для умѣреннаго же преподаванія его, вполнѣ достаточнаго для перевода, напр., Цезаря и Корнелія Непота, остается довольно про-

стора и въ учебномъ планѣ г. Лѣтникова, если уравнить преподаваніе нѣмецкаго языка съ французскимъ, привести преподаваніе отечественнаго языка до размѣровъ прусскаго плана, уменьшить по два урока рисованія и черченія и даже математики и естествовѣдѣнія (т.-е. опредѣлить 36 и 22 вмѣсто 38 и 24).

Но, не соглашаясь съ г. Лѣтниковымъ насчетъ необходимости непремѣнно вовсе исключить латинскій языкъ изъ курса реальныхъ гимназій, для чего, по нашему мнѣнію, онъ не представилъ ни одного убѣдительнаго довода, мы не можемъ согласиться съ нимъ и во взглядѣ на борьбу между классицизмомъ и реализмомъ. Изъ всего высказываемаго авторомъ ясно слѣдуетъ, что классическая система, естественно возникшая въ то время, когда вся образованность заключалась в древней литературѣ, не соотвѣтствуетъ болѣе нашему времени, которое располагаетъ совсѣмъ иными средствами просвѣщенія, иначе понимаетъ и науку, и имѣетъ совсѣмъ иныя потребности. А между тѣмъ, онъ же допускаетъ, что борьбы по принципу между реализмомъ и классицизмомъ нѣтъ, что реальное образованіе не угрожаетъ классическому и въ будущемъ. Онъ находитъ даже такой взглядъ „нелѣпымъ“ и порицаетъ происходящую въ Россіи полемику за то, что она ставила вопросъ именно по существу. Подобныя оговорки и уступки могутъ соотвѣтствовать той сдержанности, въ недостаткѣ которой авторъ также упрекаетъ полемику по этому предмету въ нашей текущей литературѣ, но онѣ менѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ логики. Борьба между классицизмомъ и реализмомъ существуетъ несомнѣнно, какъ несомнѣнно есть борьба между всѣмъ старымъ, опирающимся на одни преданія, и всѣмъ новымъ идущимъ ему на смѣну. Никто конечно и не думалъ утверждать, будто борьба эта выражается въ Европѣ такъ что реалисты требуютъ закрытія всѣхъ классическихъ школъ. Но реалисты все-таки ведутъ борьбу и притомъ путемъ гораздо болѣе вѣрнымъ: они учреждаютъ и развиваютъ — какъ это впрочемъ дѣлаетъ и самъ г. Лѣтниковъ — такую школьную систему, которая современемъ и неизбѣжно, сперва видоизмѣнитъ отчасти классическую школу (что уже и сдѣлано), а потомъ и замѣнитъ ее, какъ морской путь в Индію замѣнилъ сухопутное сообщеніе, какъ печатаніе замѣнило переписку книгъ, какъ желѣзныя дороги замѣнили конную почту, электрическій телеграфъ—воздушный, какъ скорострѣлки Дрейзе и пушки Круппа замѣнили классическіе пращу и лукъ; и все это не потому что изобрѣтатели добились запрещенія ѣздить въ Индію сухимъ путемъ, переписывать книги, и сражаться стрѣлами противъ скорострѣльныхъ ружьи, а потому что то, что̀ оказалось нужнѣе, дѣйствительнѣе, полезнѣе, замѣнило то, что было освящено преданіемъ, не взирая ни на какія привилегіи.

Несправедливо также и то, будто и въ Европѣ споръ между кла-

сиками и реалистами не ведется по существу, и будто онъ оконченъ. Но еще несправедливѣе удивляться, почему у насъ поставили его именно по существу защитники реальной школы. Не ими была предпринята у насъ основная ломка училищной системы; не они провозгласили полное низложеніе одной изъ двухъ системъ въ смыслѣ общеобразовательной, утверждая мнимую полную несостоятельность ея для умственнаго развитія и обзывая „реальными бездѣльниками“ воспитанниковъ реальныхъ школъ. Стало быть, ихъ ли вина, если имъ пришлось поставить вопросъ именно по существу, сравнить достоинство обоихъ принциповъ и доказать, что прежній проектъ былъ не чѣмъ инымъ какъ реакціею; то-есть не движеніемъ впередъ, туда, куда идетъ Европа, а поворотомъ назадъ, туда, откуда она вышла? Вся новѣйшая исторія школы въ Европѣ есть не что иное какъ рядъ завоеваній реализма и рядъ уступокъ ему. Это было необходимо выяснить, и это основательно выяснено въ числѣ другихъ и г. Лѣтниковымъ въ его очеркѣ, совершенно независимо отъ его вышеупомянутыхъ оговорокъ.

Возвращаясь опять къ прямой цѣли нашего изслѣдованія, напомнимъ, что опытъ всей Европы, опытъ и положительный и отрицательный, несомнѣнно доказалъ, что реальныя училища только тогда могутъ быть успѣшны, плодотворны, когда они имѣютъ характеръ *общеобразовательныхъ*, а не профессіональныхъ - приспособительныхъ, когда реальныя училища, какъ то мы видимъ въ Пруссіи, ставятся рядомъ съ классическими гимназіями, а не занимаютъ средину между общеобразовательнымъ и профессіональнымъ заведеніемъ, какъ то было во второй французской имперіи. Тамъ гдѣ они имѣютъ первое значеніе — они произвели обильные плоды, процвѣтаютъ и умножаются съ необыкновенною быстротой; тамъ гдѣ имъ дана была только искаженная, профессіональная постановка, они оказывались неудовлетворительными и являлась необходимость ихъ реформы.

Новый проектъ устава реальныхъ училищъ, представленный министерствомъ народнаго просвѣщенія весною въ государственный совѣтъ, былъ направленъ противъ всякого общеобразовательнаго характера нашихъ реальныхъ гимназій. Опровергаетъ ли теперь новѣйшій проектъ тотъ новый — мы не знаемъ; и если бы мы знали, что онъ опровергаетъ, то всеже остался бы вопросъ: въ какой степени онъ опровергаетъ? не есть ли это опроверженіе только такъ-называемая „золотая средина?“ Но, не зная содержанія новѣйшаго проекта, мы должны въ эту минуту ограничиться указаніемъ критеріума для оцѣнки его, — и на этомъ остановимся.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЗЕМСКІЙ КРЕДИТЪ ВЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Письмо въ редакцію.)

Довольно рѣдко появляются у насъ проблески самостоятельности; большею частью мы идемъ ощупью, хватаемъ на лету чужія мысли и если онѣ модны, спѣшимъ усвоивать ихъ, не спрашивая насколько пригодно то или другое для нашего положенія. Вамъ вѣроятно извѣстно, съ какимъ торжествомъ многія изъ губернскихъ земствъ набросились на сельскія самоссудныя товарищества. Что частица пользы отъ товарищества есть, въ этомъ и спору нѣтъ. Но зачѣмъ представлять дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто отъ него исключительно или главнымъ образомъ зависитъ благосостояніе сельскаго населенія? Тутъ мы не видимъ рѣшительно никакихъ основаній. Кассы эти существовать будутъ, но рядомъ съ ними все-таки останутся и бѣдность, и упадокъ скотоводства и сельскаго хозяйства. Я говорю это относительно многихъ уѣздовъ Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Тверской и др. сѣверныхъ губерній. Реальная причина бѣдности этихъ уѣздовъ заключается въ томъ, что 5—7 десятинъ земли на душевой надѣлъ не могутъ выдерживать тѣхъ огромныхъ податей и той выкупной оцѣнки, которую должны выплачивать крестьяне за землю. Я беру въ примѣръ хоть Бѣлозерскій уѣздъ. Средняя выкупная цѣна за каждую десятину надѣла, въ число котораго входятъ: покосъ, выгонъ и древяной лѣсъ, назначена 17½ рублей—тогда какъ реальная стоимость земли въ этомъ уѣздѣ въ сложности не превышаетъ 5—8 р., а древяной лѣсъ 1—2 руб. за десятину. Земли, которыя остались за помѣщиками, а ихъ огромное число—лежатъ теперь почти безъ всякаго употребленія. Обработка усадебъ вольнымъ трудомъ у насъ не приноситъ никакой пользы. Это фактъ несомнѣнный, и какое бы удобреніе ни изобрѣтали сельско-хозяйственные съѣзды—дѣло нисколько не измѣнится, потому что крупное усадебное хозяйство, при неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдерживать конкурренціи съ крестьянскимъ общиннымъ хозяйствомъ. Крупная поземельная собственность настолько невыгодна, что не можетъ оплачивать даже земскихъ сборовъ: ¾ земскихъ недоимокъ числятся за помѣщиками! Съ другой стороны, сельскія общества, какъ мы уже сказали, терпятъ недостатокъ въ землѣ: 7 десятинъ душевого надѣла при скудныхъ покосахъ въ сѣверныхъ уѣздахъ могутъ содержать, въ большинствѣ случаевъ, не болѣе одной коровы на душу, а сѣна на зиму заготовляется во многихъ деревняхъ отъ 50 до 100 пуд. на дворъ. Эти цифры можно повѣрить статис-

ческими свѣдѣніями, собранными нѣкоторыми управами. Такимъ образомъ, единственный способъ къ улучшенію сельскаго общиннаго хозяйства—это пріобрѣтеніе въ собственность обществъ пустопорожнихъ земель, оставшихся у помѣщиковъ свободными отъ надѣла крестьянъ.

Этимъ только способомъ непроизводительныя земли мы можемъ сдѣлать производительными. Для земства явный убытокъ и потеря, когда большинство земель лежитъ даромъ, и наоборотъ въ каждой обработанной десятинѣ, въ каждомъ клочкѣ покоса и выгона, которыми пользуются, заключается явная выгода земства.

Упадокъ земледѣлія ощущается у насъ съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе. Это доказывается тѣмъ, что съ каждымъ годомъ требуется все болѣе и болѣе ввознаго хлѣба. Пропорція эта настолько увеличивается, что вольная торговля не успѣваетъ слѣдить за потребностью, и земству приходится самому заготовлять хлѣбъ для продажи.

Недоимки, какъ земскія, такъ и государственныя, за уѣздами также увеличиваются ежегодно. Продажа скота за неплатежъ ихъ—вещь самая ненадежная и опасная: этимъ уже окончательно разстроивается сельское хозяйство. Крестьянское общество и радо бы заплатить недоимку, но то, что заработывается его членами, должно идти на покупку хлѣба. Такимъ образомъ, отъ той земли, которою надѣленъ крестьянинъ,—онъ не сытъ, не голоденъ. Онъ прикрѣпленъ къ ней и въ то же время, чтобъ добыть насущное пропитаніе и уплатить подати, долженъ искать посторонней работы. Не правда ли, что это положеніе не нормальное, и что оно должно было обратить на себя вниманіе земскихъ представителей.

Но просматривая отчеты губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній, мы до сихъ поръ не встрѣчали почти никакихъ разсужденій, касающихся прямо этого вопроса. Неловкое положеніе это, повидимому, чувствуется всѣми, но заговорить объ немъ прямо и обсудить его у земскихъ дѣятелей не хватаетъ смѣлости. Къ тому же лица, прямо заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, хотя и присутствуютъ на земскихъ собраніяхъ въ качествѣ гласныхъ отъ крестьянъ, но никакого голоса положительно не имѣютъ. Такимъ образомъ тянется годъ за годъ. Въ настоящемъ году, на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ Новгородской губерніи обсуждался вопросъ объ устройствѣ земскихъ поземельныхъ банковъ. Повидимому, самыя обстоятельства заставляли поставить вопросъ этотъ въ связи съ улучшеніемъ сельскаго общиннаго хозяйства. Намъ нужны земскіе банки, которые бы способствовали сельскимъ обществамъ пріобрѣтать въ собственность свободныя земли. Банки эти должны кредитовать тѣ общества, которыя захотятъ это сдѣлать. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы думаемъ, потому что у сельскихъ обществъ нѣтъ другихъ источниковъ для кредита и нѣтъ наличныхъ денегъ для пріобрѣтенія земель.

Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. Новгородская губернская упра-

ва при составленіи своего проекта о земскихъ банкахъ руководствовалась не дѣйствительными потребностями и мѣстными нуждами,—а напротивъ, списала всецѣло свой проектъ съ устава с.-петербургскаго земскаго взаимнаго кредита — и большинство уѣздныхъ земскихъ собраній приняло его.

Насколько полезенъ с.-петербургскій взаимный кредитъ для здѣшнихъ сельскихъ обществъ, я не берусь судить, такъ какъ я незнакомъ съ мѣстными условіями С.-Петербургскаго уѣзда, но для уѣздовъ Новгородской губерніи онъ будетъ совершенно безполезенъ—въ этомъ можно поручиться чѣмъ угодно.

Кредитъ нуженъ у насъ, какъ мы уже сказали, сельскимъ обществамъ и спеціально на покупку земель,—а по уставу банка онъ дается только собственникамъ. По уставу банка предполагается, что члены его уже имѣютъ собственное имущество, а у насъ еще совершенно нѣтъ общинъ-собственниковъ. Члены банка до полученія ссуды должны внести 10% съ открываемаго кредита, — но у крестьянскихъ обществъ собственныхъ свободныхъ фондовъ еще нѣтъ. Ссуды изъ банка должны выдаваться подъ учетъ векселей. Какимъ же образомъ сельскія общества могутъ выдавать векселя? Срокъ ссудъ проектируется краткосрочный, тогда какъ на пріобрѣтеніе земель требуется болѣе или менѣе долгосрочный кредитъ. Такимъ образомъ взаимный земскій кредитъ можетъ служить только для людей состоятельныхъ, а для обществъ, которыя имѣютъ землю еще во временномъ владѣніи, онъ ни въ какомъ случаѣ служить не можетъ. Но для чего же въ такомъ случаѣ и учреждать земскіе банки: люди состоятельные могутъ найти кредитъ и безъ нихъ; къ тому же давно ли былъ открытъ кредитъ всѣмъ вообще крупнымъ собственникамъ, давно ли получены выкупныя ссуды? Развѣ онѣ пошли на улучшеніе сельскаго хозяйства? Нисколько; онѣ прожиты совершенно безслѣдно. То же самое будетъ и съ земскими банками, основанными на кредитѣ однихъ крупныхъ собственниковъ. Намъ нѣтъ никакой нужды заботиться о поднятіи на сѣверѣ усадебнаго хозяйства, котораго ничѣмъ не поднимешь, и притомъ заботиться ранѣе удовлетворенія самой насущной потребности,—улучшенія быта сельскихъ обществъ.

Главное препятствіе для устройства общиннаго поземельнаго кредита новгородская губернская управа находитъ въ незначительности основнаго капитала. Но препятствіе это рушится само собой, потому что какъ только банки будутъ основаны на твердыхъ и общеполезныхъ началахъ, имъ откроется повсемѣстный кредитъ. Дѣло по снабженію крестьянъ землею настолько важно, что ему можетъ быть оказана и государственная помощь. Напротивъ, если банки будутъ основаны на началахъ шаткихъ, будутъ имѣть цѣль неопредѣленную, не то коммерческую, не то хозяйственную,—въ такомъ случаѣ никакой

основной капиталъ не поможетъ, банки не будутъ имѣть кредита и ихъ дѣла будутъ самыя ограниченныя.

Въ средѣ крестьянскихъ обществъ потребность пріобрѣтенія земли сознается весьма ясно. Спросите у крестьянина, отчего онъ мало скота держитъ, и вы всегда получите отвѣтъ: „Мало покосовъ, батюшка, и одну лошаденку насилу прокормишь.“

— Отчего засѣваешь мало?

„Да негдѣ батюшка; прежде, когда землю не отрѣзали, у насъ были лядинныя запашки. Посѣешь четверть ржи, а родится самъ-десятъ и больше, а теперь на своемъ полѣ посѣешь четверть, а родится двѣ“.

— А теперь развѣ нельзя лядинъ засѣвать?

„Своей земли нѣтъ, а на господской не дозволяютъ!“

Вотъ въ этихъ простыхъ отвѣтахъ заключается вся исторія сельскаго хозяйства въ губерніяхъ, подобныхъ Новгородской. Посредствомъ лядинныхъ запашекъ (подсѣки тожъ) крестьяне не только поддерживали свое хозяйство, но и распространяли мало-по-малу районъ пахатной земли. Теперь, когда пресѣченъ доступъ къ образованію лядинъ, недостатокъ, такъ-называемой, усадебной пахатной земли сталъ сказываться вполнѣ.

Лядинное хозяйство нисколько не портитъ лѣсовъ, какъ это многіе думаютъ. Теперь всѣ хорошіе лѣса у насъ почти уже вырублены, да и ранѣе никогда хорошій лѣсъ не портился на лядины. Онѣ обыкновенно раздѣлывались на мелкой поросли или на чащѣ. Сюда свозились сухіе сучья и валежникъ, и сжигались. Пережженная трава и зола способствовали тѣмъ большимъ урожаямъ, которые получались на лядинахъ. Нѣкоторые зажиточные крестьяне и теперь берутъ у помѣщиковъ, за извѣстную плату, право распахать лядину. Но это случаи одиночные, большая часть помѣщиковъ сидятъ на своихъ земляхъ и ждутъ погоды. Такъ, напримѣръ, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ есть помѣстье съ 60-ю тыс. десят. земли; и рядомъ же съ ними крестьяне почти неимѣющіе земли, т.-е. хотя имъ и сдѣланъ надѣлъ земли, но такого качества, что она почти никуда негодна.

Подобное неуравнительное раздѣленіе собственности и ведетъ къ той безъисходной бѣдности, которую мы видимъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ: тамъ есть деревни, въ которыхъ нѣтъ ни одной лошади, есть хозяйства, въ которыхъ нѣтъ ни одной головы скота! Представители губернскаго земства, когда будутъ обсуждать свой поземельный банкъ, должны подумать объ этихъ сельскихъ обществахъ!

М. Прокофьевъ.

5-го октября 1871 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября, 1871.

Идея федерализма въ Австріи. — Чешскій адресъ и „основныя статьи“. — Демонстрація вѣнскихъ студентовъ. — Бунтъ въ Военной-Границѣ. — Паденіе министерства Гогенварта. — Открытіе германскаго сейма. — Монетная реформа. — Новыя сообщенія Бенедетти и Бисмарка. — Новыя конвенціи между Германіею и Франціею. — Департаментскіе выборы во Франціи. — Пожаръ въ Чикаго.

Событія въ Австріи принимаютъ вновь характеръ кризиса. Который это по числу кризисъ въ австрійской имперіи — нелегко и сосчитать. Но по всему ходу дѣлъ можно кажется предвидѣть, что послѣднимъ и этотъ кризисъ не будетъ, каково бы ни было непосредственное его разрѣшеніе: въ пользу ли чеховъ и реформы конституціи 1867-го года или въ пользу нѣмцовъ и въ смыслѣ status quo. Требованія чешской національной партіи формулированы теперь съ точностью. Они ведутъ къ установленію федерализма. Въ отношеніи этого принципа можно бы сочувствовать чешскому движенію, можно не только желать, но и ожидать успѣха отъ той задачи, которую это движеніе развертываетъ предъ Австріей: ей представляется случай испробовать, не можетъ ли имѣть федеративное устройство монархія? Въ замѣчательной рѣчи, которую произнесъ Ригеръ въ засѣданіи чешскаго сейма 9-го октября, чешскій патріотъ сказалъ между прочимъ: „Мы предпринимаемъ дѣло, которое согласно съ самимъ существомъ Австріи; Австрія населена разными племенами; разность ихъ и требуетъ, чтобы каждому изъ нихъ была предоставлена возможность самостоятельнаго развитія“. Иными словами: федерализмъ потому именно возможенъ въ Австріи, что она населена разными народностями. Вопросъ, не можетъ ли и монархія имѣть федеративное устройство, имѣетъ большую важность, и можно только желать, чтобы онъ получилъ успѣшное разрѣшеніе, дозрѣлъ до утвердительнаго отвѣта. Въ самомъ дѣлѣ, чтó такое федерація? Это только высшая степень децентрализаціи, то-есть, одного изъ главныхъ условій свободы.

Но пока опытъ еще не сдѣланъ, намъ кажется, сомнѣніе возможно именно относительно вопроса въ той формѣ, въ какой его поставилъ Ригеръ. Достоинства федеративнаго устройства вовсе не истекаютъ главнымъ образомъ изъ того, что этимъ устройствомъ можно пытаться согласить разныя національныя требованія. Соединенные Штаты и швейцарскіе кантоны учреждены и существуютъ вовсе не для удовлетворенія національныхъ принциповъ; выгоды федеративнаго устройства велики и безъ отношенія къ удовлетворенію націонализмовъ. Мало того; есть основаніе думать, что федеративное устройство можетъ осуществиться съ успѣхомъ и держаться прочно только при томъ именно условіи, чтобы національныя различія были отложены въ сторону, или по крайней мѣрѣ, чтобы не они въ федераціи служили главнымъ принципомъ государственной жизни и обусловливали духъ ея. Федераціи, болѣе чѣмъ иной государственной формѣ, необходимъ *духъ единства*; житель штата Иллинойса прежде всего считаетъ себя американцемъ и мысль о звѣздчатомъ знамени Союза ему дороже, чѣмъ какой-либо туземный принципъ Иллинойса. Такъ точно, житель кантона Унтервальдена считаетъ себя прежде всего швейцарцемъ, а не унтервальденцомъ, и скорѣе согласится, чтобы швейцарскіе законы писались на малознакомомъ ему языкѣ, лишь бы процвѣтала Швейцарія, чѣмъ согласится на отдѣленіе отъ своего согражданина-женевца или тессинца подъ власть хотя бы нѣмецкаго, но не швейцарскаго закона. Мы утверждаемъ это не голословно: самое отдѣленіе англо-саксонскихъ штатовъ отъ англо-саксонской метрополіи противорѣчило нынѣшнему „принципу" національностей. Точно также и борьба нѣмецкихъ кантоновъ Швейцаріи съ австрійскимъ домомъ. Самыя священныя воспоминанія для жителя Иллинойса, британца, тѣ, которыя говорятъ ему о побѣдѣ надъ его же родичемъ—британцомъ; самыя завѣтныя преданія Унтервальдена—напоминаютъ ему, нѣмцу, о томъ славномъ участіи, какое онъ принялъ въ низложеніи нѣмецкаго же деспотизма. Принципъ федераціи предполагаетъ, что національныя различія поставлены на послѣдній планъ, а на первомъ планѣ стоитъ духъ единства.

Въ какой же мѣрѣ возможно ожидать факта совершенно противоположнаго, ожидать, что поставивъ національныя различія на первомъ планѣ, отдавая всю свою мысль, все свое пристрастіе такимъ воспоминаніямъ, которыя говорятъ о розни, о борьбѣ, о кровавыхъ насиліяхъ между нынѣшними согражданами, удастся изъ всего этого создать духъ общаго единства? Но если такъ-называемый принципъ національностей ставится выше всего, если австрійскій нѣмецъ прежде всего нѣмецъ, чехъ прежде всего чехъ, а полякъ прежде всего полякъ, если съ идеею австрійскаго единства они только *примиряются*, насколько она ни въ чемъ не нарушаетъ ихъ національныхъ фантазій,

то спрашивается, какъ же осуществить девизъ viribus unitis, который для федераціи еще необходимѣе, чѣмъ для механически сколоченнаго единства? Логика, при такой постановкѣ условій, допускаетъ только два исхода: если національныя различія ставятся выше всего, то возможно только или единство преобладаніемъ одной національности надъ прочими путемъ насилія, или — разложеніе государства, разложеніе его на группы, претендующія осуществить свои чисто-національные идеалы, но неуспѣвающія въ томъ уже по той причинѣ, что національности въ разныхъ степеняхъ вездѣ перемѣшаны, что нѣтъ той квадратной мили, на которой идеальное полное торжество и господство чешской, нѣмецкой или польской національной идеи не было бы вмѣстѣ насиліемъ надъ другою присущею, но менѣе сильною, національною идеею.

Федерацію, конечно, весьма было бы возможно устроить въ Австріи, еслибы разбить всю имперію на равные округа, предоставить въ каждомъ изъ этихъ округовъ большинству избирателей рѣшить, какимъ будетъ языкъ мѣстной администраціи, а общія государственныя дѣла трактовать на одномъ какомъ-нибудь языкѣ. Проще же всего было бы, еслибы нѣмцы сознали, что Австрія—не можетъ быть государствомъ нѣмецкимъ и отказались бы отъ пропаганды германизма, отъ стремленія систематически онѣмечивать другихъ, а всѣ прочія народности согласились бы употреблять въ администраціи языкъ нѣмецкій, какъ наиболѣе распространенный, требуя какъ можно бóльшей самостоятельности каждой общинѣ, и какъ можно бóльшей свободы для каждаго гражданина въ государствѣ.

Какъ ни просты эти „утопіи", какъ ни неизбѣжно осуществленіе ихъ современемъ, когда европейскія общества излечатся наконецъ отъ болѣзни „націонализма",—но теперь это только утопіи. Теперь не о томъ рѣчь, не таковы предлагаемыя средства. Теперь хотятъ основать единство государства на идеѣ національнаго сепаратизма, а для осуществленія равновѣсія и справедливости между національностями избираютъ самую надежную основу—основу „историческихъ правъ". Для осуществленія равновѣсія избираютъ основою — историческій фактъ захвата, а справедливость хотятъ найти, раскапывая тѣ курганы, въ которыхъ лежатъ кости побѣдителей и побѣжденныхъ.

Выслушавъ королевскій рескриптъ отъ 12-го сентября, чешскій сеймъ приступилъ къ опредѣленію пунктовъ „соглашенія", несмотря на то, что нѣмцы заявили протестъ и удалились съ сейма. Сеймъ избралъ коммиссію изъ 30-ти членовъ, которой поручилъ составленіе отвѣтнаго адреса. Коммиссія представила проектъ его, а въ приложеніи къ нему проектъ „основныхъ статей" (Fundamental-Artikel) соглашенія чешскаго королевства съ прочими землями монархіи. Этотъ адресъ и эти основные пункты были утверждены сеймомъ послѣ пре-

кихъ преній, въ которыхъ главную роль играла именно упомянутая уже рѣчь Ригера.

Адресъ исходитъ именно изъ историческихъ правъ Богеміи, и въ подражаніе венгерскому адресу 1861-го года требуетъ возстановленія прерванной законности. Разница только та, что венгры требовали въ 1861-мъ году возстановленія законности, прерванной въ 1849-мъ году, а чехи требуютъ теперь возстановленія законности, несуществующей уже два вѣка. Адресъ указываетъ на „основныя статьи", предлагая обратить ихъ въ учредительный законъ посредствомъ утвержденія ихъ „полноправнымъ сеймомъ"; проситъ императора издать новый учредительный патентъ или указъ (Majestäts-Brief), который признавалъ бы эти основы соглашенія и созвать „коронаціонный сеймъ", который одинъ властенъ произнесть юридически соглашеніе чешскаго королевства, такъ какъ нынѣшній сеймъ, представитель не всѣхъ земель чешской короны, можетъ принимать рѣшенія только въ смыслѣ приготовительномъ; затѣмъ король долженъ будетъ короноваться и утвердить вновь права этой короны присягою.

„Основные пункты" ссылаются на прагматическую санкцію, которая собственно постановляетъ только нераздѣльность наслѣдственныхъ престоловъ габсбургскаго дома, и затѣмъ изъявляютъ готовность чешскаго королевства, не участвовавшаго въ соглашеніи 1866—1867-го гг. съ Венгріею,—признать въ свою очередь законность этого соглашенія. Затѣмъ, въ основныхъ пунктахъ излагается, какія дѣла чешское королевство намѣрено признавать общими для себя съ прочими частями монархіи, какія дѣла оно признаетъ общими только условно, и наконецъ, какія оно признаетъ безусловно подлежащими одному мѣстному, чешскому законодательству и мѣстной же администраціи. Общими дѣлами признаются внѣшнія дѣла, военное управленіе (Kriegswesen), кромѣ, впрочемъ, согласія на производство набора (Rekrutenbewilligung) и всего устройства отбыванія страною воинской повинности, и финансовое хозяйство (Finanzwesen), относительно *общихъ* расходовъ, опредѣленія *общаго* бюджета и повѣрки *общихъ* счетовъ. Для управленія общими дѣлами существуетъ общее министерство и делегаціи сеймовъ, на основаніи соглашенія съ Венгріею, и именно такимъ образомъ, что одну делегацію избираетъ венгерскій государственный сеймъ, а другую избираютъ вмѣстѣ „всѣ прочія королевства и земли *въ конституціонномъ порядкѣ*". Отчего такое неопредѣленное выраженіе „въ конституціонномъ порядкѣ?" Отчего не сказано, что одну делегацію избираетъ государственный сеймъ земель венгерской короны, а другую *государственный сеймъ* всѣхъ наслѣдственныхъ земель? Оттого, что этотъ-то порядокъ, нынѣ существующій, и предполагается измѣнить и въ этомъ-то и заключается корень всѣхъ предлагаемыхъ измѣненій: государственнаго сейма (Reichsrath) всѣхъ

наслѣдственныхъ земель не предполагается; Чехія не желаетъ подчиняться никакому сейму внѣ себя самой, она признаетъ себя государствомъ, и хотя „основные пункты“ съ замѣчательной скромностью не присвоиваютъ чешскому сейму названія государственнаго сейма (называютъ его Landtag, а не Reichstag, между тѣмъ, какъ венгерскій сеймъ тутъ же постоянно называется Reichstag, по настоящему его титулу), но все-таки они не допускаютъ, чтобы Чехія была подчинена иному сейму, и хотя допускаютъ „для сохраненія могущества имперіи (Machtstellung des Reiches)“ одну делегацію, общую для Чехіи съ прочими наслѣдственными землями, но свое число членовъ въ эту делегацію Чехія будетъ избирать непосредственно сама, на пражскомъ сеймѣ, а не въ вѣнскомъ рейхсратѣ, какъ то было досел. Чешскій сеймъ не можетъ, конечно, опредѣлять учрежденій для другихъ земель, онъ опредѣляетъ ихъ только для Чехіи; и вотъ членовъ въ делегацію онъ намѣренъ избирать самъ. Но такъ какъ невозможно же, чтобы сеймъ вѣнскій продолжалъ существовать для остальныхъ наслѣдственныхъ земель, когда Чехія будетъ посылать членовъ въ делегацію прямо, то это и ведетъ неизбѣжно къ отмѣнѣ имперскаго сейма. И въ самомъ дѣлѣ, въ основныхъ статьяхъ нигдѣ и не упоминается о рейхсратѣ (имперскомъ сеймѣ), а допускается только делегація, и еще „Конгрессъ депутатовъ“ отъ всѣхъ сеймовъ наслѣдственныхъ земель, который будетъ обсуждать нѣкоторыя условно-общія дѣла. Въ делегацію чешскій сеймъ посылаетъ 15 делегатовъ изъ своей среды; порядокъ дѣлопроизводства делегацій признается нынѣ существующій. Общее министерство отвѣтственно передъ делегаціями, которымъ однѣмъ и принадлежитъ право возбуждать эту отвѣтственность. Всѣ затѣмъ дѣла, кромѣ выше прямо-поименованныхъ, признаются общими, „признаются по принципу подлежащими законодательству чешскаго сейма и веденію мѣстнымъ чешскимъ управленіемъ (böhmische Landesregierung)“. Но изъ этого принципа допускается, по утилитарнымъ соображеніямъ, исключеніе для слѣдующихъ дѣлъ: 1) коммерческихъ (законодательство таможенное, торговое, морское, вексельное, относительно мѣръ и вѣсовъ, патентовъ на изобрѣтенія, литературной собственности и т. д.); 2) законодательство относительно косвенныхъ налоговъ (монополій, регалій, гербовой и регистратурной пошлины); 3) опредѣленія монетной системы и единицы цѣнности; 4) постановленія относительно общихъ нѣсколькимъ землямъ путей и средствамъ сообщенія (телеграфы, почта, желѣзныя дороги, судоходство); 5) устройство арміи (порядокъ и срокъ военной службы, опредѣленіе ежегоднаго контингента, распредѣленіе войскъ на дѣйствующія и запасныя, снабженіе и помѣщеніе и т. д.); 6) финансовыя дѣла: государственный кредитъ, заключеніе займовъ, государственныя имущества и опредѣленіе расходовъ по всѣмъ этимъ условно-общимъ

статьямъ, покрытію ихъ и ревизія счетовъ. Наконецъ, 7) постановленія о натурализаціи и правѣ гражданства.—Эти 7 статей обнимаютъ такія дѣла, которыя хотя по принципу признаются подлежащими законодательству чешскаго сейма, но для удобства допускаются до тѣхъ поръ, пока это не будетъ отмѣнено какимъ-либо добровольнымъ соглашеніемъ,—„что законодательная власть чешскаго сейма относительно этихъ дѣлъ переносится на конгрессъ делегатовъ, избираемыхъ сеймами всѣхъ земель". Итакъ—вотъ гдѣ она—таже нижняя палата нынѣшняго рейхсрата. Но на какую степень низведена она!

Адресъ, говорящій постоянно отъ имени королевства Богеміи, изъявляетъ согласіе на то, чтобы исчисленныя выше условно-общія дѣла было поручено вести общему министерству, которое должно состоять изъ министровъ по каждой части управленія и, сверхъ того, изъ придворныхъ канцлеровъ или національныхъ министровъ, представляющихъ отдѣльныя земли, въ числѣ которыхъ полагается и придворный канцлеръ чешскій, отвѣтственный прямо передъ сеймомъ чешскаго королевства. Королевство Богемія принимаетъ на себя въ расходахъ по общимъ дѣламъ процентную долю (Procentuale Quote), которая должна быть опредѣлена депутаціею изъ сейма, а также и опредѣленную часть государственнаго долга. Для этой цѣли депутація чешскаго сейма вступитъ, при посредствѣ правительства, въ соглашеніе съ депутаціями сеймовъ другихъ королевствъ и земель. Далѣе, королевство Богемія выражаетъ въ адресѣ готовность свою вступить съ прочими королевствами и землями въ соглашеніе относительно общихъ установленій объ осѣдлости, паспортовъ, правъ иностранцевъ, взаимности въ исполненіи судебныхъ рѣшеній, признанія академическихъ званій, дипломовъ и училищныхъ свидѣтельствъ (вотъ до чего доводитъ перестройка!), а также относительно законодательства о формѣ и порядкѣ обсужденія общихъ дѣлъ. Нынѣшняя верхняя палата имперскаго сейма (Herrenhaus) не признается адресомъ, какъ вообще не признается этотъ сеймъ. Но изъявляется согласіе чешскаго королевства, чтобы (вмѣсто нея) былъ учрежденъ *сенатъ*, котораго кругъ дѣйствій и права напоминаютъ наполеоновскій сенатъ, отчасти наполеоновскій же государственный совѣтъ. Этотъ сенатъ долженъ состоять изъ наслѣдственныхъ (но не болѣе какъ на половину всего числа) членовъ, частью же изъ назначаемыхъ императоромъ на всю жизнь, по представленію сеймовъ отдѣльныхъ земель; наконецъ, изъ принцевъ императорскаго дома, архіепископовъ и епископовъ княжескаго титула (т.-е. городовъ бывшихъ столицами, по большей части). Сенатъ обсуждаетъ и утверждаетъ государственные договоры, возлагающіе на государство какія-либо новыя обязательства, а также измѣненіе границъ. Онъ же рѣшаетъ споры между отдѣльными землями и вопросы о компетентности (подвѣдомственности) между конгрессомъ делегатовъ

и сеймомъ отдѣльныхъ земель; наконецъ, даетъ заключеніе по проектамъ о всякихъ измѣненіяхъ въ основныхъ законахъ.—Таковы условія, на которыхъ чешскій сеймъ изъявляетъ готовность примириться; онъ требовалъ прежде всего признанія за чешскимъ королевствомъ полной государственной самостоятельности въ силу его историческихъ правъ, и впередъ изъявилъ готовность за это признать общую связь австрійской имперіи, съ соблюденіемъ однако указанныхъ условій.

Нельзя не признать, что вожди чешской національной партіи, а за ними и чешскій сеймъ, имѣли, для того, чтобы стать на нѣсколько натянутую и искусственную почву „непрерывности историческихъ правъ короны св. Вячеслава", нѣкоторыя реальныя причины сверхъ архивнаго тщеславія и влюбленности въ народный эпосъ. Они разсуждали такимъ образомъ (приводимъ заявленіе газетъ Pokrok и Politik): отъ насъ требуютъ, чтобы мы безъ дальнихъ разговоровъ послали нашихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ, признали его и на немъ добились всевозможныхъ уступокъ въ пользу нашей автономіи, и увѣряютъ насъ, что если мы это сдѣлаемъ, то намъ и будутъ даны всевозможныя уступки, а въ обезпеченіе такого благопріятнаго для насъ результата ссылаются на то, что министерство Гогенварта рѣшительно расположено въ нашу пользу, и въ рейхсратѣ, вслѣдствіе нынѣшняго состава областныхъ сеймовъ образуется благопріятное намъ большинство. Но это—путь невѣрный; что̀ такое можетъ быть большинство вѣнскаго рейхсрата и во что̀ могутъ обращаться данныя намъ обѣщанія—это мы уже знаемъ. А между тѣмъ, если мы начнемъ все дѣло съ того, что пошлемъ депутатовъ въ рейхсратъ и будемъ добиваться уступокъ тамъ, то этимъ самымъ мы вѣдь безповоротно признаемъ законную компетентность рейхсрата относительно внутреннихъ дѣлъ Богеміи и законную силу конституціи 21-го декабря 1867-го года. Между тѣмъ вся сила наша до сихъ поръ состояла именно въ томъ, что мы отрицали компетентность рейхсрата и законность этой конституціи и отказомъ нашимъ принять въ ней участіе мы парализовали ея дѣйствіе; только потому-то съ нами и вступаютъ въ переговоры и хотятъ войти съ нами въ соглашеніе, что у насъ есть эта сила. Какъ же намъ отъ нея-то и отказаться для вѣрнѣйшаго пріобрѣтенія полной автономіи? Нѣтъ, не на шаткихъ основаніяхъ компромисса съ незаконнымъ положеніемъ вещей, не на доброй волѣ вѣнскаго рейхсрата, не на обѣщаніяхъ министерства, которое завтра же можетъ перемѣниться, можемъ мы основать нашу самостоятельность, а на единственно-вѣрныхъ и прочныхъ основахъ, на основахъ историческихъ правъ богемской короны. Не мы пойдемъ на встрѣчу, не мы сдѣлаемъ уступки по принципу, чтобы добиться невѣрныхъ уступокъ на практикѣ; пусть къ намъ придутъ тѣ, которые отрицали наши права на автономію. Пусть они признаютъ наши историческія права, пусть правительство

проведетъ соглашеніе съ нами не въ учрежденномъ имъ рейхстатѣ, а на основаніи нашихъ историческихъ правъ и въ формѣ государственнаго, согласнаго съ ними, контракта съ нами. Тогда *мы* согласны будемъ сдѣлать *ему* всевозможныя уступки, какія только совмѣстны съ предоставленіемъ намъ полной внутренней автономіи на практикѣ. Мы согласимся въ этой безусловной формѣ историческихъ правъ на уступки, сообразныя съ удержаніемъ связи между всѣми частями имперіи; мы признаемъ и соглашеніе, состоявшееся съ Венгріею безъ нашего участія, и общность имперскихъ дѣлъ, лишь бы только отъ насъ не требовали уступки по принципу, которая лишила бы насъ самого основанія нашихъ требованій и единственной силы, какою мы располагаемъ для ихъ осуществленія. „Мы отказываемся погрузиться въ бездонное море“, заключаетъ Pokrok. „Государственно-юридическая оппозиція Чехіи не занимается политикою минутныхъ уловокъ; мы стали на единственное твердое основаніе—на почву нашего добраго древняго права и отказываемся сойти съ нея, хоть бы и для того только, чтобы принять участіе въ отпѣваніи декабрьской конституціи“, заключаетъ Politik.

Все это очень хорошо; все это логично, и еслибы политическія соглашенія рѣшались монологомъ, то изъ приведеннаго монолога напрасно было бы выкидывать что-либо. Но такъ какъ въ политикѣ соглашенія обусловливаются не достоинствомъ аргументовъ, а тою степенью фактической силы, какая за ними оказывается, то и нельзя согласиться, что въ приведенномъ воззрѣніи чехи поставили вопросъ наиболѣе практическимъ образомъ. Аргументы ихъ тѣ же самые, какіе были приняты венгерскою оппозиціею въ основаніе ея политики въ 1861-мъ году; итакъ, они не только логичны, но, какъ показалъ опытъ венгровъ, именно таковы, что могутъ и практически привесть къ достиженію цѣли. Различіе только въ томъ: кѣмъ они предъявляются. Когда венгерскій сеймъ, предъявивъ ихъ въ 1861-мъ году, отказался отступить отъ нихъ и былъ распущенъ, то цѣлая половина имперіи осталась внѣ всякаго закона, и въ ней пришлось собирать военной силой подати, такъ какъ сеймъ не предоставилъ правительству собирать ихъ. Когда наступила опасная война съ Пруссіею 1866-го года, венграмъ стоило возстать, чтобы погубить Австрію; и они могли это сдѣлать, потому что имъ совершенно все равно, какіе нѣмцы повелѣваютъ по сю сторону Лейты: вѣнскіе или берлинскіе, лишь бы тамъ были нѣмцы, на которыхъ можно бы опереться противъ южныхъ славянъ. Немудрено, что въ Вѣнѣ, при такихъ обстоятельствахъ, оцѣнили всю логичность венгерскихъ ссылокъ на права короны св. Стефана. Между тѣмъ права короны св. Вячеслава уже и сами по себѣ далеко не такъ ясны, и ссылаться на „непрерывность историческаго права“ менѣе удобно тамъ, гдѣ оно было прервано 300 лѣтъ,

чѣмъ тамъ, гдѣ оно было прервано 11 лѣтъ. Но главное все-таки въ томъ, что примиреніе съ чехами для габсбургскаго дома вовсе не такъ важно, какъ было примиреніе съ венграми. Дѣйствовать заодно съ Пруссіею чехи не могутъ потому, что стали бы сами первою добычей Пруссіи, и тогда лишились бы не только историческаго права, но и народности. Разсчитывать же на помощь со стороны Россіи было бы странно; достаточно уже, если Россія вступается за своихъ единоплеменниковъ тамъ, гдѣ имъ грозитъ прямая гибель, какъ бывало въ Болгаріи, да и то наша помощь, какъ извѣстно, иногда не соотвѣтствовала тѣмъ жертвамъ, какія ее сопровождали; но не могутъ же чехи въ самомъ дѣлѣ разсчитывать, что Россія завоюетъ имъ конституціонныя права; едвали они могутъ и желать войны съ такой цѣлью.

Внѣ этихъ крайностей, какая же дѣйствительная сила находится въ распоряженіи чеховъ? Только та, что отказомъ своимъ участвовать въ конституціи 1867-го года и послать депутатовъ въ рейхсратъ, они доставляютъ вѣнскому правительству неловкое сознаніе, что дѣло его все-таки не кончено, что ему все-таки не удалось ввесть никѣмъ болѣе неоспариваемый конституціонный порядокъ. Безспорно, и это сила, и не даромъ на нее ссылаются въ дѣйствительности чешскіе патріоты, когда упираются на пунктъ своихъ „историческихъ правъ". Императору Францу-Іосифу очень хотѣлось бы имѣть согласіе чеховъ, для того, чтобы считать дѣло внутренняго преобразованія поставленнымъ прочно, однимъ словомъ, что и въ его имперіи есть какой-либо признанный всѣми порядокъ. Но вѣдь выгоды такого признанія со стороны чеховъ совершенно исчезаютъ, какъ скоро оно формулируется такимъ образомъ, что за нимъ неминуемо возникаютъ новыя домогательства и колеблется уже и то соглашеніе съ венграми, которое достигнуто цѣною столькихъ усилій. Выгоды примиренія съ чехами становятся совершенно призрачными, какъ скоро оно формулируется такимъ образомъ, что за примѣромъ Чехіи, и другія земли начнутъ отрицать рейхсратъ, добиваться возстановленія своихъ историческихъ правъ и предоставленія имъ особаго министерства и права отказывать въ наборѣ рекрутъ. „Кельнская" газета сосчитала, что если всѣ области потребуютъ того же, что Чехія, то въ Австріи будетъ 72 министра, а съ 8-ю венгерскими —80. Нѣтъ особенной потребности и вступать въ соглашеніе съ чехами, если оно не будетъ послѣднимъ, если цѣна его такъ велика, что она возбудитъ новыя требованія съ другихъ сторонъ. Тѣмъ болѣе вѣнское правительство должно было призадуматься, прежде чѣмъ сдѣлать чехамъ такія уступки, въ которыхъ венгры видятъ нарушеніе соглашенія заключеннаго съ ними. Таково именно объявленное въ чешскомъ адресѣ условное намѣреніе признать соглашеніе съ Венгріею, какъ будто это соглашеніе само по себѣ еще незаконно. Какъ только венгерскіе политики усмотрѣли въ чешскихъ требованіяхъ ущербъ своей

законности, какъ только они заявили, что не могутъ допустить оскорбленія своей законности вторичнымъ признаніемъ, и что если Чехіи будетъ дана полная государственная самостоятельность, какой она требуетъ, то и Кроація несогласится долѣе признавать верховенства венгерскаго сейма, и что, стало быть, Венгріи останется одинъ путь: требовать для себя полнаго отдѣленія отъ Австріи, сохраненія съ ней единственно связи личной, въ особѣ общаго государя, — то нетрудно было предугадать, что чрезмѣрныя по обстоятельствамъ требованія чеховъ будутъ отвергнуты. Въ самомъ дѣлѣ, какой же интересъ имѣетъ вѣнское правительство завершать конституціонный вопросъ въ Чехіи такимъ образомъ, чтобы вызвать возбужденіе вновь этого вопроса тамъ, гдѣ онъ уже считался рѣшеннымъ, а именно въ большинствѣ своихъ земель; приводить въ недовольство и нѣмцевъ, и мадьяръ, открывать дверь для новыхъ требованій со стороны всѣхъ славянъ, южныхъ и сѣверныхъ, для того только, чтобы три четверти населенія одной Чехіи сказали: мы теперь довольны. Вѣдь это, наконецъ, бочка Данаидъ.

Съ той минуты, какъ венгерскіе министры, представляя мнѣніе политическихъ людей Венгріи вообще, выступили противъ требованій чеховъ, не трудно было предвидѣть, что послѣдніе будутъ отвергнуты, потому что на этомъ пунктѣ чешскій вопросъ уже грозилъ превратиться въ вопросъ о ломкѣ всего сдѣланнаго. Но починъ сопротивленія требованіямъ чеховъ исходилъ не отъ венгровъ, а отъ нѣмцевъ. Мы уже говорили о протестахъ сеймовъ нѣмецкихъ областей. Органомъ нѣмецкой партіи въ рѣшительную минуту сталъ самъ канцлеръ, графъ Бейстъ. Между нимъ и графомъ Гогенвартомъ возникъ кризисъ, который обнаружился видимымъ образомъ по поводу обстоятельства въ сущности пустого. При торжественномъ введеніи въ должность новаго ректора вѣнскаго университета, барона Ги (Hye), въ университетской залѣ произошелъ скандалъ. Министръ просвѣщенія Иричекъ (чехъ) былъ встрѣченъ со стороны студентовъ (нѣмцевъ) шиканьемъ. Онъ сконфузился, но сѣлъ на мѣсто. Когда же прежній ректоръ Зебакъ, излагая перемѣны въ личномъ составѣ ученаго сословія университета упомянулъ, что профессора Габетинекъ и Шэффлé сдѣлались министрами, разразилась буря негодованія нѣмцевъ противъ всего министерства Гогенварта. Нескончаемые крики: pereat! прерывались только крикомъ: vivat Beust! (онъ былъ тутъ же). Всего же настойчивѣе повторился крикъ: pereat Jiricek! Министръ просвѣщенія удалился, и Бейстъ въ первую минуту хотѣлъ-было послѣдовать его примѣру, но привѣтствуемый виватами остался, и даже знáкомъ пригласилъ намѣстника (губернатора) барона Вебера остаться на мѣстѣ, когда тотъ хотѣлъ уйти за выгнаннымъ министромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Бейстъ поступилъ весьма неприлично, выказывая такимъ образомъ

посреди юношеской демонстраціи свою несолидарность съ министерствомъ Гогенварта. Неприлично было и принимать привѣтствія отъ зачинщиковъ скандала; но надо замѣтить, что въ Австріи никто не понялъ этой исторіи въ смыслѣ мятежа; иначе самъ канцлеръ былъ бы косвеннымъ участникомъ мятежа. Даже чехи и тѣ не поняли пустого скандала такимъ „государственнымъ" образомъ. Чешскія газеты не разразились воплями о поруганіи чешской націи, объ измѣнѣ правительству и т. д. Газета Pokrok просто замѣтила по этому поводу, что Вѣна—городъ дурного поведенія, и справедливо противопоставила ей примѣръ Праги, сохраняющей наружное спокойствіе и достоинство, несмотря на страстное ожиданіе, чѣмъ рѣшится дѣло.

Конечно, не этотъ скандалъ побудилъ Бейста выступить за нѣмцевъ; но скандалъ нѣсколько ускорилъ развязку, такъ какъ министръ Иричекъ подалъ въ отставку, а Габетинекъ и Шэффлé готовились сдѣлать тоже самое. Съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія императора въ столицу.

Почти одновременно со скандаломъ, смутившимъ министровъ цислейтанскихъ, произошелъ скандалъ гораздо болѣе серьезный, который смутилъ министровъ венгерскихъ. На военной границѣ, въ округѣ огулинскаго полка возмутилась рота этого полка; девизомъ этого возмущенія было разумѣется: „долой мадьяровъ!" Возмущеніе было тотчасъ подавлено; двѣ роты тѣхъ же граничаръ-кроатовъ, подъ начальствомъ полковника Шестака, сѣли у Любицы въ засаду въ лѣсу, и аттаковали приближавшихся бунтовщиковъ, положили нѣсколько человѣкъ на мѣстѣ; въ томъ числѣ пали и вожди ихъ Кватерникъ, Ракичь и Бохъ. Самъ по себѣ и этотъ фактъ не имѣлъ бы большого значенія. Но сопоставивъ его съ такими фактами, что изъ огулинскаго же полка возникло возстаніе всей Кроаціи противъ венгровъ въ 1848-мъ году, что Кватерникъ былъ однимъ изъ первыхъ участниковъ и того возстанія, что нынѣшняя попытка была представлена въ видѣ приступа національной кроатской партіи къ повторенію примѣра 1848-го года, когда кроатскій банъ Елачичъ пошелъ къ Вѣнѣ на помощь меттерниховскому правительству, и своимъ движеніемъ уничтожилъ всѣ конституціонныя начинанія,—нынѣшній фактъ не могъ не встревожить государственныхъ людей Венгріи. Это должно было произойти тѣмъ болѣе, что ихъ совѣсть нечиста: недавно они въ третій разъ отсрочили созваніе кроатскаго сейма. Казалось, будто вотъ кроаты поднимаются на помощь чехамъ, хотя само собой разумѣется, что изъ новаго кроатскаго возстанія, въ случаѣ его успѣха, могло бы произойти уже никакъ не конституціонное соглашеніе съ чехами, или съ кѣмъ бы то ни было, а просто возстановленіе абсолютизма, съ общей германизаціей,—прежняя баховская система однимъ словомъ. Понятно, что все это не могло настроить венгерскихъ министровъ къ особенной уступчивости въ пользу предполагаемыхъ друзей кроатовъ—чеховъ.

Въ половинѣ октября (н. с.) императоръ пріѣхалъ въ Вѣну, и тотчасъ вызвалъ венгерскихъ министровъ. Онъ поочередно принялъ Бейста и Гогенварта. Первыми словами императора были: „я хочу согласія между моими народами, тѣмъ болѣе мнѣ желательно согласіе между моими министрами“. „Neue Freie Presse“, у которой мы заимствуемъ этотъ остроумный выговоръ, данный Францомъ-Іосифомъ, „врачамъ, которые сами исцѣлиться не могутъ“, не говоритъ кому именно, Бейсту или Гогенварту выговоръ этотъ былъ сказанъ. Имперскіе министры: канцлеръ Бейстъ, министръ финансовъ Лоньей, военный министръ Кунъ, и венгерскіе министры Андраши и Венкгеймъ указали императору на четыре пункта чешскаго адреса, которыхъ признаніе въ отвѣтномъ рескриптѣ они признали неудобнымъ: нельзя допустить новаго признанія соглашенія съ Венгріею, то-есть признанной уже и существующей венгерской законности; нельзя согласиться, чтобы какіе-либо дѣйствующіе нынѣ законы были измѣнены иначе, какъ тѣмъ же путемъ, какимъ они были установлены; третій пунктъ есть необходимость разсматривать нынѣшнее государственное положеніе (Stellung) австрійскихъ земель, какъ опредѣленное конституціею 21-го декабря 1867-го года; наконецъ, четвертый пунктъ состоитъ въ томъ, чтобы въ рескриптѣ императоръ оговорилъ себѣ право узаконить чешскія „основныя статьи“ путемъ внесенія ихъ въ рейхсратъ въ видѣ собственнаго, изъ императорской власти исходящаго, проекта или предложенія. Нѣтъ нужды объяснять, почему каждое изъ этихъ условій прямо противорѣчитъ той точкѣ воззрѣнія, на которую стали чехи и съ которой они формулировали свои требованія, точкѣ исторической, самобытной чешской законности.

Между тѣмъ, у графа Гогенварта былъ готовъ проектъ отвѣтнаго императорскаго рескрипта; въ чемъ онъ состоялъ, неизвѣстно съ точностью, но приведенныя выше возраженія имперскихъ министровъ доказываютъ, что первый проектъ Гогенварта былъ въ сущности вполнѣ согласенъ съ чешскимъ адресомъ, и что, стало быть, чешскіе патріоты составили его не подъ вліяніемъ своего увлеченія, а именно на основаніи того договора, который былъ заключенъ между графомъ Гогенвартомъ и Ригеромъ. Гогенвартъ вызвалъ теперь въ Вѣну чешскихъ вождей, именно Ригера и графа Кламъ-Мартиница, представителя той части чешской аристократіи, которая отказалась отъ германизма и вступила въ національную партію. Графъ Гогенвартъ вызвалъ ихъ для того, чтобы предварительно внесенія въ совѣтъ новаго проекта отвѣтнаго рескрипта сообщить его имъ. Но если въ этомъ новомъ проектѣ Гогенварта были приняты въ основаніе всѣ изложенныя выше четыре основанія, на которыхъ остановились имперскіе министры, то немудрено, что Ригеръ не могъ на нихъ согласиться послѣ того, какъ требованія чешскаго сейма были формулированы на корен-

номъ условіи: признанія самобытности чешскаго государственнаго права и непрерывной исторической законности. Тогда Гогенварту не осталось болѣе ничего какъ выйти въ отставку. Надо признать, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ съ прямотою, достойною всякаго уваженія.

Что касается имперскихъ и венгерскихъ министровъ, затормозившихъ дѣло соглашенія своими „пунктами", то ихъ образъ дѣйствій вполнѣ объясняется положеніемъ каждаго изъ нихъ: графъ Андраши и баронъ Венкгеймъ — прежде всего министры Венгріи; отношеніе Венгріи къ этому дѣлу уже объяснено. Имперскій министръ финансовъ, графъ Лоньей, самъ венгръ, и разумѣется сталъ бы на сторонѣ Андраши, даже еслибы чехи и не требовали отдѣленія прямыхъ податей отъ имперскаго бюджета, какъ они это дѣлаютъ. Военный министръ Кунъ не могъ не быть противъ требованій чеховъ, которые разрываютъ пополамъ всю военную организацію; Кунъ всѣхъ рѣшительнѣе въ имперскомъ министерствѣ высказался противъ чешскаго адреса. Канцлеръ же, графъ Бейстъ, который поднесъ императору особую записку противъ перваго проекта Гогенварта, какъ только Францъ-Іосифъ прибылъ въ Вѣну, имѣлъ, можно сказать, всевозможные поводы противиться проекту Гогенварта, не говоря уже о томъ, что такому искреннему и достойному уваженія человѣку, каковъ Гогенвартъ, не можетъ сочувствовать человѣкъ подобный Бейсту. Кромѣ этого личнаго, несущественнаго повода были поводы обусловленные всѣмъ положеніемъ Бейста, какъ канцлера и министра государственныхъ дѣлъ: соглашеніе съ Венгріею устроилъ онъ, онъ устроилъ систему дуализма, которую чехи хотятъ поколебать. Ему приписываютъ обновленіе Австріи; онъ даже „графъ" именно по милости дуализма: немудрено, что въ своей запискѣ онъ излагалъ, что „не подобаетъ унижать достоинство австрійскаго императора передъ призраками короля богемскаго и маркграфа моравскаго. Наконецъ — Бейстъ только недавно устроивалъ свиданія ишльское и зальцбургское и свои конференціи въ Гастейнѣ, съ императоромъ Вильгельмомъ и княземъ Бисмаркомъ; всего за недѣлю передъ кризисомъ онъ разослалъ циркуляръ, въ которомъ заявлялъ всевозможную дружбу къ Германіи, основываясь на своихъ свиданіяхъ; а тутъ — дóма, нѣмцы начинаютъ кричать, что имъ „житья не будетъ". Онъ только-что договорился о чемъ-то въ родѣ пангерманизма „въ обезпеченіе мира Европы", а тутъ въ самой Австріи германизмъ вогнанъ въ государственную оппозицію. Если вѣрить чешской Politik, Бейстъ и теперь добивался получить изъ Берлина заявленіе въ пользу нѣмецкаго дѣла въ Австріи. Но вѣрить вполнѣ чешскимъ газетамъ теперь никакъ нельзя. Неудача соглашенія и отставка гогенвартова кабинета вызвали въ нихъ крайнее раздраженіе: онѣ уже говорятъ опять о всеславянскомъ со-

юзѣ, объ осуществленіи славянами въ свою пользу того, что сдѣлали итальянцы и нѣмцы и т. д.

Раздраженіе чеховъ естественно: императорскій министръ вступилъ съ ними въ переговоры и пришелъ къ соглашенію съ ними, съ вѣдома императора. Когда же они, черезъ мѣсяцъ, формулировали это соглашеніе въ юридической формѣ — имъ вдругъ отказываютъ. Но все-таки нельзя не признать, что они поступили бы благоразумнѣе не ставя „непрерывность своей законности" безусловной преградою; они могли признать конституцію 1867-го года и послать депутатовъ въ рейхсратъ, потому что всегда имѣли возможность не изъявить согласія на предложенія правительства, еслибы предложенія эти показались имъ слишкомъ малы. Что касается ненарушимости историческихъ правъ, то напрасно было чехамъ, не имѣя силы венгровъ, безусловно слѣдовать ихъ примѣру. А между тѣмъ, Ригеръ и графъ Кламъ, въ послѣднюю минуту хотя и согласились на избраніе депутатовъ въ рейхсратъ, но все-таки настаивали на предварительномъ признаніи королевскимъ рескриптомъ, „чешскаго государственнаго права", т.-е. именно непрерывной исторической законности. Но императоръ упорно остановился на исполненіи всѣхъ четырехъ пунктовъ программы Бейста-Андраши.

Въ ту минуту, какъ настоящая статья сдается въ печать, мы имѣемъ уже оффиціальное извѣстіе объ увольненіи Гогенварта, Шэффле, Габетинка и Иричка. Министръ финансовъ Гольцгетанъ, который расходился съ Гогенвартомъ и хотѣлъ уже выйти изъ его министерства, теперь не только остается, но и принимаетъ временно предсѣдательство въ совѣтѣ цислейтанскихъ министровъ; остается и цислейтанскій военный министръ, генералъ Шолль. Остальные вновь назначенные временные министры всѣ — также нѣмцы. Составъ новаго министерства чисто административный. Изъ него можетъ образоваться консервативный кабинетъ генерала Габленца, которому уже было предложено составить новое министерство; но можетъ также быть, что президентомъ совѣта будетъ опять графъ Потоцкій, и тогда смыслъ кабинета будетъ союзъ нѣмцовъ съ поляками. Надо впрочемъ замѣтить, что министръ галиційскихъ дѣлъ, кавалеръ Грохольскій, подалъ въ отставку вмѣстѣ съ графомъ Гогенвартомъ и чехами.

Вторая сессія германскаго сейма открыта была 16-го октября лично императоромъ, который самъ прочелъ тронную рѣчь и притомъ голосомъ еще довольно твердымъ. Въ тронной рѣчи главной задачею нынѣшней сессіи указывается „установленіе порядка имперскаго хозяйства (Ordnung des Reichshaushaltes), т.-е. бюджета. Дѣло въ томъ, что теперь слѣдуетъ обратить часть французской контрибуціи на возвратъ отдѣльнымъ правительствамъ имперіи тѣхъ авансовъ, которые

были сдѣланы ими для удовлетворенія общихъ нуждъ имперіи и установить такимъ образомъ нормальное отношеніе между бюджетомъ имперскимъ и бюджетами отдѣльныхъ государствъ, а также и вновь пріобрѣтенной „имперской земли“, т.-е. Эльзаса-Лотарингіи. Предполагается также и возвышеніе окладовъ жалованья должностныхъ лицъ имперіи. Такое возвышеніе, замѣтимъ, предполагается нынѣ при обстоятельствахъ исключительно благопріятныхъ: бюджетъ 1870-го года, какъ сообщается въ тронной рѣчи, заключился не только безъ дефицита, но и съ излишкомъ доходовъ, котораго назначеніе теперь также предстоитъ опредѣлить, а часть контрибуціи, уже уплаченной Франціей, обращается на погашеніе долговъ, сдѣланныхъ для веденія войны. О назначеніи послѣдующихъ трехъ мильярдовъ франковъ военнаго вознагражденія тронная рѣчь еще не упоминаетъ. Военный бюджетъ на 1872-й годъ не представляется, такъ какъ военное управленіе, занятое работами по окончаніи войны и переорганизаціи арміи, не имѣло возможности до сихъ поръ составить нормальнаго бюджета; поэтому испрашивается согласіе сейма на продолженіе дѣйствія въ слѣдующемъ году нынѣ дѣйствующей военной смѣты. Тронная рѣчь упоминала о проектѣ монетной реформы и проектѣ желѣзнодорожнаго соединенія Германіи съ Италіею (сен-готардскимъ туннелемъ). Относительно иностранныхъ сношеній, тронная рѣчь давала почувствовать улучшеніе отношеній къ Франціи и нѣчто въ родѣ огражденія европейскаго мира попечительствомъ трехъ имперій. Сообщая о двухъ конвенціяхъ, вновь заключенныхъ съ Франціею, изъ которыхъ одна подлежитъ утвержденію германскаго сейма, а именно таможенная конвенція относительно Эльзаса-Лотарингіи, тронная рѣчь сопровождала это сообщеніе слѣдующими оговорками: „въ увѣренности, что внутреннее положеніе Франціи будетъ продолжать развиваться въ смыслѣ успокоенія и упроченія, я счелъ возможнымъ“ вывесть войска и т. д.; и еще: „все мое вниманіе было обращено на развитіе и упроченіе мирнаго трактата, недавно заключеннаго съ Франціею, тѣмъ болѣе, что сношенія Германіи со всѣми державами мирны и запечатлѣны взаимнымъ доброжелательствомъ“.... Послѣ общихъ увѣреній въ миролюбіи, тронная рѣчь заключаетъ слѣдующее мѣсто съ особеннымъ смысломъ: „существеннѣйшею и вмѣстѣ пріятнѣйшею моею задачею остается поддерживать съ непосредственными сосѣдями Германіи, государями тѣхъ могущественныхъ имперій, которыя ее окружаютъ отъ Балтійскаго моря до Констанцскаго озера, столь дружественныя отношенія, чтобы прочность ихъ не могла быть болѣе предметомъ сомнѣнія и для общественнаго мнѣнія *всѣхъ* странъ. Мысль, что свиданія мои съ этими государями, съ которыми я лично состою въ столь тѣсной связи, могутъ способствовать упроченію мирной будущности Европѣ, особенно близка моему сердцу“. Затѣмъ

слѣдуетъ еще особое упоминовеніе объ отношеніяхъ къ Австріи: „имперія германская и австро-венгерская, по своему географическому положенію и исторической жизни, столь настоятельнымъ и многостороннимъ образомъ предназначены жить въ дружбѣ, что весь германскій народъ приметъ съ искреннимъ удовольствіемъ послѣдовавшее устраненіе всего, что могло колебать эту дружбу воспоминаніемъ той борьбы, которая была только роковымъ наслѣдствомъ тысячелѣтняго прошлаго". Какъ ни растяжимы употребленныя въ обоихъ этихъ „особыхъ" мѣстахъ тронной рѣчи слова, однако нельзя не признать, что въ нихъ съ достаточной опредѣленностью высказана, во-первыхъ, мысль, что Франціи напрасно впередъ ждать себѣ союза въ Австріи или Россіи противъ Германіи, а во-вторыхъ, что Германія и Австрія имѣютъ одно общее назначеніе, именно, обезпечивать интересы германскаго племени.

Сессія сейма впрочемъ въ дѣйствительности началась не тотчасъ послѣ тронной рѣчи, а по прошествіи нѣсколькихъ дней, такъ какъ число депутатовъ, собравшихся въ первые дни, было недостаточно для законности собраній. Прусскія газеты порицали за это депутатовъ, особенно тѣхъ, которые живя тутъ же, въ Берлинѣ, не явились въ полномъ комплектѣ. Не въ извиненіе конечно, но все-таки въ нѣкоторое объясненіе этого факта, то-есть недостатка со стороны депутатовъ особой спѣшности, можно привесть самый характеръ предстоящихъ сейму занятій. Практика всѣхъ парламентовъ показываетъ, что только живая борьба интересовъ способна привлекать депутатовъ въ полномъ составѣ, а не исполненіе обрядовъ дѣлопроизводства и обсужденіе дѣлъ, въ которыхъ политическій принципъ не замѣшанъ, или въ которыхъ онъ въ данную минуту не можетъ быть поставленъ какъ бы слѣдовало. Изъ предложенныхъ сейму мѣръ, только одна внушаетъ общій, хотя и не политическій интересъ; это — измѣненіе монетной системы. Здѣсь идетъ рѣчь впрочемъ не о совершенной передѣлкѣ денегъ, а только о введеніи основою цѣнности золота и выпускѣ золотой монеты. Предполагается за счетную единицу принять монету въ 10 зильбергрошей, которая будетъ называться „марка"; зильбергрошъ также будетъ дѣлиться на 10 денежекъ (пфениговъ), а не на 12 какъ теперь. Золотыя монеты будутъ въ 20 марокъ (ровно $6^2/_3$ талер., то-есть недалеко по цѣнности отъ англійскаго соверена и французской золотой 25-ти-франковой), въ 15 и въ 30 марокъ (соотвѣтствующія нынѣшнимъ пяти и десяти-талернымъ кредитнымъ билетамъ); за основаніе цѣнности полагается принять золото, и отношеніе къ нему серебра опредѣляется въ 1:15,5. Теперь дѣло идетъ только объ установленіи основъ будущей общей монетной системы для всей Германіи и о выпускѣ золотыхъ монетъ нѣсколькихъ образцовъ, что вызывается уже и казначейскою потребностью, такъ какъ золото,

полученное изъ Франціи въ огромныхъ запасахъ, остается безъ движенія. Итакъ, можно ожидать, что въ Пруссіи исчезнутъ изъ ежедневнаго употребленія мелкіе кредитные билеты въ 5, 10, 25 талеровъ, и войдетъ въ употребленіе золото, между тѣмъ какъ во Франціи, гдѣ въ ежедневномъ употребленіи было именно золото, такъ какъ была золотая монета и въ 10 и въ 5 франковъ, а кредитные билеты (банка) употреблялись только для болѣе крупныхъ расплатъ; произойдетъ обратное явленіе. Выпускъ золотой монеты, предполагаемый германскимъ правительствомъ, одобряется иностранными газетами, которыя (особенно англійскія) не разъ жаловались, что оно держитъ въ своихъ рукахъ громадные запасы золота, не пуская его въ оборотъ и такимъ образомъ вызываетъ монетный кризисъ. „Journal de Genève“ высказываетъ сожалѣніе, что, такъ какъ Германія на-ново опредѣляетъ свою золотую монету, она не хочетъ принять просто французской системы, къ которой уже приступили Швейцарія и Италія и безъ всякаго основанія отдаляетъ тѣмъ столь полезное установленіе однообразной монетной системы во всей Европѣ.

Князь Бисмаркъ недавно одержалъ новую побѣду надъ французскою дипломатіею или по крайней мѣрѣ надъ бывшимъ французскимъ дипломатомъ, наивнымъ своимъ противникомъ, графомъ Бенедетти. Бенедетти издалъ книгу, въ которой документально доказываетъ, что виновенъ въ прошлой войнѣ былъ не онъ, а Наполеонъ III и его министръ, герцогъ Граммонъ. Замѣчательно, что Бенедетти ѣздилъ въ Числьгерстъ подвергать эту книгу „предварительному одобренію“, и она его „удостоилась“. Впрочемъ, отчего же нѣтъ? Извѣстно вѣдь, что бывшій императоръ, въ свою очередь, всю вину войны сваливаетъ на Францію. Книга Бенедетти въ самомъ дѣлѣ доказываетъ, что онъ сообщалъ тюльерійскому двору точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ; такъ и въ 1866-мъ году онъ высказывалъ увѣренность, что Бисмаркъ („при своемъ темпераментѣ“) не захочетъ и слышать объ уступкѣ какой-либо части германской территоріи; книга Бенедетти доказываетъ еще, что Наполеонъ III требовалъ для Франціи не только границъ 1814-го года, но еще и Майнца. Требованіе относительно „береговъ Рейна до крѣпости Майнца включительно“ было заявлено графомъ Бенедетти Бисмарку 5-го августа 1866-го года, но не словесно, а письменно (il convenait avec le tempérament du président du conseil de ne pas assister à la première impulsion). Затѣмъ, онъ старается доказать, что уже самъ Бисмаркъ старался свести рѣчь на Бельгію, что проектъ о присоединеніи Бельгіи къ Франціи выдумалъ Бисмаркъ, и что онъ, Бенедетти, только подъ его диктовку начерталъ основанія этого плана, въ той знаменитой замѣткѣ, которой обнаро-

дованіе въ „Times" въ свое время произвело такое потрясающее дѣйствіе.

На это прусскій оффиціальный „Reichs-und Staats-Anzeiger" отвѣчалъ опубликованіемъ нѣкоторыхъ тайныхъ бумагъ,захваченныхъ пруссаками въ Серіé, въ домѣ другого министра второй имперіи, именно Руэ. Изъ нихъ важнѣйшая та, которая представляетъ секретныя инструкціи, посланныя 16-го августа 1866-го года, графу Бенедетти, въ которыхъ ясно сказано: „смотря по шансамъ успѣха, ваши требованія должны пройти чрезъ три фазиса": сперва требовать прямой уступки Ландау, Сарлуи, Сарбрюкена и Люксембурга, и заключенія тайнаго оборонительнаго и наступательнаго трактата, который обезпечивалъ бы присоединеніе Бельгіи къ Франціи, когда Франція признаетъ это своевременнымъ; если не удастся первое — требовать уступки одного Люксембурга и трактата относительно присоединенія Бельгіи; если же и это встрѣтило бы слишкомъ большія затрудненія, согласиться на то, чтобы для успокоенія Англіи Антверпенъ былъ оставленъ въ качествѣ вольнаго города, но ни въ какомъ случаѣ не отдавать Антверпена Голландіи, а Маэстрихтъ Пруссіи, присоединяя остальное къ Франціи. Опубликованная, независимо отъ этихъ документовъ, такъ-называемая „переписка Лессина" (сообщенная газетою „Ind. B.") подтверждаетъ и съ другой стороны до очевидности, что мысль о присоединеніи Бельгіи постоянно занимала Наполеона III; Лессинъ былъ незначительный бельгійскій журналистъ, который думалъ сдѣлать „себѣ карьеру, служа этой мысли, и вотъ съ нимъ-то Наполеонъ III имѣлъ совѣщанія (?) и о немъ секретарь императора сносился съ посланникомъ въ Бельгіи.

Изъ фактовъ, относящихся къ Франціи, самымъ существеннымъ въ прошломъ мѣсяцѣ было заключеніе двухъ новыхъ конвенцій съ Германіею, послѣдовавшее 12-го октября въ Берлинѣ, куда съ этой цѣлью ѣздилъ министръ финансовъ Пуйе-Кертье. Г. Пуйе-Кертье былъ очень хорошо принятъ въ Германіи; не только германскіе министры и императоръ, но само населеніе старалось выказать французскому гостю дружелюбіе. Корреспондентъ „Daily News" описываетъ довольно забавную сцену почти восторженной встрѣчи, сдѣланной французскому министру на кёльнской станціи. Еще въ маѣ начаты были княземъ Бисмаркомъ переговоры о продолженіи льготнаго срока для безпошлиннаго ввоза издѣлій Эльзаса и Лотарингіи во Францію, истекавшаго 1 сентября. Бисмаркъ видѣлъ въ этомъ средство „задобрить" новыхъ подданныхъ германской короны. Продленія льготы онъ требовалъ въ видѣ уступки со стороны Франціи, а самъ за это предлагалъ очистить еще шесть департаментовъ отъ германскихъ войскъ ранѣе срока уплаты четвертаго полумилльярда, съ тѣмъ однако, чтобы, давая Франціи та-

кое облегченіе, Германія не лишилась своего залога въ исправности этой уплаты, а потому, отказываясь отъ части территоріальнаго залога, онъ просилъ, чтобы ему предоставлены были вмѣсто того векселя первостепенныхъ банкирскихъ домовъ на срокъ 1-го мая 1872 (срокъ уплаты четвертаго полумильярда) въ видѣ гарантіи. Банкиры изъявляли на это согласіе, но съ тѣмъ, чтобы векселя ихъ не подлежали учету до срока; это было первое затрудненіе. Второе затрудненіе представилось тѣмъ, что національное собраніе, уполномочивъ Тьера заключить конвенцію на условіяхъ договоренныхъ съ уполномоченнымъ Германіи, графомъ Арнимомъ, внесло въ эти условія весьма существенное измѣненіе, а именно статьею 3-ею своего закона опредѣлило, что и французскія издѣлія пользуются тою же льготою для ввоза въ уступленныя провинціи вообще всѣ, а не тѣ только, которыя служатъ для мѣстной фабрикаціи, на что́ уже соглашался уполномоченный Германіи. Теперь этотъ вопросъ, который прервалъ-было переговоры, устраненъ.

Та изъ конвенцій, подписанныхъ въ Берлинѣ 12-го октября, которая касается таможеннаго вопроса и вопроса о территоріальной уступкѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія главныя постановленія: льгота для безпошлиннаго ввоза эльзасско-лотарингскихъ издѣлій во Францію продолжается съ 1-го сентября до 31-го декабря текущаго года; въ будущемъ году съ нихъ взимается отъ 1-го января до 30-го іюня четверть, а отъ 1-го іюля по 31-е декабря половина обыкновенной пошлины, какъ она опредѣлена или будетъ опредѣлена для издѣлій ввозимыхъ изъ Германіи (согласно мирному трактату Германія пользуется правами наиболѣе благопріятствуемыхъ націй); вслучаѣ, если во Франціи будетъ установленъ новый налогъ на сырые продукты и красильные матеріалы, эти предметы, ввозимые изъ Эльзаса-Лотарингіи, должны подлежать дополнительной пошлинѣ въ размѣрѣ внутренняго налога, для уравненія ихъ цѣнности съ французскими. Французскіе продукты, какъ-то: литое, кованное и листовое желѣзо и сталь, бумажныя и шерстяныя нити и ткани, и другіе подобные продукты, которые назначены для обработки въ Эльзасѣ-Лотарингіи, ввозятся туда безпошлинно, и временное безпошлинное допущеніе ихъ подлежитъ дѣйствію общихъ законодательныхъ постановленій по этому предмету, существующихъ въ Германіи. Французскіе продукты, какъ крахмалъ, клейстеръ, красильные матеріалы, химическіе продукты и другіе подобные матеріалы, употребляемые для апретуры и назначенные для выдѣлки въ Эльзасѣ-Лотарингіи мѣстныхъ фабричныхъ продуктовъ, допускаются туда ко ввозу временно на томъ же самомъ льготномъ правѣ, какъ всѣ эльзасско-лотарингскія издѣлія допускаются во Франціи, а именно: до 31-го декабря 1871—безпошлинно, отъ 1-го января до 30-го іюня 1872 года — съ платою четверти, а отъ 1-го іюня до 31-го декабря 1872 года — съ платою

половины обыкновенной пошлины, какая установлена или будетъ установлена въ Германіи съ этого рода продуктовъ. На этомъ льготномъ правѣ можетъ быть ввозимо именно только такое количество продуктовъ, какое потребно для эльзасско-лотарингскихъ фабрикъ и мастерскихъ, и притомъ они направляются только чрезъ нѣкоторыя таможни, указанныя для этого германскимъ правительствомъ. Тѣ пошлины, которыя были уже уплачены съ обѣихъ сторонъ до приведенія въ дѣйствіе нынѣшней конвенціи (т.-е. съ 1-го сентября, когда окончился первоначальный льготный срокъ), подлежатъ возвращенію. Размѣръ безпошлиннаго и льготнаго ввоза съ обѣихъ сторонъ, на условіяхъ этой конвенціи, ограничивается мѣрою ввоза и вывоза 1869-го года. Для опредѣленія этой мѣры и наблюденія за тѣмъ, чтобы она превзойдена не была, а также для провѣрки заявленій и выдачи свидѣтельствъ о происхожденіи продуктовъ, избираются въ Эльзасѣ-Лотарингіи тамошними торговыми палатами почетные синдикаты исключительно изъ уроженцевъ этихъ провинцій; избранныя лица утверждаются французскимъ правительствомъ. Германское правительство съ своей стороны уступаетъ Франціи общины Raon-les-Léaux и Raon-sur-Plaine, за исключеніемъ находящихся въ ихъ предѣлахъ государственныхъ имуществъ, а также общины Igney и часть общины Avricourt.

Такимъ образомъ, французское правительство просто отказалось отъ ст. 3-й закона утвержденнаго національнымъ собраніемъ, несмотря на то, что только на основаніи этого закона Тьеръ имѣлъ полномочіе заключить конвенцію съ Германіею. Въ конвенціи, какъ мы видимъ ее теперь, весьма точно опредѣлено, *какіе именно* французскіе продукты допускаются на взаимномъ правѣ въ Эльзасъ и Лотарингію; это только тѣ продукты, которые назначены для мѣстной фабрикаціи, а никакъ не всѣ вообще, между тѣмъ, какъ эльзасско-лотарингскія издѣлія именно всѣ, безъ исключенія, пользуются правомъ льготнаго ввоза во Францію. Очевидно, что той полной взаимности, того полнаго равенства, какіе хотѣло установить національное собраніе, тутъ нѣтъ. Но прибавимъ, и естественно, что равенства нѣтъ, что Бисмаркъ на него не согласился: вѣдь торговая конвенція эта есть *цѣна*, которою Франція пріобрѣтаетъ другой эквивалентъ, именно очищеніе отъ германскихъ войскъ за полгода до срока еще шести департаментовъ, низведеніе съ цифры 80 т. чел. до цифры 50 т. чел. числа чужеземныхъ войскъ, содержащихся на счетъ Франціи. Стало быть, Франціи нельзя было требовать для себя равныхъ правъ въ той конвенціи, которая по самой сущности должна быть уступкой. Что касается германскаго правительства, то оно ни въ какомъ случаѣ не могло согласиться на *измѣненіе*, опредѣленное французскимъ національнымъ собраніемъ: еслибы допустить изъ Франціи въ Эльзасъ и Лотарингію на льготныхъ условіяхъ всѣ продукты, то пришлось бы возстановить временно та-

можню между Германіею и вновь пріобрѣтенными провинціями, а это было бы слишкомъ неполитично.

Итакъ, естественно, что Тьеръ уступилъ; но такъ какъ ему неловко было отказаться отъ условія, которое было вмѣнено ему въ обязанность и отъ котораго зависѣло самое его полномочіе, то Бисмаркъ далъ ему вознагражденіе, которое ничтожно само по себѣ, но лестно для національнаго чувства: согласился возвратить Франціи три общины. Общины эти—чисто французскія, что впрочемъ не есть, конечно, причина возврата. Но дѣло въ томъ, что включены-то онѣ были въ линію территоріальной уступки, потребованной Бисмаркомъ при заключеніи мира собственно потому, что въ этихъ общинахъ заключаются лѣса, нужные для всего округа. Возвращая теперь эти общины Франціи, но удерживая лѣса всѣ въ рукахъ Германіи, Бисмаркъ удерживаетъ прежнюю цѣль и достигаетъ новой: даетъ Тьеру лишнее вознагражденіе, которымъ тотъ извинитъ свое отступленіе отъ данныхъ полномочій.

Еслибы Тьеръ, заключивъ конвенцію подъ условіемъ, что ратификація ея послѣдуетъ только по утвержденіи собраніемъ сдѣланного имъ отступленія, то онъ былъ бы вполнѣ правъ передъ собраніемъ. Но онъ этого не могъ сдѣлать, если хотѣлъ привесть переговоры къ успѣшному окончанію; вѣдь собраніе возобновитъ свои засѣданія не ранѣе 4-го декабря. Онъ этого и не сдѣлалъ. Ратификаціи уже обмѣнены: въ текстѣ конвенціи сказано, что ратификація послѣдуетъ со стороны германскаго императора по одобреніи конвенціи союзнымъ совѣтомъ и германскимъ сеймомъ, а со стороны Тьера—не поставлено условіемъ одобреніе національнаго собранія, а именно условлено, что размѣнъ ратификацій долженъ былъ произойти уже въ теченіи октября.

Надо замѣтить, что Тьеръ въ своемъ объясненіи національному собранію можетъ сослаться еще на тотъ фактъ, что за сдѣланную имъ самовольно уступку онъ не только выговорилъ теперь вновь небольшую территоріальную уступку, но еще достигъ и сокращенія самаго срока льготнаго ввоза изъ Эльзаса-Лотарингіи; въ томъ видѣ, какъ былъ составленъ законъ, уполномочившій Тьера заключить конвенцію, срокъ ея былъ предположенъ по 1-е іюля 1874-го года. Но уже во время переговоровъ съ Арнимомъ, съ германской стороны изъявлено было согласіе ограничиться 1873-мъ годомъ; теперь такъ и сдѣлано: срокъ льготнаго ввоза опредѣленъ по 31-е декабря 1872-го года, затѣмъ французское правительство возстановитъ полную пошлину.

Другая конвенція, подписанная г. Пуйе-Куртье, 12-го октября, относится къ очищенію шести департаментовъ до срока уплаты четвертаго полумильярда вознагражденія. Германское правительство совершенно отказалось отъ той замѣны территорріальной гарантіи къ уплатѣ этой части вознагражденія, которой оно требовало сперва въ

видѣ векселей на срокъ 1-го мая 1872-го года, выставленныхъ банкирами. Оно удовольствовалось просто обѣщаніемъ французскаго правительства и ускореніемъ уплаты. Къ 1-му мая 1872-го года, по смыслу франкфуртскаго мира предстояло уплатить: 500 милл. (четвертый полумильярдъ) вознагражденія и 150 милл. процентовъ (по 5% съ остальныхъ 3 миллльярдовъ). Теперь условлено, что эта сумма 650 милл. фр. будетъ уплачиваема Франціею начиная съ 1-го января по прошествіи каждыхъ двухъ недѣль, въ размѣрѣ 80 милл. Такимъ образомъ, должно быть уплачено 15-го января — 80 милл., 1-го февраля 80 милл. и такъ далѣе, всего въ восемь полумѣсячныхъ уплатъ, съ тѣмъ, что послѣдняя (1-го мая) будетъ заключать 90 милл. Это и составляетъ сумму 650 милл. фр.

За то германскія войска немедленно выводятся изъ такъ-называемаго „второго пояса занятія", то-есть очищаютъ шесть департаментовъ Энъ, Объ, Кот-д'Оръ, Верхней-Соны, Дуба и Юры, и остается ихъ затѣмъ, въ предѣлахъ Франціи всего 50 т. чел. Конвенція предоставляетъ однако германскому правительству право немедленно вновь занять своими войсками эти департаменты въ случаѣ неисполненія прочихъ условій (т.-е. неисправности платежа) и съ этой цѣлью постановляется, что эти департаменты считаются до уплаты четвертаго полумильярда нейтральною территоріей, такъ что французскому правительству предоставляется право содержать въ нихъ своего войска не болѣе, какъ сколько нужно для поддержанія порядка. Впрочемъ французское правительство оговорило свое право произвесть указанныя уплаты ранѣе даже условленныхъ теперь сроковъ. Колоссальный кредитъ Франціи уясняется теперь почти столь же неожиданно, какъ колоссальное, если можно такъ выразиться, военное ея безсиліе при второй имперіи. Французское правительство, уплативъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ полтора мильярда франковъ, уже теперь прекратило покупку иностранныхъ векселей, такъ какъ вся сумма четвертаго полумильярда уже находится въ его распоряженіи звонкою монетой. Какая другая страна (кромѣ Англіи) могла бы собрать въ нѣсколько мѣсяцовъ 500 мил. руб. для уплаты, не вызвавъ монетнаго кризиса? Во Франціи кризисъ этотъ возникъ, такъ какъ лажъ на золото дошелъ до 11%. Но теперь онъ уже упалъ до 2%. Справедливость требуетъ признать и за старикомъ Тьеромъ административное искусство, пріобрѣтенное долголѣтнимъ опытомъ и неутомимымъ трудомъ. Срокъ для ратификаціи этой конвенціи былъ назначенъ всего восьмидневный. Ратификаціи обѣихъ конвенцій обмѣнены 31-го октября (н. с.).

Впрочемъ, монетный кризисъ во Франціи хотя и не выразился, какъ то было бы во всякой странѣ, имѣющей ассигнаціи, возвышеніемъ цѣнъ, однако чувствуется въ недостаткѣ монеты вообще для произ-

водства самыхъ обыкновенныхъ разсчетовъ. Банковыхъ билетовъ ниже 25-ти фр. достоинства нѣтъ, а серебро и золото отчасти уже ушли въ заемъ, то-есть отданы въ уплату контрибуціи, отчасти же прячутся, спекулируя на новый заемъ.

Выборы 8-го и 15-го октября въ департаментскіе совѣты произвели результатъ благопріятный нынѣшнему правительству. Оффиціальная газета распредѣлила избранныхъ такимъ образомъ: 94 бонапартиста, 194 легитимиста, 201 радикалъ, 494 умѣренныхъ республиканца и 867 „либеральныхъ консерваторовъ". Замѣчательно, что объ *орлеанистахъ* органъ, состоящій въ завѣдываніи новаго министра внутреннихъ дѣлъ, г. Казиміра Перье (орлеаниста), ничего не упоминалъ, какъ будто бы ихъ нѣтъ; онъ ихъ относитъ вѣроятно къ 867 „либеральнымъ консерваторамъ, откровенно признающимъ республику". Въ Корсикѣ избранъ былъ въ члены генеральнаго совѣта принцъ Наполеонъ, который и явился туда. Оффиціальная газета, объясняя, что не было повода не выдавать паспорта принцу на въѣздъ въ Корсику, обставила однако это объясненіе извѣстіями о посылкѣ туда чрезвычайнаго коммиссара и нѣсколькихъ судовъ съ войскомъ. Это подало бонапартистской газетѣ Ordre поводъ кольнуть нынѣшнихъ правителей замѣчаніемъ: „стало быть неправда, что имя Наполеона уже безсильно". Впрочемъ, принцъ Наполеонъ, пробывъ въ Корсикѣ короткое время, уѣхалъ обратно въ Италію. За то другой претендентъ, герцогъ омальскій, избранный въ оазскомъ департаментѣ въ президенты совѣта, не такъ-то легко устранится. Орлеанскіе принцы мало по малу пріучаютъ къ себѣ общество. Можетъ ли быть иначе: глава государства—Тьеръ, а они — принцы Тьера; они царская фамилія, которой онъ служилъ; вотъ и выходитъ само собою, что въ публичныхъ собраніяхъ они уже и теперь пріобрѣли первенствующее положеніе; они — первыя лица; такъ къ нимъ и привыкнутъ.

Передъ открытіемъ сессіи департаментскихъ совѣтовъ въ одной лангрской газетѣ появилось частное письмо Гамбетты, въ которомъ усмотрѣли новый „манифестъ" бывшаго диктатора. Манифестъ этотъ выражалъ совершенно-вѣрныя мысли, что департаментскимъ совѣтамъ не слѣдуетъ вдаваться въ область общей политики, и что главной задачей демократической партіи во Франціи, въ настоящее время, должно быть облегченіе тягостей всякаго рода, лежащихъ на массѣ народа.

Страшный пожаръ, истребившій городъ Чикаго въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя и не имѣлъ никакой связи съ какою-либо политическою борьбою, долженъ быть упомянутъ въ нашемъ обзорѣ именно по громадности причиненныхъ имъ потерь. Никогда еще не бывало пожара, котораго ущербъ въ цѣнностяхъ достигъ бы такихъ размѣ-

ровъ: потерю эту опредѣляютъ въ первые дни въ 22 мил. долларовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что она значительнѣе. Чикаго производилъ огромную торговлю; онъ былъ центромъ всей торговли на западѣ Америки заключалъ огромные запасы хлѣба; пожаръ произошелъ въ лучшихъ частяхъ города и именно въ ту пору года, когда привозъ тамъ особенно великъ. Погасить пожаръ представилось труднымъ потому, что посреди великолѣпныхъ каменныхъ дворцовъ этого богатаго города оставались еще и деревянные дома, и сверхъ того, мостовая была деревянная, а тротуары были устроены тоже деревянные, возвышенные, въ видѣ нашихъ мостковъ; когда огонь охватилъ улицу, то въ этихъ трубахъ, образуемыхъ мостками, образовалась настоящая вентиляціи, необыкновенно сильная, которая раздувала пламя съ одной улицы на другую. Какъ поразительна гибель Чикаго, такъ былъ поразителенъ и ростъ этого города; тридцать лѣтъ назадъ онъ имѣлъ всего 5 тыс. жителей, а въ 1869 году—300 тысячъ. Нѣмецкая эмиграція съ давнихъ поръ преимущественно направлялась на Чикаго, и населеніе его едва ли не по большинству нѣмецкое. Баснословная почти быстрота роста Чикаго обусловливалась тѣмъ, что онъ служитъ центромъ цѣлой системы желѣзныхъ дорогъ, а именно изъ него исходятъ 24 линіи желѣзныхъ дорогъ, по которымъ вмѣстѣ взятыхъ ежедневно приходитъ 200 — 250 поѣздовъ. Наибольшія потери отъ пожара Чикаго въ Европѣ понесли Манчестеръ, Лидсъ и Ліонъ. Пожаръ продолжался всего два дня. Сообщаютъ, что уже энергически приступлено къ отстройкѣ города вновь.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ ВЪ ИСПАНІИ И НОВОЕ КОРОЛЕВСТВО.

Образованіе новаго министерства въ Испаніи—само по себѣ фактъ не особенно важный, и во всякомъ случаѣ не неожиданный. Кабинеты слѣдуютъ въ Испаніи одинъ за другимъ, какъ времена года, и можно подумать, что тамъ на министерства смотрятъ почти какъ на оперныя труппы, которыя образуются и ангажируются на одинъ сезонъ. Въ самомъ дѣлѣ, король Амедей еще не царствуетъ года, а вотъ уже третье министерство въ Испаніи. Но образованіе новаго кабинета въ началѣ октября (н. с.) имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, именно какъ новая иллюстрація къ важному факту непрочности въ Испаніи системъ управленія и самыхъ правительствъ. Теперь, когда утихли бури, около года волновавшія Европу, представляется возможность ближе

слѣдить за внутреннею жизнью отдѣльныхъ государствъ Европы, не исключая и второстепенныхъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Испанія. Происшедшій тамъ министерскій кризисъ подаетъ намъ поводъ бросить общій взглядъ на событія въ этой странѣ за послѣднее время.

Непосредственнымъ поводомъ къ самой войнѣ между Франціею и Германіею послужили, какъ извѣстно, испанскія дѣла. Но эта война такъ поглотила общее вниманіе и создала въ Европѣ столь важныя новыя комбинаціи, что испанскій вопросъ какъ бы стушевался, и разрѣшеніе его прошло мало замѣтно для Европы, почти забывшей и о революціи 1868-го года, и о регентствѣ Серрано, и о гогенцоллернской кандидатурѣ. Итакъ, мы должны начать нѣсколько издалека.

Шесть лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1865-мъ году, казалось, Испанія вступила, наконецъ, на путь прочнаго развитія. Всесильнымъ министромъ въ ней сталъ Леопольдъ О'Доннелль, герцогъ Тетуанскій, человѣкъ по личнымъ качествамъ немногимъ отличавшійся отъ Рамона Нарваэса, Бальдомеро Эспартеро, Хуана Прима и другихъ, второстепенныхъ, честолюбцевъ-генераловъ, обратившихъ современную исторію Испаніи въ исторію борьбы личныхъ партій. Но О'Доннелль отличался отъ нихъ тѣмъ, что первый ясно опредѣлилъ двѣ главныя задачи для развитія своего народа: необходимость освобожденія отъ ига клерикализма и пробужденіе какъ умственныхъ, такъ и матеріальныхъ силъ страны. О'Доннелль болѣе кого-либо въ Испаніи сдѣлалъ для развитія промышленности и проведенія желѣзныхъ дорогъ. Духовенству онъ хотѣлъ противопоставить твердый оплотъ, и рѣшительнымъ шагомъ къ эманципаціи Испаніи отъ ига клерикализма справедливо считалъ признаніе итальянскаго королевства. Попытка Прима произвесть военное возстаніе была подавлена О'Доннеллемъ въ 1866-мъ году. Но это не укрѣпило его, а ослабило: королева Изабелла, избавившись отъ опасности возстанія, страхъ передъ которымъ именно и заставлялъ ее переносить О'Доннелля, теперь сочла возможнымъ дать снова волю своей гнусной камарильѣ. Главою правительства сталъ въ четвертый разъ Рамонъ Нарваэсъ. Новая попытка Прима въ 1867-мъ году была опять подавлена, но затѣмъ умеръ Нарваэсъ, и въ немъ камарилья потеряла единственнаго государственнаго человѣка, который соглашался прикрывать ее собою, и вмѣстѣ имѣлъ силу держать ее въ нѣкоторыхъ предѣлахъ. Преемникъ Нарваэса, недавно умершій Гонсалесъ Браво, не имѣлъ ни его авторитета, ни его способностей. Крайняя реакція не знала уже никакой мѣры и отважилась въ одно время выслать изъ Испаніи всѣхъ тѣхъ вліятельныхъ генераловъ, которымъ не нашлось мѣстъ въ правительствѣ, между прочими Серрано и Топете.

Военное возстаніе, которое такъ легко происходитъ въ Испаніи,

вспыхнуло 18-го сентября 1868-го года, и на этотъ разъ увлекло всѣ партіи, такъ какъ противъ него небыло вождя съ такимъ авторитетомъ, какой имѣли Нарваэсъ и О'Доннелль, оба умершіе. Во главѣ возстанія стали Серрано, Топете и Примъ, немедленно возвратившійся изъ изгнанія; королева Изабелла была принуждена оставить Испанію, и династія Бурбоновъ была низложена. Тріумвиратъ Серрано, Примъ и Топете, и управлялъ Испаніею втеченіи 1869 и 1870 годовъ. Серрано имѣлъ титулъ регента, но Примъ былъ всесиленъ какъ военный министръ. Пріискивать новаго короля необходимости, собственно говоря, не было, потому что въ Испаніи республиканская партія сильнѣе, чѣмъ каждая изъ монархическихъ партій въ отдѣльности. Большіе городá въ Испаніи вообще склонны къ республикѣ, и республика, основанная на принципѣ децентрализаціи, соотвѣтствовала бы весьма сильнымъ въ Испаніи, выработаннымъ исторіею стремленіямъ къ муниципальной и провинціальной самостоятельности. Особенно сильно распространены республиканскія идеи въ промышленной Каталоніи, гдѣ Примъ издавна имѣлъ наибольшее число приверженцевъ. Сверхъ того, на югѣ, въ Андалузіи, рядомъ съ могущественною еще клерикальною партіею замѣчаются не только республиканскія, но даже соціалистическія стремленія. Такъ какъ республика de facto существовала, то и не было очевидной необходимости замѣнять ее иною формою правленія, предполагая впрочемъ, что существованіе республики возможно при господствѣ въ данномъ обществѣ не ясно сознанныхъ мыслей о его интересахъ, а скорѣе разныхъ возвышенныхъ чувствъ наряду съ мелкими личными разсчетами. Какъ бы то ни было, невозможно было ожидать, что тріумвиратъ Серрано-Примъ-Топете упрочитъ въ Испаніи республику. Каждый изъ нихъ думалъ болѣе всего о томъ, чтобы упрочить собственную свою власть, собственное свое положеніе.

Сохраняя республику, каждый изъ тріумвировъ могъ разсчитывать не болѣе какъ на долю власти, а такъ какъ каждый притомъ зналъ, что оба его товарища охотно отдѣлались бы отъ него, то подобная перспектива не представляла для этихъ честолюбцевъ ничего соблазнительнаго. Гораздо болѣе могъ соблазнить ихъ примѣръ, данный нѣкогда герцогомъ Витторіа (Эспартеро): воздвигнуть новый тронъ, заслонить его собою, и вмѣстѣ на него опереться, въ качествѣ регента. Этотъ примѣръ не выходитъ изъ мысли честолюбивыхъ генераловъ въ Испаніи. Сдѣлаться самимъ королями никто изъ нихъ не надѣялся; такого примѣра не было, да ни одинъ изъ нихъ и по личнымъ подвигамъ не равнялся Наполеону I. Но есть положеніе не хуже королевскаго; это—положеніе „дѣлателя королей“, роль знаменитаго лорда Варвика. Каждый изъ тріумвировъ готовъ былъ передать Испанію королю своего выбора, лишь бы упрочить свое положеніе при королѣ имъ созданномъ. Топете склонялся въ пользу герцога Монпансье, ко-

торый—по слухамъ, впрочемъ, далеко невполнѣ надежнымъ—покрылъ расходы сентябрскаго возстанія. Серрано, говорятъ, тоже не прочь былъ отъ кандидатуры Монпансье. Но Приму она не могла нравиться. Герцогъ Монпансье былъ слишкомъ близокъ ко всѣмъ политическимъ людямъ въ Испаніи; онъ жилъ при дворѣ своей свояченицы—королевы Изабеллы. Его нельзя было совсѣмъ прибрать къ рукамъ, какъ иностранца, совсѣмъ незнакомаго съ испанскими дѣлами, а если правда, что Монпансье участвовалъ въ расходахъ на возстаніе, то Приму его подавно нельзя было прибрать къ рукамъ; „на свой капиталъ" онъ пожелалъ бы быть хозяиномъ. Признавать же это достаточною причиною, чтобы считать себя связаннымъ съ младшимъ сыномъ Людовика-Филиппа, Примъ не имѣлъ нужды; тѣмъ болѣе, что возстанія 1866 и 1867-го года онъ самъ предпринималъ—и это положительно извѣстно — на собственныя средства; стало быть, въ дѣлѣ революціи „его капитала" было затрачено не меньше, чѣмъ капитала Монпансье.

Гораздо вѣрнѣе было выбрать такого кандидата, который бы ни гроша не издержалъ для торжества революціи и ни на грошъ бы не имѣлъ въ Испаніи авторитета. Примъ прінскалъ двухъ такихъ кандидатовъ: герцога генуэзскаго Ѳому, племянника короля Италіи, и принца Леопольда гогенцоллернскаго. Мать герцога генуэзскаго воспротивилась его избранію; со стороны же принца гогенцоллернскаго отказа не было. Если принцъ Карлъ гогенцоллернскій рѣшился господарствовать въ Румыніи, послѣ Кузы, то какже принцъ Леопольдъ гогенцоллернскій отказался бы взойти на одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ исторіи престоловъ, на престолъ испанскій?

Извѣстно, что эта кандидатура, скрытая отъ Наполеона, подала ему поводъ къ его безумному нападенію на Германію. Нельзя сказать, что дон-Хуанъ Примъ, маркизъ де-лос-Кастальехосъ и графъ Реусъ, имѣвшій славу храбрѣйшаго и блистательнѣйшаго caballero нашего времени, поступилъ вполнѣ по-рыцарски въ настоящемъ дѣлѣ. Онъ не перехватилъ перчатки, брошенной императоромъ Наполеономъ королю Вильгельму, хотя по справедливости можно было сказать, что перчатка эта пролетѣла мимо лица Испаніи. Онъ даже не принялъ на себя роли секунданта, а просто продолжалъ на сторонѣ ту самую интригу, которая была сигналомъ къ кровавой борьбѣ между Франціею и Германіею. Кандидатомъ его теперь сдѣлался сынъ короля Италіи, Амедей, герцогъ Аостскій, и Примъ убѣдилъ собраніе предложить ему испанскую корону. Но прежде чѣмъ Примъ могъ услышать изъ устъ новаго короля, какое ему предстоитъ положеніе въ будущемъ, само будущее для Прима внезапно прекратилось: 28-го декабря онъ былъ убитъ на улицѣ, и въ день, назначенный для въѣзда

короля Амедея въ Мадридъ, а именно въ день Новаго Года,—Прима хоронили. Въѣздъ короля былъ отложенъ на слѣдующій день.

Тотъ и другой день могутъ послужить къ счастью Испаніи. Она въ одно и тоже время пріобрѣла себѣ въ монархи честнаго и умнаго человѣка и избавилась отъ того человѣка, который могъ исказить добрыя начинанія молодого короля, могъ, правда, поддержать его вначалѣ, но продать ему дорогою цѣною эту поддержку, цѣною быть можетъ прочности самого престола, который былъ бы связанъ съ ненасытнымъ честолюбіемъ Прима. Амедей Савойскій, второй сынъ Виктора-Эммануила, родился въ 1845-мъ г.; ему 26 лѣтъ. Онъ имѣетъ уже наслѣдника—двухлѣтняго принца Эммануила. Супруга короля Амедея, Марія, не царскаго рода; она неаполитанская княжна делла-Чистерна. Всѣ родственныя связи короля Амедея и личныя его качества представляютъ условія благопріятныя. Онъ происходитъ изъ того дома, который сокрушилъ господство клерикализма въ Италіи и въ которомъ уваженіе къ конституціи установилось безусловно. Сынъ нынѣшняго короля Италіи и братъ ея будущаго короля, онъ — шуринъ другого ближайшаго сосѣда—короля португальскаго. Такимъ образомъ, воцареніе его въ Испаніи положительно обѣщаетъ свободу отъ клерикальнаго ига и вмѣстѣ исчезновеніе, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, хотя одной изъ многочисленныхъ въ Испаніи партій: партіи иберійской уніи. Эта партія не найдетъ теперь поддержки ни въ Мадридѣ, ни въ Лиссабонѣ. Король Амедей I извѣстенъ своимъ умомъ; онъ отнесся съ большимъ тактомъ и достоинствомъ къ предложеніямъ, сдѣланнымъ ему изъ Испаніи, и явился въ свое новое королевство совсѣмъ не въ видѣ искателя престола, съ готовностью подчиниться какому-либо генералу, лишь бы царствовать, а напротивъ въ видѣ нѣкоего спасителя, приносящаго жертву для великаго, но опаснаго предпріятія. Когда состоялось избраніе его кортесами, и въ Италію явилась испанская депутація съ предложеніемъ короны, то на пышную и гордую рѣчь ея вождя, напоминавшаго о славѣ испанскаго народа и о величіи выпавшаго на долю савойскаго принца призванія, герцогъ Аостскій отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ, что онъ лично не желаетъ себѣ лучшаго положенія чѣмъ то, какое имѣлъ при дворѣ короля, своего отца, въ своемъ отечествѣ, гдѣ его династія уже пріобрѣла любовь народа; что на призывъ изъ Испаніи онъ смотритъ какъ на призывъ къ трудному подвигу, къ великому дѣлу, отъ котораго онъ, какъ принцъ савойской династіи, отказываться не долженъ; что предпринимая исполненіе этого долга, онъ постарается слѣдовать примѣру своего отца въ честности дѣйствій и искренней преданности конституціоннымъ принципамъ; что остальное зависитъ отъ самой Испаніи, и что онъ никогда не пожелаетъ быть королемъ противъ воли испанскаго народа.

И впослѣдствіи, послѣ прибытія своего въ Испанію, король и въ разговорахъ съ политическими людьми и въ первой своей тронной рѣчи объявлялъ, что онъ попробуетъ всѣми силами дать этой странѣ истинную свободу и спокойствіе, но что онъ лично вовсе не нуждается въ престолѣ и не будетъ царствовать противъ желаній народа, еслибы они измѣнились. Само собою разумѣется, что гогенцоллернскій принцъ не могъ бы принять въ Испаніи такого самостоятельнаго положенія, какъ сынъ царствующаго короля сосѣдней страны и братъ королевы другой сосѣдней страны; а между тѣмъ, для того чтобы новый монархъ не попалъ въ кабалу къ кому-либо изъ генераловъ, необходимо было именно имѣть лично независимое положеніе внѣ Испаніи. Король Амедей въѣхалъ 2-го января въ Мадритъ. Содержаніе его опредѣлено въ 24 мил. реаловъ (около $1^1/_2$ мил. рублей); сверхъ того ассигновано 2 мил. реаловъ на содержаніе наслѣднаго принца, и 4 мил. на придворное управленіе и ремонтъ замковъ и имѣній. Королева Изабелла получала 45 мил. реаловъ (нѣсколько менѣе 3 мил. рублей).

Положеніе новаго короля трудно особенно потому, что ему приходится имѣть дѣло съ деморализованными, преслѣдующими личныя цѣли группами политическихъ людей, которыя называютъ себя „умѣренными", „уніонистами", „демократами", „прогрессистами" или радикалами, но отличаются однѣ отъ другихъ не столько ясно сознанными, точными и практическими программами, сколько именно различнымъ положеніемъ своихъ вождей. Въ каждой изъ такихъ группъ, безъ сомнѣнія, есть и люди добросовѣстные, какъ, напр., бывшій президентъ совѣта Сорилья. Но тамъ, гдѣ вся среда не имѣетъ политической, а отчасти и нравственной устойчивости, нѣсколькимъ людямъ, какъ бы честны и энергичны они ни были, трудно осуществить добросовѣстную, серьезную работу. Начать съ того, что нѣтъ возможности удовлетворить мѣстами даже и всѣхъ приверженцевъ своей партіи; а между тѣмъ всѣ прочія партіи всегда склонны къ союзу для ниспроверженія кабинета торжествующей партіи.

Другая, меньшая впрочемъ, трудность положенія савойскаго принца на престолѣ Испаніи заключается въ томъ, что ему предстоитъ такъ сказать исполнить удачную конкурренцію той идеѣ о республикѣ, которая уже довольно распространена въ Испаніи. При всей несомнѣнной преданности нынѣшняго савойскаго семейства либеральнымъ принципамъ, исполнить такую задачу не легко, тѣмъ болѣе что конкуррировать приходится не съ фактическимъ положеніемъ, всегда имѣющимъ и слабыя стороны, а именно съ идеаломъ, съ мыслью о возможности немедленнаго осуществленія всякаго счастья путемъ республики. Наканунѣ самаго пріѣзда короля Амедея въ Мадридъ, пришлось расформировать шесть баталіоновъ за то, что они положительно отказались присягать какому бы то королю ни было. Дать присягу

королю Амедею отказались и многіе генералы: Контрерасъ, Бласеръ, Калонхе, Честе, Новаличесъ и др. Одинъ изъ вождей республиканской партіи, уважаемый вообще въ обществѣ, Кастеларъ, говорилъ въ кортесахъ, уже при царствованіи нынѣшняго короля, такія слова: „Надъ кѣмъ признали нужнымъ соорудить вновь престолъ для савойскаго принца? Надъ тѣмъ народомъ, который три вѣка боролся съ римлянами, а съ аравитянами семь вѣковъ; надъ тѣмъ народомъ, который побѣдилъ Карла Великаго, Франциска I, Наполеона; народомъ, котораго честолюбію узокъ былъ Старый Свѣтъ, и чей геній, подобно Богу, обнаружилъ творческую силу, вызвавъ изъ нѣдръ океана новый міръ; надъ тѣмъ самымъ народомъ, за торжественною колесницею котораго слѣдовали, какъ оруженосцы, короли Франціи, императоры Германіи, герцоги миланскіе, и въ свитѣ котораго шли простыми алебардщиками, простыми герольдами неизвѣстные, голодные савойскіе герцоги, основатели этой династіи...“ Кастеларъ и впослѣдствіи неоднократно возвращался къ этой исторической темѣ, представляя разные этюды, посвященные савойскимъ герцогамъ и неизбѣжно доказывающіе, что всѣ безъ исключенія савойскіе герцоги были коварные эгоисты и похитители. Кастеларъ еще считается „умѣреннымъ“; а другіе республиканскіе вожди, Оренсе и Фигерасъ, даютъ своему краснорѣчію еще болѣе воли. Уличнымъ крикомъ республиканцовъ теперь сдѣлалось: „вонъ иностранца, долой тирана!“ Слова эти, въ примѣненіи къ Амедею, который даже еще ничего и не сдѣлалъ, кромѣ того, что всѣми силами старался соблюдать самую щепетильную деликатность, въ отношеніи всѣхъ, не только законовъ, но и теоріи парламентскаго самоуправленія, смѣшны; въ рѣчахъ Кастелара историческое отношеніе къ престолу, который только-что созданъ—несерьезно; но въ нихъ тѣмъ не менѣе есть одна серьезная мысль, именно, что трудно создать авторитетъ для новой монархіи тамъ, гдѣ уже былъ ниспровергнутъ такой авторитетъ, окруженный вѣками блеска и славы.

Во многихъ, въ чрезвычайно многихъ отношеніяхъ, Испанія отстала отъ остальной западной Европы, только не въ отношеніи свободы слова. Полная свобода слова такъ вкоренилась въ испанскіе нравы, что даже при самыхъ реакціонерныхъ кабинетахъ, при Нарваэсѣ, при Гонсалесѣ Браво, въ кортесахъ произносились рѣчи немыслимыя ни въ одномъ законодательномъ собраніи; въ англійской палатѣ общинъ подобныя рѣчи, конечно, могли бы быть произносимы, но сѣверная сдержанность и отсутствіе революціонныхъ стремленій недопускаютъ ихъ. Во всей же остальной Европѣ онѣ просто не были бы допущены. Въ Испаніи въ концѣ сентября, во время путешествія короля, былъ примѣръ, что городской голова́ Сарагоссы, привѣтствуя короля, объявлялъ ему въ лицо, что самъ онъ — сеньоръ Хосе Марине — по убѣжденію республиканецъ, и что высшею честью для короля будетъ

пріобрѣсть титулъ перваго гражданина испанской республики! Въ остальной Европѣ подобное явленіе невозможно, а еслибы оно произошло, то показалось бы неумѣстнымъ; всѣ нашли бы, что сеньору Марине, если онъ республиканецъ, слѣдовало просто уклониться отъ встрѣчи короля, а не производить „скандала“ республиканскимъ привѣтствіемъ его. Но не таковы испанскіе нравы, и въ Испаніи этотъ случай вовсе не имѣетъ значенія скандала; король Амедей и не былъ сконфуженъ этой рѣчью, а благодарилъ за нее. Ярый энтузіазмъ, съ какимъ страна повсемѣстно привѣтствовала молодого короля, нисколько не препятствовалъ большому числу мѣстностей послать сеньору Марине по телеграфу поздравленія съ его благородной откровенностью. И дѣйствительно, если отрѣшиться отъ общеевропейской мѣрки этикета, то въ словахъ Марине нельзя видѣть ничего оскорбительнаго для короля; онъ только провелъ ту мысль, что король прежде долженъ заслужить основательную любовь къ себѣ, а если онъ сдѣлаетъ все, что для этого необходимо, то и окажется, что въ Испаніи республика. Выпишемъ начало и конецъ рѣчи сарагосскаго мэра: „Сеньоръ, предъ вами теперь не моя ничтожная личность, не человѣкъ, который по внутреннему убѣжденію своему — республиканецъ; предъ вами является избранный народомъ алькальдъ города Сарагоссы, который, исполняя свой долгъ, готовъ принять ваши приказанія“.... Напомнивъ о славѣ своего города, о Палафоксѣ и его сподвижникахъ, на чьихъ костяхъ стоитъ теперь Амедей, Марине продолжалъ: „Знайте, что Сарагосса одушевлена любовью къ свободѣ въ самыхъ обширныхъ ея размѣрахъ; что стѣны зала нашихъ городскихъ совѣщаній украшены священными девизами правъ человѣческой личности.... Сеньоръ, если вы неуклонно пройдете путь справедливости, докажете уваженіе къ народнымъ выборамъ, и если впослѣдствіи Сарагосса и вся Испанія будутъ обязаны вамъ осуществленіемъ тѣхъ желаній, которыя питаетъ большинство въ этой странѣ, тогда, да тогда именно васъ украситъ самый блестящій изъ титуловъ; вамъ предоставится быть первымъ гражданиномъ этого народа и любимцомъ Сарагоссы, ибо тогда вамъ обязана будетъ своимъ счастіемъ республика Испанія“.

Итакъ, республиканцы — прямо враждебны новому порядку, и съ ними невозможны королю никакія соглашенія; они его самого отрицаютъ. Въ такомъ же положеніи находятся карлисты и альфонсисты а отчасти и духовенство, весьма неблагосклонное къ сыну „похитителя“, и къ кандидату безбожнаго Прима, поддержанному еще болѣе безбожнымъ министромъ Сорилья. Отсюда ясно, какъ сильна уже та оппозиція, которую примирить *нельзя*. Но и тѣ партіи, которыя примирить *можно*, которыя дали большинство въ нынѣшніе кортесы и могутъ считаться партіями правительственными, требуютъ именно постоянной заботливости о примиреніи ихъ, иначе изъ трехъ группъ

ихъ двѣ тотчасъ образуютъ оппозицію условную (примиримую посредствомъ должностей), которая при помощи оппозиціи безусловной (непримиримыхъ приверженцовъ прежнихъ династій, папы и республики) тотчасъ составитъ въ кортесахъ большинство и ниспровергнетъ кабинетъ. Эти три группы называются: уніонисты (остатки партіи „либеральной уніи" то-есть О'Доннелля), демократы и прогрессисты. На выборахъ въ нынѣшніе кортесы, въ виду коалиціи всѣхъ „непримиримыхъ" партій, эти три группы соединились, и имъ принадлежитъ въ кортесахъ большинство. Но ни одной изъ нихъ въ отдѣльности большинство не принадлежитъ, а стало быть ни одна изъ нихъ управлять не можетъ безъ уступокъ другимъ, то-есть безъ включенія въ кабинетъ или по меньшей мѣрѣ въ высшую администрацію и командованія войсками представителей остальныхъ правительственныхъ группъ. Въ политическихъ программахъ этихъ группъ есть различіе; такъ уніонисты—преимущественно консерваторы, только примиримые, между тѣмъ какъ прогрессисты и демократы, какъ то показываютъ самыя названія этихъ партій—либералы и радикалы. Впрочемъ опредѣлить различіе между прогрессистомъ и демократомъ въ практическихъ видахъ не легко. Во всякомъ же случаѣ, существеннѣйшее различіе этихъ партій или группъ заключается именно въ ихъ происхожденіи, то-есть въ томъ, какимъ вождемъ каждая изъ нихъ основана и кого каждая изъ нихъ считаетъ „своими людьми". Такъ, уніонисты— это осиротѣвшіе приверженцы О'Доннелля; прогрессисты — держатся знамени Эспартеро, хотя самъ старикъ давно пересталъ принимать дѣятельное участіе въ политикѣ; но у прогрессистовъ въ новѣйшее время былъ весьма энергичный вождь — самъ Примъ. Демократы же пока еще не имѣютъ своей исторіи и вообще трудно сказать, что такое въ Испаніи такой демократъ, который не слѣдуетъ Кастелару, Оренсе и Фигерасу, то-есть, не считается приверженцемъ республики унитарной или федералистской (опять различіе), и не признаетъ своими вождями Олосагу и Сориллью — нынѣшнихъ предводителей прогрессистовъ. Впрочемъ, монархическіе демократы въ дѣйствительности и сливаются теперь съ тою частью прогрессистовъ, которая признаетъ вождемъ Сориллью.

Изъ всѣхъ этихъ группъ нынѣ группа по преимуществу правительственная — именно прогрессисты. Имя Эспартеро все еще популярно, хотя оно теперь обратилось почти только въ историческій девизъ прогрессистской партіи; другое блестящее имя въ ея исторіи— Примъ; но настоящая сила ея — Руисъ Сорилльа [1]). Сорилльа былъ главнымъ приверженцемъ избранія принца Амедея въ короли Испаніи; послѣ Прима, король обязанъ своей короной болѣе всѣхъ—Сориллье.

---

[1]) Начальная буква въ имени Zorilla произносится почти какъ англійское *Th*.

И этотъ министръ едва избѣгъ участи Прима; на жизнь Сорильи также было покушеніе. Это — человѣкъ съ большимъ авторитетомъ, съ желѣзной волею и нѣкоторой наклонностью къ диктаторству среди своей партіи, но съ тѣмъ замѣчательнымъ для Испаніи различіемъ, что онъ стремится не къ захвату власти для пріобрѣтенія регентства, а къ осуществленію весьма опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Сорилльа хочетъ энергически продолжать дѣло освобожденія Испаніи отъ клерикализма, обширныхъ мѣръ къ устройству народнаго образованія и въ его программѣ стоитъ въ числѣ первыхъ принциповъ — необычный въ испанской политикѣ принципъ экономіи. Его прозвали первымъ мѣщанскимъ министромъ Испаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Сорилльа именно и есть тотъ человѣкъ, который наиболѣе нуженъ теперь Испаніи и королю Амедею. Но что значитъ одинъ человѣкъ въ Испаніи, когда онъ не-генералъ, опирающійся на преданную армію, для доставленія ей разныхъ выгодъ, а просто министръ съ политическими идеями, однимъ словомъ, когда онъ — не-Примъ, а — Руисъ Сорилльа? Но обратимся къ разсказу о тѣхъ министерскихъ кризисахъ, какіе уже произошли въ девятимѣсячный періодъ царствованія короля Амедея, и этотъ разсказъ будетъ только иллюстраціею той борьбы кружковъ, той чрезвычайной важности *лицъ* сравнительно съ дѣломъ въ Испаніи, которой выше представленъ общій очеркъ.

Первое министерство короля Амедея было министерство Серрано, герцога делла-Торре. Иначе и не могло быть: послѣ Прима, Серрано былъ самый значительный человѣкъ въ Испаніи, а по оффиціальному своему положенію, какъ регентъ, онъ даже стоялъ выше Прима. Серрано провелъ въ кортесахъ законъ о военномъ преобразованіи, составленный еще Примомъ. Въ силу этого закона, Испанія должна имѣть, не считая колоніальныхъ войскъ, армію въ 216 тыс. человѣкъ. Министерство Серрано было составлено изъ всѣхъ „примиримыхъ" партій; Серрано, Улльоа, Аяла—уніонисты; Моретъ—демократъ, Сорилльа (онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ)—прогрессистъ и т. д. Президентомъ кортесовъ былъ одинъ изъ вождей прогрессистовъ—Олосага. Кабинетъ составленный изъ разныхъ элементовъ соотвѣтствовалъ положенію въ томъ смыслѣ, что всѣ группы были удовлетворены; но за то по самой своей разнородности онъ не могъ дѣйствовать; между членами его не было согласія ни въ чемъ, кромѣ развѣ въ томъ, что дон-Амедей долженъ быть королемъ, а они—должны быть министрами.

Разнородность состава кабинета Серрано была обусловлена характеромъ выборовъ въ конгрессъ: непримиримыя партіи составили на выборахъ коалицію, карлисты дѣйствовали заодно съ республиканцами; противъ этой коалиціи должны были соединиться всѣ партіи, которыя мы называемъ примиримыми: уніонисты, прогрессисты и демократы. Естественно, что министерство самымъ своимъ составомъ

выражало этотъ союзъ, неизбѣжный по обстоятельствамъ, но все-таки ненормальный: союзъ консерваторовъ съ радикалами. Вся послѣдующая шаткость кабинетовъ достаточно объясняется слѣдующимъ фактомъ: въ кортесахъ цѣлая треть голосовъ принадлежитъ партіямъ *непримиримымъ*; затѣмъ, хотя правительственнымъ партіямъ и принадлежитъ значительное большинство, то-есть двѣ трети, но вѣдь эти двѣ трети состоятъ изъ трехъ „примиримыхъ партій"; *министерское* большинство эти двѣ трети могутъ представлять только въ такомъ именно случаѣ, когда всѣ примиримыя партіи участвуютъ въ составѣ кабинета, какъ то было въ кабинетѣ Серрано. Какъ только одна изъ нихъ перестаетъ участвовать въ кабинетѣ, кабинетъ легко лишается большинства въ кортесахъ; а между тѣмъ кабинетъ, составленный изъ элементовъ совершенно разнородныхъ, не можетъ управлять, стало быть долженъ все-таки пасть вслѣдствіе разногласій, хотя и имѣетъ за собой большинство въ конгрессѣ. Вотъ ключъ настоящаго положенія: сводное министерство, каковъ былъ кабинетъ Серрано, не можетъ *управлять*; кабинетъ однородный, составленный изъ главной правительственной группы, т.-е. изъ чистыхъ прогрессистовъ, каковъ былъ слѣдующій кабинетъ, именно кабинетъ Сорильи, не можетъ *держаться*. Между тѣмъ, дѣла вовсе не подвигаются впередъ, конгрессъ занимается цѣлые мѣсяцы теоретическими преніями, и министерскій кризисъ постоянно кажется неминуемъ. Это положеніе дѣлъ можетъ измѣниться еще въ нынѣшнемъ году, если будутъ произведены новые выборы. До тѣхъ же поръ не остается иного исхода, какъ пробавляться „соглашеніями" или „переходами". Нынѣшній кабинетъ Малькампо, составленный изъ незначительныхъ людей, есть „переходъ" или „отсрочка"; кабинетъ, въ которомъ были бы Сорилья и Сагаста, соперникъ его въ прогрессистской партіи, представлялъ бы „соглашеніе". Но возвратимся къ первому министерству короля Амедея, къ министерству Серрано; уклоненіе сдѣлано было нами въ этомъ мѣстѣ, съ цѣлью объяснить причину и возможность тѣхъ странныхъ фактовъ, которые намъ теперь придется разсказывать.

Около празднованія папскаго юбилея, а именно въ іюнѣ нынѣшняго года, произошли такіе факты, которые показали, что уніонистамъ консервативные принципы дороже союза съ прогрессистами. По поводу папскаго юбилея, Кандидо Носедаль, вождь карлистовъ, внесъ предложеніе о заявленіи сочувствія къ папѣ, подвергающемуся недостойнымъ преслѣдованіямъ. Если такое предложеніе приняла бы бельгійская или французская палата, то это означало бы только ультрамонтанство, приверженность къ папѣ. Но еслибы палата приняла такое предложеніе въ Испаніи, то это бы означало прежде всего непріязненность ея къ собственному королю, который сынъ преслѣдователя папы. Во время преній по предложенію Носедаля, другой кар-

листъ, графъ Аргелльесъ потребовалъ прочтенія окружнаго посланія, изданнаго папою въ ноябрѣ прошлаго года, въ которомъ рѣчь идетъ именно о „безстыдствѣ и хищничествѣ субальпинскаго правительства". Министръ внутреннихъ дѣлъ возразилъ, что окружное посланіе, не получивъ placetum regium въ Испаніи, оффиціальнаго значенія не имѣетъ, и потому требовать прочтенія его нельзя. Аргелльесъ этимъ не удовлетворился. Его прервалъ депутатъ Нуньесъ де-Арсе, который замѣтилъ ему, что его отецъ самъ разбогатѣлъ отъ покупки церковныхъ имуществъ. Тогда произошла въ собраніи настоящая драка, за которою на другой день послѣдовало множество дуэлей. Предложеніе Носедаля было однако отвергнуто большинствомъ 93-хъ противъ 37-ми. Но карлисты зато затѣяли торжественную демонстрацію на улицахъ, по поводу процессіи въ день юбилея. Узнавъ объ этомъ, правительство просило духовное начальство не выпускать процессію изъ церквей. Но въ народѣ уже узнали о затѣи карлистовъ и съ нетерпѣніемъ ожидали ее, чтобы побить ихъ. Когда же они не являлись, то толпы, наскучивъ ожиданіемъ, подъ вечеръ пошли бить стекла во всѣхъ домахъ, гдѣ была иллюминація. На другой день, разумѣется, запросъ министерству: отчего не были приняты мѣры? Мѣры принять-то были, но полиція ничего не могла сдѣлать. Однако, правительство сочло долгомъ уволить мадридскаго губернатора, Рохо Аріаса. Но вотъ, когда уніонисты выступили врагами смѣшаннаго министерства, состоявшаго подъ президентствомъ ихъ же главы — Серрано. Кановасъ дель-Кастилльо внесъ предложеніе: объявить недовѣріе кабинету. Оно было отвергнуто, но большинствомъ всего 39-ти голосовъ, именно 147-мь противъ 108-ти. Можно ли управлять съ большинствомъ 39-ти голосовъ; особенно когда эти 39 голосовъ еще принадлежатъ не одной партіи, а союзу партій? Ясно было, что уніонисты покидали министерство Серрано. Имъ надоѣлъ союзъ съ прогрессистами. Но и прогрессистамъ онъ надоѣлъ никакъ не менѣе, потому что онъ связывалъ ихъ, недавая имъ возможности управлять.

Въ концѣ іюня выяснилось совершенное безплодіе смѣшаннаго министерства Серрано. Консервативные члены его желали уступокъ церкви, и предлагали даже мѣры противъ печати. Радикальные члены министерства требовали энергическихъ мѣръ къ развитію народнаго образованія и т. д. Между тѣмъ конгрессъ засѣдалъ четыре мѣсяца, обсуждая все еще только адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Сорилья уѣхалъ въ деревню. Мѣры, предложенныя министромъ финансовъ, Моретомъ (новые налоги на вино и на землю), были крайне непопулярны. Страна и такъ уже обременена налогами: недвижимыя имущества и безъ того платятъ 19% своего дохода однихъ государственныхъ налоговъ, т.-е. несчитая земскихъ. Отчаяніе стало овладѣвать министерствомъ и оно стало просить короля объ увольненіи

Король призвалъ президентовъ обѣихъ палатъ и спросилъ: можетъ ли министерство разсчитывать на большинство? Можетъ, отвѣчали президенты, и это было правда; большинство было у смѣшаннаго министерства, но это министерство само не могло дѣйствовать, вотъ въ чемъ была бѣда. Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ король министерству, я не могу согласиться на измѣненіе кабинета; настоящій кризисъ не *имѣетъ парламентскаго происхожденія*, стало быть не долженъ быть; если же между вами есть личныя недоразумѣнія, — объясните ихъ въ ясныхъ программахъ. Отвѣтъ — наивный или остроумный, какъ хотите; но что же оставалось сдѣлать королю, когда единственный, возможный по составу палаты, кабинетъ просился въ отставку?

Но Сорилльа не возвращался, а демократы Моретъ и Мартосъ настаивали на увольненіи ихъ. Король поручилъ Серрано замѣнить ихъ такъ, чтобы кабинетъ остался. Но невозможность для радикаловъ (прогрессистовъ и демократовъ) дѣйствовать въ кабинетѣ вмѣстѣ съ консерваторами (уніонистами) уже выяснилась, такъ что никто изъ прогрессистовъ и демократовъ не соглашался вступить въ кабинетъ Серрано для того только, чтобы сохранить за нимъ характеръ смѣшаннаго. Такъ отказались Кандау, Аростеги и Сагаста, къ которымъ обращался Серрано. Сагаста былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ еще при Примѣ, и постоянно, съ самой сентябрьской революціи былъ членомъ кабинета; онъ и теперь было-принялъ предложенный ему портфель иностранныхъ дѣлъ, но потомъ отказался. Сагаста — прогрессистъ, также, какъ Сорилльа; Сагаста также считаетъ себя радикаломъ; но вотъ эта минута колебанія Сагасты, когда онъ готовъ былъ вступить въ кабинетъ Серрано, разлагавшійся за выходомъ изъ него радикаловъ, и создала такое различіе между Сорилльею и Сагастою, которое впослѣдствіи отозвалось еще однимъ министерскимъ кризисомъ, какъ мы увидимъ далѣе. Радикалы, т.-е. прогрессисты и демократы, убѣдились въ невозможности управлять вмѣстѣ съ консерваторами (уніонистами) и въ необходимости окончательно порвать съ ними связи, отшатнуться отъ нихъ а между тѣмъ, Сагаста едва не впалъ въ искушеніе, едва не принялъ портфеля въ кабинетѣ Серрано, изъ котораго вышли прогрессисты, то-есть едва не помогъ образованію реакціонернаго кабинета. Этимъ онъ компрометтировалъ себя въ глазахъ большинства своей партіи.

Такимъ образомъ, пополненіе кабинета герцога де-ла-Торре (Серрано) неудалось, а между тѣмъ представилась возможность образовать кабинетъ уже не смѣшанный, а сплошной, въ духѣ одной партіи. Дѣло въ томъ, что союзъ разнородныхъ правительственныхъ партій до времени окончилъ свое дѣло: благопріятный королю адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, въ концѣ іюня былъ принятъ въ конгрессѣ большинствомъ 164 противъ 98 голосовъ, и конгрессъ отсрочилъ свои засѣданія до октя-

бря. Итакъ, въ эту минуту не было уже необходимости беречь себѣ большинство, удерживая смѣшанное министерство. И вотъ король, посовѣтовавшись съ президентами обѣихъ палатъ, призвалъ къ себѣ Сорилью, и поручилъ составленіе новаго кабинета ему. Составить кабинетъ сплошной, въ духѣ одной партіи, было не трудно, и Сорилья тотчасъ составилъ его изъ прогрессистовъ. Въ составъ его вошли: самъ Сорилья (президентъ совѣта, министръ внутреннихъ дѣлъ), Монтеро-Ріосъ (юстиціи), Руисъ-Гомесъ (финансы), контръ-адмиралъ Беранхеръ (морской), генералъ Кордова (военный), Мадрасо (публичныхъ работъ). Управленіе колоніями Сорилья предложилъ адмиралу Малькампо, и послѣ его отказа—Москерѣ; портфель иностранныхъ дѣлъ онъ предложилъ—Сагастѣ. Но мы уже видѣли, какъ Сагаста компрометтировалъ себя передъ прогрессистами; прогрессисты выразили ему рѣшительное осужденіе, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ вступленія въ министерство Сорильи. Но оставшись внѣ этого кабинета и сохранивъ вокругъ себя все-таки группу нѣсколькихъ десятковъ приверженцевъ, Сагаста современемъ долженъ былъ сдѣлаться камнемъ преткновенія на пути министерства Сорильи.

Министерство Сорильи было чисто-прогрессистское. Въ немъ не было не только уніонистовъ, съ которыми радикалы (прогрессисты и демократы) рѣшили порвать всякую связь, но даже и демократовъ. Сорилья предлагалъ портфели двумъ вождямъ монархическихъ демократовъ: Мартосу и Риверо, но они отказались, обѣщая впрочемъ все свою поддержку въ палатѣ. Существенными чертами положенія партій, созданнаго образованіемъ министерства Сорильи въ іюлѣ, были два слѣдующіе факта: такъ какъ министерство это основалось на мысли о разрывѣ союза съ уніонистами, состояло изъ людей одной группы, съ устраненіемъ даже такихъ нерѣшительныхъ прогрессистовъ, какъ Сагаста, то все это означало, очевидно—и распаденіе самого правительственнаго большинства въ палатѣ, состоявшаго изъ трехъ группъ; можно было предвидѣть, что кабинетъ Сорильи продержится только до новаго созванія кортесовъ, а затѣмъ погибнетъ, не найдя въ нихъ уже прежняго правительственнаго большинства. Другой фактъ, котораго выраженіемъ служило образованіе министерства Сорильи, былъ сознаніе всѣми искренними либералами въ странѣ необходимости преобразованія партій. Такъ какъ уніонисты въ министерствѣ Серрано выказали явную склонность къ сближенію съ реакціонерами нарваэсовскаго и клерикальнаго оттѣнка (такъ-называемыми „умѣренными", moderados), то необходимо стало быть считать ихъ отпавшими отъ либерализма, хотя самое ихъ названіе и напоминаетъ либерализмъ (уніонисты, то-есть приверженцы „либеральной уніи" О'Доннеля), и хотя они и враждебны савойской династіи; затѣмъ остальныя двѣ правительственныя группы, чистыхъ прогрессистовъ и демократовъ примиримыхъ съ монар-

хіею, необходимо сплотить въ одну, новую партію, такъ какъ между ними нѣтъ существенныхъ различій, соединить ихъ въ партію прогрессисто-демократическую, то-есть радикальную. Такимъ образомъ, въ Испаніи образовалось бы правильное раздѣленіе партій, на большую консервативно-реакціонерную, и большую либерально-радикальную. Для устраненія сбивчивости, неизбѣжной при множествѣ различныхъ названій, порожденныхъ нѣсколькими революціями и отчасти утратившихъ свое буквальное значеніе, мы не находимъ иного способа, какъ составить почти таблицу, которая наглядно показала бы группировку всѣхъ партій въ Испаніи, съ обозначеніемъ какъ ихъ спеціальныхъ названій, такъ и настоящаго смысла, и со включеніемъ, для большей опредѣленности, нѣсколькихъ наиболѣе значительныхъ именъ.

Вотъ эти партіи:

ВРАЖДЕБНЫЯ савойской династіи или непримиримыя.	ПОДДЕРЖИВАЮЩІЯ савойскую династію или примиримыя.
Консерваторы и реакціонеры.	
Карлисты (и ультрамонтаны): Носедаль.	*Уніонисты* (консерваторы): Серрано, Топете, Аяла, Улльоа, Кановасъ дель-Кастилльо, Вега де Армихо.
Умѣренные, *moderados* (реакціонеры, склонные къ ультрамонтанству, но не карлисты). Сюда принадлежатъ: 1) альфонсисты и 2) монпансьеристы.	*Прогрессисты* по преданію, но сближающіеся съ уніонистами: Сагаста, Малькампо, Кандау, Балагеръ.
Республиканцы и радикалы:	
Республиканцы: Кастеларъ, Оренсе, Фигерасъ.	*Прогрессисты* - радикалы: Сорилльа, Олосага, Монтеро-Ріосъ, Гомесъ, Кордова. *Демократы*, мирящіеся съ монархіею: Риверо, Мартосъ, Моретъ [1]).

Въ этой таблицѣ мы съ намѣреніемъ не поставили имени Эспартеро, хотя онъ — творецъ исторической партіи прогрессистовъ. Но дѣло въ томъ, что онъ теперь уже не участвуетъ въ борьбѣ партій, и неизвѣстно, на какую сторону онъ сталъ бы при нынѣшнемъ рас-

[1]) Эти двѣ партіи составили теперь новую: прогрессисто-демократическую партію.

паденіи прогрессистовъ. Впрочемъ, онъ привѣтствовалъ новаго короля во время путешествія дон-Амедея, и, сколько извѣстно, выказывалъ расположеніе къ Сориллье. Поставить же его въ группу прогрессистовъ-радикаловъ мы не можемъ именно потому, что Эспартеро есть теперь именно только историческое имя, знамя прогрессистской партіи въ исторіи; а Сорилья хочетъ дать новой прогрессистской партіи совсѣмъ иное значеніе; хочетъ слить ее съ демократами; однимъ словомъ, основать новую, дѣйствительно радикальную партію. Вотъ почему, поставивъ рядомъ съ нимъ имя Олосаги, мы должны также оговориться, что Олосага, одинъ изъ виднѣйшихъ вождей прогрессистовъ (онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ), поддерживалъ министерство Сорильи; но пойдетъ ли онъ за нимъ въ томъ преобразованіи партіи, которое задумалъ Сорилья—еще неизвѣстно. Партій альфонсистовъ (т.-е. приверженцовъ сына Изабеллы, дон-Альфонса) и монпансьеристовъ мы не опредѣлили въ таблицѣ именами вотъ почему. Партія герцога Монпансьé — тайная; онъ самъ недавно торжественно заявлялъ, что могъ имѣть надежды, но теперь, послѣ рѣшенія націи, ничего не добивается. Въ монпансьеризмѣ можно только *подозрѣвать*, и вотъ Топете и подозрѣваютъ. Альфонсисты, со смертію Гонсалеса Браво, который послѣ Нарваэса былъ истиннымъ главою moderados („умѣренныхъ", то-есть отъявленныхъ реакціонеровъ) лишились „видимаго главы". Но всѣ громкія имена Испаніи принадлежатъ къ альфонсистской партіи, если не къ карлистской. Представителемъ и центромъ альфонсистовъ теперь служитъ Еселька, редакторъ газеты „Epoca", авторъ того адреса вѣрности, который на фамильномъ совѣтѣ, бывшемъ у королевы Изабеллы 23-го прошлаго сентября въ домѣ Базилевскаго въ Парижѣ, былъ подписанъ всѣми присутствовавшими. Присутствовало же человѣкъ 40—50 настоящихъ moderados, по большей части все грандовъ, конечно. Чтобы покончить съ составленной нами таблицей, скажемъ еще, что наиболѣе занимымъ въ ней фактомъ и самымъ важнымъ для уразумѣнія современныхъ движеній, представляется именно распаденіе, расколъ большой прогрессисткой партіи, происшедшій оттого, что болѣе искренняя и энергичная часть ея сближается съ демократами, для образованія истинно-либеральной или радикальной партіи, подъ предводительствомъ Сорильи.

Возвратимся теперь къ нити разсказа. Мануэль Руисъ Сорилья возымѣлъ прекрасную мысль, что управлять можно только съ людьми одинаковыхъ принциповъ и что люди одинаковыхъ принциповъ не должны раздѣляться на группы (прогрессистовъ и демократовъ), обусловленныя просто именами, и должны дѣйствовать вмѣстѣ, образуя прогрессисто-демократическую или радикальную партію. Но оттолкнувъ отъ себя такимъ образомъ уніонистовъ въ лагерь, враждебный правитель-

ству, онъ не могъ найти въ своемъ союзѣ съ демократами достаточной силы въ палатѣ. Во время междуцарствія палатъ, онъ велъ дѣла весьма успѣшно, издалъ полную амнистію, распространяющуюся даже на карлистовъ и сдѣлалъ блестящій заемъ 150 мил. песетовъ (39 мил. рублей); сумма подписки была въ семь разъ больше требованія. Этотъ результатъ былъ весьма важенъ: краеугольнымъ камнемъ управленія Сорилья поставилъ экономію, и вотъ торговыя столицы Европы сочувственно отозвались къ испанскому займу.

Король Амедей, между тѣмъ, собрался путешествовать по Испаніи. Сорилья разослалъ по этому поводу особый циркуляръ, которому подобнаго кажется еще нигдѣ не бывало: онъ просилъ губернаторовъ отложить всякое попеченіе объ устройствѣ королю пріемовъ и о подготовкѣ искусственнаго энтузіазма, такъ какъ подобная практика несообразна ни съ народнымъ, ни съ королевскимъ достоинствомъ. Между тѣмъ, короля, въ самомъ дѣлѣ, вездѣ встрѣтили съ большимъ радушіемъ. Циркуляръ Сорильи принудилъ даже республиканцевъ встрѣчать короля съ вѣжливостью.

Корреспондентъ „Daily News" свидѣтельствуетъ, что король Амедей постоянно ѣздилъ на улицахъ верхомъ, впереди своей свиты, и ходилъ по улицамъ съ однимъ спутникомъ. Его узнавали, и образовывалась толпа, которая начинала привѣтствовать молодого человѣка, который не хотѣлъ помнить о судьбѣ, постигшей Прима и самого Сорилью. Судя по подробному отчету англійскаго корреспондента, поѣздка короля была неутомимою работой: онъ выѣзжалъ на осмотръ въ 7 часовъ утра и, со включеніемъ короткаго пріема и появленія въ театрѣ, посвящалъ осмотру достопримѣчательностей по 17-ти часовъ въ сутки. Достопримѣчательности же, которыя король осматривалъ наиболѣе подробно, были именно: благотворительныя заведенія и фабрики; на фабрикахъ онъ тщательно осматривалъ машины, матеріалы и весь ходъ дѣла. Такимъ образомъ, дон-Амедей посѣтилъ Валенсію, Таррагону, Сарагоссу, Барселону, Херону, Лериду, Памплону, Бургосъ и т. д. Часть пути дон-Амедей совершилъ въ сопровожденіи своего старшаго брата, королевскаго принца Италіи, Гумберта, который возвращался изъ Лиссабона.

Сессія конгресса возобновилась 2-го октября (н. с.). Руисъ-Гомесъ представилъ свой бюджетъ, въ которомъ произведено было сбереженій на 136 мил. песетовъ. Доходы и расходы опредѣлены были въ 599 мил. песетовъ. Финансовыя мѣры его состояли въ предложеніи налога на пассажирскіе и товарные билеты на желѣзныхъ дорогахъ, въ 6% стоимости билета, въ налогѣ на облигаціи внутреннихъ займовъ и на акціи, и сокращеніи жалованья чиновниковъ вообще. Въ числѣ мѣръ къ уменьшенію расходовъ, предложено было уменьшеніе числа епархій и возложеніе части государственныхъ расходовъ по духовному

бюджету на провинціи и общины. Но мы уже изложили выше, почему министерство Сорилльи, какъ министерство однородное, а не смѣшанное, должно было непремѣнно пасть при возобновленіи парламентской сессіи. Оно пало на первомъ же вопросѣ, который представился рѣшенію кортесовъ. Президентъ конгресса, Олосага (прогрессистъ), пожелалъ получить вновь постъ посланника въ Парижѣ, который онъ уже занималъ прежде; король не могъ не согласиться. Предстояло избрать новаго президента — прекрасный случай выразить новому министерству довѣріе или недовѣріе. Сорилья сперва хотѣлъ было отступить отъ установившагося обычая, по которому правительство всегда старалось провесть въ президенты кортесовъ своего кандидата. Но такая нейтральность стала невозможною для Сорильи, когда оказалось, что президентства добивается не кто иной, какъ Сагаста, то-есть тотъ именно человѣкъ, который компрометтировалъ себя передъ большинствомъ своей партіи, внесъ въ нее элементъ разложенія, склоняясь къ уніонистамъ, отказался вступить въ кабинетъ Сорильи именно потому, что прогрессисты чистые выразили ему осужденіе, а теперь явился кандидатомъ, чтобы сгруппировать около себя все смѣшанное большинство палаты, стало быть дать избранію своему смыслъ прямого протеста этого большинства противъ кабинета Сорильи, за то, что оно было составлено изъ людей одной партіи. Нейтральность, въ виду прямо-враждебнаго предпріятія, стала невозможною и вотъ министерство выставило-таки *своего* кандидата на президенство, а именно демократа Риверо. При первой подачѣ голосовъ, большинство было за Риверо, но при провѣркѣ голосовъ вторымъ баллотированіемъ оказалось большинство 123-хъ голосовъ въ пользу Сагасты, противъ 113-ти данныхъ Риверо, то-есть министерству. Сдѣлалось ясно, что и всѣ мѣры правительства встрѣтятъ то же самое враждебное большинство. Тогда министерство Сорильи подало въ отставку.

Сагаста поступилъ, при этомъ, въ высшей степени недобросовѣстно. Дѣло въ томъ, что при первой баллотировкѣ онъ не былъ избранъ потому только, что карлисты подали голоса за иного кандидата; но увидавъ возможность нанесть кабинету пораженіе, хотя бы избравъ тоже прогрессиста, но враждебнаго министерству, карлисты затѣмъ подали голоса за Сагасту. Такимъ образомъ, избранія Сагаста достигнулъ при помощи партіи, отъ которой его отдѣляютъ всѣ принципы прогрессизма, при помощи партіи клерикальной и анти-династической. А между тѣмъ, онъ все-таки принялъ это избраніе.

Пораженіе понесено было министерствомъ въ засѣданіи 3-го октября, вечеромъ. Вокругъ дворца кортесовъ стояла толпа, съ нетерпѣніемъ ожидавшая результата „боя". Но на этотъ разъ она привѣтствовала не побѣдоноснаго, а побѣжденнаго торреадора. Руисъ Со-

риллья, выходя изъ дворца кортесовъ, былъ встрѣченъ криками: Viva el presidente del ministerio! Viva la moralidad! Viva el ministerio de las economias! Las economias — таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ девизъ Сорильи, и въ крикѣ: Viva la moralidad! заключался приговоръ Сагастѣ. Сориллья прямо поѣхалъ въ королевскій дворецъ и просилъ короля объ увольненіи. Позднѣе, часовъ около 9-ти, явился во дворецъ Сагаста и сперва сталъ-было увѣрять, что министерство напрасно обижается, что онъ такой же прогрессистъ, какъ министры, что въ отставку имъ выходить не слѣдуетъ, такъ какъ онъ будетъ ихъ поддерживать. Но король уже имѣлъ въ рукахъ прошеніе Сорильи. Тогда Сагаста указалъ на Эспартеро, съ чѣмъ согласился и президентъ сената, Санта-Крусъ. Между тѣмъ прогрессистскій клубъ (tertulia) отправился къ Сориллье; толпа собралась передъ домами Риверо, Сорильи и другихъ министровъ, и въ той толпѣ, которая устроила серенаду Сориллье, раздался крикъ: „Al palacio real!“ Но Сориллья велѣлъ сказать своимъ музыкальнымъ друзьямъ, что онъ запрещаетъ имъ безпокоить короля, и что для огражденія дворца имъ, въ случаѣ нужды, будутъ приняты мѣры. Уличныя демонстраціи въ честь Сорильи продолжались и на другой день. Для характеристики нравовъ приведемъ еще слѣдующій эпизодъ: утромъ 4-го октября, толпа изъ „прилично-одѣтыхъ“ людей, главнымъ образомъ изъ студентовъ университета, собралась передъ домомъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ намѣреніемъ отправиться къ частному дому Сорильи для новой демонстраціи. Въ это время мимо дома министра проѣхала карета, въ которомъ сидѣла молодая женщина съ ребенкомъ. Кто-то узналъ королеву. Толпа тотчасъ остановила и обступила карету. Какой-то пожилой господинъ обратился къ королевѣ съ рѣчью. Она сперва поблѣднѣла, но такъ какъ ораторъ говорилъ въ дружескомъ тонѣ, то королева скоро успокоилась и нѣсколько разъ повторила какое-то увѣреніе, неразслышанное корреспондентомъ „Freie Presse“, который это разсказываетъ. Толпа, махая шляпами, прокричала: Viva la reina! и направилась къ дому уволеннаго министра. Вообще демонстрацій было много со знаменами, на которыхъ опять были надписи „Нравственность“! „Бережливость“! и безъ знаменъ, на Прадо и у самого королевскаго дворца.

Эспартеро, разумѣется, отказался составить кабинетъ, извиняясь старостью, а съ его отказомъ исчезла для Сагасты возможность стать руководящимъ министромъ. Съ именемъ Эспартеро онъ еще могъ удержать съ собою достаточно прогрессистовъ; безъ этого имени — возможенъ былъ только переходный кабинетъ, въ который Сагаста самъ не пожелалъ вступить, а предоставилъ это сдѣлать своимъ друзьямъ. Новое министерство было составлено, 5-го октября, адмираломъ Малькампо. Между тѣмъ, извѣстіе объ отставкѣ Сорильи уже облетѣло всю Испанію, и къ 6-му числу Сориллья получилъ 127 те-

леграмъ съ выраженіемъ сочувствія отъ разныхъ комитетовъ и клубовъ, а правительство получило прошенія объ отставкѣ отъ 22 губернаторовъ (цифры эти даетъ депеша агентства „Гавасъ“ въ французскихъ газетахъ).

Что же такое это министерство Малькампо? Вице-адмиралъ Малькампо, какъ показано выше, въ нашей таблицѣ — прогрессистъ. Въ сущности онъ такой же прогрессистъ, какими можно пожалуй признать и Серрано, и Топете, то-есть прогрессистъ по случаю, потому собственно, что случай далъ ему роль въ революціи 1868-го года, которая была подготовлена главою прогрессистовъ — Примомъ. Малькампо, въ сентябрѣ 1868-го года, былъ командиромъ фрегата „Zaragoza“, на который хотѣла удалиться королева Изабелла. Она призвала этотъ фрегатъ въ Сан-Себастіанъ. Но Малькампо въ эту рѣшительную минуту обратился къ своему экипажу съ рѣчью, въ которой сообщилъ ему, что революція одержала верхъ, имѣетъ народный характеръ, и что весь флотъ подъ командою Топете, уже присоединился къ ней. Королева принуждена была спасаться инымъ путемъ, то-есть бѣжать изъ Испаніи. За это тріумвиры произвели Малькампо въ вице-адмиралы. Но онъ только этимъ и извѣстенъ, и самъ имѣетъ совсѣмъ второстепенное положеніе среди партій. Новое министерство состоитъ то же изъ прогрессистовъ, только изъ „незначительныхъ“ прогрессистовъ, и притомъ того оттѣнка, который теперь представляется Сагастою, т.-е. со склонностью къ консерватизму. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Кандау, который уже въ 1864-мъ году сдѣлалъ то же самое, что теперь сдѣлалъ Сагаста: въ то время прогрессисты положили не принимать участія въ выборахъ, такъ какъ правительствомъ изданъ былъ незаконный „законъ“ о выборахъ; но Кандау явился кандидатомъ, и за это былъ отверженъ своею партіею. Министромъ колоній назначенъ Балагеръ, который былъ редакторомъ сагастовской газеты „La Iberia“: онъ значительнѣе другихъ министровъ, потому что извѣстенъ какъ поэтъ и публицистъ; при Сориллѣ онъ былъ директоромъ телеграфнаго и почтоваго управленія. Министромъ финансовъ назначенъ Ангуло, архитекторъ и инженеръ, человѣкъ безъ значенія, какъ и большинство новыхъ министровъ: министръ юстиціи, Кольменаресъ (былъ президентомъ суда на Гаваннѣ при Нарваэсѣ (достаточно-консервативное ручательство), военный министръ, генералъ Бассольсъ (былъ военнымъ губернаторомъ въ Мадридѣ), и министръ публичныхъ работъ Монтехо. Министерство иностранныхъ дѣлъ было предложено Бантилапіедрѣ, профессору права въ валльядолидскомъ университетѣ, но онъ отказался, и до сихъ поръ намъ неизвѣстно, кто избранъ вмѣсто него; временно же этотъ портфель порученъ Балагеру. Новый кабинетъ вообще составленъ изъ малозначущихъ людей; но всѣ они не что иное, какъ подставныя лица Сагасты. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ

выше указано, и лично заявили свою наклонность къ консерватизму, а сверхъ того всѣ они, 3-го октября, подавали голосъ за Сагасту, то-есть отдѣлились отъ партіи радикальной.

Раздоръ, возникшій между двумя группами прогрессистовъ, хотя и имѣетъ поводомъ именно личный вопросъ, т.-е. отношенія, въ которыя хитрый Сагаста сталъ къ добросовѣстному, но упрямому и надменному Сориллѣ, но значеніе этотъ раздоръ получилъ теперь уже и съ точки зрѣнія принциповъ. Прогрессистская партія раздѣляется теперь на два лагеря, изъ которыхъ каждый избираетъ себѣ, въ исторіи и въ теоріи того же испанскаго прогрессизма совершенно различное знамя. Въ исторіи прогрессизмъ основанъ старикомъ Эспартеро. Въ новѣйшее время главою партіи былъ Примъ; но Примъ именно и внесъ въ прогрессизмъ мысль о сближеніи съ демократами. Истиннымъ представителемъ этой мысли теперь является Сориллья, который хочетъ осуществить ее вполнѣ. Сагаста, отдѣляясь отъ него, еслибы успѣлъ составить кабинетъ съ Эспартеро, то этимъ, такъ сказать, взялъ бы себѣ патентъ „чистаго прогрессизма", почерпнутаго прямо изъ источника, безъ всякой примовской, а тѣмъ болѣе сорилльевской примѣси. Слухъ объ образованіи имъ кабинета изъ „чистыхъ прогрессистовъ" т.-е. нежелающихъ союза съ демократами, уже и былъ пущенъ въ ходъ; уже газеты разсказывали, что Сагаста возстановитъ великую партію progressistas puros. Но когда Эспартеро отказался, сеньору Сагастѣ и пришлось кривить душой, притворяясь, будто и онъ ничего не хочетъ, какъ именно союза съ демократами. Но въ такомъ случаѣ какой же смыслъ имѣетъ его отдѣленіе отъ Сорилльи, его соперничество демократу Риверо при избраніи въ президенты? Никакого, или лучше сказать — исключительно *личное* значеніе. Вотъ Сагастѣ и приходится теперь отрицать всякую свою вражду къ министерству Сорилльи и демократамъ, и вмѣстѣ пріискивать тонкія разномыслія съ нимъ въ принципѣ. Сагаста это и сдѣлалъ, и притомъ весьма хитро, такъ что теперь, въ дѣйствительности, нельзя не признать, что между ними уже оказывается и въ принципахъ различіе весьма существенное. Мы имѣемъ полный текстъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи 6-го октября, какъ новымъ президентомъ совѣта, такъ и Сагастою. Оба они исходили изъ увѣренія, что они именно *прогрессисты-демократы*. Адмиралъ Малькампо, послѣ нѣсколько наивнаго разсказа о томъ, какъ онъ былъ удивленъ призывомъ короля, какъ онъ чувствуетъ себя недостойнымъ столь высокаго призванія, какъ однако голосъ совѣсти побудилъ его принять постъ, говоря: это твой долгъ передъ королемъ, страною, партіею и т. д.— объявилъ, что онъ принялъ власть именно потому, что „партіи прогрессистовъ угрожало раздвоеніе", и сдѣлалъ это съ цѣлью отвратить такое раздвоеніе". „Наша программа таже самая, какъ и прежняго ми-

нистерства", сказалъ Малькампо, но тотчасъ прибавилъ: „мы будемъ соблюдать всѣ вольности и права, включенныя въ конституцію 1869-го года и не позволимъ *никому* измѣнять или искажать ихъ смыслъ для какой бы то ни было цѣли". Далѣе, въ рѣчи министра мы встрѣчаемъ слова „нравственность" и „бережливость", девизы Сорильи, которыя онъ хочетъ усвоить своему кружку. Сагаста распространился сперва о высотѣ своего поста, „высшаго положенія, какого только можетъ достигнуть законнымъ образомъ гражданинъ при конституціонной монархіи"; онъ объявилъ, что постъ его, какъ президента кортесовъ, выше всѣхъ партій, и что „никто не имѣетъ права ни добиваться такого поста, ни отказываться отъ него" (значитъ, прогрессистъ долженъ принять его, хотя бы и изъ рукъ карлистовъ, какъ то сдѣлалъ сеньоръ Сагаста). „Глубоко сожалѣю", сказалъ Сагаста, „что имя мое явилось въ видѣ знамени оппозиціи противъ того именитаго патріота, котораго правительство предназначало на этотъ постъ (т.-е. Риверо); я сдѣлалъ что могъ для отвращенія этой борьбы; она произошла однако, къ моему сожалѣнію, но во мнѣ она не оставила слѣдовъ. Я сегодня то же, чѣмъ былъ всегда. Я—прогрессистъ, и именно прогрессистъ демократическій (progressista - democratico). Таково было и министерство, которое оставило свою скамью противъ моей воли, вопреки моимъ желаніямъ. Тѣмъ неменѣе, въ мое имя произошла эта борьба, и что хуже, произвела въ эти дни, внѣ стѣнъ этой палаты, такіе факты, которыхъ я не хочу помнить, насколько они относились къ моей скромной личности". Продолжая свои увѣренія въ полномъ безпристрастіи, Сагаста объявилъ, что онъ желаетъ „сохраненія *въ совершенной цѣлости* (integridad) конституціи 1869-го года (т.-е. монархическаго принципа, а Сорилья близокъ не только къ демократамъ, но даже и къ республиканцамъ); я желаю политики не пошлой, пробавляющейся мелкими мотивами и безплодной борьбой, а широкой, ведущей къ образованію большихъ, могущественныхъ партій, которыя однѣ могутъ соотвѣтствовать реальнымъ потребностямъ страны; я хочу политики широкой и великодушной, которая призываетъ къ себѣ въ сотрудники всѣхъ являющихся съ доброй волею и искренностью, не спрашивая ихъ откуда они пришли (т.-е. неотвергающей отступниковъ), непреклонной относительно принциповъ, но снисходительной къ личностямъ (а Сорилья человѣкъ деспотическаго нрава), политики, которая не возбуждаетъ ни сомнѣній въ либералахъ, *ни опасеній въ консерваторахъ*" (т.-е., которая непрочь отъ союза съ уніонистами, а пожалуй и ультрамонтанами, вотъ въ этомъ-то и сущность дѣла) и т. д. и т. д. „Постараемся всѣ, señores, содѣйствовать образованію такихъ двухъ большихъ партій: одной прогрессивной, другой консервативной, которыя представляли бы собою элементы, необходимые для правильнаго дѣйствія представительныхъ

учрежденій.... Будемъ всѣ содѣйствовать правильному и добропорядочному развитію политической жизни въ Испаніи, такъ чтобы дѣло государственнаго управленія не было ни связано *камарильями* наверху (опять намекъ на исключительность Сорильи), ни давленіемъ снизу".

Рѣчь адмирала Малькампо, по свидѣтельству корреспондента „Daily News", который доставилъ тексты обѣихъ рѣчей, была принята палатою не только холодно, но даже съ ироніею. О впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью Сагасты, онъ не говоритъ ничего, но надо полагать, что палата оцѣнила по достоинству это фальшивое смиреніе, которое, подъ предлогомъ призыва къ согласію, изливало цѣлый потокъ упрековъ министерству, павшему подъ ударомъ смиренномудраго и добродѣтельнаго Сагасты.

Но для объясненія того разномыслія въ принципахъ, какое придумалъ теперь Сагаста, чтобы оправдать, вызванный имъ среди прогрессистовъ расколъ—дѣйствительнымъ различіемъ въ политическихъ убѣжденіяхъ, а не однимъ личнымъ поводомъ, мы должны на минуту удалиться изъ кортесовъ и обратиться къ частному собранію прогрессисткой партіи всѣхъ оттѣнковъ, которое происходило 7-го октября, подъ предсѣдательствомъ генерала Кордовы. Когда, послѣ нѣсколькихъ рѣчей, большинство прогрессистовъ рѣшило изложить въ формулѣ или манифестѣ, въ чемъ должна состоять программа прогрессисто-демократической партіи, и для составленія такой формулы были избраны прогрессистами Сорилья, Монтеро-Ріосъ и Сагаста, то Сагаста предложилъ слѣдующую формулу: „прогрессисто-демократическая партія по своему уваженію къ народному державію, по своимъ убѣжденіямъ, своимъ опредѣленнымъ союзамъ, и даже по чувству чести, *есть партія монархическая* и не можетъ быть ничѣмъ инымъ; она провозглашаетъ законность савойской династіи, призванной для упроченія конституціи 1869-го года и развитія ея принциповъ въ наиболѣе прогрессивномъ, въ границахъ монархическаго правленія, смыслѣ; партія эта, не отвергая *союза* съ партіею *консервативною*, которой спеціальная цѣль—защищать учрежденія страны вслучаѣ опасности, на этомъ именно основаніи считаетъ себя связанною (desligado) съ этою партіею въ управленіи и внѣ управленія". Формула Сагасты была составлена мастерски, съ точки зрѣнія политической борьбы: подавая руку уніонистамъ, чтобы обезпечить себѣ большинство въ палатѣ, она въ тоже время ставила вопросъ на поле теоріи и требовала, чтобы на этомъ полѣ истинные прогрессисты-демократы, каковы Сорилья и его друзья, торжественно объявили, что они савойскую монархію считаютъ послѣднею, окончательною формою развитія страны, и считаютъ себя безусловно связанными съ монархическою идеею, отрицая всякую возможность существованія внѣ этой формы ихъ любимой де-

мократической идеи, и тѣхъ *правъ личности*, которыми они именно болѣе всего и дорожатъ въ конституціи 1869-го года. Ясное дѣло, что Сорилльи и его друзья не могли согласиться на эту формулу, не только потому, что она включала союзъ съ консерваторами, но и потому еще, что невозможно, въ самомъ дѣлѣ, добросовѣстному человѣку въ Испаніи въ настоящее время торжественно увѣрять, будто все спасеніе страны и самая будущность принципа свободы *безусловно* невозможны внѣ царствованія династіи, которая царствуетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ!

Гамбетта убѣжденъ, что правленіе Тьера необходимо Франціи; онъ искренно поддерживаетъ Тьера; но пусть перенесутъ вопросъ съ поля практики на поле безусловной теоріи и потребуютъ отъ него отреченія отъ всякой будущности свободы внѣ тѣхъ политическихъ принциповъ, которые представляетъ собою Тьеръ—и Гамбетта, очевидно, долженъ былъ бы отказаться отъ такого отреченія и тѣмъ поставилъ бы себя въ неловкое положеніе относительно Тьера. Гладстонъ довольствуется существующимъ въ Англіи правомъ избирательства; онъ предлагаетъ проектъ измѣненія его порядка, но введенія поголовнаго голосованія онъ не предлагаетъ. А пусть потребуютъ отъ Гладстона, чтобы онъ и въ теоріи навсегда отрекся отъ принципа всеобщаго голосованія—Гладстонъ откажется дать такое отреченіе; извѣстно, что въ *теоріи* онъ, напротивъ, допускаетъ этотъ принципъ. Мало того, едва ли Гладстонъ согласился бы даже объявить, что по его убѣжденію монархическая система въ самой Англіи есть послѣдняя и окончательная форма развитія, внѣ которой немыслима свобода, невозможна неприкосновенность личности. По всей вѣроятности, и Гладстонъ не сдѣлалъ бы этого, несмотря на то, что династія въ Англіи царствуетъ не со вчерашняго дня.

Тѣмъ болѣе подобнаго объявленія не могъ дать честный и непреклонный Руисъ Сорилльи. Смѣшно думать, что онъ не искренно преданъ нынѣшней династіи, за которую онъ едва не поплатился жизнью; странно полагать, что онъ не увѣренъ въ возможности ея упроченія — для чего же онъ призывалъ ее, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ избранія донъ-Амедея на испанскій престолъ? Но объявленія, потребованнаго хитрымъ Сагастою, Руисъ Сорилльи все-таки дать не могъ; еслибы онъ объявилъ, что не признаетъ ни будущности демократизма, ни неприкосновенности личности въ Испаніи, возможными внѣ монархіи, которая существуетъ девять мѣсяцевъ, то онъ сказалъ бы очевидную ложь, поколебалъ бы вѣру страны въ его „нравственность“ и, разумѣется, оттолкнулъ бы отъ себя своихъ друзей демократовъ, которые скорѣе пристанутъ къ республиканцамъ, чѣмъ къ подобной программѣ. Формула друзей Сорилльи, составленная Монтеро-Ріосомъ, была весьма коротка. Она гласила: 1) что „про-

грессисто-демократическая партія *намѣрена* осуществлять конституцію въ прогрессивномъ смыслѣ, въ предѣлахъ наслѣдственной монархіи и династіи Амедея I"; 2) что „союзъ съ консервативною партіею разрывается, и не сохраняется никакой связи съ ними въ государственномъ управленіи, такъ какъ взгляды обѣихъ партій взаимно-противоположны". Вотъ все, что Сорилльа и его друзья сказали о своей преданности монархіи; они сказали достаточно, но не больше. А вотъ такимъ-то образомъ они и подали своимъ противникамъ поводъ распускать слухъ, что они въ сущности—республиканцы.

Долго продолжались пренія въ прогрессистскомъ клубѣ объ этихъ двухъ формулахъ. Въ нихъ участвовалъ, въ качествѣ прогрессиста, и самъ нынѣшній президентъ совѣта, Малькампо. Наконецъ рѣшено было избрать коммиссію изъ 6-ти членовъ, по три съ каждой стороны, и предоставить сочиненіе формулы ей, съ тѣмъ, что вся партія приметъ безъ дальнѣйшихъ преній ту формулу, какую составитъ коммиссія. Затѣмъ 9-го октября прогрессистская партія собралась снова и коммиссія представила окончательную формулу: „Прогрессистско-демократическая партія, нынѣ составившаяся изъ прогрессистовъ и демократовъ, признаетъ своей задачей упроченіе конституціи 1869-го года и намѣрена развивать ея принципы въ смыслѣ наслѣдственной монархіи Амедея I; сказанная партія совершенно устраняется отъ консервативныхъ фракцій, каковы бы ни были ихъ названія; между нею и ими не можетъ быть ни теперь, ни впослѣдствіи никакихъ иныхъ связей, кромѣ тѣхъ отношеній, какія во всѣхъ парламентскихъ странахъ существуютъ между партіями, призываемыми поочередно къ управленію дѣлами".

Сагаста потребовалъ обсужденія этой формулы, составленной, очевидно, въ смыслѣ программы Сорилльи. Но большинство напомнило ему, что она обсужденію уже не подлежитъ; что всѣ согласились впередъ подчиниться той формулѣ, какая будетъ составлена полюбовнымъ соглашеніемъ въ средѣ коммиссіи. Тогда Сагаста согласился подписать эту формулу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы прогрессистская партія сперва выразила одобреніе министерству Малькампо. Собраніе отвергло это требованіе большинствомъ 94 противъ 42. Тогда Сагаста и 31 его приверженецъ удалились изъ залы и, такимъ образомъ, разрывъ между прогрессистами окончательно выразился. Оставшіеся члены избрали постоянный комитетъ партіи; избраны были: Сорилльа, Мартосъ, Риверо, Фигерола, Руисъ Гомесъ, Монтеро Ріосъ, Мануэль Гомесъ, Ача-Альваресъ и генералъ Кордова; не избранъ ни одинъ изъ одномышленниковъ Сагасты.

Тогда сагастисты стали разглашать рѣчь произнесенную Сорилльей въ засѣданіи прогрессистскаго клуба 7-го октября, приписывая ему слова: „я не вѣрю въ будущность монархіи въ Испаніи"; и телеграммы агентства „Гавасъ" разнесли это извѣстіе во всѣ европейскія газеты. Но читателю понятно, что Сорилльа не могъ сказать этого; всѣхъ

менѣе въ Испаніи именно Сорилья могъ сказать что-либо противъ убѣжденія въ успѣхѣ династіи Амедея. И съ какой стати человѣкъ, который очевидно вскорѣ долженъ стать опять президентомъ совѣта, могъ бы сказать такую вещь? Онъ, очевидно, говорилъ только въ томъ смыслѣ, что невозможно дѣлать основаніемъ соглашеній между партіями безусловныя теоріи, и что избирать вѣчность монархіи въ Испаніи девизомъ для партіи, основываемой для цѣли практической — неблагоразумно. Впрочемъ, когда одинъ изъ министровъ сдѣлалъ впослѣдствіи въ самой палатѣ намекъ на „министерства, допускающія соглашенія съ антидинастическими партіями", то Сорилья счелъ себя обязаннымъ протестовать: въ засѣданіи 16-го октября, онъ спросилъ, не къ нему ли хотѣлъ примѣнить министръ этотъ намекъ, и объявилъ, что никогда его министерство ничего подобнаго не дѣлало; при этомъ онъ заявилъ еще разъ, что самъ лично онъ имѣетъ убѣжденія монархическія и что онъ искренно преданъ савойскому дому. Затѣмъ появились отдѣльно манифесты сагастистовъ и прогрессистовъ-демократовъ, т.-е. приверженцевъ Сорильи; манифестъ друзей Сагасты имѣлъ сперва всего 69 подписей, а манифестъ Сорильи вышелъ съ 103-мя подписями депутатовъ и 41-ою подписью сенаторовъ.

Итакъ, Сагаста изгналъ Сорилью изъ министерства, но за то Сорилья изгналъ Сагасту изъ прогрессисто-демократической партіи. Что касается министерства Малькампо, то Сорилья и его друзья не захотѣли подражать тактикѣ своихъ противниковъ, и не соединились съ карлистами для выраженія ему недовѣрія. Они просто воздержались отъ подачи голосовъ, и рѣшеніе о довѣріи къ министерству Малькампо принято палатою въ засѣданіи 18-го октября большинствомъ 193 голосовъ противъ 27-ми. На этомъ эпизодѣ и остановимся, не излагая преній о международномъ обществѣ, котораго защиту въ кортесахъ взялъ на себя Кастеларъ во имя свободы ассоціаціи. Пренія эти возникли вслѣдствіе запроса, на который министерство отвѣчало, что будетъ рѣшительно преслѣдовать международное общество (число членовъ его въ Испаніи опредѣляютъ около 10 т.). Пренія эти совершенно безплодны, хотя нелишены интереса. Напр., Кандау, министръ внутреннихъ дѣлъ, доказывалъ, что международное общество безнравственно потому, что не вѣритъ въ Бога, не признаетъ отечества, собственности и семейства, а Кастеларъ отвѣчалъ, что идея отечества не есть прирожденная человѣку идея, но что̀ безусловно въ человѣкѣ это—сознаніе правъ личности. „Савойская династія", сказалъ онъ, представляетъ собою защиту правъ личности. Но когда она отклонится отъ этого принципа, то падетъ, какъ пали всѣ тѣ царствовавшіе дома, которые уклонялись отъ того смысла, какой имъ былъ данъ исторіею".

Для дополненія этого очерка, покажемъ, какъ распредѣляется въ Испаніи бюджетъ. Бюджетъ на 1871—72 годъ представляетъ итогъ

расходовъ до 599 милл. песетовъ, т.-е. около 150 милл. рублей [1]); изъ нихъ на военное управленіе идутъ 66 милл., на морское 21½ милл., на публичныя работы 41½ милл.. Доходовъ за предшествующій годъ было около 536 милл., но затѣмъ понижено налоговъ около 76 милл.; такимъ образомъ, для покрытія расходовъ разсчитывается въ нынѣшнемъ году на возвышеніе налоговъ суммою въ 138 милл., частью путемъ естественнаго возрастанія доходовъ, частью же путемъ установленія новыхъ сборовъ. Новыя финансовыя мѣры, которыя намѣрено предложить министерство Малькампо, будутъ состоять въ налогѣ съ облигацій внутреннихъ и иностранныхъ займовъ въ 18% (прежнее министерство предполагало налогъ только на внутренній долгъ и притомъ въ 11%). Дефицитъ за прошлый годъ оказался въ 57½ милл. песетовъ. Въ засѣданіи 27-го октября министерство потребовало разрѣшенія займа во 100 милл. песетовъ.

Въ заключеніе очерка нельзя сказать, что нынѣшній порядокъ въ Испаніи уже окончательно упрочился. Въ томъ же засѣданіи, 27-го октября, депутатъ Солесъ спросилъ министерство, имѣетъ ли оно свѣдѣніе о военномъ заговорѣ, составленномъ въ Барселонѣ, и правда ли, что въ алькантарскихъ полкахъ арестованы 21 унтеръ-офицеръ.

Но нельзя не признать и того, что правленіе донъ-Амедея представляетъ Испаніи возможность установить, наконецъ, правильное развитіе страны. Преобразованіе арміи, въ смыслѣ общеобязательности и краткосрочности службы, также можетъ оказать Испаніи огромную услугу, избавивъ ее отъ тѣхъ pronunciamientos, то-есть мятежей войскъ, которые искажаютъ въ ней характеръ народныхъ движеній. Затѣмъ, главное дѣло, конечно,—въ распространеніи образованія въ массѣ народа и въ устраненіи мрачной, давящей силы клерикализма; съ ослабленіемъ его исчезла бы и единственная опора карлистскихъ покушеній. Итакъ, какова бы ни была предполагаемая со стороны международнаго общества опасность, не она главная и существенная опасность для престола короля Амедея и для блага Испаніи. Для того же, чтобъ твердо работать надъ главною задачею — Испаніи нуженъ именно такой человѣкъ, какъ Сорилья, и надо надѣяться, что онъ скоро возвратится къ управленію. Нынѣшняя сессія есть только продолженіе той, которая началась весною; къ ноябрю истечетъ четырехмѣсячный срокъ дѣятельности палаты, ранѣе котораго новая палата, по смыслу конституціи, распущена быть не можетъ. Тогда, если король рѣшится произвесть новые выборы, надо полагать, что результатомъ будетъ возстановленіе министерства Сорильи.

Л. Полонскій.

---

[1]) Peseto=4 reales=26 коп., около франка.

НЕКРОЛОГЪ.

Ив. Ив. Гольцъ-Миллеръ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ первый и въ послѣдній разъ, помѣстилъ въ нашемъ журналѣ свои труды И. И. Гольцъ-Миллеръ; но имя его, какъ поэта и даровитаго переводчика поэтическихъ произведеній иностранной литературы, было уже давно извѣстно по трудамъ, помѣщавшимся въ другихъ журналахъ. Въ маѣ и въ іюнѣ нынѣшняго года у насъ былъ напечатанъ его переводъ изъ Байрона: „Прощаніе Чайльдъ-Гарольда" (май, 313 стр.) и „Euthanasia" (іюнь, 528 стр.), а 5-го августа И. И. Гольцъ-Миллеръ скончался въ гор. Орлѣ.

Покойный родился 27-го ноября 1842 г., въ Ковенской губерніи, гдѣ отецъ его служилъ тогда по учебному вѣдомству, — слѣдовательно онъ умеръ на 29-мъ году жизни. Мы не знали лично покойнаго, о талантѣ его судили по прежнимъ его опытамъ и по работѣ, которая лежала предъ нами въ этомъ году; одинъ выборъ темъ, если онъ не былъ случаенъ (а смерть показала, что случайнымъ онъ не былъ), могъ говорить намъ о печальномъ настроеніи души того, кто останавливался на подобномъ выборѣ; нельзя теперь не понять, къ кому, вѣроятно, обращался авторъ, когда слагалъ послѣднюю строфу послѣдней своей работы изъ Байрона:

Сочти всѣ радости, что на житейскомъ пирѣ
Изъ чаши счастія пришлось тебѣ испить,
И убѣдись, что чѣмъ бы ни былъ ты въ семъ мірѣ —
Есть нѣчто, болѣе отрадное — не быть!

А за мѣсяцъ предъ тѣмъ, онъ говорилъ, устами того же Байрона:

Не жаль мнѣ прошлыхъ радостей моихъ
И не страшусь я предстоящихъ грозъ —
Мнѣ жаль, что тамъ, за мною, въ этотъ мигъ,
Нѣтъ ничего, что стоило бы слезъ!

Было ли у него такое настроеніе личнымъ, или оно сложилось подъ гнётомъ обстоятельствъ? Намъ довелось узнать обо всемъ этомъ только по смерти покойнаго. Много могла бы заключать въ себѣ любопытнаго и назидательнаго въ наше время правдивая біографія вообще

молодого человѣка нашего времени. Такъ-называемый литературный типъ современнаго юноши съ болѣе пылкою натурою, надломленною, но не направленною, грѣшитъ во многомъ натяжками и слишкомъ усерднымъ желаніемъ, съ одной стороны, оправдать, а съ другой—обвинить. Только въ біографіи возможно было бы узнать, въ чемъ состоитъ правда; отчего у насъ талантливая молодая натура чаще всего подвергаетъ себя опасности, а отсутствіе живости въ характерѣ служитъ обезпеченіемъ въ будущемъ? Отчего молодые люди заблуждаются вездѣ, но не вездѣ заблужденіе дѣлается для нихъ источникомъ погибели? Вопросъ этотъ болѣе чѣмъ любопытенъ. Винятъ нашихъ педагоговъ, нашу школу; но на примѣрѣ Гольцъ-Миллера мы видимъ, что въ его судьбахъ школа остается ни при чемъ. Онъ кончилъ курсъ наукъ въ минской гимназіи съ „отличнымъ успѣхомъ" и съ правомъ на чинъ XIV-го класса, слѣдовательно оказалъ отличные успѣхи въ обоихъ древнихъ языкахъ. Не только школа сдѣлала свое дѣло, но и ученикъ воспользовался ею наилучшимъ образомъ. Въ 1860-мъ году Гольцъ-Миллеръ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, и на первомъ же курсѣ былъ обвиненъ въ политическомъ преступленіи, а именно, въ распространеніи запрещенныхъ сочиненій. По рѣшенію правительствующаго сената онъ былъ приговоренъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на три мѣсяца, что и было надъ нимъ исполнено въ 1863-мъ году. Проступокъ молодости былъ во всякомъ случаѣ искупленъ; оставалось желать и даже оказывать всякое содѣйствіе къ тому, чтобы юноша вернулся на свою обычную дорогу и продолжалъ прерванное по увлеченіямъ молодости умственное и нравственное развитіе. Мы не будемъ разсказывать подробностей: ихъ знаетъ хорошо одинъ осиротѣвшій и престарѣлый отецъ покойнаго; послѣ наказанія по суду, молодой человѣкъ, какъ оказывается, только 20 дней провелъ у отца въ Минскѣ, и затѣмъ вынужденъ былъ переѣхать въ Карсунь. Поведеніе его было безукоризненно, какъ то видно уже изъ того, что снисходя къ просьбѣ отца, Государь Императоръ соизволилъ въ 1865-мъ году разрѣшить его сыну окончить курсъ въ одесскомъ университетѣ. Но тутъ постигло его другого рода бѣдствіе: имѣя на своихъ рукахъ единственнаго младшаго брата, котораго онъ готовилъ къ университету, онъ былъ самъ уволенъ за невзносъ платы за ученіе, впрочемъ съ аттестаціей въ хорошемъ поведеніи; по удаленіи изъ университета, оказалось, что нужно было оставить Одессу, и притомъ весьма поспѣшно, несмотря на опасное положеніе больного брата, который въ это время и умеръ. Начались новые и тяжелые для бѣднаго человѣка переѣзды; наконецъ, онъ поселился въ Орлѣ, но и то опять не на долго: опять надобно было переѣхать въ Курскъ. Въ нынѣшнемъ году 29-го іюля, онъ отправился въ Орелъ, безъ того, впрочемъ, чтобы знали о

томъ въ Курскѣ, внезапно заболѣлъ и въ началѣ августа умеръ. Во всѣхъ подробностяхъ этой жизни, споткнувшейся однажды по молодости, мы не видимъ ничего, что могло бы служить ей поддержкой и опорой, а именно въ томъ и другомъ всего болѣе нуждается молодой человѣкъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; по русской пословицѣ—за битаго двухъ небитыхъ даютъ; и это особенно справедливо, когда дѣло идетъ объ ошибкахъ первой юности. Никакая школа не спасетъ вполнѣ молодого человѣка отъ возможности увлекаться и ошибаться, а потому надобно желать, чтобы сама жизнь спѣшила на помощь въ такихъ случаяхъ и служила бы молодому человѣку школой, а не постояннымъ, безконечнымъ наказаніемъ, которое можетъ только вынудить къ новымъ порокамъ и болѣе сильнымъ заблужденіямъ.

Обращаясь къ настоящему случаю, мы должны отдать справедливость и признать въ покойномъ и силу характера и запасъ нравственныхъ силъ; то, что каждому изъ насъ достается такъ легко, а именно, каждый изъ насъ безъ труда сохраняетъ и спокойствіе мысли и спокойствіе въ дѣятельности и покорность судьбѣ, потому что судьба не гнететъ, — все это, говоримъ, для молодого человѣка въ положеніи Гольцъ-Миллера могло быть результатомъ силы воли, болѣе чѣмъ обыкновенной; а сила воли, достающаяся намъ, прочимъ, даромъ, въ его обстоятельствахъ покупается дорогою цѣною: сдерживая въ себѣ вражду къ другимъ, человѣкъ терзаетъ, такъ сказать, себя и за торжество моральныхъ силъ платитъ силами своего организма. Мы могли бы привести отзывы о покойномъ, какъ добромъ и честномъ человѣкѣ, со стороны друзей послѣдняго его времени, и что̀ болѣе важно, свидѣтельство нѣжной любви старика-отца къ сыну, — но для характеристики Гольцъ-Миллера мы имѣемъ въ распоряженіи одну цифру и одинъ фактъ, которые нельзя заподозрить ни въ чувствѣ родства, ни въ чувствѣ дружбы. Послѣ 10-ти лѣтъ трудовой и вмѣстѣ скромной жизни, но проведенной при самыхъ неблагопріятныхъ для труда обстоятельствахъ, покойный, пишутъ намъ, все же оставилъ 400 руб. долгу: неширокая, конечно, была та жизнь, отъ которой остался такой дефицитъ, какъ бы развѣ для доказательства того, что находились люди, которые считали его достойнымъ матеріальной поддержки и вѣрили его честности. Фактомъ же, рисующимъ внутреннюю жизнь покойнаго, служитъ его стихотвореніе: „Мой домъ", которое онъ набросалъ, когда ему пришлось вдругъ переѣхать изъ Орла въ Курскъ:

И не великъ, и не богатъ,
    И непригожъ мой домъ,
И только нашъ братъ, демократъ,
    Жить ухитрится въ немъ.

Два стула, столъ, комодъ, диванъ,
    Надломанный чуть-чуть,

И заслуженный чемоданъ,
Всегда готовый въ путь —

Вотъ все, что домъ вмѣщаетъ мой,
И больше — для того,
Кто носитъ все свое съ собой,
Не надо ничего.

Но хоть въ желаньяхъ скроменъ я
И къ малому привыкъ,
Все-жъ роскошь есть и у меня —
Есть двѣ-три полки книгъ.

Два тома древнихъ мудрецовъ —
Платонъ, Аристотéль —
И страхъ вселяющій въ глупцовъ,
Великій Макьявель.

Есть Контъ и Бокль, есть Риттеръ, Риль,
Сыны иныхъ временъ —
Старикъ Бентамъ, Джонъ Стюартъ Милль,
И Пьеръ-Жозефъ Прудонъ,

И Адамъ Смитъ, а рядомъ съ нимъ
Воинственный Лассаль:
Немного ихъ, но какъ съ роднымъ
Разстаться съ каждымъ жаль!

Какъ жадный скряга — свой металлъ,
Свой гербъ — аристократъ,
Свою доктрину — либералъ,
Такъ я храню свой кладъ;

Тотъ чудный кладъ, что́ мнѣ даетъ
Нерѣдко столько силъ,
Что́ противъ всѣхъ лихихъ невзгодъ
Мнѣ сердце закалилъ.

Привѣтъ же вамъ сердечный мой,
Наставники-друзья!
Вы всѣ мои, куда-бъ судьбой
Заброшенъ ни былъ я;

Вы всѣ мои, вездѣ, всегда,
Вы — тотъ великій кладъ,
Съ которымъ рокъ мой, ни нужда,
Меня не разлучатъ.

Вы дали мнѣ — чего другой
Никто не въ силахъ дать:
Даръ насмѣхаться надъ бѣдой
И мужество — страдать!

Зачѣмъ же „страдать“, молодой человѣкъ? — скажетъ всякій поэту; вашими Платонами, Аристотелями, Боклями и Лассалями окружена

добрая часть западной молодежи и притомъ въ оригиналѣ, но никому тамъ и въ голову не придетъ, что творенія упомянутыхъ авторовъ предназначены для „закаленія сердца“, и для пріобрѣтенія „мужества страдать“. Замѣчаніе вѣрное; юноша, очевидно, на ложной дорогѣ; онъ утратилъ то простое и ясное отношеніе къ научнымъ идеямъ, которое для каждаго изъ насъ такъ естественно; онъ ищетъ въ книгахъ, въ твореніяхъ великихъ умовъ, вовсе не то, что они на самомъ дѣлѣ предлагаютъ; однимъ словомъ, онъ экзальтированъ, и мысль его никакъ не можетъ сойти съ ложной дороги. Но въ виду такого факта, намъ интересенъ не столько самый фактъ, сколько вопросъ: какъ онъ попалъ на такую дорогу? Одна обстоятельная, подробная и откровенная его біографія могла бы намъ объяснить, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ скрывается корень зла, чѣмъ это зло насаждено, и отчего оно находитъ для себя пищу. Впрочемъ, и изъ немногихъ данныхъ, сообщенныхъ нами, можно придти къ одному справедливому заключенію: жизнь не должна за увлеченія молодости осуждать на дантовское—lasciate ogni speranza!

М. С.

ОПЕЧАТКИ.

Страи.	Строчка:	Напечатано:	Слѣд.:
6	13	бодрая	добрая
95	6	Ему	Его

М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

въ Русскаго Историческаго Общества. Томъ мой. Спб. 1871. Стр. 612. Ц. 3 руб.

орическія свѣдѣнія о Екатерининской комдля сочиненія проекта Новаго Уложенія были изданіемъ въ четвертомъ томѣ Сбори теперь, послѣ нѣкотораго перерыва V и VI, продолжаются въ осьмомъ томѣ VII выйдеть позже). Первая часть была ена обсужденіямъ законовъ о правахъ тва; въ нынѣшней разсуждають о закоограждающихъ интересы купеческаго со- торговлѣ. Въ депутатахъ отъ купечества емъ изучать прототипъ нашего протекціо во всей его чистотѣ; роль иностранцевъ и тогда наши же крестьяне, которымъ тво хотѣло запретить всякое отношеніе упателю, помимо купца. Они видѣли въ ой и непосредственной продажѣ крестья продуктовъ своего поля опасную конкурсебѣ и подрывъ интересамъ отечественной и. Но не ограничиваясь экономическимъ мъ, купеческіе депутаты домогались также окупать людей для работы. Въ этомъ же ы находимъ въ приложеніяхъ особыя нѣкоторыхъ депутатовъ и весьма любодепутатскіе наказы (cahiers) отъ дворянъ кой губерніи. Въ нихъ видны часто одни узкіе ые интересы въ ущербъ общимъ интередаже нравственности; требуется, наприм. ствовать у правительства возстановленія и экзекуцій—«а увѣщеванія не повелѣ- детъ отмѣнить для того, что подлый на- ученъ и не знающій закона, и отъ увѣ- истины не объявитъ; отъ чего умножилось злодѣевъ, а повелѣно бы было по преж- взыскивать». Такимъ образомъ, правитель- ыло тогда неизмѣримо выше сословныхъ овъ, и этимъ объясняется многое въ даль- нашей исторіи.

ый священникъ Александръ Васильевичъ илевскій. Подробн. біографич. очеркъ. авилъ *С-овъ*. Спб. 1871. Стр. 350. Ц. 50 к.

редѣ нашего духовенства о. Гумилевскій не только почетное, но и исключитель- о. Вся дѣятельность его была посвящена сдѣлать изъ церковнаго прихода живой ъ, гдѣ одинъ былъ бы всегда готовъ по- на помощь другому, ближнему въ полмыслѣ этого слова. Результатомъ его усиудовъ было основаніе Христорождественатства въ приходѣ церкви, того же имени, ахъ, въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ нас- Цѣль братства была «посредствомъ мааго призрѣнія, пріученія къ честному труду, религіозно-нравственнаго воспитанія неимущихъ — содѣйствовать возвращенію меньшей братьи Христовой на путь честной христіанской жизни». Такимъ образомъ, при помощи братства о. Александръ устроилъ больницу, богадельню, пріютъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, братскіе обѣды, братскій хоръ, братскую общину сестеръ. Затѣмъ, мы видимъ, что въ 1865 г. о. Александръ принужденъ оставить свою общину и переселиться въ Нарву. Въ 1867 г. онъ возвратился въ Петербургъ, но не въ свой прежній приходъ, а въ церковь при Обуховской женской больницѣ; на этомъ посту онъ и умеръ въ 1869 г., 38-ми лѣтъ отъ роду. Надъ гробомъ его одинъ изъ нашихъ ученыхъ богослововъ сказалъ: «меня страшитъ судьба нашихъ общественныхъ дѣятелей въ христіанскомъ духѣ...»; а въ одномъ духовномъ журналѣ, по поводу его смерти замѣчено, что покойному «недоставало умѣнья жить и сообразоваться съ обстоятельствами». Но именно это-то неумѣнье жить и сообразоваться съ обстоятельствами составило всю завидную славу покойнаго, такъ что его враги были вынуждены пожелать (послѣ его смерти), «чтобы хоть сотая часть нашихъ священниковъ была похожа, по прекраснымъ качествамъ, на отца Александра». Но зачѣмъ же такъ дурно цѣнить такихъ людей при жизни?

Замѣтки въ поѣздку во Францію, Италію, Бельгію и Голландію. *П. И. Тарасенко-Отрышковъ.* Спб. 1871. Стр. 503. Ц. 2 руб.

Авторъ, проживъ за-границею весь 1870-й годъ, издалъ теперь свои замѣтки. На его долю досталось интересное время, особенно во Франціи; но его замѣтки слишкомъ поверхностны, чтобы дать какое-нибудь понятіе о характерѣ міровыхъ событій, и изложены безъ всякаго разбора, какъ складывается ломаная мебель на чердакѣ. Бесѣды автора съ извощиками, выдержки изъ газетъ, рѣчи въ палатѣ, цѣлыя страницы термометрическихъ таблицъ—плодъ личныхъ наблюденій автора надъ погодою въ Парижѣ, не интересныхъ ни для насъ, ни для Пулковской обсерваторіи и т. д., все это скомкано вмѣстѣ и брошено на бумагу. Небрежность общей редакціи этихъ замѣтокъ отразилась и на ихъ языкѣ темномъ, сбивчивомъ и не безукоризненномъ даже въ отношеніи грамматики, напримѣръ: «бѣдствія, сопутствующія всякій переворотъ». Всякому литературному труду сопутствуютъ бѣдствія, если пишущій не имѣетъ къ нему достаточной подготовки и нѣкоторой доли таланта. А какимъ образомъ авторъ «въѣхалъ во. Францію чрезъ Крейц(е)нахъ, Эмсъ и Гельдельбергъ» (вѣроятно Гейдельбергъ);—это уже совершенно непонятно для знающихъ сколько нибудь относительное положеніе этихъ трехъ городовъ.

ИЗДАНІЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ВЪ **1872**-МЪ ГОДУ

на тѣхъ же условіяхъ:

1.—*ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**; 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — **15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.**, въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною ошибокъ [illegible]. Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая [illegible] для помѣтки выдачи.

б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются [illegible] подписною въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. [illegible] щіе же получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) **Иногородные подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ* — исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда [illegible] губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, куда можно прямо адрессовать журналъ [illegible] куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) **Иностранные подписчики**: 1) *по почтѣ* — прямо въ Редакцію, какъ и [illegible] 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору для [illegible] подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германія* — [illegible] *Бельгія*, *Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція* и [illegible] — 20 руб.; *Англія*, *Швеція*, *Испанія*, *Португалія*, *Турція* и *Греція* — 21 руб.; [illegible] *нарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно [illegible] книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, [illegible] шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки [illegible] сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для [illegible] иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ [illegible] токъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика [illegible] бой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе [illegible] поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью [illegible] редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ [illegible] адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ [illegible] для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать [illegible] нято отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ [illegible] ные, прилагаютъ 1 р. 50 к. а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, [illegible] мо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой [illegible] ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ [illegible] зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно [illegible] Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта [illegible]

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго [illegible] мера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить [illegible]

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.